

Цао Сюэцинь

СОН
В КРАСНОМ
ТЕРЕМЕ

Annotation

«Сон в красном тереме» – самый знаменитый и крупнейший китайский роман. Цао Сюэцинь (1724 – 1764) создал захватывающую сагу о трех поколениях большой аристократической семьи. Она возвышается, когда император берет в наложницы одну из девушек рода Цзя. Главный герой Цзя Баоюй с юных лет купается в роскоши, ему доступны все земные блага. Роман насыщен любовью, многочисленные герои связаны между собой чувственными отношениями, которым сопутствуют ревность и интриги. Сложная структура этого замечательного произведения, психологическая мотивированность поступков его героев, органически входящие в ткань повествования стихи – все это составляет убедительные достоинства «Сна в красном тереме» – признанного шедевра не только китайской, но и мировой литературы.

- [Цао Сюэцинь](#)
  - [Гл. XLI – LXXX](#)
    - [Глава сорок первая](#)
    - [Глава сорок вторая](#)
    - [Глава сорок третья](#)
    - [Глава сорок четвертая](#)
    - [Глава сорок пятая](#)
    - [Глава сорок шестая](#)
    - [Глава сорок седьмая](#)
    - [Глава сорок восьмая](#)
    - [Глава сорок девятая](#)
    - [Глава пятидесятая](#)
    - [Глава пятьдесят первая](#)
    - [Глава пятьдесят вторая](#)
    - [Глава пятьдесят третья](#)
    - [Глава пятьдесят четвертая](#)
    - [Глава пятьдесят пятая](#)
    - [Глава пятьдесят шестая](#)
    - [Глава пятьдесят седьмая](#)
    - [Глава пятьдесят восьмая](#)
    - [Глава пятьдесят девятая](#)
    - [Глава шестидесятая](#)

- [Глава шестьдесят первая](#)
- [Глава шестьдесят вторая](#)
- [Глава шестьдесят третья](#)
- [Глава шестьдесят четвертая](#)
- [Глава шестьдесят пятая](#)
- [Глава шестьдесят шестая](#)
- [Глава шестьдесят седьмая](#)
- [Глава шестьдесят восьмая](#)
- [Глава шестьдесят девятая](#)
- [Глава семидесятая](#)
- [Глава семьдесят первая](#)
- [Глава семьдесят вторая](#)
- [Глава семьдесят третья](#)
- [Глава семьдесят четвертая](#)
- [Глава семьдесят пятая](#)
- [Глава семьдесят шестая](#)
- [Глава семьдесят седьмая](#)
- [Глава семьдесят восьмая](#)
- [Глава семьдесят девятая](#)
- [Глава восьмидесятая](#)
- [Иллюстрации](#)
  - [Ван Сифэн \(Фэнцзе\)](#)
  - [Лю Сянлянь](#)
  - [Сюэ Баочай](#)
  - [Сюэ Кэ](#)
  - [Цзя Жун](#)
  - [Цзя Цян](#)
  - [Цзя Юнь](#)
  - [Ю Саньцзе](#)
  - [Бэйцзинский ван](#)
  - [Сон Чжэнь Баоюя](#)
  - [Цинвэнь](#)
  - [Пэйфэн](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)

- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)

- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)

- [240](#)
  - [241](#)
  - [242](#)
  - [243](#)
  - [244](#)
  - [245](#)
  - [246](#)
  - [247](#)
  - [248](#)
  - [249](#)
  - [250](#)
  - [251](#)
  - [252](#)
  - [253](#)
  - [*](#)
-

Цао Сюэцинь

Сон в красном тереме

Гл. XLI – LXXX

Глава сорок первая

Баоюй пробует чай в кумирне Бирюзовой решетки;

старуха Лю, захмелев, засыпает во дворе Наслаждения пурпуром

Итак, старуха Лю нарисовала в воздухе тыкву и сказала:

– Где цветы опали, появилась завязь – там созреет тыква.

Все расхохотались. А старуха Лю отпила еще вина и совсем разошлась.

– Говоря по правде, – заявила она, – руки и ноги у меня давно огрубели, непослушными стали, а сейчас я еще и выпила. Того и гляди, уроню чашку! А она фарфоровая! Была бы деревянная, тогда дело другое!

Снова все рассмеялись, а Фэнцзе с улыбкой произнесла:

– Если хотите, я велю принести деревянные кубки. Но их у нас целый набор, так что придется вам пить из всех подряд! Согласны?

«Вот те на! – подумала старуха, – Мне и в голову не могло прийти, что у них есть деревянные кубки! Ведь сказала я шутки ради! Бывала же я в гостях у наших деревенских богачей и золотые кубки и серебряные видала, но чтобы деревянные – ни разу. Это они надо мной потешаются. Хотят деревянные чашечки для детей выдать за кубки. Чтобы меня напоить! Ну и пусть, вино сладкое, словно мед, выпью побольше – ничего не случится!» И старуха сказала:

– Ладно, несите – там видно будет.

Фэнцзе приказала Фэнъэр:

– Принеси десять кубков из корня бамбука, они в передней на книжной полке стоят.

Фэнъэр уже собралась идти, но Юаньян с улыбкой обратилась к Фэнцзе:

– Те кубки, пожалуй, малы, да и недостаточно хороши. Ведь ты говорила о деревянных. Вели-ка лучше подать кубки из корня самшита, и пусть бабушка Лю из каждого выпьет.

– Прекрасная мысль! – вскричала Фэнцзе.

Принесли самшитовые кубки. Такие огромные, что старуха Лю испугалась. Самый большой был, пожалуй, с глубокий таз, а самый

маленький вдвое больше того, который она держала в руке. Зато тонкая гравировка и чудесная резьба на кубках с изображением гор, рек, деревьев, людей и животных привели старуху в восторг. На каждом были надписи, выполненные скорописью, и личные печати мастеров.

– Дайте мне тот, что поменьше! – воскликнула старуха.

– Из этих кубков никто не решается пить, – сказала Фэнцзе. – Чересчур велики. Но раз уж вы, бабушка, заставили их искать, пейте из всех подряд, отказываться нечестно!

– Пощадите! – взмолилась старуха. – Не могу я так много пить!

Матушка Цзя, тетушка Сюэ и госпожа Ван вступились за Лю и сказали:

– Пошутили, и хватит! Нельзя бабушке столько нить. Вполне достаточно одного кубка.

– Амиитаба! – вскричала Лю. – Который поменьше, я здесь выпью. А большой домой унесу. Попробую поучиться из него пить.

Все так и покатались со смеху.

Между тем Юаньян наполнила большой кубок и поднесла Лю, та приняла его обеими руками и стала пить.

– Не торопись, а то поперхнешься, – сказали матушка Цзя и тетушка Сюэ, после чего тетушка Сюэ велела Фэнцзе подать старухе закуску.

– Чего бы вы пожелали съесть, бабушка Лю? – спросила Фэнцзе у гостыи.

– Да разве я знаю все ваши кушанья? – всплеснула руками старуха. – Что ни дадите – все хорошо!

– Дай ей баклажаны с вяленным мясом, – предложила матушка Цзя.

Фэнцзе палочками подцепила кусочек баклажана, положила прямо в рот старухе и сказала:

– Вы каждый день едите баклажаны, а теперь попробуйте, вкусно ли их готовят у нас.

– Да разве это баклажаны? – засмеялась Лю. – Вы просто обманываете меня! Будь баклажаны такими вкусными, мы не стали бы сеять хлеб, а сажали одни баклажаны!

– Но это в самом деле баклажаны! – заговорили другие. – Вас никто не обманывает.

– Неужели? – удивилась старуха. – Можно мне еще, госпожа? А то я не распробовала.

Фэнцзе взяла еще кусочек и снова положила в рот старухе. Та долго жевала, причмокивала и наконец с улыбкой сказала:

– То ли баклажан, то ли нет – не поймешь. Расскажите, как его готовят

– может, и у меня так получится?

– О, это совсем нетрудно! – со смехом воскликнула Фэнцзе. – Надо взять свежий, прямо с грядки, баклажан, снять с него кожуру, мелко накрошить и поджарить на курином сале; потом взять сушеное куриное мясо, добавить к нему грибы могу, шампиньоны, молодые ростки бамбука, соевый творог с разными пряностями и сухие фрукты; все это тоже мелко накрошить и сварить в курином бульоне. После этого сложить в фарфоровый кувшин, залить кунжутным и соевым маслом и плотно закрыть. Л когда захочется, взять сколько надо и есть с жареной курицей и тыквенными семечками.

– Бог ты мой! – воскликнула старуха, покачала головой и даже язык высунула. – Сколько же надо извести кур на это кушанье! Не мудрено, что так вкусно!

Она неторопливо допила вино и стала осторожно вертеть в руках кубок.

– Выпейте еще, по крайней мере развеселитесь как следует, – сказала Фэнцзе.

– Нет, нет! Я тогда совсем опьянею! – запротестовала гостя. – А кубок верчу в руках просто потому, что он мне очень нравится!

– Вот вы пьете вино из деревянного кубка, – сказала Юаньян, – а знаете, что это за дерево?

– Я-то знаю, – ответила старуха, – а вам откуда знать, барышня! Ведь вы живете в роскошном дворце, в расписных покоях! Это мы все время проводим среди деревьев: и спим под ними, наработавшись, и отдыхаем, когда устанем. А в голодные годы древесную кору едим; мы все время видим деревья, слышим их шум, говорим о них. Потому я и могу отличить настоящее от поддельного! – Старуха долго разглядывала кубок, потом заявила: – Богатые не держат у себя дешевых вещей, особенно деревянных, ведь дерево очень просто достать. Поэтому кубок этот, я думаю, сделан не из тополя, а из желтой сосны!

Комната, казалось, задрожала от хохота. Тут на пороге появилась служанка и обратилась к матушке Цзя со словами:

– Девочки-актрисы ждут в павильоне Благоухающего лотоса. Они спрашивают, начинать представление сейчас или немного погодя?

– А я-то совсем забыла о них! – воскликнула матушка Цзя. – Передай, пусть начинают сейчас!

– Слушаюсь! – ответила служанка и удалилась.

Вскоре донеслись звуки флейты, потом к ней присоединилась свирель. Дул слабый ветерок, воздух был чист и прозрачен, музыка радовала слух,

наполняла душу неизъяснимым блаженством. Баоюй поднялся, налил себе кубок вина, залпом осушил, опять наполнил, но тут госпожа Ван тоже изъявила желание выпить. Тогда Баоюй велел служанкам принести подогретого вина, а свой кубок поднес матери прямо к губам.

Вскоре служанки принесли вино, и Баоюй вернулся на свое место. Госпожа Ван встала, приняла чайник из рук служанок. Следом за ней поднялись тетушка Сюэ и остальные. Матушка Цзя велела Ли Вань и Фэнцзе взять у госпожи Ван чайник, сказав при этом:

– Пусть тетушка сядет, а то как-то неловко.

Госпожа Ван отдала чайник Фэнцзе, а сама снова села.

– Пусть все выпьют еще по два кубка, – распорядилась матушка Цзя. – Веселиться так веселиться!

С этими словами она поднесла свой кубок тетушке Сюэ, а затем обратилась к Сяньюнь и Баочай:

– Вы тоже выпейте по кубку! И ваша сестрица Дайюй пусть выпьет, не будем ее сегодня щадить!

Матушка Цзя осушила свой кубок, вслед за нею выпили Сяньюнь, Баочай и Дайюй.

Старуха Лю изрядно захмелела и, как только заиграла музыка, принялась размахивать руками и притопывать. Баоюй подошел к Дайюй и шепнул:

– Погляди-ка на бабушку Лю!..

– Когда-то при звуках священной музыки^[1] все звери пускались в пляс, а сейчас пляшет одна корова! – усмехнулась в ответ Дайюй.

Вскоре музыка смолкла, и тетушка Сюэ с улыбкой сказала:

– Хватит, пожалуй, пить. Давайте прогуляемся.

Матушка Цзя охотно согласилась, и все отправились гулять.

Разговоры со старухой Лю забавляли матушку Цзя. Она взяла ее под руку и повела к искусственным горкам, рассказывая о встречавшихся по пути деревьях, цветах, камнях. Старуха Лю внимательно слушала и все старалась запомнить.

– Вот уж не думала, что в городе не только почтенные и благородные люди живут, но и птицы, – говорила старуха. – А что птица говорить может, как та, что в клетке у вас сидит, такое мне и в голову не приходило!

– Каких птиц ты имеешь в виду? – спросили старуху.

– Зеленого попугая с красным клювом в золотой клетке, – ответила старуха. – Того, что на террасе, – я хорошо его запомнила. И еще старого черного дрозда – он ведь тоже разговаривает!

Каждое слово старухи вызывало взрыв хохота.

Появились служанки и доложили, что подано сладкое.

– Мне совсем не хочется есть, – сказала матушка Цзя. – Принесите сюда – кто захочет, поест.

Служанки принесли два столика и два короба с яствами. В одном коробе были приготовленные на пару сахарные пирожные с молотыми зернами лотоса и коричневыми цветами и хворост из мякоти тыквы на гусином жиру. В другом коробе – сваренные в масле, крохотные, величиной в цунь, пельмени и запеченные в тесте фрукты.

– Какая начинка в пельменях? – осведомилась матушка Цзя.

– Из крабов, – ответили ей.

– Кто же сейчас станет есть жирное? – сердито спросила матушка Цзя.

Фрукты, запеченные в тесте, матушке Цзя тоже не понравились, и она предложила отведать их тетушке Сюэ. Сама же она взяла немного хвороста, откусила кусочек и отдала служанкам. Зато старуха Лю, приметив, что в тесте запечены самые отборные фрукты и что все они самой причудливой формы, выбрала кусочек, похожий на пион, и с улыбкой произнесла:

– Наши деревенские и из бумаги такое не вырежут! Просто жалко их есть! Можно, я с собой возьму, чтобы показать дома?

– Я дам тебе целый короб, – успокоила ее матушка Цзя, – а сейчас ешь, пока горячие!

Ничего подобного старуха Лю не то что не ела, но даже не видела. И все так вкусно, так красиво на блюде разложено! Она ела и ела, пока не опустела половина блюда. Все, что осталось, Фэнцзе велела отнести девочкам-актрисам.

Пришла кормилица с Дацзе на руках. Все стали с ней забавляться. Девочка играла с большим помело-ном, который держала в руках, но, заметив у Баньэра цитрус «рука Будды», потянулась за ним. Как ни старались служанки ее отвлечь, малышка плакала и требовала цитрус. Тогда у нее отняли помелон, отдали Баньэру, а у него попросили цитрус. Баньэру уже надоел цитрус, и он охотно отдал его в обмен на помелон, такой спелый и ароматный. Им можно было играть как мячом, даже подбивать ногой.

Между тем матушка Цзя успела выпить чаю и вместе со старухой Лю направилась к кумирне Бирюзовой решетки. У ворот их встретила Мяоюй и повела во двор, где было много цветов и деревьев.

– Да, – покачала головой матушка Цзя, – этим проповедникам совсем нечего делать, вот они и следят за порядком! Недаром здесь так красиво!

Мяоюй пригласила матушку Цзя в восточный зал для

жертвоприношений, но та отказалась.

– Мы только что ели скромное, – проговорила она, – поэтому грешно входить в храм самого Будды. Посидим лучше здесь, выпьем чаю.

Баюй между тем не сводил глаз с Мяюй. Он видел, как монахиня собственноручно поднесла матушке Цзя черный лакированный поднос в форме цветка бегонии, на подносе золотом был нарисован дракон в облаках, дарующий долголетие, и стояла закрытая белой крышечкой чайная чашечка из фарфора Чэнхуа^[2], разрисованная цветами.

– Я не пью чай из Люаня^[3], – предупредила матушка Цзя.

– Знаю, – ответила Мяюй. – Это совсем другой, он называется «Брови почтенного старца».

– А воду для него где брали? – поинтересовалась матушка Цзя.

– Вода дождевая. Я храню ее с прошлого года, – ответила Мяюй.

Матушка Цзя отпила немного и передала чашку старухе Лю.

– Ну-ка отведай!

Старуха единым духом выпила чай и с улыбкой сказала:

– Чай хороший, но слабоват – покрепче надо заваривать!

Остальные тоже пили чай из таких же чашек.

Мяюй между тем поднялась, незаметно дернула за рукав Баочай и Дайюй, и те вышли следом за нею. Баюй украдкой пошел за девушками. Мяюй провела сестер к себе в комнату, усадила Баочай на тахту, а Дайюй на круглую тростниковую подушечку, на которой обычно сидела сама, вскипятила чай.

– Решили выпить своего чаю! – воскликнул Баюй, входя в комнату.

– А ты почуял, что здесь собираются пить? – засмеялись девушки. – Но для тебя вряд ли что-нибудь найдется.

Мяюй хотела подать еще одну чашку, но в этот момент на пороге появилась монахиня с чашкой в руках. Мяюй знаком остановила ее. Баюй сразу понял, в чем дело. Из этой чашки пила старуха Лю, и Мяюй считала ее оскверненной. Мяюй принесла еще две чашки. На одной, той, что с ушком, было написано уставным почерком: «Бокал тыква-горлянка», а затем «Драгоценность Ван Кая»^[4] и уже совсем мелкими иероглифами: «В четвертом месяце пятого года Юаньфэн^[5] сию чашку обнаружил в императорской библиотеке Су Ши из Мэйшаня».

Наполнив чашку чаем, Мяюй подала ее Баочай.

На второй чашке, похожей на буддийскую натру, только немного поменьше, было написано стилем «чжуань»^[6]: «Чаша взаимопонимания». Мяюй налила в нее чай для Дайюй, а ковшик из зеленой яшмы, из

которого обычно пила сама, поднесла Баоюю.

– Говорят, мирские законы равны для всех, – с улыбкой произнес Баоюй. – Почему тогда им дали старинные чашки, а мне – грубую посудину?

– Ты называешь это грубой посудиною? – удивилась Мяоюй. – А я вот уверена, что в вашем доме такой не найдется!

– Пословица гласит: «Попадешь в чужую страну—соблюдай ее обычаи», – снова улыбнулся Баоюй. – Раз уж я здесь, придется, пожалуй, и драгоценную посуду считать простой, будь она даже из золота, жемчуга или яшмы!

– Вот и хорошо! – обрадовалась Мяоюй.

Она сняла с полки чашу с изображением дракона, свернувшегося девятью кольцами, десятью изгибами и ста двадцатью коленцами, и с улыбкой проговорила:

– У меня осталась свободной только эта чашка. Выпьешь, если я налью?

– Конечно! – радостно вскричал Баоюй.

– Ты выпьешь, я знаю, только нечего зря изводить такой прекрасный чай! – сказала Мяоюй. – Слышал пословицу? «Знающий приличия пьет одну чашку, утоляющий жажду глупец – две, осел, не знающий меры, – три». Кто же ты, если собираешься выпить целое море?

Мяоюй налила столько, сколько вмещала обычная чашка, и подала Баоюю. Баоюй отпил глоток, ощутил тонкий, ни с чем не сравнимый аромат и вкус чая и не смог сдержать возглас восхищения.

– Скажи сестрам спасибо, – промолвила Мяоюй. – Тебя одного я не стала бы угощать этим чаем.

– Знаю, – улыбнулся Баоюй. – Выходит, вас благодарить не за что.

– Совершенно верно, – кивнула Мяоюй.

– Этот чай тоже заварен на прошлогодней дождевой воде? – спросила Дайюй.

– Ты девушка знатная, благовоспитанная, а не можешь разобрать, на какой воде заварен чай?! – с укоризной произнесла Мяоюй, покачав головой. – Это вода из снега, который я собрала с цветов сливы пять лет назад в кумирне Паньсянь, когда жила в Сюаньму. Я набрала ее в кувшин, кувшин закопала в землю и до нынешнего лета не открывала, берегла воду. Сейчас я только второй раз заварила на ней чай. А дождевая вода уже через год не будет такой чистой и свежей! Как же ее пить?

Баочай знала, что Мяоюй нелюдима и не любит, когда гости засиживаются. Поэтому, допив чай, она сделала знак Дайюй, и девушки

вышли.

Баоюй между тем сказал Мяоюй:

– Я сразу понял, что ту чашку вы считаете оскверненной, но с какой стати такая драгоценная вещь должна без пользы стоять? Уж лучше отдать ее бедной женщине, которая пила из нее чай. Пусть продаст – глядишь, хватит на несколько дней, чтобы прокормиться. Согласны?

– Что ж, ладно, – немного подумав, кивнула головой Мяоюй. – К счастью, сама я из той чашки никогда не пила, а если бы пила, предпочла бы ее разбить, чем кому-то отдать. Но я не против, можешь подарить эту чашку старухе, только забери ее побыстрее!

– Вот и прекрасно! – обрадовался Баоюй. – Я сам отдам чашку старухе! Ведь даже разговор с ней может вас осквернить.

Мяоюй приказала монашкам отдать Баоюю чашку. Принимая ее, Баоюй улыбнулся:

– Я велю слугам после нашего ухода натаскать из реки несколько ведер воды и вымыть здесь пол.

– Неплохо, – усмехнулась Мяоюй. – Только предупреди их, когда принесут воду, чтобы поставили ее за воротами и не входили в кумирню.

– Ну, это само собой разумеется, – пообещал Баоюй, пряча чашку в рукав.

Он отдал чашку девочке-служанке матушки Цзя и наказал:

– Завтра, когда бабушка Лю соберется в дорогу, отдашь ей эту чашку.

Пока он разговаривал со служанкой, подошла матушка Цзя. Она устала и решила возвратиться домой. Мяоюй ее не удерживала и проводила до ворот.

Оставив госпожу Ван, Инчунь и сестер, а также тетушку Сюэ пить вино, матушка Цзя отправилась отдыхать в деревушку Благоухающего риса. Фэнцзе приказала подать небольшое бамбуковое кресло, усадила в него матушку Цзя. Служанки подняли кресло и понесли в деревушку Благоухающего риса, где жила Ли Вань. Следом шли Фэнцзе, Ли Вань и целая толпа служанок. Но о том, как отдыхала матушка Цзя, мы рассказывать не будем.

Тем временем тетушка Сюэ распрощалась и ушла домой. Госпожа Ван отпустила девочек-актрис, отослала служанкам остатки яств, а сама прилегла на тахту, велела девочке-служанке опустить занавески на окнах и растереть ей ноги.

– Если старая госпожа что-нибудь прикажет, немедленно скажи мне, – наказала она и, едва опустившись на подушку, уснула.

Служанки тем временем расставили подносы с кушаньями и сели передохнуть: кто на камне, кто на траве, кто под деревом, кто у ручья. Они оживленно беседовали между собой, когда пришла Юаньян и объявила, что собирается погулять со старухой Лю. Все отправились следом за ними, чтобы развлечься и посмеяться.

Когда дошли до павильона Свидания с родными, старуха Лю с возгласом «какой большой храм» упала на колени и под общий смех принялась отбивать поклоны.

– Чего смеетесь? – с недоумением спросила Лю. – Я все иероглифы знаю, которые написаны на доске перед входом! У нас в деревне храмов много, и на каждой такая же доска. На ней написано название храма.

– А это что за храм, знаешь? – спросили старуху.

– Это Драгоценные палаты Яшмового владыки, верно? – ответила старуха, указывая пальцем на надпись.

Все захлопали от восторга в ладоши, продолжая потешаться над старухой. Вдруг Лю дернула за руку служанку, попросила бумаги и стала торопливо поднимать юбку.

– Здесь нельзя! – закричали ей и велели служанке отвести старуху в отхожее место. Служанка отвела старуху в северо-восточный угол сада, а сама улизнула.

Надо сказать, что старуха и так была непривычна к вину, а тут ещехватила лишнего, объелась всякими жирными кушаньями и выпила несколько чашек чая. Не мудрено поэтому, что ее пронесло. Она долго сидела в отхожем месте на холодном ветру, а когда наконец поднялась, перед глазами все поплыло, голова закружилась, и она не знала, куда идти. Огляделась – всюду деревья, скалы, искусственные горки, башни, террасы, домики, дорожки и тропинки, а куда они ведут – неизвестно. Старуха пошла наугад по вымощенной камнем дорожке, которая привела ее к какому-то дому. Она никак не могла найти дверь и лишь после долгих поисков вдруг увидела длинную бамбуковую изгородь.

«Здесь, как и у нас, есть решетки, по которым вьется горох...» – подумала старуха.

Она побрела вдоль изгороди, очутилась перед аркой, пошла дальше и увидела пруд. Его берега были одеты каменными плитами шириною в семь-восемь чи. Над чистой голубовато-зеленой водой белел небольшой каменный мостик. Старуха перешла его и продолжала путь по вымощенной камнем аллее. В конце аллеи были ворота, старуха вошла в них и вдруг заметила, что навстречу ей направляется улыбающаяся девочка.

Старуха радостно бросилась к ней и сказала:

– Барышни меня потеряли, и я заблудилась. Не знаю, как выйти отсюда...

Девочка ничего не ответила. Старуха к ней подскочила и хотела дернуть за рукав, но налетела на стену и расшибла лоб. Придя в себя, старуха повнимательней присмотрелась – перед ней была картина.

«Что это? – растерялась Лю. – Ведь совсем как живая» .

Она снова посмотрела и даже пощупала, и в самом деле картина. Старуха поохала, покачала головой, повернула обратно и только сейчас заметила вход, занавешенный шелковой шторой бледно-зеленого цвета с узорами. Откинув штору, старуха вошла в дом и огляделась. На стенах с тонкой резьбой – музыкальные инструменты, оружие, на полу, выложенном бирюзовыми изразцами, с узором из цветов – вазы, курильницы, фонари, обтянутые шелком. Глазам больно от блеска золота, жемчугов и изобилия красок.

Старуха хотела выйти, но не могла найти дверь. Слева – полка с книгами, справа – ширма. Долго искала Лю, прежде чем увидела дверь за ширмой. Подошла к ней, но тут заметила шедшую ей навстречу старуху. Уж не ее ли это мать, с удивлением подумала Лю и сказала:

– И ты здесь? Наверное, забеспокоилась, что меня дома нет, и заявила! Кто тебя привел?

В волосах старухи были цветы, Лю покачала головой и с улыбкой произнесла:

– Сразу видно, что не бывала ты на людях! Увидела цветы и понатыкала в волосы!

Старуха тоже улыбнулась, но ничего не ответила. Лю принялась стыдить мать, тыча ей пальцем в лицо. Мать тоже подняла руку, словно бы защищаясь. Так и стояли друг против друга две рассерженные старухи. Наконец Лю коснулась лица матери и в испуге отскочила – лицо было холодным как лед. Тут Лю осенило:

«Уж не зеркало ли это? Мне не раз приходилось слышать, что в богатых домах их много. А в зеркале – я сама».

Она опять потрогала свое изображение, внимательно пригляделась... Так и есть! Самое настоящее зеркало, вделанное в стену!

– Но как же отсюда выйти? – смеясь, задала себе вопрос Лю.

Она стала шарить руками по стенам и вдруг услышала какой-то щелчок. У Лю глаза полезли на лоб от страха. Но это оказалось всего-навсего устройство, с помощью которого зеркало уходило в стену, где была дверь. Сама того не подозревая, Лю на что-то нажала, и устройство сработало.

Испуг мгновенно сменился радостью. Дверь вела в комнату, где за атласным пологом стояла кровать. Захмелевшая и усталая, Лю обо всем забыла и плюхнулась прямо поверх одеяла.

«Немного отдохну», – сказала она сама себе, но тело перестало слушаться, глаза слипались, Лю повернулась на бок и крепко уснула.

Между тем Баньэр, потеряв бабушку, принялся плакать. Остальные смеялись, шутили:

– Уж не провалилась ли она в отхожее место! Надо пойти посмотреть!

Двум служанкам велено было отыскать Лю. Через некоторое время те возвратились и доложили, что бабушки Лю нигде нет.

Это вызвало беспокойство, а Сижэнь подумала:

«Она выпила лишнего и могла заблудиться. Если она пошла в сторону нашего внутреннего двора и через проход в решетке, увитой розами, попала в дом, девочки-служанки ее должны были видеть. Если же она свернула на юго-запад, то наверняка сбилась с пути. Пойду-ка погляжу».

И Сижэнь пошла во двор Наслаждения пурпуром. Там не было ни одной служанки: воспользовавшись тем, что хозяева отлучились, они разбрелись кто куда.

Сижэнь вошла в дом, обогнула ширму и вдруг услышала громкий храп. Она бросилась во внутреннюю комнату, и на нее пахло винным духом. Оглядевшись, Сижэнь увидела старуху Лю, которая, разметавшись, лежала на кровати Баоюя.

Девушка переполошилась и стала тормошить старуху.

Та наконец очнулась, вытаращила глаза и быстро поднялась.

– Барышня! – воскликнула она. – Вы уж меня простите!.. Я ничего не испачкала!..

Она провела несколько раз рукой по одеялу, словно стряхивая с него пыль. Но Сижэнь замахала на нее руками – она боялась, как бы Баоюй не расстроился, узнав о случившемся. Сижэнь подбежала к курильнице, положила в нее три пучка благовонных палочек, зажгла и закрыла курильницу крышкой. Хорошо еще, что старуху не стошнило. И Сижэнь уже спокойнее промолвила:

– Не волнуйтесь, я сама все сделаю. Пойдемте!

Она увела старуху в комнату для служанок, усадила и стала поучать:

– Скажете старой госпоже, что захмелели, сели на камень у подножия горки и задремали.

– Так и скажу, – пообещала старуха.

Сижэнь напоила Лю чаем, хмель понемногу стал проходить, и старуха спросила:

- В чьей спальне я была? Как там красиво! Словно в раю!
- В чьей спальне? – улыбнулась Сижэнь. – Господина Баоюя!

Старуха прямо-таки онемела от страха. Сижэнь отвела ее к остальным и сказала:

- Я ее нашла на лужайке.

Никто ни о чем не спрашивал, на том все и кончилось.

Как только проснулась матушка Цзя, отдохавшая в деревушке Благоухающего риса, подали ужин. Но матушка Цзя есть не стала, ей нездоровилось. Она села в небольшой, наподобие кресла, паланкин и отправилась домой. Девушки ее проводили и вернулись в сад.

Если вам интересно узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава сорок вторая

*Царевна Душистых трав благоуханными словами рассеивает
подозрения;*

Фея реки Сяосян утонченными шутками досказывает недосказанное

Итак, матушка Цзя вернулась к себе, ушла и госпожа Ван, а сестры сели ужинать.

Старуха Лю с внуком подошла к Фэнцзе и сказала:

– Завтра утром я должна возвратиться домой. За эти три дня я столько всего повидала и услышала, столько кушаний разных отведала, сколько за всю мою жизнь мне не пришлось. Теперь я знаю, что и сама госпожа, и все барышни, и их служанки жалеют бедных, заботятся о старых! Подарите мне немного благовоний, и каждый день я буду их возжигать и молиться Будде, чтобы послал вам долгую жизнь! Хоть этим я вас отблагодарю за все ваши милости!

– Не очень-то радуйся, – с улыбкой прервала ее Фэнцзе. – Ведь это из-за тебя старую госпожу продуло и она болеет. И Дацзе моя простудилась, жар у нее.

– Лет госпоже немало, и она быстро устает! – вздохнула старуха Лю.

– Зато как она веселилась вчера, – заметила Фэнцзе. – А то, бывало, придет в сад, погуляет немного и уходит. Ведь это ради тебя она устроила большое гулянье – чуть не весь сад обошла. Потом ты вдруг куда-то исчезла, и, пока я ходила тебя искать, госпожа Ван дала Дацзе пирожного, та съела его прямо на ветру и простудилась.

– Видно, доченька ваша не часто гуляет в саду, – проговорила старуха. – Не то что деревенские ребятишки. Стоит им вырваться из дому, глядишь, все кладбища за деревней обегут. Может, девочку и продуло, а может, это злой дух. Увидел, какая она чистенькая да красивая, и хворь на нее наслал. Заклинание над ней надо произнести, все и пройдет.

Фэнцзе тотчас же приказала Пиньэр принести «Записки из яшмовой шкатулки»^[7] и велела Цаймин читать.

Цаймин нашла нужную страницу и прочла:

«Кто заболает в двадцать пятый день восьмого месяца, к тому болезнь приходит с юго-востока, ее вызывает либо дух удавленницы, либо дух цветов. Надо сжечь жертвенные деньги, сорок бумажек, в сорока шагах к юго-востоку от того места, где находишься, и обретешь великое счастье».

– Так и есть! – вскричала Фэнцзе. – Ведь и у нас в саду есть дух цветов! Возможно, что и старая госпожа с ним повстречалась!

Фэнцзе распорядилась принести две пачки бумажных денег, сжечь их и произнести заклинания, спасающие от наваждения.

И в самом деле, прошло совсем немного времени, Дацзе перестала метаться и спокойно уснула.

– У тебя и вправду большой жизненный опыт! – восхищенно заметила Фэнцзе, обращаясь к старухе. – Наша Дацзе постоянно болеет, и мы не могли понять, в чем причина.

– Это бывает, – сказала старуха. – В богатых и знатных семьях дети изнеженные и чуть что – болеют. Девочка ваша хоть и мала, но надо поменьше ее баловать. Так будет лучше.

– Это ты верно говоришь, – согласилась Фэнцзе. – Кстати, у девочки до сих пор нет настоящего имени! Придумай ей имя на счастье, пусть проживет столько лет, сколько ты! Деревенские хоть и терпят лишения, а живут долго. И если моей дочке даст имя бедный человек, это отведет от нее злых духов!

Старуха задумалась, потом спросила с улыбкой:

– Позвольте узнать, в какой день ваша девочка родилась?

– В том-то и дело, что родилась она в несчастливый день, – ответила Фэнцзе, – седьмой день седьмого месяца^[8].

– Вот и хорошо – зовите ее Цяоцзе, «Удачей», – ответила старуха. – Знаете пословицу: «Клин клином вышибают»? Назовите ее так, госпожа, и, ручаюсь, у девочки будет долгая жизнь. Став взрослым, человек обзаводится семьей и должен уметь всякое несчастье превращать в счастье, а все это зависит от «цяо» – удачи.

Обрадованная Фэнцзе принялась благодарить старуху:

– Дай бог, чтобы предсказание твое сбылось!

Она позвала Пиньэр и приказала:

– Завтра у нас много дел, поэтому собери сейчас для бабушки Лю вещи, которые мы хотели ей подарить. А то можем не успеть.

– Не надо ничего, госпожа, – всполошилась старуха, – я и так доставила вам немало хлопот, мне даже неловко!

– Не волнуйся, я подарю тебе самые простые вещи, – сказала Фэнцзе. – Непременно возьми их с собой. Соседи посмотрят, и им

покажется, будто они сами в городе побывали.

В это время подошла Пинъэр и позвала старуху:

– Идите сюда, бабушка Лю, я покажу вам подарки.

Старуха поспешила за Пинъэр в соседнюю комнату и увидела на кане целую кучу всевозможных вещей.

Пинъэр брала их одну за другой, показывала старухе и поясняла:

– Вот кусок синего шелка, вы просили такой, а еще госпожа дарит на подкладку кусок белого шелка. Эти два куска на что угодно сгодятся – и на кофту, и на юбку. В этом свертке два куска шелкового полотна, из него получатся хорошие платья к Новому году. А вот пирожки с фруктовой начинкой. Вы их пробовали у нас, только не все. Как придете домой, позовите гостей, пусть отведают пирожков. Домашние все же лучше покупных. Мешки, в которых вы приносили нам овощи, мы наполнили рисом с императорских полей. Не в каждом доме есть такой рис. А вот здесь фрукты из нашего сада, свежие и сушеные. В этих двух свертках серебро, по пятьдесят лянов в каждом. Это от госпожи Ван. Она хочет, чтобы на эти деньги вы открыли торговлю или же приобрели несколько му^[9] земли и занялись собственным делом, а не просили о милости родных и друзей. И наконец, в этом пакете восемь лянов серебра от госпожи Фэнцзе.

Помолчав, Пинъэр с улыбкой добавила:

– А эти два халата и две юбки, четыре платка и моток шерстяных ниток от меня. Халаты и юбки я несколько раз надевала, если не хочется – не берите, уговаривать не посмею.

Старуха не переставала благодарить Будду, а когда дело дошло до скромных подарков Пинъэр, воскликнула:

– Что вы, барышня! Да разве побрезгую я такими вещами? Будь даже у меня деньги, ничего подобного я не смогла бы купить! Вот только не знаю, что делать. Взять – как-то нехорошо, не взять – вы обидитесь!

– Ладно, – засмеялась Пинъэр, – мы свои люди! Берите, не стесняйтесь, а нам в конце года принесете сушеных овощей, чечевицы, а еще тыквы и баклажаны, в общем, все, что найдется. Овощи у нас любят и хозяева и слуги.

Старуха слушала, поддакивала и благодарила за милость.

– А сейчас советую вам побыстрее лечь спать и ни о чем не беспокоиться, – сказала Пинъэр, – я все соберу и оставлю здесь. Утром слуги наймут повозку и без хлопот довезут вас до дому.

Старуха расчувствовалась и пошла благодарить Фэнцзе, а на ночлег отправилась отдыхать в дом матушки Цзя. Утром встала пораньше, чтобы

распрощаться и уйти, но матушке Цзя нездоровилось, и та велела послать за доктором.

– Доктор приехал, – вскоре доложила служанка.

Одна из мамок попросила матушку Цзя лечь на кровать и закрыться пологом.

– Стара я уже, чтобы прятаться, – возразила матушка Цзя. – И нечего опускать полог, пусть так осматривает.

Вошел доктор в сопровождении Цзя Чжэня, Цзя Ляня и Цзя Жуна. По главной лестнице доктор не посмел идти, обошел стороной и, следуя за Цзя Чжэнем, поднялся на террасу. Служанки подняли дверную занавеску, и доктор увидел вышедшего ему навстречу Баюя.

Матушка Цзя сидела на низенькой тахте, одетая в теплый халат, подбитый мехом барашка. Рядом стояли девочки-служанки, совсем еще маленькие, не отпускавшие волосы, держа в руках мухогонки и полоскательницы. Пожилые мамы расположились по обе стороны с опахалами в руках. Остальные служанки в разноцветных платьях и головных уборах стояли за пологом. Доктор, не смея поднять глаза, приблизился к матушке Цзя и осведомился о ее здоровье.

Матушка Цзя с головы до ног оглядела его и поняла, что перед ней придворный лекарь – на нем была форма чиновника шестого ранга.

Матушка Цзя в свою очередь приветствовала доктора, а затем обратилась к Цзя Чжэню:

– Как зовут господина придворного?

– Его фамилия Ван, – поспешил ответить Цзя Чжэнь.

– Когда-то служил при дворе доктор Ван Цзюньсяо, он очень точно определял болезни по пульсу, – заметила матушка Цзя.

– Это мой дядя, – со сдержанной улыбкой ответил доктор, слегка поклонившись.

– Вот как! – радостно воскликнула матушка Цзя. – Оказывается, мы с вами старые знакомые!

Она протянула доктору руку, опустив ее на подушечку, которую подложили служанки. Одна из женщин принесла табуретку и поставила возле столика. Доктор Ван сел, закинул ногу на ногу, склонил набок голову, долго щупал пульс, после чего вдруг поднялся и вышел.

– Доктор, наверное, утомился, – промолвила матушка Цзя. – Брат Цзя Чжэнь, напои его чаем!

Цзя Чжэнь и Цзя Лянь бросились следом за доктором и повели его в кабинет.

– У почтенной госпожи ничего серьезного, – сказал доктор. – Обычная

простуда. Ей надо пить побольше жидкости. И быть в тепле. Можно обойтись без лекарства. Но я выпишу, понравится госпоже – пусть принимает.

Доктор выписал рецепт, попил чаю и уже собрался уходить, но тут появилась нянька с Дацзе на руках.

– Господин Ван, – обратилась она к доктору, – осмотрите нашу барышню.

Доктор одну руку положил на ручку Дацзе, другой пощупал ее лоб, потом велел высунуть язык и улыбнулся:

– Девочке не понравится то, что я скажу. Ей надо немного поголодать, затем я пришлю пилюли, пусть примет на ночь с имбирным отваром, и все будет в порядке. Других лекарств не нужно.

Доктор поклонился и вышел. Цзя Чжэнь возвратился к матушке Цзя, передал ей, что сказал доктор, оставил рецепт и вышел.

Сразу после ухода доктора госпожа Ван, Ли Вань, Фэнцзе и Баочай вышли из-за полога. Госпожа Ван посидела немного возле матушки Цзя, а затем удалилась к себе. Только теперь старуха Лю могла попрощаться с матушкой Цзя.

– Приходи, когда будет время, – сказала ей матушка Цзя и обратилась к Юаньян:

– Проводи как полагается бабушку Лю! Сама я не могу, плохо себя чувствую.

Старуха Лю поблагодарила матушку Цзя, попрощалась и вместе с Юаньян вышла. Когда они спустились в прихожую, Юаньян произнесла, указывая пальцем на сверток:

– Здесь платья, их дарит тебе старая госпожа. Хочешь – носи сама, не хочешь – отдай кому-нибудь. Они совсем новые, ненадеванные. В чашке фрукты, запеченные в тесте, которые ты не успела попробовать. В пакете – лекарства – тычинки сливы, мазь от нарывов, пилюли, «сохраняющие жизнь», и рецепты. А в этих двух свертках безделушки.

Затем Юаньян вынула из кошелька два слитка серебра, один прямой, как кисть для письма, другой кривой, как жезл «исполнения желаний» – жуи, показала старухе и улыбнулась:

– Кошелек возьми себе, а серебро оставь мне!

Радость старухи не знала границ. Она то и дело поминала Будду и не раздумывая воскликнула:

– Ну конечно, барышня, оставьте себе!

Юаньян рассмешило, что старуха ее слова приняла всерьез. Она положила серебро в кошелек и промолвила:

– Я пошутила. У меня серебра хватает. Возьми эти слитки, в конце года подаришь детям.

Пока они разговаривали, девочка-служанка принесла для старухи Лю чашку из фарфора Чэнхуа.

– Это вам от второго господина Баюя, – сказала служанка.

– Что же это?! – вскричала старуха. – В каком перевоплощении я заслужила подобное счастье?!

Она приняла чашку, а Юаньян продолжала:

– Когда ты искупалась, я дала тебе надеть свое платье. Если не побрезгуешь, подарю еще несколько.

Старуха рассыпалась в благодарностях. Она хотела было пойти еще раз поблагодарить Баюя и барышень, а также госпожу Ван, но Юаньян ее удержала:

– Не нужно! Они в это время не принимают. Я передам от тебя поклон. Когда будешь свободна, приходи снова!

Юаньян позвала служанку и приказала:

– Пойди ко вторым воротам, приведи двух мальчиков-слуг, пусть помогут бабушке перенести вещи.

Женщина кивнула и вышла вместе со старухой. Они отправились к Фэнцзе, собрали вещи и приказали слугам перенести их в повозку. Проводив старуху, служанка вернулась обратно.

Между тем Баочай и сестры сразу после завтрака отправились к матушке Цзя справиться о здоровье. На обратном пути Баочай сказала Дайюй:

– Пойдем ко мне, я хочу кое о чем у тебя спросить.

Дайюй ничего не ответила, лишь улыбнулась и следом за Баочай отправилась во двор Душистых трав. Войдя в дом, Баочай села на стул и с улыбкой произнесла:

– Ты должна стать передо мной на колени! Ведь я собираюсь тебя судить!

– Вы только посмотрите! Баочай сошла с ума! – недоумевая, воскликнула Дайюй. – За что меня судить?

– Ты такая воспитанная, такая скромница, никогда не выходишь за ворота! – холодно усмехнулась Баочай. – А какие речи ведешь? Признавайся!

Дайюй не могла понять, в чем дело, и продолжала улыбаться. Но тут в душу ей закралось подозрение.

– Что же я такого сказала? – спросила она. – Не иначе как ты клеветешь?

– Нечего притворяться! – воскликнула Баочай. – Ну-ка вспомни, что ты сказала вчера, когда мы играли в застольный приказ? И где только ты этого набралась?

Дайюй на минуту задумалась и лишь сейчас вспомнила, что накануне допустила оплошность^[10], приведя во время игры две фразы – одну из «Пионовой беседки», другую – из «Западного флигеля». Она покраснела, бросилась на грудь Баочай и стала просить:

– Милая сестрица! Сама не знаю, как это у меня сорвалось с языка. Спасибо, что ты мне сказала, буду впредь осторожнее!

– Я, признаться, удивилась, когда услышала, – с улыбкой промолвила Баочай, – но фразы показались мне до того красивыми, что я решила спросить, откуда ты их взяла.

– Милая сестра! Прошу тебя, не рассказывай никому об этом, впредь я ничего подобного себе не позволю.

Искреннее раскаяние тронуло Баочай, она повела Дайюй пить чай и сказала:

– Думаешь, я святая? В детстве со мной было много хлопот. Семья наша принадлежала к числу образованных, дедушка любил собирать книги. Народу в доме было много, поэтому братья и сестры жили вместе. Каноническими книгами никто не интересовался. Братья увлекались кто уставными стихами, кто стансами, в доме были полные издания «Западного флигеля», «Лютни», «Ста пьес юаньских авторов». Братья читали их украдкой от сестер, а сестры – от братьев. Узнали об этом взрослые, поругали нас, поколотили, часть книг отняли, часть сожгли. После этого перестали обучать девочек грамоте. Ведь даже мужчинам лучше не читать, если они не понимают истинного смысла прочитанного. Что же говорить о девушках? Конечно, писать иероглифы и сочинять стихи – занятие не женское. Зато образованный мужчина может оказаться полезным в управлении государством. Только сейчас подобные люди перевелись. Читают все, а толку никакого. Не книги портят людей, люди оскверняют книги! Так уж лучше пусть пашут, сеют, занимаются торговлей – от этого вреда меньше. Мы с тобой должны прежде всего, вышивать или прясть. А свою грамотность употреблять на чтение канонических книг, раз уж выучили несколько иероглифов. Боже упаси даже брать в руки книги легкомысленные. Они могут сгубить всю жизнь!

Баочай еще долго говорила, а Дайюй сидела, опустив голову, молча пила чай и поддакивала сестре, искренне с ней соглашаясь.

Вдруг появилась служанка и сказала:

– Госпожа Ли Вань зовет барышень к себе, чтобы посоветоваться по

какому-то важному делу. Вторая барышня Инчунь, третья барышня Таньчунь, четвертая барышня Сичунь, а также барышня Сяньюнь и второй господин Баоюй дожидаются вас.

– Что еще за дело? – спросила Баочай.

– Придем – узнаем, – ответила Дайюй.

Они отправились в деревушку Благоухающего риса и едва вошли, как Ли Вань заявила:

– Не успели мы создать поэтическое общество, а уже появились нерадивые, отлынивающие от своих обязанностей! Четвертая барышня Сичунь просит отпуск на целый год!

– Понятно! – смеясь, воскликнула Дайюй. – Вчера старая госпожа приказала ей нарисовать наш сад, вот она и просит отпуск! Зачем ей лишние хлопоты?

– Старая госпожа тут ни при чем! – вмешалась Таньчунь. – Все придумала бабушка Лю.

– Совершенно верно! – согласилась Дайюй. – Никак не пойму, с какой стороны она доводится нам бабушкой? Но лучше всего называть ее «саранча».

Все расхохотались.

– Вторая госпожа Фэнцзе тоже часто употребляет простонародные выражения, – сказала тут Баочай. – Но не всегда к месту из-за своей необразованности. А вот наша Чернобровка со своим злым языком, что ни скажет, в самую точку попадет. Выбросит из выражения все лишнее, придаст ему красивую форму, и получается как в «Чуныцю»^[11], – не убавишь, не прибавишь! Если вспомнить, что было вчера, то более меткого прозвища, чем «саранча», для бабушки Лю не придумаешь!

– Да и ты не уступаешь ни Фэнцзе, ни Дайюй, – смеясь, сказали все в один голос.

– Я пригласила вас посоветоваться, – сказала Ли Вань, – на сколько дней можем мы отпустить Сичунь? Я ей предложила на месяц, а она обиделась, говорит, мало. Что вы на это скажете?

– Говоря по правде, года и то не хватит, – заметила Дайюй. – Этот сад целый год разбивали, а чтобы его нарисовать, потребуется не менее двух лет! Сами посудите: надо растирать тушь, макать в нее кисть, резать бумагу, подбирать краски да еще...

Тут Дайюй не выдержала и прыснула со смеху.

Затем продолжала:

– Нет, быстрее чем за два года такую картину не нарисуешь. Недаром говорят: «Тише едешь – дальше будешь».

Все засмеялись, захлопали в ладоши.

– Замечательно! – воскликнула Баочай. – Особенно хорошо сказано: «Тише едешь – дальше будешь». Лишь благодаря Сичунь мы узнали такое меткое, такое точное выражение! Ни одна наша вчерашняя шутка с ним не может сравниться! На первый взгляд в словах Чернобровки как будто нет ничего особенного, но в сочетании они оказываются очень интересными! Я чуть не умерла со смеху!

– Дайюй рада надо мной посмеяться, а сестра Баочай ее поощряет! – обиженно произнесла Сичунь.

– Скажи, – дернув Сичунь за рукав, обратилась к ней Дайюй, – ты собираешься рисовать только сад или же заодно и всех нас?

– Я хотела нарисовать только сад, – ответила Сичунь, – но старая госпожа говорит, что надо еще и людей, иначе сад будет пустынным. Отказаться я не могла, а людей рисовать не очень умею. Вот и не знаю, что делать.

– Людей рисовать не так уж трудно, – возразила Дайюй, – а вот изобразить растения и животных ты вряд ли сможешь.

– Опять ты за свое, – оборвала ее Ли Вань. – Ну зачем нужны растения и животные? На худой конец можно нарисовать несколько птиц.

– Все это не так уж важно, – улыбнулась Дайюй. – Главное, чтобы была «саранча». Иначе картина будет лишена всякого смысла.

Последние слова утонули в хохоте. А сама Дайюй, корчась от смеха, продолжала:

– Пусть скорее рисует, я уже и подпись под картиной придумала. А назвать ее лучше всего «Великое обжорство в обществе саранчи»!

Все так и покатались со смеху. Вдруг что-то грохнуло. Это Сяньюнь так хохотала, что опрокинулась вместе со стулом – он оказался не очень устойчивым, но стоял неподалеку от стены, и девушка не свалилась на пол. Баоюй помог ей подняться, после чего бросил на Дайюй выразительный взгляд. Та поспешила во внутреннюю комнату, откинула с зеркала покрывало^[12] и увидела, что волосы у нее на висках растрепались. Дайюй вынула из туалетного ящика щеточку для волос, поправила прическу, вернулась и сказала Ли Вань:

– Я-то думала, ты позвала нас заниматься вышиванием или наставлять на путь истинный! А ты, оказывается, созвала нас, чтобы посмеяться и потешиться.

– Вы слышите, как она над нами насмехается! – воскликнула Ли Вань. – Сама заварила кашу, а теперь уверяет, будто я виновата! Вот попадетсЯ тебе строгая свекровь да злые невестки, узнаешь тогда, как

лукавить.

Дайюй покраснела, дернула Баочай за рукав и сказала:

– Ну что ж, дадим ей год отпуска!

– Я вот что хочу сказать, – заявила тут Баочай. – Вы же знаете, что Сичунь умеет делать лишь небольшие рисунки, да и то самые примитивные. А ей надо нарисовать такой большой сад! Как же не отказаться от прочих увлечений? Наш сад сам по себе напоминает картину, поэтому при изображении искусственных гор, скал, деревьев, башен, павильонов и остальных строений надо соблюсти все пропорции. Иначе ничего не получится. Очень важна также перспектива. Что-то надо нарисовать на первом плане, что-то на втором. Одно добавить, другое убрать. Это затенить, то – выделить. В общем, прежде чем приняться за картину, необходимо сделать эскиз. Башни, террасы, дома и дворы – все должно быть на своем месте. А то ведь перила могут покоситься, колонны – обвалиться, двери и окна расползтись, ступени – поехать в разные стороны. Столы ползут на стены, вазы повиснут на занавесках. Смех, да и только! И людей надо расположить равномерно, чтобы не получилось в одном месте густо, в другом – пусто. Очень важна точность изображения. Одно неосторожное движение кистью, и рука получится опухшей, нога – кривой. Я уже не говорю о том, что и лицо может оказаться совсем непохожим. И волосы. В точности изображения, по-моему, и заключается трудность. И все же год отпуска много, месяц – мало. Дадим Сичунь полгода, а в помощники пусть возьмет Баюя. Это не значит, что он будет учить ее рисовать – пожалуй, он может только испортить. Но если Сичунь окажется в затруднении, пусть Баюй обратится либо к художникам, либо к тем, кто хорошо рисует.

– Совершенно верно! – воскликнул обрадованный Баюй. – Чжан Цзылян, например, великолепно рисует башни и террасы, Чэн Жисин – портреты красавиц, я могу хоть сейчас к ним пойти и обо всем расспросить.

– Вечно ты суетишься, – прервала его Баочай, – стоит слово сказать, и ты готов бежать куда угодно. И все без толку. погоди, сначала обсудим, тогда и пойдешь. Прежде надо решить, на чем рисовать!

– У меня есть бумага, – не вытерпел Баюй, – белоснежная, на ней не расплывается тушь.

– Ты неисправим! – воскликнула Баочай. – На белоснежной бумаге можно писать иероглифы, делать наброски или рисовать пейзажи в подражание художникам эпохи Южная Сун. Бумага эта не впитывает тушь, что мешает делать штриховку и закраску. Тушь на такую бумагу плохо

ложится и долго сохнет. Зачем же напрасно ее изводить, если для картины она не годится. Сад этот был устроен по очень точному и подробному плану. Поэтому советую тебе, Баоюй, попросить у старой госпожи этот план, затем взять у Фэнцзе кусок плотного шелка и все это отдать художникам. Пусть в соответствии с планом сделают на шелку разметку, расставят людей, а также подберут краски – темно-зеленую, золотую и серебристую, чтобы не нарушалась гармония. Еще необходима жаровня для приготовления клея, посуда для мытья кистей, большой стол, застланный войлоком, побольше блюдечек и кистей.

– Откуда я все это возьму? – замахала руками Сичунь. – Я рисовала самой обыкновенной кистью. Да и из красок у меня есть только умбра, гуммигут, охра и кармин. Еще две кисти для раскраски. Вот и все.

– Что же ты раньше не сказала? У меня есть все необходимое, просто я думала, что у тебя это будет валяться без дела, потому и не давала. Если понадобится, могу прислать... Правда, краски у меня остались лишь на разрисовку вееров, и жаль все их израсходовать на картину. Мы вот как сделаем. Я составлю список того, что тебе нужно, и попросим у старой госпожи. Сама ты можешь что-нибудь забыть, поэтому я продиктую, а брат Баоюй запишет.

Кисть и тушечница у Баоюя были наготове – он боялся что-нибудь упустить и, услышав, что Баочай собирается диктовать, обрадовался, схватил кисть и стал внимательно слушать.

– Итак, кистей номер первый – четыре штуки, – начала Баочай, – кистей второй номер – четыре штуки, кистей третий номер – четыре; больших рисовальных кистей – четыре, кистей среднего размера – четыре, малых кистей – четыре, кистей «клешня южного краба» – десять, кистей «малая клешня краба» – десять, кистей «усы и брови» – десять, больших кистей для смешивания красок – двадцать, малых кистей – двадцать, плоских кистей – двадцать, кистей «ивовая ветвь» – двадцать; киновари в палочках – четыре ляна, умбры южной – четыре ляна, охры – четыре ляна, черной краски – четыре ляна, зелени – четыре ляна, желтой краски – четыре ляна, свинцовой пудры – четырнадцать коробочек, кармина – двенадцать плиток, красной краски – двести плиток, темно-золотой краски – двести плиток; клея – четыре ляна, купороса для грунтовки шелка... Впрочем, купороса не надо, пусть молодые люди, к которым обратится Баоюй, сами прогрунтуют. Краски мы постараемся приготовить – и развлечемся, и дело сделаем. Тебе на целый век хватит! Кроме того, потребуется четыре решета из тонкого шелка, четыре решета из плотного шелка, четыре подставки для кистей, четыре больших и малых ступки,

двадцать больших чашек, десять тарелочек по пять цуней в поперечнике, двадцать фаянсовых блюдец по три цуня в поперечнике, две жаровни, два больших и два малых глиняных горшка, два больших фарфоровых стакана, два новых ведра для воды, четыре мешка из белой материи, каждый длиною в чи, двенадцать цзиней ивового угля, деревянный ящик с тремя отделениями, один чжан шелка, два ляна свежего имбиря, полцзиня сои...

– Один чугунный котел и скребок для чистки накипи, – улыбаясь, добавила Дайюй.

– А это для чего? – удивилась Баочай.

– У тебя будет свежий имбирь и соя, у меня – котел, и у нас получится очень вкусная краска, – объяснила Дайюй.

Все рассмеялись.

– Чернобровка, ну что ты в этом смыслишь! – улыбнулась Баочай. – Ведь фаянсовые блюда и чашки растрескаются на огне, если не смазать доньшко соком имбиря и соей.

Все поддержали Баочай.

Дайюй снова просмотрела список, тихонько толкнула Таньчунь в бок и шепнула:

– Удивительно! Чтобы нарисовать одну картину, понадобилось столько кувшинов и ящиков? В этом списке, по-моему, целое приданое!

Таньчунь улыбнулась.

– Сестра Баочай, – сказала она, – почему ты не дашь ей по губам? Спроси, что она только что о тебе говорила.

– Стоит ли спрашивать, – отозвалась Баочай, – не даром говорят: «Собака – не слон, у нее не вырастут бивни!»

Она потащила Дайюй к кану и хотела ущипнуть за щеку.

– Милая сестра! – взмолилась Дайюй. – Не сердись. Лучше наставь меня, как старшая сестра. По молодости лет я мало что смыслю!

Все рассмеялись. Никто не знал, что в словах Дайюй таится намек, и стали просить:

– Сжался над нею! Прости!

Но Баочай намек поняла – Дайюй имела в виду их разговор о «пристойных» книгах – и ничего больше не сказала.

– Какая все же Баочай добрая, – с улыбкой заметила Дайюй, – я бы на ее месте ни за что не простила!

– Не удивительно, что старая госпожа жалеет тебя, что все тебя любят! – воскликнула Баочай, грозя пальцем Дайюй. – Даже я тебя полюбила. Ну-ка подойди, я тебя по головке поглажу!

Дайюй подошла, и Баочай несколько раз провела рукой по ее волосам.

Баоюй смотрел на них и невольно думал:

«Не стоило посылать Дайюй причесываться! С этим прекрасно справилась Баочай».

Тут как раз послышался ее голос.

– Завтра пойдешь к старой госпоже, – сказала она Баоюю, – и попросишь все, что значится в списке. Есть это в доме – хорошо, нет – придется попросить денег на покупку. Краски я помогу подобрать.

Баоюй взял список, они еще немного поговорили и разошлись. После ужина все отправились к матушке Цзя справиться о здоровье.

Ничего серьезного у нее не было – усталость и легкая простуда. Весь день она провела в тепле, дважды приняла лекарство и к вечеру почувствовала себя совершенно здоровой.

Если хотите знать, что случилось на следующий день, прочтите следующую главу.

Глава сорок третья

В доме собирают деньги, чтобы отпраздновать день рождения Фэнцзе;

*Баоюй устраивает скромное жертвоприношение, чтобы выразить
скрытое чувство*

Итак, матушка Цзя дважды приняла прописанное врачом лекарство, и простуда, которую она схватила, гуляя по саду, прошла. Между тем госпожа Ван решила отправить кое-какие вещи Цзя Чжэну и позвала на совет Фэнцзе. Как раз в это время пришла служанка и сказала, что их просит прийти матушка Цзя.

– Как вы себя чувствуете? – осведомилась госпожа Ван, входя в покои матушки Цзя.

– Сегодня лучше, – ответила старая госпожа. – Отведала суп из молодого фазана, который ты мне прислала, – вкусный на редкость. Еще я с большим аппетитом съела два ломтика мяса.

– Это вам Фэнцзе прислала суп из фазана, в знак искреннего почтения, – промолвила госпожа Ван. – Забота о родителях для нее превыше всего. Не зря вы ее любите!

– Мне даже неловко так ее затруднять, – ответила матушка Цзя, улыбаясь. – Если мясо еще осталось, пусть поджарят несколько ломтиков, хорошенько посолят и приготовят рисовый отвар. Так вкуснее! Суп из фазана очень хорош, но рис к нему не идет.

Фэнцзе тотчас же послала служанку на главную кухню передать приказание матушки Цзя.

А матушка Цзя обратилась к госпоже Ван:

– Я позвала тебя, чтобы поговорить об одном важном деле. Второго числа день рождения Фэнцзе. Два года подряд я собиралась устроить для нее праздник, но из-за множества дел всякий раз забывала об этом. В нынешнем году особых дел нет, так что можно будет как следует повеселиться.

– Я тоже об этом думала! – улыбнулась госпожа Ван. – Давайте прямо сейчас все и обсудим.

– Просто послать подарки, по-моему, неинтересно, – проговорила

матушка Цзя. – Такой обычай давно всем приелся. Кроме того, можно подумать, что мы не ладим между собой и потому не общаемся. Давайте лучше соберемся все вместе и хорошенько отпразднуем.

– Как скажете, так и будет, – с готовностью ответила госпожа Ван.

– Так вот, – продолжала матушка Цзя, – поучимся у простых людей: пусть каждый внесет свою долю, а на собранные деньги устроим угощение. Годится?

– Замечательно! – вскричала госпожа Ван. – Надо только решить, с кого сколько брать.

Матушка Цзя, очень довольная, тотчас послала служанок за тетушкой Сюэ, госпожой Син, а также велела позвать всех барышень, Баоюя, госпожу Ю из дворца Нинго, мать управляющего Лай Да и всех пожилых женщин-экономок. Видя матушку Цзя в столь приподнятом настроении, служанки обрадовались и бросились выполнять приказание.

Не прошло время, достаточное, чтобы пообедать, как все, словно птицы, слетелись в комнату матушки Цзя. Тетушка Сюэ и матушка Цзя сидели на возвышении друг против друга, госпожа Син и госпожа Ван – на стульях у входа, Баочай с сестрами – на кане, Баоюй примостился у ног матушки Цзя, остальные стояли.

Матушка Цзя распорядилась принести скамеечки для матери Лай Да, а также старых мамок и нянек.

По обычаю, издавна заведенному во дворце Жунго, старые слуги, приставленные к старшим членам рода, пользовались особым уважением, поэтому госпоже Ю и Фэнцзе приходилось стоять в то время, как старые мамки, извинившись перед ними, заняли места на скамеечках.

Матушка Цзя рассказала, о чем они только что вели разговор с госпожой Ван, и все очень обрадовались. Кому же неохота повеселиться?! Многие в доме любили Фэнцзе и искренне желали сделать ей что-нибудь приятное; некоторые просто боялись, стараясь снискать ее расположение, деньги были у всех – поэтому никто не отказывался.

– Я вношу двадцать лянов, – первой объявила матушка Цзя.

– И я двадцать, – произнесла тетушка Сюэ.

– Мы, конечно, не смеем равняться с почтенной госпожой, ибо стоим на целую ступень ниже, поэтому вносим по шестнадцать лянов, – заявили госпожа Син и госпожа Ван.

– А мы стоим еще ниже, поэтому вносим по двенадцать лянов, – заявили госпожа Ю и Ли Вань.

– Ты вдова, – заметила матушка Цзя, обращаясь к Ли Вань. – Как же можно брать с тебя деньги? Лучше я за тебя внесу!

– Не торопитесь, бабушка, – прервала ее Фэнцзе, – давайте подсчитаем, сколько собрано, а потом видно будет. Вы и так внесли две доли, а теперь еще собираетесь платить двенадцать лянов за невестку. Смотрите не пожалейте! А то скажете потом, что израсходовали деньги из-за Фэнцзе, что, пользуясь моментом, Фэнцзе хитростью заставила вас внести в три-четыре раза больше других. А у меня и в мыслях ничего подобного не было.

Слова Фэнцзе вызвали дружный смех.

– Как же быть? – спросила матушка Цзя.

– День рождения еще не наступил, а у меня уже душа болит от подобной несправедливости, – ответила Фэнцзе. – Кому-то может не понравиться, что я не внесу своей доли, и это меня огорчит. Поэтому позвольте мне внести деньги за Ли Вань. Тогда во время праздника я буду есть и веселиться за двоих.

– Вот это правильно, – сказали госпожа Син и госпожа Ван.

Пришлось матушке Цзя согласиться. Фэнцзе между тем продолжала:

– Вполне справедливо, что вы, бабушка, внесли долю брата Баоюя и сестрицы Дайюй, а тетушка Сюэ – долю сестры Баочай! Но почему госпожи Син и Ван вносят лишь за себя? Так не годится! Вы, бабушка, понесете убыток!

– Эта девчонка, пожалуй, права! – рассмеялась матушка Цзя. – Если б не она, осталась бы я, как всегда, внакладе!

– За брата Баоюя и сестрицу Дайюй пусть внесут деньги госпожи Син и Ван, – продолжала Фэнцзе. – Таким образом, на каждую из них придется еще по одной доле.

– Так и сделаем! – согласилась матушка Цзя.

– Это нарушение родства! – сказала мать Лай Да, вставая с места. – Вы обидели госпожу Син и госпожу Ван! Одной из них вы приходитесь невесткой, другой – племянницей, но совершенно не заботитесь ни о свекрови, ни о своей тете, только о других! Вот и выходит, что никакая вы не невестка, а чужой человек, и не племянница по прямой линии, а только по побочной!

Рассуждения старухи всех насмешили. Но, ничуть не смутившись, она продолжала:

– Если младшие невестки вносят по двенадцать лянов, мы должны внести по восемь, потому что ниже их по положению.

– Так не пойдет, – запротестовала матушка Цзя. – Я вас хорошо знаю! Положение у вас ниже, зато денег больше. Придется вносить столько же, сколько они!

– Да, да, верно! – согласились остальные мамки.

– А барышни пусть внесут для приличия столько, сколько им выдают на месяц, – произнесла матушка Цзя и обернулась к Юаньян. – Собери служанок и договоритесь, по скольку будете вносить!

Юаньян вышла и через некоторое время вернулась вместе с Пиньэр, Сижэнь, Цайся и другими служанками. Одни согласились внести по два ляна, другие – по одному.

– Ведь ты собираешься праздновать день рождения своей госпожи? – сказала матушка Цзя, обращаясь к Пиньэр. – Зачем же тебе вместе с нами вносить свою долю?

– Доля долей, – ответила Пиньэр. – А еще я преподнесу госпоже от себя лично подарок!

– Какое милое дитя! – воскликнула матушка Цзя.

– Теперь уже известно, кто сколько вносит, – сказала Фэнцзе. – Осталось спросить у наложниц. Давайте их позовем, а то будут считать, что мы их презираем.

– Верно! – подтвердила матушка Цзя. – Как это мы забыли о них? Только они вечно заняты и вряд ли сюда придут. Надо послать к ним служанок.

Одна из девочек-служанок, не дожидаясь приказа, побежала к наложницам и, возвратившись, сказала:

– Они внесут по два ляна.

– А теперь подсчитайте, сколько всего получится, – распорядилась матушка Цзя.

Между тем госпожа Ю тихонько ругала Фэнцзе:

– Ненасытная дрянь! Все тебе мало! Вон сколько собрали, так еще и с этих горемык содрать надо!

– Не болтай! – рассмеялась Фэнцзе. – погоди, я сведу с тобой счеты! Подумаешь, горемыки! Раздают деньги направо, налево! Так уж лучше повеселиться на них!

Наконец собранные деньги были подсчитаны – оказалось, сто пятьдесят лянов с мелочью.

– Как много! – воскликнула матушка Цзя. – В один день не истратишь.

– Этого может хватить на два, а то и на три дня, если не приглашать гостей и не готовить слишком много, – проговорила госпожа Ю. – На театральных представлениях тоже можно сэкономить.

– Но Фэнцзе, может быть, захочет пригласить актеров? – возразила матушка Цзя.

– Наш домашний театр уже надоед, – призналась Фэнцзе, – лучше

пригласить какую-нибудь труппу, не так уж это дорого.

– Пусть этим займется жена Цзя Чжэня, – распорядилась матушка Цзя. – А ты хоть денек отдохни от хлопот и повеселись хорошенько.

– Верно, – согласилась госпожа Ю.

Они поговорили еще немного, но, заметив, что матушка Цзя утомилась, стали расходиться. Проводив госпожу Син и госпожу Ван, госпожа Ю отправилась к Фэнцзе поговорить о предстоящем празднестве.

– Ну что я могу тебе сказать? – пожала плечами Фэнцзе. – Главное, постарайся угодить старой госпоже, остальное – неважно.

– Ну и везет тебе! – воскликнула госпожа Ю. – Я-то думаю, зачем нас позвали, оказывается, ради тебя! Мало того, что пришлось внести деньги, так еще и все хлопоты на меня взвалили! Хотелось бы знать, как ты меня за это отблагодаришь?

– Помолчи! – рассмеялась Фэнцзе. – Не я тебя звала, не я должна благодарить! А боишься хлопот, пойди скажи старой госпоже, пусть поручит это дело кому-нибудь другому!

– Вы только посмотрите на нее! – воскликнула госпожа Ю. – Я просто уговариваю тебя не злоупотреблять своим счастьем, а ты сердишься! Если счастье до краев, оно может вылиться!

Они поговорили еще немного и разошлись.

На следующее утро во дворец Нинго потянулись слуги, неся деньги. Госпожа Ю только что встала и занималась утренним туалетом.

– Кто принес деньги? – спросила она у служанок.

– Няня Линь, – последовал ответ.

Госпожа Ю распорядилась ее позвать. Служанки привели няню Линь, жену Линь Чжисяо. Госпожа Ю сделала ей знак сесть на скамеечку, а сама, продолжая причесываться, спросила:

– Сколько ты принесла?

– Сколько собрала среди слуг, – ответила жена Линь Чжисяо. – Господа еще не дали.

В это время на пороге появилась девочка-служанка.

– Прислали деньги из дворца Жунго, – доложила она, – от наложниц.

– Негодницы! – выругалась госпожа Ю. – Как хорошо они помнят все, что не следует! Старая госпожа в шутку сказала, что пай будем собирать со всех, так они приняли это всерьез! Ну ладно, раз принесли, давай сюда!

Служанки, смеясь, поспешили сдать деньги. Их оказалось два пакета, сюда не вошли взносы Баочай и Дайюй.

– Кто еще не внес? – спросила госпожа Ю.

– Старая госпожа, две госпожи, барышни и девушки-служанки, –

поспешно ответила жена Линь Чжисяо.

– А госпожа Ли Вань? – осведомилась госпожа Ю.

– Ее освободили от пая, – ответила жена Линь Чжисяо. – За нее внесет вторая госпожа Фэнцзе, так что не беспокойтесь!

Госпожа Ю закончила свой туалет и приказала слугам подать коляску. Она отправилась прямо к Фэнцзе и увидела, как та упаковывает деньги, чтобы отослать ей.

– Деньги собраны? – спросила госпожа Ю.

– Да, – ответила Фэнцзе, – забирай скорее, потеряются, я не в ответе.

– Разреши мне их прямо при тебе пересчитать, – сказала госпожа Ю.

Она развернула сверток и принялась пересчитывать деньги – не хватало пая Ли Вань.

– Так я и знала, что ты схитришь! – воскликнула госпожа Ю. – Почему нет доли Ли Вань?

– Тебе мало? – спросила Фэнцзе. – Подумаешь, одного пая недостает!

– Вчера ты при всех прикидывалась щедрой, а сейчас так и норовишь увильнуть от уплаты! – сказала госпожа Ю. – Ладно, не хочешь – не надо, но я скажу старой госпоже!

– Ох, и дотошная же ты! – засмеялась Фэнцзе. – Только помни, поручат что-нибудь мне, я тоже не промахнусь! Не обижайся тогда!

– Ладно, можешь не платить за Ли Вань, – проговорила госпожа Ю. – Это в благодарность за то, что ты относишься ко мне с уважением. Иначе я не согласилась бы.

С этими словами она вытащила из общей суммы долю Пиньэр и позвала ее:

– Иди забирай свои деньги, я сама за тебя внесу.

– Не нужно, – отозвалась Пиньэр, поняв намек, – если останутся, отдадите мне в награду за труды.

– Неужели ты думаешь, что твоей госпоже можно злоупотреблять своим положением, а мне нельзя хоть иногда быть великодушной? – произнесла госпожа Ю.

Пришлось Пиньэр взять деньги обратно.

– Я смотрю, твоя госпожа чересчур мелочна, – продолжала между тем госпожа Ю. – Зачем ей столько денег? В гроб, что ли, она их с собой возьмет?

От Фэнцзе госпожа Ю отправилась к матушке Цзя, справилась о ее здоровье, поболтала о том о сем и пошла к Юаньян советоваться, как лучше устроить празднество, чтобы угодить матушке Цзя. Они быстро обо всем договорились, после чего госпожа Ю возвратила Юаньян два ляна, которые

та внесла, и сказала:

– Возьми, все равно останутся.

Затем госпожа Ю пошла к госпоже Ван, они перекинулись несколькими словами, а когда госпожа Ван ушла в кумирню, госпожа Ю возвратила Цайюнь ее долю. Наложницам Чжао и Чжоу она тоже отдала деньги. Те сначала отказывались, но госпожа Ю стала их уговаривать:

– Вы ведь бедны, откуда у вас могут быть лишние деньги? А узнает госпожа Фэнцзе, я все беру на себя.

В конце концов наложницы согласились и долго благодарили госпожу Ю.

Незаметно наступило второе число девятого месяца. Все домочадцы готовились праздновать день рождения Фэнцзе. Благодаря госпоже Ю праздник обещал быть веселым, с театральными представлениями, играми и множеством других развлечений. Были приглашены фокусники и женщины-рассказчицы.

– Не забывайте, что сегодня день собрания нашего общества, – предупредила Ли Вань девушек. – Баоюй не явился! Опять, наверное, увлекся какими-нибудь забавами!

Она позвала девочку-служанку и приказала:

– Пойди посмотри, что делает второй господин Баоюй, скажи, чтобы быстрее шел сюда!

Через некоторое время служанка возвратилась и доложила:

– Сестра Сижэнь говорит, что второй господин сегодня с самого утра куда-то уехал.

– Куда он мог уехать? – удивились все. – Эта девчонка, видимо, рехнулась!

Послали Цуймо.

– Второй господин и в самом деле уехал, – вернувшись, сказала служанка, – хоронить какого-то друга.

– Не может быть, – заявила Таньчунь. – Это он выдумал, чтобы уехать из дому. Позови-ка Сижэнь, я ее сама расспрошу!

Но звать Сижэнь не пришлось, в этот момент она появилась на пороге.

– Что бы ни случилось, он не должен был уезжать, – сказала Ли Вань. – Ведь нынче день рождения второй госпожи Фэнцзе, и все, начиная от старой госпожи и кончая слугами, будут веселиться. К тому же сегодня день собрания «Бегонии». Как же он посмел уйти, не попросив у нас разрешения?

– Он еще вчера вечером предупредил, что поедет сегодня по важному

делу к Бэйцзинскому вану, – со вздохом сказала Сижэнь. – Обещал не задерживаться. Я уговаривала его не ездить, но он и слушать не стал. Поднялся чуть свет, потребовал траурную одежду. Я и подумала, что, наверное, кто-то умер во дворце Бэйцзинского вана...

– Если все так, как ты говоришь, то ему нужно было поехать, – согласилась Ли Вань, – но почему он до сих пор не вернулся?

– Когда вернется, оштрафуем. А пока давайте без него сочинять стихи, – сказал кто-то.

Но в это время появилась служанка и сказала, что матушка Цзя всех зовет к себе. Сижэнь доложила старой госпоже, что Баоюй уехал. Та сразу забеспокоилась, приказала слугам разыскать внука и привести к ней.

Надобно вам знать, что Баоюй еще вечером приказал Бэймину:

– Приготовь двух коней и жди меня утром у задних ворот сада. Никого с собой не бери! Предупреди Ли Гуя, что мы отправились к Бэйцзинскому вану. Если же меня станут искать, пусть скажет, что Бэйцзинский ван меня задержал ненадолго и что я скоро вернусь.

Бэймин не догадывался о намерениях Баоюя и в точности выполнил приказание. Оседлал двух коней, отвел утром к задним воротам сада и стал ждать господина.

Едва рассвело, Баоюй, в траурном платье, выскользнул из ворот, вскочил в седло и, ни слова не говоря, поскакал к городским воротам. Бэймин, подстегивая коня, помчался следом за ним.

– Куда едем? – крикнул он на ходу.

– А куда ведет эта дорога? – крикнул в ответ Баоюй.

– К северным воротам, – отвечал Бэймин, – за ними все голо и пусто, ничего интересного нет.

– Это мне и нужно! – сказал Баоюй.

Он подхлестнул коня и поскакал дальше. Вскоре они выехали за городские ворота. Бэймин, недоумевая, молча следовал за Баоюем.

Они проскакали без остановки еще семь-восемь ли. Дома попадались все реже, людей почти совсем не было. Наконец Баоюй осадил коня и обратился к Бэймину:

– Здесь где-нибудь можно купить благовония?

– Думаю, можно, – ответил Бэймин, – только не знаю какие.

– Мне нужны сандал, рута и глициния-сян^[13], – ответил Баоюй.

– Это очень редкие благовония, – сказал Бэймин и спросил: – А зачем они вам? Ведь в сумочке, которую вы носите на поясе, есть немного благовоний. Поищите, может, найдете то, что вам нужно?

«А ведь Бэймин прав!» – подумал Баоюй, снял с пояса сумочку и

пошарил в ней. Там оказались два кусочка благовоний. Баоюй обрадовался, но виду не подал. Что и говорить, свои всегда лучше покупных. Затем он спросил у Бэймина, нельзя ли купить здесь курильницу.

– Вот так здорово! – вскричал Бэймин. – Откуда возьмется за городом курильница? Надо было с собой привезти, раз она вам так нужна.

– Дурак! – прикрикнул на него Баоюй. – Будь это так просто, не пришлось бы нам с тобой украдкой бежать из дома!

Бэймин подумал минуту и радостно воскликнул:

– У меня есть план! Не знаю только, понравится ли он вам. Я думаю, понадобится не только курильница, но и еще кое-что! Давайте тогда проедем еще два ли до монастыря Шуйсянь.

– Неужели монастырь Шуйсянь так близко? – удивленно спросил Баоюй. – Это прекрасно! Едем скорее!

Он подхлестнул коня и, обернувшись, крикнул Бэймину:

– Монашки из этого монастыря часто бывают у нас в доме и не откажут, если мы попросим курильницу.

– Это уж точно, – отвечал Бэймин. – Ведь мы не скупимся на пожертвования! Да и в другом нам не посмели бы отказать. Но вам, господин, почему-то не нравится монастырь Шуйсянь. Отчего же сейчас вы туда так стремитесь?

– Дело не в монастыре. Мне не нравится, когда люди по своему невежеству слепо поклоняются духам и строят храмы, – возразил Баоюй. – Большею частью это недалекие господа и богатые барыни. Не разберутся толком, существует тот или иной дух или нет, и давай воздвигать ему храмы и приносить жертвы! Им все равно, что за дух, услышат какую-нибудь нелепую историю и верят! Взять к примеру монастырь Шуйсянь. Там приносят жертвы фее реки Ло, потому он и называется монастырь Шуйсянь – монастырь Речного духа. На самом же деле не было никакой феи реки Ло, все это выдумки Цао Цзыцзяня^[14]. Кто мог подумать, что его стихи введут в заблуждение глупых людей и они начнут сооружать статуи в честь этой феи! Но сегодня все это весьма кстати, потому мы и едем в монастырь!

Они бесшумно подскакали к воротам. Навстречу выбежала старая монахиня, справилась о здоровье Баоюя и приказала одной из монашек принять повода. Неожиданный приезд Баоюя показался настоятельнице истинным чудом, как если бы вдруг с неба спустился дракон.

Войдя в храм, Баоюй не стал кланяться статуе богини реки Ло, лишь мельком на нее взглянул. Вылепленная из глины, статуя тем не менее казалась прекрасной:

Вот-вот взметнется и взлетит, как лебедь,
Когда он испуган, исполошен.

Изысканна в движеньях, горделива,
Как в небесах кружащийся дракон.

Из волн зеленых выплывает,
Как нежный лотоса цветок,

При ней и солнце заиграло,
Рассветом озарив восток.

Непрошенные слезы покатались по щекам Баоюя.

Старая монахиня поднесла ему чай. А он попросил ее дать на время курильницу. Монахиня удалилась, и ждать пришлось довольно долго. Наконец она возвратилась, неся не только курильницу, но и бумажные изображения животных, сжигаемые при жертвоприношениях. Баоюй взял только курильницу, отдал Бэймину, и они отправились во внутренний сад, чтобы выбрать место почище.

Они долго искали, и Бэймин наконец предложил пойти к возвышению у колодца. Там он поставил курильницу и отошел в сторону. Баоюй вытащил из сумочки благовония, зажег, молча, со слезами на глазах, отвесил несколько поклонов, затем обернулся к Бэймину и приказал убрать курильницу.

Бэймин кивнул головой, но курильницу убирать не стал, опустился на колени, совершил несколько поклонов и принялся бормотать:

– Я, Бэймин, несколько лет служу второму господину Баоюю и знаю все его заветные думы и желания. Но сегодня он мне не объяснил, зачем ему понадобилось совершать жертвоприношение, а расспрашивать его я не осмелился. Неведомый дух, принимающий эту жертву! Я не знаю твоего имени, но уверен, что когда-то ты жил у нас в доме, был девушкой, умной и непорочной, даже на небе никто не мог с ней сравниться. Второй господин Баоюй не в силах словами выразить свои чувства, и я молю тебя за него: если у тебя добрая душа и ты знаешь, что наш господин только и думает о тебе, навещай его как можно чаще. Ты сейчас в царстве тьмы, сделай же так, чтобы второй господин в своей будущей жизни воплотился в девушку и мог с тобой играть. Так вам обоим было бы интересно. – Произнеся это, Бэймин снова несколько раз поклонился и поднялся с колен.

– Не болтай глупостей! – крикнул Баоюй, не сдержав улыбки, и легонько толкнул Бэймина ногой. – Люди услышат, смеяться будут!

Бэймин взял курильницу и, следуя за Баоюем, сказал:

– Вы ведь не успели поесть, и я велел монахине собрать на стол. Из дома вы сбежали, потому что там сегодня большой пир, а вам захотелось побыть в тишине. Но зачем же оставаться голодным?

– Это ты прав, – согласился Баоюй. – Без вина и спектакля можно обойтись, а вот поесть не мешало бы.

– Об этом я и толкую, – заметил Бэймин. – Не забудьте только, что ваша бабушка, матушка и все остальные беспокоятся. Поэтому вам следовало бы вернуться пораньше! Да и что здесь делать? Жертвоприношение вы совершили. Вы можете не участвовать в развлечениях, дело ваше, но старших надо уважать. Иначе дух, которому вы только что принесли жертву, и тот лишится покоя.

– Я все понял, – ответил Баоюй. – Ты боишься, как бы вину за то, что я уехал, не взвалили на тебя, и теперь придумываешь причины, чтобы увезти меня поскорее отсюда. Но я ведь не собираюсь задерживаться. Долг свой я выполнил, а теперь хочу вернуться домой, пить вино и смотреть представление.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Бэймин.

Они вошли в молитвенный зал. Старая монахиня уже расставила на столе простые кушанья из овощей. Баоюй и Бэймин перекусили, сели на коней и поскакали в город.

– Держитесь крепче, второй господин! – то и дело кричал Бэймин, ехавший позади. – Лошадь ведь необъезженная!

Они довольно скоро добрались до города. Баоюй проскользнул черным ходом в сад и побежал во двор Наслаждения пурпуром. Сижэнь дома не было, лишь несколько старых служанок. Увидев Баоюя, они просияли от радости.

– Амиитаба, наконец-то! – не переставали восклицать служанки. – Барышня Сижэнь места себе не находит от беспокойства. Только что все сели за стол, идите же скорее, господин!

Баоюй быстро переоделся и спросил у служанок:

– Где устроили торжество?

– В большом расписном зале, том, что недавно выстроен, – ответили служанки.

Еще издали до слуха Баоюя донеслись звуки свирелей и флейт. Миновав проходной зал, он вдруг заметил Юйчуань, которая в одиночестве сидела на террасе и плакала. Заметив Баоюя, она вздохнула и, прищелкнув

языком, воскликнула:

– Ах! Наконец-то явился феникс! Поторопитесь, не то испортите все веселье!

– Не догадываешься, где я был? – спросил Баоюй.

Юйчуань, будто не слыша, принялась утирать слезы. Очень недовольный, Баоюй вошел в расписной зал, поклонился матушке Цзя и госпоже Ван. Его приход и в самом деле был воспринят так, как если бы вдруг появился феникс.

– Откуда ты? Почему так поздно? Почему не поздравляешь свою старшую сестру? – засыпала его матушка Цзя вопросами и обратилась к Фэнцзе: – Твой братец совершенно не понимает приличий! В доме такое важное событие, а ему хоть бы что! Взял да сбежал. И никому ни слова! Если такое повторится, я пожалуюсь отцу, когда тот вернется, – пусть хорошенько его поколотит!

– Поздравление – это ладно, – сказала Фэнцзе. – А вот уехать не спросившись, не взяв с собой провожатых, брату Баоюю никак не следовало! На улицах полно повозок, лошадей, могут задавить. К тому же людям нашего круга необходимо строго соблюдать приличия!

– Почему слуги делают все, что он хочет? – возмущенно произнесла матушка Цзя. – Едут, куда ему вздумается, не доложив об этом!.. Где ты был? Ел что-нибудь? В дороге с тобой ничего не случилось?

– У Бэйцзинского вана умерла любимая наложница, – стал оправдываться Баоюй, – и я поехал выразить ему соболезнование. И так он плакал и убивался, что я не мог сразу его покинуть.

– Смотри, больше не уезжай тайком! – сказала матушка Цзя. – Не то в самом деле пожалуюсь отцу!

Баоюй обещал.

Матушка Цзя хотела распорядиться, чтобы поколотили слугу, который сопровождал Баоюя, но ее принялись отговаривать:

– Не сердитесь, почтенная госпожа! Баоюй обещал, что такое больше не повторится. Ничего не случилось, он дома, так что давайте лучше повеселимся!

Стоило матушке Цзя увидеть Баоюя, как гнев ее моментально сменился радостью.

Вскоре пришла Сижэнь. Все успокоились и продолжали смотреть представление.

Актеры показывали пьесу «Терновая шпилька». Матушка Цзя и тетушка Сюэ то плакали, то смеялись, то выражали негодование, будто все это было не на сцене, а в жизни.

Если хотите узнать, чем окончился праздник, прочтите следующую главу.

Глава сорок четвертая

Непредвиденная случайность вызывает у Фэнцзе ревность;

после пережитой неприятности Пингэр приводит в порядок свой туалет

Итак, Баоюй и сестры смотрели пьесу «Терновая шпилька».

В начале акта «Муж совершает жертвоприношение» Дайюй сказала Баочай:

– Этот Ван Шипэн какой-то странный: не все ли равно, где устраивать жертвоприношение? Зачем бежать на берег реки! Недаром гласит пословица: «Глядя на вещь, вспоминаешь о ее хозяине». Ведь у всех вод Поднебесной источник один, поэтому можно без опасений в любом месте набрать чашку воды, поплакать над ней и так излить свои чувства.

Баочай ничего не ответила, а Баоюй, слышавший эти слова, очень смутился.

А теперь расскажем о матушке Цзя. Ей очень хотелось, чтобы в день своего рождения Фэнцзе хорошенько повеселилась. Сама она вскоре покинула пиршественный зал, прилегла на тахту и вместе с тетушкой Сюэ продолжала смотреть пьесу. Перед ними стоял маленький столик, на столике – блюда с излюбленными яствами. Они то лакомились, то беседовали между собой. Блюда с больших столов отдали служанкам, и они могли есть на террасе, как вздумается, не соблюдая этикета. Госпожа Ван и госпожа Син расположились за высоким столиком, а барышни – на циновках снаружи.

Вскоре матушка Цзя позвала госпожу Ю и сказала:

– Пусть Фэнцзе сядет на возвышение, а ты ей прислуживай, не ленись! Обязанности хозяйки возьмешь на себя, Фэнцзе надо отдохнуть – круглый год она трудится изо всех сил.

– Она говорит, что не привыкла сидеть на почетном месте, – ответила госпожа Ю, – что на возвышении чувствует себя стесненно и даже выпить не может в свое удовольствие.

– Я сама ее усажу, раз ты не можешь, – заявила матушка Цзя и позвала

Фэнцзе.

– Не верьте ей, бабушка, я уже выпила несколько чарок! – воскликнула Фэнцзе.

Матушка Цзя засмеялась и приказала госпоже Ю и служанкам:

– Отведите ее и усадите на стул, и пусть каждая из вас в знак уважения поднесет ей кубок. Придется и мне идти к ней на поклон.

Госпожа Ю улыбнулась, подхватила Фэнцзе под руку, усадила как было приказано, наполнила вином кубок и промолвила:

– Ты целый год трудишься, всячески угождаешь старой госпоже, госпоже Ван и мне, единственное, чем я могу выразить тебе свою признательность, это собственноручно поднести тебе кубок! Выпей из моих рук, хоть глоток!

– Если ты искренне желаешь выразить мне свое уважение, встань на колени, тогда я выпью, – лукаво улыбнулась Фэнцзе.

– Опомнись, кому ты это говоришь! – воскликнула госпожа Ю. – Впрочем, пусть будет по-твоему. Но только сегодня. Не думай, что так будет всегда! Зато в наказание я заставлю тебя выпить два кубка!

Отказаться было нельзя, и Фэнцзе пришлось согласиться. Затем все барышни поднесли ей по кубку – из каждого Фэнцзе отпила по два глотка. Матушке Цзя это понравилось. Она привела старых мамок, которые тоже принялись потчевать Фэнцзе вином. Чтобы никого не обидеть, Фэнцзе пила и пила. Но когда дошла очередь до Юаньян, Фэнцзе взмолилась:

– Милые сестры, пощадите! Отложим на завтра! Я непременно выпью!

– Неужели мы не заслужили твоего уважения? – обиженно произнесла Юаньян. – Сама госпожа и то не пренебрегает нами. Все тебя просят, а ты ломаешься. Может, не стоило мне сюда приходить... Не будешь пить, мы уйдем! – с этими словами Юаньян повернулась, но Фэнцзе ее удержала.

– Дорогая сестра, я выпью!..

Она взяла у Юаньян кубок, осушила до дна. Лишь после этого Юаньян успокоилась, и пир продолжался.

Захмелев, Фэнцзе почувствовала сердцебиение и решила пойти к себе отдохнуть. Но в этот момент появились фокусники, и Фэнцзе обратилась к госпоже Ю:

– Приготовь для них деньги, а я пойду проветрюсь.

Госпожа Ю кивнула. Улучив момент, когда на нее никто не смотрел, Фэнцзе встала из-за стола и через внутреннюю дверь вышла на террасу. Пинъэр выскользнула следом за ней. Фэнцзе оперлась о ее плечо, и они пошли по проходному залу. Там у выхода они заметили служанку, которая при их появлении бросилась бежать. В душу Фэнцзе закралось подозрение,

и она окликнула девушку. Та, будто не слыша, продолжала бежать. И вернулась, лишь когда Фэнцзе окликнула ее несколько раз.

Подозрения Фэнцзе усилились. Она вернулась в проходной зал, велела служанке открыть ставни, чтобы было светлей, села на ступени и приказала служанке опуститься на колени.

У служанки от страха душа ушла в пятки, она плакала в голос и стала просить о пощаде.

– Ты почему убежала? – спросила Фэнцзе. – Я ведь не злой дух.

– Я вас даже не видела, госпожа, – сквозь слезы отвечала девушка. – Просто вспомнила, что в комнатах не осталось никого из служанок, вот и побежала.

– А сюда зачем приходила, раз в комнатах никого нет? – продолжала допытываться Фэнцзе. – И почему не остановилась, когда мы с Пиньэр тебя звали? Оглохла, что ли? Ведь не так далеко ты была! Лучше не отпирайся, говори правду.

Фэнцзе дала служанке две звонкие пощечины, та даже покачнулась, щеки вспухли и покраснели.

– Госпожа, не так сильно, пожалейте свою ручку! – сказала Пиньэр.

– Тогда бей сама, – приказала Фэнцзе, – и спроси, почему она хотела от нас убежать. Не признается – велю прижечь ей язык!

Услышав это, служанка едва не умерла от страха и крикнула:

– Это второй господин Цзя Лянь велел мне следить за вами и, если вы уйдете с пира, сразу сказать ему. Но вы появились так неожиданно, что я растерялась!

Фэнцзе, заподозрив неладное, снова спросила:

– Зачем это господину понадобилось за мной следить? Неужели он боится, что я приду домой? Что-то тут не так! Говори, тогда пощажу! А не скажешь, велю вырезать у тебя кусок мяса!

Она вытащила из головы шпильку и с силой ткнула ею прямо в лицо служанки.

Охнув от боли, служанка вскричала:

– Я все расскажу, госпожа, только не выдавайте меня!

Стоявшая рядом Пиньэр утешала девушку, торопя поскорее рассказать все, что она знает.

– Второй господин Цзя Лянь только что пришел домой, вынул из ящика два слитка серебра, две головные шпильки, два куска шелка, велел отнести жене слуги Баоэра и передать, чтобы она пришла к нему, – сказала служанка. – Жена Баоэра приняла подарки и вскоре пришла. Тогда второй господин велел мне дожидаться, когда вы будете возвращаться с пира, и

сказать ему. Больше я ничего не знаю.

Фэнцзе задохнулась от гнева, но быстро овладела собой и побежала к дому. Девочка-служанка, выходящая из ворот, при ее появлении пустилась наутек. Фэнцзе окликнула ее. Девочка оказалась умной и сообразительной и, как только поняла, что скрыться не удастся, бросилась навстречу Фэнцзе и с улыбкой сказала:

– Я как раз хотела идти за вами, госпожа!

– Зачем? – спросила Фэнцзе.

– Сказать, что второй господин дома... – ответила та и повторила все, что Фэнцзе уже слышала.

– А ты что в это время делала? – обрушилась на нее Фэнцзе. – Почему раньше не сказала, а когда увидела меня, стала оправдываться?

Она дала служанке такую оплеуху, что та отлетела в сторону, а сама тихонько подкралась к дому.

– Хорошо бы, твой Янь-ван^[15] поскорее издох! – услышала она донесшийся из окна голос.

– Но мне тогда пришлось бы взять другую! – ответил Цзя Лянь. – Кто может поручиться, что она окажется лучше?

– После ее смерти возьми в жены Пиньэр. Она добрее! – сказал женский голос.

– Она и Пиньэр ко мне не подпускает, – произнес Цзя Лянь. – Пиньэр злится, но сказать об этом не смеет. И за какие только грехи мне достался этот черт в юбке?

Тут Фэнцзе затряслась от злости, подумав, что и Пиньэр ее за глаза ругает. Хмель ударил Фэнцзе в голову, ни в чем не повинная Пиньэр схлопотала две пощечины, после чего Фэнцзе, распахнув дверь, влетела в комнату. Она вцепилась в жену Баоэра и принялась было ее колотить, но, боясь, как бы Цзя Лянь не улизнул, стала в дверях и разразилась бранью:

– Потаскуха! Подлая тварь! Крадешь мужа у жены да еще желаешь ей смерти!.. Ну-ка, Пиньэр, подойди ко мне! Все вы, потаскухи, одной веревочкой связаны, все меня ненавидите! Только и знаете что обманывать!

Она дала Пиньэр еще несколько пощечин, и та, глотая слезы, стала кричать:

– Мало того, что сами занимаетесь непотребными делами, так еще и меня впутываете!..

И она с кулаками набросилась на жену Баоэра.

Надо сказать, что Цзя Лянь уже успел выпить, пришел домой в веселом настроении и забыл об осторожности. Фэнцзе застала его врасплох, и он растерялся. Когда Фэнцзе била жену Баоэра, Цзя Лянь,

чувствуя себя виноватым, не вмешивался, но стоило это сделать Пиньэр, как он вышел из себя, пнул ее ногой и заорал:

– И ты в драку, блудница!

Пиньэр, не очень-то смелая от природы, сразу сникла и, плача, вскричала:

– Не путайте меня в свои дела!

Тут Фэнцзе еще больше распалилась и приказала Пиньэр хорошенько отделать жену Баоэра. Доведенная до отчаяния, Пиньэр бросилась искать нож, чтобы покончить с собой, но, как только выбежала из комнаты, служанки принялись ее утешать. А Фэнцзе бросилась к Цзя Ляню и запричитала:

– Я все слышала! Они хотят меня погубить! Лучше сам меня задуши!

– С какой стати я буду тебя душить! – вскипев от гнева, закричал Цзя Лянь, схватив со стены меч. – Я всех перебью, пусть даже мне придется поплатиться за это жизнью!

В разгар скандала появилась госпожа Ю в сопровождении целой толпы слуг и служанок.

– Что случилось? – воскликнула она. – Только что все веселились, и вдруг на тебе, крик и шум!

Тут Цзя Лянь совсем разошелся и стал кричать, что убьет Фэнцзе. Зато Фэнцзе сразу притихла и, плача, побежала к матушке Цзя.

Пьеса к этому времени уже окончилась, и матушка Цзя отдыхала. Фэнцзе бросилась к ней в ноги и взмолилась:

– Бабушка, спасите! Муж собирается меня убить!

– В чем дело?! – переполошились матушка Цзя и госпожа Син.

– Я пошла домой переодеться, – стала рассказывать Фэнцзе, – и вдруг слышу, муж с кем-то разговаривает! Я думала, у него гости, и не посмела войти, остановилась под окном. Оказалось, у него жена Баоэра! Они советовались, как меня известить, хотели подсыпать мне яду, а после моей смерти муж обещал сделать своей законной женой Пиньэр! Я рассердилась и поколотила Пиньэр, но с ним не посмела ругаться и только спросила, за что он желает мне смерти. Цзя Лянь не знал, куда деваться от стыда, и погнался за мной, чтобы убить!

– Этого еще не хватало! – выслушав ее, закричала матушка Цзя. – Ну-ка приведите сюда негодяя!

Не успела она это произнести, как появился Цзя Лянь с мечом в руках. За ним бежали толпой слуги. Цзя Лянь был уверен, что матушка Цзя его любит, что все сойдет ему с рук, и слушать никого не хотел.

– Негодьяй! – закричали госпожи Син и Ван, бросаясь ему навстречу. –

Совсем с ума сошел! Ведь старая госпожа здесь!

– Старая госпожа во всем попустительствует этой дряни, иначе она не посмела бы мне перечить! – крикнул Цзя Лянь и остановился, глядя исподлобья. – Еще и ругать меня вздумала!

– Вон отсюда! – закричала госпожа Син, вырывая меч из рук Цзя Ляня. Но тот кривлялся и нес всякий вздор.

– Я знаю, нас, женщин, ты ни во что не ставишь! – закричала матушка Цзя. – Сейчас позовем отца! Быть может, его ты слушаешь!

Цзя Лянь бросился вон. Он был так разгневан, что домой не пошел, а отправился ночевать к себе в кабинет.

Госпожи Син и Ван стали успокаивать Фэнцзе, а матушка Цзя сказала:

– Ну что за важность! Он еще молод и блудлив, словно кот. Разве его удержишь? Кто в молодости не ошибается? Это я виновата! Позволила Фэнцзе выпить лишнего, а у нее вспыхнула ревность!

Все засмеялись.

– Не беспокойся, – продолжала матушка Цзя, – завтра я заставлю твоего муженька просить у тебя прощения! А сейчас разговаривать с ним бесполезно! Но какова эта паршивка, Пиньэр! Кто бы мог подумать, что она занимается подобными делами!

– Пиньэр ни при чем! – вступилась за служанку госпожа Ю. – Просто Фэнцзе выместила на ней свою злость! Муж с женой ссорятся, а гнев на Пиньэр срывают. Конечно, ей обидно! Так что вы зря ее ругаете, почтенная госпожа!

– Пожалуй, ты права, – согласилась матушка Цзя. – Эта девочка не похожа на потаскушку! Жаль, что Фэнцзе ее обидела! Пойди скажи Пиньэр, – обратилась она к Хупо, – что завтра же я велю ее господину и госпоже просить у нее прощения. А нынче не хочу портить Фэнцзе праздник.

Ли Вань увела плачущую Пиньэр в сад Роскошных зрелищ.

Бедняжка слова не могла вымолвить, захлебываясь слезами.

– Ты умная девушка, – принялась утешать ее Баочай. – Вспомни, как добра к тебе госпожа! Ну, а сегодня она выпила лишнего и на тебе сорвала свой гнев! Не рассердись она, ее сочли бы лицемеркой и стали смеяться.

В это время пришла Хупо и передала приказание матушки Цзя. Пиньэр просияла от радости.

Баочай между тем, отдохнув немного, решила прогуляться и навестить матушку Цзя и Фэнцзе. Как только она ушла, Баоюй пригласил Пиньэр во двор Наслаждения пурпуром.

– Я сразу хотела позвать тебя к нам, – обрадовалась Сижэнь, – но

госпожа Ли Вань и барышни тебя увели.

– Спасибо тебе, – улыбаясь, промолвила Пиньэр и добавила: – Ты только подумай, как незаслуженно меня оскорбили!

– Но ведь госпожа Фэнцзе всегда к тебе хорошо относилась, – возразила Сижэнь. – А тут на нее нашло. С кем не бывает?

– О госпоже я не говорю, – ответила Пиньэр. – Но с какой стати эта потаскушка сделала из меня посмешище, а наш глупый господин поколотил!

Снова по лицу Пиньэр покатались слезы.

– Дорогая сестра, не расстраивайся, – стал утешать ее Баоюй, – я за них обоих прошу у тебя прощения.

– Вы-то совсем ни при чем, – промолвила Пиньэр.

– Мы, братья и сестры, единое целое, – возразил Баоюй. – Потому друг за друга в ответе... Как жаль, что ты испачкала свое новое платье! – вдруг вскричал он, желая отвлечь Пиньэр от этого разговора. – Надень пока платье сестры Сижэнь, а мы с твоего смоем пятна и хорошенько прогладим. Да и причесаться тебе не мешает.

Баоюй велел принести воды и согреть утюг.

Пиньэр давно слышала, что Баоюй ласков и обходителен с девушками. Баоюй же досадовал, что не может сблизиться с Пиньэр – она была наложницей Цзя Ляня и доверенной служанкой Фэнцзе.

Тем временем Сижэнь открыла сундук, вытащила два почти новых платья и отдала Пиньэр. Та стала умываться.

Баоюй стоял рядом и говорил, улыбаясь:

– Тебе, сестра, еще надо нарумяниться и припудриться, тогда ничего не будет заметно. Ведь у твоей госпожи сегодня торжественный день. Кроме того, старая госпожа присылала служанку тебя утешить.

Пиньэр сочла совет Баоюя разумным, но никак не могла найти пудру. Тогда Баоюй подбежал к туалетному столику и открыл вазочку из фарфора времен Сюань-дэ^[16], там лежали яшмовые пластинки, в каждой пластинке – десять гнезд, в гнездах – тюбики с пудрой, румянами, помадой. Баоюй взял одну пластинку и протянул Пиньэр со словами:

– Здесь есть пудра из цветов жасмина с добавлением благовоний.

Пиньэр взяла тюбик с бледно-розовой пудрой, высыпала немного на ладонь и потерла щеку. Пудра и в самом деле была отменной – нежной и мягкой, она ложилась ровным слоем и освежала лицо. В другом тюбике оказалась розовая паста. Это были румяна.

– Таких румян в лавке не купишь, – сказал Баоюй. – Там они какого-то тусклого, грязного цвета. Эти же сделаны из эссенции лучших румян. Ее

развели в воде, дали отстояться, затем сварили на пару из росы, собранной с цветов. Одной капельки этих румян на кончике шпильки достаточно, чтобы накрасить губы; а если добавить чуть-чуть воды и растереть на ладони, то второй каплей можно нарумянить лицо.

Пиньэр сделала все, как сказал Баоюй. Румяна и в самом деле были свежие и ароматные – лицо благоухало. После этого Баоюй взял нож, каким обычно срезают стебли бамбука, срезал цветок осенней душистой кумарунии, только что распутившийся в вазе, и приколот к волосам Пиньэр. В этот момент Ли Вань прислала служанку сказать Пиньэр, что ее зовет госпожа.

Баоюй был раздосадован. Он давно ждал случая сделать Пиньэр что-нибудь приятное. Ему нравилось, что девушка умна и хороша собой, не в пример иным служанкам, настоящим тупицам. К тому же день рождения Фэнцзе совпадал с днем рождения Цзиньчуань, не так давно покончившей с собой. Воспоминания о ней омрачали радость Баоюя и весь день не давали покоя. А тут еще скандал между Фэнцзе и Цзя Лянем. И все же радость встречи с Пиньэр развеяла печаль Баоюя. Он прилег и предался размышлениям. Цзя Лянь, думал он, груб с женщинами, ему бы только заниматься распутством. А Пиньэр – круглая сирота, некому за нее заступиться, даже братьев и сестер нет, вот и приходится ей все терпеть от господ – Цзя Ляня и Фэнцзе. Как же она несчастна! Тут Баоюй еще больше расстроился, встал с кровати, взял платье Пиньэр, погладил и аккуратно сложил. Мокрый от слез платочек Пиньэр он сполоснул и повесил сушить. В его душе смешались радость с печалью. Он отправился в деревушку Благоухающего риса, поболтал с Ли Вань и ушел, когда настало время зажигать лампы.

Ночь Пиньэр провела у Ли Вань, а Фэнцзе у матушки Цзя. Вернувшись домой поздно вечером, Цзя Лянь никого не застал, но идти за женой постеснялся. Утром, проснувшись, он вспомнил о ссоре и его охватило раскаяние.

В это время к нему пришла госпожа Син звать его к матушке Цзя. Цзя Ляню стыдно было показаться ей на глаза, но ничего не поделаешь, пришлось идти. Представ перед старой госпожой, Цзя Лянь опустился на колени.

– Ну, что скажешь? – строго спросила матушка Цзя.

– Умоляю, простите меня! – с трудом вымолвил Цзя Лянь. – Я вчера выпил лишнего и, сам того не желая, причинил вам беспокойство.

– Негодяй! – гневно произнесла матушка Цзя. – Налакался зелья и радуйся! Так нет, он еще вздумал жену бить! Ведь Фэнцзе все считают

деспотичной, но ты и ее напугал, едва не убил, хорошо, она ко мне прибежала!..

Цзя Ляню было обидно, что его одного во всем обвиняют, но перечить он не посмел и лишь кивал головой в знак согласия.

– Мало тебе Фэнцзе и Пиньэр? Ведь обе – красавицы, – продолжала матушка Цзя. – А ты целыми днями гоняешься за гулящими девками, каждую дрянь в дом тащишь! Из-за какой-то паршивой потаскухи избил жену и наложницу! Скажи спасибо, что ты из знатной семьи, в простой – тебя бы по щекам отхлестали за такое! Сейчас же проси у жены прощения и отведи домой, тогда я забуду о случившемся! А вздумаешь упрячиться, на глаза не показывайся.

Слова матушки Цзя расстроили Цзя Ляня, но когда он взглянул на Фэнцзе, неубранную, с пожелтевшим после бессонной ночи лицом, сердце его сжалось от боли.

«Попрошу у нее прощения, – решил он, – так будет лучше. И старая госпожа останется довольна...»

– Я охотно выполню приказ почтенной госпожи, – промолвил он, – боюсь только, что после этого с женой вообще сладу не будет.

– Глупости говоришь, – улыбнулась матушка Цзя. – Она женщина порядочная и приличия знает! Если же она в чем-нибудь перед тобой провинится, я прикажу тебе ее наказать.

Цзя Лянь поднялся с колен, низко поклонился Фэнцзе и промолвил:

– Я виноват перед тобой, не сердись!

Все рассмеялись. А матушка Цзя с улыбкой сказала:

– Если Фэнцзе не перестанет сердиться, я сама на нее рассержусь!

Сказав так, матушка Цзя приказала позвать Пиньэр, чтобы Цзя Лянь и Фэнцзе ее успокоили. Взглянув на Пиньэр, Цзя Лянь забыл обо всем на свете, недаром гласит пословица: «Наложница всегда лучше жены». Он бросился к Пиньэр и сказал:

– Прости, что я тебя обидел! И за твою госпожу я приношу извинения!

Он низко поклонился Пиньэр, насмешив матушку Цзя и Фэнцзе. Затем матушка Цзя приказала Фэнцзе извиниться перед Пиньэр, но Пиньэр сама подошла к госпоже и, поклонившись ей до земли, промолвила:

– Желаю вам всяческого счастья, моя госпожа, я вас разгневала и за это была строго наказана!

Фэнцзе, испытывая стыд и раскаяние, крепко обняла девушку и заплакала.

– Я много лет вам служу, госпожа, и вы никогда меня пальцем не тронули, – продолжала Пиньэр. – Я не сержусь на вас, понимаю, что во

всем виновата та потаскушка!

По щекам Пиньэр снова заструились слезы.

Матушка Цзя позвала служанок и велела им проводить Цзя Ляня, Фэнцзе и Пиньэр домой.

– Смотрите! – предупредила она. – Кто снова вспомнит об этой ссоре, быть тому битым!

Цзя Лянь, Фэнцзе и Пиньэр низко поклонились матушке Цзя, госпоже Син и госпоже Ван и удалились.

Дома Фэнцзе сказала Цзя Ляню:

– Неужели я в самом деле так страшна, как Янь-ван или якша? Та дряннь желала мне смерти, а ты ей поддакивал! Неужели на тысячу плохих дней у нас не было ни одного хорошего? Обидно, что какую-то потаскуху ты ставишь выше жены! Как после этого жить на свете?!

Она закрыла лицо руками и заплакала.

– Тебе все мало! – воскликнул Цзя Лянь. – Лучше подумала бы, кто из нас больше виноват? Ты своего добила, я на коленях просил у тебя прощения! Чего же ты еще хочешь? Чтобы я тебе кланялся? Не бывать этому! Кто требует слишком много, может все потерять!

Сказано это было до того выразительно, что Фэнцзе не нашлась что ответить, а Пиньэр хихикнула.

– Ладно, – улыбнулся Цзя Лянь. – Просто не знаю, что с вами делать!

В этот момент вбежала служанка с криком:

– Жена Баоэра повесилась!..

Цзя Лянь и Фэнцзе вздрогнули. Но Фэнцзе тотчас же оправилась от испуга и крикнула:

– Подохла, и ладно! Что тут особенного? Нечего поднимать шум из-за пустяков!

Вскоре пришла жена Линь Чжисяо и сказала:

– Родственники жены Баоэра хотят подавать на вас в суд!

– Пусть подают! – усмехнулась Фэнцзе. – Я сама собиралась подать на нее.

– Я их уговаривала не подавать, – сказала жена Линь Чжисяо, – даже припугнула, потом пообещала денег, и, думаю, все обойдется.

– Нет у меня денег, – перебила ее Фэнцзе. – Да и были бы, не дала! Нечего их ни уговаривать, ни запугивать – пусть подают в суд! Дела они не выиграют, я еще привлеку их к ответу за «вымогательство от имени покойницы»!

Жена Линь Чжисяо не знала, как быть, но, заметив, что Цзя Лянь делает ей знаки, вышла и стала ждать. Между тем Цзя Лянь сказал Фэнцзе:

– Пойду разузнаю, как там дела.

– Только не вздумай давать им деньги! – предупредила Фэнцзе.

Но Цзя Лянь посоветовался с Линь Чжисяо, и тот со слугой отослал родственникам покойной двести лянов серебра. Опасаясь, как бы те не отказались от денег, Цзя Лянь договорился с квартальным старостой, чтобы тот немедленно прислал людей обследовать труп и выдал разрешение на похороны. Пришлось пострадавшей стороне смириться – в суд подавать было поздно.

Расходы на похороны Линь Чжисяо занес в приходно-расходную книгу, расписав по разным статьям, как приказал Цзя Лянь. Кроме того, Цзя Лянь дал несколько лянов серебра Баоэру и пообещал найти ему хорошую жену.

Для Баоэра это была большая честь, и он не только не сердился, но по-прежнему заискивал перед Цзя Лянем. Однако подробно мы об этом рассказывать не будем.

Фэнцзе, хоть и была обеспокоена случившимся, виду не подавала. Оставшись как-то наедине с Пиньэр, она с улыбкой сказала:

– Не сердись, это вино на меня так подействовало. Куда я тебя ударила? Покажи!

С трудом сдерживая слезы, Пиньэр ответила:

– Пустяки, вы только хотели ударить, но промахнулись.

В этот момент за дверью послышался голос служанки:

– Пришли госпожа Ли Вань и барышни!

Если вас интересует, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава сорок пятая

Дружескими речами девушки скрепляют дружеский союз;

ненастным вечером Дайюй сочиняет стихи о ненастье

Итак, как раз когда Фэнцзе старалась задобрить Пиньэр, пришли сестры и Ли Вань. Фэнцзе любезно предложила им сесть, а Пиньэр поспешила налить чай.

– Вы нагрянули целой толпой, будто получили от меня приглашения! – смеясь, сказала Фэнцзе.

– У нас к тебе два дела, – начала Таньчунь. – Первое касается меня, второе – сестры Сичунь. Старая госпожа просила нас поговорить с тобой о ней.

– И что, важные дела? – с улыбкой спросила Фэнцзе.

– Мы создали поэтическое общество, но далеко не все явились на первое собрание, – промолвила Таньчунь. – Совести у людей нет, и они нарушают правила. Вот я и подумала, не стать ли тебе арбитром нашего общества, чтобы по справедливости решать спорные вопросы. Это первое дело. А вот второе. Четвертая сестра Сичунь сейчас рисует наш сад, и ей то одного не хватает, то другого. Мы сказали об этом старой госпоже, а она говорит: «Поищите в башне, которая стоит в глубине сада. Может, найдете все необходимое. А не найдете – придется купить».

– Сочинять я не умею, – возразила Фэнцзе. – Другое дело – поесть. Тут никто со мной не сравнится!

– Не можешь писать стихов – не надо, – улыбнулась Таньчунь. – Будешь следить за порядком в нашей «Бегонии», наказывать лентяев и нерадивых.

– Нечего зубы мне заговаривать, я сразу догадалась, к чему вы клоните! – засмеялась Фэнцзе. – Посредник вам не нужен, вам нужна меняльная лавка, чтобы снабжать вас деньгами! Общество обществом, а угощение угощением. Денег у вас нет, вот и решили привлечь меня к этому делу. Правду я говорю?

– Правду, – ответили все в один голос, а Ли Вань сказала:

– У тебя что на уме, то и на языке.

– Ты считаешься старшей невесткой! – воскликнула Фэнцзе. – Но вместо того, чтобы учить барышень грамоте, правилам приличия и вышиванию, придумала какое-то поэтическое общество, а расходов нести не хочешь! О бабушке и госпожах я не говорю – они люди старые, замкнулись в себе, ничем не интересуются. Но ты! Каждый месяц получаешь десять лянов серебра, вдвое больше, чем мы! Еще десять дают бабушка и свекровь, жалеют тебя, как вдову, боятся, как бы вы с сыном не терпели лишений. В общем, выходит столько, сколько у бабушки и свекрови. К тому же тебе выделили участок земли в саду, который ты сдаешь в аренду. Ты, можно сказать, самая богатая! А семья у тебя небольшая: вместе со слугами человек десять, не больше. На еду и одежду вам отдельно дают, как и всем. Так что в год доход ваш не менее четырех-пяти сот лянов серебра! Что тебе стоит дать сестрам сто лянов на развлечения? Ну сколько лет может просуществовать ваше общество? Девушкам скоро пора замуж! Могла бы на год, пусть на два, принять на себя такие мизерные расходы! Но ты хочешь переложить их на меня, бережешь свои деньги! Разве не так?

– Вы только послушайте! – с притворным возмущением вскричала Ли Вань. – Я ей слово, а она сто! Впрочем, ничего удивительного! Нищие всегда считают копейки! Ты самая настоящая дрянь, просто тебе посчастливилось родиться в образованной чиновной семье и выйти удачно замуж! А будь ты служанка, пошла бы на все, чтобы заграбастать побольше! За что ты поколотила Пиньэр? Просто так, потому что все тебе сходит с рук! Напрасно тебя напоили. Если бы не старая госпожа, я непременно вступилась бы за Пиньэр! Не знаю, как я пережила этот проклятый день твоего рождения! До сих пор во мне кипит гнев. И после всего ты еще вздумала меня укорять! Ведь ты недостойна даже подавать Пиньэр туфли! Было бы вполне справедливо вам поменяться местами!

Слова Ли Вань встречены были дружным смехом.

– Так вот, оказывается, зачем вы ко мне пришли! Картина и общество тут ни при чем, – улыбнулась Фэнцзе, – вам просто хотелось отомстить за Пиньэр! Раз у нее появились такие заступники, теперь у меня руки связаны! Обещаю больше пальцем не тронуть Пиньэр. Барышня Пиньэр, идите сюда, при госпоже Ли Вань и барышнях я попрошу у вас прощения... Весьма сожалею, что выпила вчера лишнего и грубо обошлась с вами...

Снова раздался смех.

– Говорила я, что отомщу за тебя? – сказала Ли Вань, обращаясь к Пиньэр.

– Вам смешно, а мне каково?! – вскричала Пинъэр.

– Ладно! – произнесла Ли Вань. – Неси ключ от башни, пусть твоя госпожа поищет там то, что нам нужно.

– Шли бы вы лучше в сад и не мешали мне! – промолвила Фэнцзе. – Я как раз собиралась подсчитать расход риса в доме, и еще старая госпожа присылала за мной – хочет о чем-то поговорить. Кроме того, надо распорядиться насчет платьев барышням к Новому году!

– А мне что за дело, – засмеялась Ли Вань. – Выполни мою просьбу, и я пойду спать; пусть тогда барышни меня не тревожат!

– Милая сестрица, не уделишь ли мне хоть минутку? – с усмешкой спросила Фэнцзе. – Ты всегда меня так любила, а теперь возненавидела. Неужели из-за Пинъэр? Бывало, скажешь: «Дорогая сестрица, отдохни хоть немного от дела». Что же случилось? Того и гляди, доведешь меня до самоубийства! И если платья для барышень к сроку не будут готовы, вся вина падет на тебя! И так старая госпожа считает, что ты ничем не интересуешься, все тебе безразлично. Ладно, возьму всю вину на себя, тебя утруждать не стану!

– Нет, вы только послушайте! – вскричала Ли Вань. – Ох и острый же у нее язык!.. Ты мне прямо скажи: будешь или не будешь посредником?

– Конечно, буду, – ответила с жаром Фэнцзе. – Ведь иначе я нарушу обычаи сада Роскошных зрелищ. И свою долю внесу! Думаете, я не люблю угощений и вечно дома сижу? Завтра же вступлю в должность и для начала внесу пятьдесят лянов серебра на угощение. Только предупреждаю, ни стихов, ни сочинений я писать не умею. Следить за порядком – дело другое. Боюсь только, что, получив деньги, вы исключите меня из общества! – Эти слова вызвали смех. – Я велю вынести из башни все, что там есть, – продолжала Фэнцзе, – возьмете что нужно, а чего не найдете, купим. Кусок шелка могу вам дать. План сада у старой госпожи, сейчас его взял старший господин Цзя Чжэнь. Чтобы избавить вас от лишних хлопот, я пошлю кого-нибудь за планом, а заодно велю молодым людям загрунтовать полотно. Согласны?

– Спасибо тебе! – поблагодарила Ли Вань. – Это уже другой разговор... Идемте домой, – обратилась она к сестрам. – Если Фэнцзе не выполнит обещания, придем и устроим скандал.

С этими словами она встала и направилась к выходу. Девушки последовали за ней.

– Все это наверняка выдумал Баоюй! – крикнула вслед им Фэнцзе. – Никому больше такое в голову не придет!

– Хорошо, что напонила! – воскликнула Ли Вань, обернувшись. – Я

как раз хотела поговорить с тобой о Баюе. На первое же собрание общества он опоздал! У всех у нас мягкий характер, вот ты и скажи, как поступить с ним, как его наказать!

– Заставьте его подмести ваши комнаты, – немного подумав, ответила Фэнцзе.

– Прекрасная мысль! – смеясь, ответили девушки.

Тут на пороге появилась мамка Лай, поддерживаемая девочкой-служанкой.

– Садитесь, тетушка! – сказала Фэнцзе. Она бросилась мамке навстречу и принялась поздравлять.

Мамка Лай села на край кана и, улыбаясь, проговорила:

– Лишь благодаря милости господ у меня такая радость! Вчера, когда брат Цай принес от вас подарки, внук вышел за порог и низко поклонился в сторону вашего дома!

– Когда же внук ваш отбывает к месту новой службы? – спросила Ли Вань.

– Когда ему будет угодно, – отвечала мамка. – Я теперь ему не указ! Недавно он стал мне кланяться, так я до того расчувствовалась, что не нашла нужных слов и лишь сказала: «Дитя мое, ты, хоть и стал чиновником, не вздумай бесчинствовать и своевольничать! Тебе уже тридцать, по своему положению ты слуга, но милости господ излились на тебя в тот миг, когда ты появился на свет. Благодаря милостям господ и стараниям родителей ты выучился читать и писать, тебе, как знатному, прислуживали няньки да служанки. Ты вырос, но до сих пор не знаешь, каким иероглифом обозначается слово „раб“. Всю жизнь ты наслаждался счастьем и не представляешь, как маялись твой дед и твой отец! Они во всем себе отказывали, чтобы вырастить тебя достойным человеком. Столько серебра на тебя истрачено, что из него можно было бы отлить человека такого же, как ты, роста! Едва тебе минуло двадцать, господа пообещали купить тебе чиновничью должность. Это ли не великая милость?! Знатные и те, бывает, терпят голод и холод, а ты обрел столь великое счастье! Десять лет ты жил припеваючи, а мы к каким только уловкам не прибегали, чтобы господин помог тебе получить должность! Начальник уезда, конечно, чин небольшой, но и у него дела важные. Запомни: в каких бы местах тебе ни пришлось служить, будь отцом и матерью для народа! Будь скромным и честным, преданно служи государству, проявляй почтительность к старшим. Не то небо покарает тебя!»

Ли Вань и Фэнцзе слушали мамку с улыбкой, а потом сказали:

— Ты сомневаешься в своем внуке, а мы им очень довольны. Когда-то давно он приезжал раза два, а в последние годы вообще не появлялся. В списках поздравляющих его имя значилось лишь в новогодний праздник да в дни рождения. Как-то он приходил поклониться старой госпоже и госпоже Ван, и мы мельком видели его во дворе старой госпожи. На нем было новое чиновничье платье, и он показался нам более толстым, чем прежде. Радоваться, а не печалиться надо, что внук получил назначение! Если что не так, у него есть родители, пусть наставят его, а ты довольствуйся тем, что тебе принадлежит по праву. Выберешь время, приезжай к старой госпоже поиграть в домино или же побеседовать. Кто тебя здесь обидит, кто проявит неуважение, если ты будешь жить в богатом доме? Никто! Будешь наравне с господами!

Пинъэр поднесла мамке Лай чаю.

— Барышня! — вскочив с места, воскликнула мамка. — Вели девчонкам чай наливать, зачем утруждать себя!

Мамка Лай отхлебнула из чашки и продолжала:

— Вы не знаете, госпожа! Внук нуждается в строгом присмотре. Стоит дать ему волю, того и гляди, учинит скандал, тогда хлопот не оберешься! Люди с умом сразу поймут, что это мальчишество, иные же осуждать станут, скажут, что он, пользуясь своим положением, притесняет слабых, вот и пострадает доброе имя господ. Я никак не могла с ним сладить и не раз жаловалась родителям, просила его наказать. После этого он немного исправился... Взять хотя бы тебя! — Она ткнула пальцем в Баюя, который тоже был здесь. — Обижайся не обижайся, а я правду скажу: отец с тобой строг, а старая госпожа только портит, поблажки дает, защищает. Все знают, как дед колотил твоего отца в детстве! Но отец не безобразничал, как ты! Или же взять твоего дядю Цзя Шэ! Озорничать он, конечно, любил, но, не в пример тебе, за девушками не волочился, и все же ему каждый день попадало. А отец Цзя Чжэня из восточного дворца? Он по пустякам вспыхивал, как масло, попавшее на огонь! А с сыном обходился словно со злодеем или разбойником. А теперь точно так же воспитывает своих детей господин Цзя Чжэнь, собственными глазами вижу, собственными ушами слышу. Он себя не щадит, но и от него пощадить не жди, если в чем-нибудь провинился. Как же детям и племянникам его не бояться?! Если ты мальчик умный, должен радоваться моим словам, если же глупый, ругаешь меня в душе, только вслух боишься сказать!

В это время пришла жена Лай Да, а следом за нею — жены Чжоу Жуя и Чжан Цая, у них были к Фэнцзе дела.

— Ты за свекровью пришла? — спросила Фэнцзе у жены Лай Да.

– Нет, – ответила та. – Я пришла спросить, не удостоите ли вы, госпожа и барышни, нас своим посещением?

– О-хо-хо! Башка моя дурья! – воскликнула мамка Лай. – Завела речь о «залежалом зерне и гнилом кунжуте»!^[17] А главное забыла сказать. Ведь внук мой назначен на должность, родные и друзья хотят его поздравить, и нам приходится устраивать угощение. Я и подумала, что в один день всех пригласить невозможно. И получится неудобно. Помня, что счастье мы обрели лишь благодаря господам нашим, мы решили пировать целых три дня, даже если бы нам пришлось разориться. В первый день мы расставим в нашем скромном саду несколько столов, соорудим подмости для актеров и пригласим старую госпожу, госпожу Ван, госпожу Син, невесток и барышень; еще несколько столов поставим в большом зале, где тоже соорудим сцену, и туда пригласим господ, тогда будет настоящий праздник. На второй день мы пригласим родных и друзей, а на третий – всех знакомых из дворцов Жунго и Нинго... Ради такого великого счастья, обретенного нами благодаря господам, не грех и три дня повеселиться!

– Когда же вы решили устроить праздник? – спросили Ли Вань и Фэнцзе. – Мы непременно придем. А пожалуйет ли старая госпожа – не знаем.

– Мы выбрали для праздника четырнадцатое число и очень надеемся, что господа окажут нам честь своим посещением, – поспешила сказать жена Лай Да, опередив свекровь.

– Как другие – не знаю, но сама я непременно приду, – заверила Фэнцзе. – Только давайте заранее уговоримся, никаких поздравлений и подарков от меня не будет, посижу немного, поем и уйду. Так что не обессудьте!

– Зачем вы так говорите, госпожа? – улыбнулась жена Лай Да. – Главное, чтобы вам понравилось наше угощение, это будет лучше самого дорогого подарка!

– Я только что была у старой госпожи, она обещала непременно прийти, – сказала мамка Лай. – Разве не выказала она этим мне своего уважения?

Она поднялась, еще несколько раз повторила свое приглашение и собралась уходить. Но в этот момент заметила жену Чжоу Жуя. Стукнув себя по лбу, будто что-то вспомнив, мамка Лай спросила:

– Не скажете ли, госпожа, в чем провинился сын тетушки Чжоу? Почему его выгнали?

– Я давно хотела об этом поговорить, но за делами все забывала, – с улыбкой ответила Фэнцзе. – Когда вернетесь домой, передайте мужу, что во

дворцах Жунго и Нинго в услугах сына тетушки Чжоу больше не нуждаются, пусть идет на все четыре стороны.

Жена Лай Да закивала, а жена Чжоу Жуя бросилась на колени и стала умолять Фэнцзе простить ее сына.

– В чем дело? – спросила мамка Лай. – Расскажите, может быть, я чем-нибудь помогу.

– Вчера был день моего рождения, – стала рассказывать Фэнцзе. – Сынок ее первым успел налакаться. Он как раз дежурил у ворот, и когда мать принесла мне подарки, не принял их, не разобрал и не принес в дом. Мало того, стал поносить всех, кто принес подарки! Лишь после того, как две наших служанки его уняли, он соизволил позвать слуг, чтобы подарки отнесли в дом. Слуги принесли все в целости и сохранности, он же взял короб с пампушками, но споткнулся, и пампушки рассыпались. Когда все разошлись, я послала Цаймин сделать ему выговор, но он и ее обругал. Вот до чего обнаглел! Ну что после этого делать с таким негодяем, если не выгнать?

– Вот оно что, оказывается! – воскликнула мамка Лай. – Не сердитесь, госпожа, за то, что я вам скажу: если он провинился, надо его побить, поругать, чтобы впредь неповадно было, а выгонять, пожалуй, не стоит. Его нельзя равнять со слугами, что родились у вас в доме. Его привезла госпожа Ван, когда вышла замуж и переехала сюда. Вряд ли госпоже будет приятно узнать, что его прогнали. Прикажите дать ему несколько палок, и все. Если не ради его матери, то хотя бы ради госпожи!

– Ладно! – уступила наконец Фэнцзе и обратилась к жене Лай Да: – Завтра же приведите парня сюда и дайте ему сорок палок да предупредите, чтобы больше не пил!

Жена Лай Да кивнула головой. Обрадованная жена Чжоу Жуя хотела поклониться мамке Лай, но жена Лай Да ее оттащила в сторону.

Вскоре старухи ушли. А Ли Вань и сестры возвратились в сад.

Вечером Фэнцзе приказала служанкам разыскать оставшиеся от прежних времен принадлежности для живописи и отнести в сад. Баочай все тщательно пересмотрела, пригодной оказалась лишь половина вещей.

На следующий день составили список того, что необходимо купить, и вручили Фэнцзе. Но рассказывать об этом подробно мы не будем.

И вот наконец прогрунтованный холст с нанесенным на него эскизом был доставлен Сичунь, которой помогал Баоюй. Время от времени к ним приходили Таньчунь, Ли Вань, Инчунь и Баочай. Посмотрят, поболтают и уйдут.

С каждым днем холодало, ночи становились длиннее, и Баочай, захватив рукоделие, часто приходила к матери вечерами поговорить. Днем она дважды навещала матушку Цзя, шутила, смеялась, притворяясь веселой. В свободное время заглядывала к сестрам поболтать. В общем, почти весь день у нее был занят, и она ложилась спать только в третью стражу.

Осенью и весной постоянно болела Дайюй. А нынешней осенью еще переутомила, поскольку гуляла и веселилась больше обычного – надо было вместе с матушкой Цзя участвовать во всех празднествах. И теперь у Дайюй начался сильный кашель и ей стало так худо, как никогда прежде. Она совсем не выходила из дому, все время лежала, без конца принимала лекарства. В минуты особенно острой тоски ей хотелось видеть сестер. Но стоило им прийти, как она раздражалась. Все ей сочувствовали, старались не обижать и не сердились за то, что она часто пренебрегала приличиями.

Как-то Баочай пришла навестить Дайюй и завела разговор о ее болезни.

– К тебе один за другим ходят врачи, – сказала она, – ты принимаешь столько лекарств, и все без толку. Попроси, чтобы пригласили опытного доктора. Или тебе нравится каждую весну и осень болеть? Это никуда не годится!

– Моя болезнь неизлечима, никакие врачи не помогут, – ответила Дайюй. – Это ясно с первого взгляда, стоит только посмотреть, даже когда нет приступов!

– Об этом я и хотела поговорить, – промолвила Баочай. – Древняя пословица гласит: «Живет долго тот, кто хорошо ест!» А ты почти не притрагиваешься к еде. Откуда же у тебя возьмутся телесные и душевные силы?

– Жизнь и смерть посылает Судьба, богатство и знатность – Небо, – ответила Дайюй. – И человек тут бессилен. С каждым годом я чувствую себя все хуже и хуже.

Во время разговора у Дайюй несколько раз начинались приступы кашля.

– Вчера на глаза мне попался рецепт, который тебе выписал доктор, – промолвила Баочай. – По-моему, там слишком много женьшеня и циннамона. Говорят, это снадобья укрепляющие, но увлекаться ими не стоит. Прежде всего тебе надо лечить желудок и печень. Погаснет огонь в печени, поправится желудок, улучшится пищеварение. Советую тебе каждое утро, как только встанешь, взять два ляна ласточкиных гнезд, пять цянней сахарных леденцов и сварить отвар. Он лучше всякого лекарства и

действует укрепляюще.

– Ты так добра, – со вздохом произнесла Дайной. – Я же из-за своей мнительности думала, ты хитришь. Но в тот день, когда ты уговаривала меня не читать непристойные книги и утешала, я поняла, что заблуждалась. Меня это тронуло до глубины души. С тех пор как моя мать покинула этот мир и я осталась совсем одна, без сестер и братьев, никто так дружески, так искренне со мной не говорил. Недаром Сяньюнь считает тебя доброй. А я с ней спорила, пока сама не убедилась в твоей доброте! Я вечно задевала тебя, насмехалась, а ты все равно была со мной ласкова. Я говорю так, потому что верю в твою искренность. Вот ты советуешь мне пить отвар из ласточкиных гнезд! Достать их нетрудно. Только вряд ли они помогут, со здоровьем у меня совсем плохо. Болезнь каждый год обостряется. И так мне без конца приглашают врачей, готовят лекарства из женьшеня и циннамона, я весь дом подняла на ноги. Если я попрошу отвар из ласточкиных гнезд, бабушка, тетя и Фэнцзе, конечно, не откажут, а прислуга будет ворчать, что со мной много хлопот. Сама подумай. Брата Баоюя и сестру Фэнцзе готовы съесть, потому что старая госпожа их любит, каких только пакостей о них не говорят? А я вообще здесь чужая, нет у меня ни опоры, ни поддержки, приютили на время, и ладно. Прислуга и так меня ненавидит, зачем же навлекать на свою голову проклятья?

– Кстати, мое положение не лучше твоего, – сказала Баочай.

– Ну как ты можешь сравнивать! – воскликнула Дайной. – У тебя есть мать, старший брат, вы здесь ведете торговлю, владеете домами, на родине у вас тоже есть дома и земли. Вы в гостях у родственников, ни в чем от них не зависите, в любое время можете уехать. У меня же нет ничего! Меня кормят, поят, одевают, обувают как родную дочь. Сама посуди, не вызывает ли это зависти у всяких ничтожных людишек?

– Стоит ли говорить о таких пустяках! – воскликнула Баочай. – Единственное, на что придется немного потратиться, это на свадебный убор для тебя, но пока об этом не идет речь!

Щеки Дайной залились румянцем.

– Я считала тебя серьезной, а ты вздумала надо мной насмехаться! – произнесла она. – Ведь я все рассказала, надеясь найти у тебя сочувствие!

– Я, разумеется, пошутила, но в каждой шутке есть доля правды, – ответила Баочай. – Ты только не беспокойся, пока я здесь, буду тебя навещать. Понадобится что-нибудь или же кто-то тебя обидит, говори, не стесняйся, все, что в моих силах, я сделаю. Старший брат у меня есть, конечно, но ты знаешь, какой он! Мама единственный близкий мне человек! В общем, обе мы с тобой одиноки и потому друг другу

сочувствуем. Ты умна, зачем же постоянно «вздыхать, как Сыма Нью»^[18]? То, что ты говоришь, верно, лучше не утруждать никого понапрасну. Завтра же поговорю с мамой и, если у нас еще есть ласточкины гнезда, пришлю тебе несколько лянов. Вели служанке каждый день готовить отвар – тогда не придется никого беспокоить.

– Все это не имеет значения, но я так тебе признательна за заботу! – улыбнулась Дайюй.

– Стоит ли говорить об этом! – промолвила Баочай. – Мне только жаль, что не каждому я в силах сделать добро!.. Впрочем, ладно, ты, наверное, устала, и мне пора уходить.

– Приходи еще вечером, – попросила на прощанье Дайюй.

Баочай обещала и вышла из комнаты. И о ней мы пока больше рассказывать не будем.

Дайюй между тем выпила немного рисового отвара и снова легла. Солнце клонилось к закату. Неожиданно небо нахмурилось, в листве зашумел мелкий морозящий дождь, и сразу стало уныло и мрачно. Наступили сумерки, быстро стемнело. Слушая грустную песню дождя, Дайюй еще острее ощутила свое одиночество. Она знала, что Баочай из-за дождя не придет, встала с постели, взяла первую попавшуюся под руку книгу. Это было «Собрание народных напевов», среди которых оказались песни «Осенняя печаль одинокой женщины» и «Грусть расставания». Волнение охватило Дайюй, она взяла кисть и быстро написала стихи в подражание «Расставанию» и «Цветам на реке в лунную весеннюю ночь».

Ненастный вечер у осеннего окна

Осенних цветов увяданье печально,
На травах осенних бледна желтизна,
Мерцая, чуть светит осенний светильник,
Осенняя ночь так темна и длинна!
И чувствую около окон осенних:
Предела осенней тоске не найдешь!
Ничто не поможет развеять печали,
Когда в этом мире лишь ветер да дождь.
Зачем же так истошно ветры с дождями
Всю осень шумят от темна до темна
И так же внезапно мою оборвали

Блаженную зелень мечты у окна?^[19]
Осенние думы наполнили душу,
Пытаюсь заснуть, но не ведаю сна, —
И вот зажигаю за ширмой осенней
Свечу, чтобы слезы роняла она.^[20]
Слезу за слезой на подсвечник роняя,
Огарок его омывает края,
Печалью и скорбью меня наполняя
О тех, с кем в разлуке, с кем дума моя...
В чей двор обезлюдевший ветер осенний
Проникнуть не сможет, сквозь стены пройдя?
Чьи окна осенние в пору такую
Не слышат унылого шума дождя?
Не в силах, увы, одеяло из шелка
Меня от осеннего ветра спасти,
Все больше воды проникает в жилище,
А дождь утихает, чтоб снова пойти.
Все ночи подряд льет и льет заунывно,
И ветер шумит все сильнее и сильнее,
И вместе со мной при светильнике ночью
Скорбит о печали-разлуке моей...
Холодною дымкой окутанный дворик.
Здесь проблеска нет для грустящей души.
Бамбук поредевший. В окне – запустенье.
Лишь падают капли на землю в тиши.

Дайюй перечитала стихотворение, отложила кисть и уже собралась лечь спать, как вдруг вошла девочка-служанка и доложила:

– Пришел второй господин Баоюй.

Только она ушла, на пороге появился Баоюй в широкополой бамбуковой шляпе и накинутом на плечи дождевом плаще.

– Откуда такой рыболов? – завидев его, с улыбкой спросила Дайюй.

– Как себя чувствуешь? – не отвечая на шутку, осведомился Баоюй. – Лекарство пила? Как аппетит?

Он снял шляпу, сбросил плащ, посветил лампой на лицо Дайюй, свободной рукой заслоняя от света глаза.

– Сегодня ты выглядишь лучше, – произнес он, внимательно оглядев Дайюй.

На Баоюе был короткий халат из красного шелка, перехваченный в талии широким поясом, одновременно служившим полотенцем для вытирания пота, зеленые шелковые штаны, на ногах – носки, вышитые шелком и золотом, и домашние туфли с узором из бабочек, порхающих среди цветов.

– Что же ты в дождь надел такие туфли? – заволновалась Дайюй. – Скорее снимай их и просуши!

– Я пришел в деревянных башмаках, – с улыбкой отвечал Баоюй, – оставил их на террасе.

Дайюй осмотрела его шляпу и сплетенный из стеблей плащ. Такой тонкой, искусной работы ей прежде не приходилось видеть, и она спросила:

– Из каких стеблей сделан твой плащ? Обычно стебли торчат, как иглы ежа!

– Плащ, шляпу и ботинки прислал мне в подарок Бэйцзинский ван, – ответил Баоюй. – В таком же наряде он сам ходит во время дождя. Если хочешь, я и тебе раздобуду!.. Наряд в общем-то обычный, только шляпа особенная. Верхняя часть снимается, остаются только поля, а зимой, когда идет снег, их можно пристегнуть к шапочке. Такие шляпы годятся и для мужчин и для женщин, могу тебе прислать, если хочешь. Будешь зимой носить.

– Не надо, – ответила Дайюй. – В этой шляпе я буду похожа на рыбачку с подмостков или с картинки.

Тут она вспомнила, что нечто подобное сказала только что Баочай, покраснела, обхватила голову руками, прижалась лицом к столу и закашлялась.

Баоюй не придавал никакого значения словам Дайюй. Вдруг он заметил листок со стихами, прочел и не смог сдержать свое восхищение.

Дайюй выхватила листок и поднесла к лампе, собираясь сжечь.

– Все равно я запомнил, – с улыбкой сказал Баоюй.

– Я хочу отдохнуть, – бросила в ответ Дайюй. – Уходи, пожалуйста, завтра придешь.

Баоюй вытащил из-за пазухи золотые часы величиной с грецкий орех, посмотрел и сказал:

– Уже девять, пора отдыхать, напрасно я тебя потревожил.

Накинув плащ, он направился к выходу, но вдруг обернулся:

– Может быть, тебе хочется чего-нибудь вкусного, я завтра же скажу бабушке, и она велит приготовить. А служанкам говорить бесполезно, тупые они.

– Ладно, подумаю и скажу, – пообещала Дайюй. – А теперь уходи, вон как льет дождь! У тебя есть провожатые?

– Есть! – отозвались из-за двери женщины. – Уже и фонарь зажгли и зонт раскрыли, ждем господина!

– В такую погоду зажигать фонарь?! – воскликнула Дайюй.

– Ничего, это «бараний рог», – сказал Баоюй, – он не боится дождя.

Дайюй тем не менее сняла с полки круглый стеклянный фонарик, приказала зажечь в нем восковую свечу и протянула Баоюю:

– Возьми! Этот фонарь посветлее, с ним всегда ходят в дождь.

– Такой и у меня есть, – промолвил Баоюй, – но я приказал его не зажигать – поскользнешься и разобьешь.

– По-твоему, лучше самому разбиться? – спросила Дайюй. – Ведь ты не привык ходить в деревянных башмаках! Боишься поскользнуться, пусть служанки несут фонарь! Он, я думаю, легче твоего, и во время дождя с ним очень удобно. Возьми же, а завтра прийдешь обратно!.. Разобьешь – не беда! Не понимаю, почему вдруг ты стал скрягой и «готов разрезать живот, чтобы спрятать туда жемчуг»?

Баоюй молча взял у Дайюй фонарь и вышел. Впереди шли две женщины, неся зонт и фонарь «бараний рог», позади – девочки-служанки с зонтиками. Баоюй отдал фонарь одной из девочек-служанок и пошел рядом с ней.

Не успел уйти Баоюй, как появились служанки со двора Душистых трав – тоже с фонарем и зонтом – и, протягивая Дайюй пакет с ласточкиными гнездами и белоснежным сахаром, сказали:

– Такого не купите. Это от нашей барышни. А кончится – она еще пришлет.

– Премного вам благодарна! – ответила Дайюй, позвала служанок и приказала им угостить женщин чаем.

– Мы чай пить не будем, дел много, – отказались те.

– Знаю, что дел у вас много, – с улыбкой отвечала Дайюй. – Погода стоит прохладная, ночи – длинные, как раз хорошо играть в карты и вино попивать.

– Не буду вас обманывать, барышня, – сказала одна из женщин, – в этом году мне повезло! Каждую ночь у ворот дежурит несколько человек, и, чтобы не уснуть, мы собираемся и играем. По крайней мере не так нудно сидеть! Я в играх – главная, так что надо спешить. Да и ворота уже заперты.

– Вы уж меня извините, – сказала Дайюй. – Мало того, что из-за меня вас оторвали от дела, так еще и под дождем пришлось мокнуть.

Возвращайтесь, пожалуйста, не буду мешать вам разбогатеть.

Она приказала своим служанкам дать женщинам по несколько сот монет и налить вина, чтобы согрелись.

Деньги женщины взяли, а от вина отказались.

– Спасибо, но пить мы не будем, – сказали они, поблагодарили, поклонились и вышли.

Цзыцзюань переставила лампу, опустила дверную занавеску и помогла Дайюй лечь в постель.

Но уснуть девочка никак не могла. В голову лезли всякие мысли. Она думала о том, что у Баочай есть мать и старший брат, а у нее —никого. Баоюй с ней всегда ласков, а она почему-то ему не верит. Снаружи доносился шум дождя, сквозь шелковый полог проникал холод, и девочке стало грустно, из глаз покатились слезы. Лишь ко времени четвертой стражи Дайюй уснула. О том, как провела она эту ночь, рассказывать мы не будем.

Если же хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава сорок шестая

Безнравственный человек замышляет безнравственный поступок;

Юаньян дает клятву не выходить замуж

Итак, Дайной уснула лишь ко времени четвертой стражи. И пока мы рассказывать о ней больше не будем, а вернемся к Фэнцзе. Ее позвала к себе госпожа Син, и Фэнцзе, не догадываясь, в чем дело, быстро оделась, приказала подать коляску и отправилась к свекрови.

Едва Фэнцзе вошла, госпожа Син отослала служанок и как-то нерешительно сказала:

– Есть у меня одно деликатное дело, я, право, не знаю, как быть, и решила посоветоваться с тобой. Моему мужу приглянулась Юаньян, и он хочет сделать ее своей наложницей. Ничего особенного в этом нет, но неизвестно, согласится ли старая госпожа. Вот он и велел мне с ней поговорить. Как бы это устроить?

– Не стоит наживать неприятности, – промолвила в ответ Фэнцзе. – Ведь старая госпожа даже есть не может, если рядом нет Юаньян! Разве согласится она ее отдать? Сама слышала, как старая госпожа не раз говорила: «Цзя Шэ уже в летах, и наложница ему не нужна». Ничего, кроме страданий, он девушке дать не может. Начнет жить с наложницей, перестанет заботиться о своем здоровье, забросит служебные дела! Вы только подумайте, госпожа, что затевает старший господин Цзя Шэ? Как говорится, пощекочешь тигра травинкой в носу, считай, что попал к нему в лапы. Можете сердиться, но к старой госпоже я с этим делом пойти не посмею. Ничего не получится, только навлеку на себя неприятности. Ваш муж далеко не молод и стал плохо соображать. Уговорите его, госпожа, отказаться от своего намерения. Да и как он будет смотреть в глаза всем своим родичам, если станет заниматься подобными глупостями?

– В других семьях мужчины заводят по нескольку наложниц, а нам почему нельзя? – холодно усмехнувшись, спросила госпожа Син. – Уговаривать его бесполезно. Но я знаю, что старая госпожа ни за что не отдаст любимую служанку в наложницы старшему сыну, к которому перейдет по наследству должность отца! Я просто хотела с тобой

посоветоваться, а ты сразу стала на меня нападать, не заставлю же я тебя идти к старой госпоже – сама с ней поговорю. Думаешь, бесполезно? Но ты знаешь Цзя Шэ! Если я ничего не добьюсь, он непременно затеет со мной ссору!

Фэнцзе знала, что госпожа Син не блещет умом, боится мужа, всячески ему льстит, чтобы не лишиться его расположения. К тому же жадна до денег. Всем в доме ведаёт Цзя Шэ, но если вдруг в руки госпожи Син попадают деньги, она оставляет себе большую часть и экономит буквально на всем, чтобы хоть как-то покрыть безумные траты, которые делает Цзя Шэ. Она никому не доверяет, ни детям, ни слугам.

Выслушав госпожу Син, Фэнцзе поняла, что уговаривать ее бесполезно, и сказала:

– Вы правы. Я совершенно не знаю жизни. Мало что смыслю в делах. Будь Юаньян не служанкой, а даже жемчужиной, кому ее отдали бы родители, как не господину Цзя Шэ? Нечего верить тому, что говорят за глаза... Какая я все же дура! Взять, к примеру, моего мужа! Стоит ему провиниться, вы его готовы убить, а придет он к вам на поклон, вы на все для него готовы. Так и старая госпожа – наверняка не откажет господину Цзя Шэ. По секрету скажу вам: старая госпожа нынче в хорошем расположении духа, так что идите к ней прямо сейчас, не медлите! Я тоже пойду, постараюсь развеселить старую госпожу и уведу с собой всех, кто будет в ее покоях, чтобы вы могли с ней поговорить с глазу на глаз. Если на худой конец она и не согласится отдать Юаньян, по крайней мере, знать об этом никто не будет.

– Но мне хотелось бы прежде поговорить с самой Юаньян, – заметила госпожа Син. – Ведь если старая госпожа откажет, потом уже ничего не сделаешь. А Юаньян, хоть и застенчива, упорствовать, надеюсь, не станет. Вот тогда я и поговорю со старой госпожой. Не станет же она идти против желания Юаньян. «Кто хочет уйти, того не удержишь!» – гласит пословица. Уверена, все уладится!

– Как вы мудры! – воскликнула Фэнцзе. – Теперь я уверена, что все будет в порядке! Какой служанке не хочется стать госпожой? Ведь это лучше, чем выйти замуж за какого-нибудь непутевого парня!

– Совершенно с вами согласна, – промолвила госпожа Син. – Не только Юаньян, любая из наших управительниц не отказалась бы от такой завидной доли! Так что иди к старой госпоже, развесели ее, только о нашем разговоре ни слова. А я приду после ужина.

«Неизвестно, согласится ли Юаньян, – подумала Фэнцзе. – Она – упрямая. Поэтому лучше мне одной не ходить к старой госпоже. А то

свекровь может подумать, что это я подговорила Юаньян отказаться, и весь свой гнев обратит на меня. Пойду-ка я лучше с нею вместе, так будет спокойнее. Не все ли равно, согласится старая госпожа или не согласится».

И Фэнцзе с улыбкой обратилась к госпоже Син:

– Совсем забыла! Когда я шла к вам, тетушка прислала мне две корзины перепелок; я распорядилась их зажарить и хотела прислать вам к ужину. Кроме того, я по дороге к вам встретила у ворот слуг, которые выкатывали вашу коляску, чтобы починить. Так что, госпожа, давайте поедем вместе в моей коляске!

Госпожа Син согласилась и велела служанкам подать выходное платье.

Фэнцзе помогла свекрови переодеться, после чего обе женщины вышли и сели в коляску.

Фэнцзе сказала госпоже Син:

– Лучше я приду следом за вами, а то спросит старая госпожа, что мне нужно, я не буду знать, что ответить.

Госпожа Син сочла соображения Фэнцзе вполне разумными и отправилась к матушке Цзя одна. Поболтав с ней немного, госпожа Син вышла, сказав, что хочет навестить госпожу Ван. Юаньян в это время вышивала у себя в комнате и, заметив госпожу Син, проходившую мимо, встала.

– Что ты делаешь? – спросила госпожа Син, взяла у Юаньян вышиванье и с улыбкой проговорила: – Дай-ка посмотреть!

Юаньян молчала.

– Да это замечательно! – воскликнула госпожа Син.

Она отдала девушке вышиванье и внимательно ее оглядела.

Юаньян была в поношенной сатиновой кофте светло-коричневого цвета, черной шелковой безрукавке, отороченной бахромой, и светло-зеленой юбке. У девушки была тонкая талия, округлые плечи, черные, как вороново крыло, волосы, овальное лицо с прямым носом; на щеках – несколько едва заметных веснушек.

Девушке стало не по себе от пристального взгляда госпожи Син.

– Что это вы, госпожа, так поздно пришли? – удивленно спросила она.

Госпожа Син обернулась, бросила выразительный взгляд на сопровождавших ее служанок, и те тотчас же покинули комнату.

Госпожа Син села рядом с Юаньян, взяла ее за руку и с улыбкой сказала:

– Я пришла сообщить тебе радостную весть.

Юаньян сразу догадалась, в чем дело, покраснела и опустила голову.

– Господину Цзя Шэ нужна женщина, которой он мог бы довериться, –

продолжала госпожа Син. – Он давно хотел купить наложницу, но не решается сделать это через посредника. Мало ли какие бывают девушки! Вдруг начнет строить козни да интриги плести. Тогда господин стал приглядываться к девушкам из нашего дворца, целых полгода выбирал, ни одна не пришлась по душе: то внешность неподходящая, то характер. А ты приглянулась ему: красивая, добрая, скромная, честная. Так вот, я хочу просить старую госпожу отдать тебя старшему господину Цзя Шэ. Как только ты войдешь в наш дом и откроешь лицо, старший господин сделает тебя младшей женой, будешь пользоваться уважением и почетом. Нрав у тебя твердый, чего хочешь, того добьешься в жизни. Пословица гласит: «Золото обменивается только на золото», вот почему ты и приглянулась старшему господину! Если согласишься, осуществятся твои желания, а завистники сразу прикусят язык. Пойдем со мной к старой госпоже!

С этими словами госпожа Син взяла Юаньян за руку. Юаньян еще гуще покраснела, высвободила руку и не двигалась с места. Госпожа Син решила, что она стыдится, и сказала:

– Что ты робеешь? Говорить буду я, тебе – не придется!

Юаньян еще ниже опустила голову.

– Ты что, не согласна? – удивилась госпожа Син. – Тогда скажу тебе прямо – глупая ты! Неужели служанкой быть лучше, чем госпожой? Года через два-три тебя выдадут замуж за простого парня, и ты так и останешься рабыней! Соглашайся! Тебе у нас будет хорошо. У меня характер мягкий, уживчивый, ты это знаешь, да и старший господин тебя не обидит. А родишь ему сына или дочь, сравняешься со мной по положению. Слуги будут тебе угождать. Откажешься, жалеть будешь!

Юаньян по-прежнему молчала, не поднимая головы.

– Ты же умница и вдруг заупрямилась! Может, что-нибудь не по тебе? Говори прямо! Я сделаю все, как ты захочешь! И с родителями твоими поговорю, если самой стыдно. Они спросят, согласна ли ты, тогда выскажешь им всю правду.

С этими словами госпожа Син встала и отправилась к Фэнцзе.

Фэнцзе уже успела переодеться и рассказать Пиньэр о своем разговоре с госпожой Син.

– Думаю, ничего не получится, – с сомнением покачала головой Пиньэр. – Мы часто делимся друг с другом, и, судя по тому, что говорит Юаньян, вряд ли она согласится. Впрочем, увидим!

– Госпожа Син непременно придет советоваться со мной, – заметила Фэнцзе. – Хорошо, если ей удалось все уладить, если же ничего не вышло, мне незачем вмешиваться! Лучше скажи, готовы ли перепелки? И еще что-

нибудь вели приготовить, есть хочется, а сама погуляй; придешь, когда уйдет госпожа Син.

Пиньэр приказала служанкам выполнить распоряжение Фэнцзе и вольной птицей выпорхнула в сад.

Юаньян догадалась, что госпожа Син отправилась за советом к Фэнцзе и что скоро к ней снова придут с этим же разговором. Поэтому она позвала Хупо и сказала:

– Если меня позовет старая госпожа, скажи, что я себя плохо чувствую и пошла в сад проветриться.

Хупо обещала, и Юаньян отправилась в сад. Здесь ей попалась навстречу Пиньэр.

– А, новая наложница! – смеясь, вскричала Пиньэр, предварительно убедившись, что поблизости никого нет.

– Вы все будто сговорились меня извести! – краснея, воскликнула Юаньян. – Вот погоди, я твоей госпоже устрою скандал!

Пиньэр пожалела о сказанном, схватила Юаньян за руку, отвела в тень развесистого клена, усадила на камень и слово в слово передала все, что ей рассказала Фэнцзе.

– Я думала, все мы дружны между собой! – с холодной усмешкой произнесла Юаньян, выслушав Пиньэр. – Чего только мы не вытворяли в детстве, чего не говорили друг другу! Иных в живых нет, некоторых прогнали, или же они ушли прислуживать другим господам. Все мы выросли, у каждой из нас своя жизнь. Но я осталась такой, как была – никого не обманываю, говорю все как есть. Так вот, скажу тебе по секрету, смотри не передавай своей госпоже! Я не только в наложницы не пойду к старшему господину, но и законной женой его не стану, если бы, к примеру, госпожа Син умерла и он прислал ко мне трех свах.

Пиньэр хотела ей возразить, но в этот момент из-за горки донесся смех.

– Вот бесстыжая! Не боишься, что после таких слов типун тебе на язык сядет?

Вздрогнув от испуга, Пиньэр и Юаньян вскочили и побежали в ту сторону, откуда послышался смех. Там они увидели Сижэнь.

– Что случилось? – спросила та. – Ну-ка расскажите!

Они сели на камни, и Пиньэр повторила свой рассказ.

– Говоря по правде, нам не следовало бы заводить подобные разговоры, – заметила Сижэнь. – Но справедливости ради надо признать, что старший господин поступает подло! Будь у него хоть капля совести, не

стал бы он так безобразничать!

– Если ты и в самом деле не хочешь становиться наложницей, – сказала Пинъэр, – я дам тебе хороший совет. Попроси старую госпожу сказать, что она уже обещала отдать тебя второму господину Цзя Ляню. Тогда старший господин отступится.

– Ну и дрянь же ты! – воскликнула Юаньян. – Поговори еще! Ведь твоя госпожа недавно несла такой же вздор! И вот чем это кончилось!

– Тогда скажи, что старая госпожа обещала отдать тебя второму господину Баоюю, – предложила Сижэнь. – После этого старший господин Цзя Шэ даже думать о тебе перестанет!

– Негодницы! – крикнула Юаньян. – Чтоб вы подошли! Я думала, вы мне сочувствуете, хотите помочь, а вы насмехаетесь! Рано обрадовались! Думаете, вас не ждет такая же участь? Не все делается так, как мы хотим!

– Милая сестра! – воскликнули девушки, заметив, что Юаньян не на шутку рассержена. – Нечего злиться! Ведь все мы живем с самого детства как сестры! Все это шутка! Да и не слышал никто. Успокойся и расскажи, что ты думаешь делать?

– Что делать? – проговорила Юаньян. – Не пойду в наложницы, и все тут!

– На этом дело не кончится, – возразила Пинъэр, покачав головой. – Не так это просто. Ведь ты знаешь характер старшего господина! Пока ты прислуживаешь старой госпоже, он не осмеливается тебя трогать. Но так вечно продолжаться не может! Когда-нибудь тебе придется расстаться со старой госпожой. И ты попадешь в руки старшего господина. Тогда будет хуже!

– Сколько проживет старая госпожа, столько я буду ей служить, – с холодной усмешкой ответила Юаньян, – а когда она умрет, старший господин должен будет целых три года соблюдать траур! Не посмеет же он взять наложницу сразу после смерти матери! А три года – срок не малый. Пройдут они – тогда и буду думать. На худой конец постригусь в монашки. Или же покончу с собой. Разве обязательно выходить замуж? Можно и так прожить, сохранить чистоту и невинность!

– Что эта негодяйка болтает?! – вскричали Сижэнь и Пинъэр.

– Чего стесняться, раз дело приняло такой оборот?! – крикнула в ответ Юаньян, – Со временем убедитесь, что я правду сказала. Госпожа Син обещала поговорить с моими родителями! Что ж, пусть едет в Нанкин их искать!

– Твои родители остались в Нанкине присматривать за господским домом, – сказала Пинъэр, – и госпоже Син их нетрудно найти. Еще ты

забыла, что твой старший брат с женой живут здесь... Жаль, что ты родилась во дворце Жунго! Нам лучше – нас ведь купили.

– А чем хуже девушки, которые родились здесь? – вскричала Юаньян. – Как говорится, вола силой не заставишь пить воду. Выходит, если я не соглашусь, старший господин убьет моих родителей?

Вдруг девушки заметили, что к ним направляется Ваньян, жена старшего брата Юаньян.

– Госпожа Син, поскольку родители твои далеко, решила сговориться с женой твоего старшего брата, – сказала Сижэнь, кивнув в сторону Ваньян.

– Да, эта потаскуха готова, как говорится, «в шесть царств продать одного верблюда»! – воскликнула Юаньян. – Из кожи вон лезет, чтобы угодить господам!

Ваньян тем временем подошла к девушкам.

– Я ищу тебя, ищу, а ты, оказывается, вот где! – обратилась она к Юаньян. – Пойдем, мне нужно с тобой поговорить.

– Что ты хотела сказать? – спросила Юаньян. – Говори, не стесняйся!

– Лучше я одной тебе скажу, – ответила Ваньян. – Надеюсь, ты обрадуешься!

– Уж не хочешь ли ты мне сообщить ту же новость, что и госпожа Син? – спросила Юаньян.

– Ну, раз ты все знаешь, незачем мне стараться! – воскликнула женщина. – Пойдем, расскажу тебе подробности! Подумать только, радость-то какая!

Тут Юаньян не стерпела, выпрямилась во весь рост, плюнула Ваньян в лицо и, тыча в нее пальцем, стала ругаться:

– Заткни свой поганый рот и убирайся! Хороша новость, нечего сказать! Думала, обрадуюсь? Теперь я поняла, почему тебе завидно, когда чья-нибудь дочь становится наложницей, – благодаря ее покровительству можно устраивать свои делишки. Вот у тебя и разгорелись глаза, и ты готова бросить меня в пекло! Рассчитываете с моей помощью стать господами и делать все что заблагорассудится! А если я не ужоу господину – бросите меня на произвол судьбы?

Юаньян в голос заплакала. Пиньэр и Сижэнь принялись ее утешать. Ваньян смутилась:

– Скажи прямо, согласна или не согласна, – нечего других приплетать! Недаром пословица гласит: «Не говори карлику, что он мал». Не стану с тобой спорить, хоть ты и ругаешь меня, ну а эти девушки при чем? Думаешь, им приятно слушать, что ты болтаешь о наложницах?

– Неправда, – вскричали Пиньэр и Сижэнь, – она вовсе не нас имела в

виду, это вы других приплетаєте. Никто пока не собирается брать нас в наложницы! А если бы и взяли, корысти от этого никому никакой – родных-то у нас тут нет! С какой же стати Юаньян нас будет ругать?

– Стыдно ей, вот она и валит все с больной головы на здоровую, против меня вас хочет настроить, – промолвила Юаньян. – Хорошо, что вы не попались на ее удочку. Я, глупая, наболтала невесть что, а ей это на руку!

Ваньян поняла, что попала в дурацкое положение, и, сердясь, удалилась. Юаньян продолжала ругаться, с трудом Пиньэр и Сижэнь ее успокоили.

– Ты зачем от нас пряталась? – спросила Пиньэр у Сижэнь.

– Я ходила к четвертой барышне Сичунь, думала, второй господин Баоюй у нее, но оказалось, он только что ушел, и я вернулась, надеясь встретить его по дороге, но почему-то не встретила. И пошла к барышне Линь Дайюй. По пути мне попала служанка, она сказала, что и у барышни Линь Дайюй его нет. Тогда я решила, что он вышел из сада, и вдруг увидела тебя. Спряталась за дерево, и ты меня не заметила. Потом к тебе подошла Юаньян. Я перебежала за горку и стала слушать ваш разговор. Мне и в голову не пришло, что, имея четыре глаза, вы меня не увидите!

– Тебя не заметили четыре глаза, а меня – шесть! – произнес кто-то, смеясь.

Девушки вздрогнули от неожиданности, обернулись. И как вы думаете, кто стоял перед ними?.. Баоюй!

– А я тебя ищу! – опомнившись, воскликнула Сижэнь. – Откуда ты явился?

– Я был у сестры Сичунь, вышел, вдруг ты навстречу, – с улыбкой произнес Баоюй. – Я сразу догадался, что ты меня ищешь, но решил над тобой подшутить и спрятался. А ты прошла мимо, зашла во двор, но вскоре снова появилась, расспрашивая обо мне служанку. А я в это время сидел в укрытии и смеялся. Когда ты подошла совсем близко, я хотел тебя напугать, но ты сама спряталась, и я понял, что ты тоже хочешь кого-то напугать, и тут заметил Пиньэр и Юаньян. Тогда я тихонько выбрался из укрытия, сделал небольшой крюк и зашел сзади. А когда ты вышла и стала беседовать с ними, спрятался в том месте, где пряталась ты.

– Давайте посмотрим, нет ли еще кого-нибудь поблизости? – предложила Пиньэр.

– Никого нет! – заверил ее Баоюй.

Юаньян догадалась, что Баоюй слышал весь разговор, и, чтобы скрыть

смущение, легла на камень и притворилась спящей.

– Камень холодный, – затормошил ее Баюй. – Иди лучше домой спать!

Он тормошил Юаньян до тех пор, пока она не встала. Затем пригласил Пиньэр зайти выпить чаю, а Сижэнь пригласила Юаньян, и они вчетвером отправились во двор Наслаждения пурпуром.

Баюй и в самом деле слышал разговор девушек, и на душе у него было невесело. Он сочувствовал Юаньян и, едва зайдя в дом, сразу прошел во внутренние покои и лег на кровать, предоставив девушек самим себе.

Госпожа Син тем временем расспрашивала Фэнцзе об отце Юаньян. Вот что рассказала ей Фэнцзе:

– Отца Юаньян зовут Цзинь Цай, они с женой живут в Нанкине, присматривают за нашим домом. Сюда он приезжает редко. Зато Цзинь Вэньсян, старший брат Юаньян, служит у старой госпожи и ведает всякого рода закупками, а жена его – старшая прачка, тоже у старой госпожи.

Госпожа Син велела позвать жену Цзинь Вэньсяна и все ей рассказала. Та, разумеется, очень обрадовалась и пошла искать Юаньян, надеясь все быстро уладить. Но совершенно неожиданно Юаньян ее обругала, да еще от Сижэнь и Пиньэр ей досталось. Пристыженная и злая, она возвратилась к госпоже Син и сказала:

– Ничего не выйдет! Она еще и обругала меня! А Сижэнь помогла! Такого наговорила, что повторить стыдно! – О Пиньэр она предпочла умолчать, боясь Фэнцзе. – Вы, госпожа, посоветовали бы старшему господину Цзя Шэ купить себе другую наложницу. Эта дрянь не заслуживает такой чести, да и у нас, видно, судьба несчастливая.

– А при чем тут Сижэнь? – возмутилась госпожа Син. – И откуда ей это стало известно?.. С ней еще кто-нибудь был?

– Барышня Пиньэр, – ответила Ваньян.

– Дала бы ей оплеуху! – заметила Фэнцзе. – Только я выйду, она убегает. Вернешься – ее и след простыл! Она тоже на стороне Юаньян? Тоже тебя ругала?

– Нет, барышня Пиньэр издали наблюдала, – спохватилась Ваньян, сообразив, что сказала лишнее. – Я даже не знаю, она ли это была, может, мне показалось.

– Позовите Пиньэр, скажите, что ее хочет видеть старшая госпожа, – распорядилась Фэнцзе. – Пусть немедленно идет!

Фэнцзе побежала выполнять приказание, но вскоре вернулась и доложила:

– Сейчас у Пиньэр барышня Линь Дайюй, и Пиньэр не может прийти.

Барышня Дайной велела вам передать, что задержит Пиньэр по какому-то делу.

Притворившись рассерженной, Фэнцзе нарочито громко спросила:

– По делу? Что еще за дело?

Госпоже Син ничего не оставалось, как вернуться домой. Вечером она обо всем рассказала мужу.

Цзя Шэ подумал немного, распорядился позвать Цзя Ляня и сказал ему.

– Вызови из Нанкина Цзинь Цая. Надеюсь, там есть кому присмотреть за домом!

– Недавно мы получили из Нанкина письмо и узнали, что у Цзинь Цая астма, – ответил Цзя Лянь. – На всякий случай послали деньги на гроб. Возможно, бедняги уже нет в живых; или же он в тяжелом состоянии. А жена его совершенно глухая.

– Все вы мерзавцы! – заорал Цзя Шэ. – Наглецы! Хотел бы я знать, откуда такая осведомленность? Вон отсюда!

Перепуганный Цзя Лянь выскочил за дверь, а Цзя Шэ велел позвать Цзинь Вэньсяна. Цзя Лянь стоял в прихожей, не решаясь ни уйти, ни вновь предстать перед отцом. Тем временем пришел Цзинь Вэньсян. Слуги провели его во внутренние покои, и пробыл он там столько времени, сколько необходимо, чтобы четыре-пять раз хорошенько пообедать. Цзя Лянь не посмел его ни о чем расспрашивать и отправился домой, лишь узнав, что Цзя Шэ лег спать. А поздно вечером Фэнцзе рассказала ему о событиях того дня.

Юаньян всю ночь не спала. А утром пришел ее брат и попросил у матушки Цзя разрешения взять Юаньян на день домой. Юаньян очень не хотелось идти, но, опасаясь, как бы старая госпожа чего-нибудь не заподозрила, девушка скрепя сердце согласилась.

Дома брат передал Юаньян свой разговор с Цзя Шэ и принялся расписывать все преимущества сделанного ей предложения. Ведь это такая честь! Какое высокое положение она займет, если даст согласие! Все станут звать ее тетушкой. Но Юаньян слышать ничего не хотела, молчала, только зубами скрипела. Пришлось Цзинь Вэньсяну снова пойти к Цзя Шэ и рассказать, как обстоит дело.

– Передай жене, – едва сдерживая гнев, произнес Цзя Шэ, – чтобы сказала Юаньян следующее: «Испокон веков красавицы любили молодых; ей, вероятно, не нравится, что я стар! Может быть, ей приглянулся Баоюй или Цзя Лянь! Пусть выбросит из головы эту дурь! Никто не посмеет взять ее в наложницы, зная, что она мне отказала. И пусть не надеется, что старая

госпожа ее пожалеет и выдаст замуж где-нибудь на стороне. В какую бы семью Юаньян ни попала, от меня ей все равно не уйти! Я отступлюсь лишь в том случае, если она умрет или же даст обет до конца своих дней не выходить замуж! Так что пусть лучше подумает, какие получит выгоды, если примет мое предложение, и соглашается!»

Цзинь Вэньсян слушал и поддакивал.

– Не вздумай меня обманывать! – предупредил Цзя Шэ. – Завтра же велю жене еще раз поговорить с Юаньян. Будет упорствовать – не ваша вина. Но если не согласится, не сносить вам головы!

Цзинь Вэньсян вернулся домой, жене ничего не сказал, позвал Юаньян и слово в слово передал ей свой разговор с Цзя Шэ.

Задыхнувшись от гнева, Юаньян крикнула:

– Даже если бы я согласилась, вам пришлось бы спросить дозволения у старой госпожи.

Брат с женой решили, что Юаньян смирилась, и, очень довольная, Ваньян повела Юаньян к матушке Цзя.

Там в это время собрались госпожа Ван, тетушка Сюэ, Ли Вань, Фэнцзе, Баочай с сестрами и несколько пожилых женщин-экономок, чтобы поболтать и развлечься. Юаньян вошла, опустилась на колени перед матушкой Цзя и рассказала, о чем говорила с ней госпожа Син, а также брат и его жена.

– Я не согласилась стать наложницей старшего господина Цзя Шэ, – промолвила Юаньян, – тогда он заявил, что я либо влюбилась в Баоюя, либо жду, когда меня выдадут замуж на стороне. Он сказал, что даже на небе я от него не скроюсь. Так вот, знайте все, что я клянусь до конца дней своих не выходить замуж не только за Баоюя, но и за Баоцзиня, Баоиня^[21], Драгоценного небесного владыку и самого Яшмового владыку. Если даже будет на то ваша воля, почтенная госпожа, я не выполню ее, хоть режьте меня! Я буду служить вам до тех пор, пока вы не уйдете на запад^[22]. Но и после этого не стану жить с отцом, матерью или же старшим братом! Я покончу с собой либо постригусь в монахини! Пусть язык у меня отсохнет, если я вру! Призываю в свидетели Солнце и Луну, добрых и злых духов, Небо и Землю!

Сказав это, Юаньян выхватила из кармана ножницы, которые принесла с собой, и стала стричь волосы. Служанки бросились отнимать ножницы, но Юаньян уже успела срезать целую прядь. К счастью, это осталось незаметным, потому что волосы были густые.

Старая госпожа затряслась от гнева и закричала:

– У меня осталась всего одна преданная служанка, а против нее вздумали строить козни!

Не помня себя, матушка Цзя ткнула пальцем в сторону госпожи Ван:

– Все вы мне лжете! Прикидываетесь, будто относитесь ко мне с уважением, а сами только и ищете случая, как бы надуть! Появится у меня что-нибудь стоящее – начинаете клянчить, отдай да отдай! Так и с Юаньян. Увидели, что я люблю эту девочку, и норовите забрать. Зависть замучила. А я без нее как без рук!

Госпожа Ван быстро встала, не смея в ответ слово вымолвить. Тетушка Сюэ не решилась за нее вступить, чтобы не перечить старой госпоже, а Ли Вань поспешила увести Юаньян.

Таньчунь, девушка умная, сразу смекнула, что госпожу Ван несправедливо обидели, но ни тетушка Сюэ, родная сестра госпожи Ван, ни Баочай, ни тем более Ли Вань, Фэнцзе и Баоюй не посмеют вмешиваться. Это могли бы сделать девушки.

Но Инчунь чересчур застенчива, Сичунь – слишком молода, поэтому Таньчунь, стоявшая под окном и слышавшая все, о чем говорилось в комнате, вбежала и обратилась к матушке Цзя.

– При чем тут госпожа? – крикнула она. – Ведь все это дело рук старшего дяди Цзя Шэ! Откуда было об этом знать тете Ван?

Гнев матушки Цзя мгновенно прошел, и она улыбнулась.

– Поглупела я на старости лет! – воскликнула она и повернулась к тетушке Сюэ: – Вы уж не смейтесь надо мной! Ваша сестра лучше моей старшей невестки Син! Та только мужа боится, а передо мной делает вид, будто почтительна к старшим. Напрасно я обидела вашу сестру.

– Вы просто питаете слабость к своей младшей невестке, – ответила тетушка Сюэ, – жалеете ее.

– Никакой слабости я к ней не питаю, – возразила матушка Цзя и обратилась к Баоюю: – Почему ты не вступился за мать, Баоюй, когда я несправедливо ее обидела?

– Да разве я мог, защищая матушку, упрекать старшего дядю Цзя Шэ и старшую тетю Син? – возразил Баоюй. – Вот и пришлось матушке всю вину принять на себя. Больше некому. Я мог сделать это вместо нее, но вы не поверили бы мне!

– Разумно, – согласилась матушка Цзя. – Встань теперь на колени перед матерью и скажи: «Мама, не обижайся! Бабушка стара стала, прости ее ради меня».

Баоюй подбежал к госпоже Ван и опустился на колени. Госпожа Ван подняла его и с улыбкой промолвила:

– Ладно, встань! Не надо за бабушку просить прощения!

– И Фэнцзе меня не остановила! – продолжала старая госпожа.

– Не посмела, – ответила Фэнцзе. – За что же меня упрекать?

Матушка Цзя засмеялась, а вслед за ней и все остальные.

– Кто же все-таки виноват? – снова спросила матушка Цзя.

– Сами подумайте – кто? – промолвила Фэнцзе. – У вас служанки как на подбор, одна лучше другой, вот все и зарятся. Хорошо, что я жена вашего внука! А будь я сама внуком, давно попросила бы отдать Юаньян мне.

– Выходит, я виновата? – улыбнулась матушка Цзя.

– А кто же еще? – ответила Фэнцзе.

– В таком случае бери Юаньян себе, я ее отпускаю, – промолвила матушка Цзя.

– Вот если в будущей жизни я стану мужчиной, непременно ее у вас попрошу, – пошутила Фэнцзе.

– Возьми тогда ее для Цзя Ляня, посмотрим, осмелится ли после этого твой бессовестный свекор домогаться ее, – сказала матушка Цзя.

– Цзя Лянь для нее не годится, – возразила Фэнцзе. – Это только мы с Пиньэр – друзья по несчастью – кое-как управляемся с ним.

Слова эти были встречены дружным смехом.

– Пожаловала старшая госпожа Син, – доложила девочка-служанка.

Госпожа Ван поднялась навстречу жене Цзя Шэ.

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава сорок седьмая

Глупца, играющего чувствами, беспощадно избивают;

жестокий отрок, спасаясь от беды, бежит в далекие края

Итак, услышав, что пожаловала госпожа Син, госпожа Ван поспешила ей навстречу. Госпожа Син, не зная, что матушке Цзя все уже известно, пришла узнать, чем кончились переговоры. Но едва переступила порог, как служанки ей рассказали, что произошло.

Госпожа Син хотела вернуться, но было поздно – в доме уже знали о ее приходе.

Госпожа Син вошла, справилась о здоровье матушки Цзя, но та в ответ не проронила ни слова. Госпожа Син смутилась. Фэнцзе, сославшись на дела, улизнула. Следом за Юаньян ушли тетушка Сюэ и госпожа Ван, боясь оказаться лишними. Госпожа Син осталась наедине с матушкой Цзя.

– Я уже знаю, что твой муж хочет взять в наложницы Юаньян и ты пришла просить за него. Что же, ты, как говорится, «трижды послушная и четырежды добродетельная»!^[23] Однако на сей раз перестаралась! В доме полным-полно сыновей и внуков, но ты боишься навлечь на себя гнев мужа! Мало того: он безобразничает, а ты потакаешь!

Госпожа Син густо покраснела.

– Я пыталась его отговорить, – робко произнесла она, – но он слушать не желает! Вы же знаете, госпожа, его нрав! Что мне оставалось делать!

– А если он велит тебе убить человека? – гневно спросила матушка Цзя. – Убьешь? Подумай: жена твоего брата честная, скромная, здоровье у нее слабое, а хлопот полон рот. Ей, как говорится, то и дело приходится хвататься то за грабли, то за метлу. И это при том, что ты ей помогаешь. Нас Юаньян выручает, ведь я нынче делами не занимаюсь. А Юаньян так внимательна, так предана мне! О чем бы я ни попросила, все раздобудет. И за служанками следит, чтобы не ленились. Так неужели я должна теперь все бремя хлопот взвалить на себя? Сама о себе заботиться? Просить то одно, то другое, если понадобится? Никого, кроме Юаньян, у меня не осталось! Она старше других и потому знает, как мне угодить! Никогда ничего не

клянчит, ни одежду, ни деньги. За это и снискала себе всеобщее уважение, и господа, и служанки ей доверяют. Эта девочка – мне опора. Да и у других, благодаря ей, убавилось хлопот! Не угодят мне жены моих сыновей и внуков, она все за них сделает, лишь бы я не сердилась. А как умеет поговорить, развеселить меня! Нет, никакая жемчужина мне ее не заменит! Нужна твоему мужу наложница, пусть купит какую хочет. Деньги я дам, восемь тысяч лянов серебра, десять, сколько потребуется! А Юаньян пусть выбросит из головы, если искренне хочет выказать мне сыновнее послушание. Так и передай ему, когда вернешься домой.

Матушка Цзя перевела дух и приказала одной из служанок:

– Позови тетушку Сюэ и барышень! Жаль, что все разошлись и не слышали нашего разговора!

Служанка ушла выполнять приказание, и вскоре снова все собрались.

Лишь тетушка Сюэ не пошла, сказав посланной за ней служанке:

– Ведь я только оттуда. Зачем снова идти? Передай, что я сплю!

– Старая госпожа рассердится, если вы не придете, – промолвила девочка. – Пожалейте хоть нас! Я готова вас отнести на спине, если вам трудно идти!

– Ах ты, маленькая плутовка! – рассмеялась тетушка. – Тебе-то чего бояться? Поругают, и все!

С этими словами тетушка поднялась и последовала за девочкой.

Едва она переступила порог, как матушка Цзя пригласила ее сесть и сказала:

– Давайте сыграем в карты! Я знаю, вы, как и я, игрок слабый, поэтому сядем рядом и будем друг друга поддерживать, а то Фэнцзе непременно нас обыграет.

– Совершенно с вами согласна, – кивнула головой тетушка Сюэ. – Вы уж, почтенная госпожа, выручайте меня! Сыграем вчетвером или же одни будут играть, а другие помогать нам?

– А разве можно не вчетвером? – спросила госпожа Ван.

– Один пусть помогает, так веселее, – заметила Фэнцзе.

– Позовите Юаньян, – распорядилась матушка Цзя. – Пусть сядет рядом со мной. Тетушка Сюэ плохо видит, а Юаньян будет нам подсказывать ходы.

Фэнцзе хихикнула и шепнула Таньчунь:

– Вы все грамотные, а гадать не умеете!

– При чем тут гадание, – удивилась Таньчунь. – Не гадать надо, а думать, как выиграть у старой госпожи несколько монет!

– Я хотела погадать, сколько проиграю! – ответила Фэнцзе. – Где уж

мне мечтать о выигрыше! Не успела сесть, как справа и слева от меня устроили засаду.

Слова Фэнцзе насмешили матушку Цзя и тетушку Сюэ.

Вскоре пришла Юаньян и села возле матушки Цзя, а рядом с ней – Фэнцзе. Расстелили красный ковер, перемешали карты и объявили младшего. Игра началась.

Заметив, что после нескольких ходов матушка Цзя почти набрала нужную комбинацию, Юаньян незаметно сделала знак Фэнцзе, как раз был ее ход. Фэнцзе поняла, что матушке Цзя не хватает карты с двумя очками, но сделала вид, будто усиленно думает.

– Нужная мне карта у тетушки Сюэ, – с нарочитой неуверенностью произнесла Фэнцзе. – Если не пойти с нее, ничего не получится.

– Нужной тебе карты у меня нет, – заявила тетушка Сюэ.

– Что ж, проверим, – заметила Фэнцзе.

– Проверять будешь потом, а сейчас ходи, – торопила ее тетушка Сюэ, – посмотрим, с какой карты ты пойдешь!

Фэнцзе сделала ход, тетушка Сюэ увидела два очка и рассмеялась:

– Вот оно что! Теперь, пожалуй, выигрыш достанется почтенной госпоже!

– Я неправильно пошла! – как бы спохватившись, воскликнула Фэнцзе.

– Поздно! Раньше надо было думать! – промолвила матушка Цзя. – Попробуй только взять карты обратно!

– Надо было мне прежде погадать! – сокрушалась Фэнцзе. – Сама виновата, обижаться не на кого.

– Так и надо, сама себя высекла! – заметила матушка Цзя. – Думать нужно, а не гадать, – и она обратилась к тетушке Сюэ: – Я совсем не стремилась к выигрышу. Зачем мне эти гроши? Просто везет, и все!

– Разумеется, – поддакнула тетушка Сюэ. – Кто посмеет в этом усомниться?

Фэнцзе тем временем отсчитывала монеты. Но, услышав слова тетушки Сюэ, быстро нанизала их на веревочку и воскликнула:

– Вот и прекрасно! Бабушка играет не ради денег, а ради удачи! А я – наоборот. Поэтому денег отдавать не стану, лучше их спрячу!

Матушка Цзя никогда не тасовала карты, это делала вместо нее Юаньян. Вот и сейчас она продолжала беседовать с тетушкой Сюэ. Наконец она заметила, что Юаньян сидит неподвижно, и спросила:

– Что ты все время дуешься, даже не хочешь тасовать карты?

– Потому что госпожа Фэнцзе не желает отдавать деньги! –

улыбнулась в ответ Юаньян.

– Пусть не отдает, ей же хуже! – проговорила матушка Цзя и велела девочке-служанке взять у Фэнцзе связку монет. Служанка взяла и положила деньги перед матушкой Цзя.

– Отдайте! – взмолилась Фэнцзе.

– Фэнцзе и в самом деле мелочна! – заметила тетушка Сюэ. – Шутки не понимает!

Тут Фэнцзе встала, дернула тетушку Сюэ за рукав и, указывая пальцем на деревянную шкатулку, куда матушка Цзя имела обыкновение прятать деньги, сказала:

– Взгляните, тетушка! Мне не сосчитать денег, которые у меня «выщутили» и спрятали в шкатулку! Видите эту связку монет? И часа не пройдет, как она присоединится к тем, что лежат в бабушкиной шкатулке. Так не проще ли сразу положить деньги в шкатулку? Тогда бабушка успокоится и поспешит отослать меня «по важному делу».

Стены, казалось, задрожали от смеха, но тут Пиньэр, как нарочно, принесла Фэнцзе еще связку, на случай, если у нее не хватит.

– Не надо! – замахала руками Фэнцзе. – Отдай бабушке! Пусть спрячет в шкатулку. Все меньше хлопот!

Матушка Цзя затряслась от хохота и даже рассыпала по столу карты.

– Юаньян, дай-ка ей оплеуху! – крикнула старая госпожа.

Пиньэр, как ей было приказано, положила деньги перед матушкой Цзя, а сама, засмеявшись, ушла. Во дворе ей встретился Цзя Лянь и спросил:

– Старшая госпожа Син у матушки Цзя? Отец велел ее позвать.

– Не ходи туда, – сказала Пиньэр. – Старая госпожа рассердилась на госпожу Син, и лишь сейчас госпоже Син удалось немного умерить ее гнев.

– Я только спрошу у старой госпожи, поедет ли она четырнадцатого числа к Лай Да и нужен ли ей паланкин, – проговорил Цзя Лянь. – Так мне удастся вызвать матушку и ублажить старую госпожу. Что ты на это скажешь?

– Лучше не ходи, – посоветовала Пиньэр. – Старая госпожа так разгневалась, что даже обругала госпожу Ван и своего любимого Баюя. А уж тебе подавно достанется!

– Но страсти как будто бы улеглись, – стоял на своем Цзя Лянь. – С какой же стати она опять будет гневаться? Тем более что я тут вообще ни при чем. Отец велел мне привести матушку и рассердится, если я не выполню его приказа.

Подумав, что Цзя Лянь прав, Пиньэр последовала за ним в покои матушки Цзя.

Бесшумно ступая, Цзя Лянь приблизился к двери, отодвинул занавеску и заглянул в комнату. Госпожа Син все еще стояла перед матушкой Цзя, не смея пошевелинуться. И это сразу бросилось Цзя Ляню в глаза.

Фэнцзе, от которой ничто не могло ускользнуть, заметила Цзя Ляня, сделала ему знак не входить, а на госпожу Син бросила выразительный взгляд.

Госпожа Син сразу смекнула, в чем дело, но просто так было неудобно уйти, и она налила матушке Цзя чашку чая. Вдруг матушка Цзя обернулась, а Цзя Лянь не успел вовремя спрятаться.

– Кто это сует голову в дверь, как шkodливый мальчишка? – спросила матушка Цзя.

– И мне показалось, будто там кто-то есть! – поддакнула Фэнцзе, вставая с места.

Но тут Цзя Лянь появился в комнате и, низко кланяясь матушке Цзя, промолвил:

– Позвольте узнать, почтенная госпожа, поедете ли вы четырнадцатого числа к Лай Да и нужен ли вам паланкин?

– Если ты только за этим пришел, почему прятался? – спросила матушка Цзя. – Снова хитришь!

– Я хотел об этом спросить у жены, но увидел, что вы играете в карты, и не посмел мешать, – ответил Цзя Лянь.

– Что это тебе приспичило? – недоверчиво спросила матушка Цзя, – Не мог подождать, пока жена вернется домой? Впервые вижу, чтобы ты тайком пробирался ко мне! Уж не шпионить ли ты пришел? Даже перепугал меня, негодяй этакий! Твоя жена еще долго будет играть со мной в карты, так что обратись лучше к жене какого-нибудь Чжаоэра, чем изводить собственную супругу!

Все засмеялись.

– Не Чжаоэра, а Баоэра! – поправила Юаньян. – Зачем впутывать Чжаоэра?

– Ты права! – согласилась матушка Цзя. – Где уж мне запомнить всех этих «носящих на спине» и «носящих на руках»!^[24] Стоит вспомнить давешнюю историю, как во мне поднимается гнев! Я вошла в эту семью, выйдя замуж за правнука, а сейчас и у меня уже есть женатые внуки! Много пережила я здесь за пятьдесят четыре года, но такого бесстыдства видеть не приходилось! Вон отсюда!

Цзя Лянь мгновенно ретировался.

– Говорила тебе, не ходи, а ты не послушался, вот и нарвался на неприятность, – сказала Пиньэр. Она стояла под окном и слышала весь

разговор.

Вскоре после Цзя Ляня вышла госпожа Син.

– Весь скандал разыгрался из-за отца! – сказал ей Цзя Лянь. – А виноватыми в конечном счете оказались мы с вами!

– Паршивое отродье! – обрушилась на него госпожа Син. – Другой рад был бы умереть за отца, а этому слово сказали, и он уже ропщет! Негодяй! Все эти дни отец места себе не находит от гнева, смотри, как бы тебя не поколотил!

– Матушка, отец ждет вас, идите скорее, – перебил ее Цзя Лянь. – Он давно меня за вами послал.

Цзя Лянь проводил мать, а сам возвратился к себе.

Госпожа Син рассказала Цзя Шэ о своем разговоре с матушкой Цзя. Цзя Шэ сгорал от стыда, но ничего не мог сделать. Он стал избегать встреч с матушкой Цзя, ссылаясь на недомогание, и ежедневно посылал либо госпожу Син, либо Цзя Ляня справиться о ее здоровье. От Юаньян ему пришлось отказаться, и он взял в наложницы семнадцатилетнюю девушку по имени Яньхун, за которую заплатил пятьсот лянов серебра. Но это к нашему повествованию не относится.

После ухода госпожи Син еще долго играли в карты и только к ужину разошлись. Но рассказывать об этом мы не будем.

Время летит незаметно. Наступило четырнадцатое число. Еще затемно жена Лай Да явилась во дворец Жунго приглашать гостей. Матушка Цзя была в хорошем настроении. Вместе с тетушкой Сюэ, госпожой Ван, Баюем и его сестрами она отправилась к Лай Да и провела у него в саду добрую половину дня.

Что и говорить, сад Лай Да не шел ни в какое сравнение с садом Роскошных зрелищ, но был достаточно красив и просторен; ручейки, скалы, рощицы, деревья, башни, беседки, террасы – все радовало глаз.

В большой гостиной собрались мужчины – Сюэ Пань, Цзя Чжэнь, Цзя Лянь, Цзя Жун и их близкие родственники. Были среди гостей также крупные чиновники и знатные молодые люди.

С одним из них, Лю Сянлянем, Сюэ Паню уже приходилось встречаться, и он хорошо его запомнил. Прекрасный актер, Лю Сянлянь великолепно исполнял роли молодых героинь и любовниц, и Сюэ Паню очень хотелось с ним позабавиться. Но все не представлялось подходящего случая. И вот сейчас, снова встретившись с юношей, Сюэ Пань был вне себя от радости.

Цзя Чжэнь, да и остальные гости тоже, были поклонниками таланта

Лю Сянляня и, выпив немного, упростили его исполнить несколько актов из какой-нибудь пьесы. Затем они сдвинули вместе свои циновки, уселись поудобнее и стали болтать с Лю Сянлянем, шутить и смеяться.

Лю Сянлянь происходил из знатной семьи, рано осиротел и не смог окончить учение. Веселый и живой от природы, он обладал благородным характером, был чужд мелочных забот, увлекался играми с копьем, танцами с мечом, вином и картами, игрой на флейте и цитре, проводил ночи с гетерами. Жизнь его полна была удовольствий и развлечений. Многие и не подозревали, что юноша знатного происхождения, считали его простым актером.

Лай Шанжун, сын Лай Да, давно сдружился с Лю Сянлянем. Но он знать не знал о тайной слабости Сюэ Паня. А тот ни о чем не мог думать и ждал лишь момента, чтобы удовлетворить свою похоть.

Но, как назло, к Лю Сянлянню подошел Лай Шанжун и сказал:

– Второй господин Баоюй велел передать, что хочет с тобой поговорить. Он давно приметил тебя, но счел неудобным вызывать при гостях. Смотри же, не уходи домой, не предупредив меня. А то господин Баоюй рассердится за то, что я не выполнил его просьбы.

Лай Шанжун вышел и велел мальчику-слуге попросить кого-нибудь из служанок потихоньку вызвать Баоюя. Не прошло времени, достаточного для того, чтобы выпить чашку чаю, как Лай Шанжун вернулся с Баоюем.

– Дорогой дядюшка, – обратился он к Баоюю, – вот вам Лю Сянлянь, а мне надо к гостям.

Баоюй повел Лю Сянляня в кабинет, примыкавший к гостиной, и спросил, не пришлось ли ему в последние дни побывать на могиле Цинь Чжуна.

– Как же, был! – произнес в ответ Лю Сянлянь. – Ездил на соколиную охоту в места, что всего в двух ли от его могилы. Лето выдалось нынче дождливое, и я подумал, что могилу может смыть, поехал взглянуть – опасения мои подтвердились. Вернулся домой, раздобыл несколько сот монет, нанял людей, и они привели могилу в порядок.

– Теперь все понятно! – сказал Баоюй. – В прошлом месяце в нашем саду расцвели лотосы. Я сорвал десяток штук и велел Бэймину отвезти на могилу, а когда он вернулся, спросил, не смыло ли могилу дождем, на что он ответил: «Не только не смыло, но, кажется, будто ее лишь сейчас насыпали». Я сразу подумал, что это какой-нибудь его друг позаботился. А я словно в клетке. Не волен распоряжаться собой, за каждым моим шагом следят, из дому не дают выйти. Уговаривают, уещевают. Я свободен только в словах, а не в действиях! И деньги у меня есть, но тратить их по своему

усмотрению я не могу!

– Вам незачем беспокоиться, я сделаю все, что нужно, – пообещал Лю Сянлянь. – Отрадно само по себе то, что вы об этом не забываете. В первый день десятого месяца я собираюсь снова съездить на могилу, уже и деньги приготовил. Я беден, у меня нет сбережений, а заведется несколько монет, сейчас же трачу их на что попало. Вот и решил немного отложить на приведение в порядок могилы.

– А я как раз хотел послать за тобой Бэймина, – ответил Баоюй, – чтобы поговорить об этом. Но ты целыми днями бродишь, и неизвестно, где тебя искать.

– Не надо меня искать, – сказал Лю Сянлянь. – В подобных делах каждый поступает так, как велит ему долг. Я скоро уеду и вернусь года через три, а то и через пять.

– Зачем? – удивился Баоюй.

– Хочу осуществить свою заветную мечту. Какую? Об этом вы узнаете, когда я возвращусь из странствий! – усмехнулся в ответ Лю Сянлянь. – А сейчас разрешите попрощаться!

– Так скоро? – воскликнул Баоюй. – Побудь до вечера, и вместе отправимся домой.

– Мне надо скрыться от вашего двоюродного брата Сюэ Паня, а то как бы не вышел скандал, – ответил Лю Сянлянь.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Баоюй. – Только скажи мне, когда соберешься уезжать. Непременно! – В глазах Баоюя блеснули слезы.

– Разумеется, я приду попрощаться, – пообещал Лю Сянлянь, – но прошу вас никому ни слова о моем отъезде. А теперь идите в гостиную, провожать меня не надо.

Лю Сянлянь покинул кабинет и направился к воротам, но тут заметил Сюэ Паня.

– Кто посмел отпустить Лю Сянляня? – закричал тот.

Лю Сянлянь шагнул к Сюэ Паню, намереваясь ударом кулака свалить его с ног, но тут подумал, что затеять драку, да еще спьяна, значит повредить доброму имени Лай Шанжуна, и сдержался. А Сюэ Пань, увидев Лю Сянляня, обрадовался так, словно нашел драгоценную жемчужину.

– Брат мой, ты куда? – он готов был заключить Сянляня в объятия.

– Немного прогуляюсь, – ответил тот.

– Не уходи, без тебя сразу станет скучно, – с улыбкой произнес Сюэ Пань. – Посиди со мной, чтобы я знал, что ты меня хоть чуточку любишь! Если у тебя есть какое-нибудь срочное дело, поручи его мне, только останься. Ради тебя я готов на все! Хочешь, сделаю тебя чиновником!

Хочешь – богачом!

Возмущенный до глубины души, Лю Сянлянь решил хорошенько проучить Сюэ Паня, отвел его в укромное место и тихо сказал:

– Ты в самом деле хочешь со мной подружиться или притворяешься?

Вне себя от радости Сюэ Пань огляделся и промолвил:

– Дорогой брат, зачем ты меня об этом спрашиваешь? Сдохнуть мне на этом месте, если я вру!

– Ладно, – кивнул Лю Сянлянь, – только здесь неудобно. Давай вернемся, посидим еще немного. Потом я выйду, а ты незаметно последуешь за мной. Отправимся ко мне и всю ночь будем пить вино. У меня, кстати, есть два мальчика. Они еще ни разу не выходили за ворота, принимают гостей только дома. С собой никого не бери, у меня найдется кому прислуживать.

– В самом деле? – откликнулся Сюэ Пань. От радости у него хмель наполовину прошел.

– Конечно, – улыбнулся в ответ Лю Сянлянь. – Не веришь? Я правду тебе говорю!

– Почему же мне не верить? Ведь я не дурак! – возразил Сюэ Пань. – Но как тебя найти, если ты уйдешь первым?

– Я живу за северными городскими воротами, – ответил Лю Сянлянь. – Ты можешь до утра не возвращаться домой?

– Зачем мне дом, если ты рядом? – воскликнул Сюэ Пань.

– В таком случае буду тебя ждать на мосту за воротами, – промолвил Лю Сянлянь. – А пока давай выпьем. Как только я уйду, ты незаметно выйди, чтобы никто не обратил внимания.

– Да, да, – поспешил ответить Сюэ Пань.

Они вернулись к столу, выпили по кубку вина. Сюэ Пань сгорал от страсти, то и дело поглядывал на Лю Сянляня и все больше распалялся. Он осушал кубок за кубком, наливая то из одного чайника, то из другого, пока окончательно не захмелел.

Лю Сянлянь между тем встал из-за стола, выскользнул за дверь и приказал мальчику-слуге:

– Иди домой, я прогуляюсь за город и скоро вернусь!

Он вскочил на коня и ускакал. Миновав северные ворота, Лю Сянлянь остановился на мосту и стал дожидаться Сюэ Паня.

Прошло довольно много времени, прежде чем он его увидал. Сюэ Пань мчался во весь опор, вытаращив глаза и разинув рот. Он то озирался, то всматривался в даль и промчался мимо Лю Сянляня, даже не заметив его. Смеясь и досадуя, Лю Сянлянь поехал следом за ним.

Сюэ Пань, увидев, что вокруг ни души, решил ехать обратно, повернул коня и тут столкнулся лицом к лицу с Лю Сянлянем.

– Я знал, что ты сдержишь слово! – вскричал он, захлебываясь от восторга.

– Едем скорее! – заторопил его Лю Сянлянь. – Быть может, кто-то заметил, что мы ушли, и преследует нас.

Лю Сянлянь подстегнул коня и поскакал вперед. Сюэ Пань не отставал ни на шаг. У пруда, заросшего густым камышом, Лю Сянлянь спешил, привязал коня к дереву и обратился к Сюэ Паню с такими словами:

– Слезай! Давай поклянемся друг другу сохранить в тайне то, что произойдет между нами. И пусть постигнет кара того, кто эту клятву нарушит.

– Что же, вполне разумно, – согласился Сюэ Пань.

Он тоже спешил, привязал коня и, опустившись на колени, громко произнес:

– Если я когда-нибудь нарушу клятву, пусть Небо и Земля меня покажут!..

И тут Сюэ Паню почудилось, будто совсем рядом загремел барабан, а на голову обрушился удар тяжелого молота. На какой-то миг Сюэ Пань потерял сознание, перед глазами поплыли красные круги, и он рухнул наземь.

Тогда Лю Сянлянь наклонился и стал хлестать его по лицу. И вскоре, все в синяках и кровоподтеках, оно стало походить на лоток с фруктами. Сюэ Пань попробовал встать, но Лю Сянлянь пнул его сапогом, и тот снова растянулся на земле.

– Ведь ты же сам согласился! – пробормотал Сюэ Пань. – Не хотел – так и сказал бы! А то заманил меня сюда да еще бьешь. – И Сюэ Пань стал всячески поносить юношу.

– Эх ты, слепец! – вскричал Лю Сянлянь. – Да знаешь ли ты, кто я такой, твой старший господин Лю? Вместо того чтобы прощения просить, еще ругаться вздумал! Убивать я тебя не стану, а проучить – проучу!

Он схватил плетку и принялся стегать Сюэ Паня по спине. После тридцати, а может быть, сорока ударов хмель с Сюэ Паня как рукой сняло и он завизжал от боли.

– Только это ты и можешь! – холодно усмехнувшись, бросил Лю Сянлянь. – А я думал, ты смелый и не боишься побоев!

Он схватил Сюэ Паня за ногу, оттащил в сторону и швырнул в заросли камыша.

– Теперь понял, кто я? – спросил он, вываляв Сюэ Паня в грязи.

Сюэ Пань не двигался, только стонал. Лю Сянлянь бросил плеть и ткнул его несколько раз кулаком.

– Ребра переломаешь! – катаясь по земле, вопил Сюэ Пань. – Теперь я вижу, ты человек честный, меня просто ввели в заблуждение.

– Не лги! Сам хорош! – промолвил Лю Сянлянь.

– Да я ничего плохого не говорю! – выкрикнул Сюэ Пань. – Я лишь сказал, что ошибался и что ты честный человек!

– А повежливее не можешь, тогда я, может быть, пощажу тебя...

– Дорогой брат... – заныл Сюэ Пань.

Лю Сянлянь еще раз ткнул его кулаком в бок, потом еще и еще.

– Дорогой старший брат...

Снова удар.

– Дорогой, почтенный господин! – завопил Сюэ Пань. – Простите меня, неразумного! Отныне я буду вас уважать и бояться!

– Выпей воды из болота! – приказал Лю Сянлянь.

– Вода очень грязная, не могу! – взмолился Сюэ Пань.

Лю Сянлянь снова занес кулак.

– Выпью! Выпью!

Сюэ Пань наклонился, сделал глоток, но его тут же вырвало.

– Подлая тварь! Пей, не то хуже будет!

– Простите меня! – молвил Сюэ Пань, низко кланяясь. – Это зачтется вам после смерти! Не могу я пить эту грязь, хоть убейте!

– Задохнешься от своей вони! – плюнул в сердцах Лю Сянлянь, вскочил на коня и умчался.

Сюэ Пань проклинал себя за свою опрометчивость! Как жестоко он ошибся! Попробовал встать, но все тело нестерпимо ныло.

Тем временем гости хватились Сюэ Паня и Лю Сянляня.

Кто-то сказал, что они поскакали к северным городским воротам.

Слуга Сюэ Паня не мог сказать ничего вразумительного. Он до смерти боялся своего господина, а поскольку тот приказал ему оставаться на месте, не посмел сделать и шагу.

Тогда Цзя Чжэнь велел Цзя Жуну взять нескольких слуг и отправиться на поиски к северным воротам. В двух ли от моста Цзя Жун заметил привязанную к дереву лошадь Сюэ Паня.

– Все в порядке! – воскликнул он. – Нашелся конь, найдется и хозяин!

И в самом деле, в этот момент из камышей донесся стон. Все бросились туда и увидели Сюэ Паня, словно свинья, валявшегося в грязи. Одежда на нем висела клочьями, лицо вспухло – его невозможно было узнать.

Цзя Жун сразу смекнул, в чем дело, спешился и приказал слугам поднять Сюэ Паня.

– Дядюшка Сюэ! – воскликнул он. – Вы всегда были опрометчивы. Ведь я вас предупреждал. Вот и угодили в болото! Не иначе как вы приглянулись господину Лун-вану^[25], он обещал сделать вас своим зятем, а вместо этого посадил на рога!

Сюэ Пань готов был от стыда провалиться сквозь землю. Не то что сесть на коня, он от боли подняться не мог.

Цзя Жун приказал одному из слуг сбегать на городскую заставу за паланкином, после чего все вместе отправились в город.

Цзя Жун хотел вернуться к Лай Да и продолжить веселье, но Сюэ Пань умолял отвезти его домой и никому не рассказывать о случившемся. Цзя Жун обещал, отвез Сюэ Паня домой, а сам отправился снова к Лай Да и обо всем рассказал Цзя Чжэню.

Цзя Чжэнь сразу понял, что это Лю Сянлянь побил Сюэ Паня, и с улыбкой сказал:

– Так ему и надо!

Вечером, после ухода гостей, Цзя Чжэнь отправился к Сюэ Паню справиться о самочувствии. Но Сюэ Пань отказался его принять, сославшись на нездоровье.

Вернувшись из гостей, тетушка Сюэ и Баочай застали Сянлин в слезах. Расспросив ее, что да как, они поспешили в спальню Сюэ Паня. Он был избит так, что живого места не осталось, только кости, к счастью, уцелели.

Тетушке Сюэ жаль было сына, но она отругала его, а затем стала вовсю поносить Лю Сянляня. Она хотела рассказать обо всем госпоже Ван и послать людей на поиски Лю Сянляня, но Баочай стала ее отговаривать.

– Не стоит, мама, – сказала она. – Обычная история. Напились и поскандалили. Кто больше захмелел, тому больше досталось. О нас и так идет молва, будто мы попираем законы Неба и Земли, а все потому, что вы попустительствуете брату, жалеете его. Уж если хотите дать выход своему гневу, подождите, пока брат поправится и сможет выходить из дому. Тогда господин Цзя Чжэнь и Цзя Лянь устроят угощение, пригласят обидчика и при всех заставят его кланяться и просить прощения. Если же сейчас поднимете шум, все скажут, что это вы из любви к сыну потворствуете всем его безобразиям. Ведь брат пострадал случайно! Так неужели вы хотите из-за этого поднять всех родственников на ноги и, пользуясь их влиянием, преследовать простого человека?

– Дитя мое, ты, как всегда, права! – воскликнула растроганная тетушка Сюэ. – А я от гнева совершенно обезумела.

– Вот и хорошо, что вы со мной согласны, мама, – сказала Баочай. – Брат вас не слушается, совсем от рук отбился и с каждым днем становится все хуже. И поделом ему! Хорошо бы кто-нибудь еще разок его так проучил!

Сюэ Пань ругался, грозился разрушить дом своего обидчика, убить его, подать на него в суд.

Наконец тетушка Сюэ не выдержала.

– Не слушайте его! – крикнула она слугам. – Лю Сянлянь был пьян, ничего не соображал, а сейчас раскаивается, даже сбежал от страха!

Услышав слова матери, Сюэ Пань...

Если хотите узнать, что сделал Сюэ Пань, прочтите следующую главу.

Глава сорок восьмая

Злоупотребляющий чувствами юноша ошибается в своих чувствах и уезжает в дальние края;

преклоняющаяся перед изящным девушка настойчиво стремится к изящному и учится сочинять стихи

Итак, гнев Сюэ Паня после слов матери немного поостыл.

Через несколько дней боль прошла, но синяки и кровоподтеки остались, поэтому Сюэ Пань вынужден был притворяться больным, чтобы избежать встреч с родственниками и друзьями.

Не успели оглянуться, как наступил десятый месяц. Некоторые приказчики Сюэ Паня уже подвели счета и собирались на Новый год домой. Пришлось Сюэ Паню устроить им проводы с угощением.

Среди приказчиков был некий Чжан Дэхуэй. С самого детства он служил в закладной лавке Сюэ Паня и сумел сколотить состояние в две-три тысячи лянов серебра. Он просил отпустить его домой до будущей весны.

– В нынешнем году не хватает благовоний и бумажных денег для совершения жертвоприношений, – сказал он Сюэ Паню, – поэтому в будущем году они могут подорожать. Я пришлю сыновей присматривать за лавкой, а сам вернусь к празднику начала лета. По дороге закуплю бумажных денег и благовонных вееров, чтобы здесь продать. Уверен, что, несмотря на высокие пошлины и прочие расходы, прибыль получим хорошую.

Сюэ Пань внимательно слушал Чжан Дэхуэя, а сам думал:

«После того, что случилось, мне стыдно смотреть людям в глаза. Хорошо бы скрыться хоть на полгода, но как это сделать? Нельзя же все время притворяться больным! Я хоть и взрослый, а ничему не научился, ни в гражданском ведомстве, ни в военном служить не могу. Считается, будто я занимаюсь торговлей, но ни весов, ни счетов я никогда в руках не держал, не бывал в дальних краях, тамошних нравов не знаю, даже не представляю, какие страны с нами соседствуют, а какие находятся далеко. Хорошо бы денег раздобыть да и отправиться на годик странствовать с Чжан Дэхуэем. Удастся что-нибудь заработать – хорошо, не удастся – тоже не

беда: только бы от стыда укрыться! Да и вообще неплохо попутешествовать!»

Обмозговав все, Сюэ Пань сразу после ухода гостей потолковал с Чжан Дэхуэем и велел ему задержаться на день-другой, чтобы вместе отправиться в путь. Вечером о своем разговоре с приказчиком Сюэ Пань рассказал матери.

Тетушка Сюэ и обрадовалась, и встревожилась. Ее мало беспокоило, что сын может растратить деньги, хуже, если он снова что-нибудь натворит.

– Когда ты рядом, мне спокойнее, – говорила она. – Зачем тебе заниматься торговлей? Ведь прибыль нам не нужна.

Но Сюэ Пань был упрям и стоял на своем.

– Мама, – сказал он, – ты вечно твердишь, что я ничего не смыслю в делах, этого не умею, того не знаю, никаких наук не постиг. Вот я и решил взяться за ум, остепениться. Научусь вести торговлю и буду уважаемым человеком. А ты хочешь держать меня взаперти, словно девчонку! Так я никогда не стану самостоятельным! Чжан Дэхуэя мы знаем. Он – человек опытный, всегда поможет советом, наставит на правильный путь. Он знает, что почем, какой товар ходовой, а какой – нет. Разве плохо у него поучиться?! А ты не хочешь меня отпускать... Ладно, хватит разговоров! Дня через два уеду, и все! А в будущем году вернусь разбогатевшим, тогда узнаете, на что я способен!

Сюэ Пань сердито замолчал и пошел спать. А тетушка Сюэ стала держать совет с Баочай.

– Это хорошо, что брат всерьез решил заняться делом, – сказала Баочай. – Одно меня тревожит: как бы вдали от дома в нем снова не разыгралась пагубная страсть. Но убиваться из-за этого не стоит. Исправится он – прекрасно, не исправится – ничего не поделаешь. На все воля Неба! Ведь он совсем не знает жизни, хотя и взрослый, и если держать его взаперти, что будет с ним дальше? Дайте ему для начала тысячу лянов серебра, и пусть попытает счастья. Приказчик ему поможет, обманывать, я думаю, не станет. А главное – рядом не будет собутыльников и прихлебателей, которые заискивают перед ним. Заработает – будет сыт, не заработает – поголодает, помочь там некому. Трудности и лишения пойдут ему только на пользу!

– Ты права, – согласилась наконец тетушка Сюэ. – Пусть учится жить, на это денег не жалко.

На том разговор и кончился. Ночью не случилось ничего примечательного, о чем стоило бы рассказывать.

На следующий день тетушка Сюэ велела сыну приготовить угощение

и пригласить Чжан Дэхуэя. Она наказала приказчику хорошенько присматривать за сыном, и Чжан Дэхуэй обещал все в точности выполнить. Он поблагодарил за угощение и, прощаясь, сказал Сюэ Паню, к его великой радости:

– Четырнадцатое число – счастливый день для отъезда. Приготовьте все необходимое, наймите мулов, с самого утра двинемся в путь.

Тетушка Сюэ, Баочай, Сянлин и две старые мамки несколько дней хлопотали, снаряжая Сюэ Паня в дорогу. Сопровождать его приказано было мужу кормилицы, двум старым преданным слугам и двум мальчикам, находившимся в услужении у Сюэ Паня. Таким образом, набралось всего шесть человек. Наняли четырех мулов и три повозки для багажа. Для Сюэ Паня приготовили вороного иноходца и еще запасную лошадь.

Пока шли приготовления, тетушка Сюэ, Баочай и остальные родственники целыми днями напутствовали Сюэ Паня. Но об этом мы рассказывать не будем.

Тринадцатого числа Сюэ Пань попрощался со своим дядей по материнской линии, а также с родственниками из семьи Цзя.

Тетушка Сюэ привезла в столицу пятерых слуг, трех старых мамок и девочку-служанку. После отъезда Сюэ Паня из мужчин в доме осталось всего двое слуг. Им было не уследить за всем домом, поэтому тетушка Сюэ распорядилась снять занавески и пологи в кабинете Сюэ Паня, вынести оттуда все украшения и спрятать. Жен двух слуг, которые уехали с Сюэ Панем, она попросила временно перейти к ней. Затем приказала Сянлин:

– Хорошенько приberi комнату молодого господина и запри на замок! Спать будешь у меня!

– Мама, ведь у вас есть другие служанки, – заметила Баочай. – Разрешите Сянлин жить у меня. В саду у нас малоллюдно, ночи – длинные, и, чтобы скоротать время, я вечерами занимаюсь рукоделием. Пусть у меня будет компаньонка.

– Я не подумала об этом! – воскликнула тетушка Сюэ. – Надо было сразу отправить ее к тебе! Несколько дней назад я сказала твоему брату, что нужно купить для тебя еще одну служанку, Вэньсин еще слишком мала, а Инъэр не может со всем управиться.

– Купить можно, дело не в деньгах, но будет ли от нее польза? – возразила Баочай. – Не оказалась бы она балованной. Сначала надо разузнать, что за девушка, а уж затем покупать.

Она приказала Сянлин собрать постель и все украшения, одной из старых мамок – отнести все это во двор Душистых трав, после чего вместе с Сянлин отправилась в сад Роскошных зрелищ.

– Я давно собиралась попросить госпожу, чтобы разрешила мне жить у вас, когда уедет ваш брат, – сказала дорогой Сянлин. – Но боялась, как бы госпожа не подумала, будто я хочу развлекаться в саду. Ведь госпожа очень мнительна. Но, к моей великой радости, барышня, вы сами поговорили с ней!

– Я знала, что ты давно мечтаешь пожить в саду, – с улыбкой произнесла Баочай, – вот только не представлялось возможности. Ты каждый день туда приходила, но всегда торопилась. А это неинтересно! Теперь пользуйся случаем и живи здесь хоть целый год! Да и мне веселее будет!

– Дорогая барышня! – попросила Сянлин. – Научите меня сочинять стихи!

– А ты, как говорится, «захватив Лу, заришься на Шу»! – рассмеялась в ответ Баочай. – Повремени немного. Первым делом ты должна справиться о здоровье старой госпожи и остальных господ. Только смотри не говори никому, что переехала в сад! А спросят, скажи, что ты временно моя гостья. Когда вернешься, сходи к барышням!

Сянлин уже собралась идти, как вдруг появилась Пинъэр. Сянлин поспешила ей поклониться и справилась о здоровье. Пинъэр улыбнулась и в свою очередь справилась о здоровье Сянлин.

– У меня появилась новая компаньонка, и я хотела сообщить об этом твоей госпоже, – сказала Баочай, обращаясь к Пинъэр.

– Да что вы говорите, барышня? – воскликнула Пинъэр. – Право, я даже не знаю, что и сказать.

– Порядок есть порядок, – промолвила Баочай. – Недаром говорится: «В каждой гостинице – свой хозяин, в каждом храме – свой настоятель». Дело это, разумеется, маловажное, но все же лучше предупредить, пусть ночные сторожа в саду знают, что здесь поселился еще один человек, и будут внимательны, запирая ворота. Скажи об этом своей госпоже, когда вернешься домой, тогда я не буду посылать к ней служанок.

– Ведь ты пришла сюда только сейчас, – заметила Пинъэр, обращаясь к Сянлин. – И, согласно порядку, должна пойти поклониться своим новым соседям!

За Сянлин ответила Баочай:

– Я только что приказала ей это сделать.

– К нам пока не ходи, – повернувшись к Сянлин, предупредила Пинъэр. – Второй господин Цзя Лянь болен.

Сянлин почтительно поддакнула и отправилась к матушке Цзя.

Только Сянлин ушла, Пинъэр с опаской обратилась к Баочай.

– Слышали новость, барышня?

– Ничего не слышала, – ответила Баочай. – Несколько дней собирала брата в дорогу и ни с кем не встречалась, даже барышень целых два дня не видела.

– Старший господин Цзя Шэ так избил второго господина Цзя Ляня, что тот шевельнуться не может! Неужто не слышали? – удивилась Пиньэр.

– Кое-что слышала, но, признаться, не поверила, – ответила Баочай. – Хотела поговорить с твоей госпожой, но неожиданно повстречала тебя. За что же господин Цзя Шэ так избил господина Цзя Ляня?

– Все из-за этого Цзя Юйцуня! – сердито промолвила Пиньэр. – И откуда только его принесло? Паршивое отродье! Жаль, что он до сих пор не подох с голоду! Десяти лет не прошло, как он явился в наш дом, а сколько из-за него всяких бед!.. Нынешней весной старший господин где-то увидел старинные веера, и, когда возвратился домой, его собственная коллекция вееров показалась ему никуда не годной; он велел во что бы то ни стало раздобыть те веера, что видел. Однако их владелец, по прозвищу Каменный Дурак, сказал, что веера ни за какие деньги не продаст, хотя их в доме у него по крайней мере двадцать штук, а сам он чуть ли с голоду не умирает. Чего только не сделал господин Цзя Лянь, чтобы разыскать владельца этих вееров! Ну, познакомились они. Вскоре господин Цзя Лянь был приглашен к нему в гости, и хозяин показал ему веера. Но словам господина Цзя Ляня, такие веера встречаются очень редко, все они сделаны из бамбука сяньфэй или из оленьего бамбука, и на каждом древняя надпись. Услышал это старший господин и приказал второму господину Цзя Ляню за любую цену купить эти веера. Но Каменный Дурак уперся и ни в какую. «Пусть, – говорит, – я с голоду умру, а ни одного веера не продам, даже за тысячу лянов». Старший господин очень разгневался на господина Цзя Ляня за то, что не умеет совершать торговые сделки. Уже и серебро разменяли, предложили Каменному Дураку пятьсот лянов, а тот: «Не продам и все. Хотите заполучить веера, прежде возьмите мою жизнь!» Ну что тут поделаешь? И вдруг подвернулся этот бессовестный Цзя Юйцунь! Услышал, что старший господин хочет приобрести веера, ложно обвинил Каменного Дурака в том, будто тот не уплатил в казну каких-то денег, распорядился доставить его в ямынь и присудил: «Продать все имущество для уплаты долгов!» А веера описал и прислал по казенной цене господину Цзя Шэ. Не знаю, жив ли сейчас Каменный Дурак, но только старший господин вызвал к себе второго господина Цзя Ляня и говорит ему: «Ты вот не смог достать веера, а другие смогли!» Второй господин дерзнул возразить: «Не дело это – ради каких-то вееров разорять человека!»

Старший господин еще больше рассердился, стал к нему придирааться, то за одно, то за другое, и в конце концов поколотил. И даже не положил на скамью – не по спине бил, а по чем попало, по голове, по рукам, лицо ему разбил. У вашей матушки, говорят, есть какое-то снадобье от ушибов, попросите немного, барышня, если можно!

Баочай тотчас велела Инъэр принести две пилюли, после чего обратилась к Пинъэр:

– В таком случае передай от меня поклон своей госпоже, а сама я к ней не пойду.

– Хорошо! – ответила Пинъэр и удалилась.

Сянлин тем временем успела проведать матушку Цзя и остальных. А после ужина к матушке Цзя отправилась Баочай, и Сянлин сразу побежала в павильон реки Сяосян к Дайюй, которая уже почти выздоровела.

Трудно описать, как обрадовалась Дайюй, узнав, что Сянлин теперь будет жить в саду Роскошных зрелищ.

– Пока у меня есть время, – сказала Сянлин, – я была бы счастлива, барышня, если бы вы научили меня сочинять стихи!

– Тогда кланяйся мне как учителю, – со смехом отвечала Дайюй. – Я сама не очень-то разбираюсь в поэзии, но могу тебя кое-чему научить.

– Если это правда, я готова кланяться и всячески вас почитать, – с улыбкой сказала Сянлин. – Только прошу вас не считать меня слишком назойливой ученицей!

– В чем сложности стихосложения? – принялась объяснять Дайюй. – Каждый стих состоит из введения, толкования, изложения и заключения. Толкование и изложение ставятся в середине стиха и представляют две парные надписи. Слова ровного тона противопоставляются словам нисходяще-восходящего тона, пустые слова – значимым, и наоборот. Если же удастся сочинить оригинальную строку, то слова под разными тонами, а также пустые и значимые слова можно и не противопоставлять.

– Вот, оказывается, почему в древних стихах не всегда найдешь противопоставления! – воскликнула Сянлин. – Теперь мне понятно выражение «Об единице, тройке и пятерке не рассуждают, а двойку, тройку и шестерку – ясно различают»! В поэзии древних иногда можно найти подтверждение этому правилу, иногда же двойки, четверки и шестерки не согласуются, и тогда возникает сомнение. Но сейчас, с вашей помощью, я поняла, что это правило особого значения не имеет, важно лишь, чтобы в стихах были новые, оригинальные мысли.

– Совершенно верно, – подтвердила Дайюй. – Главное – содержание, а не форма. Если мысль, заложенная в стихах, глубока, незачем украшать ее

и расцвечивать. Недаром говорят: «Форма не должна затмевать содержание!»

– Мне очень нравятся строки из стихов Лу Фанвэна^[26], – промолвила Сянлин. —

Когда тяжелый полог не задернут, —
Так долго аромат не исчезает!

А в углубление тушечницы древней
Так много собралось-сгустилось туши!

Очень точно! И очень красиво!

– Такие стихи не стоит читать, – заметила Дайюй. – Уж очень они примитивны. Ты мало читала, вот и понравились. Если хочешь всерьез заняться поэзией, я дам тебе «Собрание стихотворений Ван Моцзе»^[27]. Сначала прочтешь сто пятисловных уставных стихов его самого, затем – сто двадцать семисловных уставных стихов Ду Фу и, наконец, сто или двести четверостиший Ли Цинляня. Тогда поймешь основные принципы стихосложения, а затем примешься за стихи Тао Юаньмина, Ин Яня, Лю Чжэна, Се Линъюня, Юань Цзи, Юй Синя и Бао Чжао^[28]. Ты у нас умница, не пройдет и года, как сможешь сама сочинять стихи!

– Дорогая барышня, дайте мне эти книги прямо сейчас, – попросила Сянлин, – чтобы вечером я могла почитать!

Дайюй согласилась и приказала Цзыцзюань принести книгу уставных пятисловных стихов Ван Вэя.

– Читай только те, что подчеркнуты красной тушью, – предупредила она, отдавая книгу Сянлин, – это я их отметила. Чего не поймешь, спроси у своей барышни, а не хочешь – я сама тебе все объясню, когда встретимся снова.

Сянлин возвратилась во двор Душистых трав, села поближе к лампе и, забыв обо всем на свете, принялась читать стихотворение за стихотворением. Баочай несколько раз ей напоминала, что пора спать, но Сянлин лишь отмахивалась.

И вот как-то утром, только Дайюй закончила свой туалет, в комнату вошла сияющая Сянлин, протянула взятую в прошлый раз книгу и попросила стихи Ду Фу.

– А сколько стихов ты выучила наизусть? – с улыбкой осведомилась Дайюй.

- Те, что были подчеркнуты красным, – ответила Сянлин.
– И все поняла?
– Как будто поняла, только не знаю, правильно ли. Хотите, расскажу?
– Охотно выслушаю тебя, – сказала Дайюй. – Сначала надо обсудить неясные места, а уж потом идти дальше.
– Главное достоинство этих стихов, – неуверенно начала Сянлин, – по моему, заключается в том, что они полны глубокого смысла и повествуют о том, что есть на самом деле, хотя поначалу кажутся надуманными.
– В какой-то степени ты права, – согласилась Дайюй. – Только мне непонятно, из чего ты сделала такой вывод.
Сянлин с улыбкой ответила:
– В стихотворении «На границе» есть такие строки:

Над великой пустыней
Расстелился дымок сиротливый.

А за длинной рекою
Заходящего солнца шар.

Солнце, разумеется, круглое, как шар. Но может ли дымок сиротливо стелиться? Слово «сиротливый», пожалуй, не к месту, а слово «шар» чересчур примитивно. Я закрыла книгу и постаралась представить себе эту картину. Попробовала заменить слова «шар» и «сиротливый» – не получились. Есть еще там такая строфа:

В час заката белы
И озера, и реки.

В час прилива темны
Небеса и земля.

Сначала мне показалось, что слово «белы» лишено здесь всякого смысла, точно так же, как слово «темны». Но, вдумавшись, я поняла, что именно эти слова необходимы для полноты картины. Когда же читаешь вслух, кажется, будто жуешь огромную маслину и никак не разжуешь.

Или вот еще строки:

У переправы
солнце вечернее светит.

А над селеньем
дымок одинокий вьется.

Как удачно употребил здесь поэт слова «вечернее» и «вьется»! Помню, несколько лет назад по пути в столицу наша лодка пристала к берегу. Это было вечером; на пустынном берегу высились несколько молчаливых деревьев, а где-то вдали к облакам подымался одинокий сизо-голубой дымок, – видимо, там готовили ужин. И вот вчера, когда я прочла это стихотворение, мне почудилось, будто я вновь попала в те места!

Тем временем пришли Баюй и Таньчунь, сели и стали с интересом слушать Сянлин.

– По-моему, тебе больше незачем читать стихи, – с улыбкой заметил наконец Баюй. – Ты и так близка к истине и, судя по твоим словам, уже постигла «три неясности»^[29].

– Ты считаешь строку «дымок одинокий вьется» великолепной, – сказала на это Дайюй, – но ведь она не что иное, как подражание более древним поэтам. Сейчас я тебе прочту строки, перед которыми эта строка бледнеет.

И она процитировала Тао Юаньмина:

Во мгле и тумане —
деревня как будто вдали.
Тихо струится
над каждой крышей дымок.

– «Струится» вместо «вьется». Великолепно! – в восторге вскричала Сянлин.

– Теперь ты поняла все, – засмеялся Баюй. – Излишние объяснения могут только навредить. А сейчас попробуй сама что-нибудь сочинить, уверен, получится прекрасно!

– Ты должна вступить в наше поэтическое общество! – с улыбкой сказала Таньчунь. – Завтра же пришлю тебе приглашение.

– Не надо насмехаться надо мной, барышня! – с обидой произнесла Сянлин. – Я ведь хочу научиться сочинять стихи просто так, забавы ради.

– Все сочиняют забавы ради, – засмеялись в ответ Дайюй и Таньчунь. – Неужели ты полагаешь, что мы собираемся стать поэтами? Да нас засмеют, если кто-нибудь за стенами этого сада узнает, что мы сочиняем стихи!

– Нечего так уж скромничать! – с улыбкой произнес Баюй. – Знатоки поэзии, услышав, что мы создали поэтическое общество, попросили меня показать несколько стихотворений. И, когда прочли, не могли скрыть своего восхищения. Думаю, оно было искренним, иначе чего ради они стали бы переписывать для себя?

– Правда? – воскликнули в один голос Дайюй и Таньчунь.

– Врет только попугай! – ответил Баюй.

– Вечно ты что-нибудь натворишь! – встревожились девушки. – Пусть стихи хороши, все равно не следовало показывать их чужим!

– А что тут особенного? – спросил Баюй. – В древности женщины тоже сочиняли стихи, и сегодня мы их можем прочесть. Значит, они выходили за пределы женских покоев!

Неожиданно появилась Жухуа и сказала, что барышня Сичунь приглашает к себе господина Баюя. Баюй тотчас встал и вышел.

Сянлин между тем снова попросила дать ей прочесть стихи Ду Фу.

– И тему мне дайте, – сказала она. – Попробую что-нибудь сочинить и покажу вам.

– Вчера луна была до того прекрасна, что мне захотелось ее воспеть в стихах, но, увы, не удалось, – сказала Дайюй. – Вот ты и попробуй сочинить стихи о луне. Слова на рифму четырнадцатую можешь употреблять по своему усмотрению.

Сянлин обрадовалась и с книжкой в руках побежала домой. Прочла два стихотворения и стала сочинять сама. Она не хотела ни ужинать, ни пить чай, и Баочай, глядя на нее, сказала:

– И зачем только ты себе ищешь хлопоты? Наверняка Чернобровка тебя подбивает! Ну погоди, задам я ей! Ты и без того умом не блещешь, а увлечешься стихами – совсем рехнешься.

– Дорогая барышня! Не мешайте мне! – попросила Сянлин.

Через некоторое время стихотворение было готово, и девочка дала его посмотреть Баочай.

– Никуда не годится! – сказала Баочай. – Впрочем, стыдиться нечего. Покажи Дайюй. Интересно, что она скажет!

Дайюй прочла:

Коричник на луне среди небес

Пленяет ночь холодной красотой,
Лучи засеребрились в чистых высях,
Но недвижим теней настил густой.
Луна несет поэту озаренье,
Веселый дума обретет настрой,
А путник, что вдали объят печалью,
Все ж восхитится в этот час луной.
Поодаль от дворца из малахита
Есть зеркало – прозрачайший нефрит,
За шторой жемчужной ледяная
Тарелка в высоте небес висит...
И нет нужды, чтоб ночью этой дивной
Светильник серебром меня облил, —
Зачем он, если яркость и сиянье
Я вижу даже в росписи перил!

– По смыслу неплохо, только стиль недостаточно изящный, – покачала головой Дайюй. – Ты мало читала и чувствуешь себя неуверенно, не хватает свободы. Почитай еще, а это стихотворение забудь и сочини новое, только пиши посмелее!

Сянлин вышла, низко опустив голову, села у пруда на камень и принялась задумчиво чертить палочкой по земле, к удивлению проходивших мимо.

Ли Вань, Баочай, Таньчунь и Баюй издали наблюдали за ней и посмеивались. Вдруг Сянлин сдвинула брови, на губах заиграла улыбка.

– Умом тронулась! – промолвила Баочай. – Всю ночь что-то бормотала и уснула только к утру. А едва рассвело, вскочила с постели, наскоро умылась, причесалась и побежала искать Чернобровку! Потом вернулась и весь день ходила словно потерянная, написала стихотворение, но неудачно. Уверена, она и сейчас сочиняет.

– Поистине эта девушка «самая удивительная среди духов и самая выдающаяся среди людей»! – воскликнул Баюй. – Создавая человека, Небо не зря наделяет его талантом. Ведь мы сами не раз сокрушались: как жаль, что эта девушка столь низкого происхождения! Никто себе и представить не мог, что наступит такой день, как сегодня! Что говорить? Небо и Земля справедливы!

– Тебе бы ее усердие! – насмешливо воскликнула Баочай. – С таким усердием в любом деле добьешься успеха!

Баоюй ничего не ответил. В это время Сянлин, радостная, подошла к Дайюй.

– Давайте посмотрим, что будет дальше! – предложила Таньчунь.

Они отправились в павильон Реки Сяосян и увидели, что Дайюй обсуждает с Сянлин написанное ею стихотворение. На вопрос, нравится ли ей, Дайюй ответила:

– Признаться, не очень, хотя Сянлин основательно потрудились. Стихотворение надуманное, все в нем натянуто, неестественно. Пусть еще сочинит.

С этими словами Дайюй протянула листок с такими стихами:

Не серебро и не вода... Но чье
В окне холодном яркое сиянье?
Когда получше взглянешь, – в пустоте
Узришь тарелки круглой очертанья.
И кажется, что бледной мэйхуа
Душистый аромат к луне стремится,
На длинных-длинных ивовых ветвях
Росе пора настала испариться.
Похоже, у дверей ступеней ряд
Как будто пудрой чуть позолотило,
И легкий иней тонкой пеленой
Нефритовые застелил перила.
Сон оборвался в западном дворце,
Следов людей искать – не доискаться,
И хочется за пологом узреть,
Как будет к западу луна склоняться...

– А луны-то и нет! – с улыбкой заметила Баочай.

– На худой конец можно было использовать слова «сияние», «свет»! Впрочем, если вчитаться, в каждой строке угадывается лунный свет!.. Ладно, стихи – плод легкомыслия; попробуй еще сочинить, уверена, у тебя будет все лучше и лучше.

Самой Сянлин стихотворение ее казалось просто великолепным, и она, разумеется, огорчилась. Однако сдаваться ей не хотелось, и она решила попробовать сочинить еще.

Не обращая внимания на девушек, которые подшучивали над ней, Сянлин подошла к бамбуку, растущему у крыльца, и задумалась.

– Отдохнула бы немного! – с усмешкой посоветовала Таньчунь.
– Слово «отдохнуть» не подходит! – безразличным тоном ответила Сянлин. – Рифма не та.

Все расхохотались.

– Она помешалась на стихах! – воскликнула Баочай. – И в этом вина Чернобровки!

– Кун-цзы говорил: «Поучаю неутомимо!» – оправдывалась Дайюй. – Ведь она сама просит, отчего же не помочь?

– Давайте отведем Сянлин к четвертой барышне Сичунь, пусть посмотрит картину! – предложила Ли Вань, чтобы хоть как-то отвлечь девочку.

Она взяла Сянлин за руку и повела в павильон Благоухающего лотоса, а затем – в ограду Теплых ароматов. Сичунь как раз спала. У стены, прикрытая куском шелка, стояла картина.

Когда все вошли, Сичунь проснулась и показала свое произведение. Из десяти беседок, которые нужно было изобразить, на полотне было нанесено всего три, а среди них нарисовано несколько девушек.

– Видишь этих девушек? – спросили у Сянлин. – Они умеют сочинять стихи! Если хочешь, чтобы и тебя здесь нарисовали, поскорее учись!

Вскоре все разошлись.

Мысли Сянлин по-прежнему были заняты стихами. До третьей стражи она сидела задумавшись, потом легла в постель, но заснула лишь под утро. Баочай, проснувшись, услышала ее ровное, спокойное дыхание.

«Всю ночь ворочалась! – подумала Баочай. – Интересно, удалось ли ей сочинить еще что-нибудь? Наверное, она устала, не буду ее тревожить!»

Вдруг Сянлин во сне рассмеялась:

– Нашла! Неужели и это стихотворение окажется плохим?

Баочай стало и смешно, и грустно.

– Что нашла? – спросила она, разбудив Сянлин. – Ты, кажется, уже с духами начала разговаривать. Так и заболеть недолго!

Баочай встала, умылась и отправилась к матушке Цзя.

Надо вам сказать, что Сянлин решила во что бы то ни стало научиться сочинять стихи. Но как ни старалась, ничего не выходило. За целую ночь придумала всего восемь строк. С самого утра она отправилась в беседку Струящихся ароматов. Там Баочай рассказывала Ли Вань и сестрам, как Сянлин во сне сочиняет стихи. Вдруг они увидели Сянлин и, смеясь, бросились ей навстречу, горя от нетерпения прочесть то, что она сочинила.

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава сорок девятая

В хрустальном царстве белого снега алеет слива;

благоухающая ароматами юная дева ест ароматное жареное мясо

Итак, девушки бросились навстречу Сянлин, а она, протягивая им листок со стихами, с улыбкой сказала:

– Вот, прочтите! Если получилось – буду продолжать ученье, если же опять неудача, больше не стану заниматься поэзией.

Облакам и туманам
Не затмить ясноликой луны,

Очертанья коричника
Там, на луне, холодны.

До того, как на тысячу ли
Стук валька на земле разнесется

И петух запоеет, —
Мысли в пятую стражу грустны...

Где-то флейта звучит...
Друг один. Осень. Берег уныл.

И красавице ночью
Не до сна у дворцовых перил.

Вопросить бы Чан Э:
Почему средь людей отчужденье?

О, когда бы луны
Шар округлость свою сохранил!

– Очень неплохо! – дослушав до конца, воскликнули девушки. – Интересно, оригинально! Недаром пословица гласит: «Терпенье и труд все перетрут!» Мы принимаем тебя в свое поэтическое общество!

Сянлин не поверила, приняв похвалу за насмешку, и решила поговорить с Баочай и Дайюй.

Но в этот момент появилась служанка в сопровождении нескольких девочек и сказала:

– Барышни, приехали гости. Идите скорее знакомиться!

– Что ты болтаешь? – строго произнесла Ли Вань. – Объясни лучше, кто такие.

– Две ваших младших сестры, госпожа, – отвечала служанка, – с ними, так мне сказали, младшая сестра барышни Баочай и младший двоюродный брат господина Сюэ Паня. Вы идите к гостям, а мне еще надо доложить об этом госпоже Сюэ.

Служанка в сопровождении девочек удалилась.

– Неужели приехал мой двоюродный брат Сюэ Кэ с сестрой? Даже не верится, – удивилась Баочай.

– Может быть, моя тетя тоже приехала? – промолвила Ли Вань. – Очень странно! Что это они все сразу нагрянули?

Когда девушки вошли в покои госпожи Ван, там было полно народу. Кроме тех, о ком говорилось выше, приехали еще невестка госпожи Син с дочерью Син Сюянь и Ван Жэнь, брат Фэнцзе. На какой-то пристани они встретились с теткой Ли Вань, которая тоже направлялась в столицу к родственникам и везла двух дочерей – Ли Вэнь и Ли Ци. Разговорились. Оказалось, все они приходятся друг другу родственниками, поэтому решено было продолжать путь всем вместе. Спустя немного к ним присоединился Сюэ Кэ – двоюродный брат Сюэ Паня. Отец его в этом году жил в столице, где собирались сыграть свадьбу младшей дочери Баоцин, просватанной за сына одного из членов академии Ханьлинь ^[30] – господина Мэя. Узнав, что Ван Жэнь собирается в столицу, Сюэ Кэ присоединился к нему, захватив с собой Баоцин. Все вместе они прибыли в город и отправились навестить родных.

Матушка Цзя и госпожа Ван несказанно обрадовались их приезду.

– Так вот почему, – промолвила матушка Цзя, – вчера вечером лампа все время потрескивала, а на фитиле нагар нарастал! Оказывается, это был знак, что вы приедете!

Разговаривая с гостями о разных домашних делах, матушка Цзя приняла подарки и пригласила всех на угощение.

Нечего говорить о том, что у Фэнцзе прибавилось хлопот.

Ли Вань и Баочай, обрадованные встречей с родными, делились своими новостями. Дайюй сначала радовалась вместе со всеми, но потом, как обычно, вспомнила, что она сирота и в целом свете у нее никого нет, и заплакала. Баоюй, который понимал ее и сочувствовал, принялся ласково утешать девочку, и постепенно она успокоилась.

Тогда Баоюй возвратился во двор Наслаждения пурпуром и с улыбкой обратился к Сижэнь, Цинвэнь и Шэюэ:

– Что вы здесь сидите? Пошли бы взглянуть на гостей! Вы только представьте, двоюродный брат Баочай куда больше похож на нее, чем родной! Вы вечно твердите, что сестра Баочай красавица! Посмотрели бы вы на ее двоюродную сестренку и дочерей тетушки Ли! Вот это красавицы, их даже описать невозможно! О Небо! Небо! Какой же тонкий у тебя вкус, если ты сотворило эти прелестные создания! Да, я живу как «лягушка на дне колодца, откуда виден лишь клочок неба»^[31]. До сих пор я был уверен, что только у нас есть красавицы, но ошибся! А вот найдутся ли девушки красивее тех, что я сейчас видел, право, не знаю.

Баоюй рассмеялся. Сижэнь обиженно отвернулась, полагая, что у Баоюя очередное увлечение. Зато Цинвэнь приняла его слова всерьез и побежала смотреть на гостей. Возвратившись, она со смехом обратилась к Сижэнь:

– Пойди погляди! Мне даже трудно сказать, кто красивее: племянница старшей госпожи Син, двоюродная сестра барышни Баочай или двоюродные сестры старшей невестки Ли Вань!

Не успела она договорить, как на пороге появилась Таньчунь, она пришла за Баоюем.

– Наше поэтическое общество все растет! – воскликнула Таньчунь.

– Да, да! – радостно вскричал в ответ Баоюй. – Самому Небу угодно прославить нашу «Бегонию», вот оно и послало нам этих девушек!.. Не знаю только, учились ли они когда-нибудь сочинять стихи?

– Я их об этом спрашивала, – промолвила Таньчунь, – они, разумеется, скромничают, но сразу видно, что в поэзии знают толк... А если и не знают, неважно!.. Взять, к примеру, Сянлин...

– Самая красивая – младшая двоюродная сестра барышни Баочай, – перебила ее Цинвэнь.

– Пожалуй, что так, – согласилась Таньчунь. – Сестре Баочай, да и всем остальным, до нее далеко!

– Интересно! – произнесла Сижэнь. – Откуда только появилась такая красавица? Пойду погляжу!

– Эта Баоцинь так очаровала старую госпожу, что та велела госпоже

Ван сделать ее своей приемной дочерью! – сказала Таньчунь. – А сама старая госпожа обещала давать деньги на ее содержание.

– В самом деле? – радостно вскричал Баоюй.

– Разве я когда-нибудь вру? – спросила Таньчунь. – Погоди, появится у старой госпожи такая красавица внучка, она, пожалуй, тебя разлюбит.

– А я не боюсь, – отвечал Баоюй, – девочек вообще любят больше. Но давайте поговорим о нашем обществе. Завтра шестнадцатое число, день, когда мы все собираемся.

– Барышня Линь Дайюй едва оправилась от болезни, а Инчунь захворала. Так что, боюсь, ничего не получится, – заметила Таньчунь.

– Инчунь не очень-то любит стихи, – возразил Баоюй, – можно и без нее обойтись.

– Подождем лучше несколько дней, – стояла на своем Таньчунь. – Пусть гости обживутся, привыкнут, а потом соберемся и их пригласим. Согласны? Кстати, ни у сестры Баочай, ни у Ли Вань нет сейчас никакого желания заниматься стихами. Кроме того, хорошо бы дожидаться приезда Сяньюнь и собраться всем вместе. За это время гости наши освоятся здесь, нас поближе узнают, Чернобровка полностью выздоровеет, а у Ли Вань будет больше свободного времени. Может быть, Сянлин научится сочинять стихи! Разве не разумно то, что я говорю? А сейчас давайте пойдем к бабушке и узнаем, что да как. Уверена, Баоцинь, младшая сестра Баочай, будет жить вместе с нами. Попросим старую госпожу и остальных здесь оставить. Так будет веселее!

– Умница ты, сестра! – произнес Баоюй. – Я как дурак радовался, а до этого не додумался.

Баоюй вместе с Таньчунь отправился к матушке Цзя. Госпожа Ван и в самом деле объявила Баоцинь своей приемной дочерью, к великому удовольствию матушки Цзя. А матушка Цзя, в свою очередь, распорядилась, чтобы Баоцинь жила в саду Роскошных зрелищ, а ночевала в ее покоях.

Сюэ Кэ решено было поселить в кабинете Сюэ Паня.

– Незачем твоей племяннице ехать домой, пусть остается вместе со всеми, – сказала матушка Цзя госпоже Син. – Поживет в нашем саду, развлечется немного, а потом пусть едет.

Надобно вам сказать, что у брата госпожи Син в это время было туго с деньгами и жену с дочерью он отправил в столицу в расчете на то, что госпожа Син возместит ему дорожные расходы. Поэтому госпожа Син охотно приняла предложение матушки Цзя и отдала племянницу на попечение Фэнцзе. В саду и без того было много девушек, и все разные по

характеру, но поселить Син Сюянь отдельно казалось Фэнцзе неудобным, и она отправила ее жить к Инчунь, рассудив, что, если Син Сюянь будет чем-нибудь недовольна, она, Фэнцзе, тут ни при чем. Каждый месяц Фэнцзе выдавала ей жалованье, такое же, как Инчунь, но только в тех случаях, когда Сюянь по целому месяцу жила в саду.

Приглядевшись к Сюянь, Фэнцзе убедилась, что эта милая, ласковая девочка ничем не напоминает свою тетку, госпожу Син, и полюбила ее, выделяя среди остальных барышень. Сюянь была из бедной семьи, жилось ей тяжело, но госпожу Син это мало трогало.

Матушка Цзя и госпожа Ван горячо любили Ли Вань за ее ум и за то, что она свято хранила память о муже, и сейчас, когда приехала тетка, не хотели ее от себя отпускать. Тетка же не желала оставаться с дочерьми в деревушке Благоухающего риса, но матушка Цзя была непреклонной, и пришлось согласиться.

В это самое время Преданный и Почтительный хоу Ши Дин получил повышение и собирался вместе с семьей отправиться к месту службы в другую провинцию.

Матушка Цзя была очень привязана к Сяньюнь и решила оставить девочку в доме, поселив отдельно от всех. Однако Сяньюнь выразила желание жить вместе с Баочай, и матушка Цзя не возражала.

Теперь в саду Роскошных зрелищ стало еще веселее. В поэтическом обществе насчитывалось тринадцать человек. За исключением Ли Вань и Фэнцзе, остальные были почти ровесниками, от пятнадцати до шестнадцати, с разницей всего в один-два месяца. Кто старше, кто младше, разобрать было невозможно, путались даже матушка Цзя и служанки, называя членов «Бегонии» то «старшая сестра», то «младшая», то «старший брат», то «младший».

Увлечение Сянлин стихами не проходило, но она боялась докучать Баочай, поэтому Сяньюнь, поселившаяся вместе с ними, пришлась как нельзя более кстати. Сяньюнь любила, как известно, поболтать, а тут Сянлин то и дело обращалась к ней с вопросами о стихах, и Сяньюнь очень охотно с утра до вечера вела с Сянлин беседы о поэзии.

– Право же, я оглохла от вашего гама! – смеясь говорила им Баочай. – Эта девчонка всерьез взялась изучать поэзию! Да ведь настоящие знатоки тебя засмеют, если узнают, скажут, что ты занялась не своим делом! От Сянлин, и то покоя не было, а теперь еще ты появилась, трещотка; только и слышно: что значит «задумчивость и подавленность в стихах Ду Фу», «скромность и утонченность в поэзии Вэй Инью», как понимать

«изысканность и красоту у Вэнь Бача»^[32], «загадочность и скрытность у Ли Ишаня»! Не женское это дело. Со стороны вас можно принять за умалишенных!

Но Сянлин и Сяньюнь лишь смеялись в ответ.

Вдруг пришла Баоцинъ. Баочай сразу обратила внимание на ее плащ из какой-то ткани, отливавшей золотом и бирюзой.

– Откуда у тебя такой красивый плащ? – поинтересовалась она.

– Мне дала его старая госпожа, потому что на улице идет снег, – ответила Баоцинъ.

– Еще бы ему не быть красивым! Ведь он соткан из павлиньего пуха! – воскликнула Сянлин, подойдя совсем близко к Баоцинъ и разглядывая плащ.

– Да какой же это павлиний пух? – возразила Сяньюнь. – Это перышки с головы дикой утки. Уж очень, видно, ты полюбила старую госпоже: даже Баоюю она ни разу не дала надеть этот плащ!

– «У каждого свое счастье» – гласит пословица, – заметила Баочай. – Мне и в голову не могло прийти, что она к нам приедет! А что старая госпожа ее так полюбит, и говорить нечего!

– Приходи к нам почаще, не всегда же ты должна быть со старой госпожой, – сказала Сяньюнь, обращаясь к Баоцинъ. – У нас, как и у нее, всегда веселье, играют, шутят, пьют вино, закусывают. И госпожу Ван навести, побеседуй с ней, а не застанешь – сразу уходи – у нее много служанок, и все такие насмешницы. К чему-нибудь да придерутся!

Все это Сяньюнь произнесла таким тоном, что все покатались со смеху.

– Ты добрая, – с улыбкой заметила Баочай, – но очень уж бесцеремонная, говоришь с Баоцинъ так, будто она твоя младшая сестра!

Сяньюнь лукаво улыбнулась, внимательно посмотрела на Баоцинъ и промолвила:

– Этот плащ, пожалуй, идет только ей. Для других не годится.

На пороге появилась Хупо.

– Старая госпожа велела передать вам, барышня, – обратилась она к Баочай, – чтобы вы не были чересчур строги к сестрице Баоцинъ, она совсем еще юная. Постарайтесь ей во всем угодить. А что понадобится, пусть сестрица не стесняется, говорит прямо.

Баочай встала и обещала в точности исполнить приказание старой госпожи, затем подтолкнула Баоцинъ и с улыбкой сказала:

– Вот счастье тебе привалило! Уходи-ка лучше отсюда, а то мы еще тебя обидим! Неужели я хуже тебя? Даже не верится!

Тут подросли Дайюй с Баоюем, и Баочай совсем разошлась.

– Сестра Баочай, ты ведь шутишь, я знаю, – сказала Сяньюнь, – но другие могут подумать, что ты говоришь всерьез.

– Вы о них? – спросила Хупо, указав на Баоюя, а затем на Дайюй.

Сяньюнь промолчала.

– Ничего подобного, – ответила за нее Баочай. – Моя младшая сестра для Дайюй все равно что родная, Дайюй любит ее больше меня. Ты только послушай, что говорит эта дрянная девчонка Сяньюнь! Разве могут ее уста изречь что-нибудь путное?

Баоюй знал, что Дайюй капризна, но ее отношения с Баочай в последнее время были ему неизвестны, и при мысли, что матушке Цзя полюбилась Баоцинь, он пришел в замешательство. А после небольшой перепалки между Сяньюнь и Баочай совсем растерялся, тем более что Дайюй, как ему показалось, ведет себя несколько странно.

«Посмотреть на Дайюй с Баочай, – подумал Баоюй, – так они неразлучные подруги. А ведь раньше ничего подобного не было».

Тут он заметил, что Дайюй обращается к Баоцинь не по имени, а называет ее просто младшей сестрой, будто они и в самом деле родные.

Несмотря на столь юный возраст, Баоцинь была любознательна и умна и обладала завидной памятью. Прожив во дворце Жунго всего два дня, она почти всех знала по имени и успела заметить, что ее сестры очень серьезные и стараются жить в мире друг с другом. Она же, чтобы не отставать от них, была ко всем очень внимательной. Особенно Баоцинь нравилась Дайюй, выделявшаяся среди остальных своей незаурядностью, и она всячески выказывала ей свое уважение.

Баоюй все это видел и не переставал удивляться.

Отыскав однажды Дайюй, он сказал ей:

– Когда-то я шутики ради прочел тебе несколько строк из «Западного флигеля». Тогда мне там все казалось понятным. А теперь возникли сомнения. Сейчас я прочту тебе одну фразу, а ты мне ее объясни!

– Читай, – не скрывая своего любопытства, ответила Дайюй.

– Там в акте «Скандалное письмо» есть прекрасные строки:

Когда решилась Мэн Гуан

Принять сосуд из рук Лян Хуна?^[33]

Интерес представляет слово «когда». В самом деле, когда именно она приняла бокал? Как ты думаешь?

– Хороший вопрос, нечего сказать! – улыбнулась Дайюй. – Но и Баочай тогда задала неплохой вопрос.

– Прежде ты вечно подозревала меня, – заметил Баоюй, – а сейчас тебе сказать нечего!

– Кто знал, что она окажется доброй и славной! – промолвила Дайюй. – Я думала, она скрытная и коварная!

Дайюй рассказала Баоюю, как оплошала во время игры в застольный приказ, как Баочай вразумила ее и как прислала во время ее, Дайюй, болезни ласточкины гнезда.

– Понял! – вскричал Баоюй. – Мэн Гуан взяла у Лян Хуна бокал, как только между ними исчезла преграда.

Они заговорили о Баоцинь, и Дайюй снова расплакалась – она всегда плакала, вспоминая, что у нее никого нету – ни братьев, ни сестер.

– Опять ты плачешь! – сказал Баоюй, пытаясь утешить девочку. – В этом году ты похудела больше, чем в прошлом! Совсем не бережешь свое здоровье, только и ищешь случая поволноваться. Дня не можешь прожить без слез!

– Плачу я теперь не так часто, а вот грущу все больше и больше! – призналась Дайюй. – Не знаю почему, слез не хватает, а душа разрывается от тоски!

– Это тебе только кажется, что слез не хватает. Ведь ты без конца плачешь! – возразил Баоюй.

Их разговор прервала девочка-служанка. Она принесла Баоюю плащ и сказала:

– От старшей невестки Ли Вань приходила служанка и передала, что завтра все должны собраться и сочинять стихи.

Только она это произнесла, как на пороге появилась сама служанка и позвала Дайюй к своей госпоже. Баоюй вызвался проводить Дайюй.

Девочка натянула сапожки с узорами в виде золотых облаков, набросила ярко-красную накидку из перьев аиста, подбитую мехом, завязала пояс с украшениями из золота и бирюзы, надела широкополую шляпу от снега и отправилась к Ли Вань. Когда она пришла, все сестры уже собрались.

На девушках были красные шерстяные плащи, на Ли Вань – двубортная, подбитая мехом куртка, на Баочай накидка из парчи цвета свежего лотоса, одна лишь Син Сюянь пришла в обычной домашней одежде, ей даже нечего было надеть, чтобы уберечься от снега.

Вскоре появилась Сяньюнь в накидке из соболя, подбитой беличьим мехом, в темно-красной шапочке, украшенной золотыми пластинками и

отороченной соболем. В точности такую носила некогда Чжаоцзюнь^[34].

– Вы поглядите на этого новоявленного странника Суня^[35]! – вскричала тут Дайюй. – Она нарочно так одевается, хочет быть похожей на монгола!

– А вы посмотрите, что у меня внизу! – воскликнула Сяньюнь, сбрасывая накидку.

Под ней оказался короткий, отороченный горностаем халат, расшитый драконами, с узорчатым воротничком; поверх халата – легкая куртка из бледно-розового атласа, стянутая поясом с украшениями в виде бабочек, на ногах – сапожки из оленьей кожи. Этот костюм как нельзя лучше подчеркивал стройность и изящество Сяньюнь.

– Недаром Сяньюнь любит наряжаться мальчишкой! – воскликнули все. – Ей это очень идет!

– Хватит вам! – промолвила Сяньюнь. – Давайте лучше посоветуемся, как быть завтра с нашим собранием. Кто будет устраивать угощение?

– Вот что я хочу вам сказать, – промолвила Ли Вань. – В условленный день мы не собрались, до следующего – далеко, поэтому я предлагаю собраться сегодня в честь приезда наших гостей, заодно отметим первый снег и посочиняем стихи. Что вы на это скажете?

– Согласен! – первым откликнулся Баоюй. – Жаль только, что поздно... Но ждать до завтра нельзя, ведь может проясниться...

– Вряд ли, – возразил кто-то. – Впрочем, нам вполне хватит снега, который нападает за ночь.

– У меня здесь красиво, – заметила Ли Вань, – но еще красивее в беседке Камыша под снегом. Я уже велела служанкам там протопить, мы сядем у очага и будем сочинять стихи. Старая госпожа туда не пойдет, так что приглашать ее незачем. Позовем только Фэнцзе. А на угощение соберем с каждого по лян серебра, исключая Сянлин, Баоцин, Ли Вэнь, Ли Ци и Сюянь, а также вторую сестру Инчунь, она болеет, и четвертую сестру Сичунь, которую мы на время отпустили. Если не хватит, я добавлю.

На том и порешили, а затем стали выбирать тему и рифму для стихов.

– Я уже придумала, – с улыбкой произнесла Ли Вань. – Завтра, когда соберемся, скажу!

Девушки поболтали еще немного и отправились навестить матушку Цзя.

На следующее утро Баоюй встал чуть свет, откинул полог над кроватью и увидел, что за окном что-то блесит. «Наверное, солнце вышло

из-за туч», – досадуя, подумал Баоюй.

Отодвинул оконную занавеску и выглянул наружу. Небо по-прежнему хмурилось, а на земле лежал толстый слой снега, исходивший от него блеск Баоюй и принял за солнечный свет.

Служанки помогли Баоюю совершить утренний туалет, после чего он облачился в телогрейку на лисьем меху и куртку с изображением морских драконов, подпоясался, надел плетенный из травы плащ и шляпу из золотистого бамбука, ноги сунул в деревянные ботинки и поспешил в беседку Камыша под снегом.

Снаружи все было белым-бело, лишь вдали зеленели сосны и отливал бирюзой бамбук. Баоюю показалось, будто он очутился в огромной хрустальной чаше. Он медленно прошел по склону искусственной горки, повернул и вдруг ощутил необыкновенно тонкий аромат. Повернулся в ту сторону, откуда он исходил, и увидел, что в кумирне Бирюзовой решетки, где живет Мяоюй, за оградой, на фоне белого снега, пламенеет цветами слива.

Баоюй долго стоял, любуясь этой прекрасной картиной, а когда пошел дальше, заметил, что кто-то под зонтиком переходит мост Осиная талия. Подойдя ближе, он узнал ту самую служанку, которую Ли Вань посылала за Фэнцзе.

Добравшись наконец до беседки Камыша под снегом, Баоюй увидел толпу служанок, расчищавших дорогу.

Эта беседка с глинобитными стенами, крытая камышом, стояла на берегу речушки, у подножья искусственной горки. Она состояла из нескольких комнат с небольшими окнами, забранными бамбуковыми переплетами. Стоило открыть окно, и можно было, не выходя наружу, удить рыбу в речке. Беседку сплошной стеной окружали камыш и тростник, среди зарослей вилась тропинка, ведущая к павильону Благоухающего лотоса.

При виде Баоюя в плаще и широкополой бамбуковой шляпе служанки засмеялись:

– А мы как раз говорили, что для полноты картины здесь не хватает рыбака! Вот и появился рыбак! Только вы рано пришли, барышни пожалуют после завтрака.

Баоюю ничего не оставалось, как возвратиться домой. Проходя мимо беседки Струящихся ароматов, он заметил Таньчунь, выходившую из кабинета Осенней свежести. Она была в плаще и головном уборе, точь-в-точь как у богини Гуаньинь^[36]. Рядом с ней шла девочка-служанка, а позади – мамка с зонтом из черного промасленного шелка. Они шли по

направлению к покоем матушки Цзя. Баоюй дождался их, и они вместе продолжали путь.

Войдя в покои матушки Цзя, они увидели во внутренней комнате Баоцинь, она одевалась и причесывалась.

Вскоре подросли и остальные сестры. После прогулки Баоюй проголодался и стал торопить с завтраком. Он едва дождался, пока накрыли стол.

На первое подали баранину.

– Это блюдо только для нас, пожилых, – заметила матушка Цзя. – Ягненок, из которого оно приготовлено, так и не увидел дневного света, и вам, детям, подобных кушаний есть не полагается. Сейчас вам подадут свежую оленину, подождите немного.

Однако Баоюй не вытерпел, схватил ножку фазана и стал есть, запивая чаем.

– Я знаю, у вас сегодня свои дела, – заметила матушка Цзя, – Видите, как он торопится, даже не хочет ждать риса. Что ж, оставим оленину ему на ужин!

– Оленины у нас много, пусть ест потом что останется, – ответила Фэнцзе.

Сяньюнь между тем успела шепнуть Баоюю:

– Слыхал? Оказывается, есть оленина! Давай попросим кусок, сами приготовим и будем лакомиться. Это куда веселее!

Баоюй попросил у Фэнцзе оленины и приказал отнести ее в сад.

Вскоре все попрощались с матушкой Цзя и отправились в беседку Камыша под снегом. Ли Вань объявила членам поэтического общества тему и рифмы для стихов, и тут все хватились Сяньюнь и Баоюя.

– Нельзя допускать, чтобы они оставались наедине друг с другом! – воскликнула Дайюй. – Всякий раз, как это случается, не обходится без происшествий. Уверена, сейчас они делят оленину, которую Баоюй выпросил у Фэнцзе.

В тот же момент на пороге появилась взволнованная тетушка Ли.

– Я только что слышала, как братец с яшмой на шее и сестрица с золотым цилиндром договаривались поесть сырого мяса! – воскликнула она. – Неужели они так голодны? Просто не представляю, как можно есть сырое мясо!

– Вот это да! – сказали все, расхохотавшись. – Давайте застанем их врасплох!

– Это все выдумки Сяньюнь! – с улыбкой заметила Дайюй. – Я сразу догадалась!

Ли Вань выбежала из дома, без особого труда нашла злоумышленников и принялась укорять.

– Если надумали полакомиться сырым мясом, отправляйтесь к старой госпоже и там съешьте хоть целого оленя. Заболеете – я ни при чем. Вон какой холод, снег выпал, недолго и простудиться! Пойдемте-ка лучше стихи сочинять!

– Напрасно волнуетесь, – возразил Баюй. – Мы собираемся его жарить!

– Ну, тогда ладно, – успокоилась Ли Вань.

Вскоре она увидела, что служанки принесли жаровню, решетку, чтобы держать мясо над огнем, нож и щипцы.

– Обрежетесь, тогда не плачьте! – С этими словами Ли Вань удалилась.

Вскоре явилась Пиньэр и сказала, что Фэнцзе занята приготовлениями к Новому году и не придет. Но разве могла Сяньюнь так просто отпустить Пиньэр, если уж та попалась ей на глаза? Да и сама Пиньэр не прочь была позабавиться, поэтому увязывалась за Фэнцзе всякий раз, когда представлялась возможность. Вот и сейчас, заметив, как здесь шумно и весело, она сняла браслеты, подошла к очагу и заявила, что хочет сама поджарить первые три куска оленины.

Для Баочай и Дайюй все это было не ново, но Баоцинь и тетушка Ли не переставали удивляться, потому что никогда ничего подобного не видели.

Таньчунь и Ли Вань между тем стояли поодаль и обсуждали тему и рифмы для стихов.

– Ах, даже сюда доносится запах жареной оленины! – вдруг вскричала Таньчунь. – Невтерпеж мне, пойду отведаю!

И она поспешила присоединиться к остальным. Ли Вань ничего не оставалось, как последовать за нею.

– Все уже в сборе! – недовольным тоном произнесла Ли Вань, – а вы все никак не наедитесь!

– Еду полагается запить вином, – сказала Сяньюнь, продолжая уплетать оленину. – Иначе никакие стихи в голову не полезут. Признаться, я вообще не способна была бы сочинить ни строчки, если бы меня не угостили олениной!

Тут взгляд Сяньюнь случайно упал на Баоцинь, которая, стоя в сторонке, куталась в куртку на утином пуху и тихонько посмеивалась.

– Глупышка! Иди сюда! – позвала ее Сяньюнь. – Отведай немного!

– Мясо грязное! – покачала головой Баоцинь.

– А ты попробуй, как вкусно! – настаивала Сяньюнь, – Не смотри, что

сестрица Линь Дайюй не ест. Она бы с удовольствием, только нельзя ей, здоровье слабое!

Баоцинь робко подошла к жаровне, взяла кусочек мяса. Оно и в самом деле оказалось на редкость вкусным.

Спустя немного Фэнцзе прислала за Пиньэр служанку.

– Передай госпоже, – сказала Пиньэр, – что барышня Ши Сяньюнь меня задержала.

Служанка ушла, а через некоторое время появилась сама Фэнцзе, закутанная в плащ.

– Вот это ловко! – воскликнула она. – Угощаетесь тут, а мне хоть бы слово сказали!

Фэнцзе села и принялась есть.

– Откуда взялось столько нищих? – насмешливо сказала Дайюй. – Сяньюнь испортила такую замечательную беседку! От жалости плакать хочется!

– Ничего ты не смыслишь, – усмехнулась Сяньюнь. – Таковы нравы знаменитых людей. Вы же корчите из себя благородных, и это злит меня больше всего! Обьедаемся вонючим мясом, а потом будем состязаться в красноречии!

– Смотри, – сказала Баочай, – сочинишь плохое стихотворение, заставим отдать все мясо, которое ты съела, а в наказание набьем твой желудок тростником, засыпанным снегом!

Покончив с едой, все вымыли руки. Пиньэр стала надевать браслеты, и тут оказалось, что одного не хватает. Поиски ничего не дали, браслет бесследно исчез, ко всеобщему удивлению.

– Я знаю, где твой браслет. Не ищите, лучше сочиняйте стихи! Через три дня он найдется, – с улыбкой промолвила Фэнцзе и как ни в чем не бывало спросила: – Какую тему вы выбрали для стихов? Скоро проводы старого года, а в начале первого месяца нового года старая госпожа обещала устроить игру в загадки, может, сейчас и займетесь ими?

– В самом деле! – воскликнули девушки. – А мы об этом забыли! Пусть каждый сочинит к празднику загадку!

Все гурьбой пошли в комнату с каном. Там уже были накрыты столы, расставлены кубки, тарелки, блюда с фруктами и закусками. На листе бумаги, прикрепленном к стене, была указана тема стихов, заданы рифмы и определена форма.

Баоюй и Сяньюнь прочли все это очень внимательно. Итак, надо было выразить в двух строках чувства, навеянные зимним пейзажем. В каждой строке – пять слов, причем рифмовать можно только такие, как «взлетает»,

«восхищает» и так далее. О том, в каком порядке следует читать стихи, сказано не было.

– В поэзии я слаба, – предупредила Ли Вань, – поэтому позвольте мне для начала предложить всего три строки, а пока снова подойдет моя очередь, будет предлагать тот, кто первый придумает.

– Еще надо установить очередность в чтении стихов, – заметила Баочай.

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава пятидесятая

В беседке Камыша под снегом состязаются в сочинении стихов;

в ограде Теплых ароматов слагают новогодние загадки

– Итак, давайте установим очередность, кто за кем будет читать, а я запишу, – предложила Баочай.

Стали тянуть жребий. Первой выпало читать Ли Вань.

– Разрешите, я начну, – сказала тут Фэнцзе.

– Прекрасно! – зашумели все, и Баочай над словами «Крестьянка из деревушки Благоухающего риса» дописала «Фэнцзе», а Ли Вань объявила тему стихов.

Фэнцзе долго думала, потом сказала, просияв:

– Но только, чур, не смеяться! Строка у меня может получиться неуклюжая, зато в ней ровно пять слов. За остальное не ручаюсь.

– Чем проще строка, тем лучше, – ответили ей. – Прочти, а потом можешь идти по своим делам.

– Я подумала, что если подует северный ветер, то непременно пойдет снег, – продолжала Фэнцзе. – Ночью завывания ветра мне не давали уснуть, и я сочинила такую строку: «Всю ночь напролет ветер северный был суров...» Если годится, можете записать.

Все переглянулись.

– Строка довольно простая, не законченная и может служить прекрасным началом для нашего стихотворения, поскольку открывает простор для мыслей. Итак, строка принята, пусть «Крестьянка из деревушки Благоухающего риса» продолжает.

Между тем Фэнцзе, тетка Ли и Пиньэр выпили по два кубка вина и удалились. Ли Вань записала первую строку:

Всю ночь напролет
Ветер северный был суров.

И продолжила:

Открыла окно —
Снег по ветру летит и летит.

Как чист он и бел!
И как жаль, что падает в грязь!

Сянлин подхватила:

Поистине жаль!
То не снег на земле, а нефрит!

Сухая трава
Ожила, весну возродив [\[37\]](#).

Таньчунь, не задумываясь, произнесла:

Нежданно камыш
Белоснежен стал и красив [\[38\]](#).

Хотя дорожает
Вино к началу зимы... [\[39\]](#)

Ли Ци:

Год благодатен!
Наполним амбары мы. [\[40\]](#)

Дрогнул тростник,
Пепла в трубках уже не видать... [\[41\]](#)

Ли Вэнь:

Янь вместо Инь [\[42\]](#)
Принимает Ковша рукоять [\[43\]](#).

Горы в снегу —
Трав исчез изумруд совсем...

Син Сюянь:

Нет и прибоя:
Берег обмерзший нем.

Ива под снегом
Ветви держит едва...

Сяньюнь:

В зарослях гибнет
Разорванная листва.

Тлеет мускат^[44] —
Над курильницей густ аромат...

Баоцинъ:

Соболя золотом
Блещет цветистым наряд.

В зеркале снег
Отражается возле окна...

Дайюй:

В холод влажна
Благовонного перца стена^[45].

Ветра порывы
В минуту заката слышны...

Баоюй:

Медленно, тихо
Рождаются зимние сны.

О мэйхуа
Где свирель запоем, загрустит?.. [\[46\]](#)

Баочай:

Где сохранился
Свирели лазурный нефрит? [\[47\]](#)

Грусть Черепахи:
В снегах утонула земля! [\[48\]](#)

– Пойду погляжу, как подогревают вино! – вдруг заявила Ли Вань и поднялась.

Баочай велела Баоцинь продолжать, но тут с места вскочила Сяньюнь и быстро прочла:

В небе драконья
Взвихрена чешуя! [\[49\]](#)

Берег безлюдный...
Ладья повернула во мгле...

Следом за ней прочла Баоцинь:

Плеть у Бацяо
И песня верхом на осле! [\[50\]](#)

Ватную шубу,
Радея за воина, шьет... [\[51\]](#)

Но разве могла Сяньюнь уступить?! Она была находчивее остальных и, гордо выправившись, произнесла:

Чтобы послать ее
Вышедшим в дальний поход.

Ямы, холмы —
Осторожнее будь, человек!.. [\[52\]](#)

Баочай захлопала в ладоши, выражая свое восхищение, и продолжала:

Ветку не тронь,
А не то вдруг обрушится снег!

В небе же снег
Так бесшумно и плавно плывет...

Настала очередь Дайюй, и она прочла:

Стройно, — как будто
Изысканных дев хоровод.

Тонок на вкус
Получается чай в снегопад...

Умолкла и тихонько толкнула в бок Баоюя. Поглощенный состязанием Баоцинь, Баочай и Дайюй с одной Сяньюнь, Баоюй обо всем забыл и машинально произнес:

Зря о сосне
Как о друге зимы говорят [\[53\]](#).

Плащ тростниковый. Ладья.
Рыбу удить пора...

Баоцинь продолжила:

В гуще лесной
Прекращается стук топора^[54].

Горы в снегу, —
Как слоны, окружают меня...

Сяньюнь немедля прочла:

И расползаются,
Как за змеею змея.

Снежных цветов
Лепестки укрепил мороз...

И снова раздались одобрителные возгласы – находчивость Сяньюнь приводила всех в восхищение.

В игру вступила Таньчунь:

Инея им ли
Бояться каких-то угроз?

В холод такой
Воробей во дворе жив едва...

Как раз когда она кончила, Сяньюнь почувствовала жажду и только отпила несколько глотков чая, как ее опередила Сюянь.

Пусто в горах,
Только старая плачет сова.

Мечется снег
По ступеням – туда и сюда...

Не успела умолкнуть Сюянь, как Сяньюнь, поставив на стол чашку, прочла:

Словно плывет,
А кругом прудовая вода.

Снега сиянье —
Как будто рассвет над землей...

Дайюй подхватила:

Входит он в ночь,
Словно звезд светящихся рой.

Доблестный муж
И в мороз не опустит меч...

Сяньюнь улыбнулась и продолжала:

Пусть снегопад
Государя развеет печаль!^[55]

Окоченевшего
Разве у дома найдут?..^[56]

Следующие строки прочла Баоцинъ:

Путник в мороз
Рад, когда предлагают приют^[57].

В ткацком станке^[58]
Нить случайно мы можем порвать...

Снова в игру вступила Сяньюнь:

Слезы-жемчужины
В море легко потерять!^[59]

Не дав ей окончить, Дайюй прочла:

Снег и печаль.
Затаенная дума грустна...

Но тут ее перебила Сяньюнь:

Мысль бедняка:
Где поесть бы да выпить вина?

На этот раз и Баоцинь не растерялась:

Долго для чая
Готовить из льда кипятков...

Сяньюнь не дала ей закончить, подумав, что так интересней играть:

И для вина
Нелегко разжигать огонек...[\[60\]](#)

Дайюй улыбнулась и перебила Сяньюнь:

Снежный сугроб
Сгреб метлой престарелый монах...

Баоцинь тут же продолжила:

И прослезился
При песне «О белых снегах»[\[61\]](#).

Захлебываясь от смеха, Сяньюнь что-то пробормотала.

– Что ты сказала? – спросили у нее.

Сяньюнь повторила:

В каменной башне
Журавль задремал без забот...

Дайюй, тоже едва сдерживая смех, прочла:

Кошка к теплу
Одеяла добротного льнет.

Смех заразителен, и Баоцинь с трудом прочла следующую строку:

Снег серебрится,
Как волны на белой луне...

Сяньюнь ответила парной фразой:

Дымка лазури
Блеснула на красной стене [\[62\]](#).

Ее примеру последовала Дайюй:

Снег с мэйхуа
Я глотаю [\[63\]](#). Какой аромат!

Похвалив Дайюй за удачные строки, Баочай быстро произнесла:

Снег и бамбук,
Опьяненный, видеть я рад! [\[64\]](#)

Баоцинь продолжила:

Утку и селезня
Узы роднят и в мороз... [\[65\]](#)

И снова Сяньюнь:

А на заколке
Узор изумрудный замерз.

И опять Дайюй:

Даже в безветрие
Снег все кружит и кружит...

Баоцинь быстро произнесла:

И без дождя
Все умоет и все освежит!

Сяньюнь так и покатилась со смеху. Остальные сестры, забыв, что и они участники игры, с интересом следили за состязанием и смеялись.

Наконец Дайюй успокоилась и спросила Сяньюнь, толкнув ее в бок:

– И твои возможности истощились? Ну-ка покажи, на что ты еще способна!

Сяньюнь, будто не слыша, продолжала хохотать, прижимаясь к Баочай.

– Если у тебя хватит таланта придумать еще что-нибудь на оставшуюся рифму, я готова во всем тебе подчиняться, – сказала Баочай, отстраняя Сяньюнь.

– Да разве я сочиняла стихи! – вскричала Сяньюнь. – Я просто защищала себя!

– Пусть тогда Баочай продолжает! – засмеялись сестры.

– Да угомонитесь вы, – произнесла Таньчунь, протягивая Ли Вань записанные на листе строки. Она считала, что все возможности исчерпаны.

Тогда Ли Вэнь решила блеснуть и произнесла:

Нашего времени
Радость запомнится впредь...

Ли Ци прочла:

Яо и Шуня

В стихах мы хотели воспеть!^[66]

– Хватит, хватит! – замахала руками Ли Вань. – Еще не все рифмы исчерпаны, но иероглифы в несвойственном им значении подставлять не годится!

Стали подсчитывать, у кого больше строк, – оказалось, у Сяньюнь.

– Это оленина ей помогла! – засмеялись сестры.

– Если каждую строчку оценивать по достоинству, то Баоюй снова окажется на последнем месте! – заметила Ли Вань.

– Не будьте ко мне так строги! – взмолился Баоюй. – Вы же знаете, что я не умею сочинять парные строки!

– Мы не собираемся больше тебя прощать! – заявила Ли Вань. – Вечно у тебя что-то не так: то рифма трудная, та ты ошибся, а теперь заявляешь, что не умеешь сочинять парные строки! Так не пойдет, мы непременно тебя оштрафуем! Только что я видела за оградой кумирни Бирюзовой решетки распустившиеся цветы красной сливы, и мне захотелось поставить в вазу хотя бы веточку. Но к Мяоюй я идти не желаю, уж очень она противная. Вот ты и сходи в наказание, попроси у нее цветов для меня.

– А что, это даже интересно! – заметили сестры.

Баоюй, очень довольный, уже собрался идти, но Сяньюнь и Дайюй его удержали:

– На дворе холодно, выпей на дорогу подогретого вина.

Сяньюнь подала чайник, Дайюй – большой кубок, который наполнила до краев.

– Смотри, если не принесешь цветов, мы тебя еще оштрафуем! – предупредила Сяньюнь. – Нечего зря пить вино!

Баоюй осушил кубок и, шагая по глубокому снегу, отправился в кумирню Бирюзовой решетки. Ли Вань приказала было служанкам сопровождать его, но Дайюй сказала:

– Пусть один идет, иначе Мяоюй не даст ему цветов.

– Пожалуй, ты права, – согласилась Ли Вань. Она приказала девочке-служанке принести вазу в виде красавицы с кувшином на плече, налить в нее воды и сказала:

– Вернется Баоюй, будем сочинять стихи о красной сливе.

– Я лучше сейчас сочиню! – вызвалась Сяньюнь.

– Хватит с тебя на сегодня! – с улыбкой заявила Баочай. – А то ведь ты сочиняешь-сочиняешь, а остальным скучно! Лучше заставим Баоюя в

порядке наказания самостоятельно сочинить стихотворение, раз он уверяет, будто не умеет сочинять парные строки.

– Вот это правильно, – поддержала ее Дайюй. – Еще у меня есть такое предложение: пусть те, у кого меньше парных строк, сочинят по одному стихотворению о красной сливе.

– Совершенно верно, – согласилась Баочай. – У Баоцинъ, Дайюй и Сяньюнь парных строк больше, чем у остальных, так что можно их оставить в покое, а вот наши гости Син Сюянь, Ли Вань и Ли Ци скрыли от нас свои таланты! Теперь пусть потрудятся.

– Ли Ци не умеет сочинять стихи, – промолвила Ли Вань, – и должна уступить свое место сестре Баоцинъ.

Баочай ничего не оставалось как согласиться, но она в свою очередь предложила:

– Пусть каждая из них напишет уставное стихотворение по семь слов в строке на отдельную рифму. Сестре Син Сюянь я назначаю рифму «краснеть», сестре Ли Вэнь – рифму «слива», а сестре Баоцинъ – рифму «цветы».

– А Баоюя, выходит, мы снова простили? Я не согласна! – решительно заявила Ли Вань.

– Пусть сочиняет, – сказала Сяньюнь. – Для него тоже найдется хорошая тема!

– Какая?

– Пусть напишет стихи под названием: «Навещаю Мяоюй и прошу у нее цветы красной сливы», – промолвила Сяньюнь. – Разве не забавно?

– Очень забавно! – согласились сестры.

В этот момент появился сияющий Баоюй, высоко подняв руку с веткой красной сливы. Служанки взяли у него цветы и поставили в вазу. Тут все побежали к столу любоваться цветами и насладиться их ароматом.

– Вы вот любуетесь цветами, а не знаете, с каким трудом я их раздобыл! – улыбнулся Баоюй.

Услышав это, Таньчунь поспешно поднесла ему кубок вина. Девочки-служанки сняли с юноши плащ и бамбуковую шляпу, стряхнули с них снег и подали ему переодеться. Сижэнь принесла куртку на лисьем меху. Ли Вань велела положить на блюдо крупный жареный батат, два блюда наполнить апельсинами и мандаринами и отдать Сижэнь.

Сяньюнь между тем объявила Баоюю тему для стихов и стала его торопить.

– Дорогие сестры! – взмолился юноша. – Только не ограничивайте рифму!

– Рифму можешь выбирать сам! – ответили ему. Все снова стали любоваться цветами.

Ветка, принесенная Баоюем, была небольшая, но очень пышная, с причудливыми ответвлениями и напоминала не то свернувшегося в клубок безрогого дракона, не то извивающегося дождевого червя. Цветы, яркие, словно румяна, не уступали ароматом орхидее.

К этому времени Син Сюянь, Ли Вэнь и Баоцинъ уже успели сочинить стихи. Читали их в том порядке, в котором назначены были рифмы.

Воспеваю красную мэйхуа

Еще не стал благоуханным персик,
Еще не стал румяным абрикос,
Она ж, восточным ветрам улыбаясь,
Пробилась самой первой сквозь мороз^[67].
Хотя душа зовет ее к Юйлину^[68], —
Не отделить от мэйхуа весны:
Она, как первый луч, бледна, прозрачна —
Украсила в Лофу Шисюна сны^[69].
Она – свеча. Богиня в алом платье.
Как фея Э, чуть зелена она.
Она – Святая в белом одеянье,
Что невзначай зарделась от вина^[70].
Она непритязательна, обычна,
Среди цветов, наверно, проще всех.
А бледности ее не удивляйтесь:
Она цветет, когда и лед, и снег...

Син Сюянь

Не белой мэйхуа пою хвалу,
А красной, что живет своим законом.
Во всей красе и раньше всех цветов
Она встает пред взором опьяненным.

Хранит морозом обожженный лик
Остатки слез, как пятна крови, красных.
В цветке как будто созревает плод,
А остается пыль, – и все напрасно!
Таинственное зелье проглотив,
Свой облик изменила, – то ль не чудо?^[71]
И персиком лазурным ей не быть,
Как прежде, возле Яшмового пруда^[72].
Так пусть на юг и север от реки
Ни бабочки, ни пчелы или осы
За персик не считают мэйхуа,
К тому ж не будут путать с абрикосом!

Ли Вэнь

Листва скупа, и ветвь оголена.
Но так прекрасны нежные цветы!
Похоже, что невеста жениха
Прельщает платьем дивной красоты!
Нет во дворе безлюдном, у перил,
Той мэйхуа, что словно снег бела,
Но в быстрых реках, среди голых скал
Себя она лучом зари зажгла!
Она – свирели радужный мотив,
Что пробуждает тайную мечту,
Она – та темно-красная река,
Что в мир святой велела плыть плоту^[73].
Нельзя, заметив скромность мэйхуа,
Засомневаться – хоть и невзначай —
Что, дескать, в прошлой жизни не могла
Расти в краю священном Яотай^[74].

Баоцинъ

Стихотворения всем понравились, особенно то, что написала Баоцинъ. Даже Баоюй, на чей вкус трудно было угодить, признал, что у самой юной Баоцинъ самый острый ум.

Дайюй и Сяньюнь налили в небольшой кубок вина и поднесли Баоцинъ, поздравив ее с успехом.

– А по-моему, каждое стихотворение имеет свои достоинства, – с улыбкой заметила Баочай. – Обычно вы шуточками и колкостями изводили меня, а теперь над ней насмехаетесь!

– У тебя готово? – спросила между тем Ли Вань у Баоюя.

– Я сочинил, но пока слушал ваши стихи, забыл, что хотел записать! – ответил Баоюй. – Дайте подумать, я сейчас вспомню!

Сяньюнь взяла щипцы для угля, легонько стукнула ими по краю жаровни и сказала:

– Я буду ударами отмечать время. Если не уложишься, мы тебя опять оштрафуем!

– Говори, я буду записывать, – предложила Дайюй.

Сяньюнь ударила щипцами по жаровне и объявила:

– Одна минута!

– Готово, пиши! Пиши! – заторопился Баоюй и прочел:

Вина из жбана не налив,
Не жди, чтоб мысль пришла.

Дайюй записала, покачала головой и улыбнулась:

– Начало ничем не примечательно.

– Поторапливайся! – послышался строгий голос Сяньюнь. Баоюй продолжал:

Я за весной иду в Пэнлай^[75] —
Там встречу месяц ла^[76].

Дайюй и Сяньюнь закивали головой, заулыбались:

– Неплохо, кое-какой смысл в этих словах есть. Баоюй стал читать дальше:

Мне не нужно, чтобы Гуаньинь
Вдруг меня решила оросить.

Мэйхуа Обители Чан Э^[77]
Я цветы хотел бы попросить.

– А это хуже! – покачала головой Дайной, записывая строки.
Сяньюнь снова ударила по жаровне. Баоюй рассмеялся и, повернувшись к ней, прочел:

В грешном мире ломают и рвут мэйхуа —
Красно-белый весенний цветок.
Но коль дарят в храме святом мэйхуа, —
Это значит: расстанься со злом!^[78]
А поэт, что не телом, а духом силен,
Разве вызвать сочувствие мог?
Я ушел, но буддийской обители мох
Ощущаю на платье своем!^[79]

Дайной кончила записывать, но только все собрались приступить к обсуждению, как с криком вбежали девочки-служанки:

– Старая госпожа идет!
Все бросились встречать матушку Цзя, восклицая наперебой:
– Видно, хорошее настроение у матушки Цзя, раз она нас решила провести!

Матушка Цзя была в широком плаще и беличьей шапочке. Ее несли в небольшом паланкине, прикрытом черным зонтом, а за паланкином, с зонтиками в руках, следовали Юаньян и Хупо. Первой приблизилась к старой госпоже Ли Вань.

– Остановимся здесь, – приказала служанкам матушка Цзя и обратилась к Ли Вань: – Я приехала сюда тайком от твоей свекрови и Фэнцзе. Стоит ли заставлять их идти пешком по глубокому, снегу? Хорошо мне в паланкине...

Девушки взяли у старой госпожи плащ и помогли ей выйти из паланкина.

Едва переступив порог, матушка Цзя заметила цветы сливы, стоявшие в вазе.

– Какая прелесть! – воскликнула она. – Вы умеете веселиться, но и я вам не уступлю!

Ли Вань велела служанкам принести тюфяк из волчьих шкур и

постелить на кане.

– Продолжайте веселиться, ешьте, пейте, шутите, – с улыбкой проговорила матушка Цзя, опускаясь на тюфяк. – Я просто решила навестить вас и тоже повеселиться, днем я теперь не сплю, уж очень длинными стали ночи.

Ли Вань подала матушке Цзя грелку для рук, а Таньчунь поднесла палочки для еды и кубок с подогретым вином. Матушка Цзя отпила глоток и спросила:

– Что у вас на том блюде?

– Маринованная перепелка, – ответили ей и тут же поднесли блюдо.

– Вот и отлично, – кивнула головой матушка Цзя. – Отломите мне ножку, отведаю!

– Слушаюсь! – почтительно ответила Ли Вань, не стала звать служанок и, сполоснув руки, сама выполнила приказание матушки Цзя.

– Вы на меня не обращайтесь внимания, – промолвила матушка Цзя, – беседуйте о чем угодно, смейтесь, шутите. Я охотно послушаю и хоть немного развлекусь. И ты садись, – добавила она, обращаясь к Ли Вань. – Чувствуйте себя непринужденно, а то я сейчас же уйду!

Все заняли свои места, только Ли Вань отодвинулась на самый край стола, чтобы не быть заметной.

– Чем занимаетесь? – поинтересовалась матушка Цзя.

– Сочиняем стихи.

– Сочинили бы лучше несколько загадок к Новому году. Чтобы хорошенько повеселиться на праздник, – промолвила матушка Цзя и добавила:

– Здесь очень сыро, как бы не простудиться. Долго не сидите. А еще лучше пойти сейчас к Сичунь, у нее тепло, заодно посмотрим картину. Интересно, закончит она ее к Новому году?

– Где там! – воскликнули все. – Хоть бы к празднику Начала лета управилась!

– Ну и дела! – удивилась матушка Цзя. – Выходит, на эту картину ей потребуется времени больше, чем на устройство всего сада?

Матушка Цзя вышла из дома, села в паланкин и велела отнести ее в павильон Благоухающего лотоса. Все гурьбой последовали за ней.

К павильону можно было подойти с двух сторон – восточной и западной, и с той и с другой были ворота. Все направились к западным воротам, на них с обеих сторон – внешней и внутренней – были доски с надписями. «Здесь проникают за облака», – гласила надпись снаружи, а изнутри – «Здесь переступают через луну».

У входа в главное строение матушка Цзя оставила паланкин, ей навстречу тотчас вышла Сичунь. Внутренний коридор вел к спальным покоем, где над входом висела надпись: «Ограда Теплых ароматов». И в самом деле, как только служанки откинули дверную занавеску, повеяло теплом.

Матушка Цзя, едва опустившись на стул, спросила Сичунь:

– Как твоя картина?

– Я сейчас не рисую, – ответила Сичунь. – Похолодало, краски загустели, боюсь все испортить.

– К концу года картина должна быть готова, – промолвила матушка Цзя. – Так что не ленись, поторапливайся!

Тут за дверьми кто-то хихикнул, и на пороге появилась Фэнцзе в теплой куртке из овчины.

– Насилу нашла вас, бабушка! – с улыбкой проговорила она. – Вы так таинственно скрылись, ни слова никому не сказали!

– Я опасалась, как бы ты не замерзла, вот и не взяла тебя с собой! – ответила матушка Цзя, искренне радуясь появлению Фэнцзе. – Право же, ты бесовка! И как только ты разыскала меня? Думаешь, в этом заключается почтение к родителям?

– Не из-за одного только почтения я вас искала, – возразила Фэнцзе. – Пришла к вам, а дома вас нет, и никто из служанок не сказал мне, куда вы ушли. Я уж и не знала, что делать, как вдруг появляются две монашки! Я сразу догадалась, что они либо принесли новогоднее поздравление, либо явились просить денег на благовония под Новый год. А у вас и без того дел много. Вот вы и решили скрыться от них. Денег я монашкам дала и тут же их выпроводила, так что прятаться вам больше незачем. Кстати, я приготовила для вас замечательного фазана – поторопитесь, а то потеряет вкус!

Каждая фраза Фэнцзе вызывала взрыв хохота.

Не дав матушке Цзя опомниться, Фэнцзе распорядилась подать паланкин, и старая госпожа отправилась к восточным воротам.

По пути матушка Цзя то и дело выглядывала из паланкина, любуясь садом, словно посыпанным серебристой пудрой. Вдруг на склоне горки она заметила Баоцинь, а рядом с ней – служанку, державшую в руках вазу с веткой красной сливы, усеянной цветами.

– Вы только поглядите! – воскликнула матушка Цзя. – Оказывается, она нас здесь ждет да еще приготовила цветы сливы!

– Так вот она где! – воскликнули девушки. – А мы думаем, куда запропастилась сестрица Баоцинь!

– Присмотритесь хорошенько, – продолжала матушка Цзя. – Горка, снег, девушка в зимней одежде, цветы сливы! Что это вам напоминает?

– Картину Цю Шичжоу «Ослепительный снег»! – дружно ответили все. – Она висит у вас в комнате.

Матушка Цзя покачала головой.

– Вспомните, во что одета девушка на той картине! Да и не очень она красива!

В этот момент за спиной Баоцинь появился кто-то в темно-красном плаще.

– Что там за девочка? – поинтересовалась матушка Цзя.

– Там не девочка, там Баоюй, девочки все здесь, – ответили ей.

– Совсем слепая стала, – смутилась матушка Цзя.

Когда приблизились, оказалось, что это действительно Баоцинь и Баоюй. Обращаясь к Баочай и Дайюй, Баоюй сказал:

– Я только что из кумирни Бирюзовой решетки, выпросил у Мяоюй еще цветы сливы и велел служанкам отнести каждой из вас по веточке.

– Спасибо, – поблагодарили девушки.

В покоях матушки Цзя все поужинали и снова началось веселье, не смолкали шутки и смех.

Неожиданно появилась тетушка Сюэ.

– Ну и погода! – воскликнула она. – Снег валит и валит, весь день не могла навестить вас, почтенная госпожа. Как настроение?

– Настроение отменное, – ответила матушка Цзя. – Немного повеселилась с внуками!

– Вчера вечером с разрешения госпожи Ван я собиралась устроить в саду угощение и полюбоваться снегом, – сказала тетушка Сюэ. – Хотела пригласить вас, пришла, а вы спите. К тому же Баочай мне сказала, что вы в скверном расположении духа, и я не осмелилась вас тревожить. Знай я, что это не так, непременно пригласила бы вас!

– Сейчас ведь только десятый месяц, это был первый снег, – с улыбкой заметила матушка Цзя. – Еще успеем налюбоваться, а вы – потратиться на угощение!

– Заранее вам благодарна, – ответила тетушка Сюэ.

– А вы, тетушка, не забудете о своем обещании? – шутливо спросила Фэнцзе. – Уж лучше сегодня прикажите отвесить пятьдесят лянов серебра и отдайте их мне, а как только снова выпадет снег, я устрою для вас угощение! Так будет вернее. И вам хлопот меньше.

– Что ж, дайте ей пятьдесят лянов серебра! – обратилась к госпоже Ван матушка Цзя. – Мы с ней разделим их пополам, а когда выпадет снег, я

притворюсь, будто у меня нет настроения, и тогда угощения не потребуется! Мы с Фэнцзе будем вам благодарны, а вы избавитесь от хлопот!

– Прекрасно! – захлопала Фэнцзе в ладоши. – Бабушка угадала мою мысль!

– Тьфу, бессовестная! – воскликнула матушка Цзя. – Что болтаешь? Ведь тетушка – наша гостья! Что за бесстыдство требовать, чтобы она тратилась, да еще просить деньги вперед?

– До чего же хитра наша бабушка! – заметила Фэнцзе. – Поняла, что тетушка не раскошелится, и решила разыграть благородство, все свалив на меня! Ладно, не нужны мне деньги тетушки Сюэ, на свои устрою угощение, приглашу бабушку и дам ей в придачу пятьдесят лянов серебра! Это мне в наказание за то, что вмешалась не в свое дело. Согласны?

В ответ раздался дружный взрыв смеха.

Матушка Цзя поманила рукой Баоцинь, заговорила о снеге, о том, какой прекрасной показалась ей Баоцинь, когда стояла на заснеженной горке, а рядом служанка держала вазу с цветами сливы, после чего принялась расспрашивать девочку о ее жизни дома.

Тетушка Сюэ сразу догадалась, что матушка Цзя имеет виды на девочку как на невесту. Это совпадало с желанием тетушки, но она знала, что девушка давно была просватана в семью Мэй, и не без умысла со вздохом произнесла:

– Бедная девочка! В позапрошлом году отец ее умер! Где только дочь с ним не побывала! Весь свет объездила. Отец был торговцем и, что ни год, вместе с семьей переезжал с места на место. Не совру, если скажу, что из каждых десяти почтовых станций и пристаней Поднебесной он побывал на пяти или шести! Но потом заболел и умер, так и не выдав дочь замуж, хотя за год до смерти просватал ее за господина Мэя – сына члена императорской академии Ханьлинь. Мать Баоцинь тяжело больна, скорее всего у нее чахотка.

– Не везет мне! – воскликнула Фэнцзе, перебив тетушку Сюэ. – А я-то надеялась быть свахой! До того досадно, что лучше не вспоминать!

Матушка Цзя не стала больше распространяться на эту тему – она поняла, кого Фэнцзе собиралась сватать.

Женщины поболтали еще немного и разошлись. Ночь прошла спокойно, ничего примечательного не случилось.

На следующий день снег прекратился и прояснилось. Матушка Цзя позвала Сичунь и сказала:

– Ты должна рисовать в любую погоду! Не закончишь к Новому году

картину – не беда, но запечатлеть Баоцинъ на фоне снега, как мы видели ее вчера, надо непременно!

Сичунъ обещала, хотя не надеялась выполнить приказание матушки Цзя.

Сестры решили пойти посмотреть, как рисует Сичунъ, и застали ее задумчивой и рассеянной,

– Пусть занимается своим делом, а мы поговорим, – предложила Ли Вань, сразу заметив, что Сичунъ чем-то расстроена. – Вчера старая госпожа велела нам придумать загадки к Новому году, и мы с Ли Вэнь и Ли Ци занялись этим. Я придумала две загадки на отдельные фразы из «Четверокнижия», и они еще по две.

– Что ж, хорошо! – сказали сестры. – Вы их прочтите, а мы попытаемся отгадать.

– Ладно! – согласилась Ли Вань. – В таком случае ответьте, как сказано в «Четверокнижии» о том, что «Гуаньинь не имеет родословной»?

– «Остановилась, достигнув совершенства!» – не задумываясь, ответила Сяньюнь.

– Хорошенько подумайте над словом «родословная»! – улыбнулась Баочай. – И сразу догадаетесь!

– Да, да, подумайте еще! – промолвила Ли Вань.

– Я догадалась! – воскликнула Дайюй. – Вот как там сказано: «Хотя она и милосердна, деяния ее бесплодны!»

– Верно! – воскликнули девушки.

– «Весь пруд порос травой!» Как называется трава? – спросила Ли Вань.

– Конечно же, камыш! – быстро ответила Сяньюнь. – Что еще может быть?

– Нет! – возразила Ли Вань. – Вам ни за что не угадать! Лучше разгадайте загадку Ли Вань и назовите имя человека, жившего в древности. А цитата такая: «Вода, ударяясь о камень, струится холодным потоком »!

– Наверное, Шань Тао?^[80] – сказала Таньчунъ.

– Совершенно верно, – подтвердила Ли Вань и прочла следующую загадку: – Какое слово связано со словом «светлячок», которое придумала Ли Ци?

Все долго думали. Наконец Баоцинъ сказала:

– Загадка непростая! По-моему, подразумевается цветок.

– Правильно! – ответила Ли Ци.

– Что общего между светлячком и цветком? – удивились девушки.

– Прекрасно сказано! – вдруг воскликнула Дайюй. – Разве светлячки

появляются не из цветов?

– Верно! – согласились все.

– Верно-то верно, – проговорила Баочай. – Но вряд ли такие загадки понравятся старой госпоже. Надо придумать попроще, чтобы всем было интересно.

– Пожалуй, это будет лучше, – согласились остальные.

– Я уже придумала! – первой вскочила Сяньюнь. – Мою загадку можно даже петь на мотив «Алые губы», и она совсем простая! Проще быть не может.

И она прочла:

Когда ты на воле – вольготно живешь
В ущельях иль около рек.
А после забавой в мирской суете
Считает тебя человек.

Скажите: так жить, чтоб скитаться весь век, —
Где выгода? Что обретешь?
Нет громкого имени... Если и есть,
То в шуточной роли вельмож.

Чем кончится это, – сказать не хочу,
А то и отгадку поймешь!

Никто не мог разгадать, сколько ни думали. Одни говорили, что это даосский монах, другие – что буддийский, некоторые предположили, что это просто комик в театре.

– Вот и не угадали! – засмеялся Баоюй. – Это дрессированная обезьяна!

– Совершенно верно! – подтвердила Сяньюнь.

– Первые строки, допустим, годятся для такого объяснения. Ну а последние никак! – возразили девушки.

– Разве у дрессированных обезьян не отрубают хвост? – спросила Сяньюнь.

Услышав это, все рассмеялись.

– Странная у тебя загадка!

Тут в разговор вмешалась Ли Вань.

– Я слышала от тетушки Сюэ, что Баоцинь побывала в разных местах

и многое повидала. Кому же, как не ей, придумывать загадки. Тем более что недавно она сочинила прекрасные стихи!

Баоцинь слушала, посмеивалась и кивала. Потом вдруг задумалась и опустила голову.

Тем временем Баочай тоже предложила загадку:

Сандаловое дерево, катальпу,
Гравер исчертит с четырех сторон,
Но сей гравер – не человек, не мастер,
Но кто, скажите, коль не мастер он?
Хоть ветер стих и ливень прекратился —
Ведь целый день шумели напролет!
Звон колокольцев пагоды буддийской
Когда до слуха нашего дойдет?

Пока ее разгадывали, Баоюй прочел свою:

От небесного мира до мира земли,
Как известно, рукой не достать.
А бамбук под названием «синий нефрит»
Призван тщательно их охранять.
Да к тому же луань и журавль начеку,
Смотрят зорко в любое мгновенье.
Только вздохом отвечают им небеса,
Видя их неустанное бденье.

Только Баоюй умолк, как Дайюй стала читать свою загадку.

Не обуздать Луэр и не унять^[81],
Какой бы крепкой ни была узда.
Он перепрыгнет рвы, громады стен,
Чему дивиться могут города.
Когда наездник отдает приказ, —
Являет грома мощь, ветров полет,
Как Черепахам трех священных гор^[82],
Ему за службу – слава и почет!

Затем настала очередь Таньчунь, но Баоцинь ее перебила, сказав:

– Вы только что говорили, что я побывала во многих достопримечательных местах. Вот я и хочу посвятить им десять стихотворений. Послушайте и догадайтесь, о чем я там говорю.

– Согласны! – промолвили сестры. – Но, может быть, эти стихи записать?

Если хотите узнать, что это были за стихи, прочтите следующую главу.

Глава пятьдесят первая

Сюэ Баоцинъ слагает стихи о древности;

невежественный лекаръ прописывает негодное лекарство

Итак, в ответ на предложение Баоцинъ сочинить десять стихотворных загадок о достопримечательных местах раздали одобрителные восклицания:

— Замечательно! Прекрасно!

Баоцинъ быстро записала стихи, и все бросились их читать. Вот какие это были стихи:

Вспоминаю о прошлом Красных стен

Река так много трупов увлекла,
Что перестала течь у Красных стен^[83].
Сверкали зря на флагах имена^[84], —
Былая слава превратилась в тлен.
Был крик и шум. И жгучий столб огня.
И ветер дул – безжалостный и злой^[85].
Бессчетное число отважных душ
Скитается уныло под водой...^[86]

Вспоминаю о прошлом Цзяочжи^[87]

Как колокол из меди, восстает
Встряхнувший мир в глухие времена^[88].
О славе, прогремевшей на земле,
И жун, и цян – узнали племена^[89].

А Ма Юань, чьих не сочтешь заслуг,
И в старости не изменил делам,
Пусть Песнь железной флейты скажет вам
О том, что он второй герой Чжан Лян^[90].

Вспоминаю о прошлом гор Чжуншань^[91]

Присущи ль тебе
Благородные сердца порывы?
И все ж по указу
Ты в мир водворен суетливый!
Заботам твоим
Нет числа, а ведь ты лицедей!^[92]
Как много на свете
Достойных насмешки людей!

Вспоминаю о прошлом Хуайиня^[93]

Славный Муж да от злых собак
Не потерпит грубых обид!^[94]
Он в Трех Ци себя утвердил^[95],
После смерти стал знаменит.
Все ж потомки должны иметь
Снисхождение, его браня:
Он убогой прачки еду
Не забыл до последнего дня^[96].

Вспоминаю о прошлом Гуанлина^[97]

Цикады стрекочут, вороны галдят, —
Все как наяву предстает.
Но где они, дамы династии Суй

Былые краса и почет?
Он был неумным, Ян-ди – государь,
Любитель красот, жизнелюб,
Издrevле болтлива людская молва,
Язык человеческий груб!

Вспоминаю о прошлом Таоеду^[98]

Засохшую траву, ленивые цветы
Пруд обмелевший отразил, – и больно,
Что персика листва летит от веток прочь
И что разлука ждет сердца влюбленных.
Грустна судьба лючаоских господ,
Их знатности завидовать не надо:^[99]
Ведь толку нет от лика на стене
И имени, начертанного рядом!^[100]

Вспоминаю о прошлом Темной обители^[101]

Как ни беспредельна ширь – беспредельней скорбь.
Задохнувшись, не течет Черная река^[102].
Струны превратились в лед, грустно отзвенев^[103],
Но в ушах ее звучит прежних дней тоска.
Пред потомками смешным и ничтожным слыть
За порядки и дела будет Ханьский двор.
Всем сановным, всем чинам, челяди гнилой,
Десять тысяч лет не смыть подлости позор!^[104]

Вспоминаю о прошлом горы Мавэй^[105]

Безжизненно лицо. На нем лишь пудры след^[106].
И, каплями светясь, застыл холодный пот.

Тепло и нежность – все исчезнет навсегда
И растворится вдруг в безбрежности пустот.
Что было – то прошло, и ветер отшумел,
Ее веселых дней не возвратить назад.
Могильная земля укутала ее,
Но даже под землей не тает аромат!

Вспоминаю о прошлом храма Пудунсы^[107]

Душа малютки Хун ничтожна,
И правил в ней порок один^[108],
Когда, как сводня, приглашала
Чжан Шэна к девушке Инъин.
Пусть пытке старшей госпожою
Хуннян подвергнута была, —
Влюбленные нашли друг друга,
Их жизнь дорогу обрела!

Вспоминаю о прошлом Обители цветов мэйхуа^[109]

Придя, он встанет возле мэйхуа,
А может быть, недалеко от ивы.
Но не ему ль дано портрет узреть
Той девушки – воистину красивой?^[110]
Сойдясь, не будут вспоминать Чуньсян^[111],
Сказавшую, где Ду Линян могила, —
И так уж год, как западных ветров
Он о разлуке слышал стон унылый!^[112]

Прочитав стихотворения, все пришли в восторг и захлопали в ладоши.
– Первые восемь стихотворений исторически достоверны, –
произнесла Баочай. – Чего нельзя сказать о последних двух. А жаль. Надо
было и их написать в том же духе.

– Нет, нет! – запротестовала Дайюй. – Напрасно сестра Баочай придирается! Конечно, в официальной истории вы ничего подобного не найдете. Это скорее неофициальные жизнеописания. Но на подобных сюжетах часто строятся пьесы, их знают даже трехлетние дети! А о сестре Баочай и говорить нечего!

– Дайюй права! – заметила Таньчунь.

– Ведь Баоцинь побывала в тех местах, о которых пишет! – поддакнула Ли Вань. – Пусть этого нет в официальной истории, но из уст в уста передаются предания, и люди им верят. Я собственными глазами видела четыре могилы наставника Гуаня! Кстати, наставник Гуань лицо вполне реальное. Но потомки слагали о нем легенды, и точно неизвестно, где именно он захоронен. В «Описании земли», например, говорится, что у некоторых знаменитых людей много могил. Происхождение большинства древних реликвий вообще неясно. Два последних стихотворения хотя и недостоверны исторически, но их содержание часто служит темой для романов и пьес. Эти пьесы всем хорошо известны, а отдельные реплики из них даже употребляются как пословицы. В общем, не так опасно слушать арии из «Западного флигеля» и «Пионовой беседки», как читать вредные книги. Впрочем, все это придирки сестры Баочай.

Баочай ничего не могла возразить и умолкла. Затем все принялись отгадывать загадки, но ни одной не могли отгадать.

Зимой дни короткие, быстро стемнело, и сестры отправились ужинать к госпоже Ван.

Вдруг пришли и доложили:

– Приехал Хуа Цзыфан, старший брат Сижэнь. Мать Сижэнь тяжело заболела и просит дочь приехать.

– Можно ли не отпустить дочь к матери?! – промолвила госпожа Ван. – Мать и дочь – единое целое.

Госпожа Ван велела Фэнцзе отправить Сижэнь домой. Фэнцзе позвала жену Чжоу Жуя и сказала:

– Сопровождать Сижэнь пошли женщину, которая при выездах следует за господами. Ты тоже поезжай. Возьми с собой двух девочек-служанок. Коляску, в которой поедет Сижэнь, пусть сопровождают четверо слуг. Во второй коляске поедешь ты, в третьей – девочки-служанки.

– Слушаюсь, госпожа! – ответила жена Чжоу Жуя и собралась уходить, но Фэнцзе ее окликнула:

– Сижэнь очень бережлива, но ты передай, что я велела ей одеться получше и взять побольше платьев. Да упакуйте все как следует и не забудьте захватить грелку для рук. Пусть Сижэнь ко мне непременно

зайдет, я сама все проверю.

Жена Чжоу Жуя кивнула и вышла.

Спустя немного Сижэнь пришла к Фэнцзе вместе с женой Чжоу Жуя и двумя маленькими служанками, которые несли узел с платьями и грелку для рук.

Фэнцзе внимательно оглядела Сижэнь. Прическу ее украшали золотые шпильки, на руках сверкали браслеты с жемчугом; из-под накидки, подбитой горностаем, виднелась черная атласная безрукавка на беличьем меху. Зеленая юбка была расшита золотом.

– Этот наряд тебе очень идет, его подарила госпожа, я знаю, – произнесла Фэнцзе, оглядев Сижэнь с ног до головы, – но безрукавка все же мне кажется простоватой, да и замерзнуть в ней недолго. Надо бы потеплее одеться!

– Госпожа обещала мне подарить в конце года накидку на пушистом меху, – ответила Сижэнь.

– У меня есть накидка, только мне не нравится, что она отделана мехом, – сказала Фэнцзе. – Я давно собиралась ее переделать, но ладно, дам тебе поносить. А потом переделаю, когда к Новому году госпожа подарит тебе другую.

Все засмеялись.

– Вы и так раздали уйму вещей, – возразила, смутившись, Сижэнь. – То говорите, что от себя дарите, то – что от старой госпожи. Но все это так, ради смеха.

– Госпоже такое и в голову не приходит, – улыбнулась Фэнцзе. – Но разве это важно? Главное – не уронить достоинства. Нечего и говорить, что мне приходится нести убытки, – зато служанки хорошо одеты и не страдает мое доброе имя. Ведь не над служанкой станут насмехаться, если она неказиста, как подгорелая лепешка, а надо мной, скажут, будто, управляя хозяйством, я довела вас чуть ли не до нищеты.

– Вы – сама мудрость, госпожа! – растроганно вздыхали служанки, слышавшие этот разговор. – Вы и старшим господам угождаете, и нас не забываете!

Между тем Фэнцзе приказала Пиньэр принести безрукавку из темного набивного шелка, подбитую восемью шкурками голубого песка, и отдала Сижэнь, после чего осмотрела содержимое узла, – там были две безрукавки и два халата. Фэнцзе приказала Пиньэр принести шелковый платок цвета яшмы, завязать в него плащ, защищающий от снега, и тоже отдать Сижэнь. Пиньэр вышла и вскоре вернулась, неся два плаща: темно-красный, поношенный, и поновее – из голландского сукна.

– Хватит и одного, – возразила Сижэнь.

– Возьми себе темно-красный, – сказала Пиньэр, – а второй передашь по пути барышне Син Сюянь. Вчера все так красиво выглядели на фоне снега – кто в меховой накидке, кто в плаще на меху! Одна Син Сюянь дрожала от холода в своей плохонькой одежде, жалко было ее! Так что плащ ей пригодится!

– Вы только на нее посмотрите! – вскричала Фэнцзе. – Не спросись, вздумала дарить мои вещи! Будто я мало потратилась!

– Барышня Пиньэр знает, что вы всегда готовы угодить госпоже, к тому же добры к служанкам! – сказали все хором. – Что вы не мелочны, не стараетесь побольше урвать для себя, заботитесь о прислуге. Иначе она не посмела бы так поступить!

– Да, Пиньэр хорошо меня знает! – рассмеялась Фэнцзе и обратилась к Сижэнь:

– Если с твоей матерью случится несчастье и ты задержишься, пришли человека предупредить, я велю тебе отвезти постель. На домашней постели не спи и туалетными принадлежностями там не пользуйся. – Затем она сказала жене Чжоу Жуя:

– Тебя учить незачем, ты знаешь, какой у нас заведен в доме порядок.

– Не извольте беспокоиться, – поспешила ее заверить жена Чжоу Жуя. – Как только приедем, всем домочадцам велим удалиться. А уж если задержимся, прикажем отвести две отдельные комнаты.

Сказав так, жена Чжоу Жуя попрощалась с Фэнцзе и вышла следом за Сижэнь. Она приказала мальчишкам-слугам зажечь фонари и сопровождать коляску. Они направились к дому, где жил Хуа Цзыфан. Но об этом мы рассказывать не будем.

Между тем Фэнцзе вызвала двух мамок со двора Наслаждения пурпуром и приказала:

– Выберите одну из старших служанок потолковее и пошлите на ночь дежурить в покои Баюя, Сижэнь вряд ли сегодня вернется. Да смотрите, чтобы он чего-нибудь не натворил.

Мамки удалились, но через некоторое время вернулись и доложили:

– В покои второго господина Баюя мы послали Цинвэнь и Шэюэ, а сами вчетвером по очереди будем неотлучно находиться в прихожей.

– Проследите, чтобы Баюй пораньше лег и пораньше встал, – наказала Фэнцзе.

Мамки обещали в точности исполнить ее приказание и возвратились в сад Роскошных зрелищ.

Вскоре вернулась жена Чжоу Жуя и сообщила Фэнцзе:

– Сижэнь пока останется дома, ее мать умерла.

Фэнцзе немедленно передала эту весть госпоже Ван, а сама приказала одной из служанок пойти в сад Роскошных зрелищ за постелью и шкатулкой с туалетными принадлежностями. Баоюй велел Цинвэнь и Шэюэ собрать все самое необходимое.

Вскоре пришла служанка и взяла у Цинвэнь и Шэюэ все, что они приготовили для Сижэнь. Затем Шэюэ и Цинвэнь сняли украшения, переоделись на ночь, и Цинвэнь села греться у жаровни.

– Не строй из себя госпожу! – заворчала Шэюэ. – Мне надо помочь, а ты ни с места!

– Я и одна могла здесь управиться, – ответила Цинвэнь. – Но раз уж ты взялась, пошевеливайся, а я хоть сегодня отдохну!

– Дорогая сестра, – попросила Шэюэ, – я постелю второму господину, а ты занавесь зеркало и задвинь верхние занавески – я не достаю, ты выше ростом.

С этими словами она пошла стелить Баоюю постель.

– Стоило мне присесть, как она сразу подняла шум! – пробормотала вслед ей Цинвэнь. Это услышал из своей комнаты Баоюй, опечаленный вестью о смерти матери Сижэнь. Он встал, опустил занавеску на зеркало и, выйдя в прихожую, обратился к Цинвэнь:

– Можешь греться, я все сделал.

– Все время греться не будешь, – с улыбкой ответила Цинвэнь. – Я только что вспомнила, что не принесли постельных грелок.

– А тебе какая забота! – перебила ее Шэюэ. – Второму господину не нужны грелки, нам и жаровни достаточно.

– Если вы не ляжете спать в моей комнате, мне будет страшно и я всю ночь проведу без сна, – сказал Баоюй.

– Я останусь здесь, – успокоила его Цинвэнь, – а Шэюэ пусть ляжет у вас.

Наступила вторая стража. Шэюэ опустила занавески и полог, принесла светильник, подбросила благовоний в курильницу, помогла Баоюю лечь и легла сама. Цинвэнь примостилась возле жаровни.

Во время третьей стражи Баоюй стал сквозь сон звать Сижэнь. Никто не ответил, и он проснулся. Тут он вспомнил, что Сижэнь уехала, и готов был над собой посмеяться.

Цинвэнь тоже проснулась и крикнула Шэюэ:

– Я в соседней комнате и то проснулась, а ты лежишь рядом и ничего не слышишь, как мертвая!

– Ведь он звал Сижэнь! При чем здесь я? – отозвалась Шэюэ и, зевая, перевернулась на другой бок.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила она наконец Баоюя.

– Принеси чаю.

Шэюэ накинула халат из красного шелка и направилась к двери.

– Возьми мою накидку, замерзнешь! – крикнул ей вслед Баоюй.

Не говоря ни слова, Шэюэ взяла поданную Баоюем накидку, подбитую соболем, спустилась вниз, вымыла руки, налила в чашку теплой воды и вместе с полоскательницей отнесла в комнату. Затем вытащила из ящика с чайной посудой чашечку с блюдцем, налила и подала Баоюю. Сама она тоже прополоскала рот и выпила полчашки чаю.

– Милая сестрица, – попросила Цинвэнь, – дай и мне глоток!

– Совсем обнаглела! – всплеснула руками Шэюэ.

– Дорогая сестра, завтра прислуживать буду я, а ты можешь всю ночь отдыхать, – сказала Цинвэнь. – Ладно?

Шэюэ наконец согласилась, подала ей воды прополоскать рот и налила полчашки чаю.

– Вы тут побеседуйте, – сказала Шэюэ, – а я пойду прогуляюсь.

– Во дворе темно, как бы тебя злой дух не утащил! – засмеялась Цинвэнь.

– Пусть выйдет, ночь нынче лунная, – проговорил Баоюй. – А мы поболтаем! – И он дважды громко кашлянул.

Шэюэ отодвинула занавеску и приоткрыла дверь. Ночь действительно была светлая. Шэюэ вышла.

Едва она скрылась за дверью, как Цинвэнь пришло в голову ее напугать. Она считала себя очень здоровой и, как была, в одной кофте, выбежала на мороз.

– Постой! – окликнул ее Баоюй. – Так и простудиться недолго!

Но Цинвэнь махнула рукой и скрылась. Двор залит был лунным светом. Вдруг налетел порыв ветра, пронизав девушку до костей, волосы у нее встали дыбом от безотчетного страха, и она подумала: «Недаром говорят, что нельзя разгоряченной выходить на сквозняк! Как бы в самом деле не заболеть!»

И все же мысль напугать Шэюэ не покидала Цинвэнь. В это время Баоюй крикнул:

– Цинвэнь убежала!

Поняв, что план ее провалился, Цинвэнь поспешила вернуться в дом.

– Разве ее напугаешь! – воскликнула она. – А вы, как старуха, всех жалеете!

– Да не жалею я, – возразил Баоюй, – просто боялся, что ты схватишь простуду! К тому же, напугай ты ее, она принялась бы кричать, перебудила всех, и не миновать скандала! Никому в голову не пришло бы, что это шутка. Стали бы говорить, что не успела уехать Сижэнь, и начались безобразия. Иди-ка лучше сюда, поправь одеяло!

Цинвэнь поправила одеяло и сунула под него руки.

– Какие холодные! – воскликнул Баоюй. – Ведь говорил, что замерзнешь!

Баоюй погладил покрасневшиеся, будто нарумяненные, щеки Цинвэнь и почувствовал, что они холодны как лед.

– Скорее залезай под одеяло! – заторопил ее Баоюй.

Но тут с шумом распахнулась дверь и в комнату влетела смеющаяся Шэюэ.

– Ну и напугалась же я! Представьте, иду и вдруг вижу: в тени горки на корточках сидит человек! – затараторила она. – Я уже готова была закричать, но тут поняла, что никакой это не человек, а золотистый фазан, он взлетел и опустился в том месте, где ярко светила луна! Закричи я – воображаю, какой поднялся бы переполох!

Она ополоснула руки в тазу и продолжала:

– А где Цинвэнь? Что это ее не видно? Наверное, хочет меня напугать!

– А это кто? – Баоюй указал рукой в ту сторону, где лежала Цинвэнь. – Она греется. Не позови я ее, она непременно напугала бы тебя.

– Незачем мне было пугать эту дрянную девчонку, она сама напугалась! – отозвалась Цинвэнь, высунув голову из-под одеяла и снова прячась.

– Ты бегала на улицу в одной кофте? – удивилась Шэюэ.

– Конечно, – ответил Баоюй за Цинвэнь.

– Ах ты, несчастная! – вскричала Шэюэ. – И кожа у тебя от мороза не потрескалась?

Шэюэ сняла медный колпак с жаровни, перемешала угли и, подбросив туда немного благовоний, снова надела колпак. Затем прошла за ширму, убавила свет в лампе и легла.

Цинвэнь дважды чихнула под одеялом.

– Вот видишь, – воскликнул Баоюй. – Все же простудилась!

– Она с самого утра жаловалась, что ей нездоровится, и весь день почти ничего не ела! – сказала тут Шэюэ. – Ей лечиться надо, а она на морозе бегает, людей пугает! Заболеет, пусть пеняет на себя!

– Жар есть? – спросил Баоюй у Цинвэнь.

– Обойдется! – ответила та, снова чихнув. – Что я, неженка?

Дважды пробили в прихожей часы, и послышался голос старухи:

– Спите, барышни, смеяться будете завтра!..

– Давайте спать, хватит разговаривать, – понизив голос, произнес Баоюй, – а то расшумятся старухи.

В комнате воцарилась тишина, и вскоре все уже спали.

На следующее утро Цинвэнь почувствовала, что у нее ломит все тело, а нос заложило.

– Никому ни слова об этом! – наказал Баоюй служанкам и обратился к Цинвэнь: – И ты молчи! Узнает моя матушка, отправит тебя болеть домой. Там тебе, конечно, будет неплохо, но здесь все же теплее. Лежи, а я прикажу потихоньку позвать доктора.

– Так нельзя, – возразила Цинвэнь. – Старшей золовке Ли Вань надо сказать. Ведь могут спросить, зачем звали доктора! Что тогда?

Баоюй счел этот довод разумным, позвал старую мамку и сказал:

– Пойди к старшей золовке, передай, что Цинвэнь простудилась, но серьезного ничего нет. Домой уезжать ей не надо, тогда вообще никого не останется – ведь Сижэнь нет! Доктора пусть пригласят, но госпоже говорить об этом не нужно.

Мамка ушла. Ее не было довольно долго, наконец она появилась и сообщила:

– Старшая золовка велела передать, чтобы Цинвэнь попринимала лекарство. А не поможет – придется ее отправить домой, время сейчас нездоровое. Не беда, если она заразит служанок, только бы вы и ваши сестры не заболели.

– Да что у меня – чума? – возмутилась Цинвэнь. – Все здесь боятся, как бы за мной не пришлось ухаживать! Ну, уеду я домой, так ведь другие могут заболеть?!

Сказав это, она решила подняться с постели.

– Не сердись! – стал уговаривать девушку Баоюй. – Это ее долг – предупредить. Она боится, как бы матушка не узнала и не сделала ей выговор. Ты вечно сердишься по пустякам, а сейчас тем более, потому что тебе нездоровится.

В это время появилась служанка и доложила о приезде доктора. Не успел Баоюй скрыться за этажеркой, как пришли две старухи, дежурившие у ворот сада, а следом за ними врач. Служанки тоже попрятались. С Цинвэнь остались не то две, не то три мамки. Они поспешно опустили над кроватью Цинвэнь полог, из-под которого девушка выставила руку. Заметив два длинных ногтя, красных от бальзамина, врач отвернулся, и служанки поспешили прикрыть руку Цинвэнь шелковым платком. Внимательно

обследовав пульс, врач вышел в прихожую и сказал мамкам:

– В такую погоду не мудрено простудиться, а от простуды у барышни застой крови. Простуда легкая, к тому же барышня умеренно ест и пьет. Пусть попринимает лекарство, и все обойдется.

Проходя по саду, врач любовался живописными видами, но не встретил ни одной женщины: Ли Вань послала людей предупредить, чтобы не попадались ему на глаза.

В домике для привратников доктор выписал рецепт, и тут одна из мамок ему сказала:

– Почтенный господин, задержитесь немного, молодой господин хочет вас о чем-то спросить.

– Неужели я осматривал юношу? – изумился врач. – Судя по убранству, комната принадлежит девушке, да и полог был спущен во время осмотра.

– Вы не знаете в нашем доме порядков, поскольку впервые пришли, – произнесла мамка. – Потому и говорите так. Какая же это женская спальня? Это комната нашего младшего господина, а осматривали вы служанку! К барышне вас так просто не провели бы!

Старуха взяла рецепт и удалилась.

Баоюй внимательно посмотрел рецепт и, увидев, что в состав лекарства входит нанкинская мелисса, корень платикодона, японская пепета и прочие травы и еще дикая говения и стенник, возмущенно воскликнул:

– Чтоб он пропал, негодяй! Такие лекарства принимают только мужчины! Разве можно девушке принимать дикую говению и стенник? Кто позвал этого лекаря? Велите ему убираться вон! И пригласите другого, которого знают у нас в доме.

– Мы в рецептах не разбираемся, – стала оправдываться мамка. – А за доктором Ваном можно послать хоть сейчас. Этого лекаря не знаю, кто звал, главный управляющий тоже не посылал. Но заплатить придется.

– Сколько? – спросил Баоюй.

– Кажется, лян серебра, – ответила мамка, – так у нас в доме заведено, меньше не платят – неловко.

– А сколько берет доктор Ван? – осведомился Баоюй.

– Доктор Ван и доктор Чжан бывают у нас постоянно, – ответила мамка, – поэтому отдельно за каждый визит им не платят, зато четыре раза в году, в каждый сезон посылают кучу подарков. Этот же лекарь явился впервые, так что надо ему заплатить.

Выслушав мамку, Баоюй велел Шэюэ принести деньги.

– Не знаю, где сестра Сижэнь их хранит, – ответила Шэюэ.

– Я видел несколько раз, как она доставала деньги из маленького шкафчика, инкрустированного перламутром, – проговорил Баоюй. – Пойдем вместе поищем!

Они отправились в комнату, где Сижэнь обычно хранила вещи, открыли шкафчик. На верхней полочке лежали кисти, тушь, веера, благовония, вышитые кошельки разных цветов, полотенца для вытирания пота. На нижней – несколько связок медных монет, и только в самом низу, в выдвижном ящичке, они нашли несколько слитков серебра и небольшой безмен.

Шэюэ взяла наугад один из слитков, положила на безмен и обратилась к Баоюю:

– Посмотрите, сколько в нем?

– Ты шутики ради спрашиваешь? – смутился Баоюй. – Неужели не знаешь или же только что родилась?

Шэюэ захихикала и хотела пойти спросить у других служанок, но Баоюй ее удержал.

– Выбери слиток побольше и отдай, – сказал он. – К чему мелочиться? Мы не торговцы!

Шэюэ взяла другой слиток, взвесила на ладони.

– По-моему, тут ровно лян, – сказала она, – а если и больше, не беда! Лучше передать, чем недодать, а то будут над нами смеяться. Лекарю в голову не придет, что мы не умеем пользоваться безменом, он просто подумает, что мы скупы сверх меры.

– В этом слитке, пожалуй, два с половиной лян! – заметила стоявшая в дверях служанка. – Во всяком случае, не меньше двух. Его следовало бы убавить наполовину, вот только щипцов нет! Лучше, барышня, выберите поменьше!

Однако Шэюэ уже заперла шкафчик и, подавая ей серебро, с улыбкой промолвила:

– Да что там выбирать? Сколько есть, столько и отнеси!

– И вели Бэймину пригласить другого врача! – произнес в свою очередь Баоюй.

Женщина взяла серебро и ушла. Спустя немного явился доктор Ван, которого пригласил Бэймин. Осмотрев Цинвэнь, он нашел у нее совершенно другую болезнь и лекарство выписал другое. В нем не было ни дикой говений, ни стенника, зато значилась белая гортензия, зоря и другие лекарственные травы, все в небольшом количестве.

– Вот это самое подходящее лекарство для девушки! – воскликнул обрадованный Баоюй. – То лекарство тоже было жаропонижающим, только

доза очень большая! Помню, в прошлом году, когда я простыл, доктор Ван не рекомендовал принимать дикую говению, стенник и другие сильнодействующие средства. Ведь человек все равно что молодая бегония, которую осенью подарил мне Цзя Юнь! И если мне, мужчине, вредны такие лекарства, то что говорить о девушках? Даже самые здоровые из них подобны тополю, выросшему на могиле, – посмотришь – он как будто могучий и пышный, а внутри пусто...

– Неужели на могилах не растут сосны и кипарисы? – перебила его Шэюэ. – По-моему, нет дерева хуже тополя. Высокий, а ничего на нем нет, кроме листьев, да и те шумят на ветру! Видно, вкуса у вас совсем нет, раз вы сравниваете девушку с тополем!

– Не с сосной же ее сравнивать и не с кипарисом! – улыбнулся Баоюй. – Еще Кун-цзы сказал: «Сосны и кипарисы теряют иглы лишь в сильный мороз». Нет, сосны и кипарисы чересчур благородны, чтобы упоминать их по всякому поводу!..

Пока они разговаривали, старая служанка принесла лекарство. Баоюй приказал налить его в серебряную чашку и подогреть на жаровне.

– Лучше это сделать на кухне, – заволновалась Цинвэнь. – А то все здесь пропахнет лекарством.

– А по мне запах лекарства лучше аромата цветов! – воскликнул Баоюй. – Недаром бессмертные и небожители только и знают, что собирать целебные травы и готовить лекарства! Так же и прославленные люди, и отшельники с гор, и ученые. Каких только ароматов нет в моей комнате! Не хватает только запаха лекарства! Вот и настаивайте его здесь для полной гармонии!

Пока готовили лекарство, Баоюй приказал старой мамке отнести кое-какие вещи Сижэнь и передать, чтобы не очень горевала, берегла здоровье.

После этого он отправился к матушке Цзя и госпоже Ван поесть и справиться об их самочувствии.

Когда пришел Баоюй, Фэнцзе как раз держала совет с матушкой Цзя и госпожой Ван.

– Погода холодная, рано темнеет, – говорила Фэнцзе, – поэтому пусть барышни и Ли Вань не приходят сюда, пока не станет теплее, а едят дома.

– Ты, пожалуй, права, – промолвила госпожа Ван, – А то ведь ходят и в ветер, и в снег. Поедят – и на мороз! А это очень вредно. Носить им еду – тоже не годится. По дороге все стынет. Лучше всего в большом пятикомнатном доме у внутренних ворот сада устроить кухню и там готовить для барышень. Отпускать овощи можно прямо туда, за счет главного управляющего. Также дичь и всевозможные яства...

– Я тоже об этом думала! – обрадовалась матушка Цзя. – Только боялась, что с устройством кухни будет много хлопот.

– Не так уж много! – успокоила ее Фэнцзе. – Расходы те же: здесь прибавили, там убавили. А будет немного больше хлопот, ничего страшного, главное, чтобы барышни не простыли. Особенно сестрица Линь Дайюй, да и у других девушек здоровье слабое. Баюй тоже не терпит холода.

Если хотите узнать, что ответила матушка Цзя, прочтите следующую главу.

Глава пятьдесят вторая

Ловкая Пингэр умалчивает о пропаже браслета «ус краба»;

мужественная Цинвэнь во время болезни штопает плащ из павлиньего пуха

Итак, матушка Цзя, выслушав Фэнцзе, ответила:

– Об этом я и хотела потолковать с тобой, но все не решалась. У тебя и без того много забот. Перечить бы ты не стала, я знаю, а про себя подумала бы, что я люблю только внуков и внучек, а тебя совсем не жалею. Но раз ты сама об этом заговорила, тем лучше!

Тетушка Сюэ и госпожа Ли давно были здесь, а затем подросли госпожи Син и Ю. И вот, воспользовавшись тем, что все в сборе, матушка Цзя обратилась к госпоже Ван:

– Я хочу сказать то, чего раньше не говорила, чтобы не перехвалить Фэнцзе и не вызвать вашего недовольствия. Каждая из вас либо невестка, либо золовка, либо свекровь. Скажите откровенно, можете вы соперничать с Фэнцзе в умении хозяйничать, в расторопности?

– Такие женщины встречаются редко! – в один голос воскликнули тетушки и госпожа Ю. – И не ради приличия заботится она о младших и выказывает уважение старшим, а делает это искренне, от всего сердца.

– За это я и люблю ее, – промолвила матушка Цзя со вздохом. – Только боюсь, не кончится это добром. Уж слишком она умна!

– Ошибаетесь, бабушка! – воскликнула Фэнцзе, – хоть и говорят, что чересчур умные и дальновидные не живут долго, верить в это не надо. Вы, к примеру, в десять раз умнее меня! И вон до каких лет дожили! Как же вам удалось? А уж как вы меня хвалите, так я самое меньшее проживу в два раза дольше! По крайней мере еще тысячу лет. И умру лишь после того, как умрете вы!

Матушка Цзя, смеясь, ответила:

– Какой же интерес будет жить нам, двум старым красоткам, если остальные поумирают?

Эти слова были встречены дружным смехом.

Баоюй, чьи мысли были полностью заняты Цинвэнь, под первым же

благовидным предлогом вернулся к себе. Едва он переступил порог, в нос ему ударил запах лекарств. В доме не было ни души, Цинвэнь лежала на кане с красным от жара лицом. Баоюй осторожно коснулся рукой ее лба и будто обжегся – он только что вошел с холода. Погрев над жаровней руки, он сунул их под одеяло и почувствовал, что Цинвэнь вся горит.

– Неужели Шэюэ и Цювэнь настолько безжалостны, что оставили тебя одну?

– Я велела Цювэнь поест, – ответила Цинвэнь, – а Шэюэ о чем-то шушукается с Пиньэр. Они только что вышли. Наверное, осуждают меня, что я никак не могу поправиться.

– Пиньэр не такая, – возразил Баоюй. – Да она и не знала, что ты больна. Пришла к Шэюэ, вдруг увидела тебя в постели и сказала, будто пришла тебя навестить. Умные люди, попав в неловкое положение, всегда прибегают к лжи. Ведь ей все равно, лежишь ты в постели или ходишь на улицу. Вы давно дружите, и она не захочет ни с того ни с сего портить с тобой отношения.

– Все это так, – согласилась Цинвэнь. – Но у меня вдруг появилось такое чувство, будто она обманывает меня!

– погоди, – сказал Баоюй, – пойду потихоньку послушаю, о чем они там говорят под окном, и все тебе расскажу.

Он проскользнул в дверь, ведущую во двор, неслышно подошел к окну и прислушался.

– Как ты его нашла? – донесся до него тихий голос Шэюэ.

– В тот день, когда обнаружилась пропажа, вторая госпожа Фэнцзе не велела мне поднимать шума, – ответила Пиньэр, – вышла из сада и приказала передать всем служанкам, чтобы очень осторожно узнавали, что да как. Мы подозревали служанку барышни Син Сюянь, она бедна и никогда таких дорогих вещей не видала – может быть, заметила, как я его обронила, и подобрала. Но каково было наше удивление, когда мы узнали, что браслет взяла одна из ваших служанок! Его нашла няня Сун и принесла нам...

Только теперь Баоюй понял, что речь идет о браслете, который недавно пропал у Пиньэр.

– Так вот, няня Сун принесла его нам и сказала, что браслет украла Чжуйэр, а она отняла его и пришла доложить второй госпоже Фэнцзе. Я взяла у старухи браслет и стала думать, что делать дальше. Баоюй в это время развлекался с вами и понятия ни о чем не имел, а говорить ему я не хотела. Ведь когда Лянэр украла яшму, все обошлось, но целых два года люди злорадствовали, зная, что у вас случилось воровство. А сейчас снова

появилась воровка, украла золото, и не в доме, а у соседей! Я уговорила няню Сун скрыть это от Баоюя и вообще держать язык за зубами, ведь подобные случаи позорят второго господина. Да и старая госпожа рассердилась бы, если б узнала. Попали бы в неловкое положение Сижэнь и остальные служанки. Поэтому, получив свой браслет, я так сказала второй госпоже Фэнцзе: «Я только что ходила к Ли Вань. И, представьте себе, браслет нашелся! Оказывается, я его уронила в снег, а теперь, когда начало таять, браслет засверкал на солнце, и я его подняла». Вторая госпожа Фэнцзе поверила мне. А сюда я пришла предупредить, чтобы остерегались воровки и не давали ей никаких поручений! Как только вернется Сижэнь, посоветуйтесь с ней, как избавиться от этой дряни, пока не поздно!

– Эта тварь немало повидала в жизни! – воскликнула Шэюэ. – Чем же ее так привлек этот браслет?

– Даже не знаю, сколько он стоит, – продолжала Пиньэр. – Все дело в том, что он принадлежит второй госпоже Фэнцзе, она называет его «ус краба» и говорит, что в нем очень дорогая жемчужина. Я никому, кроме тебя, об этом не говорила. Не дай бог, узнает Цинвэнь, устроит скандал. Ведь она вспыхивает, как порох. Так что смотри, будь осторожна!

Вскоре Пиньэр попрощалась и ушла.

Баоюй и радовался, и сердился. Потом вздохнул. Его радовало, что Пиньэр ему сочувствует; сердило то, что Чжуйэр оказалась воровкой. Вздохнул же он потому, что Чжуйэр, такая умница, совершила настоящую подлость.

Вернувшись в комнату, Баоюй передал слышанный разговор Цинвэнь и сказал:

– Видно, Пиньэр считает тебя самолюбивой. Она не хотела говорить тебе об этом, пока ты болеешь, а как только поправишься, все подробно расскажет.

Цинвэнь, выслушав Баоюя, от злости вытаращила глаза, нахмурила брови и хотела позвать Чжуйэр. Но Баоюй стал ее уговаривать:

– Не шуми, подведешь Пиньэр. А она и ко мне, и к тебе хорошо относится. Пиньэр заслуживает только благодарности, а воровку мы непременно выгоним.

– Пожалуй, вы правы, но как мне с собой совладать? – не унималась Цинвэнь.

– Выбрось это из головы, – сказал Баоюй, – успокойся и лечись.

Цинвэнь приняла лекарство, вечером опять приняла и ночью пропотела, но облегчения не почувствовала. Жар не проходил, голова

разламывалась от боли, нос еще больше заложило, в ушах стоял звон.

На следующий день опять пришел доктор Ван, прописал другое лекарство, жар спал, но голова по-прежнему болела. Тогда Баоюй приказал Шэюэ дать больной понюхать табаку, чтобы она почаще чихала.

Шэюэ принесла стеклянную коробочку с двумя золотыми звездочками. Баоюй вытащил из нее заморскую эмалированную табакерку в виде обнаженной девушки с рыжими волосами и крылышками за спиной. Табакерка была наполнена дорогим табаком. Цинвэнь не интересовал табак, она лишь с любопытством рассматривала изображение девушки.

– Нюхай, а то выдохнется, – сказал Баоюй.

Цинвэнь взяла щепотку, сунула в нос, затем еще и еще. В носу защекотало, в голове закололо. Цинвэнь чихнула несколько раз, из носа потекло, из глаз полились слезы.

– Какой крепкий! – воскликнула девушка. – Скорее несите бумагу!

Девочка-служанка подала пачку тонкой бумаги, Цинвэнь взяла несколько листков, высморкалась.

– Ну что? – спросил Баоюй.

– Будто бы легче, – ответила Цинвэнь. – Только голова, как болела, так и болит.

– Лучше всего помогают лекарства заморские! – сказал Баоюй и приказал Шэюэ: – Сходи ко второй госпоже Фэнцзе. Попроси пластырь от головной боли. Я знаю, у нее есть. Называется «ифуна» или что-то в этом роде, пусть даст немного.

Спустя немного Шэюэ принесла пластырь, вырезала из шелка два кружочка величиной с ноготь, кончиком шпильки подцепила разогретый пластырь, намазала им кружочки, а Цинвэнь, глядя в зеркало, приложила кружочки к вискам.

– Ты, как заболела, ни разу не причесалась, стала лохматой, словно злой дух, а сейчас с этими кружочками у тебя вообще озорной вид, – засмеялась Шэюэ. – Вторая госпожа Фэнцзе часто пользуется этим пластырем, но у нее не так заметно. Вторая госпожа, – продолжала она, обращаясь к Баоюю, – велела напомнить, что завтра день рождения вашего дяди, и матушка велит вам его поздравить. Какой костюм приготовить? Это надо с вечера сделать, чтобы утром не суетиться.

– Мне все равно в чем ехать, что попадется под руку, то и надену, – ответил Баоюй. – Целый год только и знаем, что праздновать дни рождения!

Он вышел с намерением отправиться к Сичунь, посмотреть, как обстоят дела с картиной. Но прямо у ее дома заметил выходящую из ворот

Сяоло, девочку-служанку Баоцинъ.

– Ты куда? – окликнул ее Баоюй.

– К барышне Линь Дайюй, там сейчас обе наши барышни, – ответила Сяоло.

Услыхав это, Баоюй раздумал идти к Сичунъ и последовал за Сяоло в павильон Реки Сяосян. Там он застал не только Баочай с младшей сестрой, но и Син Сюянь. Девушки сидели возле жаровни и болтали. Цзыцзюань, примостившись на кане у окна, занималась вышиванием.

– Только тебя здесь не хватало! – со смехом вскричали девушки при появлении Баоюя. – Возле жаровни больше нет места, так что к нам не пристраивайся.

– Вы словно сошли с картины «Красавицы в зимних женских покаях»! – улыбаясь, воскликнул Баоюй. – Как жаль, что я пришел слишком поздно! Ладно, я и на стуле посижу. Здесь, по крайней мере, теплее!

Он опустился на покрытый чехлом из беличьего меха стул, где имела обыкновение сидеть Дайюй. Огляделся и заметил на столе большое яшмовое блюдо, а на блюде – горшок с распустившимися нарциссами.

– Какие красивые! – воскликнул Баоюй. – Чем теплее, тем сильнее у них аромат. Но почему я их вчера не видел?

– Это подарок жены главного управляющего Лай Да барышне Сюэ Баоцинъ, – ответила Дайюй. – Она подарила ей два горшка с нарциссами и два – с чашкоцветниками. Один горшок с нарциссами Баоцинъ отдала мне, а с чашкоцветниками – Сяньюнь. Я сначала отказывалась, а потом приняла, чтобы не обидеть барышню. Если хочешь, возьми себе!

– У меня в комнате стоят две вазы с цветами, но разве их сравнишь с этими! – сказал Баоюй. – Я был бы рад их взять, но, по-моему, нехорошо дарить то, что тебе самой подарили!

– Я весь день подогреваю на огне лекарства, даже платья пропитались их запахом, где уж мне наслаждаться ароматом цветов! Да и они, пожалуй, пахнут теперь лекарствами. Так что заberi их лучше себе!

– А ведь у меня в покаях тоже лежит больная, которой приходится подогревать лекарства, – улыбнулся Баоюй. – Неужели ты не знаешь?

– Станный ты какой-то! – заметила Дайюй. – Ведь я предложила от чистого сердца! Откуда мне знать, что делается у тебя дома? Ты ничего не сказал, а теперь удивляешься!

– Давайте завтра соберем наше поэтическое общество, – промолвил Баоюй, переводя разговор на другое. – Тема для стихов уже есть – будем воспевать нарциссы и чашкоцветники.

– Ладно тебе! – сказала Дайюй. – Уж лучше молчал бы о стихах. Неужели не совестно писать хуже всех и за это подвергаться штрафу? – И она ткнула пальцем в свою щеку, стыдя Баоюя.

– Зачем ты надо мной насмехаешься? – укоризненно покачал головой Баоюй. – Мне и так стыдно, а ты еще показываешь на щеку!

– У меня тоже приготовлены четыре темы для следующего нашего собрания, – вмешалась в разговор Баочай. – Пусть каждый напишет по четыре уставных стихотворения и по четыре станса. Первая тема: «Воспеваю вселенную». Стихотворение – пятисловное, а все слова рифмуются со словом «прежний»...

– Выходит, моя сестра хочет собрать общество не ради удовольствия, а совсем наоборот, – заметила Баоцинь. – То, что она предложила, разумеется, выполнимо, но в этом случае в стихотворении на каждой строчке встречались бы цитаты из «Книги перемен». А что тут интересного? Помню, когда мне было восемь лет, мы ездили с отцом на побережье западного моря скупать заморские товары. И встретили случайно девушку из страны Чжэньчжэнь. В свои пятнадцать лет она была настоящей красавицей с заморской картины. Золотая кольчуга и куртка из чужеземной парчи, на поясе – короткий меч, украшенный золотом и драгоценными камнями. Рыжие волосы заплетены в косы и украшены агатами, кораллами, «кошачьим глазом», изумрудами. Да что там говорить! И на картине такую красавицу редко увидишь! Эта прелестная девушка изучила нашу поэзию, рассуждала о «Пятикнижии», умела сочинять уставные стихи и стансы. Отец попросил ее написать стихотворение ему на память, и она написала.

Все с изумлением слушали Баоцинь.

– Дорогая сестрица, не покажешь ли и нам это стихотворение? – попросил Баоюй.

– Увы! Оно хранится у меня в Нанкине! – ответила Баоцинь.

– Жаль, что я до сих пор нигде не побывал, ничего не видел! – воскликнул Баоюй.

– Ты нас обманываешь! – промолвила Дайюй, толкнув Баоцинь в бок. – Я видела, ты привезла с собой все вещи, и это стихотворение наверняка среди них. А говоришь, оно в Нанкине! Рассказывай другим, а я тебе не верю!

Баоцинь покраснела и ничего не ответила.

– Ах, эта Чернобровка! Никогда никому не верит! – воскликнула Баочай. – Умна чересчур!

– Если эти стихи у нее с собой, отчего не дать нам их почитать? –

заметила Дайюй.

– Да разве найдет она их сейчас? – произнесла Баочай. – Раньше надо разобрать вещи. Корзины, сундуки, коробки – все свалено в кучу! А разберут их, непременно найдем и дадим почитать. Может быть, ты знаешь эти стихи наизусть? – обратилась Баочай к Баоцинь. – Прочти тогда нам!

– Отдельные строфы я запомнила. Только учтите, она чужестранка и ей трудно было писать.

– погоди, не читай, – остановила сестру Баочай. – Надо, чтобы и Сяньюнь послушала.

Она позвала Сяоло и сказала:

– Пойди скажи барышне Сяньюнь, «одержимой поэзией», пусть придет послушать прекрасные стихи «красавицы из дальних краев» и приведет с собой «поэтическую дурочку».

Сяоло, смеясь, ушла, а через некоторое время за дверьми раздался голос Сяньюнь:

– Что у вас там за красавица приехала?

Вслед за тем она появилась на пороге, а за нею – Сянлин.

– Тебя еще не видно, но уже слышно, – рассмеялись все.

Баоцинь предложила Сяньюнь сесть и сказала, зачем ее звали.

– Что ж, читай скорее, – попросила Сяньюнь.

Баоцинь не заставила себя долго просить и прочла:

Это было вчерашней ночью:
Красный терем во сне предстал мне.
А сегодняшней – край Хуаньхя^[113]
Словно ожил в моих стихах.
Там ползли над островом тучи,
В гнев волны гребни бросали,
И, сгущаясь, клубясь, туманы
Проплывали в горных лесах...

А луна, как в древние годы,
Неизменно светла над нами,
Поменялись людские чувства —
То мельчанье, то глубина...
А воочию коль представить
Ивы ствол и весну в Ханьнани^[114], —
Как же может не тронуть сердце
Столь стремительная весна?

– Прекрасные стихи! – воскликнули все. – Чужестранка, а нам до нее далеко!

Вошла Шэюэ и обратилась к Баоюю:

– Ваша матушка, второй господин, плохо себя чувствует и просила нас передать дяде, что не сможет к нему прийти.

– Непременно передам, – вскочив с места, ответил Баоюй и обратился к Баочай и Баоцинь: – Вы тоже будете у дяди?

– Нет, – ответила Баочай. – Но мы вчера отослали подарки.

Они поболтали еще немного и разошлись. Баоюй пропустил вперед сестер, когда Дайюй, обернувшись, спросила:

– Не знаешь, когда вернется Сижэнь?

– Скорее всего после похорон, – ответил Баоюй.

Дайюй хотела еще что-то сказать, но раздумала и произнесла лишь:

– Ладно, иди...

Баоюю тоже надо было сказать Дайюй многое, но он не решался и вдруг ни с того ни с сего выпалил:

– Я приду к тебе завтра!

Опустив голову, он сбежал с крыльца, потом обернулся:

– Кашель, наверное, не дает тебе спать? Сколько раз ты просыпаешься? Ночи теперь длиннее!

– Вчера мне стало немного легче, было только два приступа кашля, – ответила Дайюй. – Но все равно я спала только четвертую стражу – не больше.

– Я хочу сказать тебе что-то важное, – подойдя близко к Дайюй, тихо произнес юноша. – Помнишь, сестрица Баочай присылала тебе ласточкины гнезда...

В это время появилась наложница Чжао, она пришла навестить Дайюй, и Баоюй сразу умолк.

– Барышня, – спросила Чжао, – как вы себя чувствуете?

Дайюй поняла, что наложница была у Таньчунь, а к ней зашла по пути. Предложив наложнице сесть, Дайюй промолвила:

– Весьма признательна вам за внимание! Нынче так холодно, а вы не сочли за труд навестить меня!

Дайюй приказала служанке налить наложнице чаю и бросила выразительный взгляд на Баоюя. Тот понял и поспешил уйти.

Между тем настало время ужина. Баоюй навестил госпожу Ван, и та наказала ему на следующий день как можно раньше съездить к дяде.

Возвратился он только к вечеру, проследил, чтобы Цинвэнь приняла лекарство, а затем, наказав ей не выходить из теплой комнаты, велел принести жаровню и распорядился, чтобы Шэюэ на ночь не уходила. О том, как прошла ночь, мы рассказывать не будем.

Утром, еще не рассвело, Цинвэнь разбудила Шэюэ.

– Вставай! – тормошила ее Цинвэнь. – Неужели не выспалась? Прикажи девочкам вскипятить для господина чай, а я разбужу его.

– Надо сперва разбудить Баоюя и помочь ему одеться, – сказала Шэюэ, – а вынести жаровню и позвать девочонок успеем. Сколько раз старые няньки твердили, чтобы Баоюй не заходил к тебе в комнату, а то заразится! Увидят, что мы вместе с ним, скандала не миновать!..

– Вот и я говорю то же самое! – поддакнула Цинвэнь.

Баоюя не пришлось долго будить. Он сразу проснулся, быстро оделся. Шэюэ велела девочке-служанке прибрать в комнате и лишь после этого позвала Цювэнь, чтобы прислуживала Баоюю.

Когда Баоюй привел себя в порядок, Шэюэ сказала:

– День нынче пасмурный, того и гляди, пойдет снег. Оделись бы потеплее.

Баоюй переоделся, после чего девочка-служанка подала ему чашку отвара из цзяньаньского лотоса с жужубом. Баоюй отпил немного, и Шэюэ поднесла ему блюдечко имбиря. Покончив с едой, юноша распорядился насчет Цинвэнь и отправился к матушке Цзя. Та еще спала, но ее разбудили, и она приказала тотчас же впустить внука. Едва переступив порог, Баоюй заметил Баоцинь, которая спала, повернувшись лицом к стене.

Матушка Цзя с ног до головы оглядела внука и, увидев, что на нем только короткая коричневая куртка с узкими рукавами, расшитая золотом и отороченная атласной бахромой, спросила:

– Снег идет?

– Пока нет, но небо в тучах, – ответил Баоюй.

Матушка Цзя приказала Юаньян:

– Принеси Баоюю плащ из павлиньего пуха, о котором я тебе вчера говорила!

– Слушаюсь, – ответила Юаньян, выходя из комнаты, и вскоре появилась снова с плащом в руках. Баоюй внимательно его осмотрел. Плащ сверкал золотом, переливался лазурью, как радуга, и совершенно не походил на тот, который Баоюй видел у Баоцинь.

– Это «кафтан», – объяснила матушка Цзя, – он соткан в России из

павлиньего пуха. Недавно я подарила плащ из утиных перьев твоей сестрице Баоцинъ, а этот дарю тебе.

Баоюй поклонился матушке Цзя и облачился в плащ.

– А теперь пойди покажись матери, – промолвила матушка Цзя.

Баоюй снова поклонился и уже направился к выходу, как вдруг заметил Юаньян. Она стояла прямо перед ним и терла глаза.

С того дня, как Юаньян дала клятву не выходить замуж, она ни разу не разговаривала с Баоюем, и он чувствовал себя очень неловко. Вот и сейчас Юаньян хотела убежать, но Баоюй ее спросил:

– Дорогая сестрица, идет мне этот плащ? Скажи!

Юаньян только рукой махнула и скрылась в комнате старой госпожи. Баоюю ничего не оставалось, как отправиться к госпоже Ван. От нее Баоюй вернулся к матушке Цзя и промолвил:

– Маме плащ очень понравился, но она сказала, что я недостойн его носить. И еще велела мне беречь его и не портить.

– Да, портить не нужно, – произнесла матушка Цзя. – Второго такого у меня нет, и даже при желании сшить его невозможно. – Она помолчала и снова обратилась к Баоюю: – Смотри, пойдешь к дяде, не пей лишнего! И возвращайся поскорее!

– Непременно! – ответил Баоюй и направился к выходу, сопровождаемый мамками. Здесь он увидел Ли Гуя, Ван Жуна, Чжан Жоцзиня, Чжао Ихуа, Цянь Шэна и Чжоу Жуя, которых сопровождали Бэймин, Баньцяо, Саохун и Чуяо. Слуги давно дожидались Баоюя, держа в руках узлы с матрацами для сидения и подушками. Одна из мамок что-то сказала слугам, и те помогли Баоюю сесть на коня. Ли Гуй и Ван Жун взяли в руки поводья, Цянь Шэн и Чжоу Жуй шли впереди, Чжан Жоцзинь и Чжао Ихуа – по бокам.

– Брат Чжоу Жуй и брат Цянь Шэн, – попросил Баоюй, – давайте поедem через боковые ворота, а то возле кабинета отца мне придется спешиться.

– Но вашего отца нет сейчас дома, – возразил Чжоу Жуй, – кабинет на замке, и вовсе незачем слезать с коня.

– Неважно, что отца нет дома, все равно надо спешиться, – ответил Баоюй.

– Совершенно верно, господин, – поддакнули Цянь Шэн и Ли Гуй. – Если господин Лай Да или второй господин Линь Чжисяо заметят, что вы не спешили, они станут вас укорять в непочтении к отцу. А больше всех достанется нам, господа скажут, что мы не учим вас правилам приличия.

Итак, Чжоу Жуй и Цянь Шэн повели Баоюя к боковым воротам. В это

время к ним подошел Лай Да. Баоюй придержал коня и хотел соскочить на землю, но Лай Да схватил его за ногу. Тогда Баоюй привстал в стременах и, улыбаясь, произнес несколько вежливых фраз.

Неожиданно появился мальчик-слуга, а с ним не то два, не то три десятка людей с метлами и корзинами. Увидев Баоюя, они почтительно вытянулись и остановились возле стены, и только мальчик-слуга, старший над ними, несколько раз поклонился Баоюю и справился о его здоровье. Баоюй не знал, как зовут мальчика. Он улыбнулся, приветливо ему кивнул и поехал дальше. Лишь после этого мальчик сделал знак людям продолжать путь.

За боковыми воротами Баоюя ждали Ли Гуй, шестеро мальчиков-слуг и еще несколько конюхов, державших под уздцы с десятков коней. Как только Баоюй миновал ворота, слуги вскочили в седла и последовали за ним. Шествие открывал ехавший впереди Ли Гуй. Но рассказывать об этом подробно мы не будем.

А теперь вернемся к Цинвэнь. Она без конца принимала лекарства, но продолжала болеть и всю поносила врачей.

– Только и знают, что выманивать деньги, а лечить не умеют!

– Да уймись ты! – пыталась успокоить ее Шэюэ. – Вспомни пословицу: «Болезнь обрушивается внезапно и тянется, как длинная нить». Только эликсир бессмертия Лао-цзы мог бы сразу помочь. Наберись терпения, полечись несколько дней, и все пройдет. А будешь злиться, только самой себе навредишь.

Уговоры не возымели действия, и Цинвэнь сорвала гнев на девочках-служанках:

– Куда они запропастились? Пользуются тем, что я заболела, и совсем обнаглели. Вот поправлюсь, шкуру с них спущу!

Услышав это, в комнату вбежала перепуганная Диньэр:

– Что прикажете, барышня? – спросила она.

– А где остальные? Передохли, что ли? – напустилась на нее Цинвэнь. В этот момент в комнату неторопливыми шагами вошла Чжуйэр.

– Вы только поглядите на эту паршивку! – еще больше распалилась Цинвэнь. – Никогда не явится сразу, ждет особого приглашения! Зато, когда раздают деньги или фрукты, она тут как тут! Ну-ка, подойди ближе! Не тигр же я, не съем!

Чжуйэр робко приблизилась. Забыв о холоде, Цинвэнь сбросила одеяло и, схватив лежавшую рядом с подушкой ухочистку, больно уколола девочку в руку, крикнув:

– Не руки, а грабли, ни на что не годны! Нитку в иголку вдеть не

умеешь, только и знаешь таскать что повкуснее да обжираться! Такую тупицу, неряху и сплетницу лучше всего вообще заколоть!

Чжуйэр вскрикнула, и Шэюэ поспешила оттащить ее в сторону. Она уговорила Цинвэнь лечь в постель и сказала:

– Ведь ты только что пропотела, а скачешь по комнате! Умереть захотелось? Выздоровеешь, тогда и поколотишь ее!

Но не так-то легко было урезонить Цинвэнь. Она велела позвать мамку Сун и сказала:

– Второй господин Баоюй наказал передать вам, что Чжуйэр ленива, отлынивает от поручений, ругает тихонько Сижэнь, когда та велит ей что-нибудь сделать. Сегодня же надо выгнать ее, чтобы завтра второй господин Баоюй мог об этом доложить своей матушке.

Мамка сразу поняла, что дело с браслетом раскрылось, и промолвила:

– Все это так, но давайте дождемся возвращения барышни Хуа Сижэнь и обо всем ей расскажем. А выгнать девочку никогда не поздно.

– Второй господин Баоюй строго-настрого приказал сделать это сейчас же! – закричала Цинвэнь. — При чем тут «барышни Хуа» или «барышни Цао»? ^[115] Мы и без них знаем, как поступить! Слушай, что тебе говорят: сейчас же позови кого-нибудь из ее родных, и пусть забирают ее отсюда!

– Не волнуйся! – поддакнула Шэюэ. – Все равно Чжуйэр выгонят. И чем раньше, тем лучше!

Мамке Сун ничего не оставалось, как передать матери Чжуйэр, чтобы та пришла за дочерью.

Мать Чжуйэр не замедлила явиться и принялась укорять Цинвэнь:

– Нехорошо вы поступаете, барышня! Если что не так, поучите девочку, зачем же выгонять! Хотя бы из уважения к нам оставьте ее!

– Говорите с Баоюем, я тут ни при чем, – оборвала ее Цинвэнь.

– Да разве я посмею? – усмехнулась женщина. – Ведь он все равно сделает так, как скажете вы! Вы, например, можете называть господина по имени, а я не могу, это сочтут дерзостью с моей стороны.

Цинвэнь побагровела от злости и закричала:

– Тебе не нравится, что я назвала господина по имени! Иди пожалуйста на меня старой госпоже, скажи, что такую грубиянку следует выгнать!..

– Вы, тетушка, пока уведите дочку, – посоветовала Шэюэ, – а потом будете разбираться! Здесь не место для ссор! Да и вряд ли кто-нибудь рискнет нам перечить! Разве что жены господ Лай Да и Линь Чжисяо. И то вряд ли. Да, Цинвэнь назвала второго господина по имени, но ведь это приказ старой госпожи. Все мы с самого детства так зовем господина. Когда он родился, старая госпожа велела расклеить по всему дому листочки

с его именем, чтобы отвести от него несчастья. Даже водоносы и золотари называют господина по имени! А мы чем хуже?! Вчера жена господина Линь Чжисяо назвала Баоюя господином – так старая госпожа сделала ей выговор!.. К тому же не станем мы всякий раз называть Баоюя господином, пока докладываем о нем его бабушке или матери. Мы произносим «Баоюй» не менее чем двести раз в день. А вы, тетушка, вздумали нас пугать! Придите и послушайте, как мы зовем второго господина при бабушке да при матушке, тогда не будете удивляться. Вы просто не знаете заведенных в доме порядков, потому что все время дежурите у третьих ворот и даже не видите старую госпожу. В этих покоях вам вообще не положено находиться! Увидят – обвинят в нарушении порядка. Так что забирайте свою дочь и уходите поскорее. А после можете попросить жену Линь Чжисяо уговорить второго господина Баоюя взять Чжуйэр обратно. Людей у нас в доме много, и если каждый будет бегать сюда, мы даже фамилию не успеем спросить.

Шэюэ позвала девочку-служанку и велела ей мокрой тряпкой вытереть пол в том месте, где стояла мать Чжуйэр. Женщина молча проглотила обиду и, едва сдерживая гнев, поспешила увести дочь, чтобы не навлечь беды. Ее остановила мамка Сун и сказала:

– Ты и в самом деле не понимаешь приличий! Твоя дочка прислуживала в покоях господина вместе с другими служанками и на прощанье должна была им поклониться. Подносить подарки не обязательно, а долг вежливости выполнить надо! А она повернулась и ушла. Как же так?

Пришлось Чжуйэр вернуться. Она поклонилась Цинвэнь и Шэюэ, попрощалась с Цювэнь и остальными служанками. Но те даже не глянули в ее сторону. Матери было больно за дочь, но она слова не смела сказать, так и ушла.

Что до Цинвэнь, то после скандала ей стало хуже и до самого вечера она металась в жару, пока не пришло время зажигать лампы. Вернулся Баоюй, он был чем-то расстроен, то и дело вздыхал и охал.

Шэюэ стала спрашивать, что случилось.

– Утром бабушка по доброте своей подарила мне плащ, а я случайно его прожег! – признался Баоюй. – Хорошо еще, что стемнело и бабушка с матушкой ничего не заметили!

Он снял плащ и отдал Шэюэ. Девочка поглядела и нашла дырку шириной с палец.

– Это от грелки для рук! – заметила она. – Ничего, отнесем шведу, он починит.

Она завязала плащ в узел и велела мамке отнести плащ шведу.

– Пусть сделает до утра, – наказывала она, – но смотри, чтобы старая госпожа и госпожа не узнали.

Женщины долго не было, наконец она вернулась и сказала:

– Была я у ткачей и швцов, у вышивальщиц и кружевниц, – никто не знает, что за ткань на плаще, и потому не решается брать плащ в починку.

– Что же делать?! – всполошилась Шэюэ. – В таком виде его нельзя надевать!

– Скоро первый день Нового года, и по желанию бабушки с матушкой я должен быть в этом плаще! – в отчаянии проговорил Баоюй. – А я, как назло, не успел надеть – и уже дырку прожег! Как тут не расстраиваться?

Цинвэнь не вытерпела, повернулась к Баоюю и сказала:

– Дайте посмотреть! Может, я смогу что-нибудь сделать?

Баоюй передал плащ Цинвэнь. Она придвинула лампу, внимательно посмотрела и промолвила:

– Здесь нужны золотые нитки из павлиньего пуха. Найдем точно такие и заштопаем так, что никто ничего не заметит.

– Нитки из павлиньего пуха у нас есть, – с улыбкой произнесла Шэюэ, – но кроме тебя никто не сможет заштопать!

– Что тут рассуждать? Как-нибудь соберусь с силами!

– Да как можно! – запротестовал Баоюй. – Едва стало легче, и уже за дела?

– Хватит болтать, я знаю, что делаю! – ответила Цинвэнь.

Она села на постели, поправила волосы, накинула одежду, но тут же почувствовала в голове свинцовую тяжесть, а во всем теле необычайную слабость, перед глазами поплыли круги, и она едва не упала на подушку. Но, чтобы не огорчить Баоюя, стиснула зубы и приказала Шэюэ вместе с ней сучить нитки. Одну из них приложила к плащу и сказала с улыбкой:

– Чуть-чуть отличается. Но, если заштопать, будет почти незаметно.

– Вот и прекрасно! – обрадовался Баоюй. – Где здесь найдешь русского швеца?

Цинвэнь подпоролa подкладку, подставила бамбуковые пальцы величиной с чайную чашку, вдела нитку в иголку и, наметив основу, стала наносить на нее узор, такой же, как на плаще. Цинвэнь была до того слаба, что после каждых пяти-шести стежков ложилась передохнуть.

Баоюй не отходил от постели и то предлагал Цинвэнь попить воды, то отдохнуть, то заботливо укрывал ее, то взбивал подушку.

– Шли бы лучше спать, – сердито сказала Цинвэнь. – А то от бессонной ночи у вас завтра глаза ввалятся. Каково тогда будет нам?!

Чтобы не волновать Цинвэнь, Баоюй не стал возражать и улегся, хотя заснуть все равно не мог.

Вскоре часы пробили четыре раза. Цинвэнь окончила работу и маленькой щеточкой осторожно подправляла торчавший на месте штопки пушок.

– Как замечательно ты заштопала! – воскликнула Шэюэ, – Если не присматриваться, совершенно незаметно!

Баоюй не вытерпел и потребовал, чтобы ему показали плащ.

– Как будто и не было дырки! – восхищенно вскричал он.

Цинвэнь была в полном изнеможении, у нее начался приступ кашля.

– Починить-то починила, но не так, как следовало бы... Больше не могу!.. – вымолвила она через силу и упала на подушку.

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава пятьдесят третья

Во дворце Нинго перед Новым годом совершают жертвоприношение;

во дворце Жунго во время Праздника фонарей устраивают пир

Итак, Баоюй, заметив, что Цинвэнь очень устала, приказал девочкам-служанкам растереть ей спину.

Не прошло время, достаточное, чтобы пообедать, как уже рассвело. Прежде, чем выйти из дому, Баоюй велел пригласить доктора Вана и тот не замедлил явиться. Он проверил пульс у больной и сказал:

– А ведь вчера ей было лучше! Что же случилось? Может быть, она съела лишнего? Или же переволновалась? Простуда почти прошла, но теперь, после того как больная пропотела, надо особенно соблюдать осторожность, а то дело может кончиться плохо.

Вскоре после ухода доктора принесли выписанный им рецепт, и Баоюй увидал, что там нет уже снадобий от простуды, а вместо них появились укрепляющие средства: гриб фулин, ретания, зоря и прочие.

Баоюй велел приготовить новое лекарство и со вздохом сказал:

– Что же это получается? Если произойдет несчастье, виноват буду я?

– Дорогой мой господин! – отвечала Цинвэнь, бессильно опустив голову на подушку. – Не чахотка же у меня!

На некоторое время Баоюю пришлось отлучиться, но уже в полдень, сославшись на нездоровье, он вернулся к себе. Надобно сказать, что Цинвэнь никогда не занималась умственным трудом, только физическим, ела и пила в меру, голодать ей тоже не приходилось, поэтому она отличалась крепким здоровьем.

Во дворце Жунго и слуги, и господа обычно лечили простуду голодом, лекарства были на втором плане. Их начинали принимать после двух-трех дней голодания. Так же лечилась и Цинвэнь, но она потеряла много сил, и необходимо было их восстанавливать. На пользу ей пошло то, что в последние дни девушки, жившие в саду Роскошных зрелищ, ели отдельно от взрослых, и Баоюй мог без труда заказывать для Цинвэнь то отвары, то соусы. Но об этом мы рассказывать не будем.

Тем временем после похорон матери вернулась Сижэнь и Шэюэ ей рассказала о том, что Чжуйэр за воровство выгнали.

Сижэнь ничего не могла возразить, лишь заметила:

– Уж очень поторопились...

Погода стояла холодная, и Ли Вань тоже схватила простуду; у госпожи Син началось воспаление глаз, поэтому Инчунь и Син Сюянь неотлучно находились возле нее, ухаживали, подавали лекарства; старший брат Ли Вань на несколько дней забрал к себе погостить тетюшку Ли, Ли Вэнь и Ли Ци; Баоюй был расстроен из-за. Сижэнь – в своем горе она была безутешна и без конца вспоминала мать, Цинвэнь еще не оправилась от болезни. В общем, неприятностей и забот хватало у всех и поэтическим обществом никто не интересовался.

Шел двенадцатый месяц, близились проводы старого года. Госпожа Ван и Фэнцзе готовилась к встрече Нового года.

Ван Цзытэн, получивший должность инспектора девяти провинций, отлучился по служебным делам. Цзя Юйцунь получил повышение в звании и был назначен начальником военного ведомства и членом государственного совета.

Но рассказывать об этом подробно мы здесь не будем.

А теперь вернемся во дворец Нинго и посмотрим, чем был занят все это время Цзя Чжэнь.

Незадолго до Нового года Цзя Чжэнь приказал открыть родовой храм предков, хорошенько прибрать там и расставить необходимую утварь. Он также велел убрать одну из верхних комнат и развесить в ней портреты предков.

Перед Новым годом было столько дел, что во дворцах Нинго и Жунго все, начиная с хозяев и кончая слугами, буквально с ног сбились.

Как раз когда во дворце Нинго госпожа Ю вместе с женой Цзя Жуна готовила вышивки, собираясь поднести их матушке Цзя к Новому году, неожиданно появилась служанка, неся на чайном подносе несколько слитков серебра, и доложила:

– Это Ван Син принес долг! Здесь сто пятьдесят три лян, шесть цянэй и семь долей серебра, серебро разной пробы – всего двести двадцать слитков.

Служанка протянула поднос госпоже Ю, и та увидела грудку серебряных слитков самой различной формы: цветка сливы, бегонии, писчей кисти, жезла жуи.

– Унеси их и передай Ван Сину, – приказала госпожа Ю, – пусть

немедленно принесет обычные слитки.

Служанка ушла. Вскоре явился обедать Цзя Чжэнь, и жена Цзя Жуна поспешила удалиться.

– Получены ли деньги, милостиво отпущенные нам государем на весенние жертвоприношения? – спросил Цзя Чжэнь у госпожи Ю.

– Нынче отправили за ними Цзя Жуна, – ответила та.

– Мы и сами могли без труда израсходовать несколько лишних лянов, но должны быть признательны государю за его небесную милость, – сказал Цзя Чжэнь. – Как только получим деньги, надо сразу же их отослать во дворец Жунго старой госпоже, чтобы устроила на них жертвоприношение предкам. Прежде всего надо пользоваться милостями государя, а уж потом уповать на счастье предков! Даже девять тысяч лянов серебра могли бы истратить на жертвоприношения предкам, но это не сделало бы нам чести; весьма лестно для нас, что сам государь осыпает нас милостями и дарит нам счастье! Но много ли семей богатых, как наша? Две-три – не больше. А на какие деньги совершать жертвоприношения обедневшим чиновникам, как не на жалуемые государем? Поистине государь печется о своих подданных, безгранична милость его.

– Что верно, то верно, – поддакнула госпожа Ю.

В это время появилась служанка и доложила:

– Господин, ваш сын возвратился.

Цзя Чжэнь велел привести Цзя Жуна. И тот вскоре вошел с желтым мешочком в руке.

– Где тебя носит весь день? – строго спросил отец.

– За деньгами ездил. Сегодня их выдавали не в ведомстве церемоний, как обычно, а в кладовых застольного приказа^[116], – ответил Цзя Жун. – Вот я и задержался немного. Ведающие кладовыми велели передать вам поклон. Сказали, что давно не виделись с вами, но то и дело о вас вспоминают.

– Так уж и вспоминают, – усмехнулся Цзя Чжэнь. – Просто ждут от меня подарков и угощения. Ведь близится конец года!

Он взял у сына мешочек, перевязанный ленточкой, с надписью «милости высочайшего непреходящи» и несколькими печатями приказа жертвоприношений при ведомстве церемоний. Затем шли иероглифы помельче: «Такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года серебро в количестве стольких-то лянов, жалуемое государем на жертвоприношения Нинго-гуну Цзя Яню и Жунго-гуну Цзя Фа, получил сполна офицер императорской гвардии Цзя Жун». И наконец, красной тушью была сделана надпись: «Ведающий кладовыми такой-то».

Пробежав глазами написанное, Цзя Чжэнь быстро пообедал, переоделся, приказал Цзя Жуну взять серебро и вместе с ним отправился во дворец Жунго. Вначале они засвидетельствовали свое почтение матушке Цзя и госпоже Ван, затем навестили Цзя Шэ и госпожу Син, после чего возвратились домой.

Мешочек из-под серебра Цзя Чжэнь велел сжечь в жертвеннике храма предков, а потом приказал Цзя Жуну:

– Пойди ко второй тете во дворец Жунго и спроси, наметила ли она день для новогоднего угощения. Пусть составит список приглашенных, чтобы мы не пригласили их на тот же самый день. В прошлом году из-за нашей небрежности несколько семей получили по два приглашения на один и тот же день и, возможно, подумали, что мы нарочно решили устроить общее угощение, чтобы избавиться от лишних хлопот.

Цзя Жун ушел и вскоре принес список приглашенных на новогоднее празднество.

Цзя Чжэнь просмотрел список, велел передать его Лай Шэну и предупредить, чтобы он по ошибке не послал приглашения тем, кто уже приглашен во дворец Жунго.

После этого Цзя Чжэнь решил посмотреть, как расставляют в залах ширмы, развешивают украшения, протирают столы, а также золотую и серебряную утварь.

К нему подошел мальчик-слуга с письмом и счетом в руках.

– Приехал староста У из деревни Хэйшаньцунь, – доложил он Цзя Чжэню.

– Старый болван! – вскричал Цзя Чжэнь. – Не мог раньше приехать!

Цзя Жун взял у слуги письмо и счет и протянул Цзя Чжэню. Но Цзя Чжэнь, заложив руки за спину, принялся читать бумаги, не беря их у сына:

«Покорный слуга, староста У Цзиньсяо, – значилось в письме, – почтительно кланяется господину и госпоже, желает им всяческого счастья и благополучия, а также справляется о здоровье молодых господ и барышень. Он искренне желает господам в новом году великого благоденствия, славы и уважения, повышения в чинах, прибавки жалованья и осуществления всех желаний».

– Забавно пишут деревенские люди! – заметил Цзя Чжэнь.

– Это неважно, отец, – улыбаясь, промолвил Цзя Жун. – Главное, что он желает вам счастья!

Он развернул счет и показал отцу. Тот прочел:

«Крупных оленей – тридцать штук.

Сайгаков – пятьдесят штук.

Косуль – пятьдесят штук.
Сиамских свиней – двадцать штук.
Свиней танчжу – двадцать штук.
Свиней лунчжу – двадцать штук.
Диких кабанов – двадцать штук.
Соленой свинины – двадцать туш.
Диких баранов – двадцать штук.
Молодых барашков – двадцать штук.
Вареной домашней баранины – двадцать туш.
Вяленой баранины – двадцать туш.
Осетров – двести штук.
Рыбы разных сортов – двести цзиней.
Трепангов – пятьдесят цзиней.
Вяленых кур, уток и гусей – по двести штук.
Живых кур, уток и гусей – по двести штук.
Фазанов и диких кошек – по двести штук.
Медвежьих лап – двадцать пар.
Оленьих языков – пятьдесят штук.
Говяжьих языков – пятьдесят штук.
Сушеных моллюсков – двадцать цзиней.
Орехов, персиков и абрикосов – по два мешка.
Креветок крупных – пятьдесят пар.
Сушеных мелких креветок – двести цзиней.
Отборного древесного угля – тысяча цзиней.
Угля второго сорта – две тысячи цзиней.
Шлифованного индийского риса – два даня^[117].
Хворосту и дров – тридцать тысяч цзиней.
Голубого клейкого риса – пятьдесят ху^[118].
Белого клейкого риса – пятьдесят ху.
Суходольного риса – пятьдесят ху.
Зерна других сортов – по пятьдесят ху.
Риса низшего сорта – тысяча даней.
Сушеных овощей – одна повозка.
За проданный скот и зерно наличными – две тысячи пятисот лянов
серебра.
Помимо этого ваш слуга в знак уважения дарит вам:
Оленей живых – две пары.
Зайцев белых – четыре пары.

Зайцев серых – четыре пары.

Фазанов пестрых – две пары.

Уток заморских, привезенных с запада, – две пары».

– Приведите старосту! – распорядился Цзя Чжэнь, просмотрев счет.

Появился У Цзиньсяо. Еще издали он опустился на колени, низко поклонился и справился о здоровье Цзя Чжэня.

Цзя Чжэнь приказал слугам его поднять и подвести поближе:

– А ты еще крепкий! Сам приехал...

– Уважаемый господин, не стану вас обманывать, – произнес У Цзиньсяо. – Мои дети привыкли ходить пешком, к тому же им хочется поглядеть столицу, где живет Сын Неба! Но пока я боюсь их отпускать, мало ли что может случиться в пути. Вот пройдет несколько лет, тогда дело другое.

– Сколько же дней ты сюда добирался? – осведомился Цзя Чжэнь.

– Скажу вам откровенно, почтенный господин, – ответил У Цзиньсяо. – Ехали мы месяц и два дня. Я все боялся, если не успею к сроку, вы рассердитесь. Снега нынче было много, сугробы в четыре-пять чи, а потом вдруг потеплело и дороги развезло, вот и пришлось немного задержаться!

– А я-то думаю, куда же ты запропастился? – съехидничал Цзя Чжэнь. – Твой счет я прочитал, ну а теперь признайся, старый мошенник, сколько денег положил в кубышку?

У Цзиньсяо приблизился и доложил:

– Господин, урожай в нынешнем году плохой. С третьего до восьмого месяца лили дожди; ясные дни наперечет были. А в девятом месяце град побил посевы, и не только посевы, скотину и людей на двести – триста ли в округе. Каждая градина – величиной с чайную чашку. Вот такие дела! Я не посмел бы соврать, поверьте!

– По моим подсчетам, ты должен был в нынешнем году привезти самое меньшее пять тысяч лянов серебра! – нахмурившись, произнес Цзя Чжэнь. – А это разве деньги? У меня всего не то восемь, не то девять имений и два из них страдают от наводнений и засухи! К тому же старосты все мошенники. Хотите оставить меня на Новый год без денег?

– Вам, господин, грех жаловаться, – возразил У Цзиньсяо. – Дела у вас обстоят прекрасно! Посмотрели бы, в каком положении мой младший брат! А ведь он живет всего в ста ли от меня! Он управляет восемью имениями дворца Жунго, они в несколько раз больше ваших владений, а доход от них в нынешнем году составляет всего две-три тысячи лянов серебра. Там ничего не уродилось и все голодают.

– Допустим, – согласился Цзя Чжэнь. – Но меня с ними сравнивать нечего. В нашем доме не отмечали никаких знаменательных событий и лишних расходов не было. Я сколько получаю, столько и расходую, если же расходы превышают доходы – экономлю. Когда же речь идет о жалованье, подарках и угощениях, особой щедрости не проявляю, как они, чтобы соблюсти свое достоинство. Расходы во дворце Жунго год от года растут, там попросту транжирят деньги вместо того, чтобы увеличивать доходы. Сколько они имущества промотали за последние год-два! С кого же требовать деньги, как не со старост?

– Конечно, во дворце Жунго расходов прибавилось, – согласился У Цзиньсяо. – Но разве матушка-государыня – пусть здравствует она десять тысяч лет – не помогает им?

Цзя Чжэнь, смеясь, ответил:

– Ну что за чушь ты плетешь! Слушать неохота!

– Ты приехал из деревни, – обратился Цзя Жун к У Цзиньсяо, – и наших дел тебе не понять! Ведь не может наша государыня даже при желании подарить нам императорские кладовые. Ну, пожалуй на праздник шелк и всякие там золотые безделушки. А весят эти безделушки не более ста лянов, что равно примерно тысяче лянов серебра. А что такое тысяча лянов?! Сколько денег утекло за последние два года! Во время одного только визита государыни на устройство сада ушло столько, что и поверить трудно. Стоит государыне еще один-два раза навестить родных, и мы разоримся!

– Деревенские не привыкли вникать в суть дела, – поддакнул Цзя Чжэнь. – Посмотришь на кипарис – он будто бы крепкий, а внутрь заглянешь – весь сгнил!

Цзя Жун с улыбкой промолвил:

– Дворец Жунго постепенно приходит в упадок. Недавно я слышал, как вторая тетушка Фэнцзе советовалась с Юаньян, не заложить ли им тайком вещи старой госпожи.

– Это все выдумки Фэнцзе! – ответил Цзя Чжэнь. – Не до такой же степени они обеднели! Конечно, расходы растут, тратить приходится много, на чем экономить, Фэнцзе не знает, вот и растрезвонила всем, будто они обеднели. А я подумал, прикинул и вижу, что ничего страшного пока нет!

С этими словами он приказал слугам проводить У Цзиньсяо и хорошенько его угостить.

Итак, Цзя Чжэнь распорядился приготовить все необходимое для жертвоприношений предкам, взять понемногу всего, что привез У

Цзиньсяо, и велел Цзя Жуну отвезти это во дворец Жунго; кое-что он оставил для себя и своей семьи, а остальное приказал разложить на террасе, позвать младших родственников из рода Цзя и раздать им. После этого Цзя Чжэнь принял подарки, присланные из дворца Жунго для жертвоприношений предкам и для него самого.

Когда все приготовления были окончены, Цзя Чжэнь надел туфли, облачился в накидку из меха дикой кошки, приказал слугам расстелить на террасе перед залом матрац из волчьей шкуры и расположился на нем, чтобы погреться на солнышке, а заодно понаблюдать, как младшие родственники будут получать новогодние подарки.

Вдруг он увидел Цзя Циня, который тоже пришел за подарками.

– А ты зачем здесь? – спросил Цзя Чжэнь. – Кто тебя звал?

– Узнал, что вы будете раздавать подарки, господин, вот и пришел, – ответил Цзя Цинь, почтительно вытянувшись.

– Это подарки для тех, у кого нет ни доходов, ни заработков, – строго произнес Цзя Чжэнь. – В прошлые годы ты ничего не зарабатывал, потому и получал подарки, а сейчас ведаешь делами храма во дворце Жунго, присматриваешь за даосскими и буддийскими монахинями и получаешь жалованье. К тому же жалованье монахинь проходит через твои руки! И у тебя еще хватило совести явиться за подарком! Ну и жадный же ты! Посмотришь, как ты одет, сразу скажешь, что у тебя водятся деньги!

– У нас в семье много ртов и расходы большие, – робко возразил Цзя Цинь.

– Нечего меня морочить! – с холодной усмешкой произнес Цзя Чжэнь. – Думаешь, я не знаю, что ты в храме творишь? Разумеется, там ты хозяин и никто не смеет тебе перечить. Храм далеко, деньги у тебя есть, вот ты и безобразничаешь! Всяких бродяг по ночам собираешь, играешь в азартные игры, баб водишь, с мальчишками забавляешься! И после всего еще за подарком явился! Я тебе покажу подарки! А палки не хочешь?! Вот погоди, после Нового года поговорю с твоим вторым дядей, пусть выгонит тебя вон!

Цзя Цинь стоял весь красный от стыда, не смея слово вымолвить.

В это время вошел слуга и доложил:

– Из дворца Бэйцзинского вана привезли подарки – парные надписи на шелку и кошельки.

Цзя Чжэнь велел Цзя Жуну принять подарки, прогнал Цзя Циня и, когда все подарки были розданы, возвратился в комнату, куда госпожа Ю принесла ему поесть.

За ночь не случилось ничего, о чем стоило бы рассказывать. Да и о

том, сколько хлопот было на следующий день, тоже слушать неинтересно.

Наступил наконец двадцать девятый день последнего месяца старого года. Приготовления к празднику были закончены. В обоих дворцах развесили новые изображения духов – хранителей ворот^[119] и парные надписи; свежестроенные закликательные доски из персикового дерева^[120] блестели как новые.

Все двери и ворота во дворце Нинго были распахнуты настежь. По обе стороны парадного крыльца ярко горели красные праздничные свечи, похожие на двух золотых драконов.

На следующий день матушка Цзя и остальные титулованные дамы облачились в парадную одежду, соответствующую званию и положению, сели в просторные паланкины, несомые восьмью носильщиками, и в сопровождении остальных родственников отправились в императорский дворец на церемонию поздравления государя с праздником. Возвратившись из дворца, матушка Цзя вышла из паланкина возле теплых покоев дворца Нинго, где ее ожидали младшие члены рода Цзя, и направилась в храм предков. Все последовали за нею.

Баоцинъ впервые переступала порог храма предков рода Цзя и старалась быть особенно внимательной, чтобы не нарушить заведенного порядка. Но любопытство нет-нет да и брало верх, и она с интересом рассматривала внутренние помещения храма.

Надо сказать, что храм этот располагался на отдельном дворе у западной границы дворца Нинго. Двор был обнесен высокой оградой, окрашенной черным лаком, с огромными воротами; над воротами висела доска с надписью: «Храм предков рода Цзя», а ниже было написано: «Сделана собственной рукой Ван Сисяня, императорского наставника и распорядителя академии Ханьлинь». По обе стороны от входа – вертикальные парные надписи, гласившие:

Мы чувствуем сердцем, что так беспредельна
Для нас Государя великая сила добра!
Нас тысячи тысяч – и все мы готовы
Пожертвовать жизнью во благо Его и Двора.
Заслуги Его и безмерная слава
Возносятся к небу. Он все над землею объял.
Пусть сто поколений от чистого сердца
Его почитают, верша ритуал.

Эти надписи тоже принадлежали кисти Ван Сисяня.

Прямо от ворот внутрь двора вела мощенная камнем дорожка, обсаженная голубыми соснами и бирюзовыми кипарисами, а в конце ее на возвышении были расставлены древние бронзовые треножники, чаши и другая ритуальная утварь.

Над входом в храм висела доска с собственноручной надписью покойного государя: «Блещут, как звезды, помощники трона», а по обе стороны от входа – вертикальные парные надписи, тоже принадлежавшие кисти государя:

Заслуги излучают яркий свет —
Они подобны солнцу и луне.
Почета, славы неразрывна нить, —
Она дойдет до внуков, до сынов.

Над входом в главный зал, где совершались жертвоприношения, была прибита черная доска с изображением девяти сражающихся драконов и надписью: «Выполняй последний долг перед умершими родителями и не пренебрегай жертвоприношениями», а по обе стороны парные надписи, тоже сделанные рукой государя:

Приходит время для сынов и внуков
Наследовать их предков добродетель.
Поныне дорожат простые люди
Вельможными родами – Нин и Жун.

В храме ярко сияли свечи, всеми цветами радуги переливались парчовые пологи и узорчатые занавесы, и рассмотреть стоявшие в глубине статуи духов было невозможно. Члены рода Цзя стояли ряд за рядом в порядке старшинства.

Церемонией жертвоприношения распоряжался Цзя Цзин, старший в роде, ему помогал Цзя Шэ; Цзя Чжэнь подавал жертвенные кубки, Цзя Лянь и Цзя Цун – жертвенные деньги, Баоюй держал курительные свечи, Цзя Чан и Цзя Лин – коврик, который должны были постелить перед Цзя Цзином, когда тот опустится на колени и будет кланяться предкам. Они же следили за воскуриванием благовоний. Служанки в черных одеяниях играли на музыкальных инструментах. После третьего возлияния

жертвенного вина были совершены необходимые поклоны, сожжены бумажные деньги, музыка прекратилась – и все наконец вышли из храма.

Родные окружили матушку Цзя и проводили в главный парадный зал с парчовыми пологам, пестрыми ширмами и ароматными свечами.

В центре висели на стене портреты основателей рода – Нинго-гуна и Жунго-гуна, облаченных в шелковые одеяния с узорами из драконов, перехваченные яшмовыми поясами. Рядом с ними висели портреты других членов рода.

Цзя Син, Цзя Чжи и другие младшие родственники выстроились рядами, от внутренних ритуальных ворот до террасы перед главным парадным залом, окруженной балюстрадой. У балюстрады стояли Цзя Цзин и Цзя Шэ. За балюстрадой расположились женщины. Остальные члены семьи, а также слуги остались за ритуальными воротами.

У ритуальных ворот приношения духам принимали Цзя Син и Цзя Чжи и по старшинству передавали их дальше, к балюстраде. Здесь каждое блюдо принимал Цзя Цзин и передавал его Цзя Жуну, который как старший внук старшей ветви рода находился с женщинами за балюстрадой. Цзя Жун отдавал блюдо жене, а та в свою очередь передавала его Фэнцзе и госпоже Ю. У жертвенного стола блюдо наконец попадало в руки госпоже Ван, которая подносила его матушке Цзя и помогала установить на столе.

Когда приношения были расставлены, Цзя Жун покинул женщин и занял место позади Цзя Цзина и перед Цзя Цинем.

Члены рода, в чьи фамильные иероглифы входил знак «вэнь» – «письмена», стояли впереди во главе с Цзя Цзином, за ними члены рода, в чьи имена входил знак «юй» – «яшма», – возглавляемые Цзя Чжэнем, и, наконец, остальных родственников, в чьих именах ключевым знаком был иероглиф «цао» – «травы», – возглавил Цзя Жун.

Все стояли строго по старшинству, мужчины – на восточной стороне, обратившись лицом к западу, женщины – на западной, лицом к востоку.

Как только матушка Цзя бросила в курительницу щепотку благовоний и стала кланяться, все опустились на колени. Все замерло – огромный зал, приделы храма, внутренние и внешние террасы и галереи, просторный двор. Сверкали лишь узорною парчою спины опускавшихся в поклоне и поднимавшихся с колен людей, слышался звон колокольчиков и яшмовых подвесок на поясах да шорох туфель и сапог.

Вскоре церемония окончилась. Цзя Цзин и Цзя Шэ отправились во дворец Жунго лично поздравить матушку Цзя с праздником.

В комнате госпожи Ю, на красном ковре, стояла большая эмалированная жаровня с тремя ножками из слоновой кости, украшенная

золотыми углями из литого золота. Напротив, на кане, лежала красная кошма, на кошме подушка под спину с узором, изображающим дракона, рядом – высокая подушка для сидения, возле нее – шкурка черно-бурой лисицы и еще несколько подушек для сидения, покрытых мехом обыкновенной лисицы.

Матушку усадили на подушку, а по обе стороны от нее – старших жен братьев ее мужа. Госпожа Син устроилась на матраце на краю кана.

Сестры расселись на стульях, которые поставили на полу двумя рядами, один против другого. На каждом стуле лежала беличья подушечка, а внизу, у ног, стояла жаровня.

Госпожа Ю подала матушке Цзя чай на подносе, жена Цзя Жуна – женщинам, сидевшим рядом с матушкой Цзя. Затем госпожа Ю поднесла чай госпоже Син, а жена Цзя Жуна – остальным сестрам, Фэнцзе и Ли Вань стояли в ожидании приказаний.

После чаепития госпожа Син встала, чтобы прислуживать матушке Цзя. Матушка Цзя немного поболтала со своими невестками, а затем приказала подать паланкин. К ней подбежала Фэнцзе, помогла встать.

– Почтенная госпожа, ужин для вас готов! – обратилась госпожа Ю к матушке Цзя. – Каждый год вы обещаете нам оказать милость и отужинать с нами, но обещания своего ни разу не выполнили. Неужели мы для вас хуже этой девчонки Фэнцзе?

Фэнцзе лишь засмеялась в ответ и сказала:

– Не слушайте ее, бабушка, есть будем дома! Пойдемте!

– Вы и так утомились на церемонии, – подхватила матушка Цзя. – Зачем вас еще утруждать? Тем более что в этот день я никогда здесь не ела, вы присылали мне угощение на дом. Вот и сейчас сделайте так же! Не съем сегодня – съем завтра, а еще лучше – послезавтра. По крайней мере наемся в свое удовольствие! Верно я говорю?

Все рассмеялись в ответ.

Тут матушка Цзя распорядилась:

– Ночью пошлите людей присматривать за курильницами, да предупредите, чтобы были повнимательнее.

Госпожа Ю обещала в точности исполнить ее приказание, после чего матушка Цзя встала и направилась к выходу. Госпожа Ю забежала вперед и отодвинула занавеску на двери. Вскоре был подан паланкин, и матушка Цзя отправилась во дворец Жунго.

Паланкин вынесли через главные ворота дворца Нинго по улице, где на восточной стороне, закрытой в этот день для прохожих, стояли музыканты и были выставлены регалии дома Нинго, на западной стороне

тоже стояли музыканты и красовались регалии дворца Жунго.

Вскоре паланкин пронесли через распахнутые настежь ворота дворца Жунго и проследовали дальше. Миновали большую гостиную и повернули на запад, к парадному залу. Здесь матушка Цзя вышла из паланкина и в сопровождении целой свиты родственников направилась в зал. Парчовые коврики и узорчатые ширмы сверкали как новые. Из курильниц волнами поднимался дым благовоний, приготовленных из сосен, кипарисов и душистых трав.

Как только матушка Цзя заняла место соответственно своему положению, старая мамка из дворца Жунго ей доложила:

– Почтенные госпожи пожаловали приветствовать вас!

Матушка Цзя поднялась навстречу входившим в зал невесткам, но они подхватили ее под руки и снова усадили.

После чаепития матушка Цзя проводила женщин до ритуальных ворот, а сама возвратилась в зал. И к ней тут же вошли Цзя Цзин и Цзя Шэ с чадами и домочадцами.

– Только прошу вас, без церемоний, – предупредила их матушка Цзя, – достаточно и того, что весь год вы усердно выполняли свой долг.

Справа мужчины, слева женщины по очереди подходили к старой госпоже и кланялись, после чего все родственники в порядке старшинства заняли места в креслах, стоявших двумя рядами, и им были вручены новогодние подарки.

Мужчины и мальчики-слуги, женщины и девочки-служанки из обоих дворцов, в соответствии с возрастом и званием, подходили поздравлять матушку Цзя и получали подарки: кто – деньги, кто – вышитые кошельки, кто – золотые или серебряные слитки и еще много других вещей.

По окончании торжественной церемонии были накрыты праздничные столы, с восточной стороны сели мужчины, с западной – женщины. Чего только не было на столе! Мясные блюда, отвары, фрукты, вино, всевозможные печения.

Сразу после угощения матушка Цзя встала из-за стола и удалилась во внутренние покои, следом за ней разошлись и остальные.

В этот вечер во всех домашних молельнях совершались жертвоприношения богу домашнего очага^[121] и воскуривались благовония.

Во дворе госпожи Ван была расставлена утварь, необходимая для совершения жертвоприношений, разложены бумажные фигурки лошадей и других животных, сжигавшиеся во время обряда, а также курения для совершения жертвоприношений Небу и Земле.

По обе стороны главных ворот сада Роскошных зрелищ сияли

огромные фонари, аллеи и дорожки были увешаны маленькими фонариками. Хозяева и слуги в роскошных шелковых и парчовых одеждах веселились вовсю, гуляли, шутили, смеялись. Всю ночь не смолкал треск ракет и хлопушек.

Утром, еще во время пятой стражи, старая госпожа и другие старшие члены рода Цзя облачились в парадные одеяния, согласно титулам и званиям, и отправились во дворец принести новогодние поздравления государю и пожелать счастья и долголетия государыне Юаньчунь. Возвратившись с придворного пира, матушка Цзя снова принесла жертвы предкам в храме дворца Нинго и лишь после этого вернулась к себе. Дома ей опять пришлось принимать новогодние поздравления, после чего она переоделась и прилегла отдохнуть. В этот день она больше не принимала ни поздравлений, ни подарков, поручив это другим, а сама во внутренних покоях беседовала с тетушками Ли и Сюэ, играла в домино и в облавные шашки с Баоюем, развлекалась с Баочай и ее сестрами.

Госпожа Ван и Фэнцзе целыми днями были заняты приемом гостей. Они шли непрерывным потоком, пили, ели, поздравляли с праздником. Их надо было не только угощать, но и развлекать. Так продолжалось неделю, а то и больше.

Близился Праздник фонарей. Во дворцах Нинго и Жунго зажглись разноцветные фонарики.

В одиннадцатый день первого месяца Цзя Шэ пригласил матушку Цзя на угощение, на следующий день ее пригласил Цзя Чжэнь во дворец Нинго. А сколько приглашений получили госпожа Ван и Фэнцзе!

Но вот наконец наступило пятнадцатое число. Матушка Цзя распорядилась к вечеру накрыть в главном зале столы и устроить там представление. Она велела развесить как можно больше фонариков и пригласить на пир из обоих дворцов всех своих сыновей и племянников, а также внуков с женами.

Цзя Цзин на пир не был зван, поскольку воздерживался от вина и мяса. В семнадцатый день первого месяца, как только завершилось последнее жертвоприношение предкам, Цзя Цзин уехал в пригородный монастырь, где с давних пор занимался самоусовершенствованием. А пока находился дома, старался держаться подальше от праздничной суеты. Однако оставим его на время и расскажем о другом.

Вечером Цзя Шэ явился к матушке Цзя и, получив подарок, поспешил откланяться. Матушка Цзя не стала его удерживать, ибо считала, что он чувствует себя неловко в кругу молодежи. Возвратившись домой, Цзя Шэ веселился со своими гостями. Они любовались фонариками, слушали

музыку, пение. Никто их здесь не стеснял, не то что у матушки Цзя. Пир удался на славу! От украшений, сверкавших золотом и драгоценными камнями, больно было глазам.

Тем временем в расписном зале, где праздновала Новый год матушка Цзя, служанки разостлали с десяток циновок и перед каждой поставили низенький столик. На столиках стояли курильницы с тончайшими благовониями, какие можно было обонять лишь при дворе императора; а в расписных вазах длиною в восемь, шириною в четыре и высотой в два-три цуня благоухали свежие цветы.

На чайном подносе, покрытом заморским лаком, сверкали золотом десять чашечек из старинного фарфора, возле которых лежали полоски шелка с причудливыми узорами и стихами. В небольших вазочках, тоже из старинного фарфора, стояли цветы и «трое друзей студеного времени года» – ветки сливы, сосны и бамбука. На возвышении расстелили циновки для тетушек Ли и Сюэ, справа стояла тахта, а за ней – ширма с вырезанными на ней драконами устрашающего вида. На тахте – меховой матрац, подушка под спину и прочие необходимые принадлежности. Возле стоял лакированный столик искусной работы, инкрустированный золотом, на столике – чайные чашки, полоскательница, полотенце и очки в футляре.

Матушка Цзя полулежала на тахте. Она немного поговорила с гостями, а потом надела очки и стала смотреть спектакль.

– Прошу прощения, что лежу при гостях, – сказала она. – Совсем старая стала!

Она приказала Хупо взять «кулачок красавицы»^[122] и почесать ей ноги.

Возле тахты, на которой возлежала матушка Цзя, не было циновки – стоял небольшой столик с миниатюрной ширмой, а на нем – ваза с цветами и курильница. Рядом – довольно высокий столик с расставленными на нем кубками и палочками для еды.

Неподалеку от матушки Цзя сидели на циновке Баоцинъ, Сяньюнь, Дайюй и Баоюй. Каждое блюдо служанки сначала подавали матушке Цзя. Понравится ей оно с виду, она тотчас велит поставить его на столик, отведает, а уж потом его несут молодым. При этом считалось, что молодые едят вместе с матушкой Цзя.

Чуть поодаль от матушки Цзя разместились госпожи Син и Ван, за ними – госпожа Ю, Ли Ванъ, жена Цзя Жуна и Фэнцзе. По западную сторону – Баочай, Ли Вэнь, Ли Ци, Син Сюянь, Инчунь и остальные сестры.

По обе стороны зала на потолочных балках висели фонари самой причудливой формы, перед каждым фонарем – раскрашенная свеча в подсвечнике, формой напоминавшем цветок лотоса. Подсвечники можно было вертеть во все стороны, чтобы освещать сцену там, где это необходимо. На окнах вместо занавесок висели разноцветная бахрома и новогодние фонарики. На террасах, во дворах, в галереях по обе стороны зала, на барьерах и решетках – везде сияли фонарики: стеклянные, обтянутые шелком, атласом и бумагой, узорчатые.

На галерее тоже постелили циновки, там веселились молодые люди, друзья и родственники.

Надобно вам сказать, что матушка Цзя велела звать на праздник всех членов рода. Но пришли не все: одни не явились из-за преклонного возраста, другим не на кого было оставить дом, третьи еще по каким-то причинам, стыдясь, например, своей бедности, ненавидя Фэнцзе, робея на людях. Таким образом, у Цзя хоть и было много родни по женской линии, на новогоднем пиру оказалась лишь мать Цзя Ланя, урожденная Лоу, которая привела с собой Цзя Ланя. Из мужчин пришли Цзя Цинь, Цзя Юнь, Цзя Чан и Цзя Лин. Несмотря на то что народу собралось не очень много, семейный пир проходил шумно и оживленно.

Спустя немного жена Линь Чжисяо привела шестерых женщин. Они принесли три столика, покрытых красными ковриками, – на ковриках лежали связанные красным шнурком медные монеты. Один столик жена Линь Чжисяо приказала поставить перед матушкой Цзя, а два других – перед тетушками Сюэ и Ли.

– Где стоите, там и ставьте, – распорядилась матушка Цзя.

Женщины-служанки, хорошо знавшие порядок в доме, поставили столик там, где было приказано, и высыпали на него деньги, предварительно разрезав на связках шнурки, на которые были нанизаны монеты.

Как раз в это время закончилось исполнение сцены «Встреча на западной башне», когда разгневанный Юй Шуе собирается уходить. И тут все услышали шутку, удачно вставленную Вэньбао:

– Ты, гневный, ушел в тот момент, когда в пятнадцатый день первого месяца бабушка созвала пир во дворце Жунго. Дай мне коня, я помчусь туда и попрошу, чтобы она угостила меня фруктами!

Все так и покатались со смеху, таким тоном произнесла это актриса.

– Вот чертовка! – вскричала тетушка Сюэ. – Она заслуживает награды!

– Да этой девчонке всего девять лет! – воскликнула Фэнцзе.

– Но как удачно у нее получилось! – сказала матушка Цзя. – За такую

находчивость ее непременно нужно наградить!

Женщины взяли со столов монеты, наполнили ими корзиночки и бросились на сцену.

– Это наши госпожи жалуют Вэньбао на фрукты! – кричали они и сыпали монеты прямо на сцену. Монеты катились со звоном, и вся сцена оказалась усыпанной деньгами!

Цзя Чжэнь и Цзя Лянь в свою очередь приказали мальчикам-слугам тайком от матушки Цзя наполнить корзину медными монетами.

Если хотите узнать, как награждали девочку-актрису, прочтите следующую главу.

Глава пятьдесят четвертая

Матушка Цзя высмеивает старые, наскучившие сюжеты;

Ван Сифэн старается развлечь бабушку

Итак, Цзя Чжэнь с Цзя Лянем тайно приготовили полную корзину медных денег и приказали мальчику-слуге высыпать их на сцену.

Послышался звон, и на сцене, и без того усыпанной деньгами, прибавилось монет.

Матушка Цзя похвалила Цзя Чжэня и Цзя Ляня за щедрость, и оба направились к ней.

Мальчик-слуга подал Цзя Ляню серебряный кубок с подогретым вином, и Цзя Лянь следом за Цзя Чжэнем вошел в зал.

Первым долгом Цзя Чжэнь приблизился к тетушке Ли, поклонился, взял ее кубок и велел Цзя Ляню наполнить его вином. Затем подошел к тетушке Сюэ, и церемония повторилась.

– Садитесь, пожалуйста, уважаемые господа, – сказали тетушки, вставая с мест, – к чему такие церемонии?

В это время все, кроме госпожи Син и госпожи Ван, подошли к тетушкам и почтительно стали в сторонке.

Затем Цзя Чжэнь с кубком в руке, а Цзя Лянь с чайником, полным вина, приблизились к матушке Цзя, возлежавшей на тахте, и, поскольку тахта была низкая, опустили на колени.

После этого в зал вошли остальные мужчины во главе с Цзя Цуном и, следуя примеру Цзя Чжэня и Цзя Ляня, тоже опустили на колени. Глядя на них, преклонил колена и Баоюй.

– А ты зачем? – тихонько спросила Сяньюнь, толкнув его в бок. – Неужели собираешься поднести бабушке вина?

– Немного погода поднесу, – с улыбкой шепнул ей в ответ Баоюй.

Цзя Чжэнь и Цзя Лянь между тем налили вина господам Син и Ван и спросили у матушки Цзя:

– Как быть с сестрицами?

– Вы лучше идите к себе, – ответила матушка Цзя, – чтобы не стеснять девочек.

Цзя Чжэнь, а вслед за ним и остальные мужчины вышли.

Уже давно наступила вторая стража. На сцене исполнялся акт «Восемь справедливейших любят фонари». И вдруг, в самый интересный момент, Баоюй встал и направился к выходу.

– Ты куда? – окликнула его матушка Цзя. – Во дворе пускают большие ракеты. Смотри, как бы тебя не обожгло искрами.

– Я ненадолго, – ответил Баоюй, – скоро вернусь!

Матушка Цзя приказала служанкам его проводить. Следом за Баоюем вышли Шэюэ, Цювэнь и еще несколько служанок.

– Что это не видно Сижэнь? – осведомилась матушка Цзя. – В последнее время она возгордилась и всюду вместо себя посылает маленьких девочек.

– У Сижэнь мать умерла. Она соблюдает траур и не показывается на людях, – встав с места, поспешно ответила госпожа Ван.

– О каком трауре может идти речь, – возразила старая госпожа, – если Сижэнь прислуживает господину! Прислуживай она мне, была бы здесь непременно. Траур не траур, так уж у нас в доме заведено!

– Дело не в трауре, – сказала Фэнцзе, приблизившись к матушке Цзя. – Везде горят фонари и свечи, во дворе пускают ракеты, вот она и следит, чтобы не случилось пожара! Другие служанки всеми правдами и неправдами стараются пробраться сюда посмотреть представление. А Сижэнь не такая, из дому не бежит, обо всем печется! Вернется братец Баоюй после пира домой, а там уже все приготовлено, чтобы он сразу мог лечь. Никто ее не заменит. Приди она сюда, постель не была бы Баоюю постлана, чай не подогрет. Тогда я первая назвала бы Сижэнь никудышной служанкой! Но если вам так уж хочется, бабушка, я велю ее позвать.

– Ты как всегда права, – выслушав ее, согласилась матушка Цзя. – А почему я не знаю, что у нее умерла мать? Когда это случилось?

– И как это вы запомнили, бабушка? – удивилась Фэнцзе. – Это случилось совсем недавно, и Сижэнь вам докладывала прежде, чем уехать домой.

– Верно, припоминаю! – воскликнула матушка Цзя. – Совсем памяти у меня не стало!

– Да что вы, почтенная госпожа! – воскликнули все. – Дел столько, что их и не упомнишь!

– Совсем еще ребенком Сижэнь прислуживала мне, – вздохнула матушка Цзя, – потом присматривала за Сяньюнь. А теперь в услужении у нашего чертенка, и вот уже несколько лет он ее обижает! Ведь Сижэнь не чета рабыням, которые родились и выросли у нас в доме, а особых

милостей от нас не видит. Хотела дать несколько лянов серебра на похороны ее матери, и то забыла! Простить себе не могу!

– Не огорчайтесь, – сказала Фэнцзе, – недавно госпожа Ван подарила ей сорок лянов серебра!

– Вот и хорошо, – сказала матушка Цзя. – У Юаньян тоже умерла мать, живет она далеко на юге, и я не отпустила Юаньян на похороны и не разрешила ей соблюдать траур. Надо бы им пожить теперь вместе с Сижэнь и выполнить свой дочерний долг!

Матушка Цзя приказала служанке взять со стола немного фруктов и других лакомств и отнести Юаньян и Сижэнь.

– Не надо, – промолвила с улыбкой Хупо. – Им уже отнесли.

На этом разговор окончился, и все снова стали пить вино и смотреть пьесу.

А теперь расскажем о Баоюе. Уйдя с пира, он вернулся в сад, но служанки не посмели сопровождать его до самого дома, только до ворот. Здесь они остановились, а потом зашли в домик, где готовили чай, погрелись у огня, выпили вина и принялись играть в кости с женщинами, ведавшими приготовлением чая. С Баоюем остались Шэюэ и Цювэнь.

Втроем они вошли во двор, ярко освещенный фонарями, но совершенно пустынный.

– Неужели все спят? – изумилась Шэюэ. – Давайте войдем и напугаем их.

Они осторожно пробрались в дом и прошли в комнату, где было зеркало. Сижэнь лежала на постели, напротив кто-то полулежал на кане, а у стены на скамье дремали две старые мамки.

Баоюй решил было, что все спят, как вдруг до него донесся голос Юаньян:

– Трудно предугадать судьбу! Говоря по правде, ты все время жила здесь одна. Родители переезжали с места на место и, казалось, так и умрут вдали от тебя. А ведь умерла твоя мать здесь, и ты смогла ее похоронить!

– Признаться, я не надеялась на это! – промолвила Сижэнь. – Мало того. Госпожа мне подарила сорок лянов серебра на похороны. О такой милости я и мечтать не могла!

– Подумать только, – шепнул Баоюй, повернувшись к Шэюэ, – и Юаньян здесь! Лучше я уйду, а то она рассердится, если увидит меня. Пусть наговорятся вволю. Сижэнь так тоскует, я очень рад, что Юаньян ее навестила.

Баоюй тихонько вышел, свернул за каменную горку, отвернул полы

халата.

– Сначала присядьте, а потом снимайте штаны, а то продует! – прыснув со смеху, проговорили Цювэнь и Шэюэ и отвернулись. А подоспевшие в это время девочки-служанки поспешили в чайную согреть воды.

Только Баоюй отошел, как появились две служанки.

– Кто это? – спросили они.

– Господин Баоюй, – ответила Цювэнь. – Не кричите, а то напугаете его!

– А мы и не знали! – воскликнули женщины. – Вот бы в конце праздника навлекли на себя беду! Вам, барышни, наверное, нелегко приходится?

Женщины подошли ближе.

– Что это вы несете? – поинтересовалась Шэюэ.

– Подарки для барышень Цзинь и Хуа, – ответили женщины.

– Ведь там сейчас исполняется сцена «Восемь справедливейших...», а впереди еще сцена «Шкатулка», – улыбнулась Шэюэ. – Откуда же появилась Цзиньхуа^[123]?

– Покажите-ка, что вы несете! – попросил, подходя, Баоюй.

Цювэнь и Шэюэ быстро открыли короба, а женщины присели на корточки, чтобы Баоюю было лучше видно.

В коробах оказались фрукты, печенье и другие яства с господского стола. Баоюй посмотрел и пошел дальше. Шэюэ захлопнула крышки коробов и побежала за ним.

– Мне кажется, эти женщины весьма скромны и обходительны, – произнес Баоюй. – Сами устали, а виду не подают, еще спрашивают, не тяжело ли вам.

– Это и в самом деле хорошие женщины, – промолвила Шэюэ, – а бывают бессовестные, ни с чем не желают считаться.

– Вот вы умные девушки, – укоризненно покачал головой Баоюй, – а относитесь к этим людям с презрением, словно к каким-то невеждам.

Он повернулся и зашагал к воротам сада.

Служанки, сопровождавшие Баоюя, выскочили из чайного домика и поспешили за юношей. Войдя в галерею у расписного зала, они увидели девочек-служанок, которые давно поджидали Баоюя; одна из них держала чайник с ароматной водой.

Цювэнь опустила в таз руки и гневно вскричала:

– Никак не поумнеете! Вода-то совсем холодная!

– А вы поглядите, барышня, на погоду! – сказала в ответ одна из

девочек-служанок. – Я ведь кипятку подливала в воду! Неужели успела остыть?

Как раз в это время появилась пожилая служанка с чайником кипятка, и девочка-служанка к ней обратилась:

– Уважаемая тетушка, плесните сюда немного водички!

– Это чай для старой госпожи, – возразила женщина. – Сама сходи принеси! Что у тебя, ноги отвалятся?!

– Ну и пусть чай! – вскричала Цювэнь. – Не дашь, силой отниму и вымою руки!

Узнав Цювэнь, женщина притихла и стала лить воду в таз.

– Достаточно! – остановила ее Цювэнь. – Жизнь прожила, а ума не нажила! Всем известно, что ты несешь старой госпоже чай. Так разве стала бы я просить, если бы не крайняя нужда?

– Вижу я плохо, – оправдывалась женщина, – и не сразу признала вас, барышня.

Баоюй прополоскал рот, девочка-служанка полила ему на руки. Цювэнь и Шэюэ тоже вымыли руки и направились в зал следом за Баоюем.

Войдя в зал, Баоюй потребовал подогретого вина и налил кубки тетушкам Ли и Сюэ. Те заулыбались и пригласили его сесть.

– В таком случае, – промолвила матушка Цзя, – все должны выпить!

С этими словами она подняла кубок и выпила. За нею осушили кубки госпожи Син и Ван. Пришлось тетушкам Сюэ и Ли последовать их примеру.

– Налей сестрам, – приказала Баоюю матушка Цзя, – пусть выпьют.

Баоюй наполнил кубки сестер. Но когда очередь дошла до Дайюй, та наотрез отказалась пить, подняла кубок и поднесла к губам Баоюя. Баоюй единым духом осушил кубок.

– Большое тебе спасибо, – сказала Дайюй.

Баоюй снова наполнил ее кубок.

– Пусть пьет только подогретое вино, – сказала тут Фэнцзе, – а то от холодного руки дрожат и братец не сможет ни писать, ни натягивать тетиву!

– Разве я пью холодное вино? – возразил Баоюй.

– Почему мне знать, – улыбнулась Фэнцзе, – какое вино ты пьешь? Мое дело – предупредить!

Баоюй налил всем сестрам и остальным женщинам, кроме жены Цзя Жуна, приказав это сделать служанке, и вышел в галерею поднести вино Цзя Чжэню и другим мужчинам. После этого он вернулся в зал и занял свое место.

Вскоре подали суп, затем новогодние лепешки и прочие праздничные

блюда.

– Прервем на время спектакль, – распорядилась матушка Цзя. – Дети устали, пусть подкрепятся, а затем продолжим.

Она велела отнести детям фрукты и различные блюда, приготовленные к Празднику фонарей.

Спектакль прервали, после чего в зал ввели двух девочек. Матушка Цзя велела их усадить и подать музыкальные инструменты.

– Что бы вам хотелось послушать? – спросила старая госпожа у тетушек Сюэ и Ли.

– Все равно, – ответили те.

– Какие книги и рассказы появились в последнее время? – поинтересовалась матушка Цзя.

– Из новых книг нам известны лишь «Гибель династии Тан» и «Повествование о Пяти династиях», – ответили девочки-рассказчицы.

Тогда матушка Цзя осведомилась, какие эпизоды из этих книг они знают.

– «Феникс стремится к луаню», – ответили девочки.

– Название красивое, – промолвила матушка Цзя, – а каково содержание? Расскажите вкратце. Если интересно, слушаем все.

– Там рассказывается о том, как в последние годы династии Тан один шэньши из Цзиньлина по имени Ван Чжун стал сановником, как служил во времена следующей династии, а под старость возвратился домой, где у него остался единственный сын Ван Сифэн.

Тут все рассмеялись.

– Надеюсь, он не имеет отношения к нашей Фэнцзе? – осведомилась матушка Цзя.

– Что ты болтаешь! – прикрикнула на рассказчицу одна из служанок. – Ведь так зовут нашу вторую госпожу!

– Пусть говорит! – приказала матушка Цзя.

– Виноваты, почтенная госпожа! – оправдывались рассказчицы. – Мы не знали, что это имя второй госпожи, иначе не произнесли бы его вслух!

– А что тут особенного? – улыбнулась Фэнцзе. – Рассказывайте! Мало ли людей с одинаковыми фамилиями и именами!

– Вернувшись домой, почтенный господин Ван отправил своего сына на экзамены в столицу, – продолжала рассказчица. – Лил сильный дождь, и молодой Ван, добравшись до какой-то деревни, решил там укрыться. А в этой деревне жил некий шэньши по фамилии Ли, старый друг отца Вана. Господин Ли приютил молодого Вана и предложил ему пожить у него несколько дней. Сыновей старый Ли не имел, только дочь Чулуань. Не

говоря о том, что девушка была необыкновенно хороша собой, она еще умела играть на цине и в шахматы, знала толк в литературе и отлично рисовала.

– Так вот почему рассказ называется «Феникс стремится к луаню»!^[124]
– воскликнула матушка Цзя, прерывая рассказчицу. – Можешь не продолжать, я уже догадалась: Ван Сифэн попросил в жены Чулуань.

– Вы уже слышали этот рассказ? – удивилась рассказчица.

– Разве есть на свете рассказы, которых не слышала бы наша почтенная госпожа? – восхищенно воскликнули все. – А если даже не слышала, все равно догадается, о чем там может быть речь!

– Все книги и рассказы об одном и том же, – продолжала матушка Цзя, – о красивых девушках и талантливых юношах, и это уже наскучило. Представят чью-нибудь дочь в самом неприглядном виде, а называют красавицей! Неинтересно! Ничего увлекательного, таинственного! Все начинается с «семьи деревенского шэньши», отец девушки непременно высший сановник либо первый министр. Барышню холят, лелеют, берегут, словно драгоценность, и барышня эта непременно знает литературу, разбирается в этикете, отличается необыкновенным умом и вдобавок невиданная красавица. И непременно влюбляется в какого-нибудь талантливого юношу, будь то родственник или друг их семьи, и мечтает выйти за него замуж. Забывает обо всем на свете – и о родителях, и о книгах, в общем, обо всем, что прежде было для нее свято! Кому же нужна такая красавица? Да будь она семи пядей во лбу и к тому же красавицей, но добродетельной ее никак не назовешь! Или же взять, к примеру, юношу. Да будь он трижды талантливым, даже гением, правосудие его не помилует, если он вдруг станет разбойником, и притянет к ответу. Нет, не знают сочинители, о чем пишут. Ведь в знатных образованных семьях все дочери грамотны, знают этикет, даже их матери умеют читать и писать, отцы, покинув на старости лет службу, живут дома, и за дочерьми, само собой, присматривают служанки. А почему-то в книгах при любых обстоятельствах о происходящем знают только барышня и доверенная служанка. А остальные куда смотрят? Ни в начале, ни в конце книги об этом не сказано!

Выслушав старую госпожу, все стали смеяться и говорить:

– Почтенная госпожа сразу отличает правду от лжи. А в подобных книгах одни выдумки.

– Вы спросите, почему такие книги выходят в свет? А вот почему, – с улыбкой продолжала матушка Цзя. – Авторы этих книг либо завистники, либо неудачники. Вот и пишут произведения, способствующие падению

нравов. Есть и другой род сочинителей. Начитавшись подобных книг, они начинают мечтать о красавице, а не найдя ее, хватаются за кисть, чтобы отвести душу. Не имея при этом ни малейшего представления о семьях истинных ученых мужей и сановников... Каждому ясно, что героев таких произведений в жизни не существует, если даже речь идет о семьях среднего достатка, как наша. Эти писаки – настоящие зубоскалы! Поэтому у нас в доме запрещено рассказывать такие истории и наши девочки не имеют о них понятия. А я, старая, когда взгрустнется, слушаю их с удовольствием.

– Так и должно быть в знатной семье! – промолвили тетушки Сюэ и Ли. – Даже у нас в доме детям не разрешали слушать подобные глупости!

– Хватит вам негодовать! – произнесла Фэнцзе, наполняя кубок матушки Цзя. – Вино стынет. Выпейте, бабушка, а потом возмущайтесь сколько угодно. Мы ваши речи запишем и издадим под названием «Записки о разоблачении лжи», причем непременно укажем династию, место, число, месяц и год их создания. Наговорили вы за двоих, а ведь язык-то один. Так что нелегко вам приходится. Правы вы или нет, мы решим потом, а сейчас давайте смотреть пьесу и любоваться фонарями. Предложите почтенным родственницам выпить по кубку вина и посмотреть два акта пьесы, а потом можете снова вернуться к своим обличениям. Согласны?

Фэнцзе улыбнулась и под общий хохот налила матушке Цзя вина.

– Ну и острый же язык у второй госпожи! – покатываясь со смеху, воскликнули девочки-актрисы. – Стань вы рассказчицей, мы лишились бы заработка и умерли с голоду!

– Не болтай лишнего! – одернула Фэнцзе тетушка Сюэ. – Ведь на террасе люди!

– Там только Цзя Чжэнь, – возразила Фэнцзе, – мы вместе росли, вместе озорничали и даже теперь, когда выросли, относимся друг к другу по-прежнему, как брат и сестра. Неужели оттого, что мы породнились, наши отношения должны измениться? Но не стоит об этом говорить. Ведь самое главное сейчас развлечь бабушку! Но только я насмешила ее, как все на меня напустились, вместо того чтобы благодарить. А бабушка развеселилась, и аппетит у нее улучшился!

– Что верно, то верно, – улыбнулась матушка Цзя. – Давно я так не смеялась и теперь с удовольствием выпью еще кубок вина!

Осушив кубок, она приказала Баоюю:

– Ну-ка поднеси вина старшей сестре в знак уважения!..

– Не надо, бабушка! – засмеялась Фэнцзе. – Лучше дайте мне взаймы свое долголетие!

Фэнцзе взяла кубок матушки Цзя, выпила остаток вина и передала кубок служанкам, которые тотчас вручили ей взамен другой, чистый. После того как все кубки за столом заменили, Фэнцзе наполнила их вином и села на свое место.

– Почтенная госпожа, – обратилась к матушке Цзя одна из рассказчиц. – Может, вместо рассказа песню послушаете?

– Сыграйте «Приказ командующего», – велела матушка Цзя.

Рассказчицы заиграли на цинях.

– Какая сейчас стража? – поинтересовалась матушка Цзя.

– Третья.

– То-то я чувствую, что стало свежо, – заметила матушка Цзя.

Служанки тотчас же подали ей теплую одежду.

– Не перейти ли вам в теплые покои, почтенная госпожа? – почтительно вставая, промолвила госпожа Ван. – Родственниц стесняться нечего, ведь не чужие, мы не дадим им скучать.

– Мы можем все вместе пойти погреться! – предложила матушка Цзя.

– Боюсь, места не хватит, – возразила госпожа Ван.

– Хватит, – сказала матушка Цзя. – Возьмем не все столы, а два-три, сдвинем и сядем рядом, – и тепло, и удобно.

– Это вы хорошо придумали! – раздались одобрительные возгласы.

Все встали со своих мест, служанки убрали со столов, три из них перенесли в теплые покои, сдвинули вместе, расставили фрукты и сладости.

– Обойдемся без церемоний, – заявила матушка Цзя. – Просто я укажу каждому, куда сесть, и все.

Тетушки Ли и Сюэ заняли почетные места, сама матушка Цзя села, обратившись лицом к западу. Рядом с собой посадила Баоцинъ, Дайюй и Сяньюнь, а Баоюю сказала:

– Ты садись возле матери.

Баоюй оказался между госпожами Син и Ван. Баочай и остальные сестры заняли места с западной стороны. За ними разместились госпожа Лоу с Цзя Ланем, затем госпожа Ю и Ли Вань, которая посадила между ними своего сына – тоже Цзя Ланя, а в самом конце стола устроилась жена Цзя Жуна – госпожа Ху.

– Цзя Чжэнь! – крикнула матушка Цзя. – Уведи-ка своих братьев, чтобы не мешали нам!

Цзя Чжэнь хотел было войти, но матушка Цзя остановила его:

– Не входи! Мы только что расселись, а из-за тебя придется вставать. Иди отдохай, праздник еще не кончился, и завтра хлопот будет немало.

Цзя Чжэнь почтительно поддакнул и с улыбкой спросил:

– Цзя Жуна, может, оставите? Пусть наливает вино!

– Конечно! – вскричала матушка Цзя. – Как это я не сообразила!

Выходя, Цзя Чжэнь встретил Цзя Ляня. Они приказали слугам отвести домой Цзя Цуна и Цзя Хуана, а затем уговорились развлечься так, чтобы им никто не мешал. Однако об этом речь впереди.

– Нам, конечно, не скучно, но станет еще веселее, если правнуки сядут рядом. Цзя Жун, кстати, здесь, – сказала матушка Цзя и обратилась к Цзя Жуну: – Сядь рядом с женой, как порядочный муж!

Тут служанка поднесла матушке Цзя программу спектакля, и та воскликнула:

– Мы так мило беседуем, а актеры будут шуметь! Они за ночь устали, пусть отдохнут, а заодно посмотрят, как играют наши девочки-актрисы! Надо их позвать!

Женщины поспешили передать распоряжение матушки Цзя – вызвать актрис из сада Роскошных зрелищ, а мальчики-слуги – предупредить актеров о предстоящем представлении.

Вскоре учитель со двора Душистой груши привел двенадцать девочек-актрис во главе с Вэньгуань, следом шли служанки и несли узлы с костюмами для любимых ролей матушки Цзя.

Женщины-служанки подвели Вэньгуань к матушке Цзя, чтобы она представилась.

– Учитель отпускал вас на Новый год погулять? – спросила матушка Цзя. – Какие вы сейчас пьесы разучиваете? У меня до сих пор трещит голова от «Восьми справедливых...», уж очень много шума в этой пьесе! Исполните что-нибудь потише, поспокойнее. И имейте в виду, что тетушки Сюэ и Ли очень любят театр и видели много хороших пьес, да и девушки наши знают толк в представлениях... Эта маленькая актриса не хуже самых опытных актеров из известных трупп. Она хоть мала, а играет лучше взрослых! Так что смотрите не оплошайте и представьте что-нибудь новое. Пусть Фангуань в сопровождении флейты и свирели споет «Поиски сна».

– Вы совершенно правы, почтенная госпожа, – заметила Вэньгуань. – Может быть, наши представления и не понравятся господам Ли и Сюэ, но все же послушайте нас.

– Конечно, – кивнула матушка Цзя.

– Как умна эта девочка! – воскликнули восхищенные тетушки Сюэ и Ли. – Не иначе как, следуя вашему примеру, она решила посмеяться над нами!

– Так ведь театр – это у нас так, между делом, – возразила матушка

Цзя. – Дохода не приносит. – И, обратившись затем к Куйгуань, сказала:

– Пусть исполнят акт «Хуэймин присылает письмо». Я хочу, чтобы каждый высказал свое мнение об игре актрис. Но смотри, играй с чувством, не то пеняй на себя!

Вэньгуань вышла вместе с остальными актрисами. Сначала сыграли «Поиски сна», затем «Хуэймин посылает письмо». Все слушали затаив дыхание, не шелохнувшись.

– Замечательно! – воскликнула тетушка Сюэ. – Сколько спектаклей я пересмотрела, никогда этот акт не шел в сопровождении одной только флейты!

– Это бывает! – возразила матушка Цзя. – В «Западной башне», к примеру, главный герой тоже поет под аккомпанемент флейты. Целиком пьесу редко так исполняют, но ничего удивительного в этом нет – как кому нравится. Еще давно, когда я была в ее возрасте, – матушка Цзя указала пальцем на Сяньюнь, – ее дед держал собственную труппу. В ней особенно выделялась одна актриса. Она бесподобно исполняла на цине арии «Слушаю цинь» из «Западного флигеля», «Играю на цине» из «Яшмовой шпильки» и «Восемнадцать мелодий для свирели» из «Продолжения к „Лютне“». Этим девочкам до нее далеко!

– Да, такие встречаются редко! – согласились все.

Затем матушка Цзя позвала Вэньгуань и велела ей под аккомпанемент оркестра исполнить акт «Фонари в день новолуния».

Пока Вэньгуань готовилась, Цзя Жун и его жена вновь подали вино.

Видя, что матушка Цзя в приподнятом настроении, Фэнцзе сказала:

– Может быть, пользуясь тем, что рассказчицы здесь, сыграем в «передачу ветки сливы» на тему «весенняя радость, играющая на кончиках бровей»?

– С удовольствием. Игра веселая, как раз для праздника! – откликнулась матушка Цзя и не мешкая приказала принести черный лакированный барабан и поставить перед рассказчицами. Затем, взяв со стола ветку сливы, сказала:

– У кого окажется эта ветка в тот момент, когда умолкнет барабан, тот должен будет выпить штрафной кубок и рассказать какую-нибудь историю.

– Это только вы можете, бабушка, – возразила Фэнцзе. – Не все же такие находчивые! Пусть будет приказ интересным и в то же время простым, чтобы каждый мог его выполнить! Так что историй, я думаю, рассказывать не стоит. Просто что-нибудь смешное, и все.

Все знали, что Фэнцзе мастерица на шутки, которых у нее неистощимый запас, и очень обрадовались. Девочки-служанки бросились

приглашать своих старших и младших товаров.

– Идите скорее! – говорили они. – Вторая госпожа Фэнцзе собирается всех смешить!

Служанки гурьбой ввалились в комнату. Как только спектакль закончился и смолкла музыка, матушка Цзя послала Вэньгуань фруктов и печенья в награду, отпустила ее, а сама велела ударить в барабан.

Рассказчицы хорошо знали порядок игры. Удары в барабан были то редкими, будто капли воды в водяных часах, то частыми, будто бобы, сыпавшиеся из мешка, то стремительными, словно несущийся галопом конь, то резкими и оглушительными, будто раскаты грома. Неожиданно барабан умолкал! И вот как раз в тот момент, когда ветка сливы оказалась у матушки Цзя, барабан умолк. Все рассмеялись. Цзя Жун подошел к столу, наполнил вином кубок старой госпожи.

– Почтенная госпожа должна радоваться первой, а уж мы будем довольны тем, что радуется она! – улыбаясь, говорили гости.

– Вино я выпью, а смешного рассказывать не умею, – промолвила матушка Цзя.

– Что вы, почтенная госпожа! – слышались восклицания. – Вы шутите лучше второй госпожи! Мы с нетерпением ждем, чтобы от души посмеяться!

– Ничего такого не приходит на ум, – призналась матушка Цзя. – Но я наберусь смелости и попробую рассказать старую историю. Слушайте! В одной семье было десять сыновей. Женили их, и у десятого сына жена оказалась самой умной, самой находчивой, острой на язык и ловкой и очень полюбила свекрови. Остальных же невесток свекровь не жаловала, говорила, будто они непочтительны к ней. Обиделись старшие невестки и стали держать совет, что делать да как быть. Говорит тут одна невестка: «Все мы почитаем свекра и свекровь, но не так находчивы и остры на язык, как эта негодница, вот и любят ее больше, чем нас. А пожаловаться на эту несправедливость некому!» Другая невестка предложила: «Давайте пойдем в храм Янь-вана, воскурим благовония и спросим: почему он, по чьей воле мы возродились людьми, ей дал острый язык, а нам всем – тупые?» – «Замечательный план!» – обрадовались остальные невестки. И вот, на другой день, они все вместе отправились в храм Янь-вана, воскурили благовония и так утомились, что тут же уснули, прямо перед жертвенником, а души бодрствовали в ожидании Янь-вана. Ждут-ждут, а он не является. Встревожились невестки, как вдруг увидели странника Суня, приближавшегося на облаке. Увидел их странник, хотел побить палкой. А те в страхе пали на колени и стали умолять о прощении. Тогда Царь

обезьян спросил, что их сюда привело, и они все подробно ему рассказали. Выслушал их Сунь и произнес со вздохом: «Счастье ваше, что вы повстречались со мной! Господин Янь-ван не смог бы помочь вам». Души стали просить: «Великий мудрец, яви милосердие, помоги!» – «Это нетрудно, – улыбнулся в ответ странник Сунь. – Все дело в том, что, когда появилась на свет жена десятого брата, я был у Янь-вана и помочился на Землю, а она взяла да и выпила мою мочу. Могу и сейчас помочиться, а вы пейте, если хотите быть такими же острыми на язык!»

Тут все прыснули со смеху.

– Ну и дела! – воскликнула Фэнцзе. – Хорошо, что мы не находчивы и не остры на язык, а то пришлось бы отведать обезьяньей мочи!

Госпожи Ю и Лоу сквозь смех спросили Ли Вань:

– Ну-ка скажи, кто пил обезьянью мочу? А то сидишь с таким видом, будто это тебя не касается!

– Сказано весьма кстати, можно и посмеяться! – заметила тетушка Сюэ.

Снова раздались удары в барабан.

Девочкам-служанкам очень хотелось послушать, что скажет Фэнцзе, и они тайком сделали знак рассказчицам. Ветка сливы обошла два круга, и, как только оказалась у Фэнцзе, служанки многозначительно кашлянули и рассказчицы перестали бить в барабан.

– Ага, попалась? – раздались веселые возгласы. – Скорее наливайте вино, пусть расскажет нам что-нибудь забавное!.. Такое, чтобы живот надорвать от смеха!

Фэнцзе задумалась, потом лицо ее озарилось улыбкой, и она стала рассказывать:

– Некогда в одной семье, вот как мы сейчас, праздновали Новый год, все домочадцы были в сборе, любовались фонариками, пили вино, развлекались и веселились. Бабушка, мать, жены сыновей и внуков, племянники, внуки, правнуки по отцовской и материнской линиям, родные и двоюродные... Ай-я-й! Вот где было шуму!..

– Ну, посыпалось, как бобы из мешка! – раздались восклицания. – Никого не пропустит!

– Попробуй только меня затронь, язык оторву! – пригрозила госпожа Ю.

– Помилуйте! – всплеснула руками Фэнцзе. – Я стараюсь, из кожи вон лезу, а вы меня с толку сбиваете! Могу вообще не рассказывать!

– Да не обращай ты на них внимания, продолжай! – промолвила матушка Цзя. – Что же было потом?

– Потом все пьянствовали целую ночь... – Фэнцзе запнулась и заключила: – А под утро разошлись.

Последние слова она произнесла самым серьезным тоном, в то время как все напряженно ждали, что будет дальше.

Сяньюнь долго глядела на Фэнцзе, и та, улыбнувшись, добавила:

– Могу рассказать еще одну историю о том, как праздновали Новый год. Однажды несколько человек, решив отличиться, заказали к Новому году ракету величиной с дом и, чтобы запустить ее, отправились за город. За ними увязалась толпа зевак. Один из них, самый нетерпеливый, украдкой поджег фитиль. Послышался взрыв, – на том все и кончилось. Люди, смеясь, разошлись по домам, а зачинщики принялись вовсю поносить торговца за то, что он им продал плохую ракету: не взлетев в воздух, она рассыпалась, на кусочки.

– А взрыва они разве не слышали? – спросила Сяньюнь.

– Они были глухими, – ответила Фэнцзе.

Сначала никто ничего не понял, ну а когда догадались, так и покатались со смеху. А потом спросили:

– Чем же все-таки кончилась первая история? Ты должна досказать.

– Какие дотошные! – вскричала Фэнцзе, хлопнув рукой по столу. – Дело в том, что следующий день уже не был праздником и я должна была присматривать за уборкой. Откуда же мне знать, что было потом?

Такой неожиданный конец снова вызвал смех.

– Сейчас уже четвертая стража, – продолжала между тем Фэнцзе. – Бабушка устала, да и нам, как тем глухим, пускавшим ракету, пора расходиться!

Госпожа Ю, зажав рот шелковым платочком, буквально тряслась от смеха, так и покатывалась и, указывая на Фэнцзе пальцем, восклицала:

– У этой дрянной девчонки и в самом деле острый язык!

– Еще острее, чем был, – смеясь, сказала матушка Цзя и распорядилась: – Раз уж вспомнили о ракетах, давайте пойдем посмотреть фейерверк! Кстати, и освежимся.

Цзя Жун бросился во двор и приказал мальчикам-слугам приготовить все необходимое для фейерверка. Ракеты были присланы в подарок из разных мест и, хотя по размеру невелики, отличались яркостью и причудливостью форм.

Дайюй, не очень-то смелая от природы, к тому же не терпевшая шума и грохота, при первых же взрывах ракет прижалась к матушке Цзя.

Глядя на нее, тетушка Сюэ крепко обняла Сяньюнь, но та со смехом сказала:

– Я не боюсь.

– Она сама любит пускать большие ракеты. Чего же ей пугаться! – проговорила Баочай.

Госпожа Ван обняла Баоюя, прижала к себе.

– А нас вот не обнимают, значит – не любят, – промолвила Фэнцзе.

– Хочешь, я тебя обниму? – предложила госпожа Ю. – Капризничаешь, словно ребенок. Медом тебя не корми – дай посмотреть, как пускают ракеты!

– Вот разойдутся все, пойду в сад ракеты пускать! – заявила Фэнцзе. – И сделаю это лучше, чем слуги.

В этот момент в воздух с треском взвились разноцветные ракеты. Среди больших были и мелкие – «звездное небо», «девять драконов в облаках», «удар грома на равнине» и «десять взлетающих к небу звуков».

Когда ракет больше не осталось, девочкам-актрисам велено было исполнить арию «Опадает цветок лотоса». После этого их наградили: рассыпали по сцене монеты, и девочки, хохоча, бросились их подбирать.

Настало время подавать отвар, и матушка Цзя заметила:

– Ночи длинные, а мы так увлеклись развлечениями, что забыли поесть.

– Хотите бульон из утки? – спросила Фэнцзе.

– Охотно выпью немного бульона, только без утки, – заявила матушка Цзя.

– Еще есть отвар из фиников, – добавила Фэнцзе, – это для тех, кто не ест скоромного.

– Вот и хорошо, – отозвалась матушка Цзя.

Пока они вели разговор, со столов убрали и подали всевозможные закуски. Закончив трапезу, все прополоскали рот и разошлись.

Семнадцатого числа рано утром обитатели дворца Жунго пошли во дворец Нинго, совершили там церемонию, помогли закрыть храм предков и убрать портреты, после чего возвратились домой.

В тот же день тетушка Сюэ устроила угощение. Матушка Цзя у нее посидела недолго и возвратилась к себе. Она очень утомилась за праздники, с восемнадцатого числа никого не принимала и сама не ходила в гости. В доме распоряжались госпожи Син и Ван и Фэнцзе.

Баоюй в эти дни съездил к Ван Цзытэну и больше не отлучался из дому, ссылаясь на то, что матушка Цзя без него скучает.

Сразу после Праздника фонарей у Фэнцзе начались преждевременные роды, и в доме поднялся переполох...

Если хотите узнать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава пятьдесят пятая

Глупая наложница навлекает позор на дочь;

коварная рабыня таит ненависть к молодой хозяйке

Итак, Фэнцзе во время праздников переутомилась и у нее случился выкидыш. Два-три раза в день к ней вызывали докторов, и хозяйственными делами она пока не могла заниматься, хотя вникала буквально во все и через Пиньэр передавала свои распоряжения госпоже Ван. Всякие уговоры поберечь себя и не волноваться ее, только сердили.

Госпожа Ван чувствовала себя так, словно лишилась руки, но, ничего не поделаешь, приходилось все важные вопросы решать самой, а второстепенные – перепоручать Ли Вань.

Но отличавшаяся добродетелями и почтительная к родителям Ли Вань мало что смыслила в хозяйственных делах и распустила прислугу. Тогда госпожа Ван дала Ли Вань в помощь Таньчунь, пообещав освободить ее от этой обязанности, как только Фэнцзе поправится.

Но улучшения не наступало. Надеясь на свое здоровье, Фэнцзе лезла из кожи вон, чтобы во всем быть первой, особенно во время праздников, и надорвалась. А тут еще выкидыш. Все это привело к полному истощению сил. Вдобавок через месяц открылось кровотечение. И хотя Фэнцзе не жаловалась, нельзя было не заметить, как она похудела, как пожелтело лицо. Все ей сочувствовали, сокрушались, что она не бережет здоровье, а госпожа Ван строго-настрого приказала ей лечиться и ни о чем не думать.

Фэнцзе сама не на шутку встревожилась, однако виду не подавала, бодрилась, по-прежнему шутила и смеялась как ни в чем не бывало, но усиленно лечилась, в душе досадуя, что никак не может поправиться.

Лишь в середине третьего месяца кровотечение прекратилось и дело пошло на поправку. Но об этом речь впереди.

Между тем госпожа Ван, опасаясь, что Таньчунь и Ли Вань не справятся с хозяйством – людей в саду жило сейчас довольно много, – решила призвать на помощь Баочай.

– На наших старух полагаться нельзя, – сказала она. – От работы

отлынивают. То вином балуются, то в кости играют, то спать завалятся – даже днем. Фэнцзе они боятся, а сейчас им все нипочем. Одна надежда на тебя. Твои братья и сестры совсем еще юны, о них надо заботиться, а у меня времени не хватает. Случится что-нибудь, приходи ко мне, не жди, пока узнает старая госпожа. Строптивых одергивай; не будут слушаться, говори мне, чтобы из-за пустяка не вышло скандала.

Баочай обещала все в точности выполнять.

Незаметно наступила весна. У Дайюй снова начался кашель. Заболела и Сяньюнь, и к ней каждый день приглашали врача.

Ли Вань и Таньчунь, жившие по соседству, с утра до вечера были заняты по хозяйству. Ходить к ним с докладом служанкам было неудобно, поэтому условились каждое утро встречаться в малом расписном зале у южных ворот сада и решать все дела. После этого уходили завтракать и возвращались к себе лишь в полдень.

Малый расписной зал был отведен для евнухов на время приезда государыни к родным. Теперь этот зал пустовал, и по ночам здесь дежурили служанки.

Погода стояла теплая, так что Ли Вань и Таньчунь без особых хлопот устроились в зале, пришлось, правда, принести туда самые необходимые вещи.

Над входом висела доска с надписью: «Проникайся гуманностью и осуществляй добродетель», в обиходе же зал называли залом Совета по хозяйственным делам.

Служанки радовались, что всем теперь в доме заправляет Ли Вань, ибо знали, что по доброте душевной она, не в пример Фэнцзе, не станет строго взыскивать за малейшее упущение.

А о Таньчунь и говорить нечего: совсем девочка, она еще не выходила за двери женских покоев и нрава была спокойного, мягкого. Словом, кончилось тем, что слуги совсем вышли из повиновения.

Но через несколько дней обнаружилось, что Таньчунь только кажется доброй и мягкой, а на деле решительна и строга, как Фэнцзе.

В последние дни во дворце было оживленно, то и дело приезжали с визитами ваны и гуны, чиновники, дальние родственники и друзья семей Нинго и Жунго, одни – по случаю повышения по службе, другие – попрощаться в связи с уходом в отставку, третьи – сообщить о свадьбе или похоронах, так что у госпожи Ван не было ни минутки свободной; этих она поздравляла, тем выражала соболезнования. Да и с приемом гостей хватало хлопот. В общем, на домашние дела совсем не оставалось времени.

И пока Ли Вань с Таньчунь находились в малом расписном зале,

заботы по дому легли на Баочай. Закончив все дела, Баочай шла с докладом к госпоже Ван и лишь после этого возвращалась к себе. Вечерами же, позанимавшись немного вышиванием, Баочай садилась в паланкин и в сопровождении ночных сторожей объезжала сад, чтобы все проверить.

Увидев, что Ли Вань, Таньчунь и Баочай еще строже и дотошнее Фэнцзе, прислуга начала роптать:

– Только что, как говорится, избавились от дьявола, снующего по морю, как на голову свалились три демона, рыщущих в горах! Ночью и то не найдешь нескольких минут, чтобы выпить и поиграть в кости!

Однажды, проводив госпожу Ван во дворец Цзяньсянского хоу на званый обед, Ли Вань и Таньчунь вернулись в расписной зал и сели пить чай, когда вдруг вошла жена У Синьдэна и доложила:

– Умер Чжао Гоцзи, брат наложницы Чжао. Мы сказали об этом старой госпоже и госпоже, а они велели передать вам, барышни!

Она умолкла и, опустив руки, стала в сторонке, ожидая указаний.

Надобно вам сказать, что служанки, которые как раз в это время явились с докладами, с любопытством смотрели на Ли Вань и Таньчунь, желая скорее узнать, как решат это непростое дело молодые хозяйки. Если правильно – все будут трепетать перед ними, но стоит допустить малейшую оплошность, и все пропало: ни послушания, ни уважения ждать нечего – одни насмешки над неопытностью. Конечно, за спиной.

Жена У Синьдэна была себе на уме. Будь перед нею Фэнцзе, она, чтобы выслужиться, дала бы ей множество советов, и та без труда приняла бы решение. Но робкой Ли Вань и совсем юной Таньчунь женщина помогать не собиралась – хотела испытать молодых хозяек.

Таньчунь стала советоваться с Ли Вань, как поступить.

Ли Вань подумала и нерешительно проговорила:

– Когда умерла мать Сижэнь, я слышала, ей дали сорок лянов серебра на похороны. Давай сделаем то же самое, и делу конец...

– Вы правы, госпожа! – поддакнула жена У Синьдэна, взяла у Ли Вань верительную бирку на право получения денег и направилась к выходу.

– Ну-ка постой! – окликнула ее Таньчунь и, когда женщина вернулась, сказала: – Прежде чем будешь получать деньги, я хочу тебя кое о чем спросить. Ты хорошо знаешь, что в доме у нас живет несколько наложниц. Одни родились здесь, других купили, по положению они не равны. Так вот скажи, сколько полагается денег на похороны родственников тем и другим!

В первое мгновение жена У Синьдэна растерялась, но потом спокойно ответила:

– Чуть больше, чуть меньше – не все ли равно! Кто посмеет вас

упрекнуть?

– Не мели вздор! – оборвала ее Таньчунь. – Я дала бы даже сто лянов, мне не жалко! Только надо все делать по правилам. Иначе вы сами станете над нами смеяться, да и нам будет стыдно смотреть в глаза второй госпоже!

– Тогда, с вашего разрешения, я загляну в старые счета, – сказала жена У Синьдэна.

– А так не помнишь? – усмехнулась Таньчунь. – Ведь только этим ты всю жизнь и занимаешься! Или, может быть, ты решила посмеяться над нами? Неужели ты всякий раз проверяешь старые счета, когда идешь на доклад ко второй госпоже Фэнцзе? В таком случае Фэнцзе к тебе чересчур снисходительна. Что же, принеси счета, только живо! Ведь за проволочку будут ругать нас, а не вас! Обвинят в неопытности, нерасторопности!

Жена У Синьдэна, покраснев от стыда, быстро вышла. А служанки от изумления языки высунули.

Прислуга между тем по очереди подходила с докладами, когда вернулась жена У Синьдэна со счетом в руках. Оказалось, наложницам, взятым со стороны, на похороны родственников выдают по сорок лянов, тем же, кто родился в доме, – по двадцать четыре. В счете были также оговорены два случая, когда наложницам, взятым со стороны, выдали одной – сто лянов, другой – шестьдесят. Первой пришлось перевозить гроб с телом родителей в другую провинцию, второй – покупать место для могилы.

Таньчунь показала счет Ли Вань.

– Тебе выдадут двадцать лянов серебра, а счет оставь нам, – сказала Таньчунь жене У Синьдэна, – мы на досуге еще поглядим!

Вскоре в комнату влетела наложница Чжао. Ли Вань и Таньчунь пригласили ее сесть.

– Барышня, в этом доме все меня обижают, так хоть вы заступитесь! – выпалила она и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

– О чем это вы? – изумилась Таньчунь. – Кто вас обидел? Скажите, и я заступлюсь!

– Вы сами меня обидели, кому же мне теперь жаловаться? – вскричала наложница.

– Да разве посмею я вас обижать! – От изумления Таньчунь даже с места вскочила.

Ли Вань тоже встала и принялась ее успокаивать.

– Садитесь, садитесь, – замахала руками наложница Чжао, – сейчас я вам все объясню. Сколько лет я в этом доме варюсь, словно в кипящем масле! Здесь сына родила, здесь состарилась, а сейчас оказалась хуже

Сижэнь! Перед людьми стыдно. Не только мне, но и вам!

– Я все поняла, – сказала Таньчунь, – но порядка нарушать не могу!

С этими словами она развернула счет и промолвила:

– Так было заведено еще нашими предками, и этим правилам все должны подчиняться. Разве я могу что-нибудь изменить? Сижэнь – исключение! Так же будет обстоять дело с будущей наложницей Цзя Хуаня. Так что ни о каком позоре здесь рассуждать не приходится. Сижэнь – рабыня госпожи, и госпожа вольна оказывать ей любые милости! Я же обязана поступать согласно правилам. Довольные этими правилами благодарят предков и госпожу за милость. Недовольные – просто не ценят своего счастья! Пусть болтают что хотят. Госпожа, если ей заблагорассудится, может пожаловать целый дом, меня это никак не касается. Не даст ни медяка – я тоже ни при чем. Вы лучше успокойтесь, пока госпожи нет дома, не надо шуметь! Госпожа меня любит, но не раз пеняла на то, что вы по всякому поводу затеваете скандалы. Будь я мужчиной, давно уехала бы отсюда и жила самостоятельно, по собственным правилам... Ну, а девушке ничего не остается, как повиноваться. Поэтому госпожа и поручила мне хозяйственные дела. Я еще ничего не успела сделать, а вы сразу хотите меня заставить нарушать правила. Поступи я подобным образом, госпожа перепоручит хозяйство кому-нибудь другому. Вот тогда мне действительно будет стыдно!.. Да и вам совестно!

Сказав это, Таньчунь заплакала. Наложница Чжао растерялась, а потом сказала:

– Раз госпожа вас любит, вы тем более должны нам делать поблажки. Неужели ради благосклонности госпожи вы готовы забыть о нас?

– Разве я о вас не забочусь? – удивилась Таньчунь. – О каких поблажках вы говорите? С подобными просьбами надо обращаться к своему господину. Господа ценят полезных людей. А других впутывать нечего! Нехорошо это!

– Не сердитесь, тетушка, – попыталась успокоить наложницу Ли Вань. – Не обижайтесь на барышню! Она готова сделать вам любую поблажку, только не надо об этом говорить вслух!

– Глупости, – прервала ее Таньчунь. – Где это видано, чтобы барышни потворствовали рабыням? Да и с какой стати! Вы сами должны знать их достоинства и недостатки! А я тут при чем?

– Ничего мне от вас не надо! – рассердилась наложница Чжао. – Вы временно ведаете в доме деньгами, вот я и пришла к вам! Сейчас вы – хозяйка. Как скажете, так и будет! Умер ваш дядя, а вы боитесь дать на

похороны несколько лишних лянов серебра! Неужели госпожа вас за это осудит? Госпожа добрая, это вы все жестокие да скупые! Жаль, что госпожа расточает вам свои милости! Не волнуйтесь! Никто в ваших деньгах не нуждается! Выйдете замуж, по-другому будете относиться к Чжао! У вас еще крылья не выросли, а вы хотите взлететь на самую высокую ветку! Забыли, что дерево с корней начинается!

Таньчунь побелела от гнева.

– О каком дяде вы говорите? – крикнула она. – Мой дядя – инспектор девяти провинций! Я знаю приличия и уважаю моего дядю, как и остальных родственников. А другого дяди у меня нет. Кто такой Чжао Гоцзи? Почему сын его вместе с Цзя Хуанем ходит в школу, а дядя за него не платит? Справедливо ли это? Всем известно, что я родилась от наложницы! Вот вы и ищете причины для скандала. Месяц-другой не можете спокойно прожить. Бойтесь, что не все об этом знают! Хотите взять верх надо мной! Хорошо, что я знаю приличия, другая на моем месте давно поругалась бы с вами!

Ли Вань принялась утешать Таньчунь, а Чжао угомонилась и лишь потихоньку ворчала. Тут появилась служанка и доложила:

– Вторая госпожа Фэнцзе прислала барышню Пиньэр с поручением.

Наложница Чжао сразу прикусила язык, любезно заулыбалась, пригласила Пиньэр сесть и спросила:

– Как чувствует себя вторая госпожа? Я как раз собиралась ее навестить, но вот задержалась!..

Когда Ли Вань поинтересовалась, с каким делом пришла Пиньэр, та ответила:

– Вторая госпожа Фэнцзе велела передать, что, согласно правилам, которых вы, возможно, не знаете, на похороны брата тетушки Чжао следует выдать двадцать лянов серебра. Если сочтете нужным, можете увеличить сумму.

– С какой стати? – утирая слезы, сказала Таньчунь. – Кто у нас в доме получает двадцать четыре ляна в месяц? Если так разбрасываться деньгами, можно уподобиться воинам, которые перед наступлением отпускают коней и бегут, бросив на произвол судьбы полководцев! Уж очень хитра твоя хозяйка: хочет все сделать моими руками и прослыть доброй за счет госпожи. Передай ей, что я выдам ровно столько, сколько положено – ни больше ни меньше. А если уж ей хочется показать свою доброту, пусть выздоравливает скорее и распоряжается, как ей угодно!

Пиньэр сразу догадалась, в чем дело, и, заметив, что Таньчунь вне себя от гнева, умолкла и отошла в сторонку.

В это время из главного господского дома возвратилась Баочай. Не успела она и слово сказать, как появилась служанка и доложила еще о каком-то деле.

У Таньчунь лицо было мокро от слез, и девочки-служанки поспешили подать ей таз для умывания, полотенце и зеркало.

Таньчунь сидела на низкой скамье, и девочка-служанка, подавая ей таз с водой, опустилась на колени. Ее примеру последовали и остальные девочки, те, что держали полотенце, зеркало, румяна, пудру и помаду.

Заметив, что здесь нет Шишу, служанки Таньчунь, Пиньэр засучила Таньчунь рукава, сняла с ее рук браслеты и прикрыла грудь большим полотенцем.

Не успела Таньчунь вымыть руки, как доложили:

– Барышня, пришли из школы, просят выдать плату за господ Цзя Хуаня и Цзя Ланя.

– Да погоди ты! – прикрикнула на служанку Пиньэр. – Не видишь, барышня умывается? Спросят, тогда и ответишь, а то суешься со своими делами! Забыла, как являлась ко второй госпоже Фэнцзе? А барышня добрая, все вам прощает. Вот пожалуйсь на вас второй госпоже, она вам спуску не даст! Тогда не обижайтесь!

– Простите меня! – испуганно пробормотала служанка и скрылась за дверью.

– Жаль, ты не пришла раньше, – пудрясь, сказала Таньчунь, обратившись к Пиньэр. – Не видела самого забавного. Даже такая опытная служанка, как жена У Синьдэна, тоже вздумала нас морочить. Хорошо я сообразила, как поступить. Спрашиваю ее об одном деле, а она заявляет, что ответить не может, – ей, видите ли, надо заглянуть в счета! Я поинтересовалась, заглядывала ли она в счета и при твоей хозяйке, второй госпоже Фэнцзе.

– Да если бы она так поступила при моей госпоже, та ноги ей перебила бы! – ответила Пиньэр. – Вы, барышня, их не слушайте! Они считают, что старшая госпожа Ли Вань не от мира сего и в житейских делах ничего не смыслит, а вы – тем более, потому что молоды и неопытны. Вот и норовят с толку вас сбить, запутать, да и от работы отлынивают.

Она обернулась к двери, за которой стояли служанки, и крикнула:

– Распустились! Погодите! Выздоровеет вторая госпожа Фэнцзе, она вам покажет!

Женщины робко возразили:

– Барышня, ведь вы умны и знаете пословицу: «Кто провинился, тот и держит ответ». Разве посмеет мы обманывать господ! А тем более новую

хозяйку – молодую и неопытную! Да провалиться нам на этом месте, если мы ее чем-нибудь прогневали!

– Вот и хорошо, что вы все поняли, – усмехнулась Пиньэр и продолжала разговор с Таньчунь:

– Вы же знаете, у второй госпожи столько дел, что за всем ей не усмотреть. Возможно, и у нее бывают упущения. Недаром говорят: со стороны виднее. Вы на себе это испытали и потому знаете, как говорится, где убавить, где прибавить. Главное, вторая госпожа осталась довольна и не рассердилась на вас.

– Как мила Пиньэр, – в один голос воскликнули Ли Вань и Баочай. – Не удивительно, что Фэнцзе ее так любит! Раньше нам и в голову не приходило, что где-то можно прибавить, а где-то убавить, но своими словами ты нам напомнила, что надо обсудить еще два важных дела. Так что большое тебе спасибо!

– Я было до того рассердилась, что хотела сорвать злость на ее госпоже! – вскричала Таньчунь. – А она видишь какой дала умный совет! Я даже растерялась!

Таньчунь позвала служанку, стоявшую у дверей, и спросила:

– На что тратят ежегодную плату за обучение в школе Цзя Хуаня и Цзя Ланя? Ведь за каждого из них вносят по восемь лянов серебра.

– На эти деньги покупают кисти, бумагу, тушь и прочие принадлежности, – ответила женщина.

– Но ведь деньги на детей выдают взрослым, – сказала Таньчунь. – Наложница Чжао получает два ляна за Цзя Хуаня, Сижэнь все сполна получает за Баоюя. Деньги за Цзя Ланя получает его мать. С какой же стати еще за обучение платить по восемь лянов! Некоторые дети только ради этих восьми лянов и ходят в школу. Так никуда не годится! Скажи своей госпоже, Пиньэр, что эти расходы пора упразднить...

– Давно пора, барышня, – поддакнула Пиньэр. – Об этом моей госпоже еще в прошлом году толковали, но за делами она, видно, забыла.

Женщина-служанка не осмелилась возражать, кивнула головой и ушла.

Вскоре из сада Роскошных зрелищ принесли короб с едой. Шишу и Суюнь поставили перед Ли Вань и Таньчунь небольшой столик, Пиньэр стала расставлять кушанья.

– Зачем ты хлопочешь? – спросила Таньчунь. – Ты все нам сказала, что нужно, а теперь иди занимайся своими делами.

– Дел у меня сейчас нет, – возразила Пиньэр. – Госпожа, посылая меня к вам с поручением, велела к тому же помочь.

– А почему не принесли поесть барышне Баочай? Пусть пообедала бы

с нами! – промолвила Таньчунь.

Девочки-служанки бросились на террасу и передали другим служанкам:

– Пусть принесут сюда обед барышне Баочай.

– Незачем людей беспокоить! – крикнула Таньчунь. – У них есть дела поважнее. Вы что, не соображаете, кого надо посылать за едой или чаем? Пиньэр делать нечего, она пусть и сходит!

Пиньэр почтительно поддакнула и вышла. Однако служанки у дверей ей потихоньку шепнули:

– Зачем вам ходить? Мы уже послали туда!

Они смахнули платком пыль с крыльца и сказали:

– Присядьте погрейтесь на солнышке! Вы так долго стояли, что утомились, пожалуй.

Пиньэр села на ступеньку, но тотчас же две другие женщины принесли из чайной матрац, разостлали на крыльце и обратились к Пиньэр:

– Крыльцо холодное, барышня. На матраце удобней и чище. Пересядьте, пожалуйста!

– Спасибо вам, – улыбаясь, поблагодарила Пиньэр.

Служанка подала Пиньэр чашку свежесваренного чая и тихо сказала:

– Это чай не обычный. Мы подаем его только барышням. Я принесла вам отведать.

Пиньэр взяла чай и, указывая пальцем на стоявших перед ней служанок, произнесла:

– Совсем распустились. Таньчунь – молода, ей неловко вас приструнить. Так за это ее уважать надо, а не обманывать, не относиться свысока. Делаете все не так, а потом обвиняете ее в грубости. Ох и поплатитесь вы за это! Уж если она разойдется, ни госпоже Ван, ни второй госпоже Фэнцзе не справиться с ней! Поистине опрометчиво поступаете! Стараетесь яйцом разбить камень!

– Мы тут ни при чем, – возразили женщины. – Это наложница Чжао! Пришла и подняла скандал.

– Ладно вам, дорогие сестры, – промолвила Пиньэр. – Знаете пословицу? «Когда стена дает трещину, ее рушат». Положение наложницы Чжао в доме сейчас не очень-то завидное. Вот на нее все и сваливают! А для вас нет большей радости, чем причинить кому-нибудь зло. За эти несколько лет я вас хорошо изучила! Допусти вторая госпожа Фэнцзе хоть малейшую оплошность, вы бы ей давно на голову сели. Да и сейчас ищите случая ей напакостить! Вам только попади на язык! И в то же время вы боитесь ее, потому что она жестока. Я и то боюсь. Тут как-то был у нас с

ней разговор, и мы решили не потакать больше слугам, иначе не будет конца ссорам и дразгам. Таньчунь хоть и молода, но даже вторая госпожа Фэнцзе из всех старших и младших сестер своего мужа только с ней одной и считается. Как же вы смеее не уважать барышню!

Вдруг появилась Цювэнь. Служанки справились о ее здоровье, предложили сесть и сказали:

– Отдохните немного, барышня, пока госпожи обедают. А как только уберут со столов, пойдете с докладом!

– Я не чета вам, чтобы ждать, – с улыбкой произнесла Цювэнь и направилась в зал. Однако Пиньэр попросила ее не ходить.

Цювэнь обернулась и, только сейчас заметив Пиньэр, спросила:

– Ты что, сюда в сторожа нанялась?

Она подошла к Пиньэр и села рядом.

– Зачем пришла? – осведомилась Пиньэр.

– Спросить, когда выдадут деньги за месяц на Баюя и нас самих, – ответила Цювэнь.

– Неужели это так важно? – покачала головой Пиньэр. – Послушай меня, скажи Сижэнь, чтобы никого сюда больше сегодня не посылала. На все будет отказ.

– А в чем дело? – удивилась Цювэнь.

Пиньэр и служанки, перебивая друг друга, стали рассказывать о том, что здесь недавно произошло.

– Они ищут, к чему бы придраться, – говорили женщины, – чтобы кого-нибудь наказать в назидание остальным. Зачем же лезть на рожон? Придерутся к вам, да еще и накажут, а старая госпожа и госпожа Ван расстроятся. Если же все обойдется, опять-таки станут говорить: к одним придираются, другим потакают. Потакуют тем, кому покровительствуют старая госпожа и госпожа Ван, чтобы выслужиться за счет слабых и незащищенных. Подумать только! Дважды барышня Таньчунь отказалась выполнить просьбу второй госпожи Фэнцзе, и никто не посмел ей перечить!

Цювэнь высунула язык и воскликнула:

– Какое счастье, что барышня Пиньэр меня предостерегла, не то я, как говорится, угодила бы носом в золу!^[125] Пойду предупрежу остальных, пока не поздно!

Вскоре после ее ухода принесли обед для Баочай. Пиньэр взяла у служанки короб с блюдами и направилась в зал, чтобы прислуживать за столом.

Наложница Чжао уже ушла. За столом друг против друга сидели

Баочай, Таньчунь и Ли Вань. Баочай – лицом к югу, Таньчунь – к западу, Ли Вань – к востоку.

Служанки, за исключением самых близких и доверенных, не осмеливались входить в зал, стояли на террасе, ожидая, когда их позовут, и рассуждали между собой:

– Лучше не наживать себе неприятностей и делать все, что прикажут, чтобы нас не считали бессовестными! Уж если тетушке У досталось, то что говорить о нас?

Так, тихонько переговариваясь, они ждали окончания обеда, чтобы доложить о своих делах. Из зала доносилось лишь легкое покашливание, ни звона чашек, ни стука палочек слышно не было.

Спустя немного девочка-служанка отодвинула дверную занавеску, две другие служанки вынесли стол, а три служанки принесли из чайной полоскательницы.

Затем в зал вошли служанки, которые убрали тазы для мытья рук и унесли полоскательницы, после чего Шишу, Суюнь и Пиньэр принесли три чашки чая.

Наконец на пороге появилась Шишу и приказала девочкам-служанкам:

– Ждите здесь, мы поедим, а потом сменим вас. Только не вздумайте садиться!

Лишь теперь в зал вошли женщины и стали по очереди докладывать о делах – обстоятельно, осторожно, не болтая лишнего, не то что прежде.

Гнев Таньчунь постепенно утих, и она обратилась к Пиньэр с такими словами:

– Я давно хотела посоветоваться с твоей госпожой об одном важном деле, да все забывала. Кстати, и барышня Баочай здесь. Пойди пообедай и сразу возвращайся. Мы вчетвером все обсудим, а затем еще спросим у твоей госпожи, как поступить.

Как только Пиньэр вернулась к себе, Фэнцзе ее спросила:

– Где ты так долго была?

И Пиньэр подробно рассказала о том, что произошло в малом расписном зале.

– Ну и третья барышня! – вскричала Фэнцзе. – Значит, я не ошиблась в ней! Жаль только, что несчастная судьба у нее и родилась она от наложницы, а не от законной жены!

– Неважно, – с улыбкой возразила Пиньэр. – Кто осмелится ее презирать за это!

– Ничего ты не смыслишь, – со вздохом промолвила Фэнцзе. – При том, что законные и побочные дети между собой равны, у дочерей

положение хуже, чем у сыновей. Люди сейчас привередливы, и когда придет пора выдавать Таньчунь замуж, женихи первым делом поинтересуются, от кого она рождена. Многие не очень-то жалуют побочных дочерей. Хотя по характеру побочная дочь может оказаться во сто раз лучше законной. Все зависит от того, какой жених – какой-нибудь несчастный, который станет докапываться, побочная она или законная дочь, или же счастливчик, который возьмет ее в жены, не интересуясь этим. Знаешь, – смеясь, продолжала Фэнцзе, – за последние несколько лет я придумала множество способов сократить расходы нашей семьи, и, вероятно, за это меня осуждают и ненавидят. Я, как говорится, села верхом на тигра, а сойти не могу, потому что он сразу меня сожрет. Расходов у нас много, доходов мало, а мы все придерживаемся правил, давным-давно установленных предками, забывая, что источники доходов у нас не те, что прежде. Если сократить расходы и ввести строгую экономию, скажут, что мы скупы, станут насмехаться над нами. Прислуга будет роптать, а старая госпожа и госпожа расстроятся. Все надо делать исподволь, составить определенный план и осуществлять его, иначе через несколько лет дом наш придет в полный упадок.

– Совершенно с вами согласна, – поддакнула Пиньэр. – Ведь в семье есть четыре барышни и несколько молодых господ. Одних надо выдать замуж, других женить... Да и старая госпожа...

– На это, я подсчитала, денег хватит, – улыбнулась Фэнцзе. – Свадьбу Баоюя и сестрицы Дайюй, например, старая госпожа устроит на свои личные деньги, из общей казны расходовать не придется. Свадьбу второй барышни Инчунь возьмет на себя старший господин Цзя Шэ. Остаются третья барышня Таньчунь и четвертая барышня Сичунь. На свадьбу каждой из них придется израсходовать тысяч семь-восемь лянов серебра. На женитьбу Цзя Хуаня уйдет не больше трех тысяч, а окажется мало, сэкономим на чем-нибудь. На старую госпожу денег уходит мало. Все необходимое у нее есть. Самое большее, что на нее придется потратить, учитывая возраст, это три – пять тысяч лянов. На это тоже хватит. Единственное, чего я опасаясь, это всяких крупных событий. Достаточно одного-двух – и всему конец! Но не будем загадывать... Пообедай скорее и сходи послушай, что тебе скажут. К счастью, появился толковый человек. А я все печалилась, что ни у кого не найду поддержки! Есть, правда, Баоюй, но пользы от него мало. Как и от госпожи Ли Вань, ведь она богомолка. Не лучше и вторая барышня Инчунь. А четвертая барышня, Сичунь, еще слишком мала, к тому же она из семьи Нинго. О Цзя Лане и Цзя Хуане говорить не приходится: они, как озябшие котята, только и ждут, когда их

пустят погреться на кан. Даже зло берет, что такие ничтожества на свет рождаются! Умного слова от них не услышишь! О сестрице Линь Дайюй и сестре Баочай ничего плохого сказать нельзя, но они только родственницы, и наши дела их не касаются. Линь Дайюй – как фонарик, подует ветер – угаснет. А Баочай живет по правилу: «Лучше промолчать, чем сказать. Спросят – покачаю головой, мол, знать не знаю, ведать не ведаю». От нее ничего не добьешься. Зато барышня Таньчунь умница и говорить мастерица. К тому же она из нашей семьи. И госпожа ее любит. Вот только с виду она не очень-то привлекательна. Оно и не удивительно. Эта старая карга наложница Чжао то и дело устраивает скандалы и портит ей настроение. Характер же у Таньчунь замечательный, не хуже, чем у Баоюя. Кого я терпеть не могу, так это Цзя Хуаня. Давно бы из дома выгнала, будь на то моя воля... А Таньчунь я непременно поддерживу, раз она хочет сократить расходы! По крайней мере я не буду одинока в своем намерении. Признаться, я молю Небо, чтобы мне ее дали в помощницы, – тогда ни о чем не придется беспокоиться, да и госпожа от этого только выиграет. Было бы жестоко с моей стороны пойти ей наперекор лишь из собственной корысти. Только действовать нужно осторожно, с оглядкой, как говорится, подготовить себе тылы. Иначе меня все возненавидят и я стану посмешищем в глазах людей. А насмешки ранят сильнее кинжала, и тогда, будь у каждой из нас хоть по четыре глаза и по два сердца, стоит лишь оступиться, и все погибло. И вот в этот опасный момент Таньчунь приняла на себя все хозяйство, отвела, можно сказать, от нас удар. И вот еще что. Ты хоть и умна, но, боюсь, не сможешь остаться до конца твердой. Таньчунь же совсем молодая, а как прекрасно разбирается в делах, да и в речах воздержанна. Она и грамотнее меня, и нрава более крутого. Пословица гласит: «Хочешь выловить разбойников, поймай главаря». Таньчунь пытается устанавливать свои порядки, и первым долгом, разумеется, это отразится на мне. Станет придирается, не перечь ей – напротив, хвали и выказывай всяческое уважение. Не бойся запятнать мое доброе имя! Теперь главное – не спорить с Таньчунь.

– Вы что, меня душой считаете? – перебила ее Пиньэр. – Ведь именно так я и действую! А вы вздумали меня поучать!

– Только и слышно «вы», «я», – с улыбкой промолвила Фэнцзе. – Ну чего так разволновалась?! Просто я полагала, ты никого, кроме меня, признавать не желаешь. Вот и решила тебя поучить. Если же ты сама до всего докопалась, значит, умнее меня.

– Вам не нравится, что я говорю «вы», – улыбнулась Пиньэр, подставляя щеку. – Бейте! Мне не привыкать!

– Ах ты дрянь! – вскричала Фэнцзе. – Все считаешь, сколько я совершила ошибок? Ведь знаешь, что я болею, а сердишь меня? Ну, ладно, я на тебя не в обиде! Давай пообедаем вместе! Все равно здесь никого нет.

В это время вошла Фэнъэр, а с ней несколько девочек-служанок, которые внесли столик.

Фэнцзе съела немного супа из ласточкиных гнезд и две чашечки маринованных овощей. Затем Фэнъэр поставила на столик четыре блюда для Пинъэр и положила ей рис в чашку.

После обеда Пинъэр подала Фэнцзе полоскательницу, подождала, пока та прополощет рот, и, сделав кое-какие указания Фэнъэр, отправилась к Таньчунь.

Во дворе стояла тишина – уже все разошлись.

Если хотите узнать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

Глава пятьдесят шестая

Сообразительная Таньчунь думает о том, как бы сократить расходы;

мудрая Баочай старается всем угодить

Итак, Пинъэр, пообедав вместе с Фэнцзе, подала ей полоскательницу и отправилась к Таньчунь. Во дворе у окна она увидела служанок, ожидавших приказаний.

Пинъэр прошла прямо в зал, где Ли Вань и барышни советовались, как лучше вести хозяйство; речь шла о саде, в котором Лай Да в нынешнем году устраивал угощение. Таньчунь, едва Пинъэр вошла, велела ей сесть и сказала:

– Дело, о котором я хотела посоветоваться, стоит не больше двух лянов, то есть столько, сколько мы расходует на помаду и пудру. Но служанкам, кроме того, выдают на нас еще по два ляна, и получается то же самое, что и с восемью лянами, которые платят за обучение в школе. Суммы будто бы небольшие, но их выдают дважды, а это нарушает порядок. Как же твоя госпожа допускает такое?

– Что же, дело немаловажное, – ответила Пинъэр. – Приказчики получают деньги, закупают все необходимое барышням, а потом выдают нам. А чтобы мы каждый день давали деньги служанкам и посылали их за покупками, такого правила нет. Два ляна ежемесячно выдаются барышням вовсе не на покупки. Бывает же, что вдруг понадобятся деньги, а госпожи нет дома. И барышне приходится их у кого-нибудь выпрашивать. Кстати, всякие мелочи барышни покупают чаще всего на эти два ляна. Вот я и подумала, что приказчики половину денег, выдаваемых им на покупки, утаивают или же закупают никудашний товар.

– Ты тоже это заметила? – спросили с улыбкой Ли Вань и Таньчунь. – Приказчики вряд ли мошенничают, просто не закупают вовремя. А станешь их торопить, принесут такое, что не знаешь, куда девать. Вот и приходится тратить собственные деньги из тех двух лянов, что нам выдают. Другого выхода нет.

– Все эти приказчики – мошенники, – поддакнула Пинъэр. – А выговоришь им за плохой товар, так еще обижаются, уверяют, будто это из

зависти хотят их лишить торговли. Поэтому служанка скорее предпочтет остаться виноватой перед барышнями, чем уличит в недобросовестности приказчика. А приказчики слова не скажут, когда барышни за покупками посылают не их.

– Вот это меня и беспокоит, – сказала Таньчунь. – Чем попусту тратить деньги, лучше вообще не давать их приказчикам. И еще одно дело. Когда мы ходили к Лай Да, то видели его сад. Разве можно сравнить его с нашим?

– Он в два раза меньше, – промолвила Пиньэр. – А значит, в нем меньше трав, цветов и деревьев.

– Совершенно верно, – согласилась Таньчунь. – Я говорила с одной служанкой из семьи Лай, и она мне сказала, что кроме цветов, съедобных ростков бамбука, фруктов и овощей, рыбы и раков из пруда, которые идут им на стол, их сад ежегодно дает почти двести лянов серебра чистого дохода. Тогда я и поняла, что каждый обломанный лист лотоса, каждая засохшая травинка и древесная ветка стоят денег, и немалых.

– Ты рассуждаешь как богатая и знатная бездельница! – усмехнулась Баочай. – Все вы хоть и барышни, а не знаете самых простых истин! Вы грамотны, читаете книги, так неужели вам не приходилось заглядывать в сочинение великого наставника Чжу Си «Не забывай о себе»?

– Я эту книгу читала, – улыбаясь, ответила Таньчунь, – там много пустословия и всяких небылиц, а это не располагает к усердию. Ничего жизненного нет в этом сочинении.

– По-твоему, выходит, философ Чжу Си пустослов? – спросила Баочай. – А я уверена в обратном. О чем бы он ни писал, все это жизнь! Второй день занимаешься хозяйственными делами, а жажда корысти лишила тебя здравого смысла. Потому сочинения Чжу Си и показались тебе пустыми и бессодержательными. Что же будет дальше? Когда ты собственными глазами увидишь, как наживаются люди, какие творят злоупотребления? Тогда, пожалуй, ты и самого Кун-цзы назовешь пустословом?

– Неужели ты, многоопытная и мудрая, не читала книгу Цзи-цзы? – в свою очередь насмешливо спросила Таньчунь. – Вот что он писал: «Стремящийся к карьере и выгоде, достигающий удачи и долголетия, – предаст забвению заповеди Яо и Шуня и сходит с пути, начертанного Кун-цзы и Мэн-цзы».

– А ты прочти дальше, – с улыбкой промолвила Баочай.

– Зачем? Чтобы опровергнуть самое себя? Нет уж, я цитирую лишь то, что считаю истиной.

– В Поднебесной нет вещей бесполезных, потому они и стоят денег, –

продолжала поучать Баочай. – Ты вот умная, а этого не знаешь. Так не годится!

– Да что же это вы! – вскричала Ли Вань. – Пригласили Пиньэр посоветоваться, а сами стараетесь перещеголять друг дружку в учености!

– Ученость – самое главное! – заметила Баочай. – Лишь простолюдины да базарные торговцы способны пренебречь ею!

После шуток и смеха девушки вновь заговорили о делах.

– Если наш сад вдвое больше сада Лай Да, значит, должен приносить вдвое больше прибыли, самое меньшее четыреста лянов, – решила Таньчунь. – Нам самим, разумеется, не пристало заниматься доходами от сада. Но поручить это кому-нибудь нужно, ведь безрассудно терять то, что даровано Небом. За это, пожалуй, могли бы взяться старые мамки, те, что живут в саду и знают толк в садоводстве и огородничестве. Арендной платы взимать с них, конечно, не следует – пусть часть дохода отдают нам, и все. Тогда год от года все пышнее будут разрастаться цветы и деревья, и если понадобится, мы легко приведем сад в порядок. Никто не посмеет портить плоды и растения, дарованные природой. Мамки получают определенный доход, будут вознаграждены за труды. Но и это не все! Мы избавимся от платы садовникам, уборщикам и мастерам, которые сооружают искусственные горки! А сэкономленными деньгами покроем другие расходы.

Баочай, которая в это время рассматривала каллиграфическую надпись на стене, обернулась и в знак одобрения кивнула головой.

– Прекрасно! – воскликнула она. – За три года, я думаю, мы таким образом поправим дела!

– Хорошая мысль! – произнесла в свою очередь и Ли Вань. – То-то госпожа обрадуется, если мы осуществим наш план. И дело даже не в экономии, а в том, что сад больше не будет без присмотра и люди, заинтересованные в доходах от продажи фруктов и овощей, станут работать на совесть!

– Только пусть об этом объявит сама барышня Таньчунь, – предложила Пиньэр. – Вторая госпожа, правда, тоже об этом думала, но сказать не решилась. Вы и так живете почти без развлечений, а тут еще кто-то будет присматривать за садом и мешать вам свободно гулять и делать то, что хочется.

Баочай подошла к Пиньэр, ткнула ее пальцем в щеку и, смеясь, сказала:

– Открой-ка рот, я погляжу, из чего у тебя сделаны зубы и язык! Сегодня ты с самого утра так и сыплешь заученными фразами: боишься

похвалить третью барышню за то, что она придумала, и не хочешь признать, что у твоей госпожи Фэнцзе на это не хватило ума. На каждое слово у тебя готов ответ. Не успеет барышня Таньчунь что-нибудь предложить, как ты тут же заявляешь, что твоя госпожа давно об этом думала, но сделать ничего не могла, то одно ей мешало, то другое. Сад, видите ли, отдавать под присмотр не стоит, экономия незначительная, а неудобств много. Ведь тогда нельзя будет сорвать ни плода, ни цветка. Барышням, конечно, никто слова не скажет, зато служанок будут ругать. Эта Пиньэр так печется о барышнях и до того дальновидна, что своими речами могла бы озадачить саму вторую госпожу Фэнцзе, если бы даже та плохо к нам относилась.

– Я нынче с утра была в скверном настроении, а стоило появиться Пиньэр, еще больше рассердилась, потому что вспомнила, что ее госпожа прибегает к услугам всяких грубиянок, – с улыбкой сказала Таньчунь. – Кто мог подумать, что Пиньэр целых полдня простоит в сторонке, как мышонок, напуганный кошкой, а затем поведет подобные речи! И не скажет прямо, что ее госпожа ко мне благоволит, а все обиняками, мол, «не напрасно госпожа не оставляет своим вниманием барышню Таньчунь». Тут весь мой гнев пропал, мне даже стало стыдно и больно. Я ведь совсем еще девочка и сама нуждаюсь в присмотре, как же мне управлять другими?

Слезы хлынули из глаз Таньчунь, и растроганная Ли Вань подумала:

«Наложница Чжао вечно клеветает госпоже Ван на эту милую девушку, как же ей от обиды не плакать?»

– Мы нынче решили два важных дела, – принялась утешать ее Ли Вань, – и скоро сможем увеличить доходы. Госпожа Ван будет довольна, ты оправдала ее надежды. Так что выбрось из головы всякую чепуху!

– Я все поняла! – с улыбкой промолвила Пиньэр. – Кого назовешь, того и пошлем работать в саду.

– Все это так, – согласилась Таньчунь. – Только прежде следует посоветоваться с твоей госпожой. Достаточно того, что мы самовольно нашли способ сократить расходы. Но твоя госпожа – человек умный, мешать не станет, поэтому я и пошла на это. Будь она глупой и завистливой, дело другое. Тогда она наверняка решила бы, что я хочу перебежать ей дорогу и все заслуги приписать себе. И все же надо посоветоваться с ней, а уж потом действовать.

– В таком случае я с ней поговорю, – пообещала Пиньэр и ушла.

Прошло довольно много времени, прежде чем она вернулась и сказала:

– Я знала, что пойду не напрасно! Разве стала бы госпожа Фэнцзе возражать против такого стоящего дела?

Ли Вань и Таньчунь приказали подать им список женщин, живших в саду, тщательно обсудили и выбрали несколько человек. Ли Вань вызвала женщин к себе и рассказала, что будет входить в их обязанности. Женщины с радостью согласились.

– Я возьму, если можно, участок, засаженный бамбуком, – сказала одна из женщин. – И на будущий год уже будет два таких участка. Я буду поставлять вам к столу молодые побеги бамбука и платить определенную сумму денег.

– А посевы риса отдайте мне, – попросила другая, – тогда не надо будет получать из общих кладовых рис и другое зерно на корм птицам – хватит того, что дам я.

Не успела Таньчунь ответить, как служанка доложила:

– К барышне Сяньюнь пожаловал доктор.

Женщины поспешили встретить врача, чтобы проводить к больной.

– Куда же вы? – крикнула вслед им Пиньэр. – Чем больше народу, тем меньше порядка. Неужели не достаточно двух экономок?

– У ворот Золотой парчи, в юго-западном углу сада, доктора дожидаются тетушки У и Дань, – ответила служанка.

Когда женщины ушли, Таньчунь спросила, что думает о них Баочай.

– «Усердный вначале, в конце нерадив. Кто корысти не чужд, тот и велеречив».

Таньчунь кивнула в знак согласия и указала несколько имен в списке. Пиньэр тем временем принесла кисть и тушечницу.

– Мамка Чжу вполне подходит, – единодушно решили девушки, – да и старик ее всю жизнь присматривает за бамбуком. Мамка Тянь из семьи земледельцев, и хотя злаки и овощи возле деревушки Благоухающего риса посажены забавы ради и там нет настоящих полей и огородов, лучше все же их не оставлять без присмотра – вовремя посадить что нужно, вовремя убрать.

– Очень жаль, что на таких обширных пространствах, как двор Душистых трав и двор Наслаждения пурпуром, не растет ничего, что могло бы принести доход! – с грустной улыбкой заметила Таньчунь.

– Во дворе Душистых трав растет кое-что получше! – возразила Ли Вань. – Например, душистые травы для благовоний, которые в больших городах торговцы продают в храмы! От них можно получить доход больший, чем от всего остального. Подсчитайте, и сами убедитесь. А во дворе Наслаждения пурпуром дважды в году – весной и летом – цветет роза мэйгуй. Сколько у нее бутонов! Я уже не говорю о вьющихся розах, красных и белых, чайных, индийских, гарциниях!.. Их лепестки можно

продать в чайные лавки либо аптекарям и выручить значительную сумму!

Таньчунь слушала и кивала головой, потом заметила:

– Жаль, что никто не разбирается в душистых травах и цветах.

– Мать Иньэр разбирается, – быстро подсказала Пиньэр, – ведь ее дочь прислуживает барышне Баочай и живет во дворе Душистых трав. Я помню, как она собирала травы, сушила на солнце и плела для меня красивые корзиночки, а также мастерила игрушки из тыквы-горлянки... Как же вы о ней забыли?

Баочай, покачав головой, усмехнулась:

– Я тебя похвалила, а ты яму мне роешь!

– Что это значит? – удивились девушки.

– Мать Иньэр я отдать не могу, – заявила Баочай. – У вас и без нее хватает людей, которые, кстати, ходят без дела и станут надо мной насмехаться, если мать Иньэр заберут у меня. Почему бы, например, им не приспособить к этому мамку Е, мать Бэймина, которая живет во дворе Наслаждения пурпуром? Она очень честная и дружна, кстати, с матерью моей Иньэр. Поэтому мать Иньэр, если понадобится, ей поможет и вы будете избавлены от лишних хлопот. Мало того. Мать Иньэр может взять на себя часть работы, если мамка Е не будет справляться и попросит об этом. Это уже их личное дело. Нас не касается. Пусть тогда болтают что угодно. Поступить так и справедливо, и для дела полезно.

– Прекрасная мысль! – вскричали Ли Вань и Пиньэр в один голос.

– Пожалуй, – сказала Таньчунь. – Боюсь только, как бы они не забыли о долге ради собственной выгоды.

– Об этом не беспокойтесь, – с улыбкой промолвила Пиньэр. – Недавно Иньэр признала мамку Е названной матерью и в честь этого устроила угощение. Так что обе семьи подружились крепко.

Слова Пиньэр немного успокоили Таньчунь.

Затем девушки, стараясь быть беспристрастными, снова просмотрели список прислуги и обвели кружочками имена тех, кого выбрали для того или иного дела.

Возвратились служанки, доложили, что доктор ушел, и подали девушкам рецепт. Те, внимательно его просмотрев, тотчас послали за лекарством, а сами объявили женщинам, кто за чем будет присматривать. Было точно указано, когда, что и в каких количествах следует поставлять в дом, остальное же разрешено было продавать, а в конце года производить расчеты.

– Вот еще что я хотела сказать, – произнесла напоследок Таньчунь. – Если наши служанки в конце года будут сдавать оброк в общую казну,

служащие могут этим воспользоваться в своих целях, потому что будут недовольны тем, что их обошли. Вначале они промолчат, но, как только вы в конце года явитесь к ним с отчетами, к чему-нибудь да придерутся. К тому же, согласно заведенному порядку, из всего, что будет получено за год, хозяевам, как всегда, достанется полная доля, а работающим – половина. Поэтому лучше не связываться с ними и расчеты за год производить самим, а не через общую кассу.

– А по-моему, эти расчеты вообще не нужны, – возразила Баочай. – Там излишек, здесь нехватка, – словом, одни хлопоты. Лучше выделить каждому определенный участок, и все вместе пусть снабжают нас тем, что потребуется в установленном количестве: масло для волос, помада, пудра, благовония и румяна – для барышень и служанок; метлы, веники, решета, корзины, метелочки для обметания пыли, а также корм для крупной и мелкой птицы, для оленей и зайцев, обитающих в саду. Тогда на все это не надо будет получать деньги из общей казны. Вот и подсчитайте, какая получится экономия!

– Вроде мелочь, – поддакнула Пиньэр, – а если сосчитать за год, выйдет не меньше четырехсот лянов.

– Да, в самом деле! – с улыбкой заметила Баочай. – За год – четыреста, за два – восемьсот! Да за такие деньги можно купить несколько домов для сдачи в аренду или несколько му земли, а излишки отдать тем, кто работает в саду, – по крайней мере и они не будут внакладе! Целый год не так-то легко трудиться! Экономия – дело хорошее, но увлекаться нельзя. Стоит ли ради каких-нибудь двухсот – трехсот лянов ронять доброе имя семьи? И все же если из общей казны будут в год выдавать на четыреста – пятьсот лянов меньше, никто не обвинит господ в скаредности, а для нас это большая поддержка! Да и для мамок, которые не при деле, – тоже. Благодаря их стараниям сад расцветет, мы ни в чем не будем нуждаться и достоинство семьи сохраним. Если начать экономить на всем и сэкономленные деньги сдавать в казну, начнется ропот, пойдут сплетни. Престиж семьи пострадает. Поручить прибыльное дело только нескольким мамкам – значит вызвать недовольство подобной несправедливостью. Поэтому мамки, работающие в саду, должны не только поставлять нам то, что потребуется, а еще и делиться своими доходами с другими служанками. Ведь служанкам приходится все время присматривать за садом. То их посылают с поручениями, то с раннего утра до позднего вечера они дежурят у ворот, открывают и закрывают, сопровождают барышень при выездах, носят паланкины, катают барышень на лодках, санках и выполняют другую тяжелую работу. И еще – на первый взгляд мелочь, но

она может сыграть огромную роль. Если мы будем думать лишь о себе, как бы самим жить получше, а им никакой доли от доходов не выделим, они не посмеют открыто роптать, однако в душе затаят недовольство, станут красть фрукты, рвать цветы, – в общем, превратятся в наших врагов, а на кого пожаловаться – неизвестно. Если же кое-что и на их долю перепадет, то там, где не сможем досмотреть мы, они сами досмотрят.

Услышав, что в конце года не придется отчитываться в конторе и перед Фэнцзе, а только отдавать несколько связок медных монет остальным служанкам, женщины радостно вскричали:

– Согласны! Это лучше, чем иметь дело с конторщиками, ведь все равно приходится платить!

А служанки, не получившие работы в саду, узнав, что им достанется часть доходов, дружно заявили:

– Мы не хотим зря получать деньги. Мы тоже будем работать. Помогать!

– Вот и хорошо, – улыбнулась Баочай. – Старайтесь, не отлынивайте от работы! Не пейте лишнего, не увлекайтесь игрой в кости! Не мне вам об этом напоминать! Госпожа Фэнцзе больна, барышни еще слишком молоды, и присматривать за домом тетушка велела мне. Я согласилась, не хотела ее огорчать. В доме дел много, здоровье у нашей госпожи слабое, ей одной не управиться, а мне делать нечего. Я всегда готова помочь даже соседу, ну а тетушке и говорить не приходится. Не все, конечно, будут мною довольны. Не ради славы же согласилась я помогать. И как я буду смотреть в глаза тетушке, если вы станете пьянствовать и играть в азартные игры. Смотрите не запятнайте свое доброе имя, чтобы потом не пришлось раскаиваться! За барышнями в саду, а теперь и за садом велено присматривать вам потому, что вы люди как будто надежные, давно служите и не станете нарушать приличия. А будете своевольничать и творить всякие безобразия, тетушка вам сделает выговор. Но это не самое страшное. Хуже, если об этом прознают главные управительницы и, не докладывая госпоже Ван, накажут вас сами. Тогда вам, почтенным пожилым женщинам, придется выслушивать поучения молодых. И хотя они – управительницы, для вас все равно позор! Потому я и предложила выделять вам часть доходов, чтобы вы старались, не ссорились друг с другом и заботились о саде. Послушаетесь моего совета, управительницы станут уважать вас, да и остальным служанкам будет от этого польза. Так что подумайте хорошенько над моими словами!

– Вы правы, барышня! – сказали женщины. – Не беспокойтесь! Пусть покарают нас Небо и Земля, если мы подведем вас!

В это время появилась жена Линь Чжисяо.

– Вчера из Цзяннани приехала семья Чжэнь, – сказала она. – Они побывали при дворе, принесли поздравления государю, а сейчас прислали сюда человека справиться о здоровье наших господ, госпожи и барышень.

С этими словами женщина вручила Таньчунь список подношений семьи Чжэнь. Вот что там значилось:

«Шелка лучшего, с узорами в виде драконов – двенадцать кусков.

Шелка высшего качества, разных цветов – двенадцать кусков.

Флера разных цветов – двенадцать кусков.

Лучшего дворцового атласа – двенадцать кусков.

Дворцового набивного шелка, сатина, флера и атласа разных цветов – двадцать четыре куска».

Просмотрев список, Ли Вань и Таньчунь приказали:

– Как следует наградить доставивших подношения.

Когда о подарках доложили матушке Цзя, она распорядилась принести их к ней. Ли Вань вызвала кладовщиков и приказала:

– Как только старая госпожа осмотрит подарки, сразу их уберете!

Матушка Цзя все внимательно осмотрела и заявила:

– В семье Чжэнь порядки особые. Слуг, которые принесли подношения, мы наградим, а следом явятся служанки справиться о нашем здоровье. Для них тоже нужно приготовить подарки.

И в самом деле. Только матушка Цзя это произнесла, как служанка доложила:

– Прибыли четыре женщины из семьи Чжэнь справиться о вашем здоровье, почтенная госпожа!

Матушка Цзя приказала их просить. Вошедшие служанки были немолоды, лет по сорок, и одеты почти так же богато, как их госпожи. Они передали поклон от своих господ, после чего матушка Цзя распорядилась принести четыре стульчика и усадить их. Женщины поблагодарили за приглашение, но сели лишь после того, как сели Баочай и все остальные.

– Давно ли вы прибыли в столицу? – осведомилась матушка Цзя.

– Вчера, – ответили женщины. – Госпожа взяла барышню и отправилась во дворец с поздравлениями, а нам велела заехать сюда, справиться о здоровье вашем и барышень.

– Давно вы у нас не были, – заметила матушка Цзя, – я уж и не чаяла свидеться с вами.

– Вы правы, почтенная госпожа, очень давно. А вот в нынешнем году мы удостоились высочайшего повеления прибыть в столицу.

– Приехали всей семьей? – поинтересовалась матушка Цзя.

– Нет, только госпожа с третьей барышней пожаловали, – отвечали женщины. – А старая госпожа с сыном и двумя младшими барышнями остались дома.

– Третья барышня просватана? – спросила матушка Цзя.

– Пока еще нет.

– Ваши старшая и вторая барышни очень дружны с нашими, – улыбнулась матушка Цзя.

– Это мы знаем, – промолвили женщины. – Наши барышни в письмах пишут, сколько вы уделяете им внимания.

– При чем тут внимание? – усмехнулась матушка Цзя. – Ведь мы давнишние друзья и вдобавок связаны родственными узами. Как же может быть иначе? Особенно хороша ваша вторая барышня! Держится просто, и мы очень друг другу близки!

– Это вы, почтенная госпожа, из скромности не хотите признаться в собственной доброте! – хором возразили женщины.

– Значит, ваш младший господин остался со старой госпожой? – спросила матушка Цзя.

Женщины ответили, что остался.

– А сколько ему лет? – продолжала расспрашивать матушка Цзя, – В школу он уже ходит?

– Младшему господину тринадцать минуло, – ответили женщины. – Он очень хорош собой, и старая госпожа души в нем не чает. Совсем избаловала. Учиться он не желает, часто убегает из школы. А отец с матерью смотрят на это сквозь пальцы.

– Точь-в-точь как у нас! – воскликнула матушка Цзя. – Как же зовут вашего младшего господина?

– Старая госпожа нарекла мальчика Баоюем, потому что у него белая, словно яшма, кожа, и дорожит им, будто сокровищем.

– Вот видишь, – сказала матушка Цзя, обращаясь к Ли Вань, – оказывается, есть на свете еще один Баоюй.

Ли Вань с поклоном ответила:

– С древности известны люди с одинаковыми именами, которые жили в разное время.

– Вполне возможно, – согласились женщины. – Когда мальчику давали молочное имя, стали припоминать, нет ли среди детей наших родичей кого-нибудь с таким же именем, но так и не вспомнили – ведь почти десять лет не приезжали в столицу.

– Моего внука тоже зовут Баоюй, – с улыбкой промолвила матушка Цзя и приказала служанкам: – Приведите сюда Баоюя, чтобы эти

почтенные женщины на него посмотрели и сравнили с их Баоюем.

Служанки удалились и вскоре вернулись вместе с Баоюем.

Тут все четыре женщины из дома Чжэнь вскочили и взволнованно промолвили;

– Ну и перепугали вы нас, почтенная госпожа! Повстречай мы вашего внука где-нибудь в другом месте, подумали бы, что это наш младший господин приехал в столицу!

Они подошли к Баоюю, взяли его за руки и принялись расспрашивать о том о сем. Баоюй улыбнулся, справился об их здоровье.

– Ну что? Похож он на вашего Баоюя? – с улыбкой спросила матушка Цзя.

Тут в разговор вмешалась Ли Вань:

– Уважаемые тетушки только что сказали, что мальчики похожи друг на друга как две капли воды!

– Не может этого быть, – покачав головой, возразила матушка Цзя. – Просто вам показалось. Все дети, которые растут в одинаковых условиях, если у них не безобразные лица, в общем похожи друг на друга.

– Они и в самом деле очень похожи, – подтвердили женщины, – и, судя по вашим словам, почтенная госпожа, в равной степени избалованы. И все же ваш мальчик, пожалуй, лучше нашего.

– С чего вы взяли? – удивилась матушка Цзя.

– Он позволил нам взять его за руки и не ругался при этом, – ответили женщины. – А наш господин обозвал бы нас дурами. Наш никому не дает прикасаться ни к себе, ни к своим вещам. А прислуживают ему только молоденькие девушки.

Тут Ли Вань и барышни не сдержались и прыснули со смеху, а матушка Цзя с улыбкой сказала:

– При посторонних ваш Баоюй повел бы себя совсем иначе, если бы даже его взяли за руки старухи. И ваш мальчик, и наш, оба понимают, что надо соблюдать приличия, иначе их осудят, и делают все, чтобы добиться расположения и любви взрослых. Они видят, что взрослые соблюдают приличия, и стараются подражать им. А безобразничают, лишь когда взрослых поблизости нет. Чтобы не позорить родителей. Иначе убить бы их мало, несмотря на их красоту.

– Вы совершенно правы, почтенная госпожа, – поддакнули женщины. – Наш Баоюй, хотя распушен и избалован, при гостях ничего лишнего себе не позволит и соблюдает приличия еще усерднее взрослых. Поэтому он всеобщий любимчик, и все удивляются, почему его бьют и наказывают. Но что он дома творит, даже представить трудно. Никого не

признает, все ему нипочем, а уж какие речи ведет, так не всякий взрослый до таких додумается! Вот почему отец с матерью им недовольны. Хотя капризы свойственны чадам богачей, а ходить в школу дети вообще не любят. Дело это поправимое. Но как быть с его странным характером, неизвестно!

– Госпожа вернулась! – доложили служанки, прервав разговор.

На пороге появилась госпожа Ван. Она справилась о здоровье матушки Цзя, а затем женщин из дома Чжэнь. Завязался непринужденный разговор. Наконец матушка Цзя сказала госпоже Ван:

– Можешь идти отдыхать!

Госпожа Ван налила матушке Цзя чаю и удалилась. Женщины из дома Чжэнь попрощались с матушкой Цзя и отправились к госпоже Ван. Но о том, какой они вели разговор, мы рассказывать не станем.

Матушка Цзя сразу после ухода служанок из дома Чжэнь всем рассказала, что есть, оказывается, на свете еще один Баоюй, похожий как две капли воды на ее внука и внешностью, и характером. Никто между тем не придавал ее словам особого значения, ибо все думали: «Много в Поднебесной богатых и знатных семей, а еще больше детей с одинаковыми именами. Просто бабушка обожает своего внука и без конца о нем говорит!»

Что же касается Баоюя, то он считал себя единственным, как всякий избалованный юноша из знатной семьи, и был убежден, что всю эту историю женщины из дома Чжэнь рассказали лишь для того, чтобы угодить матушке Цзя. Но когда он навестил Сяньюнь, та заметила:

– Можешь теперь безобразничать сколько угодно! Раньше ты был один, а как известно, «из одной шелковинки не сплести нити, из одного дерева не получится лес». Теперь у тебя нашелся двойник, и если тебя поколотят за твои безобразия, сможешь убежать в Нанкин, к своему двойнику.

– Значит, ты поверила этой выдумке? – спросил юноша. – Думаешь, есть еще один Баоюй?

– Почему бы и нет? – промолвила Сяньюнь. – Неужели ты не знаешь, что в период Борющихся царств жил Линь Сянжу^[126], а при Ханьской династии – Сыма Сянжу^[127]?

– Одно дело люди с одинаковыми именами, другое – с одинаковой внешностью, – с улыбкой заметил Баоюй.

– И такое бывает! – проговорила Сяньюнь. – Вспомни, жители области Куан приняли Кун-цзы за Ян Хо!^[128]

– Это я знаю, – промолвил Баоюй, – но ведь имена у них были разные! Линь Сянжу и Сыма Сянжу совсем не походили друг на друга внешностью. А про того мальчика говорят, что он точная моя копия. Неужели ты в это веришь?

Сяньюнь не знала, что ответить, и сказала с улыбкой:

– Не желаю я слушать твою болтовню. Есть у тебя двойник или нет – совершенно меня не касается.

Она легла, отвернувшись к стене и уснула.

В душу Баоюя закралось сомнение. «Нельзя не верить, раз говорят, что у меня есть двойник, – думал он, – но и верить нельзя, раз я его не видел!»

Баоюю стало почему-то грустно, он вернулся к себе, лег и задремал. И приснилось ему, будто он попал в сад, точь-в-точь похожий на сад Роскошных зрелищ.

«Неужели есть еще такой сад, как у нас?» – удивился Баоюй.

В этот момент к нему подошли служанки. Баоюй еще больше удивился.

– Оказывается, есть не только Юаньян, Сижэнь и Пиньэр, но еще и вы?

Служанки улыбнулись и ничего не сказали. Потом вдруг воскликнули:

– Как попал сюда Баоюй?

Баоюй решил, что вопрос обращен к нему, и ответил:

– Я случайно сюда попал, даже не знаю, кому принадлежит этот сад... Возьмите меня с собой погулять, сестрицы!

– Да это же не наш Баоюй! – замахали руками девушки. – Но манеры у него хорошие, и говорит он умно!

– Сестрицы, значит, у вас есть еще Баоюй? – спросил юноша.

– Конечно! – отвечали служанки. – Так называли нашего младшего господина по желанию старой госпожи, чтобы продлить ему жизнь. А ты, интересно, откуда взялся и почему носишь такое же имя? Берегись, самозванец, как бы тебе не попало за это!

В тот же момент одна из служанок воскликнула:

– Идемте скорее отсюда, а то Баоюй нас увидит!

– Да что с ним разговаривать, с этим вонючим, – вскричала другая служанка. – Мы так провоняли, что и благовония не помогут!

Служанки исчезли.

«Меня еще никто так не оскорблял, – рассердился Баоюй. – В чем же дело? Пожалуй, у меня и в самом деле есть двойник!»

Опечаленный Баоюй пошел прочь и вдруг очутился в каком-то дворе, точь-в-точь похожем на двор Наслаждения пурпуром.

«Неужели есть еще такой двор, как у нас?» – подумал он.

Баоюй поднялся на крыльцо, вошел в дом и вдруг увидел спящего на лежанке юношу, а рядом – служанок. Вдруг спящий вздохнул, и одна из служанок спросила:

– Баоюй, почему ты вздыхаешь? Тебе грустно, что твоя сестра опять заболела?

Баоюй и удивился, и испугался. Вдруг он услышал, как юноша произнес:

– Бабушка уверяет, будто в столице тоже живет Баоюй с таким же нравом, как у меня. Я не поверил, но только что мне приснилось, будто я очутился в столице, в большом саду, где служанки почему-то обозвали меня вонючим.

Тут Цзя Баоюй не выдержал и вскричал:

– Я искал Чжэнь Баоюя! Оказывается, это ты и есть?

Юноша быстро вскочил с лежанки, схватил Баоюя за руку и воскликнул:

– Значит, ты и есть тот самый Баоюй? Не во сне ли я тебя вижу?

– Как же во сне? – возразил Цзя Баоюй. – Все наяву!

В этот момент на пороге появился слуга и громко произнес:

– Баоюя зовет к себе отец!

Юноши всполошились. Один бросился к двери, другой крикнул:

– Баоюй, вернись!

Тут Сижэнь растолкала Баоюя и с улыбкой спросила:

– О каком Баоюе ты говоришь?

Баоюй, еще не совсем проснувшись, указал пальцем на дверь:

– Он только что вышел.

– Тебе показалось! – улыбнулась Сижэнь. – Протри глаза, и увидишь собственное отражение в зеркале!

И в самом деле. Баоюй поглядел и рассмеялся, увидев себя в зеркале, вделанном в стену напротив его постели.

Служанка подала ему полоскательницу и чашку с раствором соли, а Шэюэ, видя, что Баоюй не в себе, сказала:

– Недаром старая госпожа велела убирать зеркала из комнат молодых, а то душа покидает тело и, если долго смотреть в зеркало, снятся странные, тревожные сны. А мы, как назло, поставили кровать прямо напротив зеркала! Хорошо еще, что время от времени опускаем на него покрывало. А настанет лето, нас разморит жарой, и мы нет-нет да и забудем занавесить зеркало. Вот и сейчас забыли! Перед сном он баловался, смотрелся в зеркало, ему и приснилась всякая ерунда. Иначе разве стал бы он сам себя

звать детским именем? Завтра же надо переставить кровать.

Не успела Шэюэ произнести эти слова, как явилась служанка и сказала, что госпожа Ван зовет сына.

Если хотите знать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

Глава пятьдесят седьмая

Хитрая служанка льстивыми речами испытывает Баоюя;

добрая тетушка ласковыми словами утешает Чернобровку

Итак, Баоюй поспешил к госпоже Ван. Она сказала, что собирается навестить госпожу Чжэнь, и решила взять его с собой. Обрадованный Баоюй прибежал домой, переоделся и вместе с матерью отправился в гости.

Дом семьи Чжэнь очень походил на дворцы Жунго и Нинго, только там было еще роскошней.

Тщательно обо всем расспросив госпожу Чжэнь, госпожа Ван узнала, что в семье Чжэнь тоже есть юноша по имени Баоюй. Госпожа Чжэнь пригласила гостей обедать, и возвратились они домой лишь к концу дня.

И все же Баоюю не верилось, что есть на свете юноша с таким же именем и внешностью, как у него.

Возвратившись домой, госпожа Ван распорядилась устроить угощение, позвать актеров и пригласила госпожу Чжэнь с дочерью. А еще через два дня госпожа Чжэнь, даже не успев нанести прощальный визит госпоже Ван, вместе с семьей отбыла к месту службы мужа. Но об этом пока речи не будет.

Однажды, когда Сяньюнь уже начала поправляться, Баоюй решил навестить Дайюй. Дело было в полдень, и Дайюй как раз прилегла отдохнуть. Баоюй не стал ее тревожить и, заметив на террасе Цзыцзюань с вышиванием в руках, подошел к ней и спросил:

– Как твоя барышня? Все так же кашляла ночью?

– Немного поменьше, – ответила Цзыцзюань.

– Амиитаба! – произнес Баоюй. – Скорее бы поправлялась!

– Не знала я, что и вы теперь поминаете Будду! – воскликнула Цзыцзюань.

– Что ж, – улыбнулся Баоюй, – пословица гласит: «Когда болезнь обостряется, на помощь призывают любых докторов»!

Вдруг Баоюй заметил, что на Цзыцзюань только черная сатиновая кофта и синяя атласная безрукавка. Он погладил девушку по спине и

произнес:

– Ты так легко одета, а сидишь на самом ветру. Еще не хватало, чтобы ты заболела!

– Говорите сколько угодно, только руки в ход не пускайте! – строго произнесла Цзыцзюань. – Увидит какой-нибудь дурак, сплетни пойдут. Вы ведете себя как ребенок. Разве можно? Барышня не велит нам ни шутить, ни смеяться с вами, но от вас разве спрячешься?

Она встала, взяла вышивание и ушла к себе в комнату.

Баоюя словно окатили ушатом холодной воды. Он стоял на террасе, тупо глядя на растущий во дворе бамбук.

Мамка Чжу в это время рыхлила землю, сажала бамбук и сметала опавшие прошлогодние листья. Погруженный в свои невеселые мысли, Баоюй не заметил ее, сел на камень, и из глаз его покатались слезы. Сидел он долго, за это время, пожалуй, можно было бы пообедать. И чего только не передумал! А тут как раз появилась Сюэянь, она принесла от госпожи Ван женьшень для Дайюй. Заметив, что кто-то сидит на камне, она повнимательней присмотрелась и узнала Баоюя.

«Зачем он сидит здесь в такой холод совершенно один? – удивилась девушка. – Говорят, что весной у людей слабовольных могут разыграться прежние чувства. А может быть, Баоюй не в себе, как уже было однажды?»

Она подошла к юноше, опустилась на корточки, заглянула в глаза и спросила:

– Что вы здесь делаете?

– Не приближайся ко мне! – воскликнул Баоюй. – Твоя барышня тебе не велит! Всем девушкам она запретила знаться со мной, чтобы избежать неприятностей. Увидит кто-нибудь, сплетни пойдут! Так что уходи лучше!

Сюэянь решила, что Дайюй его чем-то обидела, ничего не сказала и скрылась за дверью.

Дайюй спала, и Сюэянь отдала женьшень Цзыцзюань.

– Что делает госпожа Ван? – поинтересовалась Цзыцзюань.

– Отдыхает, поэтому я и задержалась, – ответила Сюэянь. – Ждала в прихожей, пока госпожа проснется, и от нечего делать болтала с сестрой Юйчуань. Вдруг появилась наложница Чжао и поманила меня рукой. Зачем, думаю, я ей понадобилась? А она, оказывается, собиралась в дом своего умершего брата посидеть у гроба и остаться на следующий день на похороны. Попросила у меня белый сатиновый халат для Цзисян, ее служанки, говорит, той надеть нечего. А я сразу смекнула, в чем дело. Одеться ей есть во что, только зачем портить свое, если можно взять чужое. Мелочь это, конечно, можно бы и дать халат, но с какой стати? Что

хорошего мы видели от наложницы Чжао? Я ей и говорю: «Все мои платья, головные украшения и кольца взяла на хранение сестра Цзыцзюань, так барышня распорядилась. В общем, придется вам обратиться к барышне. А это не так просто! Сколько лишних хлопот! Вы задержитесь с выездом. Лучше попросите халат у кого-нибудь другого!»

– Ну и плутовка! – смеясь, воскликнула Цзыцзюань. – Своего ничего не дала, свалила все на нас с барышней и сухой из воды вышла! Она уезжает прямо сейчас? Или утром?

– Сейчас, а может быть, уже уехала! – ответила Сюэянь.

Цзыцзюань молча кивнула.

– Барышня как будто еще не проснулась, – произнесла между тем Сюэянь. – Кто же расстроил господина Баоюя? Иду, смотрю – он сидит и плачет.

– Где? – удивилась Цзыцзюань.

– Совсем рядом, у беседки Струящихся ароматов под персиковым деревом!..

Цзыцзюань отложила вышивание, встала и обратилась к Сюэянь:

– Посиди здесь, если барышня станет звать меня, скажи, я мигом вернусь.

Она выбежала из ворот павильона Реки Сяосян, нашла Баоюя и с улыбкой сказала:

– Я говорила все для вашей же пользы, а вы обиделись, плачете, да еще сели на самом ветру. Так и заболеть недолго!

– Кто обиделся? – вскричал Баоюй. – Ты все говорила разумно, но мне стало больно при мысли, что и другие будут меня избегать. Как и ты!

Цзыцзюань села рядом с Баоюем, а он продолжал:

– Ведь только что ты отсюда ушла рассерженная, а теперь снова явилась да еще села рядом. Не боишься?

– Я просто хотела узнать, – смеясь, ответила Цзыцзюань, – о чем шел у вас с барышней разговор несколько дней назад. Помните? Вы что-то говорили о ласточкиных гнездах, но пришла наложница Чжао, и вы замолчали.

– Ничего особенного, – ответил Баоюй. – Барышне нужны ласточкины гнезда, а просить все время у сестры Баочай неудобно, она наша гостья. К матушке обратиться я не решился. Намекнул бабушке, зная наперед, что она все перескажет Фэнцзе. Об этом у нас и шел разговор. Но теперь все в порядке. Сестрице Дайюй, я слышал, ежедневно дают по одному лян ласточкиных гнезд.

– Спасибо вам за заботу о барышне, – ответила Цзыцзюань. – А мы

думали, это вдруг старая госпожа о нас вспомнила и, что ни день, шлет ласточкины гнезда!

– Если сестрица привыкнет их есть, глядишь, года через два-три поправится, – с улыбкой промолвил Баоюй.

– Привыкнуть она привыкнет, – кивнула Цзыцзюань, – но что будет на следующий год, когда барышня вернется домой? Там ей не на что покупать такие деликатесы!

– Кто уедет? – встревоженно спросил Баоюй.

– Сестрица Дайюй. Она уедет в Сучжоу, – усмехнулась Цзыцзюань. – Вы разве не знаете?

– Не болтай глупостей, – недоверчиво сказал Баоюй. – Я знаю, конечно, что родом она из Сучжоу, но матери ее нет в живых, и дома некому о ней позаботиться. Как же она уедет? Все это выдумки!

– Напрасно вы так говорите! – холодно усмехнулась Цзыцзюань. – Думаете, только ваш род такой многочисленный, а у других не может быть родственников? Старая госпожа из жалости приютила барышню, но не навсегда же! В Сучжоу у барышни живет дядя. А барышне скоро замуж пора, и она должна возвратиться в семью Линь. Не век же ей у вас жить! Что и говорить, семья Линь бедна, бывает, что им и есть нечего, но люди они ученые и ни за что не согласятся, чтобы барышня навсегда осталась в вашем доме. Ведь все станут над ними смеяться. В общем, будущей весной, самое позднее – осенью барышню отправят в Сучжоу, а не отправят, за ней приедут люди из семьи Линь. Третьего дня барышня сама мне об этом сказала. Еще она просила вас вернуть все игрушки, которые подарила вам в детстве, а она вам ваши вернет.

Услышанное повергло Баоюя в смятение: будто гром грянул над его головой. Цзыцзюань любопытно было услышать, что Баоюй ответит, и она не уходила. Но Баоюй ни слова не произнес. Когда же Цзыцзюань сама захотела его о чем-то спросить, появилась Цинвэнь и воскликнула:

– Так вот, оказывается, вы где! Идемте скорее, бабушка зовет!

– Второй господин интересовался, как чувствует себя моя барышня, – произнесла с улыбкой Цзыцзюань. – Я стала рассказывать, а он не верит. Лучше уведи его отсюда!

С этими словами Цзыцзюань направилась к дому.

Цинвэнь взглянула на Баоюя и испугалась. Он покраснел, на лбу выступил пот, и вообще вид у него был как у безумного. Недолго думая Цинвэнь схватила его за руку и потащила во двор Наслаждения пурпуром. Увидев Баоюя, Сижэнь не знала, что и думать; то ли погода на него подействовала, то ли его продуло.

Жар – это бы еще полбеды! Но глаза у Баоюя остекленели, на губах выступила пена, и он ничего не соображал. Подали подушку – он послушно лег, подняли и посадили – сел, поднесли чашку чая, стал пить. Служанки переполошились, но ни одна не осмелилась доложить матушке Цзя, а послали за мамкой Ли.

Старуха тотчас явилась. Долго осматривала Баоюя, о чем-то спрашивала, ответа не получила, пощупала пульс, несколько раз надавила на верхнюю губу, так что на ней остались следы пальцев. Баоюй ничего не почувствовал.

– Плохо дело! – охнула мамка, обхватила руками голову и запричитала.

– Ну, говори же скорее, что с ним? – дернула ее за рукав Сижэнь. – Надо ли доложить бабушке и матушке? Перестань причитать!

– Надежды никакой! Напрасно я весь век старалась! – голосила мамка.

Мамка Ли была старой и опытной, поэтому все поверили ее словам и тоже запричитали.

Цинвэнь между тем рассказала Сижэнь о том, что видела и слышала. Сижэнь помчалась в павильон Реки Сяосян и появилась там, как раз когда Цзыцзюань подавала Дайюй лекарство. Сижэнь бросилась к служанке:

– Ты о чем говорила с Баоюем? Пойди посмотри на него, а потом отправишься к старой госпоже докладывать. Я не пойду, не хочу наживать неприятности!

И Сижэнь в изнеможении опустилась на стул.

– Что случилось? – встревожилась Дайюй, глядя на пылавшее гневом лицо Сижэнь со следами слез.

– Не знаю, что ему сказала «госпожа Цзыцзюань», – сквозь слезы промолвила Сижэнь, – но только глаза у Баоюя стали будто стеклянные, руки и ноги похолодели, язык отнялся! Мамка Ли щиплет его, а он как мертвый, не чувствует! Все няньки в один голос твердят, что надежды никакой, и голосят!

Дайюй подумала, что раз мамка Ли говорит, значит, так и есть, охнула, по телу пробежала судорога, начался приступ кашля, и ее вырвало. Лицо покраснело, волосы растрепались, глаза припухли, она задыхалась и не могла поднять голову. Цзыцзюань стала хлопать ее по спине. Но Дайюй, упав на подушки, оттолкнула ее и выкрикнула:

– Не трогай меня! Лучше принеси веревку и удуши!

– Ничего особенного я не сказала! – оправдывалась Цзыцзюань. – Пошутила, а он принял мои слова всерьез!

– Но он мог не понять твоей шутки! Об этом ты не подумала? – обрушилась на служанку Сижэнь.

– Пойди объясни, что ты пошутила, – приказала Дайюй, – может быть, ему станет легче?

Цзыцзюань соскочила с кровати и следом за Сижэнь побежала во двор Наслаждения пурпуром. Матушка Цзя и госпожа Ван уже были там.

– Что ты ему сказала, негодница?! Отвечай! – напустилась на девушку старая госпожа.

– Ничего, просто пошутила, – робко произнесла Цзыцзюань.

Баоюй, увидев Цзыцзюань, неожиданно охнул и разразился рыданиями. У всех отлегло от сердца.

Матушка Цзя схватила Цзыцзюань за руку – она думала, девушка обидела внука, – приказала ей встать на колени и просить у Баоюя прощения. Но тут, ко всеобщему удивлению, Баоюй вцепился в руку Цзыцзюань так, что не оторвать, и твердил:

– Возьмите меня с собой!

Никто не понял, что значат его слова. Лишь потом выяснилось, что Цзыцзюань сказала Баоюю, будто Дайюй собираются отправить в Сучжоу, из-за этого все и случилось.

– Я думала, что-то важное, а оказалось – просто шутка! – сквозь слезы промолвила матушка Цзя и обратилась к Цзыцзюань: – Ведь ты умная, смышленная девушка, знаешь, что у него есть странности, – зачем же вздумала его обманывать?

В разговор вмешалась тетушка Сюэ:

– Баоюй искренний и чистосердечный мальчик, вырос вместе с барышней Линь Дайюй, и дружат они не как брат с сестрой. Будь Баоюй не наивным мальчиком, а взрослым рассудительным человеком, он все равно расстроился бы от подобной новости. Успокойтесь, почтенная госпожа, опасности никакой нет, выпьет лекарство, и все пройдет.

В это время вошла служанка и доложила:

– Пришли жены Линь Чжисяю и Лай Да навестить второго господина Баоюя.

– Передайте им мою благодарность за заботу, – сказала матушка Цзя, – и позовите сюда!

Но Баоюй, услышав слово «Линь», начал метаться и кричать:

– Не надо, не надо! Они за ней приехали, гоните их прочь!

– Скажите, пусть уходят! – приказала служанке матушка Цзя и принялась утешать Баоюя: – Успокойся! За ней не приедут, в семье Линь никого не осталось в живых!

– Никто, кроме сестрицы Дайюй, не имеет права носить фамилию Линь, – кричал Баоюй, – я не решаю!

– Никто с фамилией Линь и не приходил! – ответила матушка Цзя. – С этой фамилией всех давно выгнали. – И затем велела служанкам: – Передайте жене Линь Чжисяю, чтобы впредь не появлялась в саду и чтобы никто не произносил слова «Линь»! Слышали?

Все лишь поддакивали, не осмеливаясь улыбнуться.

Между тем взгляд Баоюя упал на маленький заморский кораблик, стоявший на полке, и он снова закричал:

– Зачем здесь корабль? Это за ней? Он только что причалил к пристани!

Матушка Цзя приказала убрать кораблик, и Сижэнь поспешила исполнить приказание. Однако Баоюй потребовал кораблик, сунул его под одеяло и, по-прежнему крепко держа за руку Цзыцзюань, промолвил:

– Теперь она не уедет! – и рассмеялся.

В это время служанка доложила:

– Приехал доктор.

Матушка Цзя распорядилась немедленно его привести. Госпожа Ван, тетушка Сюэ и Баочай поспешили уйти во внутреннюю комнату, а матушка Цзя осталась.

Доктор Ван почтительно приблизился к старой госпоже, справился о здоровье, после чего принялся осматривать Баоюя. Цзыцзюань, стоявшая тут же, невольно опустила голову.

Доктор Ван пощупал пульс, покачал головой и сказал:

– У мальчика умопомрачение, вызванное резкой болью. Как говорили древние: «Бывает несколько случаев помешательства: на почве застоя крови и несварения желудка, вследствие усиленного выделения слизи в моменты гнева и раздражения и, наконец, в результате резкой внезапной боли». У вашего мальчика последний случай. Он легче других поддается лечению.

– Скажите прямо, болезнь опасна? – перебила доктора матушка Цзя. – Зачем пересказывать медицинские книги?

– Ничего опасного нет, – кланяясь, ответил доктор.

– В самом деле? – недоверчиво спросила матушка Цзя.

– Да, конечно, – подтвердил доктор. – Я готов нести ответственность за свои слова.

– В таком случае пройдите в прихожую и выпишите рецепт, – сказала матушка Цзя. – Если Баоюй быстро поправится, я отправлю его к вам на поклон с щедрым вознаграждением, а не поправится – велю разнести до основания лекарский приказ!

Доктор Ван непрерывно кланялся, улыбался и не переставал

повторять:

– Что вы! Что вы! Помилуйте! Премного благодарен!

Предвкушая щедрое вознаграждение, доктор пропустил мимо ушей угрозу матушки Цзя разнести до основания лекарский приказ, приняв ее за шутку.

Глядя на него, матушка Цзя, а вслед за нею и остальные весело рассмеялись.

Выписанное доктором Ваном лекарство и в самом деле помогло. Баоюй немного успокоился, но ни в какую не соглашался отпустить Цзыцзюань, продолжая твердить:

– Они уедут в Сучжоу!..

Тогда матушка Цзя и госпожа Ван решили пока оставить девушку у Баоюя, а Хупо послали прислуживать Дайюй.

Между тем Дайюй то и дело посылала Сюэянь во двор Наслаждения пурпуром разузнавать, что там происходит.

К вечеру, видя, что Баоюю лучше, матушка Цзя с госпожой Ван ушли, однако ночью несколько раз присылали служанок справляться о его самочувствии.

В эти дни за Баоюем присматривали мамка Ли, няня Сун и еще несколько пожилых женщин, а Цзыцзюань, Сижэнь и Цинвэнь ни днем ни ночью не отходили от его постели. Забывшись коротким сном, Баоюй просыпался в испуге и плакал. То ему казалось, что Дайюй уже увезли, то, что за ней приехали из Сучжоу.

Наконец матушка Цзя распорядилась дать Баоюю пилюли, спасающие душу от наваждения и просветляющие разум, а на следующий день – снова лекарство, выписанное доктором Ваном. С этого времени Баоюй пошел на поправку, к нему полностью вернулось сознание, но он продолжал притворяться больным, опасаясь, как бы Цзыцзюань от него не ушла.

Что же до Цзыцзюань, то она горько раскаивалась в том, что так зло подшутила над Баоюем, и не щадя сил ухаживала за ним, стараясь искупить свою вину.

Сижэнь не упускала случая ее упрекнуть:

– Из-за тебя Баоюй заболел, ты и лечи его. Нет у него ума, у нашего господина. Как говорится, шум ветра принял за проливной дождь.

Расскажем теперь о Сяньюнь. Она выздоровела и каждый день навещала Баоюя. Глядя, как девушка изображает все его безумства во время болезни, Баоюй хохотал до упаду, повалившись на подушку. Ему не

верилось, что все это с ним и в самом деле происходило. Ведь первые дни он был без сознания и ничего не помнил.

Однажды, оставшись наедине с Цзыцзюань, Баоюй тронул девушку за руку и спросил:

– Зачем ты меня так напугала?

– Я пошутила, а вы все всерьез приняли, – ответила Цзыцзюань.

– Но ты говорила так убедительно, с такой искренностью, что невозможно было не поверить! – возразил Баоюй.

– Все это я выдумала! – улыбнулась Цзыцзюань. – Из семьи Линь никого не осталось в живых, у барышни есть только дальние родственники, и живут они не в Сучжоу, а в других местах. Да разве отпустит барышню старая госпожа, если бы за ней и приехали?

– Может, бабушка и отпустит, а я ни за что! – решительно заявил Баоюй.

– Неужели? – улыбнулась Цзыцзюань. – По-моему, это вы просто так говорите. Ведь вам невесту уже подыскали. Года через два-три придется жениться.

– Какую невесту? – удивленно вскричал Баоюй. – Кто сватал?

– Я сама слышала, как в Новый год старая госпожа говорила, что хочет просватать за вас барышню Баоцинь, – ответила Цзыцзюань. – Теперь понятно, почему она ее так любит!

– Опять шутишь! – рассмеялся Баоюй. – Говорят, я глуп, но ты еще глупее! Ведь Баоцинь давно помолвлена с господином Мэем, сыном члена императорской академии Ханьлинь. Будь она просватана за меня, разве посмел бы я вести себя подобным образом? Помнишь, как я давал клятву и хотел разбить яшму? Разве не ты пыталась мне помешать?! Только я стал поправляться, а ты опять меня дразнишь! – Баоюй стиснул зубы, помолчал и добавил: – Как хотелось бы мне умереть, чтобы вынули мое сердце и посмотрели, что в нем творится, чтобы сожгли мое тело, а пепел развеяло ветром! Это поистине было бы счастьем!

Из глаз Баоюя покатались слезы. Цзыцзюань принялась их вытирать и зажала ему рукой рот.

– Не волнуйтесь, – с улыбкой произнесла она. – Я так сказала нарочно, чтобы вас испытать, я о себе беспокоюсь.

– О себе? – изумился Баоюй.

– Ведь я не из семьи Линь, – пояснила Цзыцзюань. – Я такая же служанка, как Юаньян или Сижэнь. Меня отдали в услужение барышне Линь, а она полюбила меня больше своих служанок, тех, что приехали с ней из Сучжоу, мы ни на минуту не расстаемся. И если бы барышне

пришлось уехать, я последовала бы за ней, чтобы не оказаться неблагодарной. А разве легко было бы мне оставить моих родных? Ведь они здесь живут. Вот я и решила вас испытать, узнать, как вы относитесь к барышне. Мне и в голову не могло прийти, что вы из-за этого заболаете.

– Так вот оно что! – обрадованно вскричал Баоюй. – Значит, и ты беспокоилась? Глупенькая! Поверь мне! Пока живы, мы всегда будем вместе, а после смерти обратимся в пепел и вновь соединимся. Согласна?

Цзыцзюань задумалась, но в этот момент вошла служанка и доложила:

– Господа Цзя Хуань и Цзя Лань пришли справиться о здоровье господина Баоюя.

– Пойди извинись перед ними за беспокойство и скажи, что я сплю, – велел Баоюй.

Служанка кивнула и вышла. Цзыцзюань промолвила:

– Отпустили бы меня хоть взглянуть на барышню, ведь вы уже выздоровели!

– И то правда, – согласился Баоюй. – Я еще вчера вечером хотел тебя отпустить, но потом забыл. Можешь идти.

Цзыцзюань принялась собирать свою постель и туалетные принадлежности.

– Я видел, у тебя есть маленькие зеркальца, – заметил наблюдавший за нею Баоюй, – может, оставишь мне одно, то, что украшено цветами водяного ореха? Я спрячу его под подушку и перед сном буду глядеться. А потом, когда начну ходить, буду везде носить его с собой – оно маленькое.

Цзыцзюань с готовностью отдала зеркальце Баоюю, после чего велела отнести свои вещи и, попрощавшись со всеми служанками, возвратилась в павильон Реки Сяосян.

Пока Баоюй болел, Дайюй часто плакала, и здоровье ее ухудшилось. Едва Цзыцзюань вернулась, Дайюй ее обо всем подробно расспросила и, узнав, что Баоюй поправился, тотчас отпустила Хупо к матушке Цзя.

Вечером, раздеваясь перед сном, Цзыцзюань как бы между прочим сказала Дайюй:

– Баоюй такой искренний! Он не умеет скрывать свои чувства. Стоило мне сказать, что мы уедем, как он заболел от расстройства.

Дайюй ничего не ответила.

Помолчав, Цзыцзюань, будто разговаривая сама с собой, продолжала:

– Лучше нам никуда не трогаться! Разве плохо к нам здесь относятся? И любят, и уважают. А главное, вы выросли вместе и хорошо узнали друг друга.

– Что ты бормочешь? – рассердилась Дайюй. – Разве ты не устала и

тебе не хочется спать?

– Я говорю, а не бормочу, – с улыбкой возразила Цзыцзюань. – Кто, кроме меня, о вас позаботится? Кто вас будет любить? Ведь вы – сирота! Хорошо бы старая госпожа, пока жива, просватала вас. Не зря гласит пословица: «Все мы под Небом ходим». А случись со старой госпожой несчастье? Кто тогда станет думать о вашей свадьбе? Так и не сбудется ваше желание. Знатных молодых людей много, но найдется ли хоть один, который не обзавелся бы несколькими наложницами. Сегодня, как говорится, он смотрит на восток, а завтра на запад. Возьми он в жены хоть бессмертную деву, она надоест ему, не пройдет и нескольких ночей. Бросит он ее, а себе найдет новую. Хорошо, если родители у жены влиятельные, есть кому заступиться. А у вас, барышня, вся надежда на бабушку. Не станет ее, ничего хорошего вам ждать не придется – лишь обиды да оскорбления. Поэтому вам надо действовать решительно. С вашим умом, барышня, нетрудно понять, что проще раздобыть десять тысяч лянов серебра, чем найти одного верного друга!

– Да эта девчонка просто рехнулась! – воскликнула Дайюй. – Всего на несколько дней ее отпустила, и что с ней стало?.. Завтра же попрошу старую госпожу избавить меня от твоих услуг. Не нужна ты мне больше.

– Я все сказала вам от чистого сердца и вовсе не толкала на дурные поступки, – обиделась Цзыцзюань. – Зачем же докладывать старой госпоже? Неужели вам доставит удовольствие, если она меня отругает?

Цзыцзюань отвернулась и вскоре уснула.

Хотя Дайюй выслушала Цзыцзюань с притворным равнодушием, слова девушки ее глубоко тронули. Почти всю ночь Дайюй проплакала и лишь перед самым рассветом задремала. Спала она недолго и, проснувшись, с большим трудом заставила себя съесть чашку супа из ласточкиных гнезд. Не успела позавтракать, как пришла матушка Цзя и надала девочке кучу наставлений.

Надобно сказать, что близился день рождения тетушки Сюэ и все в доме, начиная с матушки Цзя, приносили ей свои поздравления. Дайюй, как ни трудно ей это было, закончила две вышивки и тоже отослала в подарок.

Тетушка Сюэ устроила угощение, пригласила матушку Цзя, госпожу Ван и других родственников. Только Баюй и Дайюй из-за нездоровья не смогли пойти.

Вечером матушка Цзя, возвращаясь от тетушки Сюэ, где, кроме угощения, еще был дан и спектакль, навестила Баюя и Дайюй.

На следующий день тетушка Сюэ велела Сюэ Кэ устроить угощение для приказчиков. В общем, все последние дни прошли в хлопотах.

За это время тетушка Сюэ успела присмотреться к Син Сюянь. Девушка ей очень нравилась. Умная, рассудительная, она происходила из семьи, в которой женщины, как говорится, носили «терновые шпильки и холщовые юбки», и не была избалована. Не удивительно, что тетушка Сюэ решила просватать ее за Сюэ Паня. А потом спохватилась – этот легкомысленный мот мог испортить девушке жизнь. Другое дело Сюэ Кэ, двоюродный брат Сюэ Паня. Он вполне подходил Син Сюянь, будто был предназначен ей самой судьбой, и тетушка решила посоветоваться об этом деле с Фэнцзе. Фэнцзе ответила:

– Мне надо подумать. Вы же знаете, тетушка, нрав нашей бабушки. Все от нее зависит.

И вот, когда матушка Цзя пришла навестить Фэнцзе, та, воспользовавшись случаем, ей сказала:

– У тетушки Сюэ есть важное дело, но обратиться прямо к вам она постеснялась...

– Что же это за дело? – любопытствовала матушка Цзя.

Фэнцзе передала ей свой разговор с тетушкой Сюэ.

– Почему же она постеснялась обратиться ко мне? – недоумевала матушка Цзя. – Ведь это замечательно! погоди! Я поговорю со своей невесткой Син, уверена, она возражать не станет!

Вернувшись к себе, матушка Цзя позвала госпожу Син и объявила, что хочет быть свахой.

Госпожа Син поразмыслила, прикинула, что семья Сюэ состоятельная, жених человек достойный, к тому же сватает сама матушка Цзя, а потому охотно согласилась.

Как обрадовалась матушка Цзя, и сказать трудно. Она пригласила к себе тетушку Сюэ, принялась на все лады ее хвалить, а тетушка Сюэ в свою очередь стала превозносить матушку Цзя. Госпожа Син велела передать эту новость Син Чжуну и его жене. Они же, находясь в зависимости от госпожи Син, перечить не осмелились и в один голос воскликнули:

– Лучшего и желать не приходится!

– Вот и хорошо! – проговорила матушка Цзя. – Я всегда любила улаживать чужие дела! Какова будет плата за сватовство?

– Мы вас не обидим, – с улыбкой отвечала тетушка Сюэ, – но вас ведь не удивишь, хоть десять тысяч лянов серебра дай! Не забудьте только, почтенная госпожа, раз уж вы взяли на себя роль свахи, подыскать распорядителя свадьбы.

– За этим дело не станет, несколько калек в доме всегда найдется! – промолвила матушка Цзя и велела позвать госпожу Ю с невесткой.

Когда женщины пришли и матушка Цзя им все рассказала, они поздравили всех с радостным событием.

Между тем матушка Цзя наказывала госпоже Ю:

– Порядки в нашей семье ты знаешь, никого из родственников мы никогда не унижали. Сейчас свадебными делами вместо меня займешься ты. Сверх меры не экономь, но и не будь чересчур расточительной! Устрой все как надо и доложи мне!

Госпожа Ю почтительно кивнула. Радуюсь предстоящей свадьбе, тетушка Сюэ, как только вернулась домой, сразу же велела написать приглашения и отправила их во дворец Нинго.

Госпожа Ю хорошо знала, какой у госпожи Син нрав, и ей не хотелось распоряжаться свадьбой, но ведь не могла она не выполнить волю матушки Цзя. И пришлось госпоже Ю всячески угождать госпоже Син. Зато тетушка Сюэ была покладистой и никаких хлопот не доставляла. Так что рассказывать об этом мы не будем.

Весть о том, что Син Сюянь просватана, сразу облетела дом тетушки Сюэ.

Госпожа Син хотела не мешкая отправить Син Сюянь домой, но матушка Цзя этому воспротивилась.

– Не волнуйся, – сказала она, – все будет как надо. С женихом они раньше времени не встретятся, в доме никого нет, кроме тетушки Сюэ и ее будущих золовок. А с золовками, я думаю, Син Сюянь быстро подружится.

Госпожа Син успокоилась, и Син Сюянь осталась в саду Роскошных зрелищ.

Надобно вам сказать, что Сюэ Кэ и Син Сюянь встретились как-то в дороге и понравились друг другу с первого взгляда.

После сватовства Син Сюянь уже не чувствовала себя так свободно, как раньше: стеснялась болтать с Баочай и ее двоюродной сестрой и побаивалась Сяньюнь, любительницы подшутить. Сюянь была девушкой начитанной, с хорошими манерами и ничуть не походила на тех легкомысленных девиц, которые лишь из жеманства прикидываются застенчивыми.

Баочай вначале относилась к Сюянь с некоторым пренебрежением. Она происходила из бедной семьи, родители ее никаких чинов не имели да к тому же пристрастились к вину. Госпожа Син только притворялась, что любит девушку, а сама никаких чувств к ней не питала. Так, по крайней мере, казалось Баочай. Сама же Сюянь, как вскоре выяснилось, была скромной и деликатной. Инчунь, с которой они вместе жили, совершенно о

ней не заботилась, но Сюянь никогда не жаловалась. Баочай ничем не могла ей помочь, боялась, что узнает госпожа Син и начнутся толки и пересуды. И вот, совершенно неожиданно, Сюянь просватали. Надо вам сказать, что Сюянь с первого же дня своего приезда в дом Цзя прониклась симпатией к Баочай, которая звала ее сестрицей. Они и теперь изредка встречались.

Однажды Баочай и Сюянь, не сговариваясь, пошли навестить Дайюй и встретились по дороге. Баочай отвела девушку в сторонку, так, чтобы их никто не увидел, и с улыбкой промолвила:

– Так холодно, а ты налегке!

Син Сюянь ничего не ответила, лишь опустила голову.

– Может быть, ты за этот месяц не получила денег? Фэнцзе их никогда не выдает вовремя, стала совсем бесчувственной.

– Она все выдала в срок, – ответила Сюянь. – Я получила два лян серебра, но один тетушка велела отослать родителям, а если мне не хватит, взять у Инчунь. Но судите сами, Инчунь слишком скромна и не видит, что творится вокруг. Она, конечно, мне не откажет, но как будут злословить служанки?! Я никогда не обременяю их никакими просьбами. Мало того. Приходится им давать деньги на вино и лакомства. Разве обойдешься тут двумя лянами? Один сейчас отослала домой, а третьего дня заложила свое платье за несколько связок монет. Так и перебиваюсь.

Баочай вздохнула:

– Как нарочно, вся семья Мэй уехала к месту новой службы, и вернутся они лишь через год. Иначе сестрица Баоцинь переехала бы к ним, и тогда можно было бы заняться твоей свадьбой. Выйдешь замуж, все будет хорошо. Но пока не выдана замуж младшая сестра, брат Сюэ Кэ не может жениться. А ждать целых два года просто невозможно, ты не выдержишь и заболеешь. погоди, попробую поговорить со своей матушкой.

Заметив на Сюянь пояс с яшмовыми подвесками, Баочай спросила:

– Откуда он у тебя?

– Третья сестра Таньчунь подарила, – ответила Сюянь.

– Она, видимо, заметила, что у тебя нет никаких украшений, и, чтобы над тобой не стали смеяться, подарила тебе этот пояс. Я всегда знала, что третья сестра умна и заботлива.

– Куда ты шла, сестра? – спросила Сюянь.

– В павильон Реки Сяосян, – ответила Баочай. – А ты возвращайся к себе и вели служанке принести закладную на твое платье. Я его выкуплю, чтобы никто не знал, и вечером незаметно пришлю тебе. Иначе простудишься... Где заложено твое платье?

– В какой-то закладной лавке Хэн Шэ, что на западной улице Гулоу, – ответила Сюянь.

– Так ведь это у нас! – с улыбкой произнесла Баочай. – Узнают приказчики, скажут, что сама ты еще не переехала в нашу семью, а платье уже у нас!

Выходит, лавка, куда Сюянь заложила платье, принадлежит семье Сюэ! Девушка ничего не ответила, покраснела и ушла.

В павильоне Реки Сяосян Баочай застала свою мать, она о чем-то оживленно беседовала с Дайюй.

– Мама, давно вы пришли? – улыбаясь, спросила Баочай. – Никак не ожидала встретить вас здесь.

– Последние дни я была занята и не могла навестить Дайюй и Баоюя, – ответила тетушка Сюэ. – Сегодня побывала у обоих. Оказывается, они уже поправились.

Дайюй предложила Баочай сесть и сказала:

– Поистине неисповедимы пути Неба! Как случилось, что семьи тетушки и старшего дяди породнились?

– Дитя мое, разве вы, девочки, что-нибудь понимаете в подобных делах! – ласково сказала тетушка Сюэ. – Ведь еще древние говорили: «Пусть разделяют тысячи ли, нить судьбы все равно свяжет». И хранится она, эта нить, у Лунного старца^[129]. Суждено двоим соединиться, пусть даже их разделяет море, Лунный старец тайком свяжет им ноги, и эти двое станут супругами. Человек бессилен перед судьбой. Бывает, что юноша и девушка живут рядом, родители хотят их поженить, но, если Лунный старец не свяжет их красной нитью, свадьбе не бывать. Так и с вами, милые мои девочки. Кто может сказать, близко ваша свадьба или же за семью морями?!

– Вечно вы, мама, так! – воскликнула Баочай, прильнув к матери. – О чем бы ни заговорили, упоминаете нас и кстати, и некстати.

– Вы только посмотрите на нее! – засмеялась Дайюй. – Изображает из себя даосскую праведницу, а при матери сразу начинает капризничать, словно маленькая.

Тетушка погладила Баочай по голове и со вздохом сказала:

– Баочай ведет себя со мной как Фэнцзе с матушкой Цзя. Чуть что – бежит ко мне советоваться, не прочь поразвлечь меня в свободное время. Стоит мне ее увидеть, как я забываю обо всех своих горестях!

Тут у Дайюй вырвался тяжелый вздох, из глаз потекли слезы, и дрогнувшим голосом она проговорила:

– Это она нарочно! Чтобы подразнить меня, сироту.

– Видите, мама, что ей на ум пришло! А еще меня называет капризной!
– Конечно, ей тяжело – ведь у нее нет ни родных, ни близких, – сказала тетушка Сюэ и, ласково глядя Дайюй, добавила: – Милое дитя, не плачь! Ты и не знаешь, как дорога мне! Баочай счастливее тебя. У нее хоть и нет отца, зато есть я, есть брат. Баочай знает, как я тебя люблю, а другим я об этом не говорю, чтобы не вызывать лишних толков. Люди болтливы, только доброго от них не услышишь, чаще плохое. Скажут, что я хорошо к тебе отношусь лишь из желания угодить старой госпоже, которая души в тебе не чает.

– Знаете, тетушка, я хоть завтра готова признать вас своей приемной матерью, – улыбаясь, промолвила Дайюй. – И если вы меня искренне любите, то не отвергайте.

– Если ты не питаешь ко мне неприязни, я хоть сейчас могу признать тебя своей дочерью, – заявила тетушка Сюэ.

– Это невозможно, – произнесла Баочай.

– Почему? – удивилась Дайюй.

– Сейчас объясню, – продолжала Баочай. – Как ты думаешь, почему просватали барышню Сюянь за моего младшего брата, когда старший еще не помолвлен?

– Может быть, потому, что он в отъезде или же его гороскоп не подходит, – ответила Дайюй.

– Вовсе нет, – улыбнулась Баочай. – Старший брат женится сразу, как только вернется домой. И за невестой далеко ходить не придется. А теперь хорошенько подумай, почему моя матушка не может стать твоей приемной матерью.

Она подмигнула матери и засмеялась.

– Тетушка, поколотите ее, иначе я не знаю что сделаю! – вскричала Дайюй, прижимаясь к тетушке Сюэ.

Тетушка Сюэ нежно обняла Дайюй и сказала:

– Не обращай на нее внимания, она шутит.

– Право же, мама, поговорите со старой госпожой, пусть выдаст замуж Дайюй, – смеясь, говорила Баочай. – Ведь это для нас лучше, чем искать старшему брату невесту на стороне!

– С ума ты сошла! – крикнула Дайюй, бросаясь к Баочай и норовя ее поцарапать.

Тетушка Сюэ, смеясь, разняла их, успокоила Дайюй, а затем обратилась к Баочай:

– Я не хотела, чтобы твой старший брат загубил жизнь барышне Син Сюянь, потому и просватала ее за Сюэ Кэ. О такой милой девушке Сюэ

Паню и мечтать нечего! Старая госпожа хотела просватать за Баоюя твою младшую сестру Баоцинь, но она помолвлена. А жаль. Получилась бы неплохая пара. Недавно, когда просватали барышню Син Сюянь, старая госпожа как бы шутя мне сказала: «Только было я собралась сосватать у них девочку, а они нашу сосватали!» Но в шутке госпожи большая доля правды. Старая госпожа обожает Баоюя, хочет подыскать ему невесту. Но найти на стороне достойную, чтобы понравилась старой госпоже, трудно. Так не лучше ли просватать за него сестрицу Дайюй?

Дайюй сначала слушала тетушку Сюэ с замиранием сердца, но, когда речь зашла о ней самой, покраснела, плюнула в сторону Баочай, вцепилась ей в рукав и, громко смеясь, заявила:

– Ох и достанется тебе от меня! Зачем втянула матушку в этот разговор?

– Странно! – улыбнулась Баочай. – Мама говорит, а набрасываешься ты на меня!

В этот момент в комнату вбежала Цзыцзюань и, забыв о почтительности, воскликнула:

– Госпожа, раз вы так думаете, почему не поговорите об этом со старой госпожой прямо сейчас?

– А зачем торопиться? – с улыбкой спросила тетушка Сюэ. – Хочешь поскорее выдать барышню замуж, а потом и себе найти жениха?

Цзыцзюань покраснела и едва слышно пробормотала:

– Ах, госпожа, были бы вы молодой, не говорили бы так! – Она бросилась к двери.

– Негодяйка! – вслед ей крикнула Дайюй. – Тебе до этого что за дело! – Она улыбнулась и уже спокойно произнесла: – Амитаба! Хоть устыдилась наконец-то!

На эти слова все ответили дружным смехом. Вдруг на пороге появилась Сяньюнь с закладной распиской в руках.

– Что это у тебя? – спросила Дайюй, пробежала расписку глазами, но ничего не поняла. Служанка, стоявшая рядом, сказала:

– Это интересная вещь. Заплатите – объясню.

Баочай взяла листок, прочла и, увидев, что это закладная на платье Син Сюянь, аккуратно сложила ее и спрятала.

– Должно быть, какая-нибудь служанка потеряла, а потом будет искать, – промолвила тетушка Сюэ и обратилась к Сяньюнь: – Это закладная. ; Где ты ее нашла?

– Какая закладная? – удивилась Сяньюнь.

– Как вы наивны, барышня! – заулыбались служанки. – Даже не знаете,

что такое закладная!

– Чему тут удивляться, – вздохнула тетушка Сюэ. – Ведь она из богатой семьи и к тому же слишком молода. Ведь закладные чаще всего бывают у слуг, барышня их никогда и не видела. Так что нечего над ней насмехаться! Барышни, которым вы прислуживаете, тоже не знают, что это такое.

– К примеру, барышня Линь Дайюй, – поддакнули служанки постарше. – Даже господин Баюй, хоть и выезжает из дома, наверняка ни разу не видел таких бумаг.

Тут тетушка Сюэ принялась все подробно объяснять.

– Выходит, владельцы закладных лавок только и думают что о наживе! – выслушав ее, воскликнули Сяньюнь и Дайюй. – Неужели, тетя, в вашей лавке выдают такие закладные?

– А какие же еще? – воскликнули женщины-служанки. – Недаром говорят: «Все вороны черные»! Видели вы других ворон?

– Где же ты нашла этот листок? – спросила у Сяньюнь тетушка Сюэ.

Только было Сяньюнь собралась все подробно рассказать, как в разговор вмешалась Баочай.

– Это какая-то старая, никому не нужная закладная, – сказала она. – Видимо, Сянлин ее подбросила, чтобы подшутить над нами.

Тетушка Сюэ поверила и ни о чем больше не спрашивала. Как раз в это время вошла служанка и обратилась к тетушке Сюэ:

– Старшая госпожа из дворца Нинго приглашает вас к себе. Ей надо с вами о чем-то поговорить!

Как только тетушка Сюэ ушла, Баочай спросила Сяньюнь, где та нашла закладную.

– Я случайно заметила, как служанка Чжуаньэр передает этот листок Иньэр, – стала рассказывать Сяньюнь. – Иньэр не знала, что я за ней наблюдаю, и сунула его в книгу. Когда они ушли, я вытащила листок и вот пришла к вам, показать.

– Неужели Сюань заложила свое платье? – вскричала Дайюй. – И почему Сяньюнь принесла закладную тебе?

Пришлось Баочай рассказать все как было. Дайюй опечалилась, недаром говорят: «Когда гибнет заяц, и лисица плачет»!

Сяньюнь очень расстроилась.

– Я непременно поговорю с Инчунь! – пообещала она. – И служанкам ее от меня достанется.

Она пошла было к двери, но Баочай ее удержала.

– С ума сошла! И надо же такое придумать!

– Будь ты мужчиной, мстила бы за обиженных друзей! – рассмеялась Дайюй. – Но ни на Цзин Кэ^[130], ни на Не Чжэна^[131] ты не похожа!

– Ладно, не хотите, чтобы я вмешивалась, дело ваше. Но давайте тогда заберем Сюянь к нам! Разве здесь ей не будет лучше?

– Завтра это обсудим! – улыбнулась Баочай.

Тут снова вошла служанка и доложила:

– Пришли третья барышня Таньчунь и четвертая барышня Сичунь.

Разговор сам собой прекратился, и никто больше словом не упомянул о случившемся.

Если вам интересно узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава пятьдесят восьмая

В тени абрикоса мнимый супруг оплакивает мнимую супругу;

возле узорчатого окна юная дева рассказывает о глупой причуде

Итак, едва вошла Таньчунь, все сразу умолкли. Таньчунь поздоровалась, женщины поговорили немного и разошлись.

Случилось так, что одна из старших жен императора умерла и женщины из знатных семей, выполняя высочайшее повеление, прибыли ко двору для выполнения траурных церемоний. Сановникам было запрещено на протяжении года устраивать пиры, а простолюдинам – в третьем месяце играть свадьбы дочерей и сыновей.

Матушка Цзя с невестками и внуками каждый день ездила во дворец на церемонию жертвоприношения и возвращалась домой лишь к вечеру. На двадцать первый день после кончины гроб с телом жены императора отправили на кладбище, а уезд, где оно находилось, переименовали в уезд Смиренных праведников.

Путь из столицы до кладбища и обратно должен был занять десять дней, да еще несколько дней погребальные церемонии. Всего около месяца.

Цзя Чжэню из дворца Нинго, его жене и остальным родственникам надлежало прибыть на похороны. На то время, что они отлучатся, решено было пригласить госпожу Ю ведать делами во дворцах Нинго и Жунго, а барышень и их служанок, живших в саду, оставить на попечение тетушки Сюэ. Таким образом, тетушке пришлось временно переехать в сад.

У Баочай в это время жили Сяньюнь и Сянлин. Тетушка Ли уехала от Ли Вань и лишь изредка приезжала. Но заботам Ли Вань теперь была поручена Баоцинъ. Сюань по-прежнему жила у Инчунь. Таньчунь занималась хозяйством, и у нее то и дело происходили стычки с наложницей Чжао и Цзя Хуанем. У Сичунь было тесно. В общем, тетушке Сюэ было нелегко найти себе подходящее жилье.

А поскольку матушка Цзя десять тысяч раз просила тетушку Сюэ заботиться о Дайюй, тетушка, без памяти любившая Дайюй, переселилась в павильон Реки Сяосян и стала жить вместе с ней, следила, чтобы та

принимала лекарства и вовремя ела.

Тронутая ее вниманием, Дайюй теперь называла Баочай старшей сестрой, а Баоцинъ – младшей. Девушки были дружны, как родные сестры. Матушка Цзя радовалась, глядя на них, и не испытывала больше беспокойства.

Тетушка Сюэ присматривала за барышнями и их служанками, но в домашние дела не вмешивалась.

Госпожа Ю каждый день приходила во дворец Жунго, проверяла, на месте ли служанки, и тем ограничивалась, никому не показывая свою власть. Хлопот у нее и без того хватало, поскольку ей еще нужно было снабжать всем необходимым матушку Цзя и госпожу Ван.

Хозяева дворцов Нинго и Жунго не имели ни минуты свободной – ежедневно в сопровождении старших слуг они ездили во дворец, а также занимались другими делами. Воспользовавшись этим, прислуга начала своевольничать. Во дворце Нинго остались только Лай Да и еще несколько слуг для поручений. Помощники Лай Да находились при господах, правда, взамен ему дали других, но одни из них оказались малоопытными, другие – бестолковыми или же, что того хуже, мошенниками и клеветниками. Не мудрено, что то и дело возникали скандалы.

Поскольку, согласно императорскому указу, в знатных семьях на год были прекращены всякие развлечения, пришлось распустить актерские труппы.

– Все ваши девочки-актрисы куплены, – сказала госпожа Ю госпоже Ван. – Но их можно сделать на время служанками, а учителей отпустить.

Госпожа Ван, подумав, ответила:

– Не могут девочки из приличных семей стать служанками. Родителей нужда заставила их продать. Разве стали бы они иначе кривляться на сцене? Нет, я готова дать каждой несколько лянов серебра на дорогу, пусть идут куда хотят. Так же поступали и наши предки. И мы не вправе нарушать их заветы. Иначе нас сочтут мелочными. В нашем доме, правда, есть несколько старых служанок, которые прежде играли на сцене. Но они по собственной воле остались у нас, никто их не заставлял. Позже, когда они выросли, мы их выдали замуж за слуг.

– Надо бы поговорить с девочками! – сказала госпожа Ю. – Захочет кто-нибудь из них уйти, напишем родителям, пусть приезжают за ними, а дорожные расходы оплатим. Родителям надо сообщить заранее. А то найдутся негодяи, объявят себя родителями, а по пути перепродадут девочек. Разве это не позор для нас? Возможно, не все девочки захотят уйти, кто не захочет, пусть остаются.

– Пожалуй, так и сделаем, – улыбнулась госпожа Ван.

Госпожа Ю рассказала обо всем Фэнцзе, и главному управляющему дворца было приказано: учителям девочек-актрис дать по восемь лян серебра и пусть поступают как знают. Имущество, находившееся в саду Душистой груши, тщательно проверили, сделали опись и на ночь выставили сторожей.

Госпожа Ван велела девочкам явиться к ней и расспросила, кто из них хочет вернуться домой. Большинство девочек пожелало остаться. Одни сказали, что родители снова их продадут; другие заявили, что родителей у них давно нет и продали их либо дяди, либо братья; нашлись и такие, которым просто некуда было ехать или же хотелось остаться.

Девочек, которые собрались уезжать, до приезда родителей взяли к себе приемные матери, так велела госпожа Ван. А тех, кто остался, отдали в услужение барышням, жившим в саду Роскошных зрелищ.

Вэньгуань матушка Цзя оставила у себя, а Фангуань, обычно выступавшую в роли главной положительной героини, определила служанкой к Баоюю. Жуйгуань, исполнявшую роли подростков, отдали в услужение Баочай. Оугуань, игравшую молодых героев, – Дайной. Куйгуань, игравшую молодых отрицательных персонажей, отдали Сяньюнь. В услужение к Баоцинь пошла Доугуань, исполнявшая роли пожилых отрицательных героев. Айгуань, игравшую стариков, отдали Таньчунь. Госпожа Ю взяла себе Цегуань, великолепную исполнительницу ролей старух.

Теперь девочки, точно птицы, выпущенные из клетки, целыми днями играли в саду Роскошных зрелищ. Никто с них за это не взыскивал, потому что знали, что ни прислуживать, ни вышивать они не умеют. Впрочем, не то две, не о три девочки поумнее огорчились, узнав, что им больше не придется играть на сцене, но сидеть без дела они не пожелали и усердно учились вышивать, прясть и выполнять другую женскую работу.

Однажды с самого утра, во время пятой стражи, матушка Цзя поехала во дворец на церемонию жертвоприношения.

Там, в отведенных ей покоях, она перекусила и отправилась ко двору. Когда во дворце кончился ранний завтрак, она вернулась к себе, тоже позавтракала, отдохнула немного и опять отправилась во дворец на вечернюю церемонию жертвоприношения. Домой она возвратилась уже после ужина.

Покои, отведенные во дворце матушке Цзя, представляли собой домашний храм одного из высших государственных сановников со множеством строений, которые занимали монахини, и двумя дворами –

восточным и западным. Восточный двор арендовала семья Цзя, а западный – Бэйцзинский ван. Западный двор был также местом отдыха императорских наложниц. Матушка Цзя то и дело с ними встречалась, оказывала им всяческое внимание, да и они перед ней не оставались в долгу.

Но не будем все это подробно описывать, а вернемся в сад Роскошных зрелищ. Все дни матушка Цзя и госпожа Ван проводили во дворце, а потом еще целый месяц находились в отъезде, сопровождая к месту погребения гроб с телом жены императора. Не удивительно, что служанки совсем от рук отбились, только и знали, что играть да развлекаться. А тут еще в сад переселились девочки-актрисы и служанки со двора Душистой груши.

Поселившись некоторое время назад в доме, Вэньгуань и другие девочки-актрисы, то ли из-за своего высокомерия, то ли в силу привередливости в пище и одежде, по любому поводу поднимали шум. Служанок это злило, но высказывать вслух недовольство они не решались. Теперь же, когда актерскую труппу распустили, служанки злорадствовали. Если девочки-актрисы к ним за чем-нибудь обращались, гнали их прочь, вспоминая старые обиды. Только с младшими девочками, отданными в услужение барышням, никто по-прежнему не решался затевать скандалы.

Незаметно наступил Праздник поминовения усопших. К этому дню Цзя Лянь приготовил все необходимое для жертвоприношения, как и в прошлые годы, и в сопровождении Цзя Хуаня, Цзя Цуна и Цзя Ланя отправился в кумирню Железного порога, чтобы сжечь жертвенные деньги и совершить жертвоприношение на могилах предков. Туда же отправился и Цзя Жун из дворца Нинго, а также другие члены рода. Дома оставался только Баоюй, который еще не совсем поправился.

После обеда он почувствовал себя утомленным, и Сижэнь ему сказала:
– Погода замечательная, пошел бы погулял! Сразу после обеда вредно спать. Может случиться несварение желудка.

Баоюй сунул ноги в туфли и, опираясь на палку, вышел во двор.

Надобно сказать, что в саду теперь хозяйничали женщины, которым сад был отдан на откуп. Наступила весна, а с ней и горячие дни: надо было сажать бамбук, цветы, а также бобы, подрезать деревья. На пруду лодочницы прямо с лодок сажали лотосы.

Сяньюнь, Сянлин и Баоцинь со своими служанками уселись на склоне искусственной горки и от нечего делать наблюдали за работой женщин. Баоюй хотел подкрасться к ним сзади, но Сяньюнь его заметила и, смеясь, крикнула:

– Скорее уберите лодки! А то как бы на них не увезли сестрицу Линь

Дайюй!

Все рассмеялись. Баоюй покраснел от смущения.

– Думаешь, приятно болеть? – произнес он. – Разве можно над этим смеяться?!

– Над такой болезнью, как у тебя, можно! – парировала Сяньюнь. – Нечего меня укорять!

Баоюй сел рядом с девушками. Поглядев еще некоторое время на работавших женщин, Сяньюнь сказала:

– Ветер сильный, да и камни холодные. Не стоит тебе здесь сидеть.

Баоюю и самому хотелось поскорее уйти, он собирался навестить Дайюй и не стал задерживаться. Попрощавшись, он поднялся на дамбу и направился к мосту Струящихся ароматов.

Дамба густо поросла ивами, их золотые сережки висели над самой водой, а рядом пылали, словно утренняя заря, распутившиеся цветы персика. А за горкой неподалеку уже отцвел абрикос, и среди молодых ярко-зеленых листьев виднелось множество плодов, каждый величиной с боб.

«Как обидно, – подумал Баоюй. – Пока болел, абрикос отцвел, не успел даже полюбоваться. Незаметно пролетело время, и, как сказал поэт, „темно-зеленые листья густо все ветви покрыли!“.

Он как замороженный смотрел на абрикос, не в силах уйти. Вдруг он вспомнил, что Сюянь помолвлена, и ему стало грустно. Конечно, девушка должна выйти замуж, мужчина – жениться. Но увы! Теперь в саду еще одной замечательной девушкой станет меньше. А через год или два она станет похожа на этот абрикос, у которого «темно-зеленые листья густо все ветви покрыли». Пройдет еще время, опадут листья, и ветви останутся голыми. Волосы Сюянь, черные, как вороново крыло, посеребрят седина, румяные щеки поблекнут, а сама она станет старой и дряхлой. Печальный стоял юноша, глядя на абрикос, и тяжело вздыхал.

Вдруг на ветке прямо перед Баоюем защебетала птичка.

«Эта птичка, – пришла в голову мысль, – прилетала сюда, когда абрикос цвел, а сейчас она плачет по опавшим цветам. Будь здесь Гун Ечан [\[132\]](#), он мог бы ее об этом спросить. Прилетит ли птичка в будущем году, когда снова расцветет абрикос, полюбоваться цветами?..»

Вдруг птичка вспорхнула и улетела, словно испугалась чего-то. И следом послышался голос:

– Оугуань, ты что, смерти своей ищешь? Где ты взяла эти жертвенные деньги? Зачем сжигаешь их здесь? Вот расскажу госпоже, она с тебя шкуру спустит!

Баоюй тихонько вышел из-за горки и увидел плачущую Оугуань. Девочка сидела на корточках с факелом в руках и сжигала бумажные деньги.

– Кому ты приносишь жертвы? – крикнул ей Баоюй. – Здесь ничего нельзя жечь! Если родителям или братьям, назови их имена, я запишу и прикажу слугам принести жертвы в храме, как полагается.

Увидев Баоюя, Оугуань от страха не могла произнести ни слова. Так он от нее и не добился ответа, сколько ни спрашивал.

Тут из-за противоположного склона горки появилась женщина. Она дернула Оугуань за рукав и закричала:

– Я рассказала господам, что ты здесь творишь. Они гnevаются!

Женщина стала тащить девочку за собой, но та, боясь наказания, не шла, упиралась. Она выглядела совсем еще ребенком.

– Это вы у себя привыкли безобразничать, так думаете, и здесь можно?! – распекала женщина Оугуань. – К этому месту даже приближаться нельзя, здесь гуляла сама государыня! Наш господин, – она указала пальцем на Баоюя, – и то соблюдает все правила! А ты вон что творишь! Краля какая выискалась! Идем со мной, идем же, негодница...

– Она не деньги жгла, – вступился за девочку Баоюй, – а исписанную бумагу. Барышня Дайюй ей велела. Так что напрасно ты на нее пожаловалась.

Увидев, что Баоюй, которого она так испугалась, за нее заступился, девочка осмелела.

– Да откуда ты взяла, что я деньги сжигаю? – крикнула она в свою очередь женщине. – Это я бумагу сжигаю. Барышня Линь Дайюй велела!

Женщина схватила несколько еще не сгоревших бумажек и сунула их прямо в нос девочке.

– А это что? Нечего врать! Вот они, доказательства!

И женщина снова стала тащить Оугуань за собой. Тут Баоюй палкой отвел в сторону руку женщины и сказал:

– Можешь отнести эти доказательства госпоже! Это я приказал Оугуань сжечь бумажные деньги! Накануне я видел во сне духа абрикосовых деревьев. Он велел принести ему жертвы, но предупредил, чтобы не я, а кто-нибудь другой сжег деньги, иначе я так и не выздоровею. Вот я и велел это сделать Оугуань. И, как видишь, смог встать сегодня с постели. А тут, как назло, принесло тебя! И мне опять стало хуже – ты все испортила! А еще собираешься жаловаться!.. Иди с ней, Оугуань, не бойся и расскажи им все, что ты сейчас слышала...

Пока Баоюй говорил, у Оугуань созрел план, и теперь уже она стала

тащить женщину за собой.

Женщина бросила на землю обгоревшие клочья бумаги и виновато улыбнулась.

– Откуда я могла знать? Теперь мне от вашей матушки попадет!

– А ты молчи, – улыбнулся Баоюй, – и я никому не стану рассказывать.

– Но господам уже все известно, я доложила, и мне велено привести девочку. Можно, правда, сказать, что ее потребовала к себе барышня Линь Дайюй.

Баоюй согласился. А когда женщина ушла, спросил Оугуань:

– Зачем ты сжигала деньги? Уверен, что ни родители твои, ни братья к этому отношения не имеют. В чем же тогда дело?

Растроганная заступничеством Баоюя, девочка решила ничего не скрывать от него и, сдерживая слезы, принялась рассказывать:

– Только два человека знают о моей тайне: Фангуань – ваша служанка, и Жуйгуань – служанка барышни Баочай. Но придется теперь рассказать еще вам, раз вы все видели. Только не выдавайте меня! – Из глаз ее полились слезы. – Нет, не могу! Лучше расспросите об этом Фангуань, а то мне как-то неловко рассказывать.

Она повернулась и побежала прочь. Баоюю стало грустно, но делать нечего, и он отправился в павильон Реки Сяосян к Дайюй. Она показалась ему похудевшей и жалкой. Но на вопрос, как себя чувствует, отвечала, что ей значительно лучше.

Дайюй в свою очередь показалось, что у Баоюя вид нездоровый. Она вспомнила о недавних событиях, из-за которых он заболел, и заплакала. После недолгой беседы Дайюй стала торопить Баоюя пойти отдохнуть и сказала, что ему надо хорошенько лечиться. Пришлось Баоюю внять совету Дайюй и уйти. Ему не терпелось поговорить с Фангуань, но, как нарочно, пришли Сяньюнь и Сянлин, завели разговор с Сижэнь, стали шутить. Позвать Фангуань в другую комнату Баоюй не решился, чтобы не вызывать подозрений. Пришлось ему запастись терпением.

Вскоре за Фангуань пришла ее приемная мать и позвала мыть голову, – родные ее дочери уже вымылись.

Но Фангуань наотрез отказалась мыть голову в грязной воде и решительно заявила:

– Все деньги, которые мне выдают, вы берете себе, а меня держите в черном теле!

Женщина было смутилась, но потом набросилась на девочку с бранью:

– Ах ты дрянь! Недаром говорят, что с комедиантками сладу нет. В такой компании любая, дурному выучится, если даже и была хорошей.

Только и знаешь, паршивка, что привередничать – все тебе не так! Брыкаешься, как упрямый мул!

Началась перебранка. Сижэнь услышала и послала служанку унять строптивых.

Служанка слово в слово передала все, что велела Сижэнь.

– Не шумите! – сказала она. – Пользуетесь тем, что старая госпожа отлучилась из дома, и скандалите!

– Так ведь эта паршивка слушать никого не желает, – заявила Цинвэнь. – Словно взбесилась. Сама не знает, чего хочет. И всего-то умеет сыграть один-два акта из пьесы, а строит из себя героиню – будто убила главаря разбойников или же выловила шайку мятежников!

– Они обе не правы, – сказала Сижэнь. – Недаром говорят, что одной ладонью не захлопаешь. Старуха, конечно, несправедлива, но и девчонка ведет себя безобразно.

– Фангуань не виновата! – вмешался в разговор Баоюй. – «Кто недоволен, тот жалуется» – гласит пословица. У девочки здесь никого нет, кто о ней позаботится? Все только и думают, как бы нажиться за ее счет, да ее же еще и презирают. Не удивительно, что ей обидно. Сколько ей положено денег на месяц? – обратился он к Сижэнь. – Получай их отныне сама и присматривай за девочкой. Меньше хлопот будет.

– С какой стати я стану за ней присматривать? – возразила Сижэнь. – И деньги ее мне не нужны, только неприятности на себя навлекать.

Сижэнь пошла в комнату, достала кувшинчик цветочного масла, несколько куриных яиц, душистое мыло, шнурок для волос и, отдав все это одной из женщин, сказала:

– Отнеси Фангуань, пусть попросит себе чистую воду для умывания и не скандалит.

Приемной матери Фангуань стало неловко.

– Бессовестная! – корила она девочку. – И как только у тебя язык повернулся сказать, будто я утаиваю твои деньги! Вот тебе за это!

Она несколько раз шлепнула девочку. Фангуань заплакала навзрыд. Баоюй не стерпел и решил вмешаться.

– Не надо! – удержала его Сижэнь. – Я сама с ней поговорю.

Однако Цинвэнь опередила ее. Она подбежала к старухе и, тыча в нее пальцем, закричала:

– До старости дожила, а ума не нажила! Ведь Фангуань даже умыться не может как следует. Мы все свое ей даем. От тебя не дожدهшься. Мало того, ты еще бьешь ее! Будь она в труппе, ты не посмела бы с ней так обращаться!

– Она признала меня своей матерью, – возразила старуха, – и я вправе бить ее за непослушание!

Видя, что дело принимает серьезный оборот, Сижэнь подозвала Шэюэ и сказала:

– Я совсем не умею спорить, а у Цинвэнь слишком горячий характер, того и гляди, наделает глупостей. Уйми ее да припугни старуху!

Шэюэ быстро вышла и строгим голосом приказала:

– Немедленно прекратите ссору! Где это видано, чтобы служанки поучали своих дочерей в хозяйском доме?! Не только приемных, но даже родных! Тем более что у Фангуань теперь есть господин и только он волен распоряжаться ею. Ее могут побить служанки постарше, но разве пристало тебе, старухе, заниматься подобным делом? Чему мы научим девочек, если будем так поступать?! Ты чем старше, тем больше безобразничаешь! Подражаешь матери Чжуйэр, которая недавно устроила скандал? В последнее время в нашем доме часто болеют, старая госпожа занята и не знает, что у нас здесь творится, а я не докладываю, не хочу беспокоить. Но через несколько дней обо всем расскажу, она вам спуска не даст! Второй господин Баоюй только недавно поправился, ему нужен покой, даже мы стараемся говорить потише, а ты девочку вздумала бить, и она ревет, будто резаная! Стоило господам на несколько дней отлучиться, как ты начала бесчинствовать; никого в грош не ставишь! Чего доброго, и нас вздумаешь бить! Фангуань такая приемная мать не нужна! Ведь она грязью у тебя зарастет!

Баоюй тем временем стучал палкой по порогу и кричал:

– До чего же бессердечны эти старухи! О девочках не заботятся, только и знают, что их обижать! О всемогущее Небо, как быть?

– Как быть? – вскричала Цинвэнь. – Выгнать их вон, не нужны они здесь!

Женщина не знала, куда деваться от стыда, и не произносила ни слова. Слышался только плач Фангуань. На девочке были розовая кофта и зеленые штаны; черный как смоль пучок на затылке вздрагивал от каждого всхлипывания. Плакала Фангуань как настоящая плакальщица на похоронах.

– Барышня Инъин превратилась в истерзанную Хуннян^[133], – улыбнулась Шэюэ, глядя на Фангуань. – Нужно сейчас же переодеть ее и попудрить. Посмотрите, на кого она похожа!

Цинвэнь вымыла Фангуань голову, вытерла насухо полотенцем, собрала волосы в узелок, а затем велела одеться и прийти к ней.

Вскоре явилась женщина из кухни и сообщила:

– Ужин готов! Прикажете подавать?

Девочка-служанка побежала спросить Сижэнь.

– Из-за этой ссоры даже не заметили, как пролетело время, – виновато улыбаясь, произнесла Сижэнь. – Сколько раз били часы?

– Они, кажется, испортились. Придется снова нести в починку! – сказала Цинвэнь, взглянула, на часы и добавила: – Можно немного подождать.

Девочка ушла.

– Говоря откровенно, Фангуань следовало побить не раз, а два раза, – заметила Шэюэ. – Она взяла вчера серьги и забавлялась, пока не сломала.

Тем временем принесли короб с ужином и служанки накрыли на стол. В коробе оказались четыре блюда с холодными яствами.

– Баоюй уже выздоровел, а ему не дают жидкой горячей пищи! – воскликнула Цинвэнь, успевшая вместе с Шэюэ заглянуть в короб. – До каких же пор будут подавать рисовую кашу и маринованные овощи!

Расставив закуски, она вновь заглянула в короб и вдруг увидела небольшую чашку супа из ростков бамбука с ветчиной. Цинвэнь вынула чашку и поставила перед Баоюем.

Баоюй отпил несколько глотков и воскликнул:

– До чего вкусно!

– Сколько же дней вы не ели мясной пищи? – засмеялись служанки.

Баоюй снова поднес чашку ко рту и стал дуть. Но, заметив, что Фангуань стоит рядом, отдал ей чашку.

– Учись прислуживать, нечего целыми днями баловаться да спать. Остуди суп, только смотри, чтобы слюна туда не попала.

Фангуань взяла чашку и принялась дуть. В это время в комнату вбежала ее приемная мать и, улыбаясь, почтительно промолвила:

– Она ведь не умеет, господин, того и гляди, разобьет чашку. Дайте, я остужу!

Она хотела взять у Фангуань чашку, но Цинвэнь закричала:

– Вон отсюда! Пусть разобьет, но остудить суп тебе все равно никто не позволит. Дел, что ли, нет? Зачем притащилась?

– А вы куда смотрите? – обрушилась она на девочек-служанок. – Объяснили бы ей, как нужно себя вести, если она сама не знает.

– Мы говорили ей, чтобы уходила! А она слушать ничего не желает, чем же мы виноваты? – оправдывались служанки. – Ну что, поверила теперь? – набросились они на старуху. – Ведь предупреждали, раз не дозволено – нечего лезть! Да еще руки и язык распустила!

Они подхватили старуху и вытолкали за дверь. Служанки, стоявшие у

крыльца в ожидании короба с посудой, встретили ее градом насмешек:

– Ну что, тетушка? Неужто забыли посмотреться в зеркало, прежде чем войти?

Женщина не знала, куда деваться от стыда, и была возмущена до глубины души, но пришлось проглотить обиду.

Фангуань между тем все еще студила суп.

– Хватит! – сказал наконец Баоюй. – А теперь попробуй, не очень горячий?

Фангуань решила, что это шутка, и, растерянно улыбаясь, оглянулась на слуганок.

– Пробуй, пробуй! – ободрила ее Сижэнь.

– Дай-ка мне, – предложила Цинвэнь, взяла чашку и отпила глоток.

Тогда Фангуань расхрабрилась и тоже попробовала.

– Пожалуй, не очень горячий, – сказала она и отдала чашку Баоюю. После супа Баоюй съел несколько ломтиков бамбука и запил их рисовым отваром. Затем девочки-служанки подали ему полоскательную чашку и таз для умывания. Наконец и Сижэнь пошла ужинать. Фангуань хотела последовать за ней, но Баоюй бросил на девочку выразительный взгляд. Фангуань была сообразительна, к тому же игра на сцене научила ее понимать других по выражению лица. Заметив взгляд Баоюя, она притворилась, будто у нее болит живот, и заявила, что ужинать не будет.

– Тогда посиди здесь, – сказала Сижэнь. – Мы оставим тебе немного рисового отвара, когда проголодаешься – поешь.

Оставшись наедине с Фангуань, Баоюй рассказал ей о своей встрече с Оугуань, о том, как он солгал, чтобы ее выручить, и как по ее совету решил поговорить с Фангуань.

– Кому же она приносила жертву? – спросил Баоюй.

Фангуань сразу погрузилась, глаза ее покраснели, и она со вздохом промолвила:

– По правде говоря, это блажь Оугуань.

– Почему блажь? – удивился Баоюй.

– Она приносила жертву душе умершей Яогуань.

– Если они дружили, Оугуань так и должна была поступить, – заявил Баоюй.

– Какое там дружили! – воскликнула Фангуань. – Просто глупостями занимались! Оугуань обычно исполняла роли молодых героев, а Яогуань – молодых героинь. Как-то им пришлось играть любящих супругов, и с того самого момента они обе словно одурели и стали вести себя в жизни как на сцене. А потом и в самом деле влюбились друг в друга. Как плакала

Оугуань, когда Яогуань умерла! Она до сих пор ее помнит и всякий раз в положенное время приносит ей жертвы. После смерти Яогуань она стала играть в паре с Жуйгуань, но и с ней вела себя так же, как с Яогуань. Мы говорим ей: «Так скоро ты утешилась с новой подругой, а о старой забыла?» – «Я не забыла, – ответила Оугуань. – Если умирает жена, мужчина женится вторично, но покойную жену не забывает, это – закон любви». Ну скажите, не глупа ли она?

Поступки Оугуань запали глубоко в душу Баоюю, ибо в точности соответствовали его взглядам на жизнь. Это и радовало его, и печалило, и в то же время казалось удивительным.

– Если все так, как ты говоришь, – промолвил Баоюй, – то передай, пожалуйста, Оугуань, чтобы не жгла больше бумажные деньги, а в положенное время воскуривала благовония в курильнице. Так она и почитит память покойной, и избежит неприятностей. На моем столике тоже стоит курильница, и если меня что-то тревожит, я, независимо от времени года, ставлю перед курильницей чашку с чистой водой и свежего чая, иногда кладу цветы и фрукты, а то расставляю мясные и овощные блюда и совершаю жертвоприношения. Все дело в искреннем уважении к памяти умершей, а не в пустых словах. Так что скажи ей, чтобы отныне больше не жгла бумагу!

Фангуань пообещала все в точности выполнить и ушла в комнату служанок, где принялась за оставленный для нее рисовый отвар. В этот момент вошла служанка и сообщила:

– Старая госпожа вернулась!

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава пятьдесят девятая

У плотины Ивовых листьев порицают Инъэр и бранят Чуньянь;

во двор Наслаждения пурпуром срочно вызывают посредника

Итак, Баоюй, узнав о возвращении матушки Цзя, оделся потеплее и отправился ее навестить. Он пробыл у нее недолго, так как матушка Цзя за последние дни очень устала и собиралась пораньше лечь спать. Ночью ничего достойного упоминания не произошло. А на следующее утро, в пятую стражу, матушка Цзя встала и снова отправилась ко двору.

Накануне похорон жены императора служанки собрали вещи матушки Цзя и госпожи Ван, тщательно все проверили и передали служанкам, которые должны были сопровождать матушку Цзя и госпожу Ван во время поездки. Провожали их шесть девочек-служанок и десять пожилых женщин (мужчины не в счет). Последний день целиком ушел на снаряжение конных паланкинов и приведение в порядок дорожных принадлежностей.

Юаньян и Юйчуань остались присматривать за домом и не сопровождали своих хозяек. Они только привели в порядок дорожные постели и пологи и отправили их заранее в гостиницу, где матушка Цзя и госпожа Ван должны были остановиться.

Слуги отправились к месту назначения первыми, устроили все как было приказано и ожидали приезда хозяев.

Наступил день отъезда. Матушка Цзя села в паланкин вместе с женой Цзя Жуна, госпожа Ван – в другой паланкин. Сопровождал их Цзя Чжэнь во главе отряда домашней охраны. Следом за ними ехали большие повозки со служанками и вещами.

Тетушка Сюэ, госпожа Ю и остальные члены семьи проводили отъезжающих до главных ворот.

Цзя Ляню не хотелось трогаться в путь, он опасался, что придется терпеть неудобства, но ему пришлось возглавить второй отряд домашней охраны, поскольку вместе с матушкой Цзя и госпожой Ван ехали и его родители.

Поскольку во дворце Жунго почти никого не осталось, управляющий

Лай Да назначил ночных сторожей, велел запереть все гостиные и парадные залы и закрыть все входы и выходы; таким образом, во дворец входили и выходили через западную угловую калитку. А как только садилось солнце, запиралась и эта калитка.

В саду Роскошных зрелищ тоже были заперты все ворота, открытыми оставались лишь одни, небольшие, ведущие к дому госпожи Ван, которыми обычно пользовались все живущие в саду девушки, а также ворота, ведущие на ту сторону, где жила тетушка Сюэ. Эти ворота незачем было запирасть, так как через них можно было попасть лишь во внутренний двор дворца Жунго.

Юаньян и Юйчуань заперли господские покои, сами же вместе с остальными служанками жили в прихожих. Жена Линь Чжисяо на ночь присылала во дворец с десятков пожилых женщин, а в залах и коридорах разместила мальчиков-слуг, чтобы сторожили и отбивали стражи. В общем, все было предусмотрено и сделано самым тщательным образом.

Однажды ранним весенним утром Баочай, едва проснувшись, откинула полог и соскочила с кровати. Было ясно и свежо. Баочай приоткрыла дверь и выглянула наружу. На влажной земле ярко зеленел мох – недавно, видимо, прошел дождик.

Баочай разбудила Сяньюнь. Та села к зеркалу причесываться и сказала:

– Щеки что-то чешутся. Наверное, персик расцвел, и у меня снова появились прыщи. Дай немного розовой мази, сестра, я смажу лицо.

– У меня нет, – ответила Баочай, – я сестрице Баоцинь отдала... Надо попросить у Чернобровки. У нее много. Собиралась взять у нее, но все забываю. Не чешется – и ладно.

Она велела Иньэр пойти к Дайной попросить розовой мази.

– погоди, – сказала тут Жуйгуань, – вместе пойдем. Заодно навестим Оугуань.

Девушки вышли со двора Душистых трав, смеясь и беседуя, дошли до плотины Ивовых листьев и поднялись на дамбу. Сережки ив уже распустились и золотыми нитями свисали над водой.

– Ты умеешь плести из ивовых прутьев? – спросила подругу Иньэр.

– Что плести? – с улыбкой спросила Жуйгуань.

– Мало ли что! Всякие безделушки да полезные вещи, – отвечала Иньэр. – Сейчас я сломаю несколько прутьев и сплету корзиночку для цветов. Увидишь, как красиво получится!

Она сломала несколько молодых побегов и на ходу стала плести корзиночку. Пока они шли, корзиночка была готова, и в нее поставили

цветы, сорванные по дороге. В самом деле получилось очень красиво.

– Милая сестрица, подари корзиночку мне! – весело попросила Жуйгуань.

– Я подарю ее барышне Линь Дайюй, – ответила Иньэр, – а на обратном пути сплету для всех.

Тем временем они добрались до павильона Реки Сяоян.

Дайюй только что встала. Заметив у Иньэр корзиночку, она радостно воскликнула:

– Кто это сплел? И цветы свежие!

– Это я сплела, для вас, – ответила Иньэр.

– Не удивительно, что все восхищаются твоим искусством! – промолвила Дайюй. – Эта корзиночка – выше всякой похвалы!

Она повертела корзинку в руках и велела Цзыцзюань поставить ее на столик.

Иньэр справилась о здоровье тетушки Сюэ, которая была здесь, а потом попросила розовой мази, и Дайюй велела тотчас ее принести.

– Я уже здорова, – сказала Дайюй, – и собираюсь прогуляться. Передай барышне, чтобы не беспокоилась и не приходила справляться о здоровье мамы, мы сейчас сами к ней придем, вместе поедим и повеселимся.

Иньэр поддакнула и пошла за Жуйгуань. Та сидела в комнате Цзыцзюань и о чем-то оживленно беседовала с Оугуань. Иньэр с улыбкой обратилась к Оугуань:

– Твоя барышня собирается к нам. Может быть, и ты пойдешь и будешь ей прислуживать?

– С удовольствием, – обрадовалась Цзыцзюань. – Эта Оугуань так надоела нам своим озорством!

Цзыцзюань завернула в шелковый лоскут палочки, которыми обычно ела Дайюй, и, передавая их Оугуань, сказала:

– Иди с ними, хоть какая-то польза от тебя будет!..

Оугуань взяла палочки и вышла вслед за Иньэр и Жуйгуань. По дороге Иньэр снова наломала ивовых прутьев, села на камень и принялась плести корзинку, приказав Жуйгуань идти вперед и отнести розовую мазь. Однако Жуйгуань и Оугуань залюбовались ее работой и никак не могли уйти.

– Идите, идите! – заторопила их Иньэр. – А то перестану плести!

– Ладно, мы отнесем мазь и сразу вернемся, – сказала Оугуань и ушла, увлекая за собой Жуйгуань.

Иньэр продолжала плести корзинку и не заметила, как к ней подошла Чуньянь, дочь няньки Хэ.

– Что это вы плетете, барышня? – поинтересовалась она.

Между девушками завязался разговор, который был прерван появлением Жуйгуань и Оугуань, они уже успели отнести мазь и вернулись.

Завидев Оугуань, Чуньянь спросила:

– Что за бумагу ты сжигала третьего дня, когда моя тетка тебя заметила? Она хотела пожаловаться, но не осмелилась, потому что господин Баоюй ей пригрозил. Но моей маме она все же рассказала об этом, а я случайно услышала. Неужели у вас столько ненависти, что вы никак не можете от нее избавиться?

– Какая же тут ненависть? – усмехнулась Оугуань. – Просто они меры не знают в своей жадности и злятся на нас! Неплохо они поживились за наш счет в эти несколько лет! Или я, может быть, вру?

– Она моя тетя, а тетю нельзя осуждать, – возразила Чуньянь. – Недаром господин Баоюй говорит: «Посмотришь на девушку – драгоценная жемчужина. Авыйдет замуж – откуда-то берутся изъязы. Когда же состарится – рыбий глаз, да и только. Удивительно! Трижды в своей жизни человек меняется». Эти слова на первый взгляд кажутся наивными, но, если поразмыслить, в них скрыта глубокая истина. Не знаю, как другие, а моя мама и тетя чем старше, тем жаднее. Когда-то они роптали, что им не дают никакого дела. Потом меня взяли во двор Наслаждения пурпуром, одним ртом стало меньше, и расходы у них сократились. Мало того. Ежемесячно я им давала по четыреста – пятьсот монет, но они все равно были недовольны. Спустя некоторое время их обеих взяли служить во двор Душистой груши, где моя мама удочерила Фангуань, а тетя – Оугуань. Так что все эти годы они жили безбедно. Ну, а сейчас, когда они поселились в саду и работают там, и говорить не приходится. Теперь моя мама поссорилась с Фангуань да еще вызвала гнев Баоюя, когда принялась студить для него суп. Хорошо, что у нас в саду живет много народу и не упомнишь, кто кому доводится родственником! А если бы помнили? Как бы я смотрела людям в глаза? Вот ты сейчас наломала прутьев. А известно тебе, что эта часть сада отдана на откуп моей тете? Она встает на рассвете, а ложится спать поздним вечером. Трудится не покладая рук да еще нас заставляет следить, как бы чего не поломали и не испортили. Боюсь, скоро не останется времени на мои прямые обязанности! Мама и тетушка ходят по саду и тщательно следят, чтобы никто травинки не тронул, а ты нарвала таких красивых цветов и наломала веток с молодого деревца. Увидишь, как они рассердятся, когда придут сюда.

– Если бы это сделала не я, дело другое, а мне разрешается, –

возразила Иньэр. – После того как землю разделили и отдали на откуп, обещали все необходимое доставлять барышням домой. К примеру, кто ведает цветами, присылает цветы, кто травами – травы. А наша барышня заявила: «Мне ничего не присылайте, понадобится – скажу». Так она до сих пор ничего и не попросила. Думаю, твоя мать постесняется ругать меня за то, что я сорвала несколько цветочков и сломала несколько веток.

Не успела она договорить, как заметила приближавшуюся к ним тетку Чуньянь. Иньэр и Чуньянь мигом вскочили и предложили женщине сесть. Тетка, глянув на ивовые ветки и сорванные цветы, рассердилась было, но, увидев, какую красивую корзинку плетет Иньэр, не решилась ее ругать и выместила свою злость на Чуньянь.

– Сколько раз посылала тебя присматривать за садом, но ты только и знаешь, что развлекаться. А позовут господ, говоришь, что в саду занята. Прячешься за моей спиной как за ширмой, а сама бездельничаешь!

– Ты заставляешь меня работать, а сама боишься, что тебе за это влетит от господ, виновата же во всем я, – огрызнулась Чуньянь. – Что же мне, разорваться на части?

– Не верьте ей, тетушка, – вмешалась в разговор Иньэр. – Это она нарвала цветов и наломала веток, пристала, чтобы я сплела ей корзиночку. Я ее гоню, а она не уходит.

– Пожалуйста, не шути! – воскликнула Чуньянь. – А то старая, чего доброго, твои слова всерьез примет.

Старуха и в самом деле была на редкость бестолковой и глупой, совсем из ума выжила. Она только и думала, как бы нажиться, остальное ее не интересовало. И вот теперь, услышав слова Иньэр, она несколько раз прошлась палкой по спине Чуньянь и закричала:

– Паршивка! Я тебе дело говорю, а ты огрызаешься! Даже мать довела до того, что терпеть тебя не может. Трещотка! Вот ты кто!

– Сестра Иньэр пошутила, а ты сразу бить! – сквозь слезы крикнула Чуньянь – ей было и больно, и стыдно. – Что же я такого сделала, что мама меня не терпит? Разве я плохо подогревала воду для мытья головы? В чем я провинилась?

Иньэр опешила. Она и подумать не могла, что ее шутка так подействует на старуху.

– Я пошутила, тетушка, – торопливо сказала она, беря старуху за руку. – Не надо ее бить! Не позорь меня!

– Вы в наши дела не вмешивайтесь, барышня! – оборвала ее старуха. – Неужели я не могу при вас как следует поучить свою девчонку?!

Ничего более глупого старуха сказать не могла. Иньэр покраснела и

зло усмехнулась.

– Ты что, так занята, что не нашла для этого другого времени? Или же ты ждала, когда я над ней подшучу? Что ж, продолжай, учи ее! Я погляжу!

Инъэр села и снова принялась за корзиночку. Но тут раздался голос матери Чуньянь:

– Ах, дрянная девчонка! Ты что здесь делаешь? Почему не натаскала воды?

– Полюбуйся на нее! – подхватила тетка. – Совсем от рук отбилась, вздумала мне перечить.

– Перечить? – возмутилась мать Чуньянь, с грозным видом наступая на дочь. – Родной тетке? Да это хуже, чем матери!

Пришлось Инъэр снова вмешаться, и она стала рассказывать, что произошло. Но тетка, как обычно, слушать ничего не желала. Она схватила цветы и ивовые прутьики и, тыча их в нос матери Чуньянь, закричала:

– Видишь! Твоя дочка, как маленькая, в детские игры играет! Все меня оскорбляют, и она вместе со всеми! Что мне теперь делать?!

Мать Чуньянь никак не могла успокоиться после ссоры с Фангуань, а слова тетки подлили масла в огонь. Как смеет девчонка не слушаться? И мать закатила Чуньянь звонкую пощечину.

– Потаскушка! – ругалась она. – Ты что, актриса какая-нибудь? Или же берешь пример с той паршивой девчонки? Ну как вас после этого не учить? Пусть приемную дочь мне не разрешают учить, а родную – не запретят. Я, видите ли, не имею права появляться там, куда ходите вы, дряни этикие! Вот и нечего бегать и грубить мне!

Она схватила ивовые прутья и ткнула ими в лицо дочери:

– Что ты из этих прутьев плетешь?

– Это я плету, – возразила Инъэр, – и нечего, как говорится, указывая на тутовое дерево, ругать акацию!

Женщина завидовала Сижэнь, Цинвэнь и другим старшим служанкам из комнат барышень, ибо знала, что, несмотря на молодость, они пользуются уважением господ и имеют больше прав, чем она, старуха. Она их побаивалась, уступала им, но ненавидела лютой ненавистью и старалась сорвать злость на ком придется. Оугуань она считала смертельным врагом своей старшей сестры и буквально видеть ее не могла.

С громким плачем Чуньянь бросилась бежать в сторону двора Наслаждения пурпуром. Опасаясь, как бы Цинвэнь еще больше не рассердилась, узнав, что произошло, старуха бросилась следом за дочерью.

– Чуньянь, вернись! – крикнула она. – Послушай, что я тебе скажу!

Но Чуньянь продолжала бежать. Мать догнала ее и хотела схватить за

руку, но Чуньянь еще быстрее побежала. Старуха же поскользнулась на влажном мху и растянулась на земле, вызвав смех Иньэр и остальных служанок.

Иньэр в сердцах бросила в речку цветы и прутья и ушла домой. А тетка Чуньянь долго еще стояла на берегу, глядя на уплывавшие цветы, поминала Будду, горестно вздыхала и ругалась:

– Негодница! Чтоб тебя гром поразил!..

Затем она нарвала цветов и понесла барышням.

Тем временем Чуньянь вбежала во двор Наслаждения пурпуром и столкнулась с Сижэнь. Та шла к Дайной справиться о здоровье.

– Барышня, спасите меня! – закричала она, обнимая Сижэнь. – Мать хочет меня убить!

Тут как раз прибежала мать Чуньянь, и рассерженная Сижэнь на нее обрушилась:

– За каких-то три дня ты успела побить и приемную дочь, и родную! И еще смеешь хвастаться, что ты хорошая мать! Законов, что ли, не знаешь?

Женщина считала Сижэнь доброй, потому что со времени своего приезда ни разу не слышала, чтобы та грубила или ругалась, и потому сказала:

– Ах, барышня, ничего вы не знаете, и не надо вмешиваться в наши дела! Вы и так всех служанок распустили!

Она схватила Чуньянь, намереваясь ее поколотить. Разгневанная Сижэнь ушла в дом.

Шэюэ в это время развешивала под деревом полотенца для просушки. Она все слышала и крикнула Сижэнь:

– Не вмешивайся, сестра, посмотрим, что будет!

Она незаметно сделала знак Чуньянь. И та бросилась в комнаты Баюя.

– Такого у нас еще не было! – засмеялись служанки.

– Уймись, – сказала старухе Шэюэ. – Хотя бы из уважения ко всем нам!

В это время на пороге появился Баюй. Он держал Чуньянь за руку и успокаивал:

– Не бойся, я тебя в обиду не дам!

Чуньянь сквозь слезы рассказала о случившемся.

Баюй напустился на женщину:

– Мало того, что ты здесь скандал учинила, так еще дочь свою обижаешь!

– Тетушка говорит, будто мы не имеем права вмешиваться в ее дела, –

сказала Шэюэ. – Может быть, она и права. Ведь мы жизни не знаем и мало в чем разбираемся. А тут нужен человек опытный, чтобы поучил тетушку вежливости и приличиям.

Она подозвала девочку-служанку и приказала:

– Пойди скажи Пиньэр, что я просила ее прийти. Если же она занята, пусть пошлет жену Линь Чжисяо.

Девочка ушла. А женщины-служанки стали потихоньку советовать старухе:

– Скорее проси барышень, чтобы вернули служанку. Если придет барышня Пиньэр, несдобровать тебе!

– Пусть приходит! – заупрямилась старуха. – Кто может помешать матери учить свою дочь! Ведь это несправедливо!

Служанки ушам своим не поверили.

– А известно тебе, кто такая барышня Пиньэр? Ведь она доверенная второй госпожи Фэнцзе! Если рассердится, дело руганью не ограничится!

В это время вернулась девочка-служанка и доложила:

– Барышня Пиньэр прийти не может. Она спросила, в чем дело, и когда я рассказала, распорядилась: «Прогоните старуху и прикажите жене Линь Чжисяо отвести ее к воротам и дать сорок палок».

Услышав эти слова, старуха затряслась от страха и с плачем бросилась к Сижэнь:

– Я вдова, никому ничего дурного не сделала, всячески стараюсь угождать барышням! Что же я стану делать, если меня отсюда выгонят!

Сижэнь стало жаль старуху.

– И откуда ты взялась, такая бестолковая? – сказала она. – Хочешь служить у нас, соблюдай принятые в доме правила, слушай, что тебе говорят! Ведь над тобой же станут смеяться, если будешь каждый день безобразничать!

– Ну что с ней разговаривать! – вмешалась Цинвэнь. – Выгнать, и все! Разве есть у нас время спорить с ней всякий раз?

Женщина снова принялась умолять:

– Я виновата, простите меня, барышни, сделайте доброе дело!.. Все из-за тебя, Чуньянь! Я тебя и пальцем не тронула, а оказалась виноватой. Хоть ты вступишь за меня, милая моя девочка!

Мольбы ее тронули Баюя, он сжалился над старухой, не велел ее выгонять, но предупредил:

– Смотри, не скандаль больше! Не то поколотят и выгонят!

Женщина поблагодарила и поспешила выйти.

Вскоре появилась Пиньэр и осведомилась, что произошло.

– Все обошлось, не стоит вспоминать, – ответила Сижэнь.

– Вот и хорошо, – кивнула Пиньэр. – Если можно, надо простить человека – меньше хлопот. Правда, я слышала, что теперь слуги часто перечат господам. То тут скандал, то там, не знаешь, где раньше улаживать.

– Оказывается, не только у нас безобразия, – улыбнулась Сижэнь. – Где же еще?

– За последние дни много чего случилось, похлеще, чем у вас, – ответила Пиньэр. – И зло разбирает, и смех!

Все удивленно смотрели на Пиньэр.

Если вам интересно узнать, что хотела рассказать Пиньэр, прочтите следующую главу.

Глава шестидесятая

Розовую мазь подменяют жасминовой пудрой;

с помощью эссенции мэйгуй раскрывают историю порошка гриба фулин

Итак, все очень удивились, а Сижэнь спросила:

– Что же еще случилось?

– Случилось такое, что и в голове не укладывается, – с улыбкой ответила Пиньэр, – а как подумаешь, становится смешно. Потерпи, через несколько дней я тебе все расскажу, а сейчас времени нет для разговоров.

Не успела она договорить, как появилась служанка Ли Вань.

– Барышня Пиньэр! Моя госпожа вас заждалась, а вы, оказывается, здесь!

– Бегу! – отозвалась Пиньэр, направляясь к выходу. Все рассмеялись, а Сижэнь проговорила:

– С тех пор как ее госпожа заболела, Пиньэр словно пирожное: все хотят, но никак не дотянутся.

Пиньэр ушла, и мы пока ее оставим и расскажем о Баоюе. Он сказал Чуньянь:

– Пойдите с матерью в дом барышни Баочай и извинитесь перед Иньэр. Нехорошо обижать ее понапрасну!

Чуньянь поддакнула и хотела выйти следом за матерью, когда Баоюй ее предупредил:

– Только при барышне Баочай разговора не заводите, а то она будет ругать Иньэр.

Мать и дочь шли мирно беседуя между собой.

– Говорила я тебе, а ты не верила, – сказала Чуньянь матери. – Вот и нажила неприятности. Довольна?

– Ладно, ладно, иди, негодница! – с улыбкой отвечала женщина. – Верно говорит пословица: «Со стороны виднее». Я все поняла, и нечего меня поучать!

– Будешь посдержаннее, приживешься здесь. Плохо ли? – продолжала Чуньянь. – Баоюй не раз говорил, что всех служанок надо отпустить по домам, чтобы жили с родителями. Он давно собирается об этом попросить

свою матушку. Ведь лучше не придумаешь, верно?

– Неужели это правда? – обрадовалась женщина.

– Зачем же мне врать?

Мать ничего не ответила, только несколько раз помянула Будду.

Вскоре они уже были у двора Душистых трав. Баочай, Дайюй и тетушка Сюэ как раз обедали, а Инъэр ушла заваривать чай.

Чуньянь с матерью ее отыскивали.

– Барышня, – сказала старуха, – не гневайтесь на меня. Я пришла просить у вас прощения.

Инъэр улыбнулась, предложила старухе сесть, налила чаю. Мать с дочерью не стали пить, сославшись на дела, и ушли. Вдруг выбежала Жуйгуань и закричала:

– Мама, сестренка, погодите!

Она подбежала к ним и сунула в руку Чуньянь небольшой сверток, сказав, что это розовая мазь для Фангуань.

– До чего же вы мелочные! – заметила Чуньянь. – Неужели ты думаешь, что у нас не найдется мази? Напрасно посылаешь!

– Знаю, что найдется, – ответила Жуйгуань, – но это – подарок. Непременно передай, прошу тебя, сестрица!

Девочке ничего не оставалось, как взять сверток.

Чуньянь с матерью вернулись к себе, как раз когда Цзя Хуань и Цзя Цун пришли справиться о здоровье Баоюя.

– Я сама пойду, а ты подожди здесь, – сказала матери Чуньянь. Мать не перечила, опасаясь нового скандала.

Увидев Чуньянь, Баоюй понял, что она выполнила все его приказания и пришла доложить, поэтому знаком велел девочке уйти. Чуньянь в нерешительности потопталась на месте и направилась к двери, дав Фангуань понять, чтобы та следовала за нею.

Чуньянь передала Фангуань розовую мазь и сказала, что это ей посылает в подарок Жуйгуань.

Разговор с Цзя Хуанем и Цзя Цуном не клеился, и Баоюй невольно следил за происходящим вокруг. От него не ускользнуло, что Фангуань вернулась с каким-то пакетиком.

– Что это у тебя? – спросил Баоюй.

– Розовая мазь. Ею мажут весной лицо, чтобы кожа не портилась, – ответила Фангуань, протягивая Баоюю пакетик.

– Молодец Чуньянь, что не забыла, – с улыбкой произнес Баоюй.

Цзя Хуань вытянул шею, заглядывая в пакетик, и, уловив тонкий приятный аромат, вытащил из-за голенища листок бумаги, отдал Баоюю и

попросил:

– Дорогой братец, дай мне немного!

Баоюй согласился, но Фангуань, поскольку это был подарок Жуйгуань, запротестовала:

– Господин, я принесу другую, тогда отдадите, а эту оставьте!

– Ладно, возьми. – И Баоюй вернул пакетик Фангуань.

Но когда девушка захотела принести розовую мазь, которой обычно пользовалась, коробочка оказалась пуста. Фангуань удивилась: еще утром коробочка была почти полной, куда же девалась мазь?

Она стала спрашивать у служанок, но те толком ничего объяснить не могли.

– Далась тебе эта мазь, – вмешалась тут Шэюэ. – Может, понадобилась кому-то из наших, вот и попользовались. Возьми, что под руку попадет, и отдай! Думаешь, этот Цзя Хуань разберется? Главное, чтобы они ушли поскорее, обедать пора.

Фангуань так и сделала. Завернула в бумажку немного жасминовой пудры и отнесла Цзя Хуаню. Тот обрадовался и протянул было руку за пакетиком, но Фангуань бросила его на кан и выскочила за дверь. Цзя Хуань сунул пакетик за пазуху, попрощался с Баоюем и ушел.

Пользуясь тем, что Цзя Чжэн и госпожа Ван на некоторое время отлучились из дому, Цзя Хуань бездельничал, сказавшись больным и придумав еще множество причин, чтобы не ходить в школу. Розовую мазь он, собственно, попросил не для себя – хотел сделать подарок Цайюнь и сразу побежал ее разыскивать.

Цайюнь в это время беседовала с наложницей Чжао.

– А что у меня есть! – воскликнул Цзя Хуань, входя в комнату. – Помнишь, ты говорила, что розовая мазь лучше серебряной. Вот я тебе ее и принес! Погляди!

Цайюнь развернула пакетик и прыснула со смеху:

– Кто тебе дал?

Цзя Хуань рассказал, как было дело.

– Тебя обманули, – вскричала Цайюнь, – как деревенского простака. Ведь это жасминовая пудра!

Цзя Хуань, посмотрев, сам убедился, что дали ему не то. Даже запах совсем другой.

Однако он сказал:

– Неважно, все равно оставь себе. Такой в лавке не купишь!

Цайюнь не стала возражать и спрятала пакетик.

– Ты думал, тебе дадут что-нибудь хорошее?! – обрушилась на сына

наложница Чжао. – Не надо было просить! А теперь нечего обижаться, что над тобой подшутили! На твоём месте я бы им в морду это швырнула! Паршивки! Неужели вспомнили, как два месяца назад я с ними поругалась, и решили на тебе отыграться?.. Но ты должен был за себя постоять! С Баоюя спроса нет – он твой старший брат, а вот девчонкам спуска давать не надо.

Цзя Хуань, опустив голову, слушал мать.

– А по-моему, скандалить ни к чему, – вмешалась Цайюнь. – Лучше стерпеть.

– Молчи, тебя не спрашивают, – оборвала её наложница Чжао. – Этим дрянным девчонкам надо выговаривать при всяком удобном случае.

Наложница все больше распалялась и, тыча пальцем в Цзя Хуаня, громко кричала:

– Тьфу! Мямля! Попробовала бы я дать тебе вместо нужной вещи ненужную! От злости у тебя жилы вздулись бы и ты запустил бы в меня этой вещью, а когда эти сучки над тобой насмеются, тебе все равно! Кто же после этого станет тебя уважать и бояться?! Зло берет, как погляжу на тебя! Ну куда ты годишься!

Цзя Хуань смутился. Он был зол, но вернуться и поднять скандал не решался.

– Подстрекать ты умеешь, матушка, – сказал он, махнув рукой, – а попробуй сама пойдёшь поскандаль! Не посмеешь! А я подними шум – меня в школе за это выпорют! Приятно будет? Сколько раз ты науськивала меня на других, а потом самой стыдно было. И все равно опять за свое. Пойди пожалуйста третьей барышне Таньчунь, если не боишься, я в ножки тебе поклонюсь!

Эти слова были для наложницы Чжао будто нож острый.

– Ах ты выродок, – закричала она. – Это я её боюсь? Да мне тогда лучше не жить на свете!

Она вскочила, схватила пакетик и побежала в сад.

Цайюнь попыталась было её удержать, но, поняв, что старания её тщетны, спряталась в своей комнате. А Цзя Хуань выскользнул за дверь и побежал играть.

Примчавшись в сад, Чжао увидела тетку Ся, приемную мать Оугуань.

– Куда это вы, госпожа? – в недоумении спросила та, заметив, что у наложницы потемнело от гнева лицо, а глаза налились кровью.

– Да ты посмотри! – всплеснула руками наложница Чжао. – Пусть бы кто-нибудь другой такое сделал, а то эти дрянные комедиантки! Живут в доме без году неделю и вон что вытворяют! Нет, я не позволю этим тварям

шутить над собой!

– Что случилось? – спросила тетка Ся, невольно вспомнив и про свои обиды.

Наложница Чжао ей рассказала, как подсунули Цзя Хуаню вместо розовой мази пудру.

– Неужели вас это удивляет, госпожа? – воскликнула тетка Ся. – Вчера случилось кое-что поважнее – одна из девчонок вздумала на этом самом месте жечь бумажные деньги, ее поймали и хотели наказать, но Баоюй не позволил! В сад запрещено вносить буквально все, любую мелочь, а бумажные деньги, оказывается, можно жечь. Где же справедливость? Госпожа отлучилась из дома, значит, старшая теперь вы. Вот и распоряжайтесь! Кто посмеет вам перечить? Все эти напудренные рожи – негодницы, и нечего их бояться. Вам представляется прекрасный случай – история с бумажными деньгами и пудрой. Я пойду к вам в свидетельницы. Вас сразу зауважают. Не станут же барышни и невестки ссориться с вами из-за каких-то девчонок!

Чжао слушала и поддакивала:

– Правильно, верно! А что это за история с бумажными деньгами? Расскажи поподробней!

Тетка Ся рассказала все, что знала, и напоследок добавила:

– Если они станут все отрицать, позовете в свидетели нас.

Наложница Чжао, очень довольная, бодро направилась во двор Наслаждения пурпуром.

Баоюй в это время был у Дайюй, а Фангуань и Сижэнь обедали.

Увидев наложницу Чжао, они мигом вскочили и предложили ей сесть, говоря:

– Куда вы так торопитесь, госпожа? Посидите с нами, поешьте!

Чжао, не произнеся ни слова, подошла к столу, швырнула пакетик с пудрой в лицо Фангуань и, тыча в девушку пальцем, разразилась бранью:

– Потаскушка! Паршивая девчонка! Тебя за деньги купили! Ты хуже самой последней служанки! А еще задаешься! Баоюй хотел сделать подарок, а ты его подвела! Может быть, он твое дарит? Подсунула моему сыну пудру, думала, он не разберется! А ведь он тоже господин, как и Баоюй! Они братья! Как же ты смеешь так поступать?!

Фангуань громко заплакала от обиды и сказала сквозь слезы;

– У меня не осталось мази, вот я и дала пудру. Скажи я ему, что мази нет, он не поверил бы. Разве пудра плохая? Да, я играла на сцене, но только в вашем доме. Я не распутная, дурными делами не занималась. Нечего меня ругать! Не вы меня покупали, и я не ваша служанка. Пусть я рабыня,

пусть все мои братья и сестры рабы, но вы с какой стати меня оскорбляете?!

– Не болтай лишнего! – прикрикнула на нее Сижэнь.

Чжао в ярости дала Фангуань две пощечины. Сижэнь стала ее урезонивать.

– Не к лицу вам сводить счеты с девушкой! Я сама с ней поговорю!

Но разве могла Фангуань такое стерпеть? Она завопила истошным голосом:

– Кто дал вам право меня бить? Поглядели бы лучше на себя в зеркало! Ну что ж, бейте, совсем убейте, я не хочу больше жить!

Она подскочила к наложнице Чжао и подставила лицо. Служанки оттащили девушку и принялись успокаивать.

Цинвэнь подошла к Сижэнь и, тронув ее за локоть, шепнула на ухо:

– Не обращай внимания, пусть себе шумят, а мы поглядим. А то вмешаемся, придется в ход пустить руки! Ничего хорошего из этого не получится.

Служанки, пришедшие вместе с наложницей Чжао и теперь стоявшие за дверью, радовались, слыша крики и брань. И, возблагодарив Будду, говорили:

– Наконец-то и наш день настал...

Старухи, которым не раз доставалось от девочек-актрис, тоже ехидно улыбались – поделом этой Фангуань!

Оугуань, Жуйгуань и других актрис поблизости не было, они ушли играть. И Куйгуань, исполнительница ролей отрицательных героев, ныне прислуживавшая Сяньюнь, вместе с Доугуань, отданной в услужение Баоцинь, бросилась их искать, чтобы вместе поспешить на выручку Фангуань.

– Фангуань бьют! – сообщили они. – Того и гляди, до нас доберутся! Надо за себя постоять! Пошли!

И все четверо, охваченные гневом, устремились во двор Наслаждения пурпуром, чтобы выполнить свой долг и помочь подруге. Доугуань налетела на наложницу Чжао и так сильно ударила ее головой, что едва с ног не сбила. Остальные вцепились в обидчицу и принялись ее колотить и пинать.

Служанки, давась от смеха, подбежали к ним, будто желая разнять. А Сижэнь была не на шутку встревожена: не успевала она оттащить одну, как подбегала другая.

– Вы что, своей смерти ищете? – кричала Сижэнь. – Обидели вас – скажите. А вы вон что затеяли!

Наложница Чжао только и могла что ругаться. Жуйгуань и Оугуань держали ее за руки, Куйгуань и Доугуань навалились с обеих сторон и кричали:

– Убей нас всех!..

Фангуань лежала на полу и плакала навзрыд.

Поняв, что дело принимает серьезный оборот, Цинвэнь потихоньку послала Чуньянь за Таньчунь. Таньчунь не замедлила явиться вместе с господами Ю и Ли Вань. Их сопровождали Пиньэр и целая толпа женщин-служанок. Они разняли дерущихся и стали расспрашивать, что случилось. Наложницу Чжао трясло от гнева, она зло таращила глаза и пыталась рассказать, как было дело. По от волнения то и дело сбивалась, путалась, и понять ее было почти невозможно.

Госпожа Ю и Ли Вань, выслушав ее, ничего не сказали, лишь прикрикнули на девочек. А Таньчунь со вздохом проговорила:

– Ничего особенного! Просто тетушка Чжао чересчур вспыльчива... Я посылала за вами служанок, тетушка хотела кое о чем посоветоваться, а вы, оказывается, здесь, пришли ссориться! Идемте со мной!

– Да, да, тетушка, пойдемте в зал, – поддакнули госпожа Ю и Ли Вань, – там и поговорим!

Наложнице ничего не оставалось, как последовать за ними. Но она никак не могла успокоиться и все время доказывала свою правоту.

– Девочки-актрисы все равно что игрушки, – прервала ее Таньчунь. – Позабавиться с ними можно, а надоест – не следует на них обращать внимание. Провинятся – и ладно, прощает же хозяин кошку или собаку, если те оцарапают его или укусят. Ну, а если никак нельзя простить – надо позвать управительницу, она и накажет. А скандалить с ними – только ронять собственное достоинство. Почему никто не оскорбляет тетушку Чжоу? Потому что она ни с кем не связывается. Мой вам совет пойти домой и успокоиться. Не слушайте этих негодяек, они только и знают, что стравливать всех, выставлять на посмешище. Умерьте ваш гнев и потерпите несколько дней; вернется госпожа Ван и все уладит.

Возразить наложнице Чжао было нечего, и она отправилась восвояси.

Тут Таньчунь с нескрываемым раздражением сказала:

– Дожила до таких лет, а вести достойно себя не умеет. Так разошлась, что о приличиях забыла. Слушает всякие сплетни, а сама ничего не соображает. Эти бесстыжие служанки науськивают ее на тех, кого недолюбливают, а из нее делают посмешище!

Таньчунь, думая о случившемся, все сильнее гневалась и наконец приказала во что бы то ни стало дознаться, кто подстрекнул наложницу

Чжао затеять ссору.

Женщины пообещали исполнить ее приказание, но, выйдя за дверь, с усмешкой переглянулись:

– Разве выловишь в море иголку?..

Вызвали служанок наложницы Чжао и служанок из сада. Учинили допрос. Но все в один голос твердили, что ничего не знают. Женщины вернулись и доложили Таньчунь:

– Сразу не выяснишь, придется действовать не торопясь. Узнаем, кто распускает слухи и сплетни, и накажем примерно.

Гнев Таньчунь постепенно утих. Но тут к ней украдкой пробралась Айгуань и стала рассказывать:

– Во всем виновата мамка Ся. Она терпеть не может Фангуань и не упускает случая к ней придрататься. Это она донесла, что Оугуань сжигала в саду бумажные деньги. К счастью, второй господин Баоюй выручил Оугуань, приняв всю вину на себя. Сегодня я относил барышне платок и случайно увидела, как мамка Ся шушукалась с тетушкой Чжао. При моем появлении они сразу умолкли и разошлись.

Конечно, виной всему чей-то злой умысел, в этом Таньчунь не сомневалась, но нельзя отрицать и того, что девочки-актрисы очень избалованы и горой стоят друг за друга. Поэтому, слушая Айгуань, Таньчунь кивала, будто соглашаясь с ней, однако не могла принять слова девочки в качестве бесспорного доказательства.

Надобно сказать, что Сяочань, внучка мамки Ся, была на посылках у Таньчунь. Она делала покупки для служанок, и те ее очень любили. В тот день после обеда Таньчунь как раз занималась в зале хозяйственными делами, когда Цуймо позвала к себе Сяочань и попросила купить немного сладостей.

– Я только что подмела большой двор и очень устала, ноги и спина ноют, – ответила Сяочань, – пошлите кого-нибудь другого!

– Кого же я пошлю? – улыбнулась Цуймо. – Иди скорее сюда, я тебе кое-что расскажу, а ты предупредишь бабушку, чтобы была осторожна.

И Цуймо рассказала девочке о том, как Айгуань жаловалась Таньчунь на мамку Ся.

– И эта негодница вздумала над нами насмехаться! – возмутилась Сяочань и, позабыв об усталости, взяла у Цуймо деньги. – Хорошо, я скажу бабушке!

Она вышла из дому и направилась к задним воротам. Там неподалеку была кухня, и все повара и кухарки, а с ними и мамка Ся от нечего делать сидели на крыльце и точили лясы. Сяочань послала одну из женщин за

покупками, а сама отозвала в сторону мамку Ся и потихоньку рассказала ей все, что узнала от Цуймо.

Выслушав внучку, мамка Ся и рассердилась и испугалась. Она не знала, что делать: допросить Айгуань или пожаловаться Таньчунь на несправедливость!

– Что же ты скажешь? – удерживая ее, спросила Сяочань. – А вдруг поинтересуются, откуда ты это узнала? Неприятности не избежать. К чему торопиться? Ведь тебе велели быть осторожнее.

В это время в ворота просунулась голова Фангуань. Девочка позвала тетку Лю, работавшую на кухне, и сказала:

– Тетушка Лю, второй господин Баоюй велел подать ему на' ужин холодные кислые блюда, только без кунжутного масла.

– Знаю, знаю, – с улыбкой отвечала тетка Лю. – Что это вдруг тебя послали с таким важным поручением? Заходи, если не боишься испачкаться.

Фангуань вошла и тут увидела женщину с блюдом печенья и сладостей в руках.

– Чье это печенье? – спросила Фангуань в шутку. – Может, и мне дадите немного отведать?

– Нельзя! – поспешила сказать Сяочань. – Вы что, никогда печенья не видели?

– Тебе нравится, барышня Фангуань? – вмешалась тут тетка Лю. – У меня есть такое печенье. Его купили для вашей старшей сестры, но она отослала его сюда. К нему никто не прикасался. Возьмите!

И тетка Лю протянула Фангуань блюдце с печеньем:

– Подержи, а я тебе приготовлю хорошего чаю.

И она ушла на кухню. Фангуань взяла кусочек печенья, ткнула прямо под нос Сяочань и воскликнула:

– Очень мне нужно твое печенье! Видишь? У меня тоже есть. Я посмеялась над тобой. Да поклонись ты мне в ноги, я не взяла бы у тебя ни крошки!

С этими словами она бросила печенье воробьям.

– Тетушка Лю, – окликнула она старуху, – распоряжайся этим печеньем как хочешь, я могу купить тебе целых два цзиня.

Сяочань едва не лопнула от злости и, тараща глаза, прошипела:

– Куда только смотрит Лэй Гун, что до сих пор не поразил это отродье?

– Будет вам, барышни! – стали их урезонивать женщины. – Хватит ссориться!

А более опытные и осторожные поспешили скрыться, как только

началась перепалка. Сяочань не решилась продолжать ссору и, бурча что-то себе под нос, ушла со двора.

Когда все разошлись, тетка Лю спросила у Фангуань:

– Ты рассказала о нашем разговоре третьего дня?

– Да, – ответила Фангуань. – Дня через два еще раз напомним. Как назло, наложница Чжао, чтоб ей подохнуть, опять со мной поскандалила. Кстати, пила ваша дочка росу мэйгуй, которую я принесла? Понравилась ей?

– Всю до капельки выпила, – ответила тетка Лю. – С большим удовольствием. Хотела еще попросить, да постеснялась.

– Пустяки, – заявила Фангуань, – я принесу.

Надобно сказать, что у тетки Лю была дочь, которой исполнилось нынче шестнадцать. Внешностью она не уступала Пиньэр, Сижэнь, Юаньян, Цзыцзюань и прочим господским служанкам. У тетки Лю она была пятой по старшинству, и звали ее Уэр. Слабая и болезненная, она не могла пойти в услужение. Прознав, что у Баоюя много служанок, что делать им особенно нечего и Баоюй собирается их отпустить по домам, тетка Лю решила пристроить к нему свою дочь, чтобы та хоть числилась в служанках. По как это сделать? Тетка Лю обслуживала двор Душистой груши, старательно исполняла свои обязанности и относилась к девочкам-актрисам, в том числе и к Фангуань, куда лучше, чем их приемные матери. Фангуань платила тетке Лю тем же. И теперь, когда Фангуань была отдана в услужение Баоюю, тетка уговорила ее попросить Баоюя взять к себе ее дочь Уэр. Баоюй не возражал, но из-за болезни и множества скопившихся дел никак не мог этим заняться.

Между тем Фангуань, возвратившись во двор Наслаждения пурпуром, доложила Баоюю о том, что поручение его выполнено.

После скандала, учиненного наложницей Чжао, когда Таньчунь уговорила наложницу уйти и все утихомирились, Баоюй успокоил Фангуань и отправил ее с поручением на кухню, но до сих пор пребывал в плохом настроении.

Когда Фангуань попросила у Баоюя росу мэйгуй для Уэр, он сказал:

– У меня есть немного эссенции, можешь отдать Уэр, – и приказал Сижэнь принести эссенцию. Во флаконе оставалось совсем немного, и он отдал его девочке.

Фангуань снова отправилась к тетке Лю, которая уже успела погулять с дочерью и теперь пила чай на кухне.

Увидев в руках у девочки флакон высотой в пять цуней, до половины наполненный розовой жидкостью, тетка Лю решила, что это заморское

вино, которое пьет господин Баоюй.

– Живее вскипятите воду, – приказала она, жестом пригласив Фангуань сесть.

– Это все, что осталось, – с улыбкой промолвила Фангуань. – Он отдал мне даже флакон.

Только теперь Уэр поняла, что это не вино, а эссенция мэйгуй, и поблагодарила Фангуань.

– Сегодня мне немного лучше, – проговорила она, – я даже смогла погулять. Только здесь у нас нет ничего интересного – несколько камней, деревьев да задняя стена дома, никакого пейзажа.

– А почему бы тебе не пойти в сад? – спросила Фангуань.

– Я не велела ей туда ходить, – вмешалась тетка Лю. – Барышни ее не знают, попадется кому-нибудь на глаза – пойдут сплетни. Если можешь, возьми ее завтра с собой погулять. Приедут хозяева, тогда ей туда не попасть! Но ничего, может, когда-нибудь ей этот сад еще надоест!

– Не беспокойтесь! – улыбнулась Фангуань. – А я на что?

– Ай-я-я! – запричитала тетка Лю. – Барышня ты моя! Ведь мы люди маленькие, тебе не ровня!..

Она налила Фангуань чаю, но та отхлебнула глоток и собралась уходить.

– Ладно, иди! У меня тут еще кое-какие дела, – сказала тетка Лю. – Уэр тебя проводит.

Уэр последовала за Фангуань и, когда они отошли немного, огляделась, взяла Фангуань за руку и осторожно осведомилась:

– Ты говорила с ним обо мне?

– Неужели я стану обманывать! – улыбнулась Фангуань. – Я сама слышала, что в комнатах не хватает двух служанок; Сяохун забрала вторая госпожа Фэнцзе, а Чжуйэр выгнали. На одно из этих мест можно было бы устроить тебя. Но Пинъэр все время твердит: «Перемещения служанок и денежные расходы надо пока отложить, у третьей барышни Таньчунь на этот счет свои соображения». Зачем же лезть на рожон, если она то и дело придирается к своим служанкам, а сейчас ищет повод взяться за наших? Попробуй скажи ей хоть слово поперек! Потерпи немножко. Приедут старая госпожа и госпожа Ван, и все устроится.

– Не могу я ждать, – возразила Уэр. – Терпенья не хватает. Если я пристроюсь, мама сразу успокоится – значит, не зря меня растила; и всей нашей семье станет легче – мне будут платить жалованье, да и я сама почувствую себя увереннее, может быть, и болезнь пройдет... А не пройдет, родным не придется тратить на врача и лекарства.

– Все это я знаю, – заметила Фангуань, – не беспокойся и жди!

С этими словами она ушла.

Когда Уэр вернулась домой, они с матерью долго говорили о Фангуань, которая сделала им столько добра!

– Такой эссенции нам больше не видать, – сказала мать Уэр. – Надо отлить немного и подарить кому-нибудь в знак уважения.

Когда Уэр спросила, кому именно, мать ответила:

– Хотя бы твоему старшему дяде, у него горячка. Он с удовольствием отведаёт такой прекрасный напиток.

Уэр промолчала. Мать отлила полчашечки и поставила флакон в кухонный шкаф.

– Зря ты это делаешь, – с холодной усмешкой произнесла Уэр. – Ведь если станут расспрашивать, откуда мы взяли эссенцию, неприятностей не избежать.

– Чего ж тут бояться?! – воскликнула мать. – Мы день и ночь трудимся, зарабатываем. Могли и купить. Неужто подумают, что украли?

И мать понесла эссенцию больному племяннику. Все в доме обрадовались, достали из колодца свежей воды, развели эссенцию и дали больному выпить. А что осталось, поставили на стол и прикрыли бумагой.

В это время несколько мальчиков-слуг, друзей племянника, пришли навестить больного. Среди них оказался Цяньхуай, родственник наложницы Чжао. Родители его служили писцами в кладовых дворца Жунго, а сам Цяньхуай был в услужении у Цзя Хуаня и сопровождал его в школу.

Жили они в достатке, но мальчик все еще не был помолвлен. Он был влюблен в Уэр, которую считал красавицей, и упрашивал отца женить его на ней. Отец согласился и пригласил сваху. Родители Уэр дали согласие на брак, но сама Уэр вдруг заупрямилась и отказала. Причины отказа она не объяснила, а родители не стали допытываться. Их интересовало только одно: устроить дочь служанкой в сад Роскошных зрелищ. Поэтому о сватовстве они и не вспоминали. Отпустят через несколько лет служанок домой, тогда можно будет найти дочери мужа.

Видя, что дело приняло такой оборот, родители Цяньхуая не стали упорствовать и отказались от своего намерения, зато Цяньхуай обозлился, но не отказался от мысли просватать Уэр.

И надо же было такому случиться! Он пришел навестить племянника тетки Лю и вдруг повстречался здесь с ней самой. А тетка Лю, заметив Цяньхуая, сославшись на дела, собралась уходить.

– Почему вы уходите, тетушка, даже чаю не выпили? – с недоумением

промолвила жена племянника. – Ведь мы вам так обязаны за заботу.

– Мне пора накрывать стол для господ, – ответила тетка, – освобожусь и зайду.

Видя, что тетку не уговорить, жена племянника вытащила из ящика небольшой сверток и пошла ее провожать.

На углу она протянула сверток тетке Лю и сказала:

– Это получили вчера за дежурство у ворот. Последние дни дежурные ничего не получали, а вчера приехал чиновник из Гуандуна и привез для господ несколько корзиночек порошка лекарственного гриба фулин. От своих щедрот он одну корзиночку подарил привратникам, а те разделили порошок между собой. Ваш племянник тоже получил свою долю. Порошок белый, как снег, – вчера вечером я рассмотрела его. И очень помогает при всяких болезнях. Его нужно пить по утрам с молоком грудным или коровьим. А можно и с кипятком. Возьми немного для дочери. Я утром хотела послать его с девочкой, но та вернулась, сказав, что ворота заперты на замок. Я сама было решила отнести, но подумала: хозяев нет дома, ворота все заперты, чего понапрасну бегать? Кроме того, мне стало известно, что в доме случилось какое-то происшествие, и я побоялась, что меня в него впутают. Так что вы, тетушка, пришли весьма кстати.

Тетка Лю поблагодарила, взяла порошок и ушла. Но только она приблизилась к воротам, как навстречу ей попался мальчик-слуга.

– Где же вы были? – спросил он. – За вами несколько раз посылали! Велено непременно вас найти. Просто удивительно, как вы здесь очутились? Ведь эта дорога не ведет к вашему дому!

– Ах ты моя обезьянка! – засмеялась тетка Лю. – Не болтай глупостей! Дай только вернуться домой, я тебе покажу!

Если хотите узнать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят первая

Чтобы не пострадали невинные, Баоюй берет вину на себя;

пользуясь своими правами, Пинъэр вершит справедливый суд

Итак, тетка Лю сказала мальчику-слуге:

– Ах ты моя обезьянка! Твоя тетя нашла себе старика! И теперь у тебя стало одним дядей больше! В чем же ты заподозрил меня? Смотри, как бы я не оттащила тебя за космы! Ну-ка, открывай скорей!

– Тетенька, – с улыбкой произнес мальчик, – когда будешь возвращаться, принеси абрикосов! Я буду ждать! Только смотри не забудь! А то придешь ночью играть в кости и пить вино, я тебе ни за что не открою – хоть стучись, хоть кричи!

– Ты что, рехнулся! – разозлилась тетка Лю. – Не те у нас теперь порядки! Ведь сад отдан на откуп мамкам. Остановишься на минуту под деревом, так и сверлят глазами. А ему, видите ли, абрикосов принеси!.. Попросил бы своих теток, они присматривают за садом, так нет, ко мне пристал! Как говорится, просила крыса зерна у журавля! Крыса в амбаре живет, где хранится зерно, а журавль в небе летает! Где ему взять!

– Ладно, – улыбнулся мальчик. – Хватит болтать! Видно, я вам больше не нужен. Ваша дочка получила хорошее место. Но все равно без нас ей не обойтись!

– Ох и хитер ты! – улыбаясь, воскликнула тетка Лю. – Какое же это место получила моя дочка?

– Не прикидывайся, я все знаю! – ответил мальчик. – Неужели ты думаешь, что только у тебя есть свои люди в доме?! Я хоть прислуживаю у ворот, но в доме служат две мои сестры. Так что не вздумай меня морочить!

В это время раздались голоса слуганок:

– Эй ты, мартышка, передай тетушке Лю, пусть скорее идет!

И тетка Лю поспешила к женщинам, крикнув:

– Успокойтесь, я здесь!

Она вошла в кухню, где ее дожидались служанки.

– Куда ушла Уэр? – осведомилась тетка Лю.

– В чайную, к подругам, – последовал ответ.

Тетка Лю быстро спрятала порошок и принялась рассылать ужин девушкам-служанкам. Вдруг прибежала Ляньхуа, маленькая служанка из дома Инчунь, и сказала:

– Сестра Сыци просила прислать ей на ужин яйца всмятку.

– Чересчур жирно, – проворчала тетка Лю. – Нынче даже за десять монет яйца не достанешь, что-то их мало. Вчера господа посылали родственникам съестные припасы и яиц едва набралось две тысячи. И то закупать их отправляли нескольких приказчиков. Где же я возьму яйца? Передай Сыци, что я пришлю как-нибудь в другой раз.

– Недавно она попросила соевого творога, а ты приготовила кислый, и мне за это попало, – вспомнила Ляньхуа. – А теперь яиц не даешь. Неужто это такая редкость? Что-то не верится. Лучше бы не заставляла меня искать!

Тетка Лю не успела опомниться, как девочка сняла крышку со стоявшего рядом ящика и увидела штук десять яиц.

– А это что? – ехидно улыбаясь, спросила она. – Вот какая ты! Жадная! Не ты нас кормишь, а господа! Сама, что ли, снесла эти яйца? Почему не даешь?

– Не болтай! – прикрикнула на нее тетка Лю. – Может быть, это твоя мать несет яйца! Я оставила несколько штук на приправу для барышень. Отдам, а они потребуют! Что тогда? Вы там живете безо всяких хлопот, как говорится, «принесли воду – подставляй руки, принесли поесть – разевай рот». Для вас яйца еда обычная, вы не знаете, сколько они стоят на рынке! Да что говорить! Но погодите, скоро настанут такие денечки, что даже корешка от травы не сыщете! Я уговаривала их быть поскромнее – а они с жиру бесятся: подавай им то яйца, то соевый творог, то лапшу, то соленую репу – что кому вздумается! Но я не вам прислуживаю. Если каждая служанка станет требовать для себя отдельное блюдо, для господ некогда будет готовить.

– Кто это каждый день требует отдельные блюда? – покраснев от возмущения, крикнула Ляньхуа. – Скажешь тоже! Слушать тошно! Тебя зачем сюда поставили? Чтобы готовила! Недавно Чуньянь попросила тебя приготовить для Цинвэнь стебли сухой полыни, так ты предложила вместо полыни курочку или мясо! Чуньянь ответила, что мясное Цинвэнь не любит, и попросила сварить нежирную лапшу. Ты сразу взялась за дело, мешкать не стала. Мало того, сама побежала прислуживать ей, как собачонка! А отыграться решила на мне. Отчитываешь при всех!

– Амиитаба! – всплеснула руками тетка Лю. – Вы только послушайте ее! Еще с прошлого года так повелось, что барышни и служанки, если им

хочется чего-нибудь вкусненького, присылают заранее деньги на продукты. Барышень и служанок не меньше сорока, а то и пятьдесят, и каждый день они требуют по две курицы, по две утки да по десять – двадцать цзиней мяса. А выдают всего одну связку монет. Только на овощи! С трудом удастся всех накормить два раза в день, а вам то одно подавай, то другое! Обычных блюд вы не едите, требуете каких-то особенных!.. Попросите госпожу прибавить вам жалованья и готовить так, как для старой госпожи на главной кухне. Вот тогда можете переписать все блюда, которые есть в Поднебесной, и каждый день просить новые. Пройдет месяц, подсчитывайте и расплачивайтесь наличными! Позавчера третьей барышне Таньчунь и барышне Баочай захотелось жареных бобовых ростков и они прислали мне пятьсот медных монет. Я рассмеялась и говорю: «Будь у барышень такие большие животы, как у Будды Майтрейи, им все равно не съесть на пятьсот монет. Двадцать – тридцать вполне достаточно». Я понесла им деньги обратно, а они не берут, говорят: «Возьми себе на угощение. Кухня у нас близко, к тебе наверняка бегают то за уксусом, то за солью – а это стоит денег. Не дашь – обидятся, а дашь – не заплатят. Не хочешь взять эти деньги в подарок, так пусть они пойдут тебе на расходы». Барышни сочувствуют слугам, и мы готовы молиться на них. Но тут, как назло, узнала об этом наложница Чжао и решила, что деньги на нас сыплются как из мешка, и давай каждый день присылать к нам свою служанку. Смех, да и только! А вы с нее берете пример! Разве могу я на свои деньги выполнять все ваши прихоти?!

Тем временем Сыци, не дождавшись ужина, прислала еще служанку, чтобы поторопить Ляньхуа.

– Ты что, сдохла здесь? – закричала та, прибежав на кухню. – Ужин почему не несешь?

Ляньхуа, возвратившись, рассказала Сыци о своей ссоре с теткой Лю и, конечно же, сгустила краски. Сыци вспыхнула от возмущения. Она только что вернулась от Инчунь, которой прислуживала за обедом. Девочки-служанки, которые уже ели, при появлении Сыци поспешно встали и предложили ей сесть. Однако Сыци, не обращая на них внимания, крикнула:

– Все овощные блюда, которые принесли из кухни, выбросить собакам! Пусть на нас не наживаются!

Девочки переполошились, но ослушаться не посмели. Лишь некоторые попытались успокоить Сыци, говоря:

– Вы, барышня, неправильно поняли Ляньхуа! У тетушки Лю ведь не восемь голов, а одна, так неужели она дерзнет обижать вас?! Яйца нынче и

в самом деле трудно достать! Тетушка поняла, что нехорошо поступила, и сейчас приготовит то, что вы просили. Если не верите, пойдите на кухню и сами увидите!

Сыци постепенно успокоилась, а девочки-служанки, не успевшие выбросить кушанья, снова принялись за еду. Сыци поворчала на них, но в конце концов все закончилось мирно.

Между тем тетка Лю, хотя сердилась и гремела посудой, яйца сварила и велела отнести Сыци. Та не пожелала их взять и выбросила. Служанка об этом никому не сказала, чтобы снова не вышел скандал.

Оставшись одна, тетка Лю дала Уэр полчаши супа и полчаши рисового отвара, а затем рассказала о порошке гриба фулин. Уэр тут же выразила желание поделиться порошком с Фангуань. Она отсыпала половину, завернула в пакетик и, воспользовавшись сумерками, когда все обычно расходятся по домам, решила пробраться в сад и разыскать Фангуань.

Никем не замеченная, она добралась до ворот двора Наслаждения пурпуром и остановилась поодаль, в тени куста розы мэйгуй, наблюдая за тем, что происходит во дворе. Не прошло времени, достаточного для того, чтобы выпить чашку чая, как из ворот вышла Чуньянь. Уэр окликнула девушку.

Чуньянь не сразу узнала ее, а когда подошла ближе и увидела, что это Уэр, заинтересовалась:

– Ты зачем здесь?

– Позови Фангуань, – попросила Уэр, – мне нужно с ней поговорить.

– Так срочно? – вкрадчивым голосом спросила Чуньянь. – Она сама к тебе придет дней через десять! Ее куда-то послали с поручением, и тебе придется долго ждать. Как бы не заперли ворота. Скажи, что тебе нужно, я все передам.

Уэр протянула пакетик и сказала:

– Непременно передай!

Она сказала Чуньянь, что в пакетике, объяснила, как принимать порошок, и добавила:

– Мне удалось достать совсем немного, но я решила поделиться с Фангуань.

С этими словами Уэр поспешила к воротам. Возле отмели Осоки ей повстречалась жена Линь Чжисяо в сопровождении нескольких женщин. Уэр не успела спрятаться – пришлось подойти и приветствовать управительницу дворца.

– А я слышала, ты болеешь, – удивилась Линь Чжисяо.

– Мне стало немного лучше, – ответила Уэр, – мы с мамой ходили гулять, и она послала меня сюда кое-что отнести.

– А ты не врешь? – усомнилась жена Линь Чжисяо. – Ведь твоя мать только что выходила из сада, я сама заперла за ней ворота. Почему же она не сказала мне, что ты здесь, чтобы я оставила ворота открытыми?

Уэр растерялась и стала оправдываться:

– Мама посылала меня еще утром, но я только сейчас об этом вспомнила. Поэтому она вам ничего не сказала.

Растерянность Уэр насторожила жену Линь Чжисяо, тем более что недавно в доме госпожи случилась пропажа, а служанки твердили, что ничего не знают.

В этот момент подошли Сяочань, Ляньхуа и еще несколько служанок и, узнав, в чем дело, сказали:

– Вы бы задержали ее, госпожа Линь, да велели хорошенько допросить. Последние дни она то и дело бежит в сад, зачем, неизвестно.

– Они правы! – подтвердила Сяочань. – Вчера сестра Юйчуань мне сказала, что у госпожи во флигеле взломали шкаф и утащили много вещей. Кроме того, вторая госпожа Фэнцзе послала барышню Пиньэр к сестре Юйчуань за розовой эссенцией мэйгуй, но оказалось, бутылка исчезла. Никто не узнал бы о пропаже, если б эссенция не понадобилась второй госпоже!

– Впервые об этом слышу, – вмешалась в разговор Ляньхуа, – но бутылку от эссенции видела.

– Где? – поспешно спросила жена Линь Чжисяо. Ей было поручено выяснить обстоятельства дела с пропажей вещей из комнат госпожи Ван, и Фэнцзе ее торопила.

– На кухне, – ответила Ляньхуа.

Управительница приказала зажечь фонарь и поспешила на кухню с обыском.

– Госпожа, мне эту эссенцию подарила Фангуань, служанка второго господина Баюя! – стала объяснять Уэр.

– Мне все равно, Фангуань или Юаньгуань ^[134], – холодно отвечала управительница. – Оправдываться будешь перед господами!

На кухне Ляньхуа услужливо показала, где стоит бутылка из-под розовой эссенции. Подозревая, что здесь могут оказаться и другие краденые вещи, жена Линь Чжисяо приказала обыскать всю кухню. Но кроме пакетика с порошком гриба фулин, ничего не нашли. Бутылку и порошок забрали, а Уэр повели к Ли Вань.

Надобно сказать, что из-за болезни сына Ли Вань совсем забросила

хозяйственные дела и отослала всех к Таньчунь. Таньчунь уже ушла домой, и пришлось идти к ней. Девушка как раз умывалась, а ее служанки сидели во дворе, наслаждаясь свежим воздухом. Шишу вошла в дом, чтобы доложить о приходе жены Линь Чжисяо, но через некоторое время вышла и сказала:

– Барышня Таньчунь велела передать, чтобы вы шли к Пиньэр и попросили ее доложить обо всем второй госпоже Фэнцзе.

Фэнцзе уже собралась ложиться спать, но, узнав о происшедшем, распорядилась:

– Надо дать матери Уэр сорок палок, и пусть больше не ходит сюда! Уэр пусть тоже дадут сорок палок и отправят в деревню, а затем продадут или выдадут замуж.

Пиньэр передала приказание Фэнцзе управительнице. Но тут Уэр бросилась перед Пиньэр на колени и рассказала, как Фангуань подарила ей эссенцию.

– В таком случае расспросим завтра Фангуань и все узнаем, – ответила Пиньэр. – Кстати, порошок фулин прислали лишь третьего дня, старая госпожа и госпожа Ван его еще не видели. Как же можно было этот порошок трогать, а тем более красть?

Уэр сказала, что порошок подарил ей дядя, которому тоже преподнесли его в подарок.

– Выходит, ты совсем не виновата, – улыбнулась Пиньэр, – из-за других страдаешь. Сейчас уже поздно, госпожа Фэнцзе отдыхает, и неудобно ее тревожить по всяким мелочам. Посиди-ка ночь под присмотром, а утром я обо всем доложу госпоже, и тогда выясним, кто прав, кто виноват.

Жена Линь Чжисяо не осмелилась возразить, увела Уэр и приказала строго за ней присматривать, не отпускать ни на шаг.

Когда управительница ушла, женщины стали укорять Уэр:

– И не стыдно тебе заниматься такими неблагоприятными делами?

Другие ворчали:

– И так по ночам нет покоя, а тут еще сторожи эту воровку! Чего доброго, руки на себя наложит или убежит, а виноваты будем мы!

Кто ненавидел семью Лю, обрадовались случаю поиздеваться над девочкой.

Гнев душил Уэр от такой несправедливости, но кому пожалуешься? Она была робкой, даже чаю боялась попросить, одеяло и подушку. Так и проплакала всю ночь.

Служанки, не ладившие с теткой Лю и самой Уэр, злорадно

посмеивались и не могли дождаться, когда их врагов накажут и выгонят вон из дворца. Их бросало в дрожь при мысли, что обстоятельства могут измениться, и, встав пораньше, они побежали с подарками к Пиньэр, надеясь, что та им поможет. При этом они, не жалея красок, расписывали пороки Уэр и ее матери.

Пиньэр их выслушала, а потом отправилась к Сижэнь и спросила, подарила ли Фангуань девочке розовую эссенцию.

– У Фангуань была эссенция, ей дал ее Баоюй, – подтвердила Сижэнь, – но кому подарила ее Фангуань, я не знаю.

Сижэнь стала расспрашивать Фангуань, и та, испугавшись, призналась, что отдала эссенцию Уэр, а когда все ушли, рассказала об этом Баоюю.

– С эссенцией все обошлось, – ответил взволнованный Баоюй. – Но если начнут спрашивать о порошке фулин и Уэр расскажет все как было, пострадает ее дядя, который прислуживает у ворот. За свою же доброту.

Он позвал Пиньэр и сказал:

– Дело с эссенцией улажено, но как быть с порошком? Пусть Уэр скажет, что порошок ей тоже дала Фангуань.

– К сожалению, – отвечала Пиньэр, – вчера вечером она во всеуслышание заявила, что порошок ей дал дядя. Как же ей теперь говорить другое? К тому же порошок, что пропал у госпожи, неизвестно где. А у Уэр найден такой же! Ведь это вещественное доказательство! Как же можно ее простить и искать виновного? Ведь никто не сознается. Да и вообще все будут недовольны.

– Нечего болтать глупости, – подходя, произнесла с улыбкой Цинвэнь. – Порошок у госпожи украла Цайюнь и подарила Цзя Хуаню.

– А кто об этом знает! – воскликнула Пиньэр. – Юйчуань сама не своя от горя! Надо потихоньку допросить Цайюнь, и, если она сознается, ее оставят в покое, да и других служанок перестанут допрашивать. А потом забудут об этом деле, кому охота впутываться! Плохо, что Цайюнь всю вину взвалила на Юйчуань, уверяя, будто порошок украла она! Эти девушки живут как кошка с собакой, все в доме знают, как они грызутся. Как же мы можем оставаться в стороне?! Надо все хорошенько проверить. Недаром говорят: «Кто в другом ищет вора, – сам вор». Но обвинять Цайюнь мы не можем, нет доказательств!

– Ладно, – решил Баоюй, – я возьму вину на себя. Скажу, что пошутил, чтобы напугать Цайюнь и Юйчуань, и стащил у матушки порошок. Таким образом, все уладится.

– Помочь человеку – дело хорошее, – согласилась Сижэнь. – Но если

твоя матушка об этом узнает, опять скажет, что ты ведешь себя как ребенок.

– Неважно, – возразила Пиньэр. – Нет ничего проще, чем послать людей к наложнице Чжао и найти краденое, но тут пострадает репутация одного человека. Вряд ли стоит, как говорится, «метить камнем в крысу, а попасть в вазу».

Она подмигнула и подняла кверху три пальца. Сижэнь догадалась, что Пиньэр имеет в виду Таньчунь.

– В таком случае пусть Баоюй примет вину на себя, – заявили все дружно, – ничего лучшего не придумаешь.

– А по-моему, нужно хорошенько допросить Цайюнь и Юйчуань, – сказала Пиньэр, – иначе они сочтут меня бестолковой – они ведь не знают, кого мы собираемся выручать. А оставим это дело так, они еще больше пристрастятся к воровству, и тогда с ними ничего не сделаешь.

– Верно, – заметила Сижэнь, – нужно и о себе подумать!

Пиньэр распорядилась позвать обеих девушек и сообщила им:

– Можете не волноваться, воровку уже нашли.

– Кто же это? – вырвалось у Юйчуань.

– Ее как раз сейчас допрашивают, в комнате второй госпожи Фэнцзе, и она во всем призналась, – ответила Пиньэр. – Но это от страха, я сразу поняла. Она ни в чем не виновата. Мне жаль ее, и второму господину Баоюю тоже, он даже готов взять вину на себя. Я знаю, кто украл, но, к несчастью, воровка – моя подруга, и я не могу ее выдать. Мне даже известно, кто прячет краденое, и пропажу совсем нетрудно найти, однако в этом случае пострадает хороший человек. Ума не приложу, что делать. Вот и пришлось попросить второго господина Баоюя принять вину на себя. Что вы на это скажете? Если обещаете впредь не совершать подобных опрометчивых поступков, второй господин выручит вас, а будете отпираться, я обо всем доложу госпоже Фэнцзе и попрошу не наказывать ни в чем не повинную девушку.

Цайюнь покраснела. Она готова была от стыда провалиться сквозь землю и сказала:

– Не волнуйтесь, сестра! Незачем возводить напраслину на честного человека. Раз уж дело приняло такой оборот, я все скажу! Наложница Чжао много раз просила меня достать этого порошка для Цзя Хуаня, вот я и взяла его у госпожи. Я виновата! Мы и раньше, когда госпожа бывала дома, брали порошок и дарили. Я думала, все обойдется. Отведите меня ко второй госпоже Фэнцзе, сестра, я во всем признаюсь, чтобы никто из-за меня не страдал.

Все были поражены откровенным признанием Цайюнь.

– Ты всегда была честной! – воскликнул Баоюй. – Не нужно тебе признаваться, я скажу, что сам утащил порошок, чтобы вас напугать, а когда поднялся скандал, решил открыться. Только прошу вас, сестрицы, будьте впредь осторожны, так для всех лучше!

– Зачем вам брать вину на себя? Я виновата и должна держать ответ! – стояла на своем Цайюнь.

– Не говори так! – сказали Пиньэр и Сижэнь. – Если ты признаешься, в дело окажется замешанной наложница Чжао, и тогда третья барышня Таньчунь рассердится! А возьмет на себя вину Баоюй, никто не пострадает! Ведь, кроме нас, об этом никому не известно!.. Только смотрите, будьте впредь осторожнее!.. Захотите что-нибудь взять, дождитесь приезда госпожи Ван! А тогда хоть весь дом раздайте, нас это не касается.

Цайюнь опустила голову, немного подумала и согласилась.

Уговорившись обо всем, Пиньэр отвела в сторону обеих служанок и Фангуань, затем позвала Уэр и велела ей, если спросят, сказать, что порошок ей дала Фангуань. Уэр не знала, как благодарить за милость.

Затем Пиньэр повела девушек к себе. Там были жена Линь Чжисяо и еще несколько женщин, стороживших тетку Лю. Жена Линь Чжисяо доложила:

– Утром я приказала привести сюда тетку Лю, а на кухню вместо нее послала жену Цинь Сяня готовить на барышень.

– Жену Цинь Сяня? – удивилась Пиньэр. – Что-то не помню такой!

– Она обычно дежурит по ночам в южном углу сада, – объяснила жена Линь Чжисяо, – а днем отдыхает, поэтому вы, барышня, и не знаете ее. Она скуластая, с большими глазами, очень аккуратная и проворная.

– Верно, – поддакнула Юйчуань. – Как это вы, сестра, забыли ее? Ведь она приходится тетей Сыци, служанке второй барышни Инчунь. Отец Сыци – слуга старшего господина Цзя Шэ, а ее дядя служит у нас.

– А-а-а! – протянула Пиньэр. – Так бы и сказала! И нечего было сразу отправлять ее на кухню! Дело в том, что, как говорится, «вода ушла, стали видны камни». Пропажа нашлась. Оказывается, Баоюй тут зачем-то заходил к этим двум негодницам, а те стали над ним подшучивать: «Ничего не берите, пока ваша матушка не приедет!» А Баоюй, едва они отвернулись, что-то стащил. Девчонки испугались и подняли переполох. Баоюй же, узнав, что из-за него могут пострадать девушки, во всем признался и показал мне, что утащил. Порошок фулин, кстати, тоже раздобыл Баоюй и одарил многих слуг и служанок, в том числе тех, кто живет не в саду. Даже сыновья мамок выпросили у него порошок для своих родственников и знакомых. Сижэнь получила свою долю, но часть отдала Фангуань, а та

поделилась с подругами – это дело обычное. Две корзиночки с порошком, присланные недавно, в целости и сохранности стоят в зале, где обсуждаются хозяйственные дела. Никто их не тронул! Так что незачем зря обвинять людей! Я сейчас доложу обо всем моей госпоже!

Она пошла к Фэнцзе и слово в слово повторила все, что только что сказала.

– Допустим, что это так, – ответила Фэнцзе, – но зачем Баоюю вмешиваться не в свои дела? Ведь он никому не откажет в просьбе, особенно если при этом его похвалят. Готов выручить кого угодно. И если сейчас мы сделаем вид, будто верим ему, то как нам впредь справляться с людьми? Нет, это дело надо довести до конца и все выяснить. Соберем служанок из комнат госпожи, бить их не будем, но пусть постоят на коленях на черепках от битой посуды, на солнцепеке, без еды и питья, пока не признаются. Они не железные и долго не выдержат, скажут всю правду!

Фэнцзе помолчала, а затем добавила:

– Муха садится только на треснутое яйцо! Если старуха Лю не воровала, почему подозрение пало на нее?! Наказывать ее, конечно, нет оснований, но держать в доме не следует! Из императорского дворца изгоняют за малейшую оплошность, и это считается вполне справедливым.

– Напрасно волнуетесь! – улыбнулась Пиньэр. – Говорится же: «Если можно – надо простить». Ведь ничего особенного не случилось. И надо радоваться, что представился случай проявить милосердие! Излишней жестокостью можно вызвать лишь ненависть, а вам и о себе следует подумать! Нелегко вам приходится. Вы утомились от бесконечных забот, вот и случился у вас выкидыш! Лучше сделайте вид, будто вам все известно, но вы решили покончить дело миром.

Они поговорили еще немного, и наконец Фэнцзе, улыбаясь, сказала:

– Будь по-твоему. Нечего волноваться из-за пустяков!

– Конечно! – улыбнулась Пиньэр.

Она встала, вышла за дверь и всех отпустила.

Если хотите знать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят вторая

*Сянъюнь, опьянев, засыпает на подушечке из опавших лепестков
гортензии;*

*Сянлин, озорничая, измазывает в грязи новую юбку из гранатового
шелка*

Итак, Пинъэр вышла от Фэнцзе и обратилась к жене Линь Чжисяо:

– «Из большой неприятности умей сделать малую, на малую вовсе не обращай внимания». Кто следует этому правилу, тот процветает. Если по всякому поводу звонить в колокола и бить в барабаны, ничего хорошего не получится. Сегодня же тетку Лю и ее дочь надо вернуть на кухню, жену Цинь Сяня – на ее прежнее место. А служанок необходимо каждый день тщательно проверять!

Сказав это, Пинъэр ушла в дом, а мать и дочь Лю поклонились ей вслед. Жена Линь Чжисяо повела их в сад и доложила обо всем Ли Вань и Таньчунь.

– Хорошо, что все окончилось миром, – сказали те.

Радость Сыци и других служанок была преждевременной. Жена Цинь Сяня, очень довольная своим новым местом, принялась распоряжаться на кухне и сразу обнаружила, что не хватает многих предметов утвари и продуктов.

– Куда-то девались два даня первосортного неклеякого риса, – говорила она, – перерасходован и простой рис, недостает угля...

Между тем она потихоньку приготовила корзину угля и один дань неклеякого риса в подарок жене Линь Чжисяо да еще отослала подарки в контору. Затем она приготовила угощение, позвала служанок, работавших на кухне, и сказала:

– Без вашей помощи мне не видать бы этого места, так что отныне будем жить одной семьей, а если я сделаю что не так, вы мне подскажете!

Веселье было в самом разгаре, когда появилась служанка и объявила жене Цинь Сяня:

– Приготовишь завтрак и возвращайся на прежнее место! Здесь снова будет хозяйничать тетушка Лю; оказывается, она ни в чем не виновата.

Это известие как громом поразило жену Цинь Сяня – она сникла, опустила голову, собрала пожитки и ушла. Мало того, что напрасно потратилась на подарки, так теперь еще придется покрывать недостачу. Даже Сыци вытаращила от злости глаза, узнав эту новость, но пришлось смириться. Изменить что-либо было не в ее силах.

Наложница Чжао тряслась от страха – Цайюнь тайком подарила ей много всяких вещей, и Юйчуань знала об этом. При мысли, что ее станут допрашивать, наложницу пот прошибал, и она всякими правдами и неправдами пыталась разузнать, что говорят в доме.

Но вот однажды к ней пришла Цайюнь и радостно сообщила:

– Всю вину принял на себя Баоюй, так что теперь можно не беспокоиться!

У наложницы отлегло от сердца, зато на Цзя Хуаня этот разговор произвел совершенно неожиданное впечатление. Он схватил все подарки Цайюнь и швырнул ей в лицо:

– Лицемерная девчонка, забирай все обратно! Теперь мне понятно, почему Баоюй взял всю вину на себя! Ты с ним якшалась! Все разболтала про эти подарки! Как же мне после этого держать их у себя?

Задыхаясь от волнения, Цайюнь стала клясться, что ничего подобного не было, и, не выдержав, разрыдалась. Но Цзя Хуань лишь твердил:

– Я расскажу второй госпоже Фэнцзе, что это ты крада вещи и дарила мне, хотя я об этом не просил! Убирайся и обо всем хорошенько подумай!

Цзя Хуань бросился было к двери, но наложница Чжао обрушилась на него с бранью:

– Выродок несчастный! Прикуси язык!

Цайюнь никак не могла успокоиться и плакала. Наложница Чжао принялась ее утешать:

– Милая девочка, он несправедлив к тебе! Я все понимаю! Через день-другой он одумается и все будет хорошо!

Чжао принялась собирать разбросанные по полу подарки Цайюнь, но та забрала их, завернула в узел и, незаметно выбравшись в сад, швырнула в речку. Возмущенная и обиженная Цайюнь вернулась домой и, натянув на голову одеяло, всю ночь проплакала.

Вскоре наступил день рождения Баоюя. Оказалось, что в этот же день родилась Баоцинь.

Госпожа Ван еще не вернулась, и день рождения праздновался не так пышно, как в прежние годы. Даос Чжан прислал подарки, а также амулет с новым именем взамен старого, монахини из буддийских и даосских монастырей – пожелания счастья, статуэтку бога долголетия, бумажных

коней, изображения духов – покровителей дворца Жунго и еще кое-что. Друзья и знакомые семьи Цзя накануне принесли поздравления. Ван Цзытэн прислал целый набор одежды, пару обуви и чулок, сотню персиков, как символ долголетия, и сто пучков тонкой, словно серебряные нити, лапши. Половину подарков отослали тетушке Сюэ.

Остальные члены семьи подарили кто что мог: госпожа Ю – пару туфель и пару чулок, Фэнцзе – расшитый узорами шелковый кошелек для благовоний с четырьмя застёжками, в который вложила золотую статуэтку бога долголетия и персидскую безделушку. В храмы отправили людей с милостыней для бедных.

Баоцинъ тоже получила подарки, но об этом мы рассказывать не будем.

Прислали подарки и сестры – кто что смог: веер, надпись на шелке, картину, стихи. Ведь дорог не подарок, а внимание.

Баоюй в этот день встал спозаранку. Умылся, причесался, вышел во двор и остановился перед главным залом, где были уже расставлены курительные свечи и приготовлено все необходимое для жертвоприношений Небу и Земле. Баоюй зажег свечи, совершил жертвоприношения и после возлияния чая и сожжения жертвенных бумажных денег отправился в кумирню предков дворца Нинго, где тоже совершил положенные церемонии. Затем он поднялся на возвышение, устроенное для любования луной, и поклонился в ту сторону, где находились матушка Цзя, Цзя Чжэн и госпожа Ван. После этого он пошел поклониться госпоже Ю, посидел у нее немного и возвратился во дворец Жунго. Он навел тетушку Сюэ, повидался с Сюэ Кэ и, наконец, вернулся к себе в сад.

Затем, в сопровождении Цинвэнь и Шэюэ, а также девочки-служанки, которая несла коврик для совершения поклонов, Баоюй обошел всех старших, начиная с Ли Вань. Повидавшись со всеми, он отправился навестить няnek, после чего вернулся к себе. Слуги хотели поклониться ему и поздравить, но Баоюй никого не принимал. Сижэнь объявила, что по молодости лет Баоюй не имеет права принимать поклоны. Таков был наказ госпожи Ван.

Даже Цзя Хуаня и Цзя Ланя Сижэнь не впустила, и, посидев немного в прихожей, они ушли.

– Как я устал! – пожаловался Баоюй. – Слишком много ходил!

Он прилег на кровать, выпил полчашки чаю и хотел отдохнуть, но в этот момент в дверь с шумом ввалились девочки-служанки с красными ковриками в руках.

– Мы чуть дверь не сломали! – кричали они. – Вот как нас много!

Угощайте лапшой!

Вслед за ними пришли Таньчунь, Ши Сяньюнь, Баоцинь, Син Сюянь и Сичунь. Баоюй, улыбаясь, поднялся:

– Спасибо за внимание... – И обернулся к Сижэнь: – Скорее подавай чай!

Не успели девушки сделать и глоток, как появилась нарядно одетая Пиньэр.

Баоюй бросился ей навстречу.

– Сестра, я ходил ко второй госпоже Фэнцзе, но она не смогла меня принять, тогда я послал служанку за тобой...

– Я как раз помогала госпоже одеваться и не могла выйти, – объяснила Пиньэр. – А потом узнала, что вы меня приглашаете, и прибежала поклониться вам! Разве достойна я такой чести?

– Спасибо, что осчастливила меня своим посещением! – улыбнулся Баоюй.

Сижэнь поставила у дверей табуретку и предложила Пиньэр сесть. Пиньэр поклонилась Баоюю, он тоже поклонился в ответ. Тогда Пиньэр опустилась на колени, Баоюй последовал ее примеру. Сижэнь поспешила поднять его с колен, но на каждый поклон Пиньэр он отвечал поклоном.

– А ты кланяйся, кланяйся! – подтолкнула его Сижэнь, когда поклоны окончились.

– Зачем? – спросил Баоюй. – Теперь все!

– Сейчас она тебе кланялась, – сказала Сижэнь, – а теперь ты должен ей кланяться – у нее тоже сегодня день рождения.

– У тебя день рождения? – воскликнул Баоюй, отвесив поклон.

Пиньэр опять поклонилась, как того требовал этикет.

Ши Сяньюнь, незаметно подтолкнув в бок Баоцинь и Сюянь, сказала:

– Если бы вы все четверо стали поздравлять друг друга, дня не хватило бы!

– Значит, и у сестрицы Сюянь нынче день рождения? – вскричала Таньчунь. – А я и забыла. Скорее передайте второй госпоже Фэнцзе, чтобы прислала барышне Син Сюянь такие же подарки, как барышне Баоцинь.

Служанка побежала выполнять приказание. Пришлось Сюянь пригласить всех на угощение.

– Интересно все же получается! – заметила Таньчунь. – У нас живет столько народу, что каждый месяц приходится праздновать чей-либо день рождения. Бывает, что у двоих или у троих дни рождения совпадают! Даже первый день Нового года не остается свободным – его заняла старшая сестра Юаньчунь!.. Поэтому ей и выпало счастья больше, чем другим. В

этот же день и наш прадед родился. Теперь он его отмечает уже в мире ином. Не успеет пройти Праздник фонарей, как наступает день рождения тетушки Сюэ и сестры Баочай. Редкое совпадение. Ведь они – мать и дочь! В первый день третьего месяца – день рождения госпожи Ван, в девятый день – второго господина Цзя Ляня. Только во втором месяце никто не родился.

– Ошибаешься! – воскликнула Сижэнь. – В двенадцатый день второго месяца родилась барышня Линь Дайюй... Правда, она не из нашей семьи.

– Совсем памяти у меня не стало! – засмеялась Таньчунь.

– Да она сама, – Баоюй указал пальцем на Сижэнь, – родилась в один день с барышней Линь Дайюй, потому и запомнила!..

– Значит, вы родились в один день? – всплеснула руками Таньчунь. – Впервые слышу. Сколько лет живем вместе, а ни разу тебя не поздравили! Да и о дне рождения Пиньэр только сейчас узнали!

– Нам не выпало счастья принимать поздравления и получать подарки, – заметила Пиньэр. – Так стоит ли об этом дне вспоминать?! Напрасно Сижэнь проболталась. А я непременно поздравлю барышню, когда она вернется домой!

– Прости, что доставили тебе лишние хлопоты, – промолвила Таньчунь. – Но я не успокоюсь, пока не отпраздную день твоего рождения.

– Вот это справедливо! – поддакнули Баоюй и Сяньюнь.

– Пойдите ко второй госпоже Фэнцзе и передайте, что сегодня мы не отпустим Пиньэр, – приказала Таньчунь служанкам. – Устроим складчину и будем пировать.

Служанки убежали, а вскоре возвратились и доложили:

– Вторая госпожа благодарит барышень за оказанную Пиньэр честь. Она не знает, чем вы собираетесь Пиньэр угощать, но просит, чтобы и ее не забыли, не то потребует Пиньэр к себе.

Все рассмеялись.

– Сегодня на нашей кухне ничего не готовили, – заметила Таньчунь. – Всё прислали с общей. Давайте соберем деньги и попросим тетку Лю купить лапши, овощей и устроить для нас пир.

– Прекрасная мысль! – обрадовались все.

Таньчунь велела служанкам пригласить Ли Вань, Баочай и Дайюй и послала за теткой Лю.

Тетка Лю никак не могла взять в толк, что от нее требуется, и твердила:

– Ведь на общей кухне все приготовлено!..

– Да ты пойми! – стала объяснять Таньчунь. – Нынче день рождения

барышни Пиньэр. На общей кухне готовят только для господ, а мы хотим устроить угощение для виновницы торжества. Ты уж постарайся, приготовь блюда повкуснее, а за деньгами дело не станет.

– Значит, можно пожелать барышне Пиньэр тысячу лет здравствовать? – радостно воскликнула тетка Лю. – А я и не знала.

Она опустила на колени и поклонилась Пиньэр. Взмолвленная девушка поспешила ее поднять, и тетка Лю побежала готовить угощение.

Между тем Таньчунь пригласила Баоюя к себе отведать лапши, а когда пришли Ли Вань и Баочай, послала служанок за тетушкой Сюэ и Дайюй.

Погода стояла теплая и Дайюй, которая уже оправилась от болезни, не замедлила явиться. Все гости были нарядно одеты.

Сюэ Кэ прислал в подарок Баоюю платок, веер, благовония и кусок шелка, и Баоюй, согласно обычаю, пошел к нему отведать лапши. В общем, в обоих домах было приготовлено угощение по случаю дня рождения двух молодых людей. В полдень Баоюй выпил с Сюэ Кэ два кубка вина, а Баочай подвела Баоцинь к Сюэ Кэ, чтобы та поднесла ему кубок.

– Наше домашнее вино, – сказала Баочай, – незачем отправлять к Баоюю, пригласи приказчиков и выпей с ними! Но мы с братом Баоюем не сможем составить тебе компанию, потому что нам нужно принимать гостей.

– Пожалуйста, пожалуйста! – с готовностью согласился Сюэ Кэ. – Они вот-вот подойдут.

Баоюй извинился перед Сюэ Кэ и вместе с Баочай вышел. Едва они миновали боковые ворота, как Баочай приказала их запереть, а ключ унесла с собой.

– Зачем ты велела запереть ворота? – удивился Баоюй. – Ведь через них мало кто ходит. А что, если твоей матушке или младшей сестре понадобится пойти домой?!

– Осторожность никогда не излишня, – возразила Баочай. – У вас здесь за несколько дней чего только не случилось! А наши служанки от всего в стороне. Это потому, вероятно, что наши ворота всегда закрыты. А будь они открыты, все стали бы через них ходить, дорога-то здесь короче! И кто может поручиться, что наши слуги, как и остальные, не оказались бы впутанными в эти дела?! Так что лучше ворота держать на запоре!

– Неужели, сестра, и ты знаешь, что у нас случилась кража? – изумился Баоюй.

– Тебе сказали лишь о пропаже эссенции и порошка, – ответила Баочай, – а ведь случилось и кое-что поважнее. Хорошо, если никто не проболтается. А то ведь пострадает много людей! Ты никогда ни во что не

вмешиваешься, потому я и не стала от тебя скрывать. И Пиньэр сказала. Она умница и все понимает. Ведь Фэнцзе не скажешь, она болеет. Если, к несчастью, дело раскроется, Пиньэр знает, как поступить, чтобы не пострадали невинные. Прошу тебя, будь осторожен... И никому не рассказывай о нашем разговоре...

В это время они как раз подошли к беседке Струящихся ароматов. Сижэнь, Сянлин, Шишу, Цинвэнь, Шэюэ, Фангуань, Жуйгуань и Оугуань любовались рыбками в пруду.

– Идите к столу, – крикнули они, завидев Баюя и Баочай. – Уже все готово!

Баочай подбежала к девушкам и вместе с ними отправилась в сад Благоуханных роз, в беседку, обсаженную гортензиями.

Все уже пришли, даже госпожа Ю; не было только Пиньэр.

Ей прислали подарки семьи Лай Да и Линь Чжисяо, затем одна за другой стали приходить с поздравлениями служанки. Пришлось Пиньэр посылать ответные подарки с выражением благодарности. Затем она пошла с докладом к Фэнцзе. Некоторые подарки Пиньэр либо не принимала, либо тут же раздаривала.

Затем Пиньэр пришлось ждать, пока Фэнцзе поест и переоденется. Когда наконец она освободилась и пошла на пир, то повстречала девочек-служанок, которых за ней послали, и вместе с ними отправилась в сад Благоуханных роз, где уже были разостланы циновки и расставлены столы.

– Вот теперь все в сборе! – радостно воскликнули гости, завидев Пиньэр.

На почетном месте поставили четыре стула для виновников торжества, но те ни в какую не соглашались их занять.

– Стара я для вашей компании, – заметила между тем тетушка Сюэ. – Есть мне не хочется, вина я не пью, пойду лучше отдохнуть и вам не буду мешать веселиться. А виновники торжества пусть сядут на почетное место.

Но госпожа Ю и слушать ее не хотела.

– Раз маме так хочется, – вступилась за мать Баочай, – пусть приляжет в зале. А попросит чего-нибудь, мы ей отнесем.

– Что же, давайте отпустим тетушку Сюэ, – согласилась Таньчунь. – Желание старших – закон.

Тетушку Сюэ проводили в зал, где велели девочкам-служанкам расстелить матрац и положить подушки.

– Хорошенько разотрите госпоже ноги! – приказала Таньчунь. – Если госпожа попросит чаю или воды, не кивайте одна на другую, а сразу бегите исполнять ее желание! Мы пришлем госпоже всяких яств. Она отведаст их

и вам даст. Смотрите же, ни на шаг не отлучайтесь!

С этими словами Таньчунь удалилась.

Удалось наконец уговорить Баоцинью и Сюянь занять почетные места, по обе стороны от них сели Пиньэр и Баоюй. Пиньэр – лицом к западу, Баоюй – к востоку, Таньчунь и Юаньян сели напротив. За столом, возле западной стены, расположились в порядке старшинства Баочай, Дайюй, Сяньюнь, Инчунь и Сичунь, усадив рядом с собой Сянлин и Юйчуань. За третьим столом разместились госпожа Ю, Ли Вань, Сижэнь и Цайюнь. За четвертым – Цзыцзюань, Иньэр, Цинвэнь, Сяоло и Сыци.

Таньчунь предложила выпить по очереди за каждого виновника торжества, но те запротестовали.

– Так мы сразу опьянеем!

Женщины-рассказчицы, которых пригласили на торжество, предложили спеть песни с пожеланием долголетия.

– Нет, нет, простонародные песни мы слушать не станем! – закричали все. – Спойте их лучше тетушке Сюэ!

Между тем служанкам велено было отнести тетушке Сюэ самые лучшие яства.

– Скучно что-то, – сказал Баоюй, – давайте играть в застольный приказ.

Стали советоваться, как играть. Каждый предлагал свое. Разгорелся спор.

– Послушайте меня! – воскликнула Дайюй. – Давайте запишем все свои предложения на отдельных бумажках и будем тянуть жребий: чья игра окажется первой, в ту и сыграем.

– Замечательно! – раздались возгласы.

Служанки принесли тушечницу, кисть и цветную бумагу.

Сянлин, которая лишь недавно стала учиться сочинять стихи и каждый день упражнялась в написании иероглифов, вскочила с места.

– Разрешите, я запишу!

Она старательно записала все предложения, бумажки свернули в трубочки и положили в вазу. Тянуть жребий Таньчунь приказала Пиньэр.

Пиньэр опустила в вазу палочки для еды, перемешав бумажки, вытащила одну, развернула.

На бумажке было написано:

«Угадай-ка».

– Угораздило же тебя вытащить именно эту игру! – воскликнула Баочай. – Такую допотопную! В ней все правила теперь изменились. Стали труднее. Как мы их будем выполнять? Надо выбрать игру попроще, чтобы

все могли принять участие.

– Это вы зря, – возразила Таньчунь. – Но если хотите, тащите еще раз. На худой конец сделаем так: кто не может выполнить правила этой игры, пусть играет по правилам другой, более легкой.

На этот раз жребий тащила Сижэнь и вытащила «бой на пальцах».

– Прекрасно! – рассмеялась Сяньюнь. – Эта игра простая и легкая! А в «угадайку» я играть не буду – только скуку нагоняет.

– Она нарушила приказ, – запротестовала Таньчунь. – Оштрафуй ее на один кубок, сестра Баочай!

Баочай улыбнулась и наполнила кубок Сяньюнь.

– Итак, я пью, – заявила Таньчунь, – и начинаю приказывать. Все приказания выполнять беспрекословно! Подайте игральные кости. Первой бросает сестрица Баоцинь, за ней остальные, по очереди. У кого количество очков совпадет, тот начинает игру.

Баоцинь бросила кости – выпало три очка. Следом за ней бросили Сяньюнь и Баоюй. Они набрали разное количество очков, после них – Сянлин, у нее тоже оказалось три очка.

– Отгадывать будем лишь то, что находится близко, – сказала Баоцинь. – Так легче.

– Разумеется, – согласилась Таньчунь. – Кто трижды ошибается, пьет штрафной кубок. Ну, начинай!

Баоцинь подумала и сказала: «Старый». В каком же известном выражении встречается это слово и как увязать его с тем, что находится поблизости? Сянлин была в затруднении.

Сяньюнь огляделась и, увидев над входом надпись «Сад Благоухающих роз», поняла, что Баоцинь имеет в виду выражение «Я хуже старого садовода, присматривающего за этим садом». Сянлин по-прежнему молчала, ее торопили, и Сяньюнь тихонько ей подсказала: «Фрукты». Дайюй услышала и закричала:

– Оштрафуйте Сяньюнь! Она подсказывает!

Поднялся шум. Сяньюнь была оштрафована на кубок вина. Сяньюнь с досады стукнула Дайюй по руке палочками для еды. Сянлин тоже оштрафовали.

Следующую пару составили Баочай и Таньчунь. Таньчунь сказала: «Человек».

– В этом слове слишком много значений, – с улыбкой заметила Баочай.

– Могу для ясности добавить еще одно: «Клетка», – произнесла Таньчунь.

Баочай подумала и, заметив на столе курицу, догадалась, что Таньчунь

имеет в виду древние выражения «Курица в клетке» и «Человек, присматривающий за курами». И ответила: «Насест».

– Курица сидит на насесте, – парировала Таньчунь. Обе засмеялись и осушили по кубку вина.

Сяньюнь и Баоюй затеяли свою игру. Время от времени слышались их выкрики «три», «пять», – это они играли в «угадывание пальцев». Госпожа Ю и Юаньян, сидевшие за другим столом, последовали их примеру, и Пиньэр играла в паре с Сижэнь. Было шумно, весело, время от времени раздавался звон браслетов.

Сяньюнь выиграла у Баоюя, а Сижэнь – у Пиньэр. Проигравшим полагалось выпить по кубку вина.

– Прежде чем пить, пусть проигравший произнесет какое-нибудь древнее выражение, – сказала Сяньюнь, – затем строку из древних стихов, название кости домино, название какого-нибудь мотива и еще изречение из календаря, причем все вместе должно составить фразу. После того как вино будет выпито, следует назвать какой-нибудь плод или блюдо, омоним вещи, употребляемой в обиходе.

Все рассмеялись. Сяньюнь такое придумает, что и не выполнишь! Зато играть интересно!

Приказ должен был выполнить Баоюй, и все заторопили его.

– Так сразу я не могу, – смущенно улыбнулся Баоюй. – Надо подумать!

– Ты выпей, а я отвечу вместо тебя, – предложила Дайюй.

Баоюй охотно согласился, и Дайюй произнесла:

– Гаснущая заря летит вместе с одинокой уткой.

Когда в закатный час подули ветры,
Летел по небу одинокий гусь.
Слились река и небо воедино,
А гусь летел, перевозмогая грусть.
Есть среди фишек «Согнутая лапа»^[135], —
Намек туманный отгадать берусь...

В «Элегии о девяти печалях»^[136]
О чем поведал древний человек?
О том, что скоро при луне осенней
Тот одинокий гусь найдет ночлег.

Все рассмеялись и закричали:

– Тут наверняка скрыт какой-то смысл!..

Дайюй взяла со стола орех, повертела в руках и произнесла:

«Ореха плод», и вдруг – «валек из камня»^[137].

Несхожесть двух понятий велика!

Но почему в дворах и переулках

Упрямый раздаётся стук валька?^[138]

Итак, приказ был выполнен. У остальных получилось не так интересно, в каждой фразе повторялось слово «долголетие», набившее оскомину, да и вообще ничего оригинального не было.

Игра между тем продолжалась. Партнеры поменялись местами: Сяньюнь теперь играла с Баоцинь, Ли Вань – против Сяньюнь.

Ли Вань загадала слова «тыква-горлянка», Сяньюнь ответила «зеленая». Обе сразу догадались, что имеется в виду, и выпили по глотку вина. Сяньюнь стала играть с Баоцинь в «угадывание пальцев» и, проиграв, попросила Баоцинь дать наказ: что выполнить перед тем, как пить вино, и что после.

Баоцинь со смехом произнесла:

– «Прошу вас влезть в котел»^[139] – ты же сама придумала этот приказ!

– Прекрасно! – закричали все. – Это выражение весьма кстати!

Сяньюнь не растерялась и произнесла в ответ:

Вскипают волны и бурлят,

Беснуется стихия вод^[140],

Вздымаясь посреди реки,

Хотят обрызгать небосвод^[141].

Канатом лодки обвязав,

Припомнишь Цао Цао флот...^[142]

Но лучше в шторм не уплывай, —

Не проще ль отложить поход?

Все зашумели, захлопали в ладоши:

– Смех, да и только! Она нарочно затеяла эту игру, чтобы нас уморить!

Все стали торопить Сяньюнь выпить вино, с нетерпением ожидая, что она скажет дальше.

Сяньюнь не спеша выпила, взяла палочками кусочек утятин, съела,

затем выловила из чашки половину утиной головы.

– Говори! – закричали ей. – Хватит есть!

Сяньюнь подняла палочки и произнесла:

...Все ж эта уточка не то,
Что за столом девица;
Ее головке ни к чему
Бальзам цветка корицы^[143].

Все так и покатались со смеху. К Сяньюнь подошли служанки, сказали:

– Барышня Сяньюнь шутить мастерица! Но надо ее оштрафовать, пусть над нами не насмежается. Когда это мы мазали голову коричневым бальзамом? Пусть даст нам хоть немного, тогда намажем!

– Она собиралась вам дать бутылочку, – засмеялась Дайюй, – да побоялась, как бы вас в краже не обвинили!

Никто не обратил внимания на эти слова, только Баоюй и Цайюнь. Баоюй опустил голову, а Цайюнь смутилась и покраснела. Баочай бросила выразительный взгляд на Дайюй. Та поняла, что сказала лишнее. Она ведь хотела подшутить над Баоюем, совершенно не подумав, что может обидеть Цайюнь. Чтобы загладить неловкость, Дайюй поспешно включилась в игру.

Баоюй в это время играл в паре с Баочай, и та произнесла «бао» – драгоценный. Баоюй сразу понял иронию: она имела в виду его «драгоценную яшму, в которую вселилась душа».

– Ты вздумала надо мной посмеяться, сестра, – сказал Баоюй. – Я сразу понял намек! Только не сердись! Итак, «чай» – «шпилька»!

– Что ты хочешь этим сказать? – спросили все.

– Ничего особенного. Просто сестра Баочай произнесла «бао» – драгоценность, полагая, что я отвечу «юй» – яшма, она не ожидала, что вместо «юй» я произнесу «чай»! А ведь в одном из древних стихотворений есть строки: «Сломалась яшмовая шпилька, угасла красная свеча...»

– Эти строки не годятся, они касаются определенного события и не вяжутся ни с одной вещью, которая находится поблизости, – запротестовала Сяньюнь. – Оштрафовать обоих!

– Я не согласна! – возразила Сянлин. – Пусть эти строки касаются определенного события, но их можно найти в литературе.

– Ну, нет! – заметила Сяньюнь. – Слов «баоюй» – драгоценная яшма – нигде не найти. Ни в древних книгах, ни в стихах, ни в летописях, ни в

хрониках... Разве только в какой-нибудь новогодней надписи... Но это не в счет...

– Вы не правы, барышня, – вновь возразила Сянлин. – Недавно мне довелось читать пятисловные уставные стихи Чэнь Цаня^[144], где есть такая строка: «Много в том крае яшмы найдешь драгоценной...» Разве не помните? А у Ли Ишаня я нашла такую строку: «Драгоценная шпилька не будет валяться в грязи...» Я засмеялась и подумала: «Их имена встречаются даже в танских стихах!»

– Ловко она поддела Сяньюнь! – закричали все. – Штраф, штраф!

Возразить было нечего, и пришлось Сяньюнь выпить штрафной. После этого все снова заняли свои места, и игра продолжалась.

Матушки Цзя и госпожи Ван дома не было, все чувствовали себя свободно и веселились вовсю. Игравшие в «угадывание пальцев» громко выкрикивали цифры, то и дело слышался смех, сверкали жемчуга и яшма, мелькали красные кофты и зеленые юбки.

Когда, наигравшись, все собрались расходиться, вдруг обнаружилось, что исчезла Сяньюнь. Подумали, что она отлучилась по нужде, и решили подождать. А не дождавшись, отправили людей на поиски. Сяньюнь нигде не было. Поднялся переполох. Прибежала жена Линь Чжисяо с несколькими женщинами посмотреть, справляется ли Таньчунь со служанками, не безобразничают ли они, пользуясь тем, что госпожа Ван в отъезде. А то, чего доброго, напьются.

Таньчунь поняла, зачем пришла жена Линь Чжисяо, поднялась ей навстречу и сказала:

– Вы пришли поглядеть, что мы здесь делаем? Не беспокойтесь. Мы немного выпили, для веселья.

– Идите отдыхать, – сказали в свою очередь госпожа Ю и Ли Вань. – Мы сами позаботимся, чтобы никто не выпил лишнего.

– А мы и не беспокоимся, – промолвила жена Линь Чжисяо. – Барышни не пьют, даже когда их угощает старая госпожа, а уж без нее и подавно. Так, самую малость для веселья. Я не проверять пришла, просто думала, что нужна. Веселитесь вы здесь давно, неплохо бы добавить закусок. После вина надо хорошенько поесть.

– Вы правы, тетушка. Это как раз мы и собирались сделать, – сказала Таньчунь и велела подать пирожные. Девочки-служанки поспешили выполнить приказание.

– Идите к себе, – обратилась Таньчунь к женщинам. – А хотите, побеседуйте с тетушкой Сюэ, мы пошлем в зал вина, выпьете!

– Что вы, что вы, барышни! – вскричали женщины. – Не нужно!

Они постояли еще немного и вышли. Пиньэр провела рукой по лицу.
– Горит, даже неловко было к ним подойти. Давайте кончать пиршество, а то как бы они опять не пришли! Неудобно!
– Не волнуйся, – успокоила ее Таньчунь, – ведь мы пьем ради веселья.
Вошла девочка-служанка и, хихикая, сказала:
– Барышня Ши Сяньюнь захмелела и сейчас спит на скамейке за горкой.
– Не кричи! – зашикали на нее и пошли в сад.
Сяньюнь и в самом деле сладко спала на скамейке в укромном местечке, вся усыпанная лепестками гортензии. Даже веер, который она выронила из рук, был весь в лепестках. Вокруг вились пчелы и бабочки. Подушкой девушке тоже служили лепестки, завернутые в платок.
Девушкой можно было залюбоваться, до того она была хороша; но все едва сдерживали смех. Стали будить Сяньюнь, пытались ее поднять.
Но Сяньюнь никак не могла проснуться и во сне объявляла застольные приказы и читала стихи:

Вино прозрачно, если брали воду
Из самого душистого ручья.
Но не ослепни, коль, наполнив чаши,
Заметишь блеск янтарного луча^[145].
Как выпьешь, устремись к луне, поднявшись
К верхушке мэйхуа – на пятый счет^[146].
Но пьяный, спотыкаясь, возвращайся, —
И друг к тебе на помощь подойдет!^[147]

– Проснись! – тормошили ее сестры. – Идем есть! Еще простудишься на этой каменной скамейке!

Наконец Сяньюнь открыла глаза, чистые, как осенние воды Хуанхэ, обвела всех взглядом и почувствовала, что пьяна.

А случилось это вот как: выпив лишнего, Сяньюнь пошла освежиться, забрела в этот укромный уголок, прилегла отдохнуть и незаметно уснула.

Когда Сяньюнь немного пришла в себя, служанки подали ей таз с водой, зеркало и туалетный ящик. Быстро умывшись, она смазала кремом лицо, попудрилась, причесалась и вместе с сестрами отправилась в сад Благоухающих роз. Две чашки крепкого чая, отрезвляющий «камешек» и, наконец, две чашки кислого отвара сделали свое дело: Сяньюнь почувствовала себя лучше.

Тем временем девушки велели отнести Фэнцзе фруктов и закусок. Фэнцзе не осталась в долгу и тоже прислала подарки.

После того как пирожные были съедены, все разбрелись. Одни стали любоваться цветами, другие – резвящимися в пруду рыбками. Словом, каждый развлекался как мог.

Таньчунь и Баоцинь сели за шахматы, а Баочай и Сяньюнь наблюдали за их игрой. Баоюй и Дайюй о чем-то болтали вполголоса.

Вскоре вновь появилась жена Линь Чжисяо со служанками. У одной из них было скорбное выражение лица, а из глаз лились слезы. Она не решалась войти в беседку и, опустившись на колени у входа, отбивала поклоны.

Таньчунь в это время, боясь потерять фигуру, сосредоточила все внимание на шахматной доске. Жена Линь Чжисяо терпеливо ждала. Когда наконец Таньчунь повернула голову, чтобы попросить чаю, и заметив ее, спросила, в чем дело, жена Линь Чжисяо указала на плачущую женщину:

– Это мать служанки Цайпин, той самой, что в услужении у четвертой барышни Сичунь. Она работает в саду. Уж очень остра на язык. Я велела не болтать лишнего, так она мне такого наговорила, что и рассказать стыдно! Ее надо выгнать вон!

– А почему вы не доложили об этом старшей госпоже Ли Вань? – спросила Таньчунь.

– Она велела мне обратиться к вам, – ответила жена Линь Чжисяо. – Я как раз встретила госпожу Ли Вань, когда она шла в зал к тетушке Сюэ.

– Ну а второй госпоже Фэнцзе почему не доложили? – снова спросила Таньчунь.

– Не доложила, и ладно, – вмешалась Пиньэр, – я сама скажу госпоже. Можно,, конечно, эту женщину выгнать, если она не знает, приличий, а потом сказать об этом госпоже Ван, когда та вернется. А пока, барышня, решайте сами, что с ней делать!

Таньчунь согласно кивнула и снова углубилась в шахматы. Женщину увели, но об этом мы рассказывать не будем.

Дайюй с Баоюем между тем продолжали беседу.

– Уж очень хитра сестрица Таньчунь, – говорила Дайюй. – Шагу сама не сделает, все на других сваливает. Способностей никаких, а видишь, именно ей поручили ведать хозяйственными делами!

– Ты просто не знаешь! – возразил Баоюй. – Потому и говоришь так. Как раз когда ты болела, Таньчунь отдала сад на откуп служанкам, и сейчас там не сорвешь ни травинки. К тому же она урезала кое-какие расходы, а заявила, что это мы с Фэнцзе сделали. Таньчунь не только хитра, но и

расчетлива!

– Не так уж это и плохо, – промолвила Дайюй. – Расходов у нас и в самом деле чересчур много. Я хоть и не ведаю хозяйственными делами, но иногда на досуге подсчитываю, и выходит, что расходов у нас куда больше, чем доходов. Если так и дальше пойдет, мы скоро, пожалуй, не сможем свести концы с концами.

– Как бы то ни было, мы с тобой недостатка ни в чем не будем испытывать, – вскричал Баоюй.

На этом они закончили разговор, и Дайюй пошла в зал искать Баочай, чтобы поболтать с нею.

Баоюй тоже собрался уходить, но тут к нему подошла Сижэнь с овальным подносом в руках, на котором стояли две чашки со свежесваренным чаем.

– Ты куда? – спросила она Баоюя. – Я подумала, что вам захочется пить, и принесла чай, а ты уходишь. И сестрица Дайюй убежала!

– Вон она! – Баоюй указал пальцем вслед удалявшейся Дайюй. – Можешь ей отнести!

Он взял с подноса чашку, а Сижэнь побежала за Дайюй. Она догнала девушку уже в зале, где та разговаривала с Баочай.

– У меня всего одна чашка, – словно извиняясь, сказала Сижэнь. – Возьмите, а я еще налью.

– Я пить не хочу, – промолвила Баочай, – мне нужно только прополоскать рот.

Она взяла чашку и, набрав в рот чаю, отдала Дайюй.

– Пейте, я еще налью, – с улыбкой сказала Сижэнь.

– Ты же знаешь, что доктор не велел мне много пить, – заметила Дайюй. – Полчашки вполне достаточно, спасибо тебе за заботу!

Она допила чай, поставила на поднос чашку, а Сижэнь пошла к Баоюю за второй чашкой.

– Где Фангуань? – поинтересовался Баоюй. – Что-то ее не видно.

– Не знаю, – ответила Сижэнь. – Только что была здесь, играла в «бой на травинках».

Баоюй побежал к себе и увидел Фангуань – она спокойно спала на кровати.

– Вставай, идем играть! – разбудил ее Баоюй. – Скоро есть пора!

– Вы только и знаете, что пить вино, а меня совсем забыли, – обиженно произнесла Фангуань. – Я целых полдня проскучала! А потом легла спать. Что еще оставалось мне делать?!

– Ладно, вечером выпьем! – пообещал Баоюй. – Когда вернемся. Я

прикажу Сижэнь позвать тебя к столу! Согласна?

– Как-то неловко мне с вами пить без Оугуань и Жуйгуань, – заметила Фангуань. – Да и лапша ваша мне не по вкусу. Утром я почти ничего не ела и только что попросила тетушку Лю принести мне чашку супа и полчашки риса. А уж вечером выпью в свое удовольствие, пусть только мне никто не мешает. Дома я могла сразу выпить два-три цзиня лучшего хуэйцюаньского вина, а когда стала актрисой, мне запретили пить, чтобы не испортила голос. За последние несколько лет я ни капли не выпила. И хочу сегодня вознаградить себя за долгое воздержание!

– Это легко устроить! – сказал Баоюй.

В это время тетка Лю принесла Фангуань в коробе чашку куриного супа с фрикадельками из крабов, жареную утку с винной подливкой, соленые гусиные лапки, четыре пирожка с начинкой из тыквы, приготовленной на сливочном масле, и большую чашку горячего ароматного риса.

Чуньянь поставила все это на стол, положила палочки для еды и наполнила чашку рисом.

– Один жир! – проворчала Фангуань. – Есть невозможно!

Она съела чашку отвара с рисом, немного гусиных лапок, а остальное отставила.

Блюда так вкусно пахли, что Баоюй не выдержал, съел пирожок и велел Чуньянь налить ему полчашки супа и положить туда рис; все показалось ему очень вкусным и ароматным.

Глядя на него, Чуньянь и Фангуань только смеялись.

После обеда Чуньянь хотела отослать остатки еды на кухню, но Баоюй сказал:

– Ешь сама, а покажется мало, я велю принести еще!

– Хватит и этого! – ответила Чуньянь. – Только недавно сестра Шэюэ прислала нам два подноса с пирожными, так что я не голодна.

Она съела все, что осталось, кроме двух пирожков, и сказала:

– А это для мамы. Если вечером мне дадите еще чашечки две вина, я буду совсем довольна.

– Оказывается, ты тоже любишь вино? – улыбнулся Баоюй. – Ладно, выпьешь сколько захочешь. Сижэнь и Цинвэнь тоже выпить не прочь, только стесняются. А сегодня есть повод, так что выпьем в свое удовольствие. Кстати, я только что вспомнил, что хотел поручить тебе одно дело. Возьми Фангуань под свою опеку. Она нуждается в заботе. А Сижэнь одной не управится.

– Не волнуйтесь, я знаю, – успокоила его Чуньянь. – Вы мне только

скажите, как быть с Уэр!

– Передай тетушке Лю, чтобы завтра же ее прислала сюда, – приказал Баоюй. – Я сам распоряжусь!

– Вот и хорошо, – засмеялась Фангуань.

Чуньянь велела девочкам-служанкам подать воды для мытья рук и налить чаю, а сама, собрав со стола посуду, передала ее взрослой служанке, вымыла руки и отправилась к тетке Лю.

Между тем Баоюй отправился в сад Благоуханных роз искать сестер. Фангуань с полотенцем и веером в руках последовала за ним.

Как только Баоюй вышел со двора, он увидел Сижэнь и Цинвэнь, они шли, держась за руки.

– Вы куда? – спросил Баоюй.

– За тобой, – ответили девушки. – Стол уже накрыт.

Баоюй сказал, что только сейчас поел.

– Ты как котенок, – засмеялась Сижэнь, – только и делаешь что ешь. Но все равно, хоть ты и сыт, должен составить нам компанию.

– Ты тоже изменница! – произнесла Цинвэнь, ткнув Фангуань пальцем в лоб. – Чуть что, бежишь подкрепляться. Когда вы успели сговориться? А нам ни слова!

– Не сговаривались они, – возразила Сижэнь. – Все получилось случайно.

– Выходит, мы ему не нужны, – промолвила Цинвэнь. – Завтра уйдем, пусть Фангуань ему прислуживает.

– Мы-то можем уйти, – заметила Сижэнь, – а ты нет!

– Именно я и должна уйти раньше всех! – заявила Цинвэнь. – Ведь я ленива, неповоротлива, характер у меня скверный. И вообще я ни на что не гожусь.

– А кто будет чинить плащ из павлиньего пуха, если Баоюй снова его прожжет? – засмеялась Сижэнь. – Ты уж со мной не спорь! Что бы я тебе ни поручила, ты, как говорится, ни разу нитку в иголку не вдела. А ведь я не ради себя, ради Баоюя старалась. Но стоило мне на несколько дней уехать, как ты, совершенно больная, всю ночь напролет трудилась ради него?! В чем же дело?.. Сказала бы прямо! Зачем дурочку из себя строить и насмехаться над другими?

Цинвэнь фыркнула. Так, разговаривая между собой, они вошли в зал, где была тетушка Сюэ, сели за стол и принялись есть. Баоюй положил в чашку немного рису и делал вид, что тоже ест.

За чаем все развеселились, шуткам не было конца.

Служанки побежали в сад, нарвали цветов и трав, сели в кружок и

стали играть в «бой на травинках».

– У меня «ива Гуаньинь»! – воскликнула одна.

– А у меня «сосна архата»^[148], – ответила другая.

– У меня «бамбук царицы»! – крикнула третья.

– А у меня «банан красавицы»...

– А у меня «пятнистая бирюза»...

– А у меня «лунная роза»...

– А у меня «пион, такой, как в пьесе „Пионовая беседка“.

– А у меня мушмула из пьесы «Лютня».

– Зато у меня «травка сестер»! – неожиданно заявила Доугуань.

Все умолкли, никто не знал, что может идти в сравнение с «травкой сестер».

– А у меня «орхидея супругов»! – первая нашлась Сянлин.

– «Орхидея супругов»! – воскликнула Доугуань. – Ничего подобного не слышала.

– Если на стебле один цветок, это простая орхидея, – пояснила Сянлин, – если несколько – душистая. Если два цветка и один ниже другого, это «орхидея братьев», если они на одном уровне – это «орхидея супругов». Вот глядите – на моей ветке два цветка на одном уровне, – разве это не «орхидея супругов»?!

Доугуань нечего было возразить, она встала и с улыбкой произнесла:

– Значит, если на одном стебле два цветка разной длины, то это «орхидея отца и сына»? А когда цветы обращены в разные стороны, это – «орхидея врагов»? Как тебе не стыдно! «Орхидею супругов» ты просто выдумала! Скорее всего потому, что твой милый вот уже полгода с лишним как уехал.

Сянлин покраснела и едва сдержалась, чтобы не ущипнуть Доугуань, но потом решила все обратить в шутку.

– Ох и дрянной у тебя язык! Только и знаешь, что болтать всякий вздор!

Сянлин хотела встать, но Доугуань повалила ее на землю и крикнула Жуйгуань:

– Иди скорее сюда, помоги вырвать ее гадкий язык!

Девушки катались по земле, остальные хлопали в ладоши и смеялись:

– Осторожней! Здесь лужа! Как бы Сянлин не намочила свою новую одежду!

Обернувшись, Доугуань и в самом деле увидела лужу, оставшуюся после недавнего дождя, но, увы, поздно, – Сянлин уже намочила подол. Доугуань, чувствуя себя виноватой, отпустила Сянлин и убежала. Все стали

смеяться и тоже разбежались, опасаясь гнева Сянлин.

Сянлин поднялась с земли. С юбки капала грязная зеленоватая вода. Возмущенная девушка принялась всех и вся поносить.

К ней подбежал Баоюй. Он видел, что девушки играют в «бой на травинках», и решил к ним присоединиться. Отошел, чтобы нарвать цветов, и вдруг смотрит – девушки, смеясь, убежали, а Сянлин отжимает подол.

– Почему они убежали? – удивился Баоюй.

– Я сказала, что у меня есть «орхидея супругов», а они заявили, что нет такой орхидеи, что все это я выдумала, чтобы посмеяться над ними, – объяснила Сянлин. – Доугуань повалила меня на землю, и я замочила юбку.

Баоюй улыбнулся.

– «Орхидея супругов», говоришь? В таком случае у меня есть ветка «водяной орех близнецов»!

Он вытащил веточку водяного ореха с двумя сросшимися стеблями, а у девушки взял «орхидею супругов».

– Супруги! Близнецы! Не все ли равно! – вскричала Сянлин. – Вы лучше поглядите на мою юбку! Она вконец испорчена!

– Тебя толкнули в грязь? – не поверил своим глазам Баоюй, глядя на выпачканную юбку Сянлин. – Очень жаль. Гранатовый шелк просто не терпит грязи!

– Этот шелк недавно привезла барышня Баоцинь, – сказала Сянлин, – и подарила по куску мне и барышне Баочай. Мы сшили юбки. Сегодня я впервые ее надела.

– Для вас ничего не стоит каждый день портить по такой юбке, – произнес Баоюй, топнув с досады ногой. – Но ведь это подарок барышни Баоцинь, только у тебя и у Баочай есть такие юбки, а ты ее взяла и испортила. Наверняка Баоцинь обидится!.. Да и тетушка Сюэ тебя поругает. Говорят, она часто вас упрекает за то, что не умеете беречь вещи.

Сочувствие Баоюя растрогало Сянлин.

– Вы правы! У меня есть еще несколько юбок, но такая всего одна! Будь хоть что-то похожее, я бы тотчас переделась.

– Не вертись, иначе вся испачкаешься, – предостерег Баоюй. – Я вспомнил! В прошлом месяце Сижэнь сшила себе точно такую юбку, еще ни разу не надевала, она соблюдает траур. Хочешь, я ей скажу, чтобы она дала юбку тебе?

Сянлин с улыбкой покачала головой:

– Не нужно! Ведь мне будет неловко, если об этом узнают!

– А что особенного? – возразил Баоюй. – Когда у Сижэнь кончится траур, отдашь взамен то, что ей понравится! И не упрячься! На тебя не

похоже! Скрывать здесь нечего, можешь рассказать обо всем сестре Баочай. Главное, не сердить тетушку.

Сянлин подумала и решила, что Баоюй прав.

– Будь по-вашему, – сказала она. – Не стану я обижать вас отказом! Только попросите Сижэнь принести юбку сюда! Я подожду.

Обрадованный Баоюй побежал выполнять ее просьбу и по дороге думал: «Хорошая девушка! Как жаль, что у нее нет родителей! Ведь даже фамилии своей она не помнит, совсем маленькую ее похитили и продали настоящему деспоту!»

Потом мысли его обратились к Пиньэр:

«Когда-то с Пиньэр тоже случилась неприятная история, но Сянлин еще больше не повезло».

Придя домой, Баоюй обо всем рассказал Сижэнь.

Надо сказать, что все в доме жалели Сянлин, Сижэнь с ней дружила, и, щедрая по натуре, выслушав Баоюя, она не раздумывая вытащила из сундука юбку и вместе с Баоюем побежала к Сянлин. Та терпеливо ждала.

– До чего же ты озорная! – упрекнула ее Сижэнь. – Вот и доигралась!

– Спасибо тебе, сестра! – Сянлин виновато улыбнулась. – Кто мог подумать, что эта паршивка так зло надо мной подшутит.

Она взяла юбку, развернула, тщательно осмотрела – юбка была в точности такая, как ее собственная. Попросив Баоюя отвернуться, девушка быстро переделалась.

– Дай-ка мне твою юбку, – попросила Сижэнь. – Я потом тебе ее пришлю. А то принесешь домой, заметят и станут допытываться, что случилось.

– Возьми, дорогая сестра, и отдай кому хочешь! – сказала Сянлин. – У меня теперь есть твоя, и та мне больше не нужна!

– Уж очень ты щедрая! – не без иронии воскликнула Сижэнь.

Сянлин в знак благодарности дважды ей поклонилась, а Сижэнь взяла ее юбку и ушла.

Баоюй тем временем выкопал палочкой ямку в земле, собрал опавшие лепестки и усыпал ими дно ямки. Затем положил в ямку «орхидею супругов» и «водяной орех близнецов», прикрыл лепестками, засыпал ямку землей и притоптал.

– Да что же это вы делаете?! – воскликнула Сянлин, дотронувшись до руки Баоюя. – Недаром о вас рассказывают всякие небылицы! Посмотрите, какие у вас грязные руки! Хоть бы вымыли!..

Баоюй рассмеялся и побежал мыть руки. Ушла и Сянлин, но вдруг обернулась и окликнула Баоюя.

– Что тебе? – отозвался Баоюй.

Сянлин ничего не ответила, лишь рассмеялась. Баоюй понял, что она хочет ему что-то сказать, но не решается. Тут к ней подошла служанка Чжэньэр и сказала:

– Идем скорее, вторая барышня Инчунь тебя ждет!

Сянлин набралась смелости и, покраснев, обратилась к Баоюю:

– Ни о чем не рассказывайте старшему брату Сюэ Паню!

– Неужели ты думаешь, что я свихнулся и, как говорится, полезу в пасть тигру?!

Если хотите узнать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят третья

Во дворе Наслаждения пурпуром устраивают ночной пир;

во дворце Нинго хоронят умершего от пилюль бессмертия

Итак, Баоюй возвратился домой, вымыл руки и сказал Сижэнь:

– Вечером будем пить вино! Пусть все веселятся сколько душе угодно! Распорядись приготовить угощение!

Об этом не беспокойся! – ответила Сижэнь. – Мы с Цинвэнь, Шэюэ и Цювэнь внесли по пять цяней серебра, то есть два ляна. Фангуань, Бихэнь, Чуньянь и Сыэр – по три цяня. Если все сложить, получится целых три ляна и два цяня. Деньги отдали тетушке Лю и попросили приготовить сорок блюд. Пиньэр дала кувшин лучшего шаосинского вина. В общем, угощение по случаю дня твоего рождения устраиваем мы, восемь человек.

– А откуда у младших служанок деньги? Не следовало бы вводить их в расход! – сказал Баоюй, хотя очень обрадовался в душе.

– А у нас откуда? – промолвила Цинвэнь. – Каждый вносит добровольно, никого не заставляют. Чего беспокоиться, откуда берут! Оказывают тебе знаки внимания, принимай и ни о чем не думай!

– Ты, пожалуй, права, – с улыбкой ответил Баоюй.

– Что у тебя за характер, Цинвэнь! – рассмеялась Сижэнь. – Только и знаешь что ворчать!

– И ты хороша! – улыбнулась Цинвэнь. – Дня не можешь прожить, чтобы не придрататься к кому-нибудь.

Все трое засмеялись.

– Закройте дворцовые ворота! – приказал Баоюй.

– Тебе бы только распоряжаться, – вскричала Сижэнь. – Недаром тебя называют «занятым бездельником»! Кто в такую рань закрывает ворота? Еще подумают, что мы тут занимаемся дурными делами. Повременим немного.

– Ладно, тогда я пойду погулять, – сказал Баоюй. – И Чуньянь с собой возьму. А Сыэр пусть принесет воды!

Они с Чуньянь вышли со двора, и, убедившись, что поблизости никого нет, Баоюй спросил девочку об Уэр.

– Я только что говорила с тетушкой Лю, – сообщила Чуньянь. – Она рада, что все уладилось, но сказала, что Уэр к нам не сможет прийти: после той ночи она опять заболела.

Баоюй расстроился и со вздохом спросил:

– Сижэнь знает об этом?

– Я ничего ей не говорила, – ответила Чуньянь. – Может быть, Фангуань сказала.

Вернувшись домой, Баоюй велел подать воду и принялся мыть руки.

Когда настало время зажигать лампы, во двор с шумом ввалилась целая толпа. Выглянув в окно, служанки увидели жену Линь Чжисяо, которая шла за женщиной, несшей зажженный фонарь. За ними следовали экономки.

– Они проверяют ночных сторожей, – шепнула Цинвэнь. – Как только уйдут, можно запираить ворота.

Сторожа вышли навстречу жене Линь Чжисяо, и та, убедившись, что все в полном порядке, предупредила:

– Смотрите не засыпайте, не пейте вина и не играйте в азартные игры! Кто нарушит приказ, пусть на себя пеняет.

– Кто же осмелится нарушить ваш приказ? – ответили ей.

– Второй господин Баоюй уже спит? – осведомилась жена Линь Чжисяо.

– Это нам неизвестно, – последовал ответ.

Сижэнь подтолкнула Баоюя, тот сунул ноги в башмаки и вышел.

– Нет, я еще не сплю, – сказал он. – Зайдите, тетушка, посидите с нами... Сижэнь, налей чаю!

– Вы так поздно не спите! – удивилась жена Линь Чжисяо. – Нынче ночи короткие, а дни длинные, так что нужно ложиться и вставать пораньше. Иначе вас осудят. Скажут, что вы как последний носильщик.

Она улыбнулась. Баоюй тоже с улыбкой ответил:

– Вы совершенно правы, тетушка! Я всегда ложусь очень рано, даже не слышу, когда вы приходите. Но сегодня поел лапши и решил прогуляться, чтобы живот не заболел.

– Надо было заварить чай пуэр, – заметила жена Линь Чжисяо, обращаясь к Сижэнь.

– Мы заварили целый чайник, – сказала Сижэнь, – он уже выпил две чашки. Сейчас и вам нальем чашечку, попробуйте!

Цинвэнь принесла чай. Жена Линь Чжисяо, не сядя, взяла чашку:

– Я слышала, второй господин, что вы называете барышень просто по имени. Хотя в доме нет посторонних, все же следует уважительнее

относиться к тем, кто прислуживает вашим бабушке и матушке. Если это получилось случайно, куда ни шло. А последуют вашему примеру братья и племянники, все станут говорить, будто у нас в доме младшие не уважают старших.

– И в этом вы правы, тетушка! – снова согласился Баоюй. – Я и в самом деле иногда называю барышень по имени.

– Не судите его строго, – сказали Сижэнь и Цинвэнь. – Он без слова «сестра» ни к одной барышне не обратится. Разве что в шутку. Да и то когда нет посторонних.

– Вот и хорошо, – заметила жена Линь Чжисяо. – Значит, книги читает и знает этикет. Чем скромнее он будет, чем покладистее, тем больше его будут уважать. Обижать никого не надо, не только служанок, переведенных сюда из комнат старой госпожи, но даже ее собачек и кошек. Вот как должен вести себя юноша из знатной семьи! – Она допила чай. – Ну отдыхайте, а мы уходим!

– Желаю вам спокойной ночи, – ответил Баоюй.

Жена Линь Чжисяо ушла, а следом за ней и сопровождавшие ее женщины.

Цинвэнь заперла ворота и, вернувшись в дом, со смехом воскликнула:

– Тетушка наверняка подвыпила, иначе не стала бы читать нам нравоучения!

– Но ведь она желает нам только добра, – возразила Шэюэ, – боится, как бы чего не случилось, вот и предостерегает.

Говоря это, Шэюэ расставляла на столе вино, закуски и фрукты.

– Вместо высокого стола, – заявила Сижэнь, – поставим на кан круглый и низенький и все усядемся за него – и свободно и удобно.

Высокий стол вынесли, а фрукты и закуски Шэюэ и Сыэр перенесли на кан. В прихожей возле жаровни сидели на корточках две старухи и подогревали вино.

– Жарко, давайте снимем халаты, – предложил Баоюй.

– Хочешь – снимай, – ответили ему. – А нам надо ухаживать за гостями.

– Ухаживать вам придется до пятой стражи, – проговорил Баоюй. – К чему условности и правила приличия! Ведь здесь все свои!

– Ладно, пусть будет по-твоему, – согласились девушки, скинули халаты, оставшись в легких кофточках, плотно облегающих тело, а вслед за тем сняли и головные украшения, кое-как собрав волосы в пучок на макушке.

На Баоюе была красная шелковая куртка да зеленые в черный горошек

сатиновые штаны, тесемки у щиколоток он ослабил, чтобы не стесняли. Повязав вокруг талии полотенце для вытирания пота, Баоюй сидел, подложив под руку шелковую подушку с узорами из роз и лепестков гортензии, и играл с Фангуань в «угадывание пальцев».

Фангуань все время жаловалась на жару, хотя осталась в одной кофточке цвета яшмы и узких светло-розовых штанах, подпоясанных зеленоватым полотенцем. Волосы были собраны на затылке и ниспадали на спину толстой косой, мочку правого уха украшал кусочек яшмы величиной с рисовое зернышко, левого – подвеска из красной яшмы, похожая на вишню, оправленную золотом. Эти скромные украшения великолепно оттеняли белизну ее круглого, как луна, лица и глаза, светлые, точно осенние воды Хуанхэ.

Глядя на нее и Баоюя, все в один голос говорили:

– Они словно близнецы!

Сижэнь наполнила кубки вином:

– Погодите играть! Давайте выпьем по глотку вина!

С этими словами Сижэнь подняла кубок и выпила до дна. Ее примеру последовали остальные. Затем все расселись на кане.

Чуньянь и Сыэр оказались на самом краю и, чтобы не тесниться, принесли себе табуретки.

На тарелках из белого динчжоуского фарфора были разложены сорок закусок: сушеные и свежие фрукты с севера и юга и множество разнообразнейших яств.

– А теперь давайте сыграем в застольный приказ! – предложил Баоюй.

– Только без шума, чтобы не услышали! – предупредила Сижэнь. – И не надо нам древних текстов, мы – не ученые.

– Лучше сыграем в кости, – предложила Шэюэ.

– Нет, – махнул рукой Баоюй. – Давайте угадывать названия цветов.

– Верно! – поддержала его Цинвэнь. – Я и сама об этом думала.

– Игра интересная, – согласилась Сижэнь, – только нас мало.

– Надо пригласить барышень Баочай, Линь Дайюй и Сянъюнь, – вмешалась тут Чуньянь. – Пусть поиграют с нами до второй стражи, а потом отпустим их спать!

– Придется открывать ворота, поднимется шум, – возразила Сижэнь. – А тут нагрянут дозорные...

– Обойдется! – возразил Баоюй. – Надо еще позвать третью сестру Таньчунь, она тоже любительница вина, и тогда нечего бояться! Да и барышня Баоцинь...

– Барышня Баоцинь живет у старшей госпожи Ли Вань, и если за ней

послать, начнется переполох, – сказал кто-то.

– Пустяки! – заявил Баоюй. – Скорее зовите ее!

Чуньянь и Сыэр не решились возражать и вместе с другими служанками побежали исполнять приказание.

– Эти девчонки ничего не добьются, – заметили Цинвэнь и Сижэнь. – Придется самим нам пойти, мы доставим сюда барышень живыми или мертвыми!

Цинвэнь и Сижэнь приказали пожилым служанкам зажечь фонари и сопроводить их к барышням. Все было так, как они говорили. Баочай отказалась пойти, ссылаясь на позднее время, Дайюй – на нездоровье.

Сижэнь и Цинвэнь принялись их упрашивать:

– Уважьте нас, хоть чуть-чуть посидите...

К великой радости Сижэнь, девушки наконец согласились, но решили, что надо непременно пригласить также Ли Вань с Баоцинь, а то получится неудобно, и велели Цуймо и Чуньянь за ними пойти.

Чуть не силой Сижэнь притащила Сянлин. На кане поставили еще один столик, и все наконец расселись.

– Сестрица Дайюй пусть сядет у стены, а то простудится! – сказал Баоюй, подсовывая девушке под спину подушку.

Сижэнь и остальные служанки сели на стулья, которые поставили возле кана.

Дайюй удобно устроилась, прислонившись к подушке, и оживленно беседовала с Баочай, Ли Вань и Таньчунь.

– Вам не нравится, – говорила Дайюй, – когда по ночам пьют и играют в кости. Но раз мы сами так поступаем, то не вправе других осуждать.

– Но мы ведь не каждый день веселимся, – с улыбкой возразила Ли Вань. – А только по праздникам! Так что плохого в этом ничего нет.

Цинвэнь тем временем принесла бамбуковый стакан с узорами из цветов, встряхнув, перемешала лежавшие в нем гадательные пластинки и поставила посередине стола. Затем она достала игральные кости, положила в коробочку, встряхнула ее, открыла и объявила, что выпало шесть очков. Шестой с края оказалась Баочай.

– Ладно, – согласилась Баочай, – буду первой тащить. Посмотрим, что вытащу!

Она встряхнула стакан и вытащила пластинку с нарисованным на ней пионом и подписью: «Красотой превосходит все цветы», а также строкой из стихотворения танской эпохи: «Не ведает пион сердечных чувств, но сердце человека тронуть может». К строке было пояснение: «Сидящие за столом должны выпить по кубку вина! Пион, самый красивый из всех

цветов, велит прочесть стихотворение, станс либо спеть песенку».

– Как удачно! – рассмеялись все дружно. – Ты самая достойная пара пиону!

Все подняли кубки. Баочай выпила и сказала:

– Пусть Фангуань споет!

– Согласна, – промолвила Фангуань, – но лишь при условии, что все еще выпьют, тогда мое пение покажется особенно красивым!

Условие было выполнено, и Фангуань запела:

Не ведает пион сердечных чувств,
Но сердце человека тронуть может...

Какое здесь блаженство, в этом месте,
Где мы справляем день рожденья вместе...

– Не надо! – закричали все. – Не надо никаких поздравлений. Спой что-нибудь другое!

Пришлось Фангуань спеть арию «Когда люблюсь я цветами», начинающуюся со слов:

Перья изумрудного луаня
Украшают пышную метлу,
Хэ – святая дева – на досуге
Лепестки опавшие метет.

Пока она пела, Баоюй взял со стола пластинку, прочел нанесенную на ней строку «Не ведает пион сердечных чувств...» и, когда Фангуань умолкла, задумчиво посмотрел на нее. Сяньюнь взяла у него пластинку и отдала Баочай.

Баочай бросила кости – оказалось шестнадцать очков, шестнадцатой по счету была Таньчунь.

Смущенно улыбаясь, она вытащила из стакана пластинку, прочла надпись на ней, бросила пластинку на стол и густо покраснела.

– Здесь много непристойных слов! В такую игру могут играть только мужчины, и то не дома!

Все удивились, а Сижэнь принялась с любопытством разглядывать пластинку. Под изображенным на ней цветком абрикоса была подпись

«Божественный цветок Яшмового пруда» и стихи:

Возле солнца красный абрикос,
Опершись на облако, цветет.

Затем следовало пояснение: «Девушка, которая вытащит эту пластинку, обретет благородного мужа; следует поздравить ее, выпить по кубку вина, после чего выпить с ней вместе».

– Так вот оно что! – засмеялись все. – Ничего особенного! Просто шутка! Таких пластинок одна-две, не больше. Стала же наша родственница женой государя, так почему бы тебе ей не уподобиться?

Все принялись было поздравлять Таньчунь, но она запротестовала. И все же ее заставили выпить. Таньчунь предложила не играть больше в эту игру, но никто и слышать не хотел.

Сяньюнь сунула кости Таньчунь в руку, та встряхнула их и высыпала на стол. Выпало девятнадцать очков, таким образом, пластинку из стакана должна была тащить Ли Вань.

– Замечательно! – вскричала Ли Вань, вытащив пластинку. – Посмотрите, как интересно!

На пластинке был цветок сливы, подпись «Холодная красота в морозное утро» и стихи:

Беседка за бамбуковой оградой
Наполнит сердце негой и отрадой.

За подписью шло пояснение: «Выпей кубок, и пусть следующий бросает кости».

– В самом деле, интересно! – воскликнула Ли Вань. – Итак, кости бросает следующий!

Она выпила вино и передала кости Дайюй. Дайюй бросила – выпало восемнадцать очков. На сей раз тянуть пластинку должна была Сяньюнь.

Сяньюнь засучила рукава и, поиграв пальцами, вытащила пластинку с изображением ветки яблони-китайки и надписью: «Приятен и сладок глубокой ночью сон». Стихотворные строки гласили:

Боюсь, что в саду бегонии
Заснули глубокой ночью... [\[149\]](#)

– Лучше бы вместо «глубокой ночью» было «на камне холодном», – засмеялась Дайюй.

Раздался взрыв смеха – Дайюй намекала на случай, когда Сяньюнь, опьянев, уснула на каменной скамье. Сяньюнь, однако, не растерялась и, показав пальцем на лодку, стоявшую на шкафу, вскричала:

– А ты не болтай! Садись в лодку и плыви домой!

Все так и покатились со смеху.

Когда смех утих, прочли пояснение к приказу: «Приятен и сладок глубокой ночью сон». В пояснении говорилось: «Вытащивший эту пластинку велит выпить по кубку сидящим по обе стороны от него».

– Амиитаба! – со смехом захлопала в ладоши Сяньюнь. – Замечательная пластинка!

По одну сторону от нее сидела Дайюй, по другую – Баоюй. Им обоим наполнили кубки.

Баоюй выпил половину и незаметно передал кубок Фангуань, которая допила оставшееся вино. Дайюй, продолжая беседовать, сделала вид, будто пьет, а сама тайком вылила вино в полоскательницу.

Сяньюнь между тем снова бросила кости. Выпало девять очков. Девятой по счету оказалась Шэюэ. Она вытащила пластинку с изображением на одной стороне чайной розы и надписью: «Как изящен прекрасный цветок», а на другой – строкой из древнего стихотворения:

И для бутонов чайных роз
Раскрыться наступает час [\[150\]](#).

Затем шло пояснение: «Все сидящие за столом пьют по три кубка вина в честь уходящей весны».

– Как это понимать? – с недоумением спросила Шэюэ.

Баоюй нахмурился, быстро спрятал пластинку и сказал:

– Давайте лучше выпьем!

Но все выпили не по три кубка, а по три глотка. Следующей кости бросала Шэюэ, а тащила пластинку Сянлин. Она оказалась десятой по счету. На пластинке был цветок лотоса на двух сросшихся стеблях и надпись: «Два стебля сплелись вместе, предвещая счастье», на обратной стороне – строка из старинного стихотворения:

Сплелись на деревьях ветки, —
Это – пора цветенья!^[151]

Пояснение гласило: «Вытащившему эту пластинку следует осушить три кубка, остальным – по одному».

Затем кости бросала Сянлин, а пластинку тащила Дайюй, шестая по счету.

– Что бы мне такое вытащить! – задумчиво промолвила она.

Поколебавшись немного, Дайюй вытащила пластинку с цветком мальвы и надписью «Одинок грустишь под ветром и росой». На обратной стороне была строка из древнего стихотворения:

Не ветер весенний виновен в разлуке,
Зачем же вздыхать напрасно?^[152]

и пояснение к приказу: «Один кубок пьет вытащивший эту пластинку, второй – тот, кто вытащил пластинку с пионом».

– Замечательно! – засмеялись все. – Кого еще сравнишь с мальвой, если не Дайюй!

Дайюй, смеясь, выпила вино и бросила кости, а пластинку тащила Сижэнь, двадцатая по счету... Сижэнь вытащила пластинку с цветущей веточкой персика и надписью «Чудесные виды Улина», а также стихами:

Вдруг персик покраснел, увидев,
Что будет целый год весна^[153]

В пояснении было сказано: «Вытащивший эту пластинку пьет один кубок, а также по одному кубку пьют все ровесники, однофамильцы и тот, кто вытащил пластинку с цветком абрикоса».

– До чего ж интересно! – засмеялись все.

Стали вспоминать, сколько кому лет. Оказалось, что Сянлин, Цинвэнь и Баочай родились в один год, а Дайюй даже в один час с Сижэнь, а вот однофамильцев у Сижэнь не нашлось.

Вдруг Фангуань воскликнула:

– Моя фамилия тоже Хуа, я выпью с Сижэнь!

Снова осушили по кубку.

– О ты, которой судьба предназначила благородного мужа, – проговорила Дайюй, обращаясь к Таньчунь. – Ведь ты вытащила цветок абрикоса, так пей же и не задерживай нас!

– Замолчи! – вспыхнула Таньчунь. – Сестра Ли Вань, дай ей пощечину, тебе это с руки!

– Ну что ты, мне ее жаль! – возразила со смехом Ли Вань. – Ведь судьба не послала ей благородного мужа!

Раздался взрыв смеха. Когда все успокоились, Сижэнь снова собралась бросать кости, но в этот момент кто-то постучал в дверь. Оказалось, это тетушка Сюэ прислала своих служанок за Дайюй.

– Который час? – удивились все.

– Третья стража, – последовал ответ, – уже пробило одиннадцать.

Баоюй не поверил и потребовал часы. Время и в самом деле близилось к полуночи.

– Мне пора, – заявила Дайюй, вставая. – Надо принимать лекарство.

– И нам пора, – откликнулись другие.

Сижэнь и Баоюй запротестовали было, сказав, что никого, кроме Дайюй, не отпустят, но тут вмешались Ли Вань и Таньчунь.

– Время позднее, – возразили они. – И не надо засиживаться, нарушать правила.

– Тогда выпьем еще по кубку и разойдемся, – решила Сижэнь.

Все выпили, велено было зажечь фонари, и Сижэнь проводила гостей до беседки Струящихся ароматов на берегу речки. Вскоре она вернулась, ворота заперли, и игра продолжалась.

Сижэнь наполнила вином несколько больших кубков, поставила на поднос вместе с фруктами и закусками и поднесла старым нянькам.

Все были навеселе, с азартом играли в «угадывание пальцев», проигравшие пели песни.

Уже наступило время четвертой стражи, а пир продолжался. Няньки в свое удовольствие ели и пили да еще старались стащить что-нибудь со стола. Наконец вино было выпито, со стола убрано, служанки подали чай для полоскания рта, после чего все разошлись.

Раскрасневшаяся от вина, словно нарумяненная, Фангуань со слегка нахмуренными бровями и чуть прищуренными глазами была еще очаровательней, чем обычно. Она опьянела и сейчас безмятежно спала, уронив голову Сижэнь на плечо.

– Сестра, – бормотала она сквозь дрему, – послушай, как громко стучит у меня сердце!

– А кто велел тебе столько пить? – упрекнула ее Сижэнь.

Чуньянь и Сыэр, захмелев, давно спали. Цинвэнь хотела было их разбудить, но Баоюй сказал:

– Пусть спят! И мы давайте вздремнем!

И он, едва коснувшись подушки, тотчас же погрузился в сон...

Сижэнь тихонько приподняла Фангуань, уложила рядом с Баоюем, а сама легла на тахту.

Едва забрезжил рассвет, Сижэнь открыла глаза и, увидев в окно ясное голубое небо, воскликнула:

– Ой, как поздно! – и принялась будить Фангуань. Девочка сладко спала, свесив голову на край кана. Баоюй тоже проснулся.

– Уже утро? – с улыбкой произнес он и вместе с Сижэнь стал будить Фангуань.

Фангуань села на постели и, еще не совсем придя в себя, принялась протирать глаза.

– И не стыдно тебе! – сказала Сижэнь. – Напилась вчера до потери сознания и разлеглась!

Увидев, что спала рядом с Баоюем, Фангуань соскочила на пол и только и могла произнести:

– Как же я... – Она смущенно улыбнулась.

– Знай я, что ты рядом, – произнес Баоюй, – непременно разрисовал бы тебе лицо тушью!

Тем временем девочка-служанка подала таз для умывания.

– Вчера я доставил хлопоты другим, – промолвил Баоюй, – а нынче вечером придется самому устроить угощение.

– Может, не стоит? – запротестовала Сижэнь. – Пойдут толки, пересуды.

– Ничего особенного! – возразил Баоюй. – Подумаешь, разок-другой повеселимся... Что мы, пить не умеем?! Целый кувшин прикончили! И как назло, вино кончилось в самый разгар веселья.

– Вот и хорошо! Теперь можно продолжить, – заметила Сижэнь, – Все вчера хватили лишнего. Цинвэнь, позабыв всякий стыд, даже песни пела.

– Ты и сама пела! Неужели не помнишь? – улыбнулась Сыэр – Все пели!

Девушки покраснели и рассмеялись. В этот момент вошла Пиньэр

– Прошу пожаловать нынче ко мне на угощение, – сказала она. – И не вздумайте отказываться. Не прощу!

Ее пригласили сесть, подали чаю.

– Как жаль, что сестрицы Пиньэр вчера не было с нами! – с улыбкой воскликнула Цинвэнь.

– А что вы делали? – спросила Пиньэр.

– Это – секрет, – ответила Сижэнь. – Всю ночь веселились. На праздниках у старой госпожи и то не бывает так. Представь, целый кувшин вина распили! А потом песни пели, забыв всякий стыд.

– Хороши, нечего сказать! – засмеялась Пиньэр. – Вино у меня взяли, а пригласить не пригласили и теперь еще дразните, хвастаетесь!

– Сегодня он устраивает угощение и собирается лично тебя пригласить, – сказала Цинвэнь, – так что жди!

– Кто «он»? – улыбнулась Пиньэр.

Цинвэнь покраснела и замахнулась на Пиньэр:

– Вечно ты придираешься!

– Тьфу, бесстыжая! – шутливо воскликнула Пиньэр. – Счастье твое, что я сейчас занята. Скоро пришлю кого-нибудь из служанок вас приглашать. Только попробуйте не прийти!

С этими словами она поднялась и ушла, как ни уговаривал ее Баоюй посидеть хоть немного.

Между тем Баоюй привел себя в порядок и сел пить чай. Вдруг он заметил под тушечницей листок бумаги и недовольно сказал:

– Суют все куда попало!

– В чем дело? – удивились Сижэнь и Цинвэнь. – Опять кто-нибудь провинился?

– Посмотрите, что это там! – Баоюй указал пальцем на тушечницу. – Наверняка забыли убрать.

Цинвэнь вытащила листок и отдала Баоюю. Там было написано: «Ничтожная Мяоюй, стоящая за порогом, почтительно и смиренно кланяется и поздравляет вас с днем рождения».

– Кто принес эту записку? – спросил Баоюй. – Почему мне ничего не сказали?

Сижэнь и Цинвэнь решили, что это письмо от какого-нибудь важного лица, и бросились расспрашивать служанок:

– Кто вчера принимал письмо?

В комнату вбежала Сыэр и с улыбкой обратилась к Баоюю:

– Эту записку прислала Мяоюй. Я сунула ее под тушечницу, а потом выпила и забыла сказать вам!

– А мы-то думаем, от кого письмо! – вскричали служанки. – Стоит ли по пустякам поднимать шум!

– Дайте мне лист бумаги! – распорядился Баоюй, растер тушь, но, прежде чем писать, заглянул в записку: «Ничтожная... стоящая за порогом», вот как назвала себя Мяоюй. А как же он должен себя называть?

Баоюй думал, думал, но никак не мог придумать. «Надо бы посоветоваться с сестрой Баочай, – решил было он, – но она может сказать, что все это вздор. Уж лучше пойти к сестрице Дайюй».

Баоюй спрятал письмо в рукав и отправился к Дайюй. Миновав беседку Струящихся ароматов, он увидел, что к нему приближается Сюянь.

– Куда ты, сестра? – спросил Баоюй.

– К Мяоюй, – ответила та, – хочу с ней поговорить!

Баоюй удивился:

– Ведь она странная, нелюдимая, никого видеть не хочет! А тебя, видимо, уважает!

– Не знаю, уважает ли, – возразила Сюянь, – но мы с ней давно знакомы, почти десять лет были соседями, когда она жила в кумирне Паньсянсы. В то время мы арендовали у кумирни дом, своего не имели. Я часто ходила к Мяоюй, она учила меня писать иероглифы, помогала чем могла. Моя семья тогда очень нуждалась. Потом мы переехали к родственникам и вскоре узнали, что Мяоюй тоже сюда переехала. Судьба вновь нас соединила. И дружба наша стала еще крепче.

Рассказанное Сюянь поразило Баоюя, как гром с ясного неба.

– Так вот оно что! – воскликнул он радостно. – Теперь мне понятно, почему и в речах своих, и в манерах ты непринужденна, словно плывущий в облаках аист! Я просто не знал, как быть с Мяоюй, хотел с кем-нибудь посоветоваться. Сама судьба нас свела. Научи меня, сестра, как поступить!

Он вытащил из рукава поздравление Мяоюй и отдал Сюянь.

– А она такая же, – сказала Сюянь, прочитав письмо, – вечно несет всякий вздор. Разве именуют себя в поздравительных письмах прозвищем? Мяоюй, как говорится, «ни монашка, ни мирянка, ни женщина, ни мужчина». Кто ее поймет?

– Ее многие не понимают, – заметил Баоюй. – Человек она необычный. Но она надеется, что я ее пойму, потому и прислала мне это письмо. Я думал, думал, каким прозвищем себя назвать в ответном письме, и отправился к сестрице Дайюй за советом. А теперь, к счастью, встретил тебя!

Сюянь окинула Баоюя взглядом, подумала и с улыбкой сказала:

– Недаром пословица гласит: «Лучше один раз увидеть, чем много раз услышать». Теперь мне понятно, почему сестрица Мяоюй прислала тебе такое письмо, а в прошлом году позволила наломать веток сливы. Она к тебе благосклонна. И я могу сказать почему. Я часто слышала, как Мяоюй говорит: «Наши предки, с династий Хань, Цзинь, Тан и вплоть до периода Пяти династий и династии Сун не создали выдающихся стихов. Из всего

написанного удачными можно назвать лишь несколько строк:

Пусть и тысячу лет не дрогнет
У железных ворот порог, —
Все равно «земляной пампушки»
Человеку не избежать!»[\[154\]](#)

Вот почему она и сказала, что стоит за порогом. Ей по душе Чжуан-цзы, поэтому она иногда называет себя «не от мира сего». Напиши она так в письме, ты мог бы в ответ назвать себя мирянином. Себя Мяоюй не считает мирянкой, потому что ушла от мира, но ты порадовал бы ее, если бы назвал себя скромно мирянином. Написав «стоящая за порогом», она хотела сказать, что не переступала порога мирской суеты. Ты же, чтобы ей сделать приятное, назови себя «Отгороженный порогом».

Тут Баоюя осенило, и он воскликнул:

– Так вот почему наша кумирня называется кумирней Железного порога! Извини, сестра, побегу писать письмо Мяоюй!

Сюянь отправилась в кумирню Бирюзовой решетки, а Баоюй, вернувшись к себе, написал письмо, начав словами «Отгороженный порогом, тщательно вымыв руки, почтительно приветствует вас». Закончив писать, он побегал к кумирне Бирюзовой решетки и бросил письмо в дверную щель.

После обеда все собрались в гости к Пиньэр. В саду Благоуханных роз было жарко, и она решила устроить празднество в зале Тенистого вяза, где накрыли несколько столов.

Все были рады повеселиться. Госпожа Ю пришла вместе с наложницами Пэйфэн и Селуань, юными и шаловливыми.

Им не часто приходилось бывать в саду, и сейчас, в обществе остальных девушек, они чувствовали себя словно птицы, выпущенные из клетки. Известно, что родственные души быстро находят друг друга, и вскоре, забыв о том, что здесь госпожа Ю, наложницы весело шутили и смеялись вместе со всеми.

Но не будем вдаваться в подробности, а расскажем о том, что происходило в зале Тенистого вяза.

Пир был в самом разгаре, играла музыка. Пиньэр сорвала гортензию, и началась игра в передачу цветка. Сколько было шума, смеха!

Появилась служанка и доложила:

– Из семьи Чжэнь прислали подарки!

Таньчунь, Ли Вань и госпожа Ю вышли принять дары. Пэйфэн и Селуань, воспользовавшись случаем, убежали покачаться на качелях.

Баоюй вышел следом за ними и предложил:

– Давайте я вас покачаю!..

– Нет, нет, не надо! – воскликнула Пэйфэн. – Еще неприятности будут!

В это время из дворца Нинго прибежали служанки с печальной вестью:

– Старый господин Цзя Цзин скончался!..

В первый момент никто не мог произнести ни слова, а потом раздались восклицания:

– Как скончался? Ведь он не болел!

– Старый господин совершенствовался и познавал истину, – ответила одна из служанок, – когда же его добродетели достигли предела, вознесся к бессмертным!

Цзя Чжэня и Цзя Жуна дома не было, Цзя Лянь тоже находился в отъезде. Госпожа Ю растерялась – помощи ждать было не от кого. Сняв с себя украшения, она приказала людям отправиться в монастырь Первоначальной истины и держать под замком всех монахов, пока не приедет Цзя Чжэнь и не допросит их. Сама же села в коляску и в сопровождении жены Лай Шэна и других служанок отправилась в монастырь, где умер Цзя Цзин.

Она приказала пригласить врачей, чтобы определили причину смерти. Но как они могли это сделать, если никогда не проверяли у Цзя Цзина пульс?! Все хорошо знали, что Цзя Цзин поклонялся звездам, принимал пилюли из ртути с серой, да чего он только не делал, чтобы обрести долголетие? Это и привело его к смерти.

– Он принадлежал к даосской секте, – сказали врачи, – глотал золото и киноварь, вот и сжег себе внутренности.

– Он не внял нашим уговорам и тайком проглотил пилюли бессмертия, – оправдывались монахи. – Мы просили его: «Не принимайте, срок ваш еще не пришел». А он взял и принял. Нынче ночью. И вознесся к бессмертным.

Госпожа Ю не стала слушать монахов, распорядилась не выпускать их до приезда Цзя Чжэня и послала к нему нарочного с письмом.

В монастыре не было места для усопшего. Но не нести же его в город! И решено было поместить его на время в кумирню Железного порога.

Цзя Чжэнь мог приехать недели через две, не раньше, а погода стояла жаркая. Поэтому госпожа Ю распорядилась выбрать подходящий для погребения день.

Гроб был приготовлен еще несколько лет назад и стоял в монастыре, так что обошлось без особых хлопот. Через три дня должны были состояться похороны.

Фэнцзе все еще болела и из дому не выходила, Ли Вань присматривала за сестрами, а все дела за пределами дворца Жунго пришлось возложить на нескольких младших управляющих, поскольку Баоюй был еще слишком молод и неопытен. Остальные обязанности разделили между собой Цзя Пянь, Цзя Гуан, Цзя Хэн, Цзя Ин, Цзя Чан и Цзя Лин. Госпожа Ю пока оставалась в монастыре и для присмотра за дворцом Нинго пригласила свою мачеху. Та привезла с собой двух незамужних дочерей.

Как только Цзя Чжэнь получил известие о смерти отца, он подал прошение об отпуске для себя и Цзя Жуна. В ведомстве церемоний не осмелились решить этот вопрос самолично и обратились к государю. Надобно отдать должное государю – он был гуманен и отличался почтением к старшим. К тому же уважал потомков своих верных сановников и немедленно запросил, какую должность занимал Цзя Цзин, едва донесение из ведомства церемоний ему было представлено.

Из ведомства церемоний пришел ответ:

«Цзя Цзин происходил из цзиньши, и его должность перешла по наследству к сыну Цзя Чжэню. Находясь в преклонном возрасте, Цзя Цзин часто болел, все время лечился и жил на покое в монастыре Первоначальной истины, где и скончался. В настоящее время его сын Цзя Чжэнь и внук Цзя Жун сопровождают вашу царственную особу к месту похорон государыни и почтительно просят отпуск, дабы отправиться на похороны Цзя Цзина».

Сын Неба явил высочайшую милость и издал указ, который гласил:

«Хотя Цзя Цзин не имеет особых заслуг перед государством, но мы, памятуя о преданности его деда, посмертно жалуем ему титул пятой степени. Его сыновьям и внукам повелеваем доставить гроб с телом покойного в столицу через северные городские ворота и жалуем право подготовить тело к погребению в своем дворце. После окончания похоронных церемоний сыновьям и внукам покойного надлежит препроводить гроб с телом усопшего к месту погребения его предков. Кроме того, повелеваем Ведомству церемоний устроить жертвоприношения, полагающиеся высшим сановникам; всем придворным сановникам, носящим титулы ниже ванов и гунов, дозволяется участвовать в жертвоприношениях и похоронах. О чем и гласит настоящий указ».

За этот указ государю воздали хвалу, благодаря за милость, не только члены рода Цзя, но и придворные сановники.

Получив указ, Цзя Чжэнь и Цзя Жун немедленно поскакали домой. По дороге им повстречались Цзя Пянь и Цзя Гуан. Завидев Цзя Чжэня, они кубарем скатились с коней, низко поклонились и справились о здоровье.

– Куда направляетесь? – спросил Цзя Чжэнь.

– Сопровождать вместо вас старую госпожу в пути, – ответил Цзя Пянь. – Так распорядилась ваша супруга.

Похвалив госпожу Ю за расторопность, Цзя Чжэнь спросил:

– А как обстоят дела дома?

Цзя Пянь во всех подробностях стал рассказывать, как взяли под стражу даосов, как перенесли покойного в родовой храм и как приехала мачеха госпожи Ю присматривать за домом и привезла дочерей.

Тут Цзя Жун, который, спешившись, слушал Цзя Пяня, просиял, вспомнив своих молоденьких тетушек.

Цзя Чжэнь то и дело прерывал рассказ Цзя Пяня одобрительными возгласами, а выслушав до конца, подхлестнул коня и вместе с Цзя Жуном помчался дальше. Он ехал без остановок, даже ночью, только менял на станциях коней.

Добравшись наконец до ворот столицы, он, не заезжая домой, поскакал прямо в кумирню Железного порога и появился там глубокой ночью. Начался переполох; сторожа бросились будить и созывать людей.

Цзя Чжэнь и Цзя Жун соскочили с коней и, громко рыдая, доползли на коленях от самых ворот до гроба покойника. Здесь Цзя Чжэнь, обхватив руками голову, продолжал причитать до самого рассвета, пока не охрип.

Утром ему представились госпожа Ю и другие родственники. После этого Цзя Чжэнь и Цзя Жун облачились в траурные одежды и вновь склонили головы перед гробом. Хоронить усопшего полагалось Цзя Чжэню, и, превозмогая скорбь, он занялся делами: прежде всего сообщил родственникам о высочайшем указе, после чего приказал сыну отправиться домой и сделать необходимые распоряжения насчет похорон.

Добравшись до дому, Цзя Жун первым делом распорядился убрать из главного зала столы и стулья, закрыть ставни, повесить траурные занавесы, соорудить навес для музыкантов у ворот, а также траурную арку. После этого Цзя Жун поспешил навестить бабушку и обеих тетушек.

Мачеха госпожи Ю как раз дремала, а дочери ее вместе со служанками занимались вышиванием. Увидев Цзя Жуна, они переполошились, а он, заметив это, со смехом обратился ко второй тетушке Ю Эрцзе:

– Значит, приехали? А батюшка мой соскучился по вас.

– Ох и бесстыдник же ты, Жунъ! – рассердилась Ю Эрцзе, покраснев от смущения. – Два дня не поругай тебя – все приличия забудешь! Ведь ты

из знатной семьи, и книги читаешь, и хорошим манерам тебя учили, а ведешь себя хуже деревенского парня!

Она схватила попавшийся под руку утюг и запустила в Цзя Жуна. Цзя Жун отскочил было в сторону, но затем бросился к Ю Эрцзе и стал просить прощения.

– Вот погоди! – пригрозила ему третья тетушка Ю Саньцзе, – вернется госпожа Ю, расскажу о твоих проделках.

Цзя Жун засмеялся, стал на колени и продолжал молить Ю Эрцзе о прощении. Затем попытался отобрать у нее орехи. Ю Эрцзе набила ими рот и выплюнула прямо в лицо Цзя Жуну. Тот как ни в чем не бывало слизал их и съел.

Девочка-служанка стала его стыдить:

– Вы что безобразничаете! Ведь только что траур надели, да и бабушка спит! Вам все нипочем! Эти девушки, хоть и молоды, вам приходится тетями. А вы так вольно обращаетесь с ними! Значит, матушку свою не уважаете! Они же ей родственницы! Ничего, вернется ваш батюшка, все ему расскажем. Достанется тогда вам!

Цзя Жун оставил в покое девушек, обнял и поцеловал служанку.

– Милая моя! Ты права. Простим их!

– Бессовестный! – девочка оттолкнула Цзя Жуна – Женатый, а пристааете! Пусть в шутку – неважно. Увидит кто-нибудь, нас же и осудят. Разве мало сплетников?!

– Каждый у себя в доме хозяин, что хочет, то и делает, – с улыбкой промолвил Цзя Жун. – Баб, что ли, мало! Даже о династиях Хань и Тан говорят: «Грязная Тан, вонючая Хань». А с нас и вовсе нет спроса. Не бывает семьи без распутства, так что помолчала бы лучше: уж на что строг старший господин Цзя Шэ, а сын его Цзя Лянь завел шашни с его наложницей! А моя младшая тетушка Фэнцзе? Казалось бы – недотрога! Но старший мой дядя Цзя Жуй и на нее зарился!.. Я все знаю!

Цзя Жун болтал без умолку.

Саньцзе не выдержала и, соскочив с кана, побежала во внутренние покои будить мать.

– Бабушка! – вскричал Цзя Жун – Мы доставили вам столько хлопот да еще тетушек побеспокоили! Мы с батюшкой так благодарны вам!

– Мальчик мой, – произнесла госпожа, – стоит ли об этом говорить! Родственники должны помогать друг другу!.. Как здоровье твоего почтенного батюшки? Давно ли он прибыл?

– Только что, – ответил Цзя Жун. – И первым долгом мне приказал повидаться с вами и просить, чтобы вы не уезжали, пока не закончите всех

дел.

Цзя Жун незаметно подмигнул Ю Эрцзе

– Уж не думаешь ли ты, что мы станем няньками у твоего отца? – процедила она.

Цзя Жун между тем продолжал:

– Вы не беспокойтесь! Батюшка очень заботится о ваших дочерях и хочет подыскать им состоятельных и благородных женихов. И вот после нескольких лет поисков нашелся наконец один подходящий.

Старуха приняла слова Цзя Жуна всерьез и поспешно спросила:

– А из какой он семьи?

– Мама, не верь этому беспутнику! – воскликнула Эрцзе, отбросив в сторону вышивание.

– Жунъэр! – повысив голос, сказала Саньцзе. – Болтай, да меру знай!

В этот момент на пороге появилась служанка и доложила:

– Господин, ваши приказания выполнены, можете сообщить об этом вашему батюшке!

Цзя Жуну ничего не оставалось, как удалиться.

Если хотите узнать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят четвертая

Добродетельная девушка пишет стихи о пяти красавицах древности;

молодой распутник преподносит в подарок «подвеску девяти драконов»

Итак, Цзя Жун поспешил в кумирню доложить отцу, что дома все в порядке. Цзя Чжэнь распределил обязанности между родственниками и велел изготовить траурные знамена и флаги. Перенос гроба с телом усопшего в город был назначен согласно гаданию на утро четвертого дня, о чем и оповестили родных и друзей.

Похороны были пышные, людей собралось великое множество. По пути следования гроба с телом усопшего от самой кумирни до дворца Нинго по обе стороны дороги стояли зеваки. Одни искренне скорбели о покойном, другие – завидовали его богатству, третьи осуждали родственников за расточительность – слишком роскошные были похороны.

Лишь после полудня гроб с телом был доставлен во дворец и установлен в главном зале. Усопшему оказали все положенные почести и совершили жертвоприношения. После этого у гроба остались лишь самые близкие родственники – по женской линии только дядюшка Син. Им надлежало встречать и провожать гостей.

Цзя Чжэнь и Цзя Жун, согласно обычаю, сидели у гроба на сплетенной из травы подстилке, а на ночь вместо подушки подкладывали под голову камень. Траур они соблюдали со всем усердием, но в душе досадовали на связанные с ним неудобства.

Зато, оставшись на какое-то время вдвоем, вознаграждали себя, развлекаясь с наложницами.

Баоюй, облаченный в траур, ежедневно приходил во дворец Нинго и лишь вечером, когда все расходились, возвращался к себе. Фэнцзе из-за болезни являлась лишь на церемонии жертвоприношений и на молебны, а заодно помогала госпоже Ю.

День уже стал длиннее. Как-то Цзя Чжэнь почувствовал себя после завтрака утомленным и уснул возле гроба. Баоюю захотелось повидаться с Дайюй, и он незаметно ушел. Дойдя до двора Наслаждения пурпуром, он заметил дремавших на террасе служанок, женщин и девочек. Баоюй не

захотел их тревожить, но Сыэр его заметила и поспешила откинуть дверную занавеску. В это время из комнаты со смехом выбежала Фангуань.

Увидев Баоюя, она отпрянула назад и, сдерживая улыбку, спросила:

– Почему вы вернулись? Но раз уж вы здесь, уймите Цинвэнь, она хочет меня побить!

В комнате послышался шум, словно что-то рассыпали по полу, и тут же выскочила Цинвэнь.

– Ах ты дрянь! Сбежать хочешь? А проигрыш кто платить будет? Надеешься, кто-нибудь за тебя вступится? Но Баоюя нет дома!

Тут дорогу ей преградил сам Баоюй.

– Сестрица Цинвэнь, не знаю, чем Фангуань тебя обидела, но ты все же прости ее.

Цинвэнь не ожидала увидеть Баоюя и рассмеялась:

– Эта Фангуань сущий оборотень! Кто еще смог бы так быстро вызвать духа? Но если даже ты вызовешь настоящего духа, – обратилась она к Фангуань, – я все равно не испугаюсь!

Она вознамерилась было схватить Фангуань за руку, но та успела спрятаться за спину Баоюя и вцепилась в него. Баоюй взял под руку Фангуань, свободной рукой привлек к себе Цинвэнь и повел обеих в комнату. Цювэнь, Шэюэ, Бихэнь и Чуньянь играли в камешки на тыквенные семечки.

Оказалось, Фангуань проиграла Цинвэнь, но решила улизнуть. Цинвэнь за ней погналась, и семечки, которые у нее были за пазухой, рассыпались по полу.

– А я-то думаю, вы здесь скучаете без меня и сразу после обеда уляжетесь спать! – вскричал Баоюй. – Хорошо, что нашли развлечение!

Сижэнь в комнате не было, и Баоюй удивился:

– Где же Сижэнь?

– Сижэнь? Она, видно, решила стать святой и сидит сейчас во внутренней комнате, обратившись лицом к стене^[155], – ответила Цинвэнь. – Что она там делает, никому не известно, ни звука оттуда не слышно. Поглядите – может, она уже прозрела!

Баоюй рассмеялся и направился во внутреннюю комнату. Сижэнь действительно сидела на кровати возле окна и, держа в руках серый шнур, завязывала на нем узелки. Едва Баоюй вошел, она торопливо встала:

– Что там на меня наговаривает негодница Цинвэнь? Я давно собиралась закончить чехол для веера и решила их обмануть. «Идите играйте, – сказала я им. – Мне хочется отдохнуть, пока нет второго господина». А она наплела невесть что. Ох, вырву я ей язык!

Баоюй сел рядом с Сижэнь и стал следить за ее работой.

– Дни сейчас длинные, успеешь закончить. Поиграй с девочками или отдохни, – сказал он. – А хочешь, сходи к сестрице Дайюй. Зачем трудиться в такую жару?

– Этот чехол я делала для тебя, – сказала Сижэнь. – Чтобы летом, если случится пойти на похороны, ты его брал с собой. Сейчас он тебе нужен чуть ли не каждый день. Как только закончу, возьмешь! Ты не обращаешь внимания на всякие мелочи, а бабушка, если заметит, что у тебя нет чехла, опять станет нас упрекать в нерадивости.

– Спасибо, что вспомнила, – сказал Баоюй. – Но торопиться не нужно, особенно в такую жару, ведь может случиться тепловой удар.

Баоюй отличался слабым здоровьем, и чай для него даже в самые жаркие дни охлаждали не на льду, а ставили чайник в таз с колодезной водой, чашку такого чая Фангуань принесла Баоюю. Он выпил половину прямо из рук девочки и, улыбаясь, обратился к Сижэнь:

– Пожалуй, я нынче больше не пойду во дворец Нинго, если, конечно, ничего особенного не случится. А пожалуют какие-нибудь знатные гости, Бэймин мне сообщит.

С этими словами он направился к двери, бросив на ходу Бихэнь:

– Я иду к барышне Линь Дайюй.

По дороге к павильону Реки Сяосян, у моста Струящихся ароматов, Баоюй встретил Сюэянь, а с ней нескольких пожилых женщин – они несли корзинки с фруктами, тыквами, водяными орехами и корнями лотоса.

– Куда вы все это несете? – спросил у Сюэянь удивленный Баоюй. – Ведь твоя барышня ничего такого не ест! Может быть, вы собираетесь пригласить на угощение сестер и тетушек?

– Сейчас объясню, – ответила Сюэянь, – только барышне не говорите!

Баоюй согласно кивнул. Тогда Сюэянь приказала женщинам:

– Отнесите тыквы сестре Цзыцзюань! А спросит обо мне, скажите, что скоро приду.

Старухи поддакнули и удалились. Тогда Сюэянь принялась рассказывать:

– Вот уже несколько дней наша барышня себя лучше чувствует. После завтрака к ней сегодня приходила третья барышня Таньчунь и звала вместе с ней навестить вторую госпожу Фэнцзе. Барышня не захотела. Потом, не знаю отчего, она вдруг заплакала, схватила кисть и принялась что-то писать – может быть, стихи. Написав, велела мне принести тыквы, а Цзыцзюань – убрать все безделушки со столика для циня, вынести столик в переднюю, поставить на него треножник с изображением дракона и ждать, пока я

принесу тыкву. Но ведь для гостей треножник не нужен, благовоний барышня не любит, возжигает лишь в спальне, а так предпочитает аромат цветов и фруктов. Я уж подумала, не от старух ли идет дурной запах, что барышня вдруг решилась вопреки обычаю возжечь благовония? Так что не вовремя вы, второй господин, пожаловали.

Баоюй опустил голову и подумал:

«Если правда то, что говорит Сюэянь, то здесь кроется какая-то тайна. Вздумай Дайюй просто посидеть с сестрами, не стала бы расставлять всю эту утварь. Может быть, она хочет принести жертвы родителям? Но сейчас не время для этого. В такие дни бабушка всегда посылает сестрице мясные и рыбные блюда, чтобы она совершила жертвоприношение. Сейчас, правда, седьмой месяц, сезон овощей и фруктов, и в каждой семье совершают обряд осеннего посещения могил. Возможно, сестрица прочла „Записки об этикете“, огорчилась и решила устроить жертвоприношение у себя дома? Ведь там сказано: „Весной и осенью надлежит подносить пищу в соответствии с сезоном...“ Если я сейчас приду и стану ее утешать, она, пожалуй, рассердится и еще сильнее затоскует! Если же не приду, ей будет больно, что некому утешить ее в минуту горя... И в том и в другом случае болезнь может обостриться! Навещу-ка я, пожалуй, Фэнцзе, а уж потом зайду к ней».

Баоюй попрощался с Сюэянь и отправился к Фэнцзе. Как раз в это время расходились экономки и служанки, являвшиеся к Фэнцзе с докладом. Фэнцзе стояла, прислонившись к дверному косяку, и разговаривала о чем-то с Пиньэр. Увидев Баоюя, она улыбнулась:

– А, ты пришел? А я только что велела жене Линь Чжисяо послать за тобой. Не мешало бы тебе отдохнуть. Сегодня во дворце Нинго дел никаких нет. Народу там и без тебя хватает, а духота такая, что терпеть невозможно! Признаться, я не ожидала, что ты придешь!

– Спасибо, сестра, за заботу, – поблагодарил Баоюй. – Во дворце Нинго ты редко бываешь, и я решил справиться о твоём здоровье, поскольку давно не видел тебя.

– Чувствую я себя все так же, – отвечала Фэнцзе, – три дня здорова, два дня больна. Старой госпожи и госпожи нет дома, а тетки никак между собой не поладят. Все им не так. Дерутся, ругаются. Воровство началось, пьянство, азартные игры! Третья барышня Таньчунь хотя и старается мне помочь, но чересчур она молода, не все ей расскажешь! Вот и приходится мне через силу заниматься делами. Нет ни минуты покоя! Где уж тут выздороветь, хоть бы сильнее не заболеть!

– Здоровье – главное, сестра, – возразил Баоюй. – Меньше хлопочи – и

все будет в порядке.

Он еще немного поболтал с Фэнцзе, попрощался и снова отправился в сад. Когда он подходил к павильону Реки Сяосян, в воздухе еще вился дымок благовоний и чувствовался едва уловимый запах вина. Цзыцзюань, стоя в дверях, наблюдала за служанками, убиравшими жертвенную утварь.

Судя по всему, жертвоприношение было закончено, и Баоюй смело вошел в комнату. Дайюй лежала, отвернувшись к стене, в полном изнеможении.

– Пришел второй господин Баоюй, – сказала ей Цзыцзюань.

Дайюй приподнялась на постели и, слегка улыбаясь, пригласила Баоюя сесть.

– Как себя чувствуешь, сестрица? – спросил Баоюй. – Выглядишь ты получше. Но, кажется, чем-то расстроена?

– Не болтай глупостей! – оборвала его Дайюй. – Чем я могу быть расстроена!

– Не надо меня обманывать, – проговорил Баоюй, – на твоем лице следы слез. А волноваться тебе нельзя – ведь ты часто болеешь. Ко всему надо относиться спокойно, не грустить, не печалиться. Иначе я...

Баоюй осекся. Они росли вместе с Дайюй, без слов понимали друг друга, и он поклялся себе умереть с Дайюй вместе. Однако мысли эти таил в глубине души. Вот и сейчас он умолк, потому что знал, как обидчива Дайюй, как болезненно воспринимает каждое слово. Он не знал, как утешить девочку, боялся высказать свои чувства. И такая тяжесть легла на сердце, что Баоюй не выдержал и заплакал.

Дайюй рассердилась было, но искреннее участие Баоюя ее глубоко тронуло; она плакала по всякому поводу и сейчас, глядя на Баоюя, тоже пролиwała слезы.

Цзыцзюань принесла чай и, решив, что Баоюй с Дайюй поссорились, недовольно сказала:

– Барышня едва поправилась, а второй господин Баоюй снова ее расстроил! Что случилось?

– Кто осмелится расстраивать твою барышню?! – утирая слезы, проговорил Баоюй и направился к девочке, но тут вдруг заметил под тушечницей листок бумаги, схватил и спрятал за пазуху, чтобы Дайюй не отняла.

– Милая сестрица, позволь мне прочесть, – попросил он.

– Надо раньше спросить, а потом уже брать! – возмутилась Дайюй.

– Что хочет прочесть брат Баоюй? – раздался из-за двери голос Баочай.

Баоюй молчал – он не знал, что ответить и как к этому отнесется

Дайюй.

Дайюй пригласила Баочай сесть и с улыбкой сказала:

– В древней истории мне попало несколько имен красивых и талантливых женщин, на их долю выпало много страданий. Их жалели, им завидовали, за них радовались, о них печалились. После завтрака, от нечего делать и чтобы развеять грустные думы, я написала пять стихотворений. И так утомилась, что не пошла навестить Фэнцзе, хотя Таньчунь меня приглашала. Листок со стихами сунула под тушечницу и только было легла отдохнуть, как пришел Баоюй. Я охотно дала бы ему почитать, но боюсь, как бы он тайком не переписал и не стал показывать мои стихи другим.

– Разве я когда-нибудь так поступал! – воскликнул Баоюй. – Если ты имеешь в виду «Белую бегонию», то я переписал ее для себя, на свой веер. Ведь известно, что стихи, да и вообще все, что написано в женских покоях, выносить за пределы дома нельзя. И со своим веером за ворота сада я никогда не хожу.

– Не напрасно сестрица Дайюй беспокоится, – заметила Баочай. – Принесешь веер в свой кабинет, там и забудешь, а бездельников в доме полно, найдет кто-нибудь, и начнутся расспросы, всякие разговоры. Недаром еще в древности говорили: «Чем меньше талантов у девушки, тем она добродетельней». Прежде всего женщина должна быть честной и скромной, а уже потом искусной в рукоделии. Стихами же ей вообще лучше не заниматься!

Баочай с улыбкой повернулась к Дайюй и добавила:

– Дай-ка взглянуть на стихи, а у него отбери!

– Раз лучше стихами не заниматься, то и тебе незачем их читать, – возразила Дайюй и, указывая пальцем на Баоюя, сказала: – Стихи у него.

Баоюй вытащил листок из-за пазухи, подошел к Баочай, и они принялись вместе читать:

Си Шу^[156]

«Города сокрушая» в свой век^[157],
Вдруг исчезла за гребнем волны.
В царстве У сожаленья двора
Изменить ничего не вольны.
Прачка около речки Жое

Поседела, а помнит о ней,
И в деревне далекой Дун Ши
Хмурит бровь, потешая людей^[158].

Юй Цзи^[159]

Не ветер взвыл, – заржал тревожно конь^[160]
И ввергнул всех в глубокую печаль.
«Юй Цзи! Что делать?» – спросил ее.
И был ответ: «О двухзрачковый мой!»
Пусть Ин и Пэн, нарушившие долг,
Разрублены ударом палача^[161], —
Но, преданной оставшись до конца,
В шатре Юй Цзи покончила с собой!

Мин Фэй^[162]

Какую красоту сокрыли от людей!
...И выдворили прочь из ханьского дворца.
Несчастлива судьба красавиц молодых —
И ныне не исчез далеких дней порок!^[163]
Пусть девами двора надменный государь
Привык пренебрегать, не зная их лица, —
Ценить гаремных жен тому, кто кисть держал,
Как он и почему доверить слепо мог?^[164]

Люй Чжу^[165]

Был выброшен с презреньем светлый жемчуг,
Приравненный к осколку черепицы!
И надо же Ши Чуну волку было
Всецело чарам девы покориться!

Однако счастлив был он в прошлой жизни,
И в этой счастье улыбнулось тоже,
Когда перед кончиной не остался
Совсем один – забытый и ничтожный.

Хун Фу^[166]

Обходителен был, ритуал не нарушил,
Прям в беседе с Ян Су, не вступая с ним в спор.
И красавица в нем распознала такого,
Кто откроет ей в жизни широкий простор^[167].
У Почтенного Яна в обширном жилище
То ли жизнь, то ли смерть... То ли быть, то ль не быть...
Разве ей, подневольной, не тягостны путы,
Да и можно ли путами сердце обвить?

Баюю стихи очень понравились, и он принялся их расхваливать.
– Здесь – пять стихотворений, – сказал он. – Так почему бы не дать им общее название «Плач о пяти знаменитых красавицах»?

Не слушая возражений, Баюй взял кисть и записал название на оборотной стороне листка.

– Когда пишешь стихи, нужно привносить что-то новое в мысли древних, делать их совершеннее, – говорила между тем Баочай, обращаясь к Дайюй. – А просто подражать – все равно что переливать из пустого в порожнее. Наши предки, к примеру, сочинили множество стихов о Ван Чжаоцзюнь; некоторые проникнуты скорбью по Ван Чжаоцзюнь и ненавистью к Ма Янь-шоу, злой иронией над ханьским императором, заставлявшим художников рисовать красавиц, а не преданных сановников. И все же тема не была исчерпана. Впоследствии стихи о Ван Чжаоцзюнь написал еще Ван Цзингун^[168]. Вот что в них говорится:

Любой художник мог бы подтвердить:
Она – неописуемо прекрасна!
Вот почему могу предположить,
Что Ма Яньшоу был казнен напрасно...^[169]

В стихах Оуян Сю можно найти такие строки:

А уши слышат все то же,
и очи видят все то же, —
За тысячи ли не догонишь
и горю теперь не поможешь [\[170\]](#).

В этих стихотворениях поэты старались выразить собственные взгляды. В стихотворениях сестрицы Дайюй тема тоже раскрывается по-новому.

В это время пришла служанка и доложила:

– Приехал второй господин Цзя Лянь. Он отправился во дворец Нинго и скоро пожалует сюда.

Баоюй пошел к главным воротам и тут же увидел Цзя Ляня, слезавшего с коня.

Баоюй поспешил ему навстречу, отвесил несколько поклонов, справился первым делом о здоровье матушки Цзя и госпожи Ван, а затем уже самого Цзя Ляня. Цзя Лянь взял Баоюя под руку, и они вместе направились в дом. В среднем зале Цзя Ляня ждали Ли Вань, Фэнцзе, Баочай, Дайюй, Инчунь, Таньчунь и Сичунь. Они по очереди ему поклонились, после чего Цзя Лянь сказал:

– Я приехал по поручению старой госпожи справиться, как обстоят дела дома. Госпожа чувствует себя хорошо и завтра утром пожалует сама, так что в пятую стражу мне придется ехать за город ее встретить.

Уставшему с дороги Цзя Ляню никто не стал докучать, и он пошел домой отдохнуть. Ночью ничего особенного не случилось.

Утром, когда все завтракали, приехали матушка Цзя и госпожа Ван. Их встретили, подали чаю. Женщины посидели немного и заторопились во дворец Нинго. Еще издали они услышали стенания – это оплакивали усопшего Цзя Лянь и Цзя Шэ. Едва завидев матушку Цзя, они пошли ей навстречу, а следом за ними и остальные члены рода Цзя. Матушку Цзя под руку подвели к гробу, Цзя Чжэнь и Цзя Жун, стоявшие на коленях, прильнули к ней и зарыдали. Матушка Цзя обняла их и тоже заплакала. Цзя Шэ и Цзя Лянь принялись ее утешать.

Затем матушка Цзя подошла к госпоже Ю, стоявшей по правую сторону гроба, обняла ее и снова заплакала.

Тут Цзя Лянь стал ее уговаривать пойти отдохнуть с дороги, и она в конце концов согласилась.

Матушке Цзя в ее возрасте и без того нелегко было переносить тяготы пути, а тут еще на нее обрушилось горе. Поэтому всю ночь ее мучила головная боль, нос заложило, даже разговаривать было трудно. Но, к счастью, все обошлось. После лекарства матушка Цзя пропотела, пульс стал ровнее, и все домашние облегченно вздохнули. Прошел еще день, и старая госпожа полностью выздоровела.

Наступил срок похорон Цзя Цзина. Матушка Цзя еще не совсем окрепла и на похороны не поехала, оставив возле себя Баюя, чтобы за ней ухаживал. Не поехала и Фэнцзе – она все еще плохо себя чувствовала. Остальные члены рода Цзя, а также слуги и служанки сопровождали гроб в кумирню Железного порога и возвратились домой только к вечеру.

Цзя Чжэнь, госпожа Ю и Цзя Жун остались в кумирне, возле гроба, ибо отправить его на родину можно было лишь по прошествии ста дней. Все дела по хозяйству снова были поручены старухе Ю.

А теперь вернемся к Цзя Ляню. Он давно слышал о младших сестрах госпожи Ю и очень досадовал, что никак не может с ними повидаться. Но в последние дни, когда гроб с телом покойного стоял дома, Цзя Лянь ежедневно бывал во дворце Нинго и успел хорошо познакомиться с Эрцзе и Саньцзе. Особенно ему приглянулась Эрцзе, при виде девушки у него даже слюнки текли.

Злые языки говорили, будто Саньцзе и Эрцзе находятся в связи с Цзя Чжэнем и Цзя Жуном, и Цзя Лянь, считая, что они легкого поведения, не упускал случая пофлиртовать с ними. Саньцзе оставалась равнодушной к его заигрываньям, чего нельзя сказать об Эрцзе. Однако оба они, и Эрцзе и Цзя Лянь, соблюдали осторожность. Эрцзе боялась пересудов, а Цзя Лянь – ревности Цзя Чжэня. Словом, пришлось им набраться терпения и скрывать свои чувства.

Когда гроб перевезли в кумирню, в доме Цзя Чжэня осталось совсем мало людей. Кроме старухи Ю, Эрцзе, Саньцзе да еще нескольких девочек, все служанки и наложницы переселились в кумирню. Слуги и служанки, сторожившие дом, лишь по вечерам совершали обходы, днем же во внутренние покои не заходили. Обстоятельства благоприятствовали Цзя Ляню, и он решил действовать.

Как компаньон Цзя Чжэня он тоже остался в кумирне, откуда часто отлучался в город по делам. И, конечно, не упускал случая забежать во дворец Нинго и развлечься с Эрцзе.

Между тем младший управляющий Юй Лу доложил Цзя Чжэню:

– На траурную материю для навесов, а также в уплату носильщикам и плакальщицам требуется тысяча сто лянов серебра, а заплачено лишь

пятьсот. И еще есть два долга. Вчера как раз приходили и торопили с уплатой. Вот я и приехал просить ваших указаний.

– Зачем же докладывать об этом мне? – удивился Цзя Чжэнь. – Пойди в кладовые и получи все, что нужно!

– Вчера ходил, – ответил Юй Лу, – но мне отказали. Говорят, после смерти старого господина столько денег ушло, а еще предстоят расходы на погребальную церемонию, на нужды храма. Пришлось поэтому потревожить вас. Может быть, прикажете выдать деньги за счет других статей расходов или же из своих собственных?

– Не те нынче времена, чтобы у нас были деньги в запасе, – с улыбкой ответил Цзя Чжэнь. – Разве ты не знаешь? Доставай деньги где хочешь и расплачивайся!

– Сотню-другую я смог бы достать, – возразил Юй Лу. – Но где взять шестьсот?

Цзя Чжэнь на минуту задумался и обратился к Цзя Жуну:

– Пойди попроси у матери! Вчера семья Чжэнь из Цзяннани прислала пятьсот лянов на жертвоприношения, их еще не успели передать в кладовую. Возьми да еще лянов сто собери дома. Как раз хватит, чтобы уплатить долг!

Цзя Жун сбегал к госпоже Ю и, вернувшись, сказал:

– Из присланных денег двести лянов уже израсходовали, а оставшиеся триста матушка велела отвезти на хранение своей матери.

– Тогда поезжай вместе с Юй Лу домой и возьми эти деньги у бабушки, – распорядился Цзя Чжэнь. – Заодно разузнаешь, нет ли дома каких-нибудь дел, и справишься о здоровье тетушек... Недостающие деньги Юй Лу где-нибудь раздобудет.

Только Цзя Жун и Юй Лу собрались уходить, как вошел Цзя Лянь Юй Лу подбежал к нему и справился о здоровье. Цзя Лянь поинтересовался, о чем разговор Цзя Чжэнь все по порядку ему рассказал.

Цзя Лянь тут же смекнул: «Вот случай съездить во дворец Нинго повидаться с Эрцзе» – и сказал:

– Неужто мы станем такую мелочь одалживать? Как раз вчера я получил деньги на кое-какие расходы, но еще не успел их истратить. Вот и добавлю, чего не хватает.

– Прекрасно! – обрадовался Цзя Чжэнь. – Прикажи Цзя Жуну поехать и взять эти деньги.

– Это должен сделать я сам, – возразил Цзя Лянь. – К тому же я несколько дней не был дома и хочу справиться о здоровье старой госпожи, батюшки и матушки, заодно побываю во дворце Нинго, разузнаю, нет ли

там каких-нибудь важных дел и повидаюсь с женой.

Цзя Чжэнь улыбнулся.

– Как-то неловко тебя затруднять.

– Ерунда, мы люди свои, что тут особенного?

Тогда Цзя Чжэнь обратился к Цзя Жуну:

– Поедешь с дядей, справишься о здоровье старой госпожи, старого господина и госпожи и передашь от меня и матери поклон.

Цзя Жун пообещал все в точности исполнить и вышел вслед за Цзя Лянем. Они вскочили на коней и помчались в город, дорогой болтая о всяких пустяках. Цзя Лянь нарочно завел речь об Эрцзе и стал расхваливать ее на все лады.

– И манеры у нее непринужденные, и в обращении мила и ласкова, и речи ведет приятные – как не любить ее, не уважать! Все твердят, будто жена моя очень уж хороша, но разве можно ее сравнить с Эрцзе?

Цзя Жун сразу догадался, к чему клонит Цзя Лянь, и улыбнулся:

– Раз она вам так нравится, дядя, я ее вам сосватаю! Возьмете ее в наложницы?

– А ты не шутишь? – спросил Цзя Лянь.

– Не шучу.

– Я бы со всем удовольствием, – признался Цзя Лянь, – только боюсь, жена не согласится да и твоя бабушка будет против. К тому же, я слышал, у Эрцзе есть жених.

– Это неважно, – ответил Цзя Жун, – Эрцзе и Саньцзе рождены не в семье моего отца, их привезла моя бабушка по материнской линии. Слышал я, что, когда бабушка жила дома, она просватала Эрцзе еще до ее рождения в семью управляющего императорскими поместьями, некоего Чжана. Потом Чжан судился, проиграл дело, разорился, и бабушка решила не выдавать за него Эрцзе. К великому ее неудовольствию, брачный договор до сих пор не расторгнут. Отец хочет снова просватать Эрцзе, но нет подходящего человека. А Чжана надо разыскать, дать ему десять лянов серебра, пусть откажется от этого брака. Неужели не согласится за деньги?! К тому же ему известно, что люди мы влиятельные и церемониться с ним не станем. Вам же родители отказать не посмеют!.. Вот только не знаю, как Эрцзе к этому отнесется.

Цзя Лянь от радости просиял – чего еще было желать?!

Подумав, Цзя Жун сказал:

– Если будете действовать смело, все устроится наилучшим образом. Можете не сомневаться. У меня есть план. Придется лишь немного раскошелиться.

– Мальчик мой! – вскричал Цзя Лянь. – Выкладывай скорее свой план!

– О нашем разговоре никому ни слова, – предупредил Цзя Жун. – Я скажу отцу и уговорю бабушку, а затем мы где-нибудь поодаль купим дом, подберем нескольких слуг, назначим счастливый день и устроим все так, чтобы ни у кого не возникло ни малейшего подозрения. Вы возьмете Эрцзе в наложницы, строго-настрого прикажете слугам молчать, и все будет в порядке. Ваша супруга ничего не узнает. Живите себе в свое удовольствие! А если через какое-то время все раскроется, батюшка на худой конец поругает вас, и только! На это вы можете ответить, что ваша супруга не рожает вам сыновей, поэтому вы и решили взять наложницу. Да и вашей супруге придется смириться, ведь каша, как говорится, сварена. Пусть жалуется старой госпоже, ничего не поможет.

Еще древние говорили: «Страсть затмевает разум». Эрцзе вскружила Цзя Ляню голову, и он ухватился за план Цзя Жуна. Что ему траур, ревность жены, недовольство отца! Но надо сказать, что у Цзя Жуна была тут своя корысть. Дело в том, что Цзя Жуну тоже нравилась Эрцзе, но он побаивался Цзя Чжэня. А если Цзя Лянь возьмет Эрцзе в наложницы и они поселятся на стороне, Цзя Жуну легче будет с ней видаться.

Ничего подобного Цзя Лянь и представить себе не мог, поэтому был благодарен Цзя Жуну.

– Если ты все устроишь, дорогой племянник, я в знак признательности куплю тебе двух наложниц!

Так, разговаривая, они добрались до дворца Нинго.

– Вы идите за деньгами к моей бабушке, – сказал Цзя Жун, – а я навещу старую госпожу.

– Только не говори старой госпоже, что мы приехали вместе, – попросил Цзя Лянь.

– Не скажу, – ответил Цзя Жун и в свою очередь прошептал на ухо Цзя Ляню: – А вы ничего не говорите второй тетушке! А то наш план не удастся!

– Вот еще! – засмеялся Цзя Лянь. – Иди же скорее! Буду ждать тебя здесь!

Итак, Цзя Жун отправился к матушке Цзя, а Цзя Лянь – во дворец Нинго. Для виду он поговорил со слугами, а затем проследовал во внутренние покои.

Цзя Лянь был двоюродным братом и другом Цзя Чжэня и мог входить туда беспрепятственно.

Эрцзе, когда появился Цзя Лянь, сидела на кане у южной стены и вместе с двумя девочками-служанками занималась вышиванием. Старухи

Ю и Саньцзе поблизости не было. Цзя Лянь справился о здоровье Эрцзе, а она, пряча улыбку, пригласила его сесть, сама же перешла на восточную сторону. Цзя Лянь запротестовал, приглашая Эрцзе занять место хозяйки, произнес несколько вежливых фраз и поинтересовался:

– Где же бабушка и третья сестрица? Почему их не видно?

– Они отлучились по делам, – отвечала Эрцзе, – скоро вернутся.

Служанки пошли за чаем. Цзя Лянь бросил страстный взгляд на Эрцзе. Та опустила голову и стала вертеть в руках сумочку. Цзя Лянь провел рукой по поясу и сказал:

– Забыл сумочку с мускатными орехами. Если у тебя есть, дай пожевать.

– Есть, – ответила Эрцзе, – только не для угощения.

Цзя Лянь, смеясь, попробовал отнять у Эрцзе сумочку. Она бросила ее, опасаясь, как бы кто-нибудь не заметил, что он с ней заигрывает. Цзя Лянь на лету подхватил сумочку, высыпал орехи, сунул в рот, а что осталось, положил обратно, пытаясь собственноручно повесить сумочку на пояс Эрцзе, но тут девочка-служанка принесла чай,

Цзя Лянь взял чашку, а сам незаметно снял с себя «подвеску девяти драконов» из ханьской яшмы, завернул в платочек, и, как только служанка отвернулась, бросил Эрцзе. Та с невозмутимым видом продолжала пить чай.

Вдруг зашуршала дверная занавеска и в комнату вошли старуха Ю, Саньцзе и две девочки-служанки.

Цзя Лянь сделал знак Эрцзе, чтобы убрала платочек с подвеской, но та сидела как ни в чем не бывало. Ничего не понимая, Цзя Лянь заволновался, но раздумывать было некогда. Он поклонился старухе, поздоровался с Саньцзе, когда же обернулся, Эрцзе сидела на прежнем месте и широко улыбалась, а платочек исчез. У Цзя Ляня отлегло от сердца. Все сели и принялись болтать о том о сем.

– Старший брат Цзя Чжэнь велел мне взять у вас серебро, которое его супруга вам отдала на хранение, – обратился Цзя Лянь к старухе. – Срочно нужно платить долги.

Старуха тотчас велела Эрцзе принести серебро,

– Я также хотел справиться о вашем здоровье и повидаться с сестрицами, – продолжал Цзя Лянь. – Вы, я смотрю, чувствуете себя неплохо, сестриц у нас в доме не обижают,

– Что вы! – вскричала старуха Ю. – Ведь мы же свои! Не стану обманывать вас, второй господин: с тех пор как умер мой муж, дела наши пошатнулись. Спасибо, муж старшей дочери немного помогает, А мы, к

сожалению, ничем не можем быть ему полезны, разве что помогать по хозяйству,

Тем временем Эрцзе принесла серебро, отдала старухе Ю, а та передала Цзя Ляню.

Цзя Лянь велел позвать служанку и приказал:

– Отнеси это Юй Лу и скажи, чтобы подождал меня

Не успела служанка уйти, как со двора донесся голос Цзя Жуна а вскоре и сам он появился. Цзя Жун справился о здоровье бабушки и тетюшек и обратился к Цзя Ляню:

– Ваш батюшка хотел послать за вами в храм, чтобы дать какое-то поручение, но я сообщил ему, что вы здесь, и он ждет вас.

Цзя Лянь уже собрался идти, как вдруг услышал разговор Цзя Жуна с бабушкой:

– Помните, я рассказывал вам, что мой батюшка хочет выдать Эрцзе за человека, внешностью очень схожего с моим дядей? Что вы думаете на сей счет?

Он незаметно кивнул в сторону Цзя Ляня, после чего состроил рожу Эрцзе.

Эрцзе, застеснявшись, молчала, но, заметив, что Саньцзе усмехается, полушутя, полусерьезно сказала:

– Ах ты мартышка! погоди, вырву тебе язык!

Цзя Жун, смеясь, выбежал из комнаты. Цзя Лянь попрощался и проследовал в гостиную, где строго-настрого предупредил слуг, которые там собрались, чтобы не играли в азартные игры и не пили вина. Затем он тихонько попросил Цзя Жуна по возвращении домой поговорить с отцом о его деле, а Юй Лу дал еще денег, недостающих для уплаты долга. Покончив с делами, Цзя Лянь пошел справиться о здоровье Цзя Шэ и матушки Цзя, но подробно рассказывать об этом мы не будем.

Цзя Жун, увидев, что Юй Лу с Цзя Лянем ушли за деньгами, вернулся в дом, поболтал с молодыми тетюшками и отправился в обратный путь.

Добравшись вечером до кумирни, он пошел к отцу и доложил:

– Юй Лу отданы деньги сполна. Старая госпожа здорова и уже обходится без лекарств.

Он также передал просьбу Цзя Ляня просватать за него Эрцзе, но втайне от Фэнцзе.

– Жена ему сыновей не рождает, – сказал Цзя Жун, – и он хочет взять наложницу. Так пусть уж лучше возьмет Эрцзе, чем кого-то на стороне. Эрцзе по крайней мере он знает.

Цзя Чжэнь подумал, и вдруг лицо его озарилось улыбкой:

– Я не против, не знаю только, согласится ли Эрцзе. Съезди домой, попроси бабушку поговорить с ней!

Цзя Чжэнь дал Цзя Жуну несколько наставлений и отпустил, а сам отправился к госпоже Ю рассказать о своем разговоре с Цзя Жуном.

Госпожа Ю запротестовала было, сочтя подобное дело не совсем пристойным, но отговорить мужа ей не удалось. Цзя Чжэнь никогда ни с кем не считался и на ворчанье жены не обратил никакого внимания.

На следующее утро Цзя Жун снова отправился в город и рассказал старухе Ю о решении отца. От себя он добавил, что Цзя Лянь человек достойный, но вынужден взять наложницу, потому что Фэнцзе безнадежно больна. Цзя Лянь купит дом, они с Эрцзе там проживут некоторое время, а как только Фэнцзе умрет, Цзя Лянь сделает Эрцзе законной женой. Он не жалея красок расписал, какие блага посыплются на старуху Ю, если Цзя Лянь возьмет ее дочь в наложницы, ведь сам Цзя Чжэнь выступит сватом, мало того, они постараются выгодно выдать замуж Саньцзе... Цзя Лянь говорил до того убедительно, что старуха ничего не могла возразить. Тем более что она всецело зависела от Цзя Чжэня, а тот брал на себя все заботы по устройству Эрцзе и даже сам выступал в качестве свата. Что же до Цзя Ляня, то он происходил из семьи более знатной, чем семья Чжанов, в которую была просватана Эрцзе. Поэтому старуха тотчас же согласилась и поспешила к Эрцзе, чтобы ее уговорить.

Эрцзе не ладила с мужем своей старшей сестры, и ей совсем не хотелось идти замуж за Чжан Хуа. А тут в нее влюбился Цзя Лянь и сам Цзя Чжэнь вызвался быть сватом. Как же могла она отказать? Получив согласие дочери, старуха Ю поспешила к Цзя Жуну, а тот немедленно доложил отцу.

На следующий же день Цзя Чжэнь пригласил Цзя Ляня в кумирню и сообщил ему эту радостную весть. Цзя Лянь был безмерно счастлив и не знал, как благодарить. Уговорившись обо всем, они послали человека присмотреть дом, купить мебель и утварь, а также приданое для Эрцзе...

Через несколько дней все было готово. Дом купили из двадцати комнат, в переулке Сяохуачжи, в двух ли от дворцов Нинго и Жунго, взяли двух девочек-служанок. Двух служанок, конечно, недостаточно, но Цзя Лянь не решался взять слуг из дворца, чтобы никто ничего не заподозрил. Вдруг он вспомнил о Баоэре. С его женой Цзя Лянь когда-то завел шашни; узнала Фэнцзе, подняла скандал, и жена Баоэра, чтобы избежать позора, повесилась. Цзя Лянь дал Баоэру сто лянов серебра, и тот нашел другую. Это была Общая барышня, вдова пьяницы повара. Она, когда повар умер,

решила прибрать к рукам Баоэра и стала его женой. Все знали, что эта женщина находилась в связи и с Цзя Лянем. И теперь Цзя Лянь решил взять Баоэра и его жену в услужение. Само собой, они не могли ему отказать!

А теперь расскажем о Чжан Хуа. Предки его занимали по наследству должность управляющих императорскими поместьями. Последним занимал эту должность отец Чжан Хуа. Он был в дружеских отношениях с ныне покойным мужем старухи Ю, потому и сосватал Эрцзе за своего сына. Затем он попал под суд, разорился и стал нищим. До невестки ли ему было? Что же до старухи Ю, то она вышла замуж вторично и на протяжении десяти лет не имела никаких связей с семьей Чжанов. И вот, когда Чжана пригласили в дом Цзя и предложили отказаться от брачного договора, он не осмелился возражать, потому что боялся Цзя Ляня. Он согласился выполнить все требования, о чем и написал соответствующую бумагу. В награду старуха Ю дала ему двадцать лянов и дело было улажено.

В третий день месяца, счастливый для бракосочетания, Цзя Лянь ввел в дом новую жену.

О том, что произошло дальше, вы узнаете из следующей главы.

Глава шестьдесят пятая

Цзя Лянь тайком берет Ю Эрцзе;

Ю Саньцзе намеревается во что бы то ни стало выйти замуж за Лю Сяняня

Итак, речь сейчас пойдет о том, как Цзя Лянь, Цзя Чжэнь и Цзя Жун тайно уладили дело и во второй день месяца перевезли старуху Ю и Саньцзе в новый дом. Он был не так хорош, как расписывал Цзя Жун, однако старуха осталась довольна. Да и Саньцзе тоже.

Баоэр и его жена из кожи вон лезли, стараясь услужить новым хозяевам, величали старуху Ю не иначе как матушкой, почтенной госпожой, а Саньцзе – третьей тетушкой или госпожой тетушкой.

На следующее утро в паланкине пожаловала Эрцзе. Вино, угощение, постель – все было приготовлено заранее.

Вскоре прибыл Цзя Лянь – тоже в паланкине. Одет он был просто. Цзя Лянь совершил поклоны Небу и Земле и сжег бумажные фигурки животных.

За это время Эрцзе успела облачиться во все новое. Таких роскошных одежд она никогда не носила, и мать не могла ею налюбоваться. Старуха повела дочь под руку в брачные покои. О том, как прошла брачная ночь, мы, разумеется, умолчим.

Цзя Лянь день ото дня все сильнее любил Эрцзе, все большую испытывал радость от встреч с ней. Он всячески ублажал Эрцзе, как мог угождал ей! Слугам велел называть ее не иначе как госпожой, и сам называл ее так, желая подчеркнуть, что не ставит ниже законной жены.

Всякий раз, возвращаясь домой после длительной отлучки, Цзя Лянь говорил Фэнцзе, что задержался во дворце Нинго, и та верила, зная, что Цзя Лянь дружен с Цзя Чжэнем и тот часто советуется с ним по делам. Многочисленные домочадцы делали вид, будто ничего не замечают. Даже любители посплетничать молчали, желая выслужиться перед Цзя Лянем.

Сам Цзя Лянь был глубоко тронут добротой Цзя Чжэня.

На расходы старухе Ю и ее дочерям ежемесячно выдавали по пятнадцать лянов. Обычно мать и дочери ели вместе, но когда приезжал Цзя

Лянь, старуха Ю и Саньцзе оставляли его наедине с Эрцзе. Все свои сбережения, накопленные за несколько лет, Цзя Лянь отдал на хранение Эрцзе. Он рассказал ей, как нелегко ему живется с Фэнцзе, и пообещал, как только та умрет, сделать Эрцзе полновластной хозяйкой. В общем, все обитатели домика жили в довольстве и радости.

Незаметно пролетело два месяца. Цзя Чжэнь, совершив моления в кумирне Железного порога, возвратился домой и после долгой разлуки захотел первым делом навестить сестер своей жены. Прежде чем отправиться к ним, он послал мальчика-слугу разузнать, дома ли Цзя Лянь. Мальчик вернулся и доложил:

– Его дома нет!

Цзя Чжэнь обрадовался и под разными предлогами отпустил всех слуг, кроме двух мальчиков-конюхов, которым вполне доверял.

Едва настало время зажигать лампы, Цзя Чжэнь отправился в дом, где жила Эрцзе, оставил слуг дожидаться его снаружи, а сам потихоньку вошел.

В комнате он увидел старуху Ю и Саньцзе, Эрцзе вышла немного погодя. И тут лицо Цзя Чжэня озарилось улыбкой. Прихлебывая из чашки чай, он спросил ее:

– Ну что, хорошо я тебя сосватал? Ведь такого, как Цзя Лянь, днем с огнем не найти. Послезавтра с подарками и поздравлениями придет твоя старшая сестра.

Пока шел разговор, Эрцзе успела распорядиться, чтобы принесли закуски, вино и заперли дверь. Здесь были только свои, и никто не стеснялся, все чувствовали себя свободно.

Зашел Баоэр справиться о здоровье Цзя Чжэня, и тот обратился к нему с такими словами:

– Ты, как известно, человек честный и совестливый, не даром второй господин Цзя Лянь взял тебя в услужение. Ты можешь получить повышение, если, конечно, не будешь пить лишнего. Выполнишь как следует все мои поручения – награжу! Если что-нибудь вам здесь понадобится, а второго господина не окажется дома, приходи прямо ко мне! Мы с братом Цзя Лянем дружны, не то что другие.

– Я знаю, – поддакнул Баоэр. – Если не приложу всех усилий, пусть голову мне отрубят.

– Это хорошо, что ты все понимаешь, – улыбнулся Цзя Чжэнь.

Сели за стол. Эрцзе опасалась, как бы не появился Цзя Лянь, выпила две рюмки вина и ушла к себе.

Цзя Чжэнь поглядел вслед Эрцзе, но выйти из-за стола не решился,

пришлось ему остаться в компании старухи Ю и Саньцзе.

Надобно сказать, что Саньцзе хоть и заигрывала с Цзя Чжэнем, но была строга, не то что Эрцзе, поэтому Цзя Чжэнь вольностей себе не позволял. Вот и сейчас он вел себя пристойно, тем более что рядом сидела теща, а Цзя Чжэню меньше всего хотелось прослыть в ее глазах легкомысленным.

Мальчики-слуги между тем сидели в это время вместе с Баоэром на кухне, распивая вино. Общая барышня возилась у очага.

Вдруг на кухне появились две девочки-служанки и, хихикая, заявили, что тоже хотят выпить.

– Зачем вы пришли? – спросил Баоэр. – Ведь можете понадобиться господам!

– Дурень ты, дурень! – рассердилась жена. – Лакаешь вино и лакай себе. А налакаешься, лежи и помалкивай! Что тебе за дело – понадобятся, не понадобятся? Если что, я сама буду в ответе! На твою голову и капля не упадет!

Лишь благодаря жене Баоэра, прислуживавшей Эрцзе, Цзя Лянь и к нему относился благосклонно, хотя Баоэр только и знал что пить вино да играть в азартные игры. Он ничего не делал и во всем слушался жену. Вот и сейчас, допив вино, сразу лег спать.

Общая барышня тоже любила вино и часто пила со слугами, болтала с ними, шутила, смеялась, всячески задабривая, чтобы при случае они замолвили за нее словечко перед Цзя Чжэнем.

Вдруг раздался громкий стук в ворота. Жена Баоэра бросилась отворять и увидела Цзя Ляня, слезавшего с коня. На вопрос, не случилось ли чего, женщина тихонько сообщила:

– На западный двор пожаловал господин Цзя Чжэнь.

Цзя Лянь прошел прямо в спальню, увидел Эрцзе, а рядом двух девочек-служанок. При появлении Цзя Ляня на лице Эрцзе отразилось беспокойство.

Цзя Лянь как ни в чем не бывало приказал:

– Скорее подайте вина! Выпьем кубок-другой, чтобы лучше спалось, – я очень устал.

Эрцзе с улыбкой приняла халат, который он снял, поднесла ему чаю, стала расспрашивать о том о сем. Цзя Лянь едва владел собой, дрожа от страсти.

Вскоре Общая барышня принесла вино. Цзя Лянь и Эрцзе принялись пить, а девочки-служанки им прислуживали.

Тем временем Луньэр, один из слуг Цзя Ляня, когда привязывал коня, заметил неподалеку другого коня и догадался, что это конь Цзя Чжэня. Он пошел на кухню и там застал Сиэра и Шоуэра, распивавших вино. При появлении Луньэра они засмеялись:

– Ты очень кстати! Мы не могли догнать нашего господина, у него очень быстрая лошадь, и, чтобы не нарушать приказа, запрещающего ходить по ночам, решили заночевать здесь.

– А меня второй господин прислал сюда передать деньги, – с улыбкой отвечал Луньэр. – Поручение я уже выполнил, но возвращаться нынче не стану.

– Отдохнули бы немного, – предложила жена Баоэра, – поспали. Кан у нас свободен.

– Выпей с нами, – пригласил в свою очередь Си-эр. – Мы уже изрядно выпили.

Луньэр сел к столу, выпил вина, но тут вдруг услышал шум. Это лошади на конюшне не поладили у кормушки и перелягались.

Луньэр побежал на конюшню, утихомирил коней и вернулся.

– Идите спать, мальчики! – сказала жена Баоэра. – И я пойду.

Ее не отпускали, принялись целовать, хватать за грудь.

Сиэр выпил еще несколько чарок и, пока Луньэр с Шоуэром запирали дверь, растянулся на кане и захрапел. Они принялись его тормошить:

– Эй, братец, ну-ка подвинься! Думаешь, ты здесь один? Не маяться же нам всю ночь!

– Давайте печь лепешки на одной сковороде – только по справедливости, чтобы всем досталось! – пробормотал Сиэр.

Видя, что он совсем пьян и толку от него не добьешься, Луньэр и Шоуэр погасили лампу и легли.

Эрцзе между тем, услышав ржание, забеспокоилась и старалась болтовней отвлечь Цзя Ляня. Цзя Лянь же после нескольких кубков почувствовал, что в нем разыгралась «весенняя радость», приказал убрать со стола, запер дверь и стал раздеваться.

На Эрцзе была только ярко-красная кофточка, черные волосы растрепались, лицо дышало страстью, и от этого она казалась еще пленительнее.

Цзя Лянь привлек ее к себе и стал говорить:

– Все уверяют, будто моя Фэнцзе красавица, но ведь она недостойна даже снимать с тебя туфли!

– Что красота! Главное – положение, – возражала Эрцзе.

– Как ты можешь так говорить?! – воскликнул Цзя Лянь.

– Вы, видно, считаете меня дурочкой? – со слезами на глазах упрекнула его Эрцзе. – Уже два месяца я ваша жена и теперь знаю, что ума вам не занимать. Клянусь, что всю жизнь вам буду верна, а после смерти стану вашим духом-хранителем! Я ни в чем вас не обману, не утаю даже самую малость. Но что станет с моей сестрой? Ее положение сейчас неопределенно, так долго продолжаться не может, что-то надо придумать!

– Не беспокойся, – отвечал Цзя Лянь. – Твое прошлое мне известно, так что можешь все говорить откровенно. Об одном лишь прошу: будь осторожна с моим старшим братом Цзя Чжэнем. Вот если бы Саньцзе стала его наложницей, мы могли бы, как говорится, есть за одним столом и никто никому не мешал бы. Что ты на это скажешь?

– Ничего лучше и не придумаешь, – утирая слезы, произнесла Эрцзе, – вот только сестра моя слишком уж своенравна. К тому же неизвестно, не пострадает ли от этого доброе имя господина Цзя Чжэня!

– Все будет в порядке, – заверил ее Цзя Лянь. – Я сейчас же с нею поговорю!

И Цзя Лянь, в приподнятом настроении после выпитого вина, не раздумывая, отправился на западный двор. Еще издали он заметил мерцавшие в окнах огоньки ламп и свечей.

Цзя Лянь решительно приблизился к двери, толкнул ее ногой и прямо с порога громко произнес:

– Я узнал, что здесь старший брат Цзя Чжэнь, и пришел справиться о его здоровье.

Цзя Чжэнь испуганно вскочил, краска стыда залила лицо. Старуха Ю тоже смутилась.

– Ну что особенного?! – воскликнул Цзя Лянь. – Ведь мы не чужие! Я готов расшибиться в лепешку, чтобы отблагодарить старшего брата за доброту. Огорчить его было бы для меня настоящим несчастьем! Брат мой, ты можешь бывать здесь когда угодно, и если я мешаю тебе, ты никогда меня больше здесь не увидишь!

Он готов был встать на колени, но Цзя Чжэнь его удержал, вскочив с места.

– Как скажешь, брат, так и будет! – произнес он. – Твое желание для меня закон!

– Принесите вина! – приказал Цзя Лянь. – Мы выпьем со старшим братом!

И он, хихикая, обернулся к Саньцзе:

– Третья сестрица, почему бы тебе и старшему брату не выпить из

одного кубка? Я тоже с удовольствием выпью за ваше здоровье и пожелаю счастливой жизни!

Тут девушка вскочила и возмущенно произнесла:

– Хватит молоть чепуху! Мы с сестрой для тебя слишком грубая пища, смотри не подавись! А меня лучше не задевай! Думаешь, мы не знаем, что у вас в доме творится?! За несколько медяков вы с братом купили мою сестру! А теперь и меня собираетесь сделать своей игрушкой? Не выйдет! Смотри, достанется тебе от жены! Как говорится, в краденый барабан бить нельзя, вот ты и спрятал мою сестру, чтобы все шито-крыто было! А я возьму да и расскажу Фэнцзе! Посмотрим, что тогда будет! Так что этого разговора больше не затевай, не то я выколочу из вас с братцем ваши собачьи души, а потом и за жену твою возьмусь!.. А выпить с тобой я могу, если хочешь!

Она наполнила кубок, отпила половину и протянула кубок Цзя Ляню.

– С твоим старшим братом я пить не стану, а с тобой выпью за дружбу!

С Цзя Ляня весь хмель сошел от испуга, да и Цзя Чжэню стало не по себе – такого позора он просто не ожидал. Братья распутничали не первый день, но ни разу не получали отпора и так растерялись, что ответить ничего не могли.

– Позовите Эрцзе! – кричала разъяренная Саньцзе. – Мы не чужие: вы – братья, мы – сестры, будем пировать вместе!

Старуха Ю совсем растерялась. Цзя Чжэнь хотел улизнуть, но Саньцзе не отпускала. Он уже раскаивался в том, что так опрометчиво поступил, даже предположить не мог, чем это кончится.

Между тем Саньцзе сорвала с себя украшения, сбросила платье, распустила волосы и осталась в одной красной кофточке, очень тонкой и наполовину расстегнутой, открывавшей ее белоснежную грудь, ярко-зеленых штанах и изящных красных туфельках. Она то радовалась, то сердилась, то вставала с места, то садилась, ее жемчужные серьги раскачивались, словно качели, алые губы при свете лампы казались еще ярче, как киноварь... Глаза, чистые, как осенние воды Хуанхэ, после выпитого вина сверкали и искрились. Цзя Лянь и Цзя Чжэнь любовались ею, но не смели приблизиться. И уйти не могли, замороженные красотой девушки. Они не только перестали отпускать непристойные шутки, но вообще лишились дара речи.

Саньцзе же без умолку болтала, сыпала грубыми деревенскими словечками, хохотала.

Выпив в свое удовольствие и потешившись вволю над братьями, Саньцзе выгнала их и легла спать. С этого времени служанки, когда бывали

чем-нибудь недовольны, всячески поносили Цзя Чжэня, Цзя Ляня и Цзя Жуна за то, что они обманули вдову и сирот.

Цзя Чжэнь теперь приезжал сюда только по приглашению Саньцзе, выполнял все ее прихоти и чувствовал себя очень стесненно.

И вот что мы поведаем тебе, дорогой читатель, ты только послушай! Хитрая и скрытная от природы, Саньцзе была хороша собой, любила наряжаться и вела себя вызывающе. В этом она равных себе не знала. Все мужчины, даже отъявленные бессердечные волокиты, при виде ее теряли голову. Ее безудержная веселость и полное пренебрежение ко всем окружающим внушали робость. Цзя Чжэнь, прежде мечтавший об Эрцзе, все свои помыслы устремил теперь к Саньцзе. Но Саньцзе держала его на расстоянии, и дальше кокетства дело не шло.

На все упреки матери и сестры она лишь твердила:

– Глупа ты, сестра! Ведь мы с тобой все равно что золото и яшма, а разве можно драгоценности втаптывать в грязь? А тебе, мама, хорошо известно, что в семье у них есть злобная баба, и разве простит она нас, когда обо всем узнает?! Разразится скандал, и кто поручится, что мы останемся в живых? А вы вообразили, будто нашли спокойное местечко, где можно беспечно жить!

Старуха Ю поняла, что все уговоры бесполезны, и оставила дочь в покое.

Между тем Саньцзе становилась день ото дня капризнее: от серебра и жемчуга она теперь отказывалась – ей подавай золото и драгоценные камни; жареного гуся есть не желала – только жирную утку; не понравится еда – Саньцзе поднимает шум и опрокидывает стол. Платье не по вкусу – хватает ножницы и кромсает. Да еще бранится. Цзя Чжэнь тратил громадные деньги, но никак не мог ей угодить.

Цзя Лянь теперь бывал только в комнатах Эрцзе. Он уже начинал раскаиваться в своей затее. Эрцзе очень к нему привязалась, считала повелителем до конца дней своих и нежно о нем заботилась. Красотой, привлекательностью и манерами она не уступала Фэнцзе, не в пример ей была ласкова и покорна. Правда, сделав один неосторожный шаг, Эрцзе прослыла распутницей, и никакие достоинства не спасли ее от этого.

Цзя Лянь часто возмущался:

– Кто не совершает ошибок?! Главное, вовремя их исправить!

Он старался не думать о прошлом Эрцзе и наслаждался своим счастьем.

Цзя Лянь и Эрцзе были неразлучны, жили душа в душу и поклялись вместе умереть. О Фэнцзе и Пиньэр они само собой не думали.

Однажды в постели Эрцзе сказала Цзя Ляню:

– Вы поговорили бы со старшим господином Цзя Чжэнем, пусть просватает за кого-нибудь мою сестру. Нельзя же постоянно держать ее здесь.

– Я уже с ним говорил, не может он от нее отказаться, – ответил Цзя Лянь. – Я стал его убеждать: «Жирное мясо хоть и вкусное, но жарить его надо осторожно, не то жир забрызгает и обожжет. Роза хоть и красива, но шипы могут поранить руку. Не можешь сам завладеть девушкой, просватай ее за другого!» Но Цзя Чжэнь ничего не ответил, только рукой махнул. Может, посоветуешь, как быть?

– Не беспокойтесь, – отвечала Эрцзе. – Завтра же поговорю с сестрой, а потом пусть шумит сколько угодно. Поймет, что упрямство ее бесполезно, и выйдет за него замуж.

– Пожалуй, ты права, – согласился Цзя Лянь.

На следующий день Эрцзе распорядилась приготовить вино и закуски, Цзя Лянь остался у нее, и в полдень они пригласили Саньцзе и старуху Ю на угощение.

Саньцзе сразу поняла, в чем дело. Едва наполнили кубки, она, не дав сестре и рот раскрыть, стала плакать и причитать:

– Ты хочешь со мной серьезно поговорить, но я не дурочка, оставь меня лучше в покое! Уговоры не помогут, я сама знаю, что делать! Ты пристроена, мама тоже, а о себе я сама позабочусь. Замужество – не шутка, замуж выходят раз в жизни. Когда нам с мамой было трудно, я вынуждена была притворяться бесстыжей, чтобы ко мне не привязывались. На самом же деле я совсем не такая, и уж если говорить начистоту, выйду замуж лишь за того, кто сердцу мил. Не надо мне ни богатого, ни знатного!

– Это очень просто устроить, – успокоил ее Цзя Лянь. – Назови его имя, и мы просватаем тебя за него. Украшения, свадебные подарки и прочие заботы берем на себя, так что матушке твоей не о чем беспокоиться.

– Сестра знает, о ком речь, и не обязательно мне его называть, – ответила Саньцзе.

– Кто же это? – не отставал Цзя Лянь, и тут его осенило: наверняка Баоюй.

И, не дождавшись ответа Эрцзе, Цзя Лянь крикнул:

– Я знаю, кто он! У тебя вкус неплохой!

– Кто же? – с улыбкой спросила Эрцзе.

– Конечно, Баоюй! – рассмеялся Цзя Лянь. – Кто же еще?

Эрцзе и старуха Ю тоже так думали, но Саньцзе лишь огрызнулась:

– У нас в семье десять сестер, неужели все должны выходить замуж за

твоих братьев? Разве из всей Поднебесной только в вашей семье есть достойные мужчины?!

– Кто же тогда? Скажи! – в один голос спросили старуха Ю, Цзя Лянь и Эрцзе.

– Его нет здесь сейчас, – отвечала Саныцзе, – но пусть сестра вспомнит, что было пять лет назад.

Тут появился Синьэр и обратился к Цзя Ляню:

– Вас требует к себе батюшка! Я сказал, что вы уехали к старшему дядюшке, а сам поспешил сюда.

– Неужели меня дома хватились? – заволновался Цзя Лянь.

– Совершенно верно, – ответил Синьэр, – пришлось сказать второй госпоже, что старший господин Цзя Чжэнь пригласил вас к себе посоветоваться, как провести стодневный траур.

Цзя Лянь приказал подать коня и, в сопровождении Луньэра, отправился во дворец Жунго.

Эрцзе распорядилась принести закусок, поднесла Синьэру большой кубок вина и буквально засыпала его вопросами:

– Сколько лет вашей госпоже? Какой у нее характер? Она очень злая? Сколько лет старой госпоже? Сколько у вас в доме барышень?

Синьэр, хихикая, непринужденно рассказывал о событиях, которые за последнее время произошли во дворце Жунго.

– Я дежурю у вторых ворот еще с тремя слугами, – говорил он. – Мы сменяемся два раза в сутки – четверо дежурят, четверо отдыхают. Есть среди нас и доверенные слуги госпожи Фэнцзе. Их мы не смеем задевать. Зато госпожа Фэнцзе вертит слугами нашего господина как вздумается. Не знаю, как вам и рассказать, до чего коварна она и остра на язык. О господине Цзя Ляне такого не скажешь. Есть у госпожи доверенная служанка Пиньэр, всячески ей угождает, но сколько тайком делает людям добра! И всегда готова вступить за нас перед госпожой, если, случается, мы провинимся. Вряд ли в доме сыщется человек, который любил бы эту Фэнцзе. Все боятся ее, слова при ней не смеют сказать! Только старая госпожа и госпожа Ван души в ней не чают. Льстивыми речами она им голову заморочила. Ее слово – закон! Уж очень она сокрушается, что никак не накопит гору денег, чтобы старая госпожа и госпожа Ван видели, до чего рачительная она хозяйка. А прислуге от этого ее желания выслужиться перед старшими одни страдания! Сделает что-то хорошее, тотчас бежит к старой госпоже хвалиться. Ошибется – норовит вину на другого свалить. Свекровь и то говорит, что Фэнцзе, подобно воробью, летит туда, где можно пожить, и, словно крот, прячется в землю от неприятностей;

честью семьи она не дорожит, только о себе думает. Если бы не старая госпожа, давно бы эту Фэнцзе выгнали.

– Интересно, что ты станешь говорить за глаза обо мне, если Фэнцзе оговариваешь? – усмехнулась Эрцзе. – Ведь я по положению ниже ее!

Синьэр опустился на колени и воскликнул:

– Зачем вы так говорите, госпожа?! Пусть Небо меня покарает, если я вру! Будь у нас такая хозяйка, как вы, не пришлось бы бояться ни битья, ни ругани. Слуги хвалят вас за доброту. И если господин Цзя Лянь куда-нибудь уедет, мы все перейдем служить к вам.

– Ну и мошенник! – воскликнула Эрцзе. – Я просто пошутила, а ты струсил. Зачем явился? погоди, пойду к твоей госпоже и все расскажу!

– Не ходите, госпожа, не надо! – замахал руками Синьэр. – Она вам будет улыбаться, говорить сладкие слова, прикинется ягненком, а у самой одно на уме: как бы всех сожрать! Третья тетушка и та не смогла бы ее переговорить! А уж вы, госпожа, с вашей скромностью и подавно!

– Но если я не нарушу приличий и буду достойно себя вести, неужто она и тогда осмелится меня обидеть?

– Зачем бы я стал нести всякий вздор, – отвечал Синьэр. – Не пьян же я в самом деле! Вы можете ей во всем уступать, ни в чем не перечить, она все равно не простит, что вы красивее и вас все любят. Она поистине – бутылка уксуса; да что там бутылка – кувшин, целая бочка! Стоит господину ненароком бросить взгляд на какую-нибудь из служанок, Фэнцзе прямо при нем набрасывается на девушку и избивает до полусмерти. Барышня Пиньэр считается наложницей господина Цзя Ляня, но стоит Цзя Ляню хоть раз в году с ней побыть, как Фэнцзе обрушивает на нее весь свой гнев! Однажды Пиньэр не выдержала и расшумелась: «Разве по своей воле я стала его наложницей?! Вы заставили! Я не хотела! Но вы сказали, что я бунтую! А теперь меня обвиняете?» Фэнцзе нечего было возразить. Она даже просила прощения у барышни Пиньэр.

– А ты не врешь? – усомнилась Эрцзе. – Такая ведьма, и испугалась какой-то наложницы?

– Говорят, против справедливости не пойдешь, – сказал Синьэр. – Барышня Пиньэр еще в детстве была у нашей госпожи в услужении, а потом еще с двумя служанками переехала в дом ее мужа. Одна служанка умерла, вторая замуж вышла, осталась Пиньэр. Она приглянулась нашему господину, и он взял ее в наложницы. Ничего удивительного! Пиньэр умна и добродетельна, вот и сумела увлечь нашего господина. Барышня Пиньэр искренна, никогда не лицемерит и всей душой любит госпожу. За это Фэнцзе ее и терпит.

– Вот оно что! – воскликнула Эрцзе. – Я слышала, у вас там живут вдова и несколько барышень, как же они с этой Фэнцзе ладят?!

– Ах, госпожа! – вскричал Синъэр. – Наша старшая госпожа Ли Вань очень добра, никогда не вмешивается в чужие дела, только следит за барышнями, чтобы учились грамоте и вышиванию. Пока Фэнцзе болела, хозяйственными делами ведала госпожа Ли Вань. Все делала по старинке, спокойно, без шума. О старшей барышне говорить нечего – она живет при дворе. Вторую барышню у нас прозвали «второе бревно», и этим все сказано, а третью – «роза мэйгуй»: она румяна, красива, все ее любят, но не бывает розы без шипов, а шипы колются. Третья барышня, к сожалению, не родная дочь госпожи Ван, а, как говорится, «феникс в вороньем гнезде». Четвертая барышня еще слишком мала и никакими делами в доме не ведает. Она приходится сестрой господину Цзя Чжэню, а воспитывает ее госпожа Ван. Кроме барышень из семьи Цзя, у нее живут еще две барышни – таких редко встретишь в Поднебесной! Одна из них – дочь сестры нашего старшего господина, по фамилии Линь, другая приходится племянницей супруге нашего господина Цзя Чжэна и происходит из семьи Сюэ. Барышни эти и собой хороши, и науки постигли. Мы и дохнуть не смеем, встречаясь с ними в саду или еще где-нибудь.

– Порядки у вас, я знаю, строгие, детям слуг запрещено смотреть на барышень, – засмеялась Эрцзе. – Может, и дышать не дозволено?

– Не дозволено! – улыбнулся Синъэр. – Ведьдохнешь посильнее – барышня Линь повалится, а барышня Сюэ растает!^[171]

Все так и покатались со смеху.

Если вам интересно узнать, кого выбрала в мужа Саньцзе, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят шестая

Любящая девушка, оскорбленная в своих чувствах, уходит в мир иной;

бесчувственный юноша, обладающий холодным сердцем, вступает в секту Пустоты

Итак, все расхохотались, когда Синьэр заявил, что барышня Линь повалится, а барышня Сюэ растает, если посильнее дохнуть.

Жена Баоэра шутя шлепнула Синьэра и прикрикнула на него:

– В твоих словах, может, и есть доля правды, но как поверить, если ты всегда врешь?! Ты ничуть не похож на слугу господина Цзя Ляня, скорее на слугу господина Баоюя. Уж слишком болтлив!

Эрцзе хотела еще о чем-то спросить Синьэра, но Саныцзе ее опередила:

– Чем занимается ваш Баоюй? Ходит в школу, и все?

– Ох, и не спрашивайте, госпожа, – улыбнулся Синьэр, – если стану рассказывать, не поверите! Ведь совсем взрослый, а науками заниматься не хочет. Все в нашем доме прилежно учились, начиная от дедов и кончая вторым господином Цзя Лянем. За ними строго следили учителя. А Баоюй не желает учиться. И все же старая госпожа дорожит им, словно сокровищем. Прежде отец не давал ему спуска, бывало, наказывал, а теперь не вмешивается. Баоюй целыми днями бездельничает и озорничает, его поступки и рассуждения мало кому понятны. У него внешность обманчивая, все думают, будто он умный, а такого второго глупца не найдешь. Вечно молчит, слова от него не добьешься. Зато иероглифов знает много, хотя в школу не ходит. Ни гражданские, ни ратные дела его не интересуют, интересуют только девчонки. Станный он какой-то. Развеселится – со всеми без разбора играет – нет для него ни высших, ни низших, ни слуг, ни господ. А загрустит – никто ему не нужен. Мы совершенно его не боимся. Даже с места не двинемся, если он вдруг появится, он же слова не скажет, не упрекнет.

– Да на вас не угодишь! – улыбнулась Саныцзе. – Добрый хозяин – вы ни во что его не ставите, строгий – начинаете роптать.

– Мы-то думали, Баоюй человек достойный, а он всего лишь жалкое

создание! – вскричала Эрцзе.

– И ты веришь этой глупой болтовне, сестра? – промолвила Саньцзе. – Ты же его видела. В его манерах и речи в самом деле есть что-то девичье, потому что он с детства живет среди девушек. Но говорить, что он глуп!.. Такие, как Баоюй, не бывают глупыми! Помнишь, во время похорон, когда гроб окружили монахи, он встал перед нами и мы ничего не видели? Кто-то сказал, что он не знает приличий. А он ответил: «Сестры, не считайте меня невежей! Просто я хотел заслонить вас от этих грязных, вонючих монахов». И еще. Как-то он стал пить чай, ты тоже попросила чаю, но когда старуха хотела налить тебе в ту самую чашку, из которой пил Баоюй, он сказал: «Сначала вымойте чашку!» Вот как он относится к девочкам! Но чужому этого не понять.

– А ты, по-моему, его хорошо понимаешь! – засмеялась Эрцзе. – Вот и надо вас сосватать.

Саньцзе стеснялась Синьэра, поэтому промолчала и принялась щелкать тыквенные семечки.

– По красоте и манерам вы вполне достойная пара, но только у него уже есть суженая, – улыбнулся Синьэр. – Барышня Линь. Правда, здоровье у барышни слабое, да и летами она чересчур молода. Но года через два-три старая госпожа все решит.

В это время появился Луньэр и доложил:

– Второй господин Цзя Лянь через несколько дней собирается в округ Пинъань по поручению старшего господина Цзя Шэ и вернется недели через две. Поэтому сегодня он не сможет прийти и просит передать второй госпоже Эрцзе, чтобы решала дело, о котором они договаривались, по собственному усмотрению, а второй господин, может быть, заедет узнать, что да как.

И он удалился с поклоном. Вместе с ним ушел и Синьэр. Эрцзе приказала запереть ворота, а сама легла и почти всю ночь проговорила с сестрой.

Цзя Лянь появился на следующий день к вечеру.

– Зачем было приезжать, раз у вас такие важные дела? – попеняла ему Эрцзе. – Как бы неприятностей не случилось!

– Ничего особенного, – возразил Цзя Лянь. – Еду с обычным поручением. Через полмесяца вернусь.

– О нас не беспокойтесь, – сказала Эрцзе. – Сестра уже выбрала себе жениха, а поскольку она отличается завидным постоянством, придется нам сделать все, как она пожелает.

– Кто же ее избранник? – вскричал Цзя Лянь.

– Его нет сейчас здесь, – ответила Эрцзе. – В том-то и трудность! Она готова ждать год, два, десять – сколько угодно. А не приедет – сестра ни за кого не пойдет замуж: обреет голову и станет монахиней.

– Кто же он? – не унимался Цзя Лянь. – Счастливец, сумевший тронуть ее сердце?

– Об этом долго рассказывать, – ответила Эрцзе. – Лет пять назад мы ездили к бабушке на день рождения. Среди гостей были актеры – молодые люди из хороших семей. Среди них оказался некий Лю Сянлянь, исполнитель ролей положительных героев. Вот он и есть ее избранник. В прошлом году из-за неприятностей он вынужден был отсюда бежать. Где он сейчас, не знаю.

– Любопытно! – воскликнул Цзя Лянь. – Я-то думаю – кто бы это мог быть! А это, оказывается, он! Да, у твоей сестренки губа не дура! Спорить не буду, Лю Сянлянь красив, только сердца у него нет и чувства долга. В прошлом году он избил глупца Сюэ Паня и встречаться с нами ему теперь неудобно. Прошел слух, будто он уже здесь. Хочешь, расспрошу слуг Баоюя... А так разве узнаешь, где он? Постоянного местожительства у Сянляня нет. Так стоит ли затягивать столь важное дело?

– Моя сестра от своего не отступится, – возразила Эрцзе. – Поэтому лучше ей не перечить!

Вошла Саньцзе и обратилась к Цзя Ляню:

– Дорогой зять, ты, видно, не знаешь, что у нас слово не расходится с делом. Раз я выбрала Лю Сянляня, значит, за него и выйду. С нынешнего дня буду соблюдать пост и молить Будду, чтобы он приехал. А не приедет совсем – подамся в монахини.

Она вытащила из прически яшмовую шпильку.

– Если я хоть самую малость вру, пусть со мной будет то же, что с этой шпилькой.

Она разломала шпильку, повернулась и ушла. Отныне Саньцзе ни поступком, ни словом не нарушала данный ею обет.

Цзя Ляню ничего не оставалось, как уступить. По дороге домой он разыскал Бэймина и справился, не приехал ли Лю Сянлянь.

– Точно не знаю, – ответил Бэймин, – но полагаю, что не приехал.

Соседи Сянляня сказали Цзя Ляню, что дома его не видели, и Цзя Лянь поспешил об этом сообщить Эрцзе.

Близился день отъезда. За два дня до намеченного срока Цзя Лянь объявил, что уезжает, а сам отправился к Эрцзе. Они прекрасно провели время, после чего Цзя Лянь незаметно выбрался из города и отправился в путь.

Он не очень торопился, на ночь останавливался в гостиницах, ел и пил в свое удовольствие.

На третий день ему повстречался караван вьючных лошадей. За караваном верхами ехали хозяева и слуги.

Приблизившись, Цзя Лянь увидел, как бы вы думали кого? Сюэ Паня и Лю Сянляня. Они поговорили, обменялись новостями и втроем отправились в харчевню.

Цзя Лянь сказал Сюэ Паню:

– После прошлогодней ссоры мы хотели пригласить вас обоих и помирить, но брат Сянлянь вдруг исчез. Как случилось, что вы снова вместе?

– Поистине странные дела творятся в Поднебесной! – засмеялся Сюэ Пань. – Мы с моим приказчиком продали товары и весной отправились в обратный путь. Но недалеко от Пинъаня на нас напали грабители. Тут неожиданно появился брат Сянлянь и спас нас. От вознаграждения он отказался, тогда мы поклялись быть братьями до смерти и сейчас вместе возвращаемся в столицу. Правда, вскоре нам предстоит разлука – в двухстах ли отсюда живет тетка Сянляня, которую он хочет навестить. А я еду прямо в столицу, постараюсь подыскать ему там невесту, купить дом и к его возвращению все как следует устроить.

– Вот оно что! – воскликнул Цзя Лянь. – Это замечательно! Напрасно мы беспокоились! – Он засмеялся, а затем, как бы между прочим, добавил: – Кстати, у меня есть для него прекрасная невеста!

Цзя Лянь рассказал, как взял в наложницы Эрцзе, а теперь хочет выдать замуж ее сестру.

– Только дома не говори, что я взял наложницу, – предупредил он Сюэ Паня. – Родится у Эрцзе сын, тогда все и узнают.

– Ты правильно поступил! – сказал Сюэ Пань. – Фэнцзе сама во всем виновата!

– Опять забываешься! – прикрикнул на него Лю Сянлянь. – Замолчи!

Сюэ Пань прикусил язык, а потом снова не выдержал:

– Все равно я тебя сосватаю!

– Ладно, только красивую выбери, – сказал Сянлянь. – Раз за дело взялись мои братья, возражать я не смею.

– Пока говорить ничего не буду, – промолвил Цзя Лянь. – Пусть брат Сянлянь сам посмотрит. Таких красавиц еще не было в Поднебесной.

– Только подождите, пока я навещу тетушку! – воскликнул обрадованный Лю Сянлянь. – Не пройдет и месяца, как я вернусь в столицу, и тогда окончательно уговоримся!

– На слово не поверю! – возразил Цзя Лянь. – Лю Сянлянь сегодня здесь, завтра там. Если нарушит обещание, где его искать?! Пусть в качестве залога оставит подарок.

– Благородный человек не нарушит слова! – возмутился Лю Сянлянь. – Я беден, нахожусь в пути, откуда у меня подарки?

– Могу выручить, – предложил Сюэ Пань. – Дам тебе кое-что.

– Мне не нужно ни золота, ни серебра, ни жемчугов, ни драгоценных камней, – сказал Цзя Лянь. – Какую-нибудь твою вещь, в доказательство того, что сватовство состоялось.

– Ничего такого у меня нет, – ответил Сянлянь. – Разве что «меч утки и селезня». Семейная реликвия, которая передается у нас в семье из поколения в поколение. Я ни разу им не воспользовался, не посмел, но постоянно вожу с собой, так что возьмите его, пожалуйста, брат. Я переменчив, как вода в реке или цветок в саду, но с этим мечом не в силах был расстаться!

Все выпили по несколько кубков вина, сели на коней, и каждый поехал своим путем.

Цзя Лянь добрался до округа Пинъань, быстро покончил со служебными делами у генерал-губернатора и на следующий день тронулся в обратный путь. Вернувшись, он первым делом отправился к Эрцзе.

Эрцзе после отъезда Цзя Ляня усердно занималась хозяйством. Ворота были на запоре, и она не знала, что происходит вне дома. Саньцзе прислуживала матери за столом, а остальное время проводила с сестрой, занимаясь вышиванием.

Несколько раз приезжал Цзя Чжэнь, но Эрцзе под всякими предлогами избегала встречи с ним, а к Саньцзе он больше не решался приставать, потому что успел достаточно хорошо изучить ее нрав.

Так что у Цзя Ляня не было ни малейшего повода для упреков и подозрений, и он мог лишь восхищаться добродетелями Эрцзе.

Цзя Лянь рассказал, как дорогой повстречал Лю Сянляня, и в подтверждение своих слов передал Саньцзе «меч утки и селезня».

На ножнах, украшенных жемчугами и драгоценными камнями, был изображен дракон с разинутой пастью. Саньцзе вытащила меч из ножен и внимательно осмотрела: обоюдоострый клинок, на одной стороне выгравирован иероглиф «селезень», на другой – «утка». Меч сверкал и переливался всеми цветами радуги, как студеная вода осенью.

Радость Саньцзе не имела предела; она повесила меч над кроватью и не переставала им любоваться, счастливая от мысли, что наконец-то обретет мужа, который будет ей на всю жизнь надежной опорой.

Прожив у Эрцзе два дня, Цзя Лянь отправился с докладом к отцу, а также повидаться с домашними.

Фэнцзе к этому времени почти совсем поправилась, уже выходила из дому и снова принялась за хозяйственные дела.

Цзя Лянь рассказал Цзя Чжэню, как сосватал Саньцзе за Сянляня, но Цзя Чжэнь, сердясь на сестер за то, что его не жалуют, лишь отмахнулся, предоставив Цзя Ляню поступать по своему усмотрению. Однако дал ему несколько десятков лянов серебра, которые Цзя Лянь вручил Эрцзе на приданое для сестры.

Лю Сянлянь приехал в столицу лишь в восьмом месяце. Первым делом он отправился поклониться тетушке Сюэ и повидаться с Сюэ Панем. Здесь он узнал, что Сюэ Пань, не привыкший к тяготам пути, заболел. Сказалась и перемена климата. Поэтому принимал Сюэ Пань гостя у себя в спальне.

Тетушка Сюэ, тронутая благородством Лю Сянляня, спасшего ее сына, не только ни словом не обмолвилась о прошлой ссоре, но не знала, как благодарить молодого человека. Они договорились об устройстве свадьбы и стали ждать счастливого дня.

Нечего и говорить, что Лю Сянлянь в свою очередь проникся глубокой признательностью к своим друзьям за их заботы.

На следующее утро он отправился проведать Баоюя. Оба обрадовались встрече, как рыбы, пущенные в воду. Лю Сянлянь осторожно осведомился, как ухитрился Цзя Лянь взять себе вторую наложницу.

— Об этом деле я только краем уха слышал, — ответил Баоюй. — Но вмешиваться не стал, чтобы не нажить неприятностей. Кстати, Цзя Лянь расспрашивал о тебе, не знаю зачем.

Лю Сянлянь рассказал ему о встрече с Цзя Лянем в пути и об их разговоре.

— Ты просто счастливее! — вскричал Баоюй. — Такой красавицы не было с древности и до наших времен! Достойная тебе пара.

— Почему же она до сих пор не замужем? — удивился Лю Сянлянь. — И как могла в меня влюбиться? Ведь я почти ее не знаю. Во время сговора мне показалось странным, что невеста так заинтересована в женихе! Я даже стал раскаиваться, что оставил Цзя Ляню свой меч в качестве доказательства.

— Ты такой осторожный! Зачем же дал согласие на брак, а теперь сомневаешься? — спросил Баоюй. — Говорил же, что женишься только на красавице. Тебе и досталась красавица, к чему же сомнения?!

— Ведь ты ее не знаешь, а говоришь, что красавица? — удивился Сянлянь.

– Как же мне ее не знать, если в течение целого месяца я чуть ли не каждый день встречался с нею? – возразил Баоюй. – Она поистине прекрасна!.. Недаром носит фамилию Ю!^[172] Это одна из сестер, которых недавно привезла сюда мачеха супруги господина Цзя Чжэня.

– Вот это уж совсем никуда не годится! – Сянлянь даже ногой топнул с досады. – Нет, я не согласен! У вас во дворце непорочны только каменные львы у ворот!

Баоюй покраснел. Сянлянь понял, что сказал лишнее, и отвесил поклон:

– Прости, я погорячился! Но все же Расскажи, каково ее поведение!

– Зачем спрашивать, если сам все знаешь, – с улыбкой ответил Баоюй. – Я и то не безгрешен...

– Я тебя обидел, – виновато улыбнулся Лю Сянлянь, – не сердись!

– Стоит ли вспоминать? – улыбнулся Баоюй. – Я понимаю, это ты сгоряча.

Попрощавшись с Баоюем, Сянлянь хотел было пойти посоветоваться с Сюэ Панем, но, подумав, что тот вспыльчив, отправился прямо к Цзя Ляню, чтобы расторгнуть договор, пока не поздно. Цзя Лянь как раз был у Эрцзе и очень обрадовался его приходу, вышел навстречу, пригласил во внутренний зал и представил старухе Ю. Кланаясь старухе, Лю Сянлянь называл ее почтенной тетушкой, а себя – младшим, к немалому удивлению Цзя Ляня.

Во время чаепития Лю Сянлянь вдруг сказал:

– Мы поспешили со сговором. Тетушка, как оказалось, еще в четвертом месяце меня сосватала, и отказаться значило бы нарушить свой долг по отношению к старшим. Ни золото, ни деньги я не посмел бы просить обратно, но меч достался мне в наследство от деда, и я хотел бы его вернуть.

Цзя Ляню стало неловко, и он сказал:

– Ты не прав, второй брат! Сговор есть сговор! Я и взял у тебя меч в качестве доказательства, что ты не нарушишь данного обещания. Поэтому, хочешь ты или не хочешь, не имеет значения! Нет! Так не пойдет!

– В таком случае я готов понести самое строгое наказание, – вскричал Лю Сянлянь, – но решения своего не изменю!

Цзя Лянь хотел что-то сказать, но Лю Сянлянь поднялся:

– Если вам угодно, брат мой, поговорим наедине. Здесь неудобно.

Саньцзе слышала весь разговор. Она так ждала Лю Сянляня, а он ее отверг. Не иначе как кто-то ее оклеветал, возвел на нее напраслину. Саньцзе бросилась в спальню, сняла со стены меч и вышла к мужчинам.

– Не надо вам уходить! – сказала девушка. – Вот он, ваш меч!

Из глаз ее полились слезы. Она протянула меч Лю Сянлянню, свободной рукой ухватила за лезвие и с силой вонзила его себе в горло. Поистине:

Смят персика цветок, растерзан, —
И красной стала вся земля.
Гора нефритовая пала,
Восстать ей вновь не суждено!

Все бросились к бедняжке, но, увы, поздно. Старуха Ю, обезумев от горя, всячески поносила и кляла виновника несчастья. Возмущенный Цзя Лянь кликнул слуг, приказал связать Лю Сянлянню и препроводить в ямынь. Но Эрцзе сказала:

— Никто ее не принуждал. Она сама лишила себя жизни по собственному желанию. Так что пользы теперь отправлять человека в ямынь? Только неприятности наживать!

Цзя Лянь поколебался с минуту и велел Лю Сянлянню поскорее убраться вон. Но тот не спешил уходить, вытер слезы и произнес:

— Такая смелость поистине достойна восхищения! Ничего подобного я и представить себе не мог. Не суждена мне, ничтожному, такая жена!

Рыдая, он позвал слуг, велел им купить самый дорогой гроб и ждал, пока покойную, обрядив, положат в него. После этого он попрощался и вышел. Миновал ворота и побрел куда глаза глядят, не переставая думать о Саньцзе:

«Какая красивая, какая незаурядная девушка! Сколько стойкости и решимости!»

Он шел, терзаемый раскаянием, как вдруг ему почудился звон женских украшений. Саньцзе с мечом в одной руке и свитком в другой приблизилась к нему.

— Уже пять лет, как я, безумная, люблю вас, — проговорила Саньцзе. — Но вы оказались столь бесчувственным! И пришлось мне поплатиться жизнью за свою любовь! Нынче бессмертная Цзинхуань мне повелела отправиться в область Небесных грез и предстать перед ней. Но, прежде чем расстаться навеки, я решила явиться вам на мгновение.

Из глаз ее полились слезы, омочив одежды Лю Сянлянню. Лю Сянлянню протянул к ней руки, пытаясь удержать, но девушка отстранила его и медленно удалилась.

Сянлянню вскрикнул и очнулся. Он не мог понять, сон это или явь.

Протер глаза и увидел храм, а на его ступенях – грязного даоса – он ловил вшей на одежде.

– Что это за место, учитель? – почтительно кланяясь, спросил Лю Сянлянь.

– Название этого места мне неизвестно, – смеясь, отвечал даос, – я здесь случайно, остановился передохнуть.

На Лю Сянляня вдруг повеяло ледяным холодом; он выхватил меч и, взмахнув им, словно обрубил десять тысяч нитей, связывающих его с суетным миром, после чего опустил голову и покорно последовал за даосом.

Если хотите узнать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят седьмая

Глядя на подарки, Дайюй вспоминает родные края;

раскрыв тайну, Фэнцзе с пристрастием допрашивает слугу

Итак, Саньцзе лишила себя жизни. Нечего и говорить о том, как горевали старуха Ю, Эрцзе, Цзя Чжэнь и Цзя Лянь.

Лю Сянлянь был потрясен до глубины души. Только теперь он испытал всю силу любви к Саньцзе и будто умом тронулся. Однако даос несколькими холодными словами погасил его страсть. Лю Сянлянь обрил голову и следом за безумным монахом отправился странствовать по свету. Но об этом мы рассказывать не будем.

Тетушка Сюэ была занята приготовлениями к свадьбе Лю Сянляня, покупкой дома и необходимой утвари, выбором счастливого дня для переезда невесты в дом жениха. Хоть этим хотела она отблагодарить Лю Сянляня за спасение сына.

Вдруг прибежал мальчик-слуга с криком:

– Ю Саньцзе покончила с собой!

Девочки-служанки помчались к тетушке Сюэ. Та, не зная причины, принялась охать да вздыхать, теряясь в догадках. Пришла из сада Баочай.

– Дитя мое, какое горе! – воскликнула тетушка Сюэ. – Ведь третья барышня была помолвлена с Сянлянem и вдруг покончила с собой. С чего бы это? А сам Сянлянь исчез. Уму непостижимо!

Баочай не приняла близко к сердцу эту печальную новость, только сказала:

– Недаром говорит пословица: «Утром ясно, вечером пасмурно, утром счастье, вечером – горе». Так уж, видно, было им суждено в прежней жизни! Жаль, конечно, что не пришлось вам отблагодарить Сянляня. Невеста умерла, жених исчез, и теперь остается лишь предать дело забвению. Скоро двадцать дней, как старший брат вернулся из Цзяннани, надо подумать, как распродать привезенные им товары. И приказчиков отблагодарить. Несколько месяцев кряду они, не жалея сил, помогали брату. Неплохо бы устроить для них угощение. Не то нас обвинят в

неблагодарности.

Пришел Сюэ Пань. Лицо его было мокро от слез.

– Мама, ты слышала про Саньцзе и Сянляня? – вскричал он, всплеснув руками.

– Только сейчас узнала, – ответила тетушка Сюэ, – мы с Баочай как раз говорим об этом.

– А что Сянлянь ушел с каким-то монахом, ты тоже знаешь? – спросил он.

– Это совсем уже странно! – промолвила тетушка Сюэ. – Я считала господина Сянляня человеком разумным. Как же мог совершить он подобную глупость?! Вы с ним все же друзья, родных у него здесь нет, и твой долг его разыскать. Где-нибудь они с монахом в ближайшем храме или кумирне, уйти далеко не могли.

– Напрасно вы так думаете! – усмехнулся Сюэ Пань. – Едва узнав об исчезновении Сянляня, я вместе со слугами бросился на поиски, но его и след простыл. Кого только я ни спрашивал, никто его не видел.

– Как знать, быть может, Сянлянь нашел надежное пристанище. Главное, что свой долг ты выполнил, искал где только можно, а теперь пора заняться торговлей и подумать о собственной женитьбе. Ведь у нас в семье нет главы, обо всем надо самим заботиться, каждую мелочь предусмотреть. Вот и сестра говорит, что вернулся ты давно, а товары так и лежат непроданными. И приказчиков мы до сих пор не отблагодарили, а они проехали с тобой добрых две-три тысячи ли, сил не щадили, а сколько тягот и опасностей испытали!

– Ты права, мама, – согласился Сюэ Пань. – Сестрица очень предусмотрительна! Но у меня самого голова пухнет от дел. Последние дни как раз рассылал товары по лавкам. А тут еще эта история с Лю Сянлянем! Давайте сейчас же выберем день и разошлем приказчикам приглашения.

– Делай как знаешь, – сказала тетушка Сюэ.

Не успела она это произнести, как появился мальчик-слуга и доложил:

– Старший управляющий господин Чжан прислал два сундука с вещами и велел передать: в сундуках личные вещи господина, в список товаров не включены. Сундуки стояли за множеством тюков, и вытащить их было невозможно, пока не разгрузили весь товар. А разгрузили только накануне. Потому и запоздали с присылкой сундуков.

В это время слуги втащили в комнату сундуки из пальмового дерева.

– А-а-а! – вскричал Сюэ Пань. – Как же я забыл! Ведь тут подарки для тебя, мама, и для сестрицы! Спасибо, что приказчик их прислал! Сам бы я ни за что не вспомнил.

– Благодарю тебя, – насмешливо произнесла Баочай. – Хорошо, что ты упаковал наши подарки отдельно, не то пришлось бы ждать конца года! Теперь я вижу, как ты внимателен!

– Не иначе как в пути у меня вытряхнуло память! – отшутился Сюэ Пань. – До сих пор не могу в себя прийти!

Все рассмеялись, а Сюэ Пань приказал девочке-служанке:

– Скажи слугам, чтобы оставили вещи в комнате.

– Что же там, в этих сундуках, так тщательно упакованных и перевязанных? – поинтересовалась тетушка Сюэ.

Сюэ Пань приказал слугам открыть один сундук. Чего там только не было! И шелка, и атлас, и сатин, и парча, всякие заморские вещицы для обихода.

– Во втором сундуке – все для сестренки, – сказал Сюэ Пань и открыл крышку.

Заглянув внутрь, женщины увидели кисти, тушь, писчую бумагу, мешочки для благовоний, четки, веера, подвески для вееров, пудру, помаду. Были там самодвижущиеся человечки, застольные игры, наполненные ртутью фигурки – положишь такую фигурку, а она поднимается; фонарики, кукольный театр в ящике, обтянутом черным шелком, и небольшая глиняная статуэтка – изображение Сюэ Паня. Сходство было так велико, что Баочай от восторга утратила интерес ко всему остальному. Держа статуэтку в руке, она смотрела то на нее, то на брата и хохотала.

Затем Баочай велела служанкам отнести сундук с ее подарками в сад. Роскошных зрелищ, поболтала с матерью и братом и тоже вернулась в сад.

Тетушка Сюэ вынула из второго сундука все содержимое, разобрала, аккуратно разложила, позвала Тунси и велела ей отнести кое-что матушке Цзя, госпоже Ван и остальным. Но рассказывать об этом мы не будем, а вернемся к Баочай.

Придя в сад, она разобрала сундук, часть вещей оставила себе, а остальное решила подарить сестрам. Кому тушь, кисти и бумагу, кому – мешочки для благовоний и веера с подвесками, кому – помаду, пудру и масло для волос или разные безделушки. Больше всех подарков досталось Дайюй. Их разносила Инъэр, а помогала ей одна из старух, бывших в услужении.

От сестер одна за другой приходили служанки и говорили:

– Наши барышни очень довольны подарками и непременно придут вас лично благодарить.

Что же до Дайюй, то она загрустила, все вещи были привезены с ее родины, и девочка вспомнила, что она сирота и ей приходится жить у

родственников.

Цзыцзюань сразу все поняла. Она научилась читать в душе Дайюй и принялась ее уговаривать:

– Здоровье у вас слабое, барышня, только на лекарствах и держитесь. После болезни еще не окрепли. Вам бы радоваться подаркам, а вы огорчаетесь! Узнает барышня Баочай – расстроится. Ведь она любит вас! И наши господа тоже. Они все делают, чтобы вы поправились, приглашают самых лучших врачей! А вы плачете и плачете, здоровье губите! Давно ли вам полегчало? И старую госпожу заставляете волноваться! А болеете вы оттого, что постоянно тревожитесь, покоя себе не даете.

В это время со двора донесся голос служанки:

– Пожаловал второй господин Баоюй.

– Пусть войдет! – крикнула Цзыцзюань, но Баоюй уже стоял в дверях.

Дайюй пригласила Баоюя сесть, а он, заметив слезы на ее лице, спросил:

– Что с тобой, сестрица?

– Ничего, – улыбнулась Дайюй.

Цзыцзюань, вытянув трубочкой губы, незаметно кивнула на столик возле кровати, где лежали подарки.

– О! Сколько у тебя всякой всячины! – вскричал Баоюй, глянув на столик. – Уж не собираешься ли ты открыть лавку?

Дайюй промолчала.

– Лучше бы не спрашивали, – рассмеялась Цзыцзюань. – Это подарки барышни Баочай, а моя барышня как их увидела, так и расстроилась.

Баоюй и сам обо всем догадался, но как ни в чем не бывало с улыбкой сказал:

– А я думаю, твоя барышня расстроилась потому, что ей мало подарков прислали... Успокойся, сестрица! На будущий год мои люди поедут в Цзяннань и привезут тебе целых два корабля подарков, чтобы ты не плакала.

Дайюй понимала, что Баоюй искренне желает ее утешить, и не стала сердиться, только сказала:

– Может быть, я и глупа, но не настолько, чтобы расстраиваться из-за каких-то подарков. Я не ребенок... Откуда тебе знать, почему я грущу?!

Из глаз ее хлынули слезы.

Баоюй сел рядом с Дайюй и, беря со столика вещицу за вещицей, не переставал восхищаться, стараясь отвлечь Дайюй от печальных мыслей:

– Великолепная безделушка! Как называется? Какая тонкая работа! – И добавлял: – Пусть стоят на виду. А эту можно поставить на столик, она куда

изящнее некоторых старинных безделушек.

Дайюй улыбнулась:

– Хватит болтать, пойдем лучше к сестре Баочай!

– Да, да, – обрадовался Баоюй, понимая, что Дайюй необходимо немного рассеяться. – Надо поблагодарить сестру за внимание.

– Церемонии между сестрами ни к чему, – возразила Дайюй. – Просто интересно послушать, что расскажет Сюэ Пань о прославленных исторических местах на юге, которые посетил. Для меня это все равно что побывать на родине!

Глаза ее опять покраснели. Но Баоюй уже поднялся с места, и Дайюй ничего не оставалось, как отправиться вместе с ним.

Тем временем Сюэ Пань разослал приказчикам приглашения, и на следующий день они явились на пиршество. Прежде чем сесть за стол, поговорили о торговых делах, Сюэ Пань наполнил всем кубки, тетушка Сюэ поздравила со счастливым возвращением из дальних краев.

– За столом не хватает двух добрых друзей, – заметил один из приказчиков. Все удивились:

– Кого же?

– Как кого? Господ Цзя Ляня и Лю Сянляня, названного младшего брата нашего господина.

Тут все обратились к Сюэ Паню:

– Почему бы их и в самом деле не пригласить?

Сюэ Пань нахмурился:

– Второй господин Цзя Лянь два дня назад уехал в округ Пинъань. А с Лю Сянлянем случилось такое, чего еще и не бывало в Поднебесной! Где он сейчас – неизвестно, в одном я уверен: величают его «праведник Лю».

– Вот это новость! – вскричали гости, после чего Сюэ Пань поведал историю Лю Сянляня во всех подробностях, чем немало удивил собравшихся.

– Вот оно что! Неспроста, выходит, говорят: «Приходил монах и увел кого-то с собой». Другие шепчут: «Словно ветром сдуло...» А нам невдомек, о ком речь. Можно бы разузнать, но времени не было. Да и кто мог поручиться, что это – не болтовня? Знали бы, что да как, отговорили бы Лю Сянляня от этой затеи.

– Глупости все это! – возмутился один из приказчиков.

– Глупости? – удивились гости.

– Господин Лю Сянлянь человек умный, с какой стати согласится он идти за каким-то монахом? Он сильный, прекрасно владеет оружием, мог и прикончить монаха, дабы не смущал его своим колдовством.

– Очень даже возможно! – согласился Сюэ Пань. – Неужто никто не способен одолеть колдуна?

– А вы не искали названного брата? – спросили у Сюэ Паня.

– Искал, и в городе и за городом, – со вздохом отвечал он. – Но поиски оказались тщетными!

Он сидел грустный и молчаливый. Задерживаться было неловко. Гости выпили еще по несколько кубков вина, закусили и стали расходиться.

Между тем Баоюй и Дайюй пришли к Баочай.

– Сестра, – сказал Баоюй, – скольких трудов стоило твоему старшему брату привезти эти подарки, а ты раздаешь их...

– Ничего особенного он не привез, – перебила его Баочай. – Но все привезенное из других краев всегда в диковинку.

– В детстве подобные безделушки не привлекали моего внимания, – заметила Дайюй, – но сейчас я на них посмотрела совсем другими глазами.

– Ничего удивительного! – промолвила Баочай. – Знаешь пословицу: «На чужбине дорога всякая мелочь, привезенная с родины»?

– Если и в будущем году твой старший брат поедет туда, пусть привезет побольше разных вещичек! – попросил Баоюй.

– Ты для себя проси, – в упор поглядев на него, крикнула Дайюй, – а о других не заботься. Я думала, он хочет тебя благодарить, сестра, – обратилась она к Баочай, – а он, оказывается, пришел заказывать для меня подарки!

Она произнесла это таким тоном, что Баочай и Баоюй невольно рассмеялись.

Беседа приняла непринужденный характер. Незаметно разговор перешел на болезнь Дайюй, и Баочай стала давать ей советы:

– Когда почувствуешь себя плохо, сестрица, прогуляйся немного, это полезнее, чем сидеть в доме. Помнишь, недавно у меня от слабости даже жар начался и я пролежала два дня? Погода нынче нездоровая, и, чтобы не заболеть, надо побольше двигаться!

– Кто же против этого возражает, сестра? – сказала Дайюй.

Они посидели еще немного и разошлись. Баоюй проводил Дайюй до павильона Реки Сяосян и вернулся к себе.

Когда Цзя Хуань получил подарки от Баочай, наложница Чжао очень обрадовалась.

«Недаром Баочай считают доброй, щедрой и обходительной, – подумала она. – Сколько же, интересно, вещей привез ее брат? Ведь она всех одарила! Даже нас, несчастных. Неизвестно только, кому больше

перепало, кому меньше. А эта девчонка Дайюй не только не подарит нам ничего, но и в сторону нашу не глянет!»

Она принялась разглядывать подарки и вдруг подумала о том, что Баочай доводится родственницей госпоже Ван. Неплохо бы пойти к госпоже Ван, похвалить ее племянницу за доброту, а заодно очернить других, ужалить, подобно скорпиону. Она собрала подарки, побежала к госпоже Ван и сказала:

– Взгляните! Это подарки барышни Баочай моему Цзя Хуаню! Я так ей благодарна! Она молода, но внимательна и заботлива, как и полагается девушке из знатной семьи. Не удивительно, что старая госпожа да и вы тоже не устаете ее хвалить! Я не дерзнула принять подарки, не показав их прежде вам, чтобы и вы порадовались!

Госпожа Ван сразу догадалась, куда клонит наложница Чжао, но ведь не прогонишь ее, и пришлось госпоже Ван слушать чушь, которую та несла.

– Можешь принять подарки и отдать Цзя Хуаню, – сказала госпожа Ван, когда наложница наконец умолкла.

Куда девалось хорошее настроение Чжао! Ведь, как говорится, ткнули носом в известь. С плохо скрываемой яростью она покинула комнату, мысленно проклиная все и всех.

Вернувшись домой, Чжао в сердцах бросила вещи на пол:

– Да что же это такое творится!..

Женщина бессильно опустилась на стул и погрузилась в печальные размышления.

Инъэр тем временем успела разнести подарки, вместе со старухой вернулась домой и передала Баочай от всех благодарность и ответные подарки. Когда старуха ушла, Инъэр прошептала на ухо Баочай:

– Я только что от второй госпожи – супруги господина Цзя Ляня – она чем-то разгневана. Я отдала ей подарки, а уходя, потихоньку спросила Сяохун, в чем дело. Та мне сказала: «Не знаю. Вторая госпожа вернулась от старой госпожи в плохом настроении, позвала Пинъэр и о чем-то с ней разговаривала». Произошло, видимо, что-то важное. Вы, барышня, не слышали?

Баочай задумалась, но даже представить себе не могла, чем расстроена Фэнцзе.

– У каждого свое, – сказала она. – Что нам за дело? Налей-ка лучше мне чаю!

Инъэр больше ничего не сказала и пошла наливать чай.

Теперь вернемся к Баоюю. Проводив Дайюй, он на обратном пути думал о том, что она сирота и в целом свете у нее никого нет. Домой он вернулся расстроенный, и ему захотелось обо всем рассказать Сижэнь, но дома оказались только Цювэнь и Шэюэ.

– А Сижэнь где? – спросил он.

– Наверное, во дворе, – ответила Шэюэ. – Куда она денется? Минуты не можешь прожить без Сижэнь.

– Знаю, что никуда не денется! – улыбаясь, промолвил Баоюй. – Но мне хотелось ей рассказать, как загрустила барышня Линь Дайюй, получив подарки от барышни Баочай. Ведь все они привезены с ее родины и вызвали много тяжелых воспоминаний. Сижэнь могла бы утешить барышню Линь Дайюй.

Тут в комнату вошла Цинвэнь и обратилась к Баоюю:

– Вы здесь? И опять кого-то собираетесь утешать?

Баоюй рассказал ей о своем разговоре с Дайюй.

– Дело в том, что Сижэнь сейчас у госпожи Фэнцзе, а потом навестит барышню Линь Дайюй.

Баоюй немного успокоился, взял чашку чая, отпил глоток, отдал чашку служанке и прилег. На душе снова стало тревожно.

А теперь расскажем о Сижэнь. Она занималась вышиванием, когда вдруг вспомнила, что Фэнцзе нездоровится и надо ее навестить.

– Присматривай за домом, – наказала она Цинвэнь, – служанок всех сразу не отпускай. Баоюю что-нибудь может понадобиться.

– Выходит, ты одна о нем заботишься, а мы даром едим хлеб! – воскликнула Цинвэнь.

Сижэнь не ответила, только засмеялась и вышла.

У моста Струящихся ароматов внимание ее привлекли лотосы. Они так густо разрослись, что укрыли собой весь пруд. Некоторые уже отцвели – стоял конец лета, – и на смену им распускались новые, алея на фоне яркой зелени листьев.

Сижэнь невольно залюбовалась ими, как вдруг заметила, что кто-то у виноградной решетки машет метелкой. Подойдя поближе, она узнала мамку Чжу.

Старуха тоже заметила девушку и, выбежав ей навстречу, захихикала.

– Что это вы, барышня, такое время выбрали для гуляния?

– Почему бы мне и не погулять? – сказала Сижэнь. – Я иду ко второй госпоже. А ты что здесь делаешь?

– Насекомых гоняю, – ответила старуха. – Дождей нет, вот их и развелось видимо-невидимо. Сколько винограда попортили! Особенно

жучки. Вы и представить себе не можете, до чего вредные! Прогрызут несколько виноградинок, сок из них на остальные капает, и они гниют! Смотришь, целая гроздь испорчена! Взгляните, сколько ягод на землю упало, пока мы тут с вами болтали!

– Напрасно стараешься, всех насекомых все равно не разгонишь, – промолвила Сижэнь. – Попроси лучше какого-нибудь торговца принести мешочки из тонкой материи. Наденешь на каждую гроздь, сквозь них воздух легко проникает – виноград не испортится!

– Вы, конечно, правы, барышня, – согласилась старуха. – Но откуда мне знать такие премудрости, если я только в этом году начала заниматься хозяйством?

Она улыбнулась и продолжала:

– Виноград хотя и подпорчен, все равно очень вкусный. Хотите отведать?

– Как можно! – вскричала Сижэнь. – Даже недозревшие фрукты нельзя пробовать до хозяев. А созревшие тем более. Столько лет служишь в доме, а правил не знаешь!

– Я так обрадовалась встрече с вами, – сказала мамка Чжу, – что забыла о правилах, уж очень хотелось вас угостить!

– Не огорчайся, – успокоила ее Сижэнь, – главное, чтобы вы, пожилые, не подавали дурной пример молодым!

Едва войдя во двор, где жила Фэнцзе, Сижэнь услышала ее голос, доносившийся из окна:

– Милосердное Небо! Я томлюсь в комнате, а меня еще называют злодейкой!

Сижэнь сразу поняла, что случилась какая-то неприятность, и, не решаясь войти, громко крикнула:

– Сестра Пиньэр!

Пиньэр тотчас откликнулась и вышла.

– Вторая госпожа Фэнцзе дома? – осведомилась Сижэнь. – Как она себя чувствует?

Они вместе вошли в комнату. Фэнцзе лежала на кровати, притворившись спящей. Но, увидев Сижэнь, приподнялась и с улыбкой сказала:

– Мне уже лучше. Спасибо за заботу! А поболтать почему не приходишь?

– Не хочу вас тревожить. Ведь вы нездоровы. Если все вас начнут навещать, не будет покоя.

– Пустяки, – возразила Фэнцзе. – Другое дело, что тебе нельзя

отлучаться надолго. У Баоюя, конечно, много служанок, но им без тебя не управиться! Я и так знаю, что ты меня любишь. Иначе не спрашивала бы Пинъэр обо мне.

Она велела поставить у кровати скамеечку, чтобы Сижэнь могла сесть. Фэнцзе подала чай.

Завязалась беседа. Вдруг вошла девочка-служанка и на ухо шепнула Пинъэр:

– Приехал Ванъэр, дожидается у вторых ворот!

– Знаю, – тихо ответила Пинъэр. – Только не надо ему стоять у ворот.

Сижэнь поняла, что ей нужно уйти, и, сказав еще несколько слов, поднялась.

– Будет время, заходи, поболтаем, хоть развлечешь меня немного! – сказала Фэнцзе и, помолчав, обратилась к Пинъэр: – Проводи сестру!

Выходя, Сижэнь заметила, что девочки-служанки, которые были в комнате, замерли в ожидании. Что происходит, Сижэнь так и не поняла.

А Пинъэр, проводив ее, вернулась и доложила:

– Я не хотела пускать Ванъэра при Сижэнь и велела ему подождать. Каковы будут ваши распоряжения, госпожа?

– Пусть войдет! – небрежно бросила Фэнцзе.

Пинъэр приказала девочкам-служанкам позвать Ванъэра.

– Что же ты все-таки слышала? – спросила Фэнцзе, продолжая прерванный разговор.

– Вот что мне слово в слово сообщила служанка, – отвечала Пинъэр. – Она сказала, что была у вторых ворот, когда услышала разговор наших слуг: «Наша новая госпожа и красивее, и добрее госпожи Фэнцзе!» Тут Ванъэр или кто-то другой прикрикнул на них: «Какая еще новая госпожа! Берегитесь! Узнает кто-нибудь, укоротят вам язык!»

– Ванъэр дожидается! – доложила девочка-служанка.

– Пусть войдет! – усмехнулась Фэнцзе.

Девочка откинула дверную занавеску.

Ванъэр остановился у входа, поклонился Фэнцзе, справился о ее здоровье и встал навытяжку.

– Подойди-ка сюда! – поманила его Фэнцзе. – Я хочу кое-что у тебя спросить.

Ванъэр приблизился.

– Известно ли тебе, что твой господин взял наложницу? – спросила Фэнцзе.

– Откуда мне знать? – отвечал Ванъэр, опустившись на одно колено. – Я только дежурю у вторых ворот, а что делает второй господин, мне

неизвестно.

– Значит, ты ничего не знаешь! – усмехнулась Фэнцзе. – Да если бы и знал, разве посмел бы ему мешать?

Ваньэр смекнул, что Фэнцзе известно все, обмануть ее не удастся, и с поклоном сказал:

– Я ничего не знал, лишь догадался из разговора Синьэра и Сиэра и прикрикнул на них, чтобы не болтали лишнего. Больше я ничего не знаю и возводить напраслину не стану. Спросите лучше у Синьэра: он везде сопровождает нашего господина.

– Эти негодяи связаны одной веревочкой! – рассердилась Фэнцзе. – Думаешь, я ничего не знаю?! Позови-ка сюда подлеца Синьэра! Я допрошу его, а потом поговорю с тобой! Хорошие у меня слуги, нечего сказать!

– Слушаюсь, госпожа! – ответил Ваньэр, поклонился несколько раз и побежал звать Синьэра.

Синьэр сидел в это время в конторе и играл в кости со слугами. Услышав, что его зовет Фэнцзе, он подскочил от испуга, хотя и не догадывался, в чем дело.

– Синьэр пришел! – доложил Ваньэр.

– Веди его сюда! – крикнула Фэнцзе.

Тон ее не предвещал ничего хорошего, и Синьэр приуныл. Но делать нечего, пришлось войти.

– Хорош! – воскликнула Фэнцзе. – Ну-ка отвечай, что вы там творите со своим господином! Только правду!

Лицо у Фэнцзе дышало гневом, и Синьэр в страхе пал на колени.

– Я слышала, ты к этому делу непричастен, – старалась его успокоить Фэнцзе, – но почему мне ничего не сказал? Скажешь все как есть – прощу, а вздумаешь врать, не сносить тебе головы!

Синьэр, дрожа, поклонился:

– О чем это вы, госпожа? Что мы с господином плохого сделали?

– Всыпать ему хорошенько! – закричала Фэнцзе.

Ваньэр подбежал к Синьэру, намереваясь его ударить, но Фэнцзе сказала:

– погоди! Настанет время, и этот дурак будет бить себя сам!

И Синьэр, плача, действительно стал хлестать себя по щекам.

– Хватит! – крикнула Фэнцзе и учинила Синьэру допрос: – Надеюсь, ты знаешь, что господин твой взял себе новую «госпожу»?

Тут Синьэр сдернул с головы шапку и, колотя лбом об пол, взмолился:

– Госпожа, пощадите! Всю правду скажу!

– Говори же! – приказала Фэнцзе.

– Вначале я и в самом деле ничего не знал, – начал Синьэр, переминаясь с колена на колено. – Однажды, когда старший господин Цзя Чжэнь находился в кумирне у гроба своего батюшки, к нему приехал управляющий Юй Лу просить денег. И второй господин Цзя Лянь с племянником Цзя Жуном, они тоже были в кумирне, повезли деньги во дворец Нинго. Дорогой разговорились о младших сестрах супруги господина Цзя Чжэня, и наш второй господин принялся расхваливать вторую госпожу Эрцзе. Тогда Цзя Жун предложил их сосватать...

Фэнцзе, не вытерпев, в сердцах плюнула.

– Негодяй! Она госпожа из той же породы, что ты!

– Виноват! – воскликнул Синьэр, не переставая бить поклоны, затем молча поглядел на Фэнцзе.

– Чего замолчал? – нетерпеливо спросила Фэнцзе.

– Если вы простите меня, госпожа, я дальше буду рассказывать, – произнес Синьэр.

– Какое еще прощение? Выкладывай все, для тебя же лучше!

– Наш второй господин очень обрадовался, когда Цзя Жун предложил их сосватать, – продолжал Синьэр. – А вот как они все устроили, этого я не знаю...

– Само собой! – не без ехидства произнесла Фэнцзе. – Тебе достаются лишь хлопоты да беспокойство!.. Ладно! Дальше!

– Брат Цзя Жун подыскал для второго господина дом... – сказал Синьэр.

– Где? – перебила его Фэнцзе.

– Позади дворца.

– А-а! – Фэнцзе обернулась к Пиньэр. – Ты только послушай! Обвел нас вокруг пальца!

Пиньэр промолчала.

– Старший господин Цзя Чжэнь дал Чжану денег, не знаю сколько, и тот не стал мешать, – продолжал Синьэр.

– Какой еще Чжан? – вышла из себя Фэнцзе.

– Вы не знаете, госпожа, – сказал Синьэр. – Вторая госпожа...

Он спохватился и хлопнул себя по щеке, насмешив Фэнцзе и служанок.

– Младшая сестра супруги господина Цзя Чжэня... – подумав немного, поправился Синьэр.

– Ну, что дальше? – торопила его Фэнцзе. – Говори же!

– Младшая сестра супруги господина Цзя Чжэня с детства была помолвлена с Чжаном, – объяснил Синьэр. – Полное его имя, кажется,

Чжан Хуа. Сейчас он обеднел и живет подаянием. Старший господин Цзя Чжэнь дал ему денег, чтобы расторгнул брачный договор...

Фэнцзе обернулась к служанкам.

– Слышали? А еще говорил, будто ничего не знает! Какой мерзавец!

– Наш второй господин велел обставить новый дом и привез жену!

– Откуда? – спросила Фэнцзе.

– Из дома ее матери.

– Так-так! – произнесла Фэнцзе. – А кто из родных провожал невесту в дом жениха?

– Да никто, если не считать брата Цзя Жуна и нескольких старух, – ответил Синьэр.

– А вашей старшей госпожи Ю разве не было? – спросила Фэнцзе.

– Она приехала через два дня с подарками, – ответил Синьэр.

– Вот почему второй господин не устает ее хвалить! – усмехнулась Фэнцзе, бросив взгляд на Пиньэр, и снова обратилась к Синьэру: – Кто там прислуживает? Наверное, ты?

Синьэр ничего не ответил, лишь поклонился.

– Второй господин не раз говорил, что ездит по делам во дворец Нинго, это правда? – допытывалась Фэнцзе.

– Бывало, что ездил, а то скажет, что во дворец, а сам в новый дом отправляется, – ответил Синьэр.

– Кто в доме живет?

– Мать. Младшая сестра недавно покончила с собой.

– Почему? – заинтересовалась Фэнцзе.

Синьэр рассказал историю с Лю Сянлянем.

– Лю Сянляню повезло! – сказала Фэнцзе. – А то прослыть бы ему рогоносцем!.. Больше ты ничего не знаешь?

– Ничего, – отвечал Синьэр. – Если вру, убейте меня – я безропотно приму смерть!

Фэнцзе подумала с минуту, затем, тыча пальцем в Синьэра, закричала:

– Такого мерзавца, как ты, и на самом деле следовало убить! Зачем обманывал меня? Чтобы завоевать расположение своего глупого господина и новой госпожи?! Думаешь, я не знаю, почему ты все рассказал?! Потому что боишься меня! Ноги тебе надо за это переломать! Встань!

Синьэр поднялся с колен, вышел в прихожую, но уйти не осмелился.

– Вернись! – позвала его Фэнцзе.

Синьэр вошел и почтительно вытянулся.

– Куда торопишься? – усмехнулась Фэнцзе. – К новой госпоже за наградой?

Синьэр молча потупился.

– Больше туда не ходи! – приказала Фэнцзе. – Позову – чтобы мигом был здесь. Иначе – берегись!.. Иди!

– Слушаюсь! – ответил Синьэр и вышел.

– Синьэр!

Синьэр снова бросился в комнату.

– Собираешься доложить обо всем своему господину? – спросила Фэнцзе.

– Не посмею!

– Так-то оно лучше! Хоть словом обмолвишься, пеняй на себя!

Синьэр поддакнул и вышел.

– Где Ваньэр? – спросила Фэнцзе.

Ваньэр тотчас откликнулся. Фэнцзе долго и пристально на него глядела и наконец произнесла:

– Ладно, Ваньэр! Можешь идти! Но смотри, проболтаешься, несдобровать тебе!

Ваньэр закивал головой и осторожно вышел.

– Подайте чаю, – приказала Фэнцзе девочкам-служанкам. Те поняли, что им надо уйти, и мгновенно исчезли. Тогда Фэнцзе обратилась к Пиньэр: – Слышала? Что скажешь на это?

Пиньэр не осмелилась отвечать, только улыбнулась.

Мысль о случившемся не давала Фэнцзе покоя, ее душил гнев. Она прилегла было на кровать, но тут ее осенило. Хмурясь, она позвала Пиньэр и сказала:

– Я кое-что придумала. Так и сделаем, незачем дожидаться возвращения второго господина...

Если хотите знать, что придумала Фэнцзе, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят восьмая

Наивную Ю Эрцзе обманом перевозят в сад Роскошных зрелищ;

ревнивая Фэнцзе учиняет скандал во дворце Нинго

Вы уже знаете, что Цзя Лянь уехал в Пинъань. Но когда прибыл туда, генерал-губернатор оказался в отъезде, и Цзя Лянь почти месяц дожидался его возвращения. Пока генерал-губернатор вернулся и Цзя Лянь выполнял его поручения, прошло довольно много времени. Чуть ли не два месяца Цзя Ляня не было дома.

Не дожидаясь приезда мужа, Фэнцзе начала действовать. Прежде всего она распорядилась прибрать восточный флигель и обставила его в точности так, как господский дом. Четырнадцатого числа она сообщила матушке Цзя и госпоже Ван, что на следующее утро собирается в храм Монахинь воскурить благовония. Ее сопровождали только Пинъэр, Фэнъэр, жены Чжоу Жуя и Ванъэра.

Она рассказала им, в чем дело, приказала слугам одеться попроще, и они отправились в путь в сопровождении Синъэра, который указывал дорогу. Добравшись до дома, где жила Эрцзе, постучались в ворота. Открыла жена Баоэра.

– Доложи второй госпоже Эрцзе, что приехала старшая госпожа! – сказал ей Синъэр.

Жена Баоэра встревожилась и побежала докладывать. Поборов волнение, Эрцзе быстро привела себя в порядок и поспешила встретить гостей со всеми положенными церемониями. Лишь когда она подошла к воротам, Фэнцзе вышла из коляски.

Она была в черной кофточке, расшитой серебристыми нитками, белой атласной накидке и белой шелковой юбке, на голове – шитый серебром убор. Изогнутые брови – две ветки ивы, глаза большие – словно у феникса. Свежа, как цветок персика весной, чиста, будто осенняя хризантема. Жены Чжоу Жуя и Ванъэра под руки ввели Фэнцзе во двор.

Эрцзе с улыбкой бросилась ей навстречу, говоря:

– Никак не ожидала, старшая сестра, что вы удостоите меня своим посещением, поэтому не успела вовремя встретить вас! Простите меня! – И

она отвесила низкий поклон.

Фэнцзе вежливо улыбнулась, как того требовал этикет, взяла Эрцзе под руку, и они вместе вошли в дом.

Фэнцзе села на возвышении. Эрцзе велела служанке принести подушку для сидения.

– Я очень молода, – как бы извиняясь, говорила она Фэнцзе, – поэтому во всем слушаюсь матушку и свою старшую сестру. Я счастлива познакомиться с вами! Если не погнушаетесь мною, готова во всем вам повиноваться и всячески угождать!

Она снова поклонилась. Поклонилась и Фэнцзе, а затем сказала:

– Я тоже молода и неопытна. Все время уговариваю второго господина беречь здоровье, не ночевать на стороне со всякими потаскушками, не огорчать батюшку с матушкой. Казалось бы, и он должен того же желать. Но против ожидания он истолковал мои слова превратно! Потешился бы с кем-нибудь на стороне, и ладно! Но он взял тебя, сестрица, в дом как вторую жену, а мне – ни слова. Ведь я давно советовала ему – родился бы сын, и у меня под старость была бы опора. Вот уж не думала, что второй господин сочтет меня ревнивой и завистливой и совершит все тайком, а мне и жаловаться некому. Лишь Небу и Земле известно, как я страдаю! Я узнала обо всем дней десять назад, а может, еще раньше, перед самым отъездом второго господина, но не стала ничего говорить из опасения, что он не так меня поймет. Но сейчас он уехал, и я решила принести тебе свои поздравления. Переезжай к нам, сестрица, будем жить вместе, удерживать второго господина от опрометчивых поступков, заботиться о его здоровье, заниматься хозяйственными делами и выполнять долг перед семьей. Я не смогу жить спокойно, если ты останешься здесь и будешь скучать без меня. А люди узнают – что они обо мне скажут, да и о тебе тоже? Но главное – не навредить доброму имени нашего господина! Пусть слуги болтают, что я жестока, – они всегда недовольны хозяевами. Для них хозяин что кувшин с тухлой водой. Будь я жестокой, сварливой, разве ладила бы с сестрами, золовками, невестками?.. Второй господин тайком от меня женился, а я приехала к тебе с поздравлениями! А кто уговорил его взять в наложницы Пиньэр? Я! Видно, Небу и Земле неуютно, чтобы подлые людишки меня погубили, вот я и узнала о тебе! Давай будем жить вместе, есть, пить, одеваться – все наравне. Ты умна и при желании можешь стать мне опорой, во всем помогать. Мы не только заткнем рты всяким подлым людишкам, но и заставим второго господина раскаяться в своей опрометчивости. Я не завистлива, и втроем мы прекрасно поладим. Не захочешь переселиться ко мне, останусь у тебя, только замолви перед вторым господином словечко,

чтобы не отвергал меня. Я во всем буду ему повиноваться, даже готова прислуживать тебе, если он прикажет!

Фэнцзе заплакала навзрыд. Эрцзе тоже не сдержала слез.

Они сидели рядом, как полагалось по этикету. В это время вошла Пиньэр и отвесила поклон Эрцзе. Эрцзе не знала ее в лицо, но по одежде, не такой, как у простых служанок, поняла, что это Пиньэр.

– Не надо кланяться! – воскликнула Эрцзе, вскакивая с места. – Ведь мы с тобой равны по положению!

– Пусть соблюдает этикет, сестрица, – с улыбкой промолвила Фэнцзе, вставая. – Стоит ли церемониться со служанкой!

По знаку Фэнцзе жена Чжоу Жуя вынула из свертка дорогой шелк, четыре пары золотых шпилек и колец, украшенных жемчугом, и все это с поклоном поднесла Эрцзе. Эрцзе приняла подарки и в свою очередь поклонилась. Затем обе женщины сели пить чай, делясь своими переживаниями.

Фэнцзе сказала:

– Я сама во всем виновата, зачем же на других обижаться! Если можешь, сестрица, люби меня хоть немного!

Эрцзе была добра и к тому же неопытна, она верила каждому слову Фэнцзе и думала:

«Мелкие людишки ненавидят хозяев, клеветают на них».

Эрцзе излила Фэнцзе душу как закадычной подруге. Между тем жена Чжоу Жуя не скупилась на похвалы Фэнцзе, прекрасной хозяйке.

– За что бывают недовольны госпожой? – говорила жена Чжоу Жуя. – За то лишь, что она старается вникнуть в каждую мелочь, строго спрашивает со слуг... Комнаты для вас, госпожа, приготовлены, приедете, сами увидите!

Эрцзе не стала отказываться, ей самой хотелось жить вместе со всеми.

– Я охотно перееду к старшей сестре, – проговорила она, – вот только не знаю, как быть с этим домом.

– Все очень просто! – сказала Фэнцзе. – Вещей у тебя, сестрица, не много, все твои сундуки и корзины перенесут, а за остальным присмотрят. Кого из слуг ты хотела бы здесь оставить?

– Я никогда не занималась хозяйством и во всем полагаюсь на вас, старшая сестра, – ответила Эрцзе. – Да и с какой стати я буду распоряжаться? Пусть забирают все, моего здесь ничего нет, все принадлежит второму господину.

Тут Фэнцзе приказала жене Чжоу Жуя тщательно переписать все вещи и перенести их в восточный флигель. Эрцзе оделась, под руку с Фэнцзе они

вышли из дому и сели в коляску.

– У нас в доме порядки строгие, – шепнула Фэнцзе. – Если старая госпожа и госпожа Ван узнают, что второй господин женился во время траура, его могут убить. Так что придется тебе пока избегать встреч со старой госпожой и госпожой Ван. Поселишься на время в саду, где живут сестры, посторонние туда не ходят. А я тем временем все устрою, доложу старой госпоже, и тогда ты сможешь увидаться и с ней, и с госпожой Ван.

– Как вам будет угодно, старшая сестра, – покорно ответила Эрцзе.

Слугам, сопровождавшим Фэнцзе, велено было ехать не к главным воротам, а в объезд.

Когда коляска остановилась, Фэнцзе отпустила слуг и через задние ворота повела Эрцзе в сад Роскошных зрелищ, где представила ее Ли Вань.

Об истории Эрцзе давно знали девять из десяти живущих в саду. И сейчас девушки бросились к ней, засыпали вопросами. Все восхищались красотой и скромностью Эрцзе.

Между тем Фэнцзе наказала слугам:

– Никому ни слова! Узнает старая госпожа или госпожа Ван, шкуру с вас спущу!

Старухи и девочки-служанки побаивались Фэнцзе, к тому же знали, что Цзя Лянь вопреки высочайшему указу женился во время траура, поэтому старались держаться от этого дела подальше, будто им ничего не известно.

Фэнцзе оставила Эрцзе на попечение Ли Вань, пообещав:

– Как только переговорю со старой госпожой, заберу сестрицу к себе.

Ли Вань не стала возражать, поскольку знала, что Эрцзе отведен отдельный флигель.

Вместо служанок, которые приехали с Эрцзе, к ней была приставлена одна из прислужниц Фэнцзе, а женщинам, живущим в саду, Фэнцзе тайком наказывала:

– Глаз с нее не спускайте! Если сбежит, отвечать вам!

О том, что делала Фэнцзе втайне от всех, чтобы осуществить свой план, мы пока умолчим.

Между тем в доме лишь диву давались и говорили между собой:

– Вы поглядите, какой доброй и мудрой стала наша госпожа Фэнцзе!

Эрцзе, надобно сказать, была счастлива, что обрела наконец надежное пристанище – девушки относились к ней вполне дружелюбно. Но на третий день служанка Шаньцзе вдруг вышла из повиновения. Когда Эрцзе сказала ей:

– У меня нет масла для волос, попроси у старшей госпожи Фэнцзе... –

Шаньцзе ответила:

– Вы что, не видите, госпожа, как занята старшая госпожа! И старой госпоже она должна угодить, и госпоже Ван, получить от них указания, а барышням, невесткам и золовкам – дать распоряжения. Ей приходится вести все дела, даже с ванами и гунами. Доходы и расходы, суммой до десяти тысяч лянов серебра, проходят через ее руки. А вам, видите ли, подай масла для волос?! Потерпите немного! Вас просватали незаконно и в дом взяли тайно. Госпожа Фэнцзе очень добра, потому и внимательна к вам. Ни в древности, ни в наши дни не встретишь такого человека! Другая, передай я ей вашу просьбу, вышвырнула бы вас на улицу! Где тогда вам искать приют?!

Эрцзе ничего не сказала, лишь опустила голову. Шаньцзе все больше нагнала: подавала к столу не вовремя и к тому же обеды. Эрцзе раз-другой сделала ей замечание, но та лишь глаза таращила и грубила. Эрцзе терпела и молчала... Боялась, как бы ее не стали осуждать за то, что она ропщет на судьбу.

Прошла чуть ли не целая неделя, а Эрцзе всего лишь раз встретилась с Фэнцзе: та была веселой и радушной, с уст ее не сходили слова «милая сестрица».

– Если служанки не будут тебя слушаться, – говорила Фэнцзе, – скажи мне, я их накажу!..

И она тут же обрушивалась на служанок:

– Знаю я вас! Вы только сильных боитесь, а слабых всегда обижаете! Одну меня признаете! Но знайте, душу из вас вытряхну, если не угодите второй госпоже!

Эрцзе верила в доброту Фэнцзе и утешала себя: «Старшая сестра заботится обо мне, и ладно. А со слуг какой спрос? Они ведь невежественны. Пожалуйтесь на них, чего доброго, осуждать станут». И она не жаловалась. А служанки совсем распустились.

Тем временем Фэнцзе приказала Баньэру разузнать историю Эрцзе во всех подробностях. Оказалось, что она и в самом деле была помолвлена. Жених ее, девятнадцатилетний малый, бездельник из бездельников и игрок, промотал все свое состояние. Родители выгнали его из дому, и приют себе он нашел в одном из игорных домов. Отец его за двадцать лянов серебра, полученных от старухи Ю, расторг брачный договор, даже не уведомив об этом сына, Чжан Хуа.

И вот Фэнцзе дала Ваньэру двадцать лянов серебра, велела втянуть Чжан Хуа в долги, выманить у него расписку и потребовать, чтобы он подал в суд на Цзя Ляня за то, что Цзя Лянь, пользуясь своей силой и

влиянием, заставил его расторгнуть брачный договор, покинул законную жену и во время государственного и семейного траура взял себе другую, нарушив тем самым высочайший указ и обманув родных.

Чжан Хуа отказался, опасаясь, как бы дело не приняло дурной оборот. Когда Ваньэр доложил об этом Фэнцзе, та вышла из себя.

– Ну и дурак! – вскричала она. – Недаром пословица гласит: «Паршивой собаке не перепрыгнуть через стену»! Ты бы ему растолковал, насколько могущественна наша семья, пусть даже нас обвинили бы в мятеже против государства. Просто нам нужен скандал, он не выйдет за пределы нашего дома, а если даже и пойдут пересуды, я тотчас же положу им конец.

Ваньэр снова отправился к Чжан Хуа и объяснил, что нужно делать.

Фэнцзе после этого без конца твердила:

– Если этот дурак вздумает жаловаться, пойдти в суд и дай показания... Скажи то-то и то-то. И ни о чем не беспокойся, я знаю, что делаю...

Ваньэр смекнул, что Фэнцзе все берет на себя, опять отправился к Чжан Хуа и потребовал, чтобы тот в своей жалобе указал и его имя:

– Свали все на меня, будто я это подстроил и второго господина Цзя Ляня втянул.

Чжан Хуа, наконец, решился написать жалобу, а на следующий день отправился в судебное ведомство и заявил, что его обидели. Когда судья начал разбирать дело и обнаружил, что обвиняют Цзя Ляня, а в жалобе значится имя Лай Вана^[*], он послал за Лай Ваном, как за ответчиком. Посыльный не осмелился войти во дворец, а велел вызвать Ваньэра. Тот только этого и ждал и с улыбкой сказал:

– Извините за беспокойство! Я совершил преступление! Вяжите меня, и дело с концом!

Посыльный оробел и стал уговаривать Ваньэра:

– Дорогой брат, не шумите, пойдите лучше по-хорошему в суд!

И они отправились в суд. Судья велел дать Лай Вану прочесть жалобу. Ваньэр сделал вид, будто внимательно читает, затем, отвесив низкий поклон, сказал:

– Это все мне известно, дело касается моего господина. Но Чжан Хуа давно зол на меня и, чтобы отомстить, вовлек в эту историю. Прошу вас, почтенный господин, допросите его еще раз!

– Сознаюсь, что виноват во всем сам господин, но я не посмел на него жаловаться и подал жалобу на слугу! – вскричал Чжан Хуа, отвешивая низкий поклон судье.

– Что ты болтаешь, дурень! – прикрикнул на него Ваньэр. – Неужели

не знаешь, что в столичный суд полагается вызывать всех, неважно, господин это или слуга!

Тогда Чжан Хуа назвал Цзя Жуна. И пришлось судье вызывать его в суд.

Фэнцзе между тем тайком послала Циньэра за Ван Синем, рассказала ему, что этой тяжбой ей нужно кое-кого припугнуть, дала Ван Синю триста лянов серебра и велела подкупить судью.

Вечером Ван Синь пробрался в дом судьи, отдал серебро и изложил суть дела. Судья не отказался от взятки и на следующий день заявил, что бродяга Чжан Хуа выманил деньги у семьи Цзя, а затем вздумал оклеветать честного человека.

Надобно сказать, что этот судья был другом Ван Цзытэна, и когда Ван Синь рассказал ему всю правду, он не осмелился вызвать никого из ответчиков, кроме Цзя Жуна, а потом решил и вовсе замять дело.

Цзя Жун как раз был занят делами Цзя Ляня, когда неожиданно вошел слуга и доложил:

– На вас поступила жалоба в суд.

Он рассказал Цзя Жуну, как обстоит дело, и посоветовал немедленно принять меры. Цзя Жун перепугался и поспешил к Цзя Чжэню, но тот ответил:

– Меры уже приняты! Каков, однако, наглец!

Он распорядился приготовить двести лянов серебра и отослать судье, а одному из слуг приказал выступить в качестве ответчика. Во время разговора слуга доложил:

– Пожаловала госпожа Фэнцзе!..

Цзя Чжэнь и Цзя Жун хотели было скрыться, но Фэнцзе уже входила в комнату.

– Дорогой старший брат, – сказала она, – в хорошенькую историю втянули вы младших братьев!

Цзя Жун хотел справиться о ее здоровье, но Фэнцзе его оборвала:

– Не нужно!..

– Приказал бы лучше по случаю приезда тетушки зарезать курицу и приготовить угощение! – сказал сыну Цзя Чжэнь, вышел из комнаты, вскочил на коня и ускакал.

Фэнцзе за руку повела Цзя Жуна в верхнюю комнату. Навстречу им вышла госпожа Ю и, увидев Фэнцзе, удивленно воскликнула:

– Что привело тебя к нам так неожиданно?

Фэнцзе вспыхнула и плюнула ей в лицо.

– Кому нужны здесь ваши девчонки? – крикнула она. – Зачем вы их к

нам тайком посылаете? Разве в Поднебесной не осталось больше мужчин? Только в нашем доме? Хотела выдать Эрцзе замуж, сделала бы это открыто! Но тебе наплевать на приличия! Ведь сейчас и государственный траур, и наш семейный! На нас подали жалобу в суд! Все толкуют, будто я жестокая и ревнивая. Пальцами в меня тычут, выгнать хотят! Что плохого я тебе сделала, что ты на меня так обозлилась? Может быть, старая госпожа или госпожа тебе намекнули, что хорошо бы меня под каким-нибудь предлогом выгнать из дому? Пойдем в суд, там разберемся, а потом созовем родных и все им расскажем – пусть дадут мне развод, я уйду!

Громко рыдая, Фэнцзе схватила за руку госпожу Ю, требуя, чтобы та вместе с нею отправилась в суд. Цзя Жун пал на колени и умолял:

– Не сердитесь, тетушка, прошу вас!

– Покарай тебя Небо, – обрушилась на него Фэнцзе. – Разрази тебя гром! Бессовестный негодяй! Только и знаешь, что заниматься бесстыжими делами! Вон до какой подлости додумался! Всю семью опозорил! Родная мать тебя не терпит! И бабушка тоже! А ты еще смеешь меня уговаривать!

В пылу гнева Фэнцзе дала Цзя Жуну пощечину. Перепуганный насмерть Цзя Жун отвесил еще один поклон.

– Не сердитесь, тетушка! Прошу вас, не презирайте меня – один день из тысячи я все же бываю хорошим! Не гневайтесь на меня, не бейте! Я сам себя готов поколотить, только бы вы не сердились.

И он с ожесточением принялся хлестать себя по щекам, приговаривая:

– Будешь еще лезть в чужие дела? Будешь пакостить тетушке? Тетушка добрая, а ты вон каким оказался бессовестным!

Слуги и служанки, сдерживая смех, старались утешить его. Фэнцзе бросилась на грудь к госпоже Ю и запричитала:

– Я не сержусь, что вы для старшего брата Цзя Ляня нашли вторую жену! Но ведь он нарушил высочайший указ, а весь позор пал на меня! Чем ждать, когда судья за нами придет, лучше самим к нему пойти. А потом поговорим со старой госпожой и госпожой, с домочадцами, посоветуемся. Если считают меня злой, ревнивой, пусть дадут развод, я тотчас же уеду. Говорят, я не разрешаю мужу брать наложниц, но твою сестру Эрцзе взяла в дом. Эрцзе живет в достатке, у нее отдельный флигель, обставленный в точности так, как мой дом, остается лишь доложить об этом старой госпоже. Я никому об этом не сказала, велела всем молчать, и вдруг такая неприятность! Я и не знала, что это вы мне ее устроили! Вчера весь день волновалась. Ведь явка в суд повредит доброму имени всего рода Цзя. Пришлось дать взятку судье! Еще и сейчас мой человек сидит под стражей!

Она крепко прижималась к госпоже Ю, мяла ее, как тесто, замочила ей

все платье слезами, то рыдала, то ругалась, поминая предков, грозила разбить себе голову о стену.

Госпожа Ю не знала, что делать, и всю поносила Цзя Жуна:

– Негодяй! Ну и делишки вы с отцом творите! Ведь уговаривала я вас бросить эту затею!

– А ты тоже хороша! Что тебе – рот баклажаном заткнули? Или, может быть, взнуздали, как лошадь? Ведь могла сразу прийти и обо всем рассказать! Не попала бы в такое глупое положение! Ни суда не было бы, ни скандала на весь дом! Зачем же теперь их ругать? Еще в древности говорили: «У добродетельной жены муж живет без хлопот; благороден тот, у кого благородное сердце». Будь ты и в самом деле добродетельной, разве посмели бы они затеять такое дело? Но ты ни на что не способна, у тебя вместо головы тыква, нужное слово с языка не слетит! Ничтожество ты!

Фэнцзе в сердцах плюнула.

– Ну зачем ты так говоришь? – заплакала госпожа Ю. – Не веришь, спроси у слуг, – разве не отговаривала я мужа? Но перечить ему я не могу! Я на тебя не в обиде, сестрица! Мне только и остается слушать твои упреки!

Наложницы и служанки пали перед Фэнцзе на колени и взмолились:

– Вторая госпожа, вы самая мудрая! Простите нашу госпожу, хоть она и виновата. Вы и так унизили ее прямо при нас! Пощадите же хоть немного ее самолюбие!

Они поднесли было Фэнцзе чай, но та отшвырнула чашку, вытерла слезы, поправила волосы и крикнула Цзя Жуна:

– Позови своего отца, я поговорю с ним начистоту! Может, он скажет, что это за обычай, согласно которому племяннику дозволено жениться через пять недель после смерти дяди, когда еще не кончился траур!

Цзя Жун опустился на колени и чуть слышно произнес:

– Отец тут ни при чем. Это я все сдуру устроил. Делайте со мной что хотите – я готов принять любое наказание, даже смерть! Только умоляю вас, уладьте дело с судом! Это не в моих силах! Есть пословица: «Сломанную руку лучше спрятать в рукав». Глупость моя меня подвела, я, как слепой котенок, не ведал, что творю. И теперь мне лишь остается просить вас замять это дело! Будь у вас такой непочтительный сын, как я, уверен, вы не оставили бы его в беде!

Говоря это, Цзя Жун не переставал отбивать поклоны.

Фэнцзе немного смягчилась, но при слугах не хотела подавать виду. Она знаком велела Цзя Жуна встать и обратилась к госпоже Ю:

– Не сердись на меня, сестра! По неопытности я так испугалась этой

жалобы в суд, что совсем потеряла голову. Цзя Жун прав, сломанную руку надо прятать в рукав! Так что ты уж замолви перед старшим братом словечко, пусть как-нибудь это дело уладит.

– Не беспокойтесь! – в один голос воскликнули госпожа Ю и Цзя Жун. – Мы ни за что не впутаем в это дело Цзя Ляня. А пятьсот лянов серебра, которые израсходовали на взятки, мы непременно вам вернем. Только вы постарайтесь, чтобы госпоже и старой госпоже не стало известно о нашем разговоре.

– Мало мне неприятностей, так теперь еще вас выгораживать! – возмутилась Фэнцзе. – Не так я глупа, как вы думаете! И не меньше вас беспокоюсь, что Цзя Лянь останется без прямых наследников! Сестра твоя мне родной стала! Я и дом для нее приготовила. Чуть не побила служанок, когда они стали меня отговаривать: «Вы слишком торопитесь, госпожа! Не посоветовались даже со старой госпожой и госпожой». И вдруг появляется этот Чжан Хуа со своей жалобой в суд. Я две ночи глаз не сомкнула, но ни слова никому не сказала. Лишь удивлялась, что этот Чжан Хуа, бездомный нищий, как я узнала, смеет тягаться с нами. Потом мне слуги сказали, что Эрцзе когда-то была за него просватана, а сейчас он в такой нужде, что, того и гляди, умрет, если не от холода, так от голода. И вдруг ему представляется возможность заработать! Конечно же, он на все пойдет, пусть даже ему грозит смерть: ведь это лучше, чем погибнуть от холода или голода, почетнее. Так ему кажется. Как же после этого на него обижаться? Что и говорить, господин Цзя Лянь поступил опрометчиво. Он не только нарушил траур, но вторую жену взял тайком, покинув законную. И потому виноват вдвойне. Знаете пословицу: «Кто не боится быть четвертованным, может самого государя стащить с коня». Что же говорить о человеке, от нужды впадшем в безумие? Этот Чжан Хуа знает, что правда на его стороне. И ничто его не остановит... Ты, сестра, часто сравниваешь меня с Хань Синем и Чжан Лянем!^[173] Но поверь, когда я все это узнала, едва не лишилась чувств! Цзя Ляня дома нет, посоветоваться не с кем, пришлось раскошелиться. Я не представляла себе, что Чжан Хуа будет так упорствовать, клеветать на нас, точить, как говорится, нож. Но из меня, что из крысиного хвоста, много не выжмешь! Где я возьму? Вот почему я и рассердилась!

Госпожа Ю и Цзя Жун принялись успокаивать Фэнцзе:

– Не волнуйтесь, все как-нибудь образуется!

– Бедность заставила Чжан Хуа подать в суд, – промолвил Цзя Жун, – жизнь ему не дорога. Но если дать ему еще серебра, он может заявить, что обвинил нас ложно. Выручим его, а когда выйдет из тюрьмы, снова

заплатим.

– Хорош совет! – прищелкнула языком Фэнцзе. – Теперь понятно, почему ты затеял всю эту историю, – начало ты видишь, но не видишь конца! А я-то думала, ты умен и находчив! Если сделать, как ты предлагаешь, Чжан Хуа вначале согласится, возьмет деньги, растратит их, а потом начнет нас шантажировать. Ты не знаешь, до чего ничтожен этот человек! Бояться его, разумеется, нечего, но напакостить он может! Его не заставишь говорить на суде в нашу пользу! Он скажет: если все законно, зачем было мне деньги давать?!

Цзя Жун подумал, что Фэнцзе права, и промолвил:

– Тогда я могу предложить другой план. «Кто за глаза говорит плохо о другом, тот сам плохой». Поручите это дело мне, я его улажу. Попробую выведать у Чжан Хуа, что он хочет – жениться на Эрцзе или получить деньги и взять другую жену. Будет настаивать на женитьбе, уговорим вторую тетушку Эрцзе выйти за него замуж; согласится на деньги – дадим немного.

– Эрцзе я не отпущу! – запротестовала Фэнцзе. – Ее уход скажется на репутации нашей семьи! Видно, все-таки придется дать ему денег.

Цзя Жун был уверен, что Фэнцзе просто прикидывается доброй, а сама только и думает, как бы избавиться от Эрцзе.

– Предположим, с судом все уладится. Ну, а дома? – продолжала Фэнцзе. – Пойдем доложим все старой госпоже!

Госпожа Ю переполошилась, придумывая, как бы все скрыть и избежать неприятностей.

– Нечего было впутываться в такое дело, раз выпутаться не можешь! – усмехнулась Фэнцзе. – Слушать тебя противно! Все надеешься на меня, мою доброту. Ждешь, что я все возьму на себя! Так и быть, отведу Эрцзе к старой госпоже и скажу, что она – твоя младшая сестра, что она мне понравилась и я хочу сделать ее второй женой Цзя Ляня. Для наложницы она слишком красива. А я как раз собиралась купить двух наложниц, ведь сыновей у меня нет. Эрцзе – сирота, все ее родные поумирали, вот и пришлось, не дожидаясь окончания траура, поселить ее здесь. Может быть, меня осудят, назовут бесстыжей, но вас это не касается. Ну что, согласны?

Госпожа Ю и Цзя Жун обрадованно воскликнули:

– Какая же вы добрая! И мудрая! Как только все будет улажено, мы придем вас благодарить!

– Ладно! – отмахнулась Фэнцзе. – Какая еще благодарность! – И, обратившись к Цзя Жуну, добавила: – Наконец-то я узнала тебе цену!

Она снова надулась и покраснела.

– Не сердитесь, тетушка! – с улыбкой вскричал Цзя Жун, опускаясь на колени. – Будьте великодушны!

Фэнцзе обиженно отвернулась.

Между тем госпожа Ю приказала служанкам принести воды и туалетный ящик и принялась помогать Фэнцзе причесываться и умываться. Затем она распорядилась подать ужин. Фэнцзе уверяла, что ей некогда, но госпожа Ю ни за что не хотела ее отпустить.

– Если ты уйдешь от нас не поужинав, как мы будем потом смотреть тебе в глаза? – говорила она.

– Дорогая тетушка! – вторил матери Цзя Жун. – Пусть разразит меня гром, если я впредь не буду вас слушаться!

Фэнцзе смирила его взглядом.

– Кто тебе поверит, тако... – она поперхнулась и не договорила. Служанки принесли вино и закуски. Госпожа Ю собственноручно поднесла Фэнцзе кубок. Поднес ей кубок и Цзя Жун, почтительно опустившись на колени.

После ужина подали чай сначала для полоскания рта, а затем – для питья. После чая Фэнцзе собралась уходить. Цзя Жун пошел ее провожать. Когда они выходили из ворот, Цзя Жун наклонился к Фэнцзе и шепнул ей несколько непристойностей, но Фэнцзе сделала вид, будто не слышит, и, раздосадованная, удалилась.

Фэнцзе возвратилась в сад Роскошных зрелищ, рассказала Эрцзе все, что произошло за последние дни, и научила ее, как себя вести, чтобы никто не оказался в этом деле виноватым и не пострадал.

Если хотите узнать, что сделала Фэнцзе, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят девятая

Коварная Фэнцзе замышляет совершить убийство чужими руками;

доведенная до отчаяния Эрцзе кончает с собой

Итак, Эрцзе выслушала Фэнцзе, поблагодарила ее за науку и обещала в точности выполнить все, что от нее требовалось.

Госпоже Ю очень не хотелось докладывать о случившемся матушке Цзя, но разве откажешься?

Фэнцзе сказала:

– Ты молчи, я матушке Цзя все сама расскажу.

– Я согласна, – ответила госпожа Ю. – Но как бы ты не оказалась во всем виноватой.

Матушка Цзя как раз беседовала с внучками, когда вдруг увидела Фэнцзе в сопровождении прелестной молоденькой девушки.

– Какая миленькая! – воскликнула матушка Цзя, оглядывая девушку. – Чья она?

– Посмотрите внимательно, бабушка, – промолвила Фэнцзе. – Хороша?

Она подвела Эрцзе к матушке Цзя и шепнула:

– Это наша бабушка, кланяйся!

Эрцзе поклонилась. Фэнцзе представила ей всех девушек и сказала:

– А теперь можешь совершить приветственную церемонию.

Робея, Эрцзе выполнила все, что от нее требовалось, и, низко опустив голову, встала в сторонке. Еще раз внимательно ее оглядев, матушка Цзя промолвила:

– Где-то я, кажется, видела эту девочку! Лицо ее мне очень знакомо!

– Стоит ли вспоминать, бабушка, – прервала ее Фэнцзе, – вы только скажите, она красивее меня?

Матушка Цзя водрузила на нос очки и велела служанкам подвести Эрцзе поближе, сказав:

– Хочу поглядеть, какая у нее кожа.

Едва сдерживая смех, служанки подтолкнули Эрцзе к матушке Цзя, а та приказала Хупо:

– Ну-ка закатай ей рукав! – Посмотрела, сняла очки и сказала Фэнцзе:
– По-моему, она красивее тебя!

Фэнцзе опустилась перед матушкой Цзя на колени и рассказала, что произошло во дворце Нинго.

– Теперь, бабушка, дело за вами. Будьте милостивы, разрешите пожить ей годик у нас, а потом примем ее в нашу семью.

– Не возражаю, – согласилась матушка Цзя. – И очень рада, что ты проявила доброту! Жаль только, что еще целый год надо ждать.

Тут Фэнцзе обратилась к матушке Цзя с такими словами:

– Прикажите, бабушка, проводить Эрцзе к господам Син и Ван и передать им ваше решение.

Матушка Цзя так и сделала.

А госпожа Ван, надобно вам сказать, знала, что об Эрцзе ходит дурная молва, и не могла оставаться спокойной. Но стоило ей увидеть девушку, как от сомнений и следа не осталось.

Итак, все препятствия были устранены и Эрцзе поселилась во флигеле.

Между тем к Чжан Хуа явился тайком человек от Фэнцзе и стал его уговаривать добиваться женитьбы на Эрцзе, обещая в этом случае богатое приданое и солидную сумму на обзаведение хозяйством.

Однако у Чжан Хуа не было ни малейшего желания жениться, да еще затевать тяжбу с семьей Цзя, тем более что на первом разбирательстве дела выступавший вместо Цзя Жуна в качестве ответчика заявил:

– Чжан Хуа расторгнул брачный договор по собственной воле, и родственникам невесты пришлось взять ее к себе в дом. Но Чжан Хуа просрочил нам долг и, желая увильнуть от уплаты, возвел ложное обвинение на нашего младшего господина Цзя Жуна.

Судьи доводились родней семьям Ван и Цзя и к тому же получили взятку. Поэтому они обвинили Чжан Хуа в бродяжничестве и клевете и велели высечь. Циньэр подкупил стражников, чтобы не очень усердствовали в наказании, а потом снова стал подбивать Чжан Хуа подать в суд.

– Брачный договор заключили твои родители, с какой же стати отказываться от свадьбы? Любой судья будет на твоей стороне!

Чжан Хуа наконец решился и снова подал жалобу. Узнав об этом, Ван Синь все объяснил судье, и тот вынес решение:

– Чжан Хуа возвращает долг семье Цзя, а жену может забрать, если располагает необходимой суммой.

Решение это довели до сведения отца Чжан Хуа, которому Циньэр уже

успел все рассказать, и тот был вне себя от радости. Наконец-то он женит сына да еще получит кругленькую сумму. Прямо из суда отец Чжан Хуа отправился в дом Цзя с намерением забрать Эрцзе.

Фэнцзе, притворившись испуганной, бросилась к матушке Цзя и стала жаловаться:

– Все так получилось из-за жены Цзя Чжэня, не умеет она устраивать подобные дела. Оказывается, брачный договор не был расторгнут и семья Чжан подала на нас в суд.

Матушка Цзя приказала позвать госпожу Ю и велела ей уладить дело, сказав:

– Сестра твоя просватана с детства, а договор о браке не расторгнут, вот и подали на нас в суд. Куда это годится?

– Разве брачный договор не расторгнут? – удивилась госпожа Ю. – Ведь этот Чжан Хуа даже деньги от нас получил...

– А Чжан Хуа говорит, что никаких денег и в глаза не видел, – вмешалась в разговор Фэнцзе, – и никто ему их не предлагал. Отец его, правда, сказал, что был однажды такой разговор, но на том все и кончилось. И вот сейчас, когда отец невесты умер, ее забрали, чтобы сделать наложницей. А что мы можем ему возразить, если все это так? Неважно, что второй господин еще не женился на ней, ведь Эрцзе переехала к нам – как же мы будем смотреть людям в глаза, если отошлем ее обратно?

– И все же лучше отослать девушку к Чжан Хуа, – возразила матушка Цзя. – Неужели Цзя Лянь не найдет себе другую наложницу?!

– Моя матушка и в самом деле когда-то дала Чжан Хуа двадцать лянов серебра и брачный договор был расторгнут, – набравшись храбрости, сказала Эрцзе, – только бедность заставила Чжан Хуа подать в суд и солгать.

– Вот еще одно доказательство, что связываться с подлецами не следует! – произнесла матушка Цзя. – Но раз уж так все случилось, пусть Фэнцзе как-нибудь это дело уладит.

Фэнцзе не очень обрадовалась подобному поручению, но делать нечего, и она приказала позвать Цзя Жуна.

Цзя Жун хорошо понимал, чего добивается Фэнцзе, но каково будет ему, если Эрцзе отошлют к Чжан Хуа? Цзя Жун доложил обо всем Цзя Чжэню, а сам послал человека к Чжан Хуа.

– Ты получил достаточно серебра, зачем же требуешь девушку? – сказал тот. – Не боишься, что у наших господ лопнет терпение и они со свету тебя сживут? Деньги у тебя есть, а с деньгами всегда найдешь себе жену! Если согласен, получишь еще деньги на дорожные расходы!

«Это, пожалуй, наилучший выход!» – подумал Чжан Хуа.

Он посоветовался с отцом, получил сто лянов серебра и на рассвете тайком отправился к себе на родину.

Цзя Жун между тем явился к Фэнцзе и доложил:

– Чжан Хуа и его отец подали в суд, не имея на то никаких оснований, и сейчас, чтобы избежать наказания, бежали из города. Дело прекращено! Таким образом, все улажено!

Выслушав его, Фэнцзе подумала: «Пусть будет так. А то вернется Цзя Лянь, ничего не пожалеет, чтобы взять Эрцзе обратно. А уж я как-нибудь с ней разделаюсь. Плохо только, что Чжан Хуа скрылся. Ведь он может снова затеять тяжбу и рассказать все, как было. Напрасно я, как говорится, отдала кинжал в руки врага!..»

Она уже раскаивалась, что поступила так необдуманно, как вдруг в голове ее созрел новый план. Она позвала Ваньэра, приказала ему разыскать Чжан Хуа и подослать к нему наемных убийц!

– Ничего другого не остается! – говорила самой себе Фэнцзе, – ядовитую траву надо вырвать с корнем. Тогда мне нечего будет бояться!

Ваньэр вернулся к себе и стал размышлять:

«Сбежал Чжан Хуа, и делу конец – к чему снова впутываться в историю?! Человеческая жизнь не забава! Надо обмануть госпожу, а там видно будет».

Несколько дней он где-то пропадал, а потом явился к Фэнцзе и доложил:

– Говорят, Чжан Хуа бежал из столицы с большими деньгами. На третье утро, на границе столичного округа, его ограбили и убили. Старик Чжан скончался на постоялом дворе, труп его опознан и похоронен.

Фэнцзе не поверила:

– А ты не врешь? Смотри, все зубы повыбиваю!..

Но почему-то с этого дня она больше не думала о случившемся. С Эрцзе они внешне жили душа в душу, как родные сестры.

И вот настал день, когда Цзя Лянь, покончив с делами, возвратился в столицу и первым долгом отправился к Эрцзе. К его великому изумлению, ворота оказались закрытыми, а в доме, кроме сторожа, никого не было. Старик и рассказал Цзя Ляню во всех подробностях о том, что случилось.

Убитый горем Цзя Лянь поехал к отцу и доложил, что его поручение выполнено.

Цзя Шэ остался доволен сыном и на радостях подарил ему сто лянов серебра и в придачу семнадцатилетнюю наложницу по имени Цютун. Цзя

Лянь не знал, как и благодарить, и без конца кланялся. Повидавшись затем с матушкой и остальными родственниками, Цзя Лянь отправился домой. При встрече с Фэнцзе он оробел было, но она вела себя не так, как обычно. Вышла навстречу ему под руку с Эрцзе и как ни в чем не бывало завела разговор о всяких пустяках. Цзя Лянь расхрабрился и с самодовольной улыбкой рассказал о Цютун.

Фэнцзе тотчас велела привезти девушку,

«Не успела вытащить из сердца одну колючку, как появилась другая!» – думала между тем Фэнцзе, кипя от гнева, но виду не подавала. Она распорядилась накрыть стол в честь приезда мужа, а когда прибыла новая наложница, повела ее к матушке Цзя, а потом к госпоже Ван.

Цзя Лянь только диву давался.

Всячески показывая свою доброту к Эрцзе, Фэнцзе, когда поблизости никого не было, старалась ее уколоть.

– О тебе, сестрица, ходит дурная слава! – говорила она. – Даже старая госпожа и госпожа поговаривают, будто ты совсем еще маленькая потеряла невинность, завела шашни с мужем своей старшей сестры. Я не поверила, стала наводить справки, но узнать ничего не смогла. Если подобные разговоры не прекратятся, что я слугам скажу?

После этого она притворялась больной, не ела, не пила, при Пиньэр и других служанках всячески поносила сплетников, хотя сама же их подстрекала.

Цютун держалась высокомерно, ведь ее подарил сыну сам Цзя Шэ. Фэнцзе и Пиньэр она в грош не ставила, что же говорить об Эрцзе, о которой шла дурная молва? Да и покровителей у нее не было! Глядя на все это, Фэнцзе лишь радовалась.

Под всякими предлогами она все реже встречалась с Эрцзе, а еду ей посылала такую, что есть было невозможно. Пиньэр жалела девушку и украдкой давала деньги, чтобы для Эрцзе покупали что-нибудь повкуснее. Собираясь в сад погулять, Пиньэр заказывала для себя на кухне различные блюда и угощала Эрцзе. Никто не осмеливался об этом докладывать Фэнцзе.

Но однажды заметила это Цютун и стала нашептывать Фэнцзе:

– Госпожа, Пиньэр заказывает самые лучшие блюда на кухне и относит Эрцзе.

Фэнцзе напустилась на Пиньэр:

– Кошек держат, чтобы они ловили мышей, а моя кошка вздумала цыплят душить!

Пиньэр молча выслушала упреки, но с этого дня стала подальше держаться от Эрцзе, в душе возненавидев Цютун.

Хорошо еще, что жившие в саду девушки заботились о бедняжке Эрцзе.

Вступиться за нее они не решались, но жалели и тайком навещали. Порядочная по натуре, Эрцзе никогда не жаловалась на Фэнцзе, не роптала, только плакала.

Перемена, происшедшая в Фэнцзе, так обрадовала Цзя Ляня, что на все остальное он рукой махнул. Раньше ему не давала покоя зависть к Цзя Шэ – у того было много наложниц, но теперь он привязался к Цютун, как голубь к голубке, и чувствовал себя на верху блаженства. Любовь к Эрцзе постепенно угасла.

Фэнцзе ненавидела Цютун, но радовалась при мысли, что сможет, как говорится, «чужими руками жар загребать» да «масла в огонь подливать». Расправится Цютун с Эрцзе, уж Фэнцзе придумает, как сгубить Цютун. И вот, когда никого поблизости не было, Фэнцзе шепнула Цютун:

– Ты молода, жизни не знаешь. Господин Цзя Лянь души не чает в Эрцзе, любит ее больше, чем меня. Так что лучше не лезь на рожон, не ищи своей смерти!

Цютун затаила злобу и, как только речь заходила об Эрцзе, начинала всячески ее поносить.

– Наша госпожа слишком добрая! А я – не тряпка! Ни в чем уступать не стану! Эта потаскушка Эрцзе все равно что песок в глазу. Но она еще меня узнает!

Фэнцзе всем своим видом показывала, что вполне согласна с Цютун, а несчастной Эрцзе только и оставалось, что лить слезы! Она совсем перестала есть, но пожаловаться Цзя Ляню не смела. Даже когда матушка Цзя, заметив, что глаза Эрцзе красны от слез, спросила, в чем дело, Эрцзе ничего не сказала.

А Цютун, заискивая перед матушкой Цзя, стала ей наговаривать:

– Эрцзе коварна, всякими заклинаниями старается накликать смерть на вторую госпожу Фэнцзе и на меня, чтобы стать законной женой господина Цзя Ляня.

– Девушка хороша собой, а красота часто уживается с ревностью и завистью, – проговорила матушка Цзя. – Но ведь Фэнцзе так к ней добра! Выходит, Эрцзе неблагодарна.

Чувство неприязни к Эрцзе, постепенно зревшее в душе матушки Цзя, передалось остальным, и жизнь бедняжки стала просто невыносимой: ей

оставалось одно – умереть. Счастье еще, что Пиньэр за нее вступалась, хоть и тайком от Фэнцзе.

Нежная и хрупкая, Эрцзе не вынесла этих мучений. Прошел месяц, она перестала есть и буквально таяла на глазах. Однажды ей приснилось, будто Саньцзе протягивает ей «меч утки и селезня» и говорит:

«– Сестра! С самого детства ты страдаешь от того, что нравом слаба. Не верь этой женщине, она коварна и зла, лишь притворяется доброй. У нее на устах мед, на сердце – лед. Она жестока, как волк, и не успокоится, пока не сживет тебя со свету! Будь я жива, не позволила бы тебе войти к ним в дом, не дала бы ей так над тобой издеваться. Увы! В прежней своей жизни ты была распутницей, много зла причинила людям, и вот пришло возмездие. Послушайся моего совета, возьми этот меч и отруби голову завистнице, а затем мы вместе предстанем перед феей Цзинхуань и смиренно выслушаем ее приговор. А не сделаешь, как я сказала, понапрасну погубишь жизнь, никто тебя добрым словом не помянет!

– Сестрица! – плача, отвечала Эрцзе. – Раз в прежней жизни я была грешницей, значит, заслужила возмездие. Зачем же мне совершать еще один грех?!

Саньцзе ничего не ответила, вздохнула и исчезла».

Эрцзе в страхе проснулась и поняла, что это был сон.

Дождавшись Цзя Ляня и улучив момент, когда поблизости никого не было, Эрцзе, обливаясь слезами, принялась жаловаться.

– Я больна, – говорила она, – и никогда не поправлюсь. Уже полгода я ношу во чреве ребенка. Хотя бы Небо сжалилось надо мной и я успела родить! Не о себе я пекусь – о младенце!

– Не надо так убиваться, – сказал Цзя Лянь, и глаза его наполнились слезами. – Я приглашу хорошего врача...

И он тут же вышел распорядиться.

Но будто нарочно, доктор Ван в это время был болен, а тотчас по выздоровлении собирался на службу в войско. Пришлось звать другого врача, того самого Ху Цзюньжуна, который в свое время лечил Цинвэнь. Ху Цзюньжун заявил, что у больной нарушены месячные, и велел принимать укрепляющее средство.

– Месячных у нее нет давно, к тому же часто случается рвота, – сказал Цзя Лянь. – Мне кажется, она беременна.

Ху Цзюньжун приказал служанкам закатать больной рукав, долго щупал пульс и наконец произнес:

– При беременности пульс должен быть чаще. Когда процветает стихия дерева, она влияет на печень, рождается огонь и нарушаются

месячные. Осмелюсь попросить госпожу открыть лицо, не видя больной, я не могу прописать лекарство.

Цзя Лянь приказал убрать полог. Красота Эрцзе так поразила Ху Цзюньжуна, что у него, как говорится, душа улетела на небеса. Где уж тут было думать о лечении?!

Когда Цзя Лянь вышел проводить врача, тот сказал:

– Это не беременность, просто застой крови. Надо срочно усилить кровообращение!

Он прописал лекарство, попрощался и ушел.

После лекарства Эрцзе стало совсем плохо. Ночью начались боли в животе, она выкинула мальчика и от сильного кровотечения потеряла сознание.

Цзя Лянь всячески поносил и проклинал Ху Цзюньжуна и велел тотчас же его привести. Но Ху Цзюньжун, узнав, что дело приняло дурной оборот, быстро собрал пожитки и скрылся. Пригласили еще одного врача.

– У больной плохое кровообращение, – заявил он. – А во время беременности ей, видимо, пришлось поволноваться, вот и получился застой крови. Средство, которое она принимала, слишком сильное, оно подорвало первородный дух, поэтому вылечить больную быстро вряд ли удастся. Пусть принимает пилюли, но единственное, что может ее спасти, это покой.

После ухода врача Цзя Лянь стал допытываться, кто из слуг вздумал пригласить Ху Цзюньжуна, и приказал избить виновного до полусмерти.

Фэнцзе делала вид, что волнуется больше всех, и без конца повторяла:

– Когда судьба наконец послала нам сына, подлый докторишко его сгубил!

Она жгла жертвенные деньги, приговаривая:

– Пусть лучше я заболую, а Эрцзе поправится, снова забеременеет и родит сына. Ради этого я готова все время поститься и возносить Будде молитвы!

Цзя Лянь, да и все остальные, не уставали ее хвалить.

Цзя Лянь в это время жил вместе с Цютун. Фэнцзе сама приказывала готовить отвары, кипятить воду и относить Эрцзе. Когда же Фэнцзе велела погадать о судьбе девушки, выяснилось, что ее сглазил человек, родившийся в год зайца.

А в этот год родилась только Цютун. И тут все решили, что это она виновница всех бед.

Сама же Цютун преисполнилась злобы и ревности, видя, как заботится Цзя Лянь об Эрцзе – и врачей приглашает, и слуг наказывает, и поносит

всех. Но когда Цютун стали винить в болезни Эрцзе, терпение ее лопнуло.

– Побудь лучше где-нибудь несколько дней, а потом вернешься, – пробовала ее уговорить Фэнцзе.

Но Цютун лишь расплакалась и стала громко браниться:

– Жаль, эта дрянь с голоду не успела подохнуть! Ничто меня с ней не связывает, как колодезную воду с речной! Как же я могла навредить ей, потаскушке?! С кем она только не путалась! А тут, видите ли, ее сразу сглазили! Еще неизвестно, от кого у нее ребенок – от Чжана или от Вана! Господин наш слабохарактерный, вот она его и опутала! Может быть, вам, госпожа, нравятся потаскушки, а я их терпеть не могу! Все мы можем рожать! Но кто поверит, что дело чисто, если беременеть каждые полгода?

Служанки, слушая ее, еле сдерживали смех.

В это время пришла госпожа Син, и Цютун стала ей жаловаться:

– Меня хотят выгнать, а куда я пойду? Сжальтесь надо мною, почтенная госпожа!

Госпожа Син отчитала Фэнцзе и напустилась на Цзя Ляня:

– Неблагодарная тварь! Нравится тебе Цютун или нет, помни, ее тебе подарил отец, и если вздумаешь ее выгнать ради какой-то девчонки, взятой на стороне, значит, родного отца не почитаешь!

Рассерженная, госпожа Син ушла. А Цютун, почувствовав поддержку, совсем разошлась. То и дело подходила к комнате Эрцзе, громко ругала ее. Можете себе представить, каково было бедняжке!

Как-то вечером, когда Цзя Лянь отдыхал, а Фэнцзе уже легла спать, Пиньэр потихоньку пробралась к Эрцзе. Выслушала ее жалобы, утешила как могла, дала несколько советов и убежала – было уже поздно.

Оставшись в одиночестве, Эрцзе подумала:

«Я и так больна, а мне не дают ни минуты покоя. Разве поправишься? Ребенка у меня не будет, и ничто больше не держит меня в этом мире! Чем так страдать, не лучше ли свести счеты с жизнью! Говорят: от золота можно умереть. Пожалуй, это благороднее, чем повеситься или зарезаться!»

Собравшись с силами, Эрцзе встала с постели, вынула из ящика золотой шарик, заплакала. А в пятую стражу положила шарик в рот и с большим трудом проглотила. Затем она привела себя в порядок, надела головные украшения и легла на кан, безучастная ко всему.

Утром Эрцзе не позвала служанок, и они, очень довольные, занялись собственным туалетом.

Возмущенная их равнодушием, Пиньэр, как только Фэнцзе с Цютун ушли, стала их упрекать:

– До чего же вы бездушны! Никакого сочувствия к больной девушке! Бить вас мало! Нельзя же так бессовестно пользоваться тем, что у Эрцзе мягкий характер, как говорится, толкать стену, когда она рушится.

Пристыженные служанки поспешили к Эрцзе и увидели, что она лежит на кане, нарядно одетая. Поднялся шум, переполох. Прибежала Пинъэр, все поняла и заплакала в голос. Плакали и остальные служанки, помня, как ласкова была с ними Эрцзе, только тихонько, из страха перед Фэнцзе.

Вскоре весь дом узнал о случившемся. Примчался Цзя Лянь, обнял умершую и разразился горестными воплями. Фэнцзе тоже старалась плакать и приговаривала:

– Жестокая сестрица! Зачем ты покинула нас? Я так на тебя надеялась!

Пришли госпожа Ю и Цзя Жун. Едва сдерживая слезы, они принялись утешать Цзя Ляня. Тот наконец взял себя в руки, доложил о случившемся госпоже Ван и попросил разрешения поставить на время гроб во дворе Душистой груши, а затем поместить в кумирню Железного порога.

Цзя Лянь также распорядился убрать как положено двор Душистой груши, перенести туда тело Эрцзе, положить в гроб, покрыть саваном и поставить у гроба восемь слуг и восемь служанок. После этого Цзя Лянь призвал гадателя, чтобы определить день похоронной церемонии. Гадатель сказал, что раннее утро следующего дня вполне годится для положения покойной в гроб, а погребальная церемония может состояться лишь на седьмой день.

– Ничего не поделаешь, – промолвил Цзя Лянь. – Моих дядюшек и братьев нет сейчас дома, а затягивать похоронную церемонию надолго нельзя.

Гадатель не стал возражать, написал свидетельство о смерти и удалился.

Пришел поплакать над покойной и Баоюй, а следом за ним – другие домочадцы.

Цзя Лянь отправился к Фэнцзе взять денег на похороны. Но Фэнцзе, увидев, что гроб унесли, сказала больной и ответила:

– Старая госпожа и госпожа не велели мне, пока не понравлюсь, вставать, поэтому я не смогла надеть траур.

Только Цзя Лянь ушел, как она побежала в сад Роскошных зрелищ, тайком добралась до двора Душистой груши, постояла у стены, подслушивая, о чем говорят, и поспешила к матушке Цзя.

– Нечего слушать Цзя Ляня, – сказала матушка Цзя. – Тело умершего от чахотки сжигают. Неужели устраивать пышные похороны и освящать

место для могилы? Раз уж она была второй женой, пусть гроб простоит пять дней, а потом надо отнести его на кладбище, зарыть или же просто сжечь. И чем скорее, тем лучше.

– Бабушка, я не посмею сказать это мужу, – улыбаясь, промолвила Фэнцзе.

В это время от Цзя Ляня пришла служанка и сказала:

– Госпожа, второй господин ждет денег!

Пришлось Фэнцзе возвратиться домой. Увидев Цзя Ляня, она сердито сказала:

– Какие еще деньги? Ты разве не знаешь, что с деньгами в последнее время туго? С каждым месяцем нам выдают все меньше и меньше. Вчера мне пришлось за триста лянов заложить два золотых ожерелья, и осталось всего двадцать лянов. Если хочешь, возьми!

Она велела Пиньэр принести деньги, отдать их Цзя Ляню, а сама снова ушла, сказав, что ей нужно поговорить с матушкой Цзя.

Цзя Лянь задыхался от гнева, но ничего не мог возразить. Он приказал открыть сундуки Эрцзе, однако там оказались только сломанные шпильки для волос да старая одежда. Цзя Лянь хотел было поднять шум, но не посмел – Эрцзе умерла при загадочных обстоятельствах. Собрав все ее вещи в узел, Цзя Лянь отнес их в укромное место и собственноручно сжег.

Пиньэр искренне горевала. Раздобыв где-то двести лянов серебра в мелких слитках, она отдала их Цзя Ляню и попросила:

– Ничего не говорите жене! Ведь можно поплакать украдкой! Не обязательно у всех на виду!

– Ты права, – согласился Цзя Лянь и, протянув Пиньэр полотенце, промолвил: – Этим полотенцем она подпоясывалась дома. Сохрани его для меня!

Пиньэр подальше спрятала полотенце.

Взяв деньги, Цзя Лянь немедленно распорядился заказать приличный гроб и распределил обязанности между слугами и служанками, которые должны были дежурить возле усопшей. Сам он тоже всю ночь не отходил от гроба.

Гроб стоял семь дней. Цзя Лянь не осмеливался устраивать пышные церемонии, но в память о своей любви к Эрцзе пригласил буддийских и даосских монахов, и они вознесли молитвы о спасении души умершей.

Неожиданно Цзя Ляню велено было явиться к матушке Цзя.

Если хотите узнать, зачем он ей понадобился, прочтите следующую главу.

Глава семидесятая

Линь Дайюй собирает поэтическое общество «Цветок персика»;

Ши Сяньюнь пишет стихи об ивовых пушинках

Итак, Цзя Лянь семь дней и семь ночей провел во дворе Душистой груши и все это время буддийские и даосские монахи читали молитвы по усопшей.

Матушка Цзя не позволила ставить гроб в родовом храме, и Цзя Ляню ничего не оставалось, как похоронить Эрцзе рядом с Саньцзе.

На церемонии выноса гроба были только родные из семьи Ван да госпожа Ю с невестками. Фэнцзе ни во что не вмешивалась, предоставив Цзя Ляню поступать по собственному усмотрению.

Год близился к концу, и ко всем прочим хлопотам прибавились новые – надо было женить восемь слуг, достигших двадцатипятилетнего возраста, а для этого отпустить служанок, отслуживших в доме положенный срок, чтобы выдать за них замуж.

Но не все девушки хотели идти замуж, и у каждой была на то своя причина. Юаньян поклялась никогда не покидать матушку Цзя. Она перестала пудриться и румяниться, даже не разговаривала с Баоюем. Хупо все время болела. Занемогла и Цайюнь из-за обиды, нанесенной ей Цзя Хуанем. Таким образом, замуж выдали всего несколько служанок, которых обычно использовали на черных работах в домах Фэнцзе и Ли Вань. Остальные служанки были еще слишком малы. Поэтому Фэнцзе посоветовалась с матушкой Цзя и госпожой Ван и решено было предложить слугам искать невест на стороне.

Пока Фэнцзе болела, хозяйственными делами занимались Ли Вань и Таньчунь, и у них не оставалось ни минуты свободного времени. А тут еще подошли новогодние праздники, дел прибавилось, и о поэтическом обществе все забыли.

Близилась весна, Баоюй теперь не был так занят, но пребывал в мрачном расположении духа. Уход Лю Сянляня в монахи, самоубийство Саньцзе, смерть Эрцзе и, наконец, обострившаяся болезнь Уэр после той

ночи, когда она просидела под стражей, очень повлияли на Баоюя. Он даже стал заговариваться, нервы совсем расшатались. Сижэнь это беспокоило, но волновать матушку Цзя она пока не хотела и старалась сама как могла развлечь юношу.

Проснувшись однажды утром, Баоюй услышал доносившиеся из передней веселые голоса, шутки, смех.

– Иди скорее сюда! – позвала Сижэнь. – Посмотри, что Цинвэнь и Шэюэ вытворяют.

Баоюй быстро надел подбитую беличьим мехом куртку и выбежал в переднюю. Девушки еще не оделись, не убрали постели. На Цинвэнь была короткая салатного цвета кофточка из ханчжоуского шелка и длинная красная рубашка. На Шэюэ – красная сатиновая безрукавка и старый халат. На Фангуань красные штаны и зеленые чулки. Цинвэнь, растрепанная, сидела верхом на Фангуань, которую щекотала Шэюэ. Фангуань хохотала и дрыгала ногами.

– Ай-я-я! Две больших обижают маленькую! – со смехом воскликнул Баоюй, вскочил на кровать и принялся щекотать Цинвэнь. Девушка взвизгнула и оставила Фангуань, намереваясь броситься на Баоюя, но тут на нее навалилась Фангуань. Глядя на их возню, Сижэнь сказала со смехом:

– Смотрите, простудитесь! Одевайтесь скорее!

Вдруг на пороге появилась Биюэ и спросила:

– Никто не видел платка? Вчера вечером госпожа Ли Вань здесь его потеряла.

– Вот он! – отозвалась Чуньянь. – Я его нашла на полу, только не знала, чей он, поэтому выстирала и повесила сушить.

– У вас весело, – заметила Биюэ, глядя на Баоюя, забавлявшегося со служанками. – С самого утра возню затеяли...

– А вам кто мешает? – засмеялся Баоюй. – Вас тоже много!

– Наша госпожа в играх не принимает участия, а тетушки и барышни ее стесняются, – ответила Биюэ. – Барышня Баоцинь переселилась к старой госпоже, две тетушки уехали домой до зимы, барышня Баочай отпустила Сянлин, и в доме стало пусто и скучно. Больше всех грустит барышня Ши Сяньюнь.

Разговор был прерван появлением Цуйлюй, которая сказала:

– Барышня Сяньюнь просит второго господина Баоюя прийти почитать замечательные стихи.

Баоюй оделся и убежал. У Сяньюнь собрались Дайюй, Баочай, Баоцинь и Таньчунь. Они сидели рядышком и читали написанные на листе бумаги стихи.

– Долго же ты спишь! – воскликнули девушки, завидев Баоюя. – Наше общество не собиралось чуть ли не год, и за это время никого не посетило вдохновение! Скоро праздник Начала весны, все рождается вновь, хорошо бы и нам возродиться!

– Наше общество было создано осенью, потому и увяло, – промолвила Сяньюнь. – Ныне, когда все встречают весну, надо его оживить, пусть вновь расцветет. К тому же у нас есть чудесное стихотворение «Песнь о цветах персика», и я предлагаю название нашего общества «Бегония» заменить на «Цветок персика». Что скажешь на это?

– Вполне одобряю, – кивнул Баоюй и взял листок со стихотворением.

– А сейчас давайте пойдем к Ли Вань в деревушку Благоухающего риса и посоветуемся, как возродить наше общество, – сказали девушки.

Все вместе они направились в деревушку Благоухающего риса, и Баоюй читал стихотворение на ходу:

Персика цветы за шторой, – там,
Где восточный ветер лаской веет;
Персика цветы за шторой, – здесь,
Где служанка, сон сгоняя, млеет...
Там, за шторой, – персика цветы,
Здесь, за шторой, – я и все подруги.
Девушки и персика цветы
Льнут друг к другу, нежась на досуге...
Шторы так и сбросил бы с окна
Ветер, слыша наши разговоры,
Просятся цветы из сада к нам,
Но они открыть не в силах шторы.
Там, за шторой, – персика цветы:
Расцветают, как и прежде, дружно.
Здесь, за шторой, – им не пара мы,
Ибо не цветом, а лишь недужим...
Если бы нас поняли цветы,
То и погрустили б с нами вместе,
И за штору ветер бы проник
И принес нам радостные вести.
Штор тогда б раздвинулся бамбук,
Горница б наполнилась цветами,
К нам пришла б весна во всей красе!..
...Только грусть не разлучится с нами...

Дом уныл, лишайником порос,
В пустоте теряются ворота,
У перил грустит в закатный час
Одинокий и печальный кто-то...
При восточном ветре слезы льет
Кто-то одинокий на перила,
И украдкой персика цветок
К юбке прикасается пугливо...

Всполошились персика цветы
И смешались с нежною листвою,
У цветов румяны лепестки,
А листва прельщает бирюзою.
Но от взоров прячутся стволы,
Десять тысяч их – и все в тумане,
Все ж на стенах терема они
Оставляют отблеск свой багряный...

Пряха шелк небесного станка
Мне как весть счастливую прислала;
Зарумянюсь, отойдя от сна,
На своей подушке из коралла... [\[174\]](#)
После из душистого ручья
В золотой несет служанка чаше
Персиковых, нежных вод настой,
Чтобы лик мой был милей и краше [\[175\]](#).
Но зачем мне эта красота?
Что мне свежесть, щек омытых алось?
Яркий лик присущ цветам, а мне
Только слезы проливать осталось!..
Мне возможно ль персика цветок
Уподобить, если плачу горько?
Чем я дольше плачу – он пышней,
И ему не жаль меня нисколько!
Но когда влажны мои глаза, —
На цветок взгляну – слеза слетает,
Выплакала б слезы до конца,
Да цветы, к несчастью, увядают...

...Лишь на миг короткий приглушат
Муку бесприютности сердечной, —
И тотчас с ветрами улетят,
Оставляя в жизни тусклый вечер...
Пусть кукушка закукует вновь...
Нет весны, и в мире одиноко.
Тишина. За шторой окна
Лунное лишь не сомкнется око!

Баоюй прочел стихотворение, но громко выражать восторга не стал, а в задумчивости устремил взгляд куда-то вдаль. Хотелось плакать.

— Откуда у вас эти стихи? — спросил он.

— А ты догадайся! — улыбаясь, ответила Баоцинь.

— Конечно же, их написала Фея реки Сяоян, — сказал Баоюй.

— Вот и не угадал, — засмеялась Баоцинь. — Эти стихи сочинила я.

— Не верю, — засмеялся Баоюй.

— Значит, плохо разбираешься в поэзии, — заметила Баоцинь. — Ведь и Ду Фу не всегда одинаково пишет. Что, например, общего в строках: «Когда хризантема опять расцветает, я плачу, как в прежние дни», «Пурпуром пышным слива цветет под дождем» или «Кувшинок зеленая длинная нить под ветром в воде поплыла»? Ничего.

— Пожалуй, ты права, — ответил Баоюй. — Уверен, что старшая сестра не позволит тебе писать такие скорбные строки. Да и сама ты не станешь писать ничего подобного, хоть и обладаешь талантом. Наверняка стихи эти сочинила сестрица Дайюй в минуту грусти.

Все засмеялись. Они не заметили, как добрались до деревушки Благоухающего риса и, едва войдя в дом, показали стихи Ли Вань. Стихи ей очень понравились.

Они посидели немного, а перед уходом уговорились на следующий день, во второй день третьего месяца, собраться и изменить название общества. Главой общества решено было назначить Дайюй.

И вот утром, сразу после завтрака, все собрались в павильоне Реки Сяоян и первым делом решили определить тему для стихов.

— Пусть каждый напишет стихотворение из ста строк о цветах персика, — предложила Дайюй.

— Не годится, — возразила Баочай. — О персике много писали, и, кроме подражания, у нас ничего не получится. Лучше придумать другую тему!

— Пожаловала тетушка, приглашает барышень, — доложила служанка.

Все вышли, поклонились супруге Ван Цзытэна, немного поговорили, затем поели, прогулялись по саду и, лишь когда настало время зажигать лампы, разошлись.

Следующий день был днем рождения Таньчунь. Юаньчунь прислала евнухов с подарками. Но о том, как праздновали день рождения Таньчунь, мы рассказывать не будем.

После обеда Таньчунь надела парадное платье и отправилась поклониться старшим.

– Мы не вовремя задумали открывать наше общество! – говорила Дайюй сестрам. – Ведь у Таньчунь – день рождения! Угощения и спектаклей не будет, но все равно придется пойти вместе с нею к старой госпоже и там пробыть до конца дня. Так что времени на стихи не останется!

Посоветовавшись, решили собрать общество на пятый день месяца.

Пришло письмо от Цзя Чжэна, и матушка Цзя, когда Баюй пришел к ней справиться о здоровье, попросила прочесть письмо отца вслух.

После обычных вежливых фраз Цзя Чжэн сообщал, что в шестом месяце вернется в столицу. Письма от Цзя Чжэна получили также Цзя Лянь и госпожа Ван. Скорое возвращение Цзя Чжэна всех обрадовало.

Ван Цзытэн тем временем просватал свою племянницу за сына Баонинского хоу, и в пятом месяце ее должны были отвезти в дом мужа. Занятая приготовлениями к свадьбе, Фэнцзе по несколько дней не бывала дома.

Как-то раз к ним приехала жена Ван Цзытэна и пригласила Фэнцзе, а заодно племянников и племянниц провести день у нее. Матушка Цзя и госпожа Ван велели Баюю, Таньчунь, Дайюй и Баочай вместе с Фэнцзе поехать к жене Ван Цзытэна. Отказаться никто не посмел, оделись понарядней и отправились в гости. Провели там весь день и вернулись лишь к вечеру.

Баюй устал и прилег отдохнуть. Сижэнь под села к нему и принялась уговаривать, чтобы к приезду отца он привел книги в порядок, сосредоточился, собрался с мыслями.

– Успею, – отмахнулся Баюй, подсчитав на пальцах, когда может приехать отец.

– Ну ладно, книги – дело второстепенное, – уступила Сижэнь, – но если батюшка спросит, что ты за это время писал, как ты отговоришься?

– Но ведь я все время пишу, – возразил Баюй. – Разве ты ничего не собрала?

– Как не собрала? – вскричала Сижэнь. – Вчера, пока тебя не было

дома, я пересчитала страницы, оказалось пятьсот шестьдесят. Неужели так мало ты написал за все эти годы? Вот что, с завтрашнего дня бросай свои шалости и принимайся за писание. Сколько надо, написать не успеешь, но если писать каждый день определенное количество иероглифов, по крайней мере будет что показать.

Баоюй внял совету, проверил все свои записи и пообещал:

– Отныне каждый день буду писать по сто иероглифов.

Они поговорили еще немного и легли спать.

Утром Баоюй сразу после умывания сел у окна и принялся уставным почерком писать прописи по трафарету.

Матушка Цзя заждалась внука и прислала служанку узнать, не заболел ли он. Но когда наконец Баоюй пришел и матушка Цзя узнала, что все утро он усердно занимался каллиграфией, она порадовалась и сказала:

– Не нужно навещать меня каждый день, побольше читай и пиши. И к матери можешь не ходить, только предупреди!

Баоюй поспешил к госпоже Ван и передал слова бабушки.

– Точить копье перед боем бесполезно! – заметила госпожа Ван. – Занимайся хоть день и ночь, все равно не наверстаешь упущенное, да еще заболеешь от напряжения.

– Не волнуйся, все обойдется, – ответил Баоюй.

– Напрасно беспокоитесь, госпожа, – говорили Баочай и Таньчунь. – Мы поможем ему, напишем сколько требуется, по одному разделу в день. И господин не рассердится, и Баоюй не заболит.

– Это вы хорошо придумали! – улыбнулась госпожа Ван.

Дайюй, услышав, что возвращается Цзя Чжэн, больше не напоминала о поэтическом обществе. Пусть Баоюй не тратит времени на стихи, а занимается хорошенько. Таньчунь с Баочай выполнили свое обещание и каждый день переписывали для Баоюя по одному разделу уставным почерком. Сам Баоюй в отдельные дни переписывал по двести – триста иероглифов.

К третьей декаде третьего месяца накопилось довольно много исписанных листов.

Баоюй подсчитал их. Если написать еще несколько разделов, отцу не за что будет его ругать. И тут как раз Цзыцзюань принесла свиток. На плотной глянцевой бумаге мелким почерком были скопированы каллиграфические образцы Чжун Яо и Ван Сичжи^[176], причем почерк почти не отличался от почерка самого Баоюя.

Баоюй в знак признательности поклонился Цзыцзюань, а затем побежал благодарить Дайюй. Сяньюнь с Баоцинь тоже ему помогли. Какие-

то задания, правда, оставались невыполненными, но об этом можно было не беспокоиться, и Баоюй принялся за чтение.

В это время в приморских районах пронесся ураган, пострадали какие-то селения, о чем государю был представлен доклад. Государь повелел Цзя Чжэну выяснить обстоятельства дела и оказать помощь пострадавшим... Таким образом, возвращение его откладывалось до конца седьмого месяца.

Баоюй снова забросил учение и проводил время в праздности и забавах.

Весна была на исходе, и Ши Сяньюнь загрустила. Глядя однажды, как кружатся на ветру ивовые пушинки, она сочинила стихотворение на мотив «Мне словно снится»:

Пряжи шелковый пух
не исчез ли уже безвозвратно?^[177]
Я отдернула штору —
и вижу туман ароматный^[178].
Пуха мне бы щепотку
принести, чтоб на память осталась, —
Только вызвать боюсь
у кукушки и ласточки жалость^[179].
Но весну попрошу:
Не спеши! Задержись у порога,
Пусть твой ласковый луч
мне посветит — хотя бы немного!..

Стихотворение ей понравилось, она переписала его и дала прочесть Баочай, а затем Дайюй.

— Замечательно! — прочитав стихотворение, воскликнула Дайюй. — И оригинально и интересно.

— Мы никогда еще не сочиняли стихов в жанре цы^[180], — заметила Сяньюнь. — Почему бы на завтрашнем собрании нашего общества не написать хоть по одному стихотворению в этом жанре?

— Ты права, — с воодушевлением произнесла Дайюй.

— А может быть, воспользоваться хорошей погодой и собраться прямо сейчас? — предложила Сяньюнь.

— Не возражаю, — согласилась Дайюй.

Они распорядились приготовить фруктов и через служанок разослали приглашения всем членам общества.

Затем наклеили на стену листок, где написали тему для стихов: «Ивовые пушинки», а также наметили мотивы.

Вскоре все собрались, прочли написанное на листке, затем стихи Сяньюнь и стали наперебой выражать свое восхищение.

– Я не умею писать в жанре цы. Опять у меня какая-нибудь ерунда получится, – предупредил Баоюй.

После жеребьевки Баочай зажгла благовонную свечу и все погрузились в задумчивость.

Первой закончила стихотворение Дайюй. За нею Баоцинъ.

– У меня тоже готово, – заявила Баочай, – но давайте сначала прочтем ваши стихи, а уж потом – мои.

– Свеча сейчас догорит! – воскликнула Таньчунъ. – А я написала только половину стихотворения... А ты? – обратилась она к Баоюю.

Баоюй кончил сочинять, остался недоволен и решил заново написать. Но не успел – свеча догорела.

– Баоюй снова проиграл, – с улыбкой заявила Ли Вань. – А как дела у Гости из-под банана?

Таньчунъ торопливо записала, что успела сочинить. Это была лишь половина стихотворения на мотив «Правитель Нанькэ»^[181].

Не сдержать на ветках иве
эту шелковую прядь.
Эти шелковые нити
ни схватить, ни оборвать...

Разве мыслимо пушинку
вдруг не выронить из рук?
В жизни мы, как север с югом,
Отделимы друг от друга
неизбежностью разлук!

– Неплохо! – заметила Ли Вань. – Жаль только, что ты не успела закончить.

Баоюй бросил кисть и вместе с остальными стал читать написанные стихотворения. Прочитав незаконченное стихотворение Таньчунъ, он вдруг воодушевился, схватил кисть и продолжил:

Потому-то увяданье,

Отрешенность и уход —
Неизбежные страдания,
Свой всему идет черед...

Все же бабочки весенней,
Резвой иволги тоска —
Тяготят, как знаем все мы,
Не извечно, а пока...

Так разведем же печали,
Только год один пройдет, —
Тем начнем, на чем кончали,
Подождем! Всего лишь год!

Все засмеялись.
— Своего стихотворения не придумал, так чужое решил продолжить!
Но ведь оно все равно тебе не зачтется.
Дайюй написала стихотворение на мотив «Танголин»:

В пространстве Края Ста цветов^[182]
Пушинки все летят, летят...
А в Башне ласточки иссяк
Весны душистой аромат^[183].

Пушинки – здесь, пушинки – там,
А коль столкнутся, – не разнять:
Летят вдвоем по небесам,
Не мысля на судьбу роптать.

Неудержим ветров поток.
Прекрасны о любви слова.
Но есть и для деревьев срок,
Конец свой знает и трава...

Недавно был расцвет – и вот
Уже седеет голова!
Что наша жизнь? Пушинок взлет!
Но кто их в вихре соберет?

...Уносится вослед ветрам
Моей мечты весна,
Тем, кто был близок и любим,
Я больше не нужна...

Одна пушинка взмыла ввысь,
Отбившись от другой...
Кричит вослед: «Не торопись!
Мне не летать одной!..»

Дочитав до конца, все одобрительно закивали и стали вздыхать:
– Что хорошо, то хорошо! Только очень печально!
Баоцинь сочинила стихотворение на мотив «Луна над Западной
рекой»:

Садам и рощам дома Хань
Потерян, словно звездам, счет^[184].
Не описать плотины Суй
Всех совершенств и всех красот!
«Трех весен» жизненный удел
К ветрам восточным обращен^[185],
Краса луны и мэйхуа —
Извечный, непрерывный сон...

Роняли в скольких теремах
Цветы весенний свой убор?
В который раз душистый снег
Волнует шелк оконных штор?
На юг и север от реки
Молвой все той же полон свет:
В разлуке близких дни горьки,
В разлуке утешенья нет!

– Здесь много грусти, зато как проникновенно звучит! – воскликнули
девушки. – Особенно хороши строки, начинающиеся словами «Роняли в
скольких теремах» и «В который раз душистый снег».

– Слишком много печали, – с улыбкой заметила Баочай. – Ведь ничего нет легче ивового пуха, вот и надо это воспеть в стихах, а не подражать другим поэтам. Я совсем по-другому поняла.

И она стала читать свое стихотворение, написанное на мотив «Бессмертный из Линьцзяна»:

Там, за Палатой белого нефрита,
Весною ярком хоровод цветистый.
В восточном вихре ивовых пушинок
Движенья то замедленны, то быстры...

– Замечательная строка: «В восточном вихре ивовых пушинок», – перебила Сяньюнь. – Более того, талантливая!

Баочай продолжала:

И бабочек, и пчел вослед за ними
Весенний ветер, разгулявшись, гонит,
И сколько их, не облетевших воду,
Подхваченных волной, безвинно тонет!
А разве в грязь их мало угождает,
Пушинок легких, в буйную погоду?

Хотя бросает в вихрь весенней пляски
Пушинки и цветки восточный ветер, —
Ствол ивы прям. Стоит, не изменяясь,
Покачивая лишь при ветре ветки.

Не смейтесь надо мной... Для пуха ивы
Потерян ствол – и больше нет опоры,
А я хочу, подхваченная ветром,
Свершить полет в небесные просторы!

Все зашумели, захлопали в ладоши.

– Действительно, не похоже на другие стихотворения! Баочай лучше всех написала! В ее стихах столько же грусти, сколько в стихах Феи реки Сяосян, но они интересней, чем у Подруги Утренней зари. Баоцинъ и Гостя из-под банана на сей раз проиграли и должны быть оштрафованы!

– Разумеется, – согласилась Баоцинь. – Но как оштрафуют того, кто сдал чистый лист?^[186]

– Не волнуйтесь, – сказала Ли Вань, – для него штраф особый!

Не успела она договорить, как со двора, со стороны бамбуковых зарослей, донесся какой-то шорох. Испугавшись, все вышли посмотреть, что случилось. Но тут служанка доложила:

– В ветвях бамбука запутался длинный бумажный змей.

– Настоящий бумажный змей! – подтвердили остальные служанки. – Кто-то его запустил, но нитка оборвалась.

– Я знаю, чей он, – сказал Баоюй, выходя следом за сестрами. – Барышни Яньхун, которая живет во дворе старшего господина Цзя Шэ. Отнесите-ка змея ей!

– Неужели во всей Поднебесной у нее одной такой змей? – улыбнулась Цзыцзюань. – Вы, второй господин, слишком самоуверенны! Но мне все равно, могу отнести.

– Цзыцзюань жадная! – заметила Таньчунь, – Разве справедливо присваивать себе чужого змея?

– В самом деле! – вскричала тут Дайюй. – Пусть принесут наших змеев, и мы их запустим, чтобы отогнать от себя несчастья.

Услышав, что барышни собираются запускать змеев, служанки не могли сдержать радостных возгласов и бросились выполнять приказание. Вскоре они вернулись, неся змеев самой причудливой формы, от гусей до людей, а также все необходимое, чтобы их запустить.

Девушки стояли у ворот, а служанкам велено было выйти на открытое место и запускать змеев.

– Твой змей некрасивый, – сказала Баоцинь старшей сестре. – Лучше запустить змея третьей сестры Таньчунь, он большой, с крыльями, как у феникса.

Баочай попросила Цуймо:

– Принеси вашего змея!

Баоюй тоже послал свою служанку за змеем. Он был вне себя от восторга.

– Принеси того, что похож на большую рыбу, – наказывал он, – мне только вчера прислала его тетушка Лай.

Спустя немного девочка вернулась и сказала:

– Тот змей улетел, его вчера запускала барышня Цинвэнь.

– Но я ведь его ни разу не запускал! – вскричал Баоюй.

– Ну и что из того, что не запускал? – заметила Таньчунь. – Ведь Цинвэнь запустила твоего змея, чтобы отвратить от тебя несчастья.

– Тогда принеси того, что похож на краба, – приказал Баоюй служанке.

Девочка убежала и вскоре явилась с двумя другими служанками – они несли «красавицу» и моталку с нитками.

– Барышня Сижэнь велела передать, что «краба» отдали третьему господину Цзя Хуаню, – сказала служанка. – А этого только что прислала тетушка Линь.

Баоюй внимательно осмотрел змея – он был сделан довольно искусно. Очень довольный, Баоюй велел запустить «красавицу».

Тем временем принесли змея Таньчунь, девочки-служанки побежали на горку и оттуда его запустили. Баоцинь распорядилась запустить «летучую мышь», а Баочай – «цепочку из семи диких гусей». Только «красавица» никак не хотела лететь. Баоюй злился, ругал служанок, пытался сам запустить, но змей, поднявшись на высоту дома, падал.

Баоюй швырнул злополучного змея на землю и крикнул:

– Не будь этот змей «красавицей», я растоптал бы его!

– Да ты посмотри, – сказала Дайюй, – верхняя нитка плохо завязана. Прикажи служанкам покрепче ее завязать, и змей сразу взлетит. А пока запусти какого-нибудь другого!

Запрокинув головы, все следили за полетом змеев. От ветра они рвались вверх, и служанки обмотали руки платками, чтобы не пораниться ниткой, постепенно ее отпуская.

Дайюй отпустила моталку, и она свободно вертелась; но вскоре нитка оборвалась и змей улетел.

– Ну вот, улетели все беды и болезни Дайюй, – обрадовались девушки. – Теперь и мы отпустим!

Девочки-служанки перерезали нитки змеев, и то, гонимые ветром, вскоре понеслись вверх. Стали величиной с куриное яйцо, затем превратились в едва заметные точки и, наконец, вовсе исчезли из виду.

– Ой, как интересно! Просто чудо! – восклицали девушки.

Но вскоре пришлось разойтись. Настало время обедать. Теперь Баоюй уже не осмеливался, как бывало прежде, бросать учение. Не проходило дня, чтобы он не писал и не читал; лишь когда становилось неумоги́мо, шел играть с сестрами либо отправлялся в павильон Реки Сяосян поболтать с Дайюй. Сестры знали, что ему надо наверстать упущенное, и старались не мешать. Дайюй больше всех боялась, что вот-вот вернется Цзя Чжэн, будет ругать Баоюя за нерадивость, поэтому всякий раз старалась поскорее спровадить его под предлогом, что ей хочется спать. Таким образом, большую часть времени Баоюй проводил в одиночестве и с особым усердием занимался.

Не успели оглянуться, как наступила осень. И вот однажды от матушки Цзя прибежали служанки звать Баюя.

Если хотите узнать, что случилось, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят первая

Обиженные и недовольные пытаются посеять вражду;

влюбленные неожиданно попадают на глаза Юаньян

Итак, служанки пришли к Баоюю и сказали:

– Второй господин, скорее идите – отец возвратился!

Баоюй и обрадовался, и опечалился, но ему ничего не оставалось, как переодеться и поспешить справиться о здоровье отца.

Цзя Чжэн прямо с дороги пришел к матушке Цзя. Даже переодеваться не стал. При виде Баоюя мгновенная радость на лице Цзя Чжэна сменилась беспокойством.

Поговорили немного о служебных делах, после чего матушка Цзя сказала:

– Ты устал, иди отдыхать!

Цзя Чжэн вежливости ради произнес еще несколько слов и вышел.

Баоюй последовал за отцом. Цзя Чжэн осведомился, как идут у сына занятия, и они расстались.

Надобно сказать, что Цзя Чжэнь и Цзя Лянь выехали навстречу Цзя Чжэну, но тот, справившись о здоровье матушки Цзя, велел им возвращаться, а сам на следующий день предстал перед государем и доложил о выполнении высочайшего повеления. Лишь покончив с делами, Цзя Чжэн вернулся домой – государь милостью своей дозволил ему взять отпуск на месяц.

Цзя Чжэн был уже не молод, сказались также усталость и напряжение, поэтому он очень обрадовался возможности отдохнуть. В домашние дела он не вмешивался: читал, играл в шахматы с друзьями, пил вино или же вел беседы с женой и с сыном, наслаждаясь покоем в семейном кругу.

В третий день восьмого месяца матушке Цзя исполнялось восемьдесят лет, и ждали родных и друзей. Пир решили устроить в обоих дворцах, чтобы всем хватило места. Празднества должны были продлиться с двадцать восьмого числа седьмого месяца по пятое число восьмого месяца. И вот наступил торжественный день. Мужчин принимали во дворце Нинго,

женщин – во дворце Жунго. В саду Роскошных зрелищ для гостей приготовили покои Узорчатой парчи, зал Счастливой тени и другие просторные помещения.

В двадцать восьмой день седьмого месяца припожаловали родные и близкие государя, ваны и гуны из императорской фамилии, их жены и наложницы. Двадцать девятого числа – губернаторы провинций и прочие сановники высокого ранга с женами. Тридцатого числа принимали высокопоставленных чиновников с женами, родственников и близких друзей. Первого числа устроили семейный пир у Цзя Шэ, второго числа—у Цзя Чжэна, третьего числа – у Цзя Чжэня и Цзя Ляня. Четвертого числа остальные члены семьи Цзя устроили общий пир. Пятого числа пир устроили Лай Да, Линь Чжисяо, а также другие управляющие и слуги.

Подношение подарков началось с первой декады седьмого месяца и тянулось до окончания праздников.

Из ведомства церемоний прислали жезл «жуи», золотой, украшенный яшмой, четыре куска цветного шелка, четыре золотых с яшмой кубка и пятьсот лянов серебра. Юаньчунь прислала золотую статуэтку бога долголетия, посох из благовонного дерева, четки из келантанского жемчуга, коробочку благовоний, слиток золота, четыре пары слитков серебра, двенадцать кусков узорчатого шелка и четыре яшмовых кубка... А уж подарков от государевых родственников, а также гражданских и военных сановников различных рангов и не счесть было.

Для редкостных подарков на женской половине дворца расставили большие столы, застланные красным шерстяным войлоком. День-другой матушка Цзя рассматривала дары с удовольствием, но после устала.

– Пусть дары принимает Фэнцзе, – распорядилась матушка Цзя, – я потом посмотрю.

Двадцать восьмого числа дворцы украсили разноцветными фонариками, полотнищами и флагами, расставили ширмы с изображением луаней и фениксов, расстелили матрацы с узором из лотосов. Отовсюду доносились звуки флейт, свирелей, барабанов.

В этот день пировали Бэйцзинский ван, Наньаньский цзюнь-ван и несколько сановных наследственных гунов и хоу. Во дворце Жунго пир возглавляли жены Наньаньского, Бэйцзинского ванов, а также отличившихся гунов и хоу, которые вот уже несколько поколений находились в дружеских отношениях с семьей Цзя.

Матушка Цзя и остальные женщины облачились в одежды, соответствующие их званию. Сначала гостей приглашали в зал Счастливой тени, где они переодевались, пили чай и лишь после этого отправлялись в

зал Процветания и счастья пожелать долголетия матушке Цзя.

После всех церемоний гости наконец сели за стол. Циновку на почетном месте заняли жены Бэйцзинского и Наньаньского ванов. Ниже поместились жены гунов и хоу. На циновке с левой стороны расположились жены Цзиньсянского хоу и Линьчанского бо, с правой стороны восседала сама матушка Цзя.

Госпожи Син, Ван и Ю, Фэнцзе и остальные невестки стояли по обе стороны от матушки Цзя. Жены Линь Чжисяо и Лай Да находились за дверью, держа наготове закуски. Жена Чжоу Жуя с девочками-служанками ждала за ширмой приказаний.

Слугам, сопровождавшим гостей, тоже оказан был радушный прием.

Двенадцать девочек, наряженных слугами, со сцены поздравили матушку Цзя и дожидались распоряжения начинать спектакль. Принесли программу. Ее перехватила служанка и передала жене Линь Чжисяо.

Жена Линь Чжисяо положила программу на чайный поднос и передала Пэйфэн. Та вручила программу госпоже Ю, она в свою очередь почтительно поднесла ее женам Наньаньского и Бэйцзинского ванов. Женщины выбрали по одному акту и передали программу остальным.

Уже в четвертый раз переменили блюда, подали рисовый отвар, слугам гостей вручили подарки. Наконец все вышли из-за стола, переоделись и отправились в сад, где был подан чай.

Жена Наньаньского вана осведомилась, где Баоюй.

– Он в храме. Там нынче читают «Канон о спокойствии и долголетьи», – ответила матушка Цзя.

Тогда гостя спросила о барышнях.

– Одни болеют, другие стесняются появляться на людях, – ответила матушка Цзя, – поэтому я велела им присматривать за комнатами и послала актеров, чтобы девочки смотрели спектакль и не скучали.

– А нельзя ли их пригласить сюда? – попросила жена Наньаньского вана.

Матушка Цзя приказала Фэнцзе привести Сяньюнь, Баочай, Баоцин и Дайюй. Потом вспомнила:

– Пусть придет и Таньчунь!

Фэнцзе пошла в комнаты матушки Цзя, где сестры ели фрукты и смотрели спектакль. Баоюй тоже был здесь, он только что возвратился из храма. Фэнцзе передала приказание матушки Цзя. Баочай, Сяньюнь, Дайюй и Таньчунь вместе с Фэнцзе отправились в сад. Кое-кто из гостей уже не раз видел девушек, иные встретились с ними впервые, но принялись на все лады их хвалить. Жена Наньаньского вана хорошо знала Сяньюнь, она

подозвала девушку и ласково ей попеняла:

– Ведь знала, что я приехала, почему не вышла? Дожидалась особого приглашения? Завтра пожалуюсь дяде!

Она привлекла к себе Таньчунь, обняла Баочай и спросила:

– Сколько вам лет?

И, не дожидаясь ответа, рассыпалась в похвалах. Затем подозвала Дайюй и Баоцинъ, внимательно их оглядела.

– Все как на подбор хорошенькие! Не знаю даже, кто лучше!

Она распорядилась дать каждой девушке в подарок пять колец из золота и яшмы и пять связок с четками из ароматного дерева.

– Вы уж не обессудьте за столь ничтожные подношения, – промолвила жена Наньаньского вана. – Поносите, а потом отдадите служанкам!

Девушки почтительно поклонились и поблагодарили. Жена Бэйцзинского вана тоже одарила девушек, а за нею остальные гости. Но подробно об этом рассказывать мы не будем.

После чая гости прогулялись по саду, и матушка Цзя снова всех пригласила к столу. Жена Наньаньского вана стала отказываться.

– Мне нездоровится, – сказала она, – и приехала я лишь чтобы вас не обидеть. Хотя время раннее, мне надо ехать домой. Уж вы на меня не сердитесь.

Матушка Цзя не стала удерживать гостью и проводила ее до ворот. Вскоре и жена Бэйцзинского вана стала прощаться. Остальные гости сидели до конца пиршества.

Матушка Цзя утомилась, и на следующий день гостей встречала госпожа Син. Мужчин из знатных семей провожали в гостиную, где Цзя Шэ, Цзя Чжэн и Цзя Чжэнь принимали поздравления, а затем вели к столу.

В последние дни госпожа Ю была очень занята. Днем принимала гостей, вечером развлекала матушку Цзя, помогала Фэнцзе и лишь поздним вечером отправлялась ночевать к Ли Вань.

В тот вечер матушка Цзя ей сказала:

– Ты утомилась, да и я тоже. Поужинай пораньше и ложись спать! Завтра надо рано подняться.

Госпожа Ю пошла ужинать к Фэнцзе, но застала только Пиньэр, которая в это время разбирала одежду.

Фэнцзе была во флигеле, где присматривала за слугами, которые убирали ширму, подаренную матушке Цзя. Увидев Пиньэр, госпожа Ю сразу вспомнила Эрцзе – Пиньэр о ней так заботилась – и сказала:

– Милая девочка! Ты так добра, а сколько тебе приходится терпеть!

Заметив, что Пинъэр расстроилась, госпожа Ю решила не продолжать этот разговор и спросила:

– Твоя госпожа поужинала?

– Нет. Она как раз собиралась вас пригласить, – ответила Пинъэр.

– Долго ждать, пойду к кому-нибудь другому, – проговорила госпожа Ю. – Очень есть хочется.

Она уже направилась к выходу, но Пинъэр сказала:

– Погодите, госпожа. У меня есть пирожки, перекусите, а вернется госпожа, будем ужинать.

– У тебя и так много дел, – ответила госпожа Ю. – Пойду-ка я пока в сад, поболтаю с девушками.

Главные и боковые ворота сада еще не были заперты. Повсюду горели разноцветные фонарики. Госпожа Ю велела девочке-служанке позвать женщину, сторожившую ворота, но в привратничкой не было ни души. Тогда госпожа Ю приказала позвать экономок, и девочка побежала в кладовую. Там она застала двух женщин, деливших между собой фрукты и разную снедь.

– Где экономки? – спросила девочка. – Их зовет госпожа из восточного дворца.

– Экономки только что ушли, – небрежно ответили женщины.

– Найдите их! – настаивала девочка.

– Пошли посыльного! – отмахнулись те. – Наше дело присматривать за комнатами.

– Ай-я-я! Бунтовать вздумали! – вскричала девочка. – За вознаграждение вы бросились бы искать кого угодно. Или же по приказу госпожи Фэнцзе. Перечить не посмели бы!

Женщины растерялись было, но тут же напустились на девочку. Она задела их за живое, к тому же они только что хлебнули вина.

– Чтоб тебе лопнуть! – закричали женщины. – Кого хотим, того и зовем. И не твое это дело! Ты лучше на своих родителей погляди! Они небось больше нас лебезят перед господами! Каждый у себя хозяин! Вот и командуй дома! А теперь катись-ка отсюда!

– Ладно! – промолвила девочка, бледнея от негодования. – Попомните вы меня!

Она побежала к госпоже Ю. Но та уже успела уйти в сад, где увидела Сижэнь, Баоцинъ и Сяньюнь – они вели веселый разговор с двумя монашками из монастыря Дицзанвана.

– Я очень проголодалась, – сказала госпожа Ю.

Сижэнь повела ее во двор Наслаждения пурпуром и угостила. Здесь и

нашла ее девочка-служанка и передала свой разговор с женщинами в кладовой.

– Кто они? – выслушав ее, с возмущением спросила госпожа Ю.

– Ты, барышня, чересчур горяча, – засмеялись монашки, толкая девочку в бок. – Зачем рассказывать госпоже о болтовне глупых старух? Госпожа утомилась за последние дни, поесть, и то некогда. А ты ее расстраиваешь!

Сижэнь, смеясь, потащила прочь девочку, говоря:

– Иди к себе, милая сестрица, я велю позвать экономок!

– Не нужно, пошли лучше за теми женщинами, – приказала госпожа Ю, – и попроси прийти сюда госпожу Фэнцзе.

– Пожалуй, я сама за ними пойду, – ответила Сижэнь.

– Самой незачем, – возразила госпожа Ю.

– Вы так добры и милосердны, госпожа! – вскричали монашки. – Не надо гневаться в день рождения старой госпожи!

Баоцинъ и Сяньюнь тоже принялись уговаривать госпожу Ю.

– Ладно! – уступила наконец госпожа Ю. – Но случись это в другой день, ни за что не простила бы!

Тем временем Сижэнь послала служанку за экономкой. Служанке навстречу попала жена Чжоу Жуя, и девочка передала ей все, о чем только что говорилось.

Жена Чжоу Жуя не ведала хозяйственными делами, но приехала во дворец вместе с госпожой Ван и потому пользовалась уважением. Она была ловка и хитра, умела льстить, и хозяева ее любили. Выслушав девочку, жена Чжоу Жуя помчалась во двор Наслаждения пурпуром, приговаривая:

– Вот беда-то! Госпожу рассердили! А меня, как нарочно, там не было!

Госпожа Ю с улыбкой поманила ее к себе:

– Иди сюда, сестра Чжоу, я хочу тебе кое-что сказать. Разве годится, что в такое позднее время ворота сада открыты, повсюду горят фонари и люди ходят туда-сюда без надзора? А если что случится... Я хотела приказать запереть ворота и погасить фонари, но нигде никого нет!

– Вот как! – воскликнула жена Чжоу Жуя. – Ведь то же самое недавно приказывала вторая госпожа Фэнцзе, а сегодня опять непорядок! Придется высечь нерадивых служанок!

Госпожа Ю рассказала ей все, что услышала от своей служанки.

– Не сердитесь, госпожа, – стала успокаивать ее жена Чжоу Жуя. – Сразу после праздника доложу обо всем управительнице. А погасить фонари и запереть ворота я уже распорядилась. Успокойтесь, пожалуйста, госпожа!

Пока шла вся эта суматоха, от Фэнцзе прибежала служанка звать госпожу Ю ужинать.

– Я уже перекусила, – ответила госпожа Ю. – Передай госпоже, чтобы ужинала без меня.

Из сада жена Чжоу Жуя пошла к Фэнцзе и доложила о случившемся. Та распорядилась:

– Запишите имена этих женщин, велите связать их и отправить во дворец Нинго, пусть госпожа Ю сама их накажет. Дело выеденного яйца не стоит!

Жена Чжоу Жуя хмыкнула – она давно была не в ладах с провинившимися. Потому не мешкая позвала мальчика слугу, велела пойти к жене Линь Чжисяю, передать приказание Фэнцзе и сказать, чтобы тотчас же явилась к госпоже Ю. Затем она распорядилась связать провинившихся женщин, отвести на конюшню и сторожить.

Жена Линь Чжисяю, не зная, в чем дело, поспешила к Фэнцзе. Девочка-служанка побежала о ней докладывать, но вскоре вернулась и сказала:

– Вторая госпожа изволит отдыхать, пойдите к старшей госпоже, она сейчас в саду!

Пришлось жене Линь Чжисяю отправиться в деревушку Благоухающего риса.

Госпожа Ю велела служанкам позвать женщину и сказала:

– Я не могла найти служанок и спросила о вас. Ничего особенного не случилось, так что напрасно вас беспокоили!

– Вторая госпожа прислала ко мне служанку передать, что я вам зачем-то понадобилась, – с улыбкой ответила жена Линь Чжисяю.

– Наверняка все это устроила сестра Чжоу! – воскликнула госпожа Ю. – Можете возвращаться домой!

Ли Вань хотела рассказать, что произошло, но госпожа Ю сделала ей знак молчать.

На обратном пути жена Линь Чжисяю встретила наложницу Чжао.

– Ах, сестра! – вскричала та. – Все бегаешь?

– Думаешь, я не была дома? – улыбнулась жена Линь Чжисяю.

Разговаривая, они подошли к флигелю, где жила наложница Чжао.

– Дело-то пустяковое! – заметила наложница Чжао. – Если госпожа Ю милосердна, она простит всех женщин, если же мелочна – их поколотят. И стоило тебя из-за этого беспокоить! Я даже не приглашаю тебя выпить чаю – иди отдыхай скорее!

У боковых ворот навстречу жене Линь Чжисяю выбежали со слезами дочери провинившихся женщин и стали просить вступить за их матерей.

– Глупышки вы! – улыбнулась жена Линь Чжисяо. – Кто заставлял их пить вино да еще нести всякую чушь?! Вторая госпожа Фэнцзе велела связать их, а меня стала ругать за то, что недоглядела. Как же я буду за них вступаться?

Девочки продолжали плакать и умолять. Жена Линь Чжисяо, желая отвязаться от них, сказала:

– Дурочки! Ну что пристали? Не знаете, кого надо просить! Сестра одной из вас замужем за сыном матушки Фэй, а та служит у старшей госпожи. Рассказала бы лучше сестре, пусть свекровь ее поговорит со своей госпожой. Тогда все будет в порядке!

Одна девочка успокоилась, но вторая продолжала плакать.

Жена Линь Чжисяо в сердцах плюнула и сказала:

– Ведь ее сестра будет просить за обеих. Не может быть, чтобы ее мать отпустили, а твою наказали!

Поговорив с девочками, жена Линь Чжисяо уехала.

Девочка и в самом деле рассказала обо всем своей старшей сестре, а та поговорила со свекровью. Старуха Фэй была не из робкого десятка, подняла шум и побежала к госпоже Син.

– Моя родственница поссорилась со служанкой старшей госпожи Ю, – сказала она госпоже Син, – а жена Чжоу Жуя подбила вторую госпожу Фэнцзе наказать мою родственницу. Ее заперли на конюшне и через два дня будут пороть. Уговорите вторую госпожу простить!

Надобно сказать, что после того, как госпожа Син попала впросак со сватовством Юаньян, матушка Цзя заметно к ней охладела. Она даже не пригласила госпожу Син повидаться с женой Наньянского вана, когда та приезжала, – позвала лишь Таньчунь, что, разумеется, вызвало недовольство госпожи Син. К тому же служанки, недовольные Фэнцзе, всячески настраивали против нее госпожу Син, и та в конце концов возненавидела невестку. Не желая разбираться, кто прав, кто виноват, госпожа Син на следующее утро явилась к матушке Цзя, у которой в это время собрались почти все члены семьи.

Матушка Цзя пребывала в веселом расположении духа, поскольку собрались все свои, одета была по-домашнему просто.

Посреди зала поставили лежанку с двумя подушками: одна – для сидения, другая – под спину; к лежанке придвинули скамеечки для ног. Здесь были Баочай, Баоцин, Дайюй, Сяньюнь, Инчунь, Таньчунь и Сичунь.

Пришли также мать Цзя Пяня с дочерью Силуань, мать Цзя Цюна – с дочерью Сыцзе, внучки да племянницы, которых было человек двадцать.

Матушка Цзя сразу обратила внимание, что Силуань и Сыцзе очень милостивы, с изысканными манерами и речью, и велела им сесть рядом с собой.

Баоюй растирал матушке Цзя ноги. На главной циновке расположилась тетушка Сюэ, немного пониже – остальные родственницы. Сразу за залом на двух террасах в порядке старшинства расположились мужчины. Они поздравили матушку Цзя после женщин.

– Зачем все эти церемонии! – махнула рукой матушка Цзя.

Лай Да привел слуг. От самых ритуальных ворот они ползли на коленях и земно кланялись. За ними следовали их жены и служанки из обоих дворцов. Церемония длилась так долго, что можно было за это время несколько раз пообедать. Принесли птиц в клетках и выпустили на волю.

Мужчины во главе с Цзя Шэ сожгли в жертву Земле, Небу и богу долголетия Шоусину бумажные фигурки коней. В самый разгар пира матушка Цзя удалилась отдохнуть, наказав Фэнцзе оставить Силуань и Сыцзе дня на два погостить.

Когда в сумерки гости стали расходиться, госпожа Син стала просить Фэнцзе оказать ей милость.

– Вчера вечером я узнала, – жалобным тоном говорила она, – что вы, вторая госпожа, рассердились и приказали жене Чжоу Жуя наказать двух женщин. В чем их вина? Может быть, мне и не следовало бы за них вступаться, но ведь у нашей почтенной госпожи нынче такой радостный день. Не ради меня, ради старой госпожи простите их!

С этими словами госпожа Син ушла.

Сказанное госпожой Син, да еще при людях, ошеломило Фэнцзе. Сначала она смутилась, потом побагровела от гнева и, не успев собраться с мыслями, обратилась к жене Лай Да:

– Что же это такое творится! Мои служанки обидели старшую госпожу Ю из дворца Нинго, и чтобы не подумали, будто я им потакаю, я решила передать виновных самой госпоже Ю, пусть поступила бы с ними, как сочтет нужным. А теперь, выходит, я во всем виновата! Кто же это успел насплетничать?

– А в чем дело? – поинтересовалась госпожа Ван.

Фэнцзе ей рассказала, что произошло накануне.

– Мне об этом ничего не известно, – с улыбкой возразила госпожа Ю. – Вы, наверное, перестарались!

– Я заботилась о вашем же добром имени, – проговорила Фэнцзе. – Уверена, посмей кто-нибудь оскорбить меня в вашем доме, вы поступили бы так же! Даже самой лучшей служанке не дозволено нарушать приличия!

И кому это вздумалось из такого пустяка раздуть целую историю!

– Твоя свекровь права, – сказала госпожа Ван. – Но и жена брата Цзя Чжэня нам не чужая. Зачем лишние церемонии? Пусть этих женщин отпустят, и все!

Фэнцзе, чем больше думала о случившемся, тем больше злилась. Глаза ее заблестели от слез. Расстроенная, она незаметно ушла и дома разразилась рыданиями. Увидев, что Фэнцзе исчезла, матушка Цзя послала за нею Хупо.

– Что случилось? – вскричала Хупо, увидев Фэнцзе в слезах. – Старая госпожа вас зовет!

Фэнцзе быстро умылась, припудрилась, нарумянилась и вернулась к матушке Цзя.

– Сколько ширм мне прислали в подарок? – спросила матушка Цзя.

– Шестнадцать, – ответила Фэнцзе. – Двенадцать больших и четыре маленьких. Самую большую, двенадцатистворчатую, затянутую темно-красным атласом, прислала семья Чжэнь. На ней вышита сцена из пьесы «Полна кровать бамбуковых пластинок». Ширма не только самая большая, но и самая лучшая. Неплохую стеклянную ширму прислали от Юэхайского полководца У.

– Эти ширмы я кому-нибудь подарю, – сказала матушка Цзя.

Фэнцзе кивнула. В этот момент вошла Юаньян и в упор посмотрела на Фэнцзе.

– Чего уставилась? – засмеялась матушка Цзя. – Не узнаешь, что ли?

– Странно, почему у нее так припухли глаза, – произнесла Юаньян.

Матушка Цзя подозвала Фэнцзе, внимательно на нее посмотрела.

– Терла я их, вот и припухли, – улыбнулась Фэнцзе.

– А может быть, кто-то расстроил тебя? – с усмешкой произнесла Юаньян.

– А если бы и расстроили, разве можно в такой счастливый день плакать?

– Вот это ты верно сказала, – согласилась матушка Цзя и попросила: – Распорядись, чтобы мне подали есть, я проголодалась. А потом и вы угоститесь. И пусть наставницы выберут для меня «бобы Будды». Они и вам принесут долголетие. Твои сестры и Баюй уже выбрали, теперь ваша очередь.

Служанки подали овощные закуски для матушки Цзя и монашек, а затем и мясные блюда. Матушка Цзя немного поела, а что осталось, приказала вынести в прихожую.

Пока госпожа Ю и Фэнцзе угощались, матушка Цзя велела позвать

Силуань и Сыцзе, чтобы они тоже поели. Покончив с едой, все вымыли руки и воскурили благовония. Тут принесли бобы, над которыми монашки прочли молитвы, а затем стали перебирать их и раскладывать по корзинкам, чтобы на следующий день сварить и раздавать бедным на улицах.

Затем матушка Цзя легла отдыхать.

Юаньян со слов Хупо знала, что Фэнцзе плакала, расспросила Пиньэр, что случилось, и вечером, когда все разошлись, сказала матушке Цзя:

– А вторая госпожа все же плакала! Это из-за старшей госпожи Син, она при людях ее осрамила.

– Осрамила? – удивилась матушка Цзя. Юаньян рассказала все как было.

– Так случилось лишь потому, что Фэнцзе слишком строга в соблюдении этикета, – решила матушка Цзя. – Эти рабыни позволили себе в день моего рождения оскорбить хозяев, а старшая госпожа Син рассердилась и выместила свой гнев на Фэнцзе.

В этот момент в комнату вошла Баоцинъ, и разговор прекратился. К тому же матушка Цзя вдруг вспомнила о Силуань и Сыцзе и велела своим служанкам передать тем, кто прислуживал в саду, чтобы заботились о гостях так же, как об остальных барышнях.

Женщины поддакнули и собрались идти, но Юаньян их окликнула:

– Погодите, я тоже пойду. А то тамошние служанки вас и слушать не станут.

Придя в сад, Юаньян первым делом отправилась в деревушку Благоухающего риса, но ни Ли Вань, ни госпожи Ю не застала.

– Они у третьей барышни, – сказали ей.

Тогда Юаньян пошла в зал Светлой бирюзы. Едва увидев ее, девушки воскликнули:

– Ты зачем явилась?

– Гуляю, разве нельзя? – промолвила Юаньян и рассказала о своем разговоре со старой госпожой. Ли Вань тотчас созвала старших служанок и передала им приказ матушки Цзя. Но об этом мы подробно рассказывать не будем.

Между тем госпожа Ю с улыбкой говорила:

– Старая госпожа так заботлива! Никто с ней не может сравниться!

– Даже эта хитрая Фэнцзе, которая все время вертится возле бабушки, – заметила Ли Вань – А о нас и говорить нечего!

– Как бы то ни было, – сказала тут Юаньян, – мне очень жалко Фэнцзе.

Она восстановила против себя почти всех, зато умеет угодить старой госпоже и госпоже. Нелегко ей приходится! Будь она тихой да скромной, кто стал бы ее бояться? А своей хитростью она, сама того не желая, помогает одним за счет других. Все эти новоиспеченные «госпожи» из низов слишком честолюбивы, сами не знают, чего хотят, и несут всякий вздор. Если бы я обо всем рассказывала старой госпоже без утайки, сколько тревожных дней пришлось бы нам пережить! Этим «госпожам» все не так: «зачем старая госпожа балует Баоюя, зачем уделяет много внимания третьей барышне Таньчунь». Ворчат и ворчат.

– Стоит ли обращать внимание! – сказала Таньчунь. – Насколько легче живется в простой семье, там все счастливы и довольны, хотя подчас приходится терпеть лишения. А о нас все болтают, будто мы без счета тратим деньги на удовольствия; им и в голову не приходит, что нам бывает куда тяжелее, чем им, только мы никогда не жалуемся!

– А третья сестра из-за своей мнительности вечно суется не в свои дела! – воскликнул Баоюй. – Сколько раз я тебе говорил: не слушай толков и пересудов, не думай о мелочах. Что нам до этих ничтожных людей? Им не дано счастья, потому и болтают!

– Ты лучше скажи, кто, кроме тебя, только и знает, что предаваться забавам с сестрами? – промолвила госпожа Ю. – Никаких забот: проголодался – ешь, утомился – спишь. Ты никогда не изменишься, не подумаешь о будущем!

– А что о нем думать! – вскричал Баоюй. – Буду жить, пока рядом сестры, а после умру, и всему конец!

– Опять ты за свое! – рассмеялась Ли Вань. – Допустим, ты так и останешься жить здесь до старости – но неужели ты думаешь, что сестры не выйдут замуж?

– Глупый ты! – с улыбкой добавила госпожа Ю. – Не удивительно, что прозвали тебя пустоцветом!

– Судьбу человека предопределить трудно, – заметил Баоюй. – У каждого свой час! Если я умру сегодня или в будущем году, можно считать, что прожил жизнь так, как хотелось!

– А это уж совсем глупо! – заявили девушки. – С ним нельзя заводить подобных разговоров. Он как безумный – несет всякую чушь.

Тут в разговор вступила Силуань.

– Второй старший брат, – сказала она Баоюю, – не думай о смерти! Когда все сестры повыходят замуж, твои бабушка и матушка, чтобы им не было скучно, возьмут меня сюда, и я все время буду с тобой!

– Что ты болтаешь, девочка! – засмеялись Ли Вань и госпожа Ю. – А

сама ты разве замуж не выйдешь?

Силуань смутилась и опустила голову.

Незаметно наступила первая стража, и все разошлись.

Юаньян между тем, возвращаясь домой, заметила, что калитка не заперта на засов. В саду из-за позднего времени не было ни души, луна слабо светила, только в домике для привратников горел огонек. Юаньян шла без фонаря, и дежурные у ворот ее не заметили. Вдруг Юаньян приспичило по малой нужде. Она свернула с дорожки на лужайку, зашла за большой камень на берегу искусственного озера и присела под развесистым коричневым деревом. В это мгновение где-то рядом послышался шорох. Перепуганная Юаньян стала всматриваться в темноту и увидела, что двое скрылись в чаще деревьев.

Зрение у Юаньян было острое, и она разглядела при слабом свете луны рослую девушку в красной кофточке, с гладко причесанными волосами, в которой узнала Сыци, служанку Инчунь.

Сперва Юаньян подумала, что Сыци пришла сюда за тем же, что и она, и теперь хочет ее напугать. Она засмеялась и крикнула:

– Сыци! Не вздумай меня пугать, а то закричу, что здесь разбойники. Ты уже не маленькая, и так целыми днями только и знаешь, что развлекаться!

Юаньян, разумеется, пошутила. Но недаром говорят, что на воре шапка горит. Сыци была уверена, что Юаньян все видела, и, опасаясь, как бы та и в самом деле не закричала, выбежала из-за дерева. Не в пример другим служанкам, Сыци была дружна с Юаньян, но сейчас она бросилась перед ней на колени и, обнимая за ноги, взмолилась:

– Дорогая сестра! Не поднимай шума!

Юаньян удивилась:

– О чем это ты?

Сыци молчала, ее била дрожь. Юаньян огляделась и в тени деревьев заметила мужчину. Сердце тревожно застучало.

– Кто это? – спросила наконец Юаньян, поборов волнение.

– Это брат моего дяди по материнской линии, – ответила Сыци, снова пав на колени.

Юаньян даже плюнула с досады.

– Иди сюда, поклонись сестре, – позвала юношу Сыци. – Все равно она тебя видела.

Прятаться было бесполезно. Юноша выбежал из-за дерева и как заводной стал кланяться Юаньян.

Юаньян хотела уйти, но Сыци, плача, схватила ее за руку:

– Не выдавай нас, сестра! Наша жизнь в твоих руках!

– Нечего меня умолять, – оборвала ее Юаньян. – Я никому не скажу.

Пусть только он скорее уходит!

В это время со стороны калитки послышался голос:

– Барышня Юаньян ушла, можно запирать калитку!

Юаньян, которая никак не могла отвязаться от Сыци, тотчас откликнулась:

– Погодите запирать! Я еще здесь!

Сыци ничего не оставалось, как выпустить руку Юаньян.

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят вторая

Самонадеянная Ван Сифэн стыдится признаться в своей болезни;

*самоуверенная жена Лай Вана, пользуясь своим влиянием, сватает
собственного сына*

Итак, Юаньян вышла из сада. Лицо ее горело, сердце взволнованно билось – неожиданное открытие ее взбудоражило.

«Если кому-нибудь рассказать, – думала она, – их обвинят не только в распутстве, но и в воровстве, и пострадают они невинно».

Вернувшись домой, Юаньян доложила матушке Цзя о том, что ее поручение выполнено, и легла спать.

Надобно вам сказать, что Сыци росла вместе с братом своего дяди. Еще в детстве они пообещали друг другу, когда вырастут, стать мужем и женой. Прошли годы, Сыци превратилась в красивую девушку, юноша тоже был хорош собой. И вот однажды Сыци побывала у себя дома, юноша с девушкой обменялись взглядами, и любовь их вспыхнула с прежней силой. Опасаясь, что родители не дадут согласия на их брак, молодые люди решили встречаться тайком: они подкупили служанок из сада и как раз сегодня, пользуясь суматохой в доме, пришли на свидание. Юаньян их испугнула.

Сыци всю ночь не спала. А на следующий день при встрече с Юаньян то краснела, то бледнела, не зная, куда деваться от стыда. Девушка ходила сама не своя, даже есть перестала.

Как-то вечером старуха служанка сказала Сыци:

– Брат твоего дяди исчез, вот уже несколько дней не является домой.

Сыци разволновалась, потом рассердилась и подумала:

«Лучше бы все раскрылось, тогда мы могли бы хоть умереть вместе. Мужчины не умеют по-настоящему любить! Раз он сбежал, значит, не любил».

От расстройства Сыци слегла.

«Может быть, она боится, что я все рассказала, – размышляла Юаньян, – и потому заболела, а юноша и вовсе сбежал?»

И Юаньян отправилась навестить Сыци. Отослав всех из комнаты, она сказала:

– Пусть меня кара постигнет, если я хоть словом обмолвилась! Не беспокойся, сестра, поправляйся скорее!

Держа ее за руку, Сыци ответила со слезами на глазах:

– Сестра моя! Мы с тобой неразлучны с самого детства, мы как родные! Если ты и в самом деле никому ничего не сказала, я буду почитать тебя, как мать! Поставлю в твою честь табличку и стану воскуривать перед ней благовония и молить Небо, чтобы даровало тебе счастье и долголетие! Если же я умру, душа моя будет вечно служить тебе так же преданно, как человеку – собака и конь! И коль нам суждено в этой жизни расстаться, встретимся в будущей, и я отблагодарю тебя за твою доброту!

Слезы ручьем лились из глаз Сыци, и, глядя на нее, Юаньян тоже заплакала.

– Неужели ты хочешь покончить с собой? – вскричала она. – Успокойся! Выздоровливай скорее и не делай больше глупостей.

От Сыци Юаньян пошла к Фэнцзе справиться о здоровье. Она знала, что Цзя Ляня нет дома. Заметив Юаньян, служанки у ворот встали навытяжку.

У входа в зал Юаньян встретила Пиньэр. Та шепнула:

– Госпожа только что поела и отдыхает. Посиди немного! – И она повела Юаньян в восточную комнату. Девочки-служанки подали чай.

– Что с твоей госпожой? – спросила Юаньян. – Она какая-то вялая.

– И не первый день! – со вздохом ответила Пиньэр. – Целый месяц. Ведь все хозяйство на ней, а тут еще эта незаслуженная обида!

– Почему же не пригласили доктора? – спросила Юаньян.

– Эх, сестрица! – снова вздохнула Пиньэр. – Ты что, не знаешь мою госпожу? При ней и заикнуться нельзя ни о докторе, ни о лекарствах! Спросила я тут как-то госпожу: «Как вы себя чувствуете?» Так она на меня напустилась, будто я накликаю на нее болезнь... Не заботится она о своем здоровье, что же говорить о лечении!

– И все же врача следует пригласить! – возразила Юаньян. – Пусть определит, что у нее за болезнь.

– По-моему, что-то серьезное, – сказала Пиньэр.

– Что же именно? – спросила Юаньян. Пиньэр прошептала ей на ухо:

– В прошлом месяце у нее как начались месячные, так до сих пор не прекращаются. Сама посуди, не опасно ли это?

– Ай-я-я! – воскликнула Юаньян. – Не от выкидыша ли все получилось?

Пиньэр в сердцах плюнула.

– Не пристало девушке о таких вещах говорить. Еще накличешь беду!

– Я толком не знаю, что значит выкидыш, – краснея, призналась Юаньян. – Но моя старшая сестра от этого же умерла! Помнишь? Я понятия не имела, что это такое, пока однажды не услышала разговор матери с теткой.

В это время вошла девочка-служанка и обратилась к Пиньэр:

– Приходила тетушка Чжу. Мы ей сказали, что госпожа отдыхает, и она отправилась к госпоже Ван.

– А кто это тетушка Чжу? – поинтересовалась Юаньян.

– Да та самая Чжу, которую гуаньмэй^[187] называют, – пояснила Пиньэр. – Некий господин Сунь выразил желание породниться с нами, так она теперь каждый день является с письмами, не дает покоя...

Не успела она договорить, как снова вбежала девочка-служанка.

– Пожаловал второй господин...

Пиньэр поспешила навстречу Цзя Ляню. А он, заметив Юаньян, остановился в дверях.

– Так вот, оказывается, кто направил свои драгоценные стопы в наш презренный дом, – барышня Юаньян! – вскричал Цзя Лянь.

– Пришла справиться о здоровье вашей жены, – не вставая, ответила Юаньян.

– Весь год ты трудишься, не зная отдыха, прислуживаешь старой госпоже, а я ни разу не удосужился тебя навестить! Чем же мы заслужили твое внимание?! Впрочем, ты пришла кстати. Я как раз собирался к тебе, но решил сначала переодеться, а то жарко. И вот Небесный владыка сжалился надо мной и избавил от лишних хлопот.

Цзя Лянь опустил на стул.

– Зачем же я вам понадобилась? – спросила Юаньян.

– Понимаешь, я вспомнил об одном деле, – начал Цзя Лянь, – и ты, пожалуй, о нем не забыла. В прошлом году, в день рождения старой госпожи, к нам забрел какой-то монах и преподнес в подарок облитый воском цитрус «рука Будды». Старой госпоже цитрус понравился, и она оставила его у себя. Третьего дня я принялся просматривать опись редких вещей, оказалось, что цитрус там значится, а сам он куда-то пропал. Пропажу обнаружили и те, кто ведает старинными безделушками в доме. Вот я и хотел спросить, где этот цитрус – у старой госпожи или его кому-нибудь отдали?

– Старая госпожа уже через несколько дней отдала его вашей супруге, – ответила Юаньян. – Разве вам это неизвестно? Я даже день

помню, когда она приказала служанке отнести его к вам. Спросите об этом у супруги или же у Пинъэр.

Пинъэр как раз доставала Цзя Ляню домашний халат и сразу отозвалась:

– Да, да, цитрус у нас, он лежит в верхней комнате. Наша госпожа даже послала служанку об этом сказать, но служанки старой госпожи, видно, запомнили, а теперь подняли шум из-за пустяка.

– Почему же я ничего не знаю? – удивился Цзя Лянь. – Вы, наверное, его нарочно припрятали!

– Ничего вы не помните, – возразила Пинъэр. – Вы даже хотели его кому-то послать, а теперь говорите, будто мы его спрятали! Подумаешь, какое сокровище! Мы вещи подороже, и то не прячем! А этот цитрус гроша ломаного не стоит!

Цзя Лянь помолчал, а потом, едва сдерживая улыбку, воскликнул:

– Видно, я поглупел! Одно теряю, другое забываю, все мною недовольны!

– Не удивительно, – заметила Юаньян. – Дел у вас много: то сплетни послушать, то вина выпить... Где уж вам все помнить?

Она поднялась, намереваясь уйти.

– Дорогая сестра, погоди! – промолвил Цзя Лянь. – Я хочу попросить тебя еще об одном деле... Почему ты не заварила хорошего чаю? – обрушился он на служанку. – Возьми чашечку с крышкой и завари чай, который вчера привезли!

Затем он снова обратился к Юаньян:

– Чтобы отпраздновать день рождения старой госпожи, пришлось потратить несколько тысяч лян серебра, все, что у нее было. Арендная плата за дома и за землю поступит лишь в девятом месяце, а до тех пор не знаю, как свести концы с концами. Завтра надо послать подарки во дворец Наньянского вана, устроить для женщин праздник Середины осени. На это потребуется по меньшей мере две-три тысячи лян, где их взять? Говорят: «Лучше попросить у своего, чем у чужого». Тебе ничего не стоит помочь нам. Возьми как-нибудь незаметно у старой госпожи золотую и серебряную утварь, примерно на тысячу лян. Мы зложим ее и выйдем из положения. А через полмесяца я все выкуплю и верну. Подводить не стану, не беспокойся.

– Ну и хитры же вы! – засмеялась Юаньян. – И как вам могло в голову такое прийти?!

– Не буду тебе врать, – сказал Цзя Лянь, – есть люди, располагающие большими деньгами, но попробуй их попроси, сразу перепугаются до

смерти. Ни смелости у них, ни ума. Не то что у тебя. Поэтому я и решил: «Лучше один раз ударить в золотой колокол, чем три тысячи раз – в медную тарелку».

Вбежала девочка-служанка матушки Цзя и обратилась к Юаньян:

– Сестра, вас зовет старая госпожа! Где только я вас не искала!

Юаньян поспешила к матушке Цзя, а Цзя Лянь пошел к Фэнцзе.

– Она согласилась? – спросила Фэнцзе, слышавшая весь разговор. Проснувшись она давно, но продолжала молча лежать – вмешиваться было неудобно.

– Почти, – ответил Цзя Лянь. – Надо еще раз поговорить с ней.

– Мое дело – сторона, – предупредила Фэнцзе. – Вот ты сейчас меня уговоришь, а как только получишь деньги, об уговоре забудешь! С какой же стати я буду рисковать своим добрым именем?

– Дорогая моя! – воскликнул Цзя Лянь. – Уговори Юаньян, я в долгу перед тобой не останусь. Сделаю все, что пожелаешь.

– Что же именно? – усмехнулась Фэнцзе.

– А госпоже ничего особенного не нужно, – заметила Пиньэр. – Каких-нибудь сто – двести лянов серебра. Дайте их ей – и вы в расчете.

– Спасибо, что надоумила! – воскликнула Фэнцзе. – Пусть так и будет!

– Это уж слишком! – с улыбкой промолвил Цзя Лянь. – Ты могла бы мне дать не только вещей на тысячу лянов, но еще и несколько тысяч наличными. Но я не стану брать у тебя займы. Разве ты и я...

– Нечего считать мои деньги, – заявила Фэнцзе, – не ты мне их дал! И так о нас с тобой невесть что болтают! Недаром говорят: когда вмешиваются родственники, добра не жди. Думаешь, все у нас в семье Ши Чуны и Дэн Туны^[188], и в каждом углу валяется столько денег, что на всю жизнь хватит? Постыдился бы! Мое приданое и приданое госпожи Ван стоит всего вашего состояния!

– Я пошутил, а ты рассердилась! – улыбнулся Цзя Лянь. – Неужели я пожалею для тебя сто или двести лянов серебра? Ведь это же мелочь! Истратишь – еще принесу.

– А на мою смерть не надейся! – сказала Фэнцзе.

– Ну что ты злишься? – произнес с укором Цзя Лянь.

– Я и не думаю злиться, но твои слова ранят мне сердце! – усмехнулась Фэнцзе. – Послезавтра исполняется год со дня смерти Эрцзе. Мы с ней дружили, и мой долг – съездить на могилу и принести в жертву бумажные деньги. Пусть она не оставила потомства, все равно нельзя о ней забывать!

– Спасибо за память, – после длительного раздумья произнес Цзя

Лянь.

Помолчав немного, Фэнцзе сказала:

– Деньги мне дай не позже чем завтра, все остальное я устрою сама.

В этот момент вошла жена Ванъэра.

– Ну, как дела? – спросила Фэнцзе.

– Ничего не вышло, – ответила та. – Пусть лучше госпожа за это возьмется...

– О чем речь? – удивился Цзя Лянь.

– Ничего особенного, – ответила Фэнцзе. – Сыну Ванъэра исполнилось семнадцать, и он просит в жены Цайся, служанку госпожи Ван, но как к этому госпожа отнесется, пока неизвестно. Третьего дня госпожа отослала Цайся к отцу, чтобы выбрал ей мужа, девушка уже на выданье. Вот жена Ванъэра и пришла просить моей помощи. Я думала, их семьи вполне подходят друг другу и дело уладится. Но ничего не вышло!

– Эка важность! – воскликнул Цзя Лянь. – Есть девушки и получше Цайся!

– Возможно, господин, – поддакнула жена Ванъэра, – но если их семья нами пренебрегает, то и другие последуют их примеру. Мы насилу подыскали нашему сыну невесту, и я думала, достаточно поговорить с родителями Цайся, и все устроится, и ваша супруга не сомневалась. Девушка очень хорошая, сама она не против, а вот родители ни в какую, уж очень возгордились!

Фэнцзе была задета за живое, но виду не подала, лишь украдкой наблюдала за мужем. Цзя Ляню тоже стало досадно, однако он был слишком занят своими делами и сказал:

– Пустячное это дело! Не беспокойся! Я выступлю сватом; завтра же велю послать родителям Цайся подарки и объявить им мое желание. А станут артачиться, сам с ними поговорю.

Жена Ванъэра взглянула на Фэнцзе, та незаметно сделала ей знак удалиться. Женщина поспешно поклонилась и, поблагодарив Цзя Ляня, направилась к выходу.

– Попроси еще и госпожу Ван дать согласие! – крикнул ей вслед Цзя Лянь. – Так будет лучше. И я тоже ее попрошу. Действовать надо добром, а не силой, чтобы сохранить дружбу между нашими семьями.

– Раз ты так стараешься, то и я не останусь в стороне, – с улыбкой промолвила Фэнцзе. – Ты слышала, жена Ванъэра? Я все для тебя сделаю, только скажи своему мужу, пусть долг к концу года отдаст. Меня и так упрекают, будто я даю деньги в рост, а за поблажки живьем съедят!

– Что вы, госпожа! – сказала жена Ванъэра. – Кто посмеет вас

упрекать?! Извините за дерзость, но я уверена, эти деньги вы растратите по мелочам!

– Как ты думаешь, для чего мне деньги? – стала рассуждать Фэнцзе. – Только для повседневных расходов, получаем мы мало, а тратим много. Нам с мужем, а также нашим служанкам в месяц положено лянов двадцать серебра, эту сумму мы расходует за четыре-пять дней. И без дополнительного источника дохода нам оставалось бы, как говорится, с голоду умереть! А раз так, лучше поскорее собрать долги. Я не хуже других знаю, что делать с деньгами! Разве плохо ничего не делать и тратить деньги в свое удовольствие? Госпожа Ван целых два месяца волновалась, не знала, где взять средства, чтобы устроить день рождения старой госпожи. А я напомнила ей, что в сундуках хранится много бронзовой и оловянной посуды. Четыре или пять сундуков вытащили, посуду заложили и на эти деньги купили вполне приличные подарки. Я продала часы с боем за пятьсот шестьдесят лянов, но уже через две недели эти деньги пришлось израсходовать на всякие нужды. А сейчас у нас появились долги, и не знаю, кому пришло в голову втянуть в денежные дела старую госпожу.

– Какая госпожа, продав украшения и одежду, не смогла бы прожить на вырученные деньги?! – улыбнулась жена Ванъэра. – Только никто не хочет продавать.

– Речь не о том, хочет или не хочет, – возразила Фэнцзе. – Просто я не могу этого допустить... Вчера вечером я видела во сне человека, лицо его мне было знакомо, а фамилию никак не могла вспомнить. Он подошел ко мне и говорит: «Матушка велела прислать ей сто кусков парчи!» Я спросила, какая матушка. Оказалось, матушка-государыня. Я отказалась дать парчу, так он силой стал ее отбирать. Тут я и проснулась.

– Это приснилось вам потому, что весь день вы провели в хлопотах, – заметила жена Ванъэра, – к тому же связаны с императорским дворцом.

Вошла служанка и доложила:

– От старшего придворного евнуха Ся прибыл младший евнух с каким-то поручением.

– Что там еще? – нахмурился Цзя Лянь. – И так уже достаточно из нас вытянули!

– Ты уходи, я сама с ним поговорю, – предложила Фэнцзе. – Может, какое-нибудь пустяковое дело, а если даже и важное, я найду что сказать.

Цзя Лянь удалился во внутренние комнаты. Фэнцзе приказала пригласить евнуха и осведомилась, с чем он пожаловал.

– Господину Ся недавно приглянулся дом, но на его покупку не хватает двухсот лянов серебра, – принялся объяснять евнух. – Вот он и послал меня

к вам с просьбой: не можете ли вы ссудить ему двести лянов. Через два дня он их непременно вернет!

– Сделайте одолжение! – расплылась Фэнцзе в улыбке. – Серебра у меня хоть отбавляй, надо только отвесить. Может быть, и нам придется когда-нибудь обратиться к вашему господину!

– И еще господин Ся велел передать, что пока не может вернуть тысячу двести лянов серебра, которые взял в прошлый раз, – проговорил евнух. – Но в конце года он рассчитается со всеми долгами.

– Разумеется! – снова улыбнулась Фэнцзе. – Стоит ли беспокоиться! Скажу прямо: если бы все возвращали долги, как господин Ся, трудно сказать, сколько было бы у нас денег! Затруднений мы пока не испытываем, так что всегда рады выручить!

Фэнцзе позвала жену Ванъэра и приказала:

– Раздобудь где угодно двести лянов серебра, поживее!

Та сразу смекнула, в чем дело, и виновато улыбнулась:

– А я к вам пришла просить в долг, нигде не могу достать!

– Занимать у своих вы умеете! – буркнула Фэнцзе. – А попросишь достать денег на стороне – сразу отказывается!.. Пинъэр! – позвала она. – Возьми два моих золотых ожерелья и заложи за четыреста лянов серебра!

Пинъэр принесла большой, обтянутый парчой короб и вытащила из него обернутые в парчу ожерелья: одно крученное, золотое с жемчужинами, каждая величиной с семя лотоса, второе – из драгоценных камней, украшенных перьями зимородка. Ожерельям цены не было, точно такие же носили при дворе.

Пинъэр взяла ожерелья, ушла и вскоре возвратилась с четырьмястами лянами серебра. Фэнцзе распорядилась отвесить половину евнуху, а половину отдать жене Ванъэра на устройство праздника Середины осени. Людям велено было донести евнуху серебро до главных ворот, и, распрощавшись с Фэнцзе, он уехал.

– И когда только кончится это наваждение? – с горькой усмешкой произнес Цзя Лянь, входя в комнату.

– Уж очень некстати этот евнух явился! – воскликнула Фэнцзе.

– Вчера приезжал старший евнух Чжоу, тот не стал мелочиться, сразу попросил тысячу, – возмущался Цзя Лянь. – А когда заметил, что я в затруднении, выразил недовольство. Не знаю, что будет дальше!

Фэнцзе тем временем умылась, переоделась и отправилась к матушке Цзя прислуживать за ужином.

А Цзя Лянь пошел к себе в кабинет, где, к великому своему удивлению, застал Линь Чжисяо.

– Что случилось? – спросил Цзя Лянь.

– Только что мне сказали, будто Цзя Юйцунь уволен с должности, – ответил Линь Чжисяо, – за что, неизвестно. Не знаю, правда это или нет.

– Неважно за что, – ответил Цзя Лянь. – Такие, как Цзя Юйцунь, долго не держатся на одном месте. Пожалуй, сейчас начнутся всякие неприятности, так что нам лучше быть от него подальше.

– Совершенно верно! – согласился Линь Чжисяо. – А старший господин Цзя Чжэнь с ним подружился, да и наш господин Цзя Чжэн тоже. И все это знают.

– Как бы то ни было, дел мы с ним никаких не имели, – возразил Цзя Лянь, – а значит, ко всей этой истории непричастны. Постарайся разузнать, за что он уволен!

Линь Чжисяо кивнул, но уходить не торопился. Завел речь о всяких пустяках, упомянул, как бы между прочим, о денежных затруднениях и, наконец, сказал:

– Слишком много у нас в доме народу. Надо попросить старую госпожу, чтобы явила милость и велела отпустить стариков, которые отслужили свое и сейчас не нужны. А сколько в доме служанок! Времена меняются. О прежних порядках надо забыть и кое в чем себя урезать. У кого по восемь служанок, пусть обходятся шестью, у кого четыре – двумя. Ведь многие служанки выросли, выйдут замуж, нарожают детей – сколько людей в доме прибавится!..

– Я и сам думал об этом, – прервал его Цзя Лянь. – Старший господин лишь недавно вернулся, я еще не докладывал ему о важных делах, а о пустяках и подавно. Тут как-то заявила сваха, так госпожа ее не пустила. Боялась огорчить господина. Услышит о сватовстве и расстроится. Уж так он рад, что вернулся домой, к родным!

– Госпоже мудрости не занимать, – промолвил Линь Чжисяо.

– Да, кстати! – сказал Цзя Лянь. – Сын вашего Ваньэра хочет посвататься к Цайся, служанке из комнат госпожи, и просил меня помочь, но я решил, пусть кто-нибудь другой устроит сговор и сошлется на меня.

– Пожалуй, лучше вам не вмешиваться в это дело, второй господин, – после некоторого раздумья произнес Линь Чжисяо. – Сын Ваньэра любит вино и азартные игры. Пусть даже речь идет о служанке, но и для слуг брак – дело серьезное. Говорят, Цайся очень хороша собой – к чему губить ей жизнь?!

– Значит, он выпивоха! – воскликнул Цзя Лянь. – Зачем же тогда ему жениться? Не лучше ли дать ему палок да посадить под замок?

– Не обязательно делать это сейчас! – улыбнулся Линь Чжисяо. – Вот

учинит какой-нибудь скандал, вы и распорядитесь его наказать.

На том разговор закончился, и Линь Чжисяо ушел.

Вечером Фэнцзе велела устроить сговор. Мать Цайся не хотела отдавать дочь за пьяницу, но Фэнцзе оказывала ей честь, выступая свахой, и пришлось согласиться.

Вскоре вернулся Цзя Лянь.

– Ну что, говорил ты насчет сватовства? – спросила Фэнцзе.

– Нет, – ответил Цзя Лянь. – Узнал, что он отъявленный негодяй, и передумал. Если правда то, что о нем говорят, надо его сначала хорошенько проучить, а уж потом подумать, стоит ли его вообще сватать.

– Тебя послушать, так в нашем доме все плохие, даже я, – съязвила Фэнцзе. – Что же говорить о слугах! С матерью Цайся уже договорились, она просто счастлива! Неужто объявить ей, что сговор отменяется?

– Раз дело сделано, что теперь говорить? – промолвил Цзя Лянь. – Только предупреди Ванъэра, чтобы впредь хорошенько присматривал за сыном!

Цзя Лянь и Фэнцзе еще долго вели разговор, но рассказывать об этом мы не будем.

А сейчас речь пойдет о Цайся. Вернувшись в родительский дом, девушка стала ждать, когда ее выдадут замуж. Она давно любила Цзя Хуаня, но брак с ним оставался пока делом нерешенным. К ним зачастила жена Ванъэра, и Цайся знала, что старуха хочет просватать ее за своего сына. Цайся не хотелось идти за такого грубияна и пьяницу. Но жена Ванъэра пользовалась влиянием в доме и могла добиться своего. Тогда пришлось бы Цайся расстаться с давней мечтой. И вот как-то вечером Цайся попросила младшую сестренку Сяоя пробраться тайком к наложнице Чжао и обо всем ей рассказать.

Дело в том, что наложница Чжао очень любила Цайся и хотела женить на ней Цзя Хуаня, была бы у нее по крайней мере опора, но госпожа Ван неожиданно отпустила Цайся домой. Чжао никак не могла уговорить Цзя Хуаня решить этот вопрос с госпожой Ван, Цзя Хуань стеснялся. К тому же Цайся не очень-то ему и нравилась. Уж слишком она проста, можно найти и лучше. И он тянул время. Зато наложница Чжао не собиралась отказываться от своего намерения и, выслушав Сяоя, рассказала обо всем Цзя Чжэну.

– Зачем спешить? – ответил Цзя Чжэн. – Подождем годик-другой, пока твой сын выучится, а женить его никогда не поздно. Я присмотрел двух девушек: одну для Цзя Хуаня, другую для Баюя. Так что года через два

вернемся к этому разговору.

Чжао хотела еще что-то сказать, но тут раздался оглушительный грохот.

Если хотите узнать, что произошло, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят третья

Глупая девчонка находит мешочек с любовным зельем;

робкая барышня боится заговорить об украденном золотом фениксе

Итак, когда наложница Чжао вела разговор с Цзя Чжэном, раздался оглушительный грохот. На вопрос, что случилось, служанки сказали, что это в прихожей выскочила оконная рама. Наложница Чжао обругала служанок и вместе с ними стала прилаживать раму, после чего проводила Цзя Чжэна отдыхать и уже не возвращалась к начатому разговору.

Баоюй как раз лег поспать, как вдруг раздался стук в ворота. Это пришла Сяоцяо, прислуживавшая в комнатах наложницы Чжао. Не отвечая на вопросы служанок, девочка направилась прямо к Баоюю.

– Что случилось? – удивленно спросили девушки.

– Хочу сообщить вам новость, – зашептала Сяоцяо на ухо Баоюю. – Ваш батюшка в разговоре с моей госпожой упомянул ваше имя. Имейте это в виду, если батюшка позовет вас к себе.

Сказав это, Сяоцяо заторопилась домой. Даже от чая отказалась – боялась, что запрут ворота.

Баоюй знал, что наложница Чжао терпеть его не может, знал и ее коварство. Неизвестно, о чем они говорили с отцом, но Баоюй почувствовал себя так, как Сунь Дашэн^[189] при заклинании: «Обруч, сожмись». Баоюя проняла дрожь. По некотором размышлении он решил, что отец собирается устроить ему экзамен. «Самое главное – не теряться, – думал Баоюй. – Если же у отца какое-нибудь другое дело, я вывернусь!» Баоюй накинул халат и сел за книги. «Эти дни отец не вспоминал обо мне, и я опять забросил учение, – ругал он себя. – Знай я, что так получится, каждый день повторял бы пройденное».

Он стал перебирать в памяти прочитанное. Оказалось, что прочесть наизусть он может сейчас только «Великое учение», «Учение о середине», «Великие и малые оды»^[190] и «Изречения». Первая часть «Мэн-цзы» была выучена лишь наполовину, и услышь он какую-нибудь фразу из текста, вряд ли вспомнил бы, что следует дальше. Вторую часть «Мэн-цзы» он

вообще плохо знал. В «Пятикнижие» Баоюй частенько заглядывал, когда сочинял стихи, и кое-как смог бы ответить. Из остальных книг он ничего не помнил, – отец, к счастью, не заставлял его их читать. Из неканонических литературных произведений Баоюй когда-то читал «Мемуары Цзо Цюмина»^[191], «Книгу Борющихся царств»^[192], «Мемуары Гунъян Гао», «Мемуары Гулян Чи», а также произведения времен династий Хань и Тан. Но в последнее время он эти книги и в руки не брал. А если брал, то тут же забывал прочитанное. Восьмичленные сочинения он не терпел, уверяя, будто, судя по стилю, они принадлежат не древним мудрецам, а их потомкам. А потомки только стремились к чинам. Как же с помощью таких книг понять в полной мере глубочайшие мысли мудрых и мудрейших? Перед отъездом отец выбрал для Баоюя сто десять таких сочинений, относительно новых, лишь некоторые отрывки из них были написаны в совершенстве. Эти отрывки, повествовавшие о далеких странствиях и всевозможных забавах, пришлись Баоюю по вкусу и тронули его душу. Баоюй читал их ради собственного удовольствия, но ни одно не прочел до конца. Заниматься ими сейчас, пожалуй, не стоило – отец может спросить совсем другое; повторять же «другое» рискованно – вдруг отец придерется именно к тому. Повторяй он всю ночь напролет, все равно не успел бы всего повторить.

Беспокойство Баоюя час от часу росло. Что сам он занимался всю ночь, это бы еще ладно, но он не давал спать уставшим за день служанкам.

Сижэнь снимала нагар со свечи, наливала чай Баоюю. Младшие служанки клевали носом.

– Ну и дряни! – бранилась Цинвэнь. – Целыми днями в постели валяетесь, и все вам мало! В кои-то веки приходится посидеть попозже, так уже раскисли! Смотрите, а то буду колоть иголкой глаза!

Не успела она произнести эти слова, как в передней что-то стукнуло. Это девочка-служанка сидя задремала и ударилась головой о стену. Плохо соображая спросонья, она услышала последние слова Цинвэнь и решила, что та ее ударила.

– Милая сестрица! – громко заплакала она. – Я больше не буду!..

Все покатались со смеху.

– Прости ее, – попросил Баоюй. – Пусть девочки ложатся, и вы можете спать по очереди!

– Занимайся-ка лучше, – сказала Сижэнь. – У тебя всего одна ночь, потрудишься хорошенько, потом делай что хочешь.

Баоюй внял словам Сижэнь и опять углубился в книги.

Шэюэ налила ему чаю, Баоюй заметил, что девочка в одной тонкой

кофточке, и сказал:

– Холодно, надела бы длинный халат!

– Не отвлекайся, – заявила Шэюэ, – забудь о нас, думай только об этом! – И она ткнула пальцем в книгу.

Тут в комнату с шумом вбежали Чуньянь и Цювэнь:

– Беда! Кто-то перелез через ограду!

– Где? – раздались тревожные возгласы.

Поднялся переполох.

Цинвэнь, опасаясь, как бы Баоюй не переутомился, решила воспользоваться суматохой.

– Ты можешь притвориться больным, – обратилась она к Баоюю. – Скажешь, что перепугался!

Этот совет пришелся Баоюю по душе.

Сторожа, вооружившись фонарями, обшарили все уголки в саду, но никого не обнаружили.

– Может быть, маленькие барышни спросонья приняли за человека раскачивающуюся на ветру ветку? – говорили они.

– Глупости! – заявила Цинвэнь. – Просто вы плохо искали, а теперь хотите увильнуть от ответа! Все девушки видели, как кто-то перелез через ограду. И Баоюй тоже, когда выбежал вместе с нами из дому. Он даже побледнел от испуга и слег. Жар у него появился. Придется идти к госпоже за лекарством. А что ей сказать? Что вы никого не нашли?

Сторожа не посмели перечить и снова отправились на поиски злоумышленника. А Цинвэнь и Цювэнь побежали за лекарством, рассказывая дорогой всем встречным, что Баоюй заболел от испуга.

Госпожа Ван приказала дать Баоюю лекарство, а сторожам строго-настрого наказала еще раз самым тщательным образом обыскать сад. Еще она велела проверить дежуривших за вторыми воротами у стены, которая отделяла дворец Жунго от соседнего дома.

Всю ночь в саду Роскошных зрелищ не прекращалась суматоха, мелькали фонари и факелы.

Случившееся не посмели скрыть от матушки Цзя, и она сказала:

– Не ожидала я, что такое может случиться. Что сторожа невнимательны, не такая уж беда, главное, чтобы они сами не оказались грабителями!

В это время в комнату вошли госпожи Син и Ю справиться о здоровье матушки Цзя. Ли Вань, Фэнцзе и барышни уже были здесь. Все молчали в полной растерянности. Первой заговорила Таньчунь.

– Сестра Фэнцзе болеет, – сказала она, – поэтому слуги и

распустились. Раньше они собирались лишь по ночам или в свободное время, по трое, по четверо, и забавы ради играли в кости да в карты, а сейчас у них там чуть ли не игорный дом. Даже свои заводилы есть, а ставки – от тридцати до пятидесяти связок монет. Недавно драку затеяли.

– Почему же ты молчала? – спросила матушка Цзя.

– Не хотела госпожу беспокоить, у нее и так дел по горло, да еще нездоровится. Я сказала старшей сестре Ли Вань и управительницам, после этого стало тише.

– Ты молода и не представляешь себе, сколько зла от этих игр, – проговорила матушка Цзя. – Игра на деньги не так безобидна, как на первый взгляд кажется. И дело не только в раздорах и перепалках. За игрой они пьют вино, бегают за ним в лавку, а воры в это время под покровом ночи могут проскользнуть в ворота. И не всем женщинам, живущим в саду, можно доверять! Есть среди них и распутные, какой они вам пример подадут? Прощать подобных вещей нельзя!

Таньчунь молча села на свое место, а Фэнцзе с досадой воскликнула:

– И как назло, я все время болею!

Она приказала вызвать жену Линь Чжисяо и трех других управительниц и при матушке Цзя строго их отчитала. Матушка Цзя приказала всех допросить: кто назовет имена игроков, тем выдать вознаграждение, кто скроет – примерно наказать.

Опасаясь гнева матушки Цзя, ни жена Линь Чжисяо, ни остальные управительницы не посмели вступить за виновных. Они собрали служанок и каждую в отдельности допросили. Поначалу ничего не удалось выяснить, но недаром говорят: «Когда утекает вода, обнажаются камни». Вскоре удалось выявить трех главных игроков, у них было восемь постоянных партнеров. А вообще по ночам играли в азартные игры десятка два человек, а то и больше. Их всех привели к матушке Цзя и поставили посреди двора на колени. Провинившиеся отбивали земные поклоны, моля о пощаде.

Первым долгом матушка Цзя спросила имена и фамилии трех главных виновниц и поинтересовалась, какие они делали ставки. Одна из женщин приходилась теткой жене Линь Чжисяо, другая – младшей сестрой кухарке Лю из сада Роскошных зрелищ, а третья оказалась кормилицей второй барышни Инчунь.

Прежде всего матушка Цзя распорядилась сжечь кости и карты, деньги все отобрать и распределить между слугами и служанками, трем главным виновницам дать по сорок палок и выгнать из дворца; остальным – по двадцать палок с вычетом трехмесячного жалованья, после чего поставить

их на чистку отхожих мест. Жена Линь Чжисяо отделалась строгим внушением, но ей жаль было тетку, а Инчунь – кормилицу. Дайной, Баочай и Таньчунь, сочувствуя Инчунь, решили вступить за кормилицу. Они пошли к матушке Цзя и сказали:

– Эта женщина никогда не играла. Непонятно, каким образом она впуталась в эту историю.

– Ничего вы не знаете! – оборвала их матушка Цзя. – Эти кормилицы больше других заслуживают наказания, они вечно скандалят, а потом просят, чтобы за них вступались. По себе знаю! Хорошо, что она попалась, накажу ее, пусть другим неповадно будет! А вы не мешайте мне!

В полдень матушка Цзя легла отдыхать. Зная, однако, что она гневается, уйти никто не осмеливался.

Госпожа Ю пришла к Фэнцзе поболтать, но, застав ее в скверном расположении духа, отправилась в сад Роскошных зрелищ.

Госпожа Син посидела немного у госпожи Ван и тоже решила прогуляться по саду. У ворот ей попалась девочка-служанка из комнат матушки Цзя. Все звали девочку дурочкой, она и в самом деле была глуповата. Девочка шла навстречу госпоже Син и, хихикая, размахивала каким-то ярким предметом. Поглощенная этим занятием, девочка не глядела по сторонам и, лишь столкнувшись с госпожой Син, подняла голову и остановилась как вкопанная.

– Глупая девчонка! – рассердилась госпожа Син. – Что это тебя так насмешило? Ну-ка дай поглядеть!

«Дурочке» было четырнадцать лет, у матушки Цзя она служила недавно, и использовали ее только на черных работах. Толстушка, она была проворной и ловкой в работе, отличалась упрямством, не разбиралась в житейских делах, а уж если принималась о чем-нибудь рассуждать, вызывала веселый смех. Матушке Цзя Дурочка нравилась; она и дала девочке прозвище, и если та совершала оплошность, ее не наказывали. Когда нечего было делать, девочка гуляла.

Вот и сегодня, бродя по саду, она свернула за небольшую искусственную горку половить сверчков и вдруг увидела на траве мускусный мешочек с вышивкой. Только вышиты были на нем не цветы и не птицы, на одной стороне – два голых обнявшихся человека, на другой – иероглифы. Девочка не поняла, что это любовная сцена, и принялась размышлять:

– Может быть, это дерутся волшебники?

Так и не догадавшись, что вышито на мешочке, Дурочка направилась

прямо к матушке Цзя, чтобы ее расспросить.

Поэтому она с готовностью протянула мешочек госпоже Син и, радостно улыбаясь, сказала:

– Поглядите, госпожа! Очень любопытная вещица!

Госпожа Син как увидела, так и остолбенела.

– Где ты его взяла? – только и смогла она вымолвить.

– Я хотела половить за горкой сверчков, – стала объяснять девочка, – там и нашла.

– Никому не рассказывай! – предупредила госпожа Син. – Это нехорошая вещь! Если увидят, тебя могут убить.

– Не буду, не буду! – торопливо произнесла девочка, побледнев от страха. Она поклонилась госпоже Син и, ошеломленная, бросилась прочь.

Госпожа Син огляделась – поблизости никого не было, только девочки-служанки, не отдашь ведь им мешочек. И госпожа Син спрятала его в рукав, недоумевая, как мог он очутиться в саду. Стараясь ничем не выдать своего волнения, госпожа Син направилась к Инчунь.

Инчунь хоть и была расстроена тем, что кормилица ее провинилась, но госпожу Син встретила как положено.

– Ты уже взрослая, – принялась та упрекать девушку, – а потекаешь кормилице, совершившей неблагоприятный поступок. Ведь она опозорила нас!

Инчунь потупилась, потом, нервно теребя пояс, сказала:

– Я дважды с ней говорила. Но она слушать ничего не желает. Что же я могу сделать? Не я ее, а она меня должна поучать! На то она и кормилица!..

– Глупости! – прервала ее госпожа Син. – Поучать следует того, кто провинился. Ведь ты – барышня и вправе сделать ей замечание. А не слушается – мне бы сказала. Теперь все в доме знают об этой истории. И свои, и чужие! На что же это похоже? Мало того! Она наверняка играла на твои шпильки, кольца, платья! Характер у тебя мягкий, и ты ей волю дала! А клянчить она мастерица, язык хорошо подвешен. Если это так, я не дам тебе ни гроша! Посмотрим, что ты будешь делать на праздник!

Инчунь еще ниже опустила голову. Госпожа Син холодно усмехнулась.

– Ты родная дочь старшего гоподина Цзя Шэ от наложницы, а Таньчунь – дочь второго по старшинству господина Цзя Чжэна, тоже от наложницы. По происхождению вы одинаковы, но твоя мать пользуется в доме куда большим влиянием, чем наложница Чжао. А ты во всем уступаешь Таньчунь. Почему?

Разговор их был прерван появлением служанки.

– Пожаловала супруга второго господина Цзя Ляня! – доложила она.

Госпожа Син сказала служанке:

– Передай ей, пусть лечится, мне не нужно ее услуг!

Следом прибежала девочка-служанка и доложила:

– Старая госпожа проснулась!

Госпожа Син поспешила к матушке Цзя. Инчунь проводила ее до ворот.

– Ну, что вы теперь скажете, барышня? – обратилась к ней служанка Сюцзюй. – Помните, я сказала вам, что исчез золотой феникс с жемчугами? Вы не поверили, что эта старуха его утащила и отнесла в заклад, ведь ей нужны деньги на азартные игры. Вы были убеждены, что феникса убрала Сыци, и велели мне у нее спросить. Сыци тогда болела и просила вас передать, что феникс по-прежнему лежит в шкатулке, на книжной полке. Она сама его туда положила, поскольку скоро праздник Середины осени и барышне он понадобится. Вам, барышня, надо бы спросить об этом у старухи.

– Зачем? – возразила Инчунь. – Она взяла феникса на время. Я ведь предупреждала ее, если что-нибудь берет, пусть кладет на прежнее место. Кто мог подумать, что она забудет?!

– Да разве она забыла? – возмутилась Сюцзюй. – Просто она знает вашу доброту. Вам нужно доложить обо всем второй госпоже Фэнцзе, пусть заставит старуху вернуть или же выкупить феникса, и делу конец.

– Не надо, – остановила ее Инчунь. – Чем поднимать скандал, пусть лучше пропадет...

– Нельзя так, барышня! – укоризненно покачала головой Сюцзюй. – Будете всего бояться, так вас самих, чего доброго, украдут! Пойду-ка я доложу второй госпоже!

Инчунь не стала больше ей возражать, и Сюцзюй направилась к выходу.

И надо же было такому случиться, чтобы невестка кормилицы Инчунь, жена слуги Юй Гуя, как раз в это время шла к Инчунь с просьбой вступить за ее свекровь, услышала из-за двери разговор о золотом фениксе и последние слова Сюцзюй. Опасаясь гнева Фэнцзе, жена Юй Гуя влетела в комнату и, подобострастно улыбаясь, взмолилась:

– Барышня, не поднимайте скандал! Наша старуха из ума выжила. Чтобы отыгаться, взяла золотого феникса, не подумав о неприятностях, которые ее ждут. Мы все знаем, так что рано или поздно выкупим феникса и возвратим барышне! Умоляю вас, вступитесь за нашу старуху перед старой госпожой!

– Сестра, это невозможно, – ласково произнесла Инчунь. – Кто станет

меня слушать? Даже сестрицам Баочай и Дайюй старая госпожа отказала. Я от своего стыда не знаю куда деваться, зачем же брать на себя еще чужой?

– Выкупить золотого феникса – это одно, а простить старую госпожу – совсем другое, – вмешалась Сюцзюй, обернувшись к женщине. – А если барышня не вступится за твою свекровь, вы что – не выкупите феникса? Сначала принесла бы вещь, а уж потом вела разговор.

Жена Юй Гуя вспыхнула и напустилась на Сюцзюй:

– Нечего зазнаваться! Где это видано, чтобы мамки и няньки не наживались за счет господ?! Все потихоньку воруют! Чтобы посылать матери Син Сюянь деньги, госпожа распорядилась удерживать один лян из нашего месячного жалованья. Да и на саму Син Сюянь тратят немало! Опять же страдаем мы! Что же получится, если все за наш счет начнут экономить? Кому-то не хватает, а расплачиваемся мы. За последнее время нам недодали по крайней мере тридцать лянов серебра! Наши кровные деньги!

– Какие еще тридцать лянов? – обрушилась на нее Сюцзюй. – погоди, я с тобой рассчитаюсь! Наша барышня что-нибудь у тебя требовала?

Инчунь не выдержала:

– Хватит! Не можешь принести феникса, так хотя бы скандала не поднимай! Спросит госпожа, скажу, что потеряла. Тебя это не касается, иди своей дорогой! Чего расшумелась!

Она велела Сюцзюй налить чаю, но Сюцзюй никак не могла успокоиться и продолжала ворчать:

– Вам-то бояться нечего, а я что отвечу, если спросят? Они украли вашу золотую вещь и вас же еще обвинили! Будто вы жалованье у них отнимаете! Нужно все выяснить, а то дойдет до госпожи, она начнет допытываться, что да как, и новой неприятности не избежать! Чего доброго, вас обвинят в вымогательстве!

Сюцзюй заплакала. Сыци поднялась с постели и решила вместе с Сюцзюй пойти допросить старуху. Инчунь не смогла удержать их и, чтобы отогнать неприятные мысли, принялась читать «Откровения верховного божества».

В это время явились Баочай, Дайюй, Баоцин и Таньчунь. Инчунь была расстроена из-за кормилицы, и сестры пришли ее утешить. Войдя во двор, они услышали громкие голоса – это все еще спорили между собой служанки. Таньчунь заглянула в комнату и сквозь затянутое тонким шелком окно увидела Инчунь, та сидела, прислонившись к спинке кровати, и читала.

– Барышни пожаловали! – доложила девочка-служанка.

Инчунь отложила книгу и поднялась. Увидев Таньчунь, жена Юй Гуя прикусила язык.

Таньчунь села на стул и обратилась к Инчунь:

– Мне показалось, здесь кто-то громко разговаривал?

– Ничего особенного, – ответила Инчунь. – Эти служанки готовы из мелочи раздуть целую историю.

– Разговор шел как будто о золотом фениксе, – продолжала допытываться Таньчунь. – Кто-то нас обвинил в том, что мы отнимаем у служанок деньги? Интересно, кто отнимает, уж не ты ли, сестра?

– Вот именно, барышня! – вскричали Сюцзюй и Сыци. – Когда это наша барышня вымогала у служанок деньги?

– Если не ты, значит, мы вымогали! – улыбнулась Таньчунь. – Ну-ка, позовите женщину, которая нас в этом обвиняет, – я хочу с ней поговорить!

– Ты-то чего беспокоишься?! – улыбнулась Инчунь. – Тебя никто не обвиняет!

– Ошибаешься, – возразила Таньчунь. – Что ты, что я – в данном случае все равно. И упреки эти относятся так же ко мне. Мы как хозяйки часто требуем все, что нам вздумается, забывая о деньгах. Но скажи, при чем тут золотой феникс?

Жена Юй Гуя перепугалась и стала оправдываться.

Таньчунь с улыбкой сказала:

– До чего же ты глупа! Раз твоя свекровь провинилась, вместо того чтобы скандалить, попросила бы у госпожи Фэнцзе денег, которые еще не успели раздать служанкам, и выкупила феникса. Тогда не пострадало бы ваше доброе имя! Но раз уж вы опозорились, пусть свекровь и отвечает за всех, зачем, как говорится, рубить две головы? Поговори со второй госпожой Фэнцзе! Стоит ли поднимать шум из-за пустяков?!

Жене Юй Гуя нечего было возразить, но идти к Фэнцзе с повинной у нее не хватало смелости.

– Узнав о случившемся, я не могла не вмешаться, – с улыбкой продолжала Таньчунь, выразительно поглядев на Шишу. Та сразу же вышла. Неожиданно появилась Пиньэр.

– Сестра Таньчунь наверняка волшебница и обладает даром вызывать духов! – всплеснув руками, воскликнула Баоцинь.

– Не волшебница, – с улыбкой возразила Дайюй, – а великий полководец, действующий по плану: «Обороняйся – враг не подступится; наступай стремительно – застанешь врага врасплох».

Баочай сделала девушкам знак глазами, и они тотчас переменили тему.

– Твоя госпожа поправилась? – спросила Таньчунь у Пиньэр. –

Поистине от болезни она. поглупела, забросила дела, и из-за нее мы терпим обиды!

– Кто же смеет вас обижать? – удивилась Пиньэр. – Рассказывайте!

Тут к ней бросилась жена Юй Гуя:

– Садитесь, пожалуйста, барышня! Позвольте, я расскажу, что происходит!

– Ты как очутилась здесь и почему вмешиваешься в разговор? – строго спросила Пиньэр.

– У нас тут приличий не понимают, – с усмешкой заметила Сюцзюй, – кто хочет, тот и идет!

– Сами виноваты, – заметила Пиньэр. – Ваша барышня слишком добра. Гнать надо нахалок и жаловаться госпоже.

Жена Юй Гуя густо покраснела и вышла, не сказав ни слова.

Таньчунь между тем обратилась к Инчунь:

– Будь это кто-нибудь другой, я стерпела бы. Но ведь совсем недавно мать Юй Гуя, пользуясь своим положением кормилицы, без спросу взяла твою вещь и заложила, чтобы играть в кости, а потом заставляла тебя просить старую госпожу о снисхождении. Сейчас жена Юй Гуя затеяла с твоими служанками ссору, а ты с ней не можешь справиться. Она что, на небе живет и правил не знает? С подобным безобразием я не могу мириться! Или же кто-нибудь ее подбивает вести себя так? Сейчас они взялись за тебя, а потом примутся за меня и Сичунь!

– Зачем вы так говорите, барышня? – с улыбкой произнесла Пиньэр. – Наша госпожа Фэнцзе этого не допустит!

Таньчунь усмехнулась:

– Знаешь пословицу: «Своя рубашка ближе к телу. Потеряешь губы, от холода заболят зубы». Как же я могу не беспокоиться за сестру?

– Это дело можно быстро уладить, – обратилась Пиньэр к Инчунь. – Что вы на это скажете, барышня?

Инчунь, поглощенная чтением, оторвалась от книги и с улыбкой сказала:

– Не знаю, что делать! Пусть кормилица сама за себя отвечает. Я вмешиваться не буду. Вернет феникса – хорошо, не вернет – не надо. Спросят госпожи, куда он девался, постараюсь как-нибудь выкрутиться. А не удастся – так и будет. Может, я и в самом деле чересчур добрая, но быть другой не могу. А вы поступайте как считаете нужным.

Девушки засмеялись, а Дайюй сказала:

– Инчунь, как говорится, вздумала рассуждать о причинах и следствиях, когда на крыльце сидят тигры и волки! Интересно, что сделала

бы в данном случае сестра, будь она мужчиной?

– Мужчиной? – с улыбкой произнесла Инчунь. – Да вы и представить себе не можете, какими нерешительными бывают мужчины! В «Откровениях верховного божества» есть прекрасная мысль. Там говорится, что спасти человека от беды – самое доброе тайное деяние. Зачем же я буду с кем-то враждовать?! Это только во вред себе!

Не успела она произнести эти слова, как в передней послышались шаги.

Если хотите узнать, кто пришел, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят четвертая

*Обвинение в распутстве и клевете влечет за собой обыск в саду
Роскошных зрелищ;*

желание избавиться от сплетен приводит к разрыву с дворцом Нинго

Итак, не успела Инчунь закончить свои рассуждения, а Пиньэр над ней посмеяться, как в передней послышались шаги и на пороге появился Баоюй.

Здесь придется напомнить о недавних событиях. Дело в том, что младшая сестра тетушки Лю, кухарки из сада Роскошных зрелищ, оказалась в числе зачинщиц азартных игр. Многие служанки недолгоблюдали Лю и, воспользовавшись моментом, пожаловались, будто она и ее сестра утаивали их деньги и делили между собой. Поэтому Фэнцзе решила заодно наказать и тетушку Лю. Та встревожилась, но, вспомнив, что служанки со двора Наслаждения пурпуром хорошо к ней относятся, потихоньку упростила Цинвэнь и Фангуань замолвить за нее словечко перед Баоюем. Тот в свою очередь подумал, что, поскольку среди провинившихся и кормилица Инчунь, надо действовать заодно с сестрой, так как неудобно просить снисхождения для одной только кухарки Лю. С этим, собственно, он и пришел сейчас к Инчунь.

Девушки удивились и забросали его вопросами:

– Ты уже выздоровел? Зачем пришел?

– Навестить вторую сестру, – ответил Баоюй, не желая открывать истинную цель своего прихода.

Разговор о всяких пустяках продолжался. Вскоре Пиньэр ушла, намереваясь уладить дело с золотым фениксом. Жена Юй Гуя поплелась следом, не переставая умолять:

– Барышня, заступитесь за нас! Я сама выкуплю этого феникса!

– Тебе все равно пришлось бы его выкупить, – ответила Пиньэр. – Зачем же было затевать всю эту историю? Вину свою ты признала, и, если принесешь феникса, я никому ни слова не скажу.

У жены Юй Гуя отлегло от сердца, она стала кланяться и благодарить Пиньэр.

– Не беспокойтесь, барышня! К вечеру я выкуплю феникса, – пообещала она, – и отнесу барышне Инчунь.

– Смотри, если к вечеру не принесешь, пеняй на себя! – пригрозила Пиньэр.

На том они и разошлись.

Как только Пиньэр возвратилась домой, Фэнцзе любопытствовала:

– Зачем тебя звала третья барышня?

– Чтобы я уговорила вас на нее не сердиться, – отвечала Пиньэр. – Ей показалось, будто вы гневаетесь. И еще она спрашивала, что вы ели в последние дни.

– Какая заботливая! – улыбнулась Фэнцзе. – Кстати, случилась еще одна неприятность. Дело в том, что кухарка Лю и ее младшая сестра – главные зачинщицы азартных игр, причем младшую Лю вовлекла в эту историю старшая. Уговаривала ты меня не вмешиваться в чужие дела, а заботиться о своем здоровье! Я не послушалась, а теперь оказалась виноватой перед госпожой и от расстройства еще больше заболела. Отныне пусть скандалят сколько угодно, я буду в стороне. К чему зря стараться и навлекать брань и проклятия?! Вот полечусь, выздоровею и никакими делами больше заниматься не стану. Буду веселиться, смеяться, шутить, а они пусть делают что хотят.

– Если это правда, госпожа, мы будем счастливы! – воскликнула Пиньэр.

В это время вошел Цзя Лянь.

– Опять неприятности! – со вздохом произнес он. – Ума не приложу, как моя матушка узнала, что я хочу заложить вещи Юаньян? Матушка позвала меня и говорит: «Где угодно достань двести лянов серебра на устройство праздника Середины осени». Я сказал, что достать не могу. А она свое твердит: «Не можешь, тогда возьми деньги, предназначенные на другие нужды! Ни о чем тебя нельзя попросить. Так и норовишь увильнуть! Говоришь, денег взять негде? А где тысяча лянов, которые ты получил под залог вещей? Даже вещи старой госпожи умудрился обменять на серебро, а теперь уверяешь, будто негде достать двести лянов! Скажи спасибо, что я тебя не выдала!»

– Кто же это проболтался? – спросила Фэнцзе.

И вдруг Пиньэр воскликнула:

– Припоминаю! Вечером того дня, когда принесли вещи, зашла мать Дурочки отдать накрахмаленное белье. Из прихожей она, вероятно, заметила короб с вещами, спросила у девочек, а те проболтались.

Пиньэр созвала девочек-служанок и строго спросила:

– Кто сказал матери Дурочки, что в коробе?

Девочки задрожали, бросились на колени:

– Мы слова лишнего не скажем! Даже если спросят, говорим, что ничего не знаем!

– Ладно, оставь их в покое! – после некоторого раздумья произнесла Фэнцзе. – Это не они. Сейчас главное – послать госпоже деньги! Пусть даже нам придется в чем-то себе отказать. – И она обратилась к Пиньэр: – Заложи на двести лянов моих золотых украшений, и покончим с этим делом!

– На двести лянов – мало. Надо на четыреста. Ведь нам самим предстоят расходы! – сказал Цзя Лянь.

– Какие еще расходы! – возразила Фэнцзе. – Я и без того ломаю голову, как выкупить то, что заложено!

Пиньэр взяла украшения и послала жену Ваньэра в закладную лавку. Та вскоре вернулась с серебром, и Цзя Лянь отнес его матери. Но об этом мы рассказывать не будем.

Между тем Фэнцзе и Пиньэр продолжали строить догадки – кто распустил слух о том, что вещи старой госпожи отданы в залог. «Разве мы не окажемся виноватыми, если в это дело впутают Юаньян?» – думали они.

– Госпожа пожаловала, – доложила девочка-служанка.

Фэнцзе удивилась: что привело к ним госпожу Ван? Вместе с Пиньэр она поспешила навстречу. Госпожа Ван была мрачнее тучи. Она пришла лишь в сопровождении доверенной служанки, молча опустила на стул. Фэнцзе торопливо поднесла ей чаю и, улыбаясь, спросила:

– Чем обязаны, госпожа?

– Пиньэр, выйди вон! – крикнула госпожа Ван.

Изумленная Пиньэр вместе с другими служанками вышла, заперла дверь и никого не пускала в комнату.

Фэнцзе никак не могла догадаться, что все это значит. А госпожа Ван, чуть не плача, вытряхнула из рукава мускусный мешочек:

– Вот, полюбуйся!

Фэнцзе подняла мешочек, осмотрела и, вздрогнув от испуга, спросила:

– Откуда это у вас, госпожа?

Из глаз госпожи Ван градом покатались слезы.

– Откуда? – дрожащим голосом переспросила она. – Я целыми днями сижу дома, словно на дне колодца, ничего не вижу, на тебя надеюсь, а выходит, ты тоже ни о чем понятия не имеешь! Эту вещь среди бела дня нашла в саду служанка старой госпожи. Хорошо еще, что она попала ко

мне, а если бы к старой госпоже! Вот я и хотела тебя спросить: как ты умудрилась его потерять?

– Но почему вы решили, госпожа, что это моя вещь? – спросила Фэнцзе, меняясь в лице.

Заливаясь слезами и тяжело вздыхая, госпожа Ван продолжала:

– И ты еще спрашиваешь? Кому в доме это может понадобиться, если не молодым супругам? Неужели старухам? Разумеется, это распутник Цзя Лянь откуда-то принес! Ведь вы с ним помирились, и он решил тебя позабавить! Не отпирайся, среди молодых такое часто случается! Хорошо, что этот мешочек не подобрал никто из живущих в саду! А если бы его нашла какая-нибудь служанка и отнесла твоим сестрам? Или же показала чужим людям? Какой ущерб был бы нанесен нашему доброму имени?!

Фэнцзе смутилась, густо покраснела и, стоя на коленях, едва сдерживая слезы, произнесла:

– Я не осмелюсь вам возражать, госпожа, но таких вещей у меня никогда не бывало, и я прошу вас хорошенько во всем разобраться. Этот мешочек наверняка сделан не у нас, а куплен на рынке. Я хоть и молода, но подобными вещами пользоваться не стану. А уж тем более носить с собой. Ведь его можно утерять, особенно когда играешь с сестрами, и тогда не будешь знать, куда деваться от стыда. Такие вещи обычно прячут подальше. И потом, разве нет молодых среди слуг? Они тоже бывают в саду и могли обронить! Из дворца Нинго часто приходят в сад госпожа Ю и молодые наложницы. Может быть, эта вещица принадлежит кому-нибудь из них. А супруга Цзя Чжэня? Она тоже не так уж стара! Она часто бывает в саду да еще приводит с собой Пэйфэн и Селуань. Наконец, в саду занято много служанок, отнюдь не безупречного поведения. Может быть, одна из них, повзрослев, узнала о «делах человеческих» и где-то раздобыла этот мешочек, а то и просто завела шашни с одним из слуг, которые сторожат вторые ворота, и тот ей подарил. Клянусь, госпожа, у меня никогда не было ничего подобного! И за Пиньэр могу поручиться! Поверьте мне, госпожа!

Госпожа Ван поверила Фэнцзе и с тяжелым вздохом сказала:

– Встань! Ты ведь из благородной семьи, и я напрасно заподозрила тебя в легкомыслии! Но что теперь делать? Я так рассердилась, когда твоя свекровь мне прислала эту мерзкую вещицу.

– Не гневайтесь, госпожа, – проговорила Фэнцзе, стараясь успокоить госпожу Ван. – Наверняка никто об этом не знает, иначе слух дошел бы до старой госпожи. Главное, не поднимать шума и все разузнать. А не удастся выяснить правду, тоже не страшно. Сейчас многих служанок выгнали за азартные игры, и на их место можно поселить в саду жен Чжоу Жуя,

Ваньэра и еще нескольких надежных женщин, будто для присмотра за порядком. Слишком много у нас развелось служанок, которые то одно требуют, то другое, отчего и происходят всякие безобразия. Надо немедленно это пресечь, не то поздно будет. Просто так служанку не выгонишь – и барышни могут обидеться, да и самим нам будет неловко! А сейчас есть повод для этого: азартные игры. Под этим предлогом надо избавиться от служанок постарше. Одних выгнать, других замуж выдать. Прежде всего назойливых и болтливых. Тогда прекратятся всякие происшествия, и, кроме того, можно будет сэкономить изрядную сумму денег. Что вы на это скажете, госпожа?

– Ты всегда говоришь дельно! – промолвила госпожа Ван. – Но ведь у каждой из сестер всего по две, по три хорошие служанки, остальные – плутовки, но ни я, ни старая госпожа не согласимся их выгнать. Не настолько мы бедны, чтобы экономить на служанках. Я хоть и не роскошествую, но живу в довольстве, так что экономьте лучше на мне, служанок не трогайте! А сейчас позови жену Чжоу Жуя и других женщин и прикажи выяснить, чей мешочек!

Фэнцзе передала через Пиньэр приказание госпожи Ван, и жена Чжоу Жуя, а следом жены еще нескольких слуг не замедлили явиться.

Госпоже Ван показалось, что их слишком мало для выполнения сложного поручения, но тут очень кстати явилась жена Ван Шаньбао – старая служанка госпожи Син. Именно она и принесла госпоже Ван злополучный мешочек.

Госпожа Ван с уважением относилась к женщинам, пользовавшимся доверием госпожи Син, поэтому обратилась к жене Ван Шаньбао с такими словами:

– Передай своей госпоже, что я велю тебе присматривать в саду за порядком. Никто лучше тебя с этим не справится.

Жена Ван Шаньбао часто бывала в саду Роскошных зрелищ, но тамошние служанки ее не слишком жаловали, она же в свою очередь не упускала случая к ним придраться. И сейчас очень обрадовалась данному поручению: наконец-то она сможет отыгаться на этих несносных девчонках.

– Все будет сделано, госпожа, – заверила жена Ван Шаньбао. – Я не хотела говорить, но давно следовало быть построже с этими девчонками. Вы редко бываете в саду и ничего не знаете! Они ведут себя по меньшей мере как титулованные особы. Готовы перевернуть все вверх дном, никакого с ними нет сладу. А попробуй замечание сделать! Тут же начинают ворчать, будто их барышень обижают! Куда это годится?!

– Не стану отрицать, служанки барышень слишком дерзки, – ответила госпожа Ван.

– Но самая наглая, по-моему, Цинвэнь, – заявила жена Ван Шаньбао. – Та, что прислуживает в комнатах Баоюя. Она и красивее других, и на язык острее, а наряжается точно Си Ши. Слова ей не скажи, сразу на рожон лезет!

Тут госпожа Ван обратилась к Фэнцзе:

– Помню, как-то раз, когда мы проходили со старой госпожой по саду, какая-то девушка отчитывала девочку-служанку. Девушка очень красивая, с тонкой талией и изящными плечами, а глаза и брови как у сестрицы Линь Дайюй. Поведение ее мне не понравилось, но я не сказала ни слова, поскольку рядом была старая госпожа. А сама подумала: нужно узнать, что это за девушка, но потом забыла... Не о ней ли речь?

– Цинвэнь, конечно, самая красивая из всех девушек, – согласилась Фэнцзе. – Судя по вашему описанию, это была она, хотя точно сказать не могу.

– Это легко выяснить! – заметила жена Ван Шаньбао. – Надо позвать Цинвэнь, и госпожа сразу увидит, та ли это девушка.

Госпожа Ван ответила:

– Из комнат Баоюя ко мне обычно приходят Сижэнь и Шэюэ, остальных я не знаю. Если все так, как вы говорите, тогда понятно, почему Цинвэнь не смеет являться мне на глаза. Я терпеть не могу ей подобных. А что, если она совратит Баоюя?! Позови Цинвэнь! – приказала она одной из служанок. – Скажи, что я хочу кое о чем ее спросить. Пусть придет одна, и немедленно! Но смотри ничего не рассказывай!

Девочка почтительно поддакнула и побежала во двор Наслаждения пурпуром. Цинвэнь в последнее время чувствовала недомогание. И когда прибежала служанка, только что проснулась. Услышав о приказании госпожи Ван, Цинвэнь быстро встала и последовала за служанкой. Как была, непричесанная, в измятой одежде.

Цинвэнь не любила бывать на людях, тем более сейчас, когда заболела. Она совсем перестала следить за своей внешностью, полагая, что больной это необязательно. Госпожа Ван только глянула на Цинвэнь, как сразу решила, что именно ее и видела тогда в саду, и вспыхнула от гнева.

– Хороша красавица! – с холодной усмешкой воскликнула она. – Точь-в-точь больная Си Ши! Для кого это ты наряжаешься? Думаешь, я ни о чем не догадываюсь? На этот раз я тебя прощаю, но если повторится – шкуру спущу!.. Как себя чувствует Баоюй?

Тон госпожи Ван сначала удивил Цинвэнь, но потом она поняла, что

кто-то ее оговорил по злобе. Она с трудом сдержала гнев и готовые сорваться с языка слова оправдания. Но, будучи от природы умной, почла за лучшее не подавать виду, опустилась на колени и ответила:

– Я редко бываю в комнатах Баоюя, потому ничего не могу вам сказать о его самочувствии. Спросите об этом, госпожа, у Сижэнь или Шэюэ.

– За такой ответ тебя следует хорошенько поколотить! – крикнула госпожа Ван. – Ты что, мертвая? И зачем только вас в доме держат?

– Я прежде служила старой госпоже, – произнесла Цинвэнь, – но старая госпожа решила отправить меня к Баоюю, чтобы ему не страшно было в саду – ведь там совсем мало людей! Я сразу сказала, что из-за своей неловкости не гожусь в служанки второму господину Баоюю, но старая госпожа меня одернула. «А зачем тебе ловкость, – спрашивает. – Разве я велю тебе за ним присматривать?» Баоюй зовет меня раз в десять дней, а то и в полмесяца. Спросит о чем-нибудь и тотчас же отпускает. Еду Баоюю подают либо старые мамы и няньки, либо Сижэнь, Шэюэ и Цювэнь. А я в свободное время занимаюсь вышиванием для старой госпожи. Откуда же мне знать, как чувствует себя Баоюй. Но если вы недовольны, госпожа, я постараюсь отныне быть повнимательней.

– Амиитаба! – вскричала госпожа Ван. – Как я счастлива, что тебе не приходится все время быть возле Баоюя! А теперь можешь идти! Раз старая госпожа отдала тебя Баоюю, я завтра же ее попрошу выгнать тебя оттуда.

И затем, обращаясь к жене Ван Шаньбао, госпожа Ван сказала:

– Пойдешь в сад – проследи, чтобы Цинвэнь не спала в комнатах Баоюя. А я попрошу старую госпожу ее примерно наказать!.. Вон! – крикнула она, повернувшись к Цинвэнь. – Смотреть на тебя тошно! Неубранная, непричесанная. Как посмела ты в таком виде явиться?

Цинвэнь вышла, очень расстроенная, и, едва очутившись за воротами, заплакала, прижимая платочек к глазам.

Между тем госпожа Ван говорила Фэнцзе:

– В последние годы я совсем забросила дом, нет у меня прежних сил. Как я могла не заметить эту дрянную девчонку! Может быть, есть ей подобные?

Фэнцзе видела, как разгневана госпожа Ван, но ничего не могла сказать при жене Ван Шаньбао, потому что знала, что эта женщина – глаза и уши госпожи Син; она часто подбивала госпожу Син устроить какую-нибудь пакость госпоже Ван, Фэнцзе и это знала, но предпочла умолчать, делая вид, будто во всем согласна с госпожой Ван.

– Не гневайтесь, госпожа! – попросила жена Ван Шаньбао госпожу Ван. – Предоставьте все мне. Проверить служанок очень легко. Вечером,

когда запрут ворота и в сад никто не сможет проникнуть, мы обыщем комнаты служанок, застанем их врасплох. Найдем у какой-нибудь мускусный мешочек, значит, и найденный ей принадлежит.

– Верно. Только так и можно узнать правду! – сказала госпожа Ван и спросила Фэнцзе, что та думает на сей счет. Фэнцзе лишь головой кивнула:

– Вы правы, госпожа, так и сделаем!

После ужина, когда матушка Цзя легла спать, а девушки ушли к себе, жена Вань Шаньбао предложила Фэнцзе пойти вместе с нею в сад. Она приказала запереть все калитки, и начался обыск. Первыми обыскали женщин, дежуривших у входа. Но, кроме нескольких лишних свечей да припрятанного лампового масла, ничего не нашли.

– Это краденое, но пока не трогайте, – заметила жена Ван Шаньбао. – Завтра доложим госпоже, и она распорядится, что делать.

Затем они отправились во двор Наслаждения пурпуром и приказали запереть там ворота. Баоюй, расстроенный историей с Цинвэнь, заметив, что посторонние женщины собираются войти в комнаты служанок, вышел навстречу и спросил Фэнцзе, в чем дело.

– Пропала очень дорогая вещь, – ответила та. – Есть подозрение, что ее стащили служанки. Вот нам и приказали их обыскать.

Она села и принялась пить чай.

Жена Ван Шаньбао тем временем рыскала по комнатам. Приметив в одной из них несколько сундуков и расспросив, кому они принадлежат, она велела пригласить их владельцев, чтобы они сами показали содержимое. Сижэнь по виду Цинвэнь давно поняла, что случилась какая-то неприятность, поэтому первая открыла свои сундуки. Там лежали самые обычные вещи. У других служанок тоже не обнаружили ничего недозволенного. Дошла очередь и до сундука Цинвэнь.

– Это чей сундук? – спросила жена Ван Шаньбао. – Почему его не открыли?

Сижэнь уже хотела открыть, но ее опередила Цинвэнь. Наспех зачесав волосы, она ворвалась в комнату, с шумом открыла сундук, напрягши силы, перевернула его – все вещи рассыпались по полу.

Жена Ван Шаньбао смутилась и покраснела.

– Не гневайтесь, барышня! Мы пришли не по собственной прихоти, госпожа нам велела! Если позволите осмотреть ваши вещи – осмотрим, не позволите – доложим госпоже. Зачем же сердиться?

Эти слова только подлили масла в огонь.

– Если тебя прислала сюда госпожа, как ты говоришь, то меня прислала старая госпожа! – запальчиво крикнула Цинвэнь. – Я хорошо

знаю всех служанок госпожи, ни одна из них, не в пример тебе, не сует нос в чужие дела!

Фэнцзе пришлось по вкусу язвительные слова Цинвэнь, но, чтобы госпожа Син не оказалась в неловком положении, она прикрикнула на девушку.

Жена Ван Шаньбао не знала, куда деваться от стыда, она хотела что-то сказать, но Фэнцзе не дала ей рта раскрыть:

– Не связывайся с ними! Обыскивай, как тебе приказали. У нас еще много работы. Медлить нельзя, иначе служанки узнают и припрячут все недозволенное! Тогда пеняй на себя, а я ни при чем.

Скрежеща зубами от злости, жена Ван Шаньбао проглотила обиду, окончила обыск и, поскольку ничего запретного не нашла, предложила Фэнцзе идти дальше.

– Гляди получше, – приказала Фэнцзе. – Если ничего не найдешь, как будешь держать ответ перед госпожой?

– Мы все перевернули вверх дном, – сказала жена Ван Шаньбао. – Но кроме нескольких вещей, видно, принадлежавших второму господину Баоюю в детстве, ничего не обнаружили.

– В таком случае продолжим обыск, – с улыбкой сказала Фэнцзе и направилась к выходу, говоря: – Я хотела кое-что тебе посоветовать, но не знаю, согласишься ли ты. Обыскивать нужно только своих, а идти, например, в комнаты барышни Сюэ Баочай не годится – она ведь не из нашей семьи.

– Само собой, – отозвалась жена Ван Шаньбао. – Разве можно обыскивать гостей?

– Вот и я так думаю, – ответила Фэнцзе.

Когда они пришли в павильон Реки Сяосян, Дайюй уже легла спать, как вдруг ей доложили, что кто-то пришел. Не зная, в чем дело, девушка хотела подняться с постели, но тут в комнату вошла Фэнцзе и сделала ей знак не вставать:

– Лежи, мы на минутку!

Она села на стул и принялась болтать с Дайюй, а жена Ван Шаньбао прошла в комнаты служанок. Среди вещей Цзыцзюань она обнаружила два талисмана с именем Баоюя, его пояс, два кошелька и чехол для веера.

Злорадствуя в душе, жена Ван Шаньбао обратилась к Фэнцзе:

– Откуда у нее эти вещи?

– Баоюй рос вместе с Дайюй, – с улыбкой ответила Фэнцзе, – чьи же это могут быть вещи, если не Баоюя? А веер и талисманы сама старая госпожа, да и его матушка не раз видели у девушки. Не веришь – возьми и

покажи им!

– Я вам вполне доверяю, – с улыбкой ответила жена Ван Шаньбао.

– Оставь эти вещи, – сказала Фэнцзе, – и пойдем дальше!

– Мы сами не знаем, что кому принадлежит! – заметила Цзыцзюань. –

Не могу точно сказать, когда эти вещи попали ко мне.

Не дослушав ее, Фэнцзе и жена Ван Шаньбао отправились к Таньчунь. Девушку уже успели предупредить. Она поняла: случилось что-то серьезное, созвала служанок, велела зажечь светильники и дожидаться, пока придут с обыском.

Вскоре появилась Фэнцзе в сопровождении нескольких женщин.

– Что-нибудь произошло? – спросила Таньчунь.

– Пропала очень ценная вещь, – объяснила Фэнцзе, – мы ищем уже несколько дней и не можем найти. Чтобы наших служанок не обвинили в воровстве, мы решили обыскать всех.

– Ну разумеется, все мои служанки – грабительницы! – улыбнулась Таньчунь. – А я – главарь шайки! Сначала обыскивайте мои сундуки и шкафы краденое служанки отдают на хранение мне!

Она приказала служанкам открыть сундуки и шкафы, принести туалетные ящики, свертки с украшениями, одеялами и одеждой и показать Фэнцзе.

– Я действую лишь по приказу госпожи! – с улыбкой проговорила Фэнцзе. – Не сердись, сестрица! Закройте сундуки! – велела она служанкам.

Пиньэр и Фэнцзе вместе с Шишу принялись собирать разбросанные вещи.

– Меня можете обыскивать, – с усмешкой произнесла Таньчунь, – а служанок оставьте в покое! Не в пример другим барышням, я знаю все их вещи наперечет. Даже иголки и нитки! Они ничего от меня не прячут. Можете передать госпоже, что я посмела ее послушаться, пусть накажет меня. Напрасно торопитесь, успеете меня обождать! Разве не вы нынче утром осуждали семью Чжэнь за то, что у них свои же растащили имущество? А теперь сами за это взялись?! Никто со стороны не может разорить знатную семью! Еще древние говорили: «Стоногое насекомое и после смерти не упадет!» Разоряют всегда свои.

На глаза Таньчунь навернулись слезы, но Фэнцзе сделала вид, будто ничего не заметила.

– Вещи служанок все налицо, – сказала жена Ван Шаньбао, – можно их не просматривать и идти дальше.

Фэнцзе поднялась и стала прощаться.

– Все обыскали? – спросила Таньчунь. – Если вздумаете завтра прийти, не пущу!

– Не понадобится, – ответила Фэнцзе. – Вещи служанок проверены самым тщательным образом.

– Ну и хитра же ты! – усмехнулась Таньчунь. – Не только вещи служанок, но и мои. Так что смотри не говори потом, что я вступилась за служанок и не разрешила устраивать обыск! Если нужно – ищите!

Зная, что Таньчунь своенравна, Фэнцзе стала ее успокаивать.

– Ведь сама говоришь, что проверили не только вещи служанок, но и твои собственные.

Тут Таньчунь обратилась к женщинам, переворошившим все вещи:

– Все обыскали?

– Все, – отозвалась жена Ван Шаньбао.

Надобно сказать, что прозорливостью жена Ван Шаньбао не могла похвалиться. Она полагала, что слуги побаиваются Таньчунь, потому что сами трусливы. Не может быть барышня смелой и решительной! Да еще дочь наложницы! Пользуясь покровительством госпожи Син и тем, что с ней считается сама госпожа Ван, жена Ван Шаньбао многое себе позволяла! К тому же она решила, что Таньчунь сердится не на нее, а на Фэнцзе, и совсем расхрабрилась. Хихикая, она приподняла полу халата Таньчунь и не без наглости заявила:

– Даже вас, барышня, мне ничего не стоит обыскать.

– Идем скорее, – заторопила ее Фэнцзе, заметив подобную развязность, – не делай чего не следует!

В этот момент Таньчунь влепила жене Ван Шаньбао звонкую пощечину.

– Ты что за персона такая, что осмеливаешься дергать меня за халат? – пылая от гнева, кричала Таньчунь. – Я только из уважения к госпоже хорошо к тебе относилась, а ты неблагодарная тварь! Прячешься за спину хозяев, делаешь пакости да еще хвастаешься! Сама напросилась на оплеуху! Я – не Инчунь и обиды не стану терпеть! Надо обыскать – обыскивай, а рукам волю не давай!

Она распахнула халат и потребовала, чтобы Фэнцзе ее обыскала.

– Я не допущу, чтобы эти рабыни прикасались ко мне! – заявила Таньчунь.

Фэнцзе и Пиньэр поспешили застегнуть ей халат и строго прикрикнули на жену Ван Шаньбао:

– Ты, наверное, хлебнула вина и совсем одурела! Уходи по-хорошему, не лезь на рожон!

И они принялись утешать Таньчунь.

– Милая барышня, успокойся! Не сердись на нее!

– Если бы я сердилась, то скорее разбила бы себе голову о стену, чем позволила устраивать обыск! Завтра же доложу обо всем старой госпоже и госпоже, попрошу извинения, и что мне прикажут, то и сделаю.

Жене Ван Шаньбао ничего не оставалось, как уйти. Стоя под окном, она говорила:

– Впервые терплю такое поношение. Пусть так! Завтра же попрошу госпожу меня отпустить! Кому я, старуха, нужна?

– Слышите? – крикнула Таньчунь служанкам. – Только не думайте, что я затею с ней ссору!

Тут к жене Ван Шаньбао подошла Шишу и сказала:

– Помолчала бы лучше! Неужели не понимаешь? Ведь ты – человек опытный. И если уедешь, для нас это будет счастьем! Только духу у тебя не хватит! Да и некому, кроме тебя, льстить хозяйке, подбивать ее обыскивать барышень и нас мучить!

– Ну и служанка! – со смехом вскричала Фэнцзе. – Поистине, каков хозяин, таков и слуга!

– Мы ведь грабители и разбойники! Так что за словом в карман не полезем! – сказала Таньчунь. – А вот подстрекать хозяев исподтишка не умеем!

Пиньэр снова стала уговаривать Таньчунь успокоиться, а Шишу взяла под руку и увела в дом.

Фэнцзе помогла Таньчунь раздеться и лечь в постель, сама же в сопровождении женщин отправилась в ограду Теплых ароматов.

Первым делом зашли к Ли Вань, она жила по соседству с Сичунь и Таньчунь, но тревожить Ли Вань не стали. Она болела и, приняв лекарство, легла спать. Обыскали лишь комнаты, в которых жили служанки, но ничего не нашли.

Сичунь, когда к ней пришли, задрожала от страха. Она была слишком молода, чтобы понять смысл происходящего, и Фэнцзе долго пришлось ее успокаивать.

В сундуке Жухуа обнаружили сверток не то с тридцатью, не то с сорока серебряными слитками. Искали распутников, а попали на след воров. Кроме того, в сундуке хранился яшмовый пояс, пара мужских носков, сандалии и еще кое-какие вещи.

– Откуда у тебя это? – побледнев от гнева, закричала Фэнцзе.

Жухуа бросилась перед ней на колени.

– Господин Цзя Чжэнь подарил эти вещи моему старшему брату, –

призналась она, понимая, что лгать бесполезно. – Родители наши на юге, а брат живет с дядей. Жена дяди ничем не занимается, только и знает, что пить вино да играть в азартные игры. Опасаясь, как бы его вещи не растаскали, брат отдавал старой мамке все, что ему удавалось приобрести, а мамка передавала эти вещи мне на хранение.

– Я ничего об этом не знаю! – поспешно сказала Сичунь, порядочная трусиха. – Хотите ее побить, бейте, только не здесь, прошу вас, вторая тетушка! Я не могу слышать вопли!

– Если она не врет, ее можно простить, – промолвила Фэнцзе, – только не следовало ей приносить сюда вещи тайком. Ведь так можно передать любую вещь! И виноват тот, кто эти вещи передавал. Если же ты солгала и вещи эти краденые, пеняй на себя!

Стоя на коленях, Жухуа говорила сквозь слезы:

– Я правду сказала! Можете спросить госпожу Ю и господина Цзя Чжэня! Если я вру, убейте и меня, и моего старшего брата.

– Разумеется, я их спрошу, – обещала Фэнцзе. – Но все равно ты виновата. Нельзя без разрешения хранить вещи! Скажи, кто приносил их, и я прощу тебя! Но чтобы больше этого не было!

– Не прощайте ее! – попросила Сичунь. – Чтобы другим неповадно было! А то натворят невесть что! Если вы простите, я не прощу!

– Она хорошая служанка, – заметила Фэнцзе. – Кто не совершает ошибок? На этот раз ее можно простить, но если опять провинится, накажем вдвойне... Кто же все-таки передал эти вещи?

– Не иначе как старая Чжан, что дежурит у задних ворот, – уверенно заявила Сичунь. – Она часто шушукается со служанками, а те ей во всем потакают.

Фэнцзе приказала женщинам все подробно записать, а вещи пока передать жене Чжоу Жуя.

Никто не знал, что мамка Чжан доводится родственницей жене Ван Шаньбао. Однако теперь, став доверенной служанкой госпожи Син, жена Ван Шаньбао перестала интересоваться родственниками. Старуха Чжан не раз упрекала ее в этом, возмущалась, а потом окончательно с ней рассорилась. И вот сейчас жена Ван Шаньбао после оплеухи и прочих оскорблений решила выместить свою злость на старухе Чжан и стала нашептывать Фэнцзе:

– С передачей вещей наверняка не все чисто. То, что мы ищем, тоже кто-то принес. Надо хорошенько допросить эту Жухуа, госпожа!

– Сама знаю! – оборвала ее Фэнцзе.

От Сичунь они отправились к Инчунь. Та уже спала, служанки тоже

собирались ложиться, поэтому пришлось долго стучать в ворота.

– Барышню не тревожьте, – распорядилась Фэнцзе, после чего все направились в комнаты служанок. Сыци приходилась жене Ван Шаньбао внучкой по женской линии, и Фэнцзе решила внимательно посмотреть, как та будет обыскивать сундук девушки. Жена Ван Шаньбао для вида порылась в нем и стала закрывать, говоря:

– Ничего особенного здесь нет!

– Что это значит? – запротестовала жена Чжоу Жуя. – Есть ли, нет ли – все равно надо тщательно все осмотреть, иначе будет несправедливо!

Она сунула руку в сундук и вытащила оттуда мужские носки, атласные туфли, небольшой сверточек с маленьким жезлом, символизирующим Слияние двух сердец, и письмо. Все было передано Фэнцзе.

Фэнцзе развернула письмо, написанное на красной бумаге, и пробежала его глазами:

«Когда в прошлом месяце ты приезжала домой, родители обо всем догадались. Но поскольку твоя барышня еще не вышла замуж, наше заветное желание неосуществимо! Если можно встретиться у вас в саду, сообщи через мамку Чжан. Тогда и поговорим. Четки из ароматного дерева, которые ты посылала, я получил. В знак моей любви посылаю тебе мускусный мешочек. Прими его!

Твой двоюродный брат Пань Юань».

Фэнцзе рассмеялась. Жена Ван Шаньбао при виде туфель невольно смутилась, но ей и в голову не могло прийти, что Сыци завела шашни со своим двоюродным братом, и она спросила Фэнцзе:

– Вы рассмеялись, госпожа, потому что нашли в счете ошибки?

– Да, да, – улыбнулась Фэнцзе. – Только в этом счете невозможно ничего подсчитать. Твоя фамилия Ван, ты – бабушка Сыци, значит, и ее двоюродный брат должен носить фамилию Ван. Откуда же взялся Пань?

Услышав такой вопрос, женщина очень удивилась, но уйти от ответа не могла и принялась рассказывать:

– Тетку Сыци отдали замуж в семью Пань, поэтому брат Сыци и носит фамилию Пань. Это тот самый Пань Юань, который недавно сбежал.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Фэнцзе. – Сейчас я тебе прочту, что здесь написано.

Она прочла письмо вслух. От страха все растерялись.

Случилось так, что жена Ван Шаньбао вместо того, чтобы уличить кого-нибудь из служанок в неблагоприятном поступке, уличила собственную

внучку. Это сначала смутило, а потом рассердило ее.

Женщины, слушая, как Фэнцзе читает письмо, даже языки высунули от удивления.

– Ты слышала, тетушка? – воскликнула жена Чжоу Жуя. – Разговаривать больше не о чем, все ясно. Что ты на это скажешь?

Жена Ван Шаньбао не знала, куда от стыда деваться. Пристально глядя на нее и посмеиваясь, Фэнцзе обратилась к жене Чжоу Жуя:

– Вот это да! Матери незачем было стараться, девчонка сама нашла себе жениха.

Жена Чжоу Жуя ехидно улыbnулась. А жене Ван Шаньбао ничего не оставалось, как сорвать гнев на самой себе. Она стала хлестать себя по щекам, приговаривая:

– Старая дура! И за что такой позор на мою голову? Быстро же меня настигло возмездие!

Женщины едва сдерживали смех. Одни служанки в душе злорадствовали, другие жалели жену Ван Шаньбао.

Сыци стояла молча, опустив голову, не испытывая ни страха, ни смущения, к немалому удивлению Фэнцзе. Однако она не стала допрашивать девушку из-за позднего времени, а приказала двум женщинам ее сторожить, чтобы не покончила с собой ночью. После этого Фэнцзе захватила все вещественные доказательства и отправилась отдыхать, намереваясь на следующий день снова заняться этим делом.

Но случилось так, что ночью у нее началось сильное кровотечение, на следующий день она чувствовала себя совершенно больной, и пришлось пригласить врача. Врач проверил пульс, выписал лекарство и сказал, что больной необходим покой. Мамки побежали к госпоже Ван, и та очень расстроилась. Таким образом, об истории с Сыци на какое-то время забыли.

Госпожа Ю навестила Фэнцзе, посидела у нее немного и решила отправиться к Ли Вань. Неожиданно вошла служанка и пригласила госпожу Ю к Сичунь. Когда госпожа Ю пришла, Сичунь рассказала ей, что произошло накануне вечером, и приказала принести вещи Жухуа.

– Все это Цзя Чжэнь действительно подарил ее старшему брату, – осмотрев вещи, подтвердила госпожа Ю. – Только не следовало приносить вещи сюда, а то дарованное превратилось в ворованное. Дура ты! – крикнула она Жухуа.

– Вы сами распустили девчонок, а теперь их ругаете, – заметила Сичунь. – Как мне смотреть в глаза сестрам, если мои служанки опозорены? Еще вчера я просила забрать от меня Жухуа. Уведите же ее

скорее! И делайте с ней что хотите: бейте, убивайте, продавайте – мне все равно!

Жухуа упала на колени и, горько плача, молила о пощаде. Госпожа Ю и кормилица уговаривали Сичунь пожалеть несчастную:

– Она не посмеет больше делать глупости. Прости ее, ведь она прислуживает тебе с детства.

Сичунь была молода, но упряма и, стиснув зубы, лишь мотала головой:

– Я уже взрослая, и Жухуа мне теперь не нужна. К вам я тоже не стану ходить после такого позора! А то в меня все будут пальцем тыкать! Ведь слава о вас идет дурная! Чего только не говорят!

– Кто же это осмеливается сплетничать? – удивилась госпожа Ю. – Да и с какой стати?! Вспомни, кто ты и кто мы! За сплетни надо было тотчас же наказать виновных!

– Хорошо, что вы об этом заговорили! – с усмешкой воскликнула Сичунь. – Но барышне из знатной семьи не пристало разбираться во всяких грязных историях и выискивать виновных! Древние говорили: «Добро и зло, жизнь и смерть существуют сами по себе, независимо от самых близких родственных отношений». Что же говорить о нас с вами! Хорошо, если сами сможем уберечься. Случится у вас что-нибудь, меня не впутывайте!

Госпожа Ю не знала, то ли сердиться, то ли смеяться.

– Теперь я наконец поняла, – сказала она, – почему четвертую барышню глупой считают! Оторопь берет, когда она несет всякую чушь!

– Барышня молода, и вам, разумеется, с ней нелегко, – отвечали служанки.

– Это я годами молода, а мыслями – стара! – парировала Сичунь. – Вы неграмотные тупицы, книг не читаете, а меня хотите уверить, будто я глупа!

– Ты у нас настоящий ученый муж! – съязвила госпожа Ю. – Где уж нам, глупым, с тобой тягаться!

– Вы совершенно правы! – подтвердила Сичунь. – Даже не знаете, что и среди ученых мужей немало дураков! Дальше собственного носа не видите. Чтобы узнать человека, надо в душу ему заглянуть.

– Bravo! – с улыбкой вскричала госпожа Ю. – Мысль поистине мудрая! Тебе бы читать праведникам проповеди о прозрении!

– При чем тут прозрение! – возразила Сичунь. – Я просто не вижу, чем все вы отличаетесь, к примеру, от Жухуа.

– Не видишь, потому что холодна и бессердечна! – сказала госпожа Ю.

– Станешь тут бессердечной, – проговорила Сичунь, – когда тебя хотят ни за что ни про что впутать в историю!

Госпожа Ю и сама боялась всяких толков и пересудов, потому что за ней водились грешки, но виду не подала. Однако слова Сичунь вывели ее из терпения и она вскричала:

– Кто тебя впутывает? Ты вон как язык распустила, сама не знаешь, что мелешь! Ладно, постараемся быть от тебя подальше, чтобы не навредить твоему доброму имени. Ведь ты у нас благородная барышня! Так что вели служанкам отвести Жухуа ко мне.

С этими словами госпожа Ю встала.

– Вот и хорошо! – бросила Сичунь. – А перестанете ходить ко мне, меньше будет всяких сплетен и историй!

Госпожа Ю не посмела пререкаться с Сичунь и, едва сдерживая гнев, вышла.

Если хотите узнать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят пятая

В разгар ужина слышатся скорбные вздохи;

*по стихам, сочиненным в праздник Середины осени, предсказывают
будущее*

Итак, рассерженная госпожа Ю, выйдя от Сичунь, хотела отправиться к госпоже Ван, но мамки принялись ее отговаривать:

– Лучше туда сейчас не ходить. Приехали люди из семьи Чжэнь, привезли какие-то вещи и ведут с госпожой Ван доверительный разговор.

– Кто же это приехал? – удивилась госпожа Ю. – Вчера господин Цзя Чжэн рассказывал, что в правительственном вестнике напечатано о преступлении, совершенном семьей Чжэнь, и о том, что их вызвали в столицу для определения наказания. Все имущество у них конфисковано.

– Совершенно верно, – подтвердила одна из мамок. – Но я только что видела женщин, которые от них приехали. На них лица нет от волнения. Тут, несомненно, какое-то дело, которое они не хотят предавать огласке.

Выслушав мамку, госпожа Ю решила не беспокоить госпожу Ван и отправилась к Ли Вань, от которой только что вышел врач.

Надобно сказать, что Ли Вань уже пошла на поправку и чувствовала себя бодрее. Она сидела на кровати, подложив под спину подушку, и думала о том, как хорошо было бы сейчас с кем-нибудь поболтать, когда, хмурая и недовольная, вошла госпожа Ю и молча опустилась на стул.

– Есть хочешь? – спросила Ли Вань и позвала: – Суюнь! Принеси чего-нибудь вкусного!

– Что ты, не нужно! – запротестовала госпожа Ю. – Я не хочу. Да и откуда у тебя вкусное, если ты все время болеешь?

– Вчера мне прислали душистого чаю, – проговорила Ли Вань, – Выпей чашечку!

Она приказала заварить чай. Погруженная в раздумье, госпожа Ю продолжала хранить молчание.

– Вы в полдень не умывались, госпожа, – обратились к госпоже Ю служанки. – Не хотите ли привести себя в порядок?

Госпожа Ю кивнула. Ли Вань приказала Суюнь подать туалетный

ящик. Суюнь принесла также свою пудру и помаду и с улыбкой сказала:

– У нашей госпожи таких вещей нет, возьмите мои, они чистые!

– Если у меня нет, могла у барышень взять, – заметила Ли Вань. – Зачем свои принесла? Хорошо, что это госпожа Ю, а ведь другая могла бы и рассердиться!

– Да что тут особенного! – улыбнулась госпожа Ю и стала умываться. Перед ней стояла девочка-служанка и держала таз.

– Ты что, правил не знаешь? – прикрикнула на девочку Ли Вань, и та быстро опустилась на колени.

– Наши служанки только болтают о правилах приличия, – заметила госпожа Ю, – а сами то и дело их нарушают.

Ли Вань поняла, что госпожа Ю имеет в виду случившееся накануне.

– Ты совершенно права, – с улыбкой промолвила она. – Но на кого ты намекаешь?

– Ты еще спрашиваешь! – вскричала госпожа Ю. – Неужто из-за своей болезни ты витаешь в облаках и ничего не знаешь?

Разговор был прерван появлением служанки, которая доложила:

– Пришла барышня Баочай.

Ли Вань и госпожа Ю в один голос приказали ее просить, но она уже стояла на пороге.

– Почему ты одна? – спросила госпожа Ю, предлагая ей сесть. – Где сестры?

– Я их не видела, – ответила Баочай. – Матушка болеет, ее доверенным служанкам тоже нездоровится, они не встают с постели, а на других положиться нельзя, поэтому я вынуждена побыть несколько дней дома. Докладывать об этом старой госпоже и госпоже Ван я не стала, не столь уж это важное дело, чтобы их беспокоить. Как только матушка поправится, я тотчас же вернусь. Затем и пришла, чтобы сказать вам об этом.

Ли Вань с госпожой Ю обменялись взглядами и улыбнулись.

Вскоре госпожа Ю привела себя в порядок, и все стали пить чай. Обращаясь к Баочай, Ли Вань с улыбкой сказала:

– Я сейчас пошлю служанок справиться о здоровье твоей матушки, так как не могу лично ее навестить. Не беспокойся, милая сестрица, я велю служанкам присматривать за твоими комнатами. Поживи дома, если хочешь, денька два и возвращайся к нам. Не ставь меня в неловкое положение.

– В неловкое положение? – удивилась Баочай. – Ухаживать за больной матерью – долг дочери. Не разбойника же вы отпускаете на волю. И потом не стоит посылать в мои комнаты служанок, лучше поселить там Сяньюнь.

Пусть поживет денек-другой неподалеку от вас. Все веселее будет.

– А где, кстати, барышня Сяньюнь? – спросила госпожа Ю. – Что-то я ее не вижу.

– Я послала ее за Таньчунь, – ответила Баочай. – Хочу ей сказать, что несколько дней побуду дома.

Вскоре служанка доложила:

– Пришли барышни Таньчунь и Сяньюнь.

Когда девушки сели, Баочай им сказала, что несколько дней поживет дома.

– Что же, я согласна, – проговорила Таньчунь. – Надеюсь, как только тетушка поправится, ты возвратишься! А удержишься – тоже не беда.

– Ну и гостеприимство, – заметила госпожа Ю. – Так можно разогнать всех родственников!

– А что здесь особенного? – усмехнулась Таньчунь. – Лучше я ее выгоню, чем ждать, пока это сделают другие! Как бы ни были хороши родственники, незачем им жить здесь до смерти! Мы все из одной семьи, но, будто слепые куры, не прочь поклевать друг друга!

– Не везет мне сегодня! – виновато улыбаясь, произнесла госпожа Ю. – Все словно сговорились срывать на мне зло!..

– А ты, как говорится, не лезь в раскаленную печь! – посоветовала Таньчунь. – Кто тебя снова обидел? – И, словно рассуждая сама с собой, она продолжала: – Фэнцзе на тебя не за что сердиться! Кто же все-таки тебя обидел?

Госпожа Ю пробормотала в ответ что-то невнятное. Таньчунь поняла, что женщина боится наговорить лишнего, чтобы не нажить себе еще неприятностей, и сказала:

– Не прикидывайся овечкой! Ни за какое преступление, кроме государственного, голову не рубят, так что бояться нечего! Я вчера тоже провинилась, дала пощечину жене Ван Шаньбао. Ну и что? Посудачат немного и успокоятся. Бить меня никто не посмеет!

– За что же ты дала ей пощечину? – поинтересовалась Баочай.

Таньчунь рассказала о том, что произошло накануне вечером. Тогда госпожа Ю пожаловалась на Сичунь.

– Такой у нее характер, – произнесла Таньчунь. – Она упряма, и ничего с ней не сделаешь... А нынче утром в доме было спокойно, и, узнав, что Фэнцзе опять заболела, я послала служанок разузнать о жене Ван Шаньбао. Служанки сказали, она клянет себя за то, что вмешалась не в свое дело.

– Поделом ей! – проговорили госпожа Ю и Ли Вань.

– Да она просто всех морочит! – с усмешкой заметила Таньчунь. –

Посмотрим, что будет дальше.

Вскоре пришли служанки звать барышень к обеду. Сяньюнь и Баочай поспешили домой переодеться, но это к делу уже не относится.

Между тем госпожа Ю попрощалась с Ли Вань и отправилась к матушке Цзя. Матушка Цзя полулежала на кане, а госпожа Ван ей рассказывала об истории с Чжэнями: в чем они провинились, как было конфисковано их имущество и как они прибыли в столицу ожидать решения суда.

Матушка Цзя слушала и тяжело вздыхала.

– Ты с чем пожаловала? – спросила матушка Цзя, увидев госпожу Ю. – Как себя чувствуют Ли Вань и Фэнцзе?

– Им лучше, – ответила госпожа Ю.

Матушка Цзя кивнула, и у нее снова вырвался вздох.

– Хватит нам разговаривать о постороннем. Подумаем лучше, как пятнадцатого числа будем любоваться луной.

– К празднику все готово, – сказала госпожа Ван, – не знаю только, где вы намерены устроить угощение. Ночью в саду, пожалуй, прохладно.

– Разве нельзя потеплее одеться? – возразила матушка Цзя. – Где еще любоваться луной, если не в саду?!

В это время служанки внесли обеденный стол. Госпожа Ван и госпожа Ю стали расставлять блюда и раскладывать палочки для еды. Когда матушка Цзя увидела, что кушанья для нее уже на столе, а у служанок еще два короба с яствами, присланными от родственников в знак уважения, она недовольно сказала:

– Я ведь просила ничего мне не присылать!..

– Это обычные блюда, которые у нас едят за обедом, – проговорила госпожа Ван. – Мне, например, нечем особым выразить вам свое уважение, потому что я соблюдаю пост. Пресные клецки и соевый сыр вам не по вкусу, поэтому я прислала только подливу из мелко крошенной водяной мальвы, приправленную перцем и маслом.

– Вот это я охотно отведаю! – обрадовалась матушка Цзя.

Юаньян поставила перед матушкой Цзя чашку. Баоцинь спросила, чего бы ей хотелось поесть. Матушка Цзя пригласила Таньчунь, которая пришла с сестрами, сесть рядом с ней, однако Таньчунь отказалась и села рядом с Баоцинь.

Указывая на кушанья, расставленные на столе, Юаньян говорила матушке Цзя:

– Не знаю, как называются эти блюда, но мне известно, что прислал их старший господин Цзя Шэ. А ростки бамбука – господин Цзя Чжэнь из

восточного дворца.

С этими словами она поставила перед матушкой Цзя чашку, в которой горкой лежали ростки бамбука.

Матушка Цзя отведала каждого кушанья, а остальное велела унести, сказав:

– Передайте тем, кто мне прислал угощение, что я отведала всего понемножку и прошу больше не посылать. Если захочется чего-нибудь, сама попрошу!

Служанки стали убирать со стола, но рассказывать об этом мы не будем.

Между тем матушка Цзя попросила:

– Дайте мне рисового отвара!

Госпожа Ю поднесла ей чашку отвара красного риса. Матушка Цзя половину съела, остальное приказала отнести Фэнцзе, а блюдо с фруктами передать Пиньэр.

– Ну вот, я поела, – сказала она госпоже Ю. – Теперь и ты садись есть.

Госпожа Ю кивнула, подала чай для полоскания рта, а затем воду для мытья рук. Матушка Цзя принялась болтать с госпожой Ван, а госпожа Ю вместе с остальными села обедать.

Вдруг матушка Цзя заметила, что госпожа Ю ест простой белый рис, и спросила:

– Почему госпоже не подали рис, приготовленный для меня?

– Этого риса нет больше, – ответили служанки, – у нас обедала нынче одна из барышень, и его не хватило.

– Мы теперь лишнего не готовим, – промолвила Юаньян, – сколько едоков, столько и еды.

– Последние два года то дожди, то засуха, поэтому риса нам доставляют меньше, чем обычно, – заметила госпожа Ван. – Особенно риса высшего сорта. Вот и приходится его экономить.

– В самом деле! – воскликнула матушка Цзя. – Самой искусной хозяйке не сварить кашу без риса!

Все рассмеялись.

Юаньян приказала служанкам:

– Принесите рис, который был приготовлен для третьей барышни Таньчунь!

– Не нужно, я сыта! – отозвалась госпожа Ю.

– Не хотите, я съем! – улыбнулась Юаньян.

Служанки побежали за рисом.

Вскоре ушла обедать и госпожа Ван. Матушка Цзя проболтала с

госпожой Ю до первой стражи, а потом сказала:

– Тебе пора!

Госпожа Ю попрощалась и вышла. Миновав вторые ворота, она села в коляску, служанки задернули занавески на окнах, слуги подхватили коляску, вывезли за ворота и стали запрягать лошадь. Служанки, приехавшие с госпожой Ю, побежали вперед, чтобы встретить ее у ворот дворца Нинго. А служанки из дворца Жунго, проводив госпожу Ю, вернулись домой.

Подъехав к воротам дворца Нинго, где стояли каменные львы, госпожа Ю заметила несколько колясок и поняла, что собрались дружки Цзя Чжэня играть в азартные игры.

– Интересно, сколько еще человек приехало верхом? – обратилась она к служанке Иньдэ.

Выйдя из коляски, госпожа Ю направилась прямо в гостиную. Встречать ее вышли жена Цзя Жуна и служанки с фонарями в руках.

– Мне давно хотелось посмотреть, как играют, – заметила госпожа Ю. – Вот и представился случай, так что давайте заглянем в окна!

Служанки подняли фонари и пошли вперед, освещая дорогу, а одна из них поспешила предупредить слуг, чтобы ничего не говорили господам. Госпожа Ю остановилась под окном и прислушалась. В комнате было шумно: восхищенные возгласы, смех, шутки, ругань, недовольное ворчанье – все слилось воедино.

Дело в том, что Цзя Чжэнь, соблюдая траур по отцу, не мог развлекаться открыто, поэтому, изнемогая от скуки, созвал родственников и знатных друзей якобы для стрельбы из лука и в качестве поощрения ввел призы. На дорожке возле терема Небесного благоухания выставили мишени в виде журавлей и по этим мишеням каждое утро стреляли. Сочтя для себя неудобным устраивать подобные игры во время траура, Цзя Чжэнь поручил Цзя Жуну этим заняться.

Надо сказать, что друзья Цзя Чжэня, знатные молодые люди, увлекались петушиными боями да собачьими бегами. Они уговорились по очереди устраивать угощения, резали баранов, свиней, гусей и уток, щеголяя друг перед другом щедростью, искусством собственных поваров, редкостными яствами, словно на «состязании в Линьтуне»^[193].

Спустя некоторое время о стрельбах прослышал Цзя Чжэн, но, толком не разобравшись, что происходит, сказал:

– Цзя Чжэнь правильно поступил. Не смог отличиться в гражданских делах, обратился к ратному делу. Не хочет жить одной только славой предков.

И он приказал Баоюю, Цзя Хуаню, Цзя Цуню и Цзя Ланю каждое утро ходить к Цзя Чжэню учиться стрелять из лука.

Однако Цзя Чжэнь преследовал свои цели. Стрельба была лишь предлогом для азартных игр по вечерам. Сначала проигравший устраивал угощение, но вскоре в ход пошли деньги.

Месяца через три никто и не вспоминал о стрельбе. Ее вытеснили карты и кости. Игра шла по крупной, словно в игорном доме. Кое-что перепало и слугам, поэтому они молчали, и из посторонних никто ничего не знал. Вскоре к игрокам присоединился и Син Дэцюань – брат госпожи Син, а также Сюэ Пань: игра на деньги была для него не в новинку и он не мог отказать себе в таком удовольствии.

Син Дэцюань хоть и приходился родным братом госпоже Син, но совсем не походил на сестру. Он только и знал, что пить да играть в азартные игры, развлекаться с гетерами; деньги из его рук текли, как вода. Недаром его называли «дядюшка Дурак».

Что же до Сюэ Паня, то его давно считали глупцом.

В тот вечер Син Дэцюань и Сюэ Пань пригласили еще двух игроков и, усевшись на кане в прихожей, затеяли свою излюбленную игру в цайцюань. Другие за столом «гоняли барана»^[194]. Те, что пообразованнее, во внутренних комнатах играли в кости и домино.

Итак, госпожа Ю, пробравшись к окну, заглянула в комнату. Первое, что бросилось ей в глаза, – это разукрашенные и наряженные мальчишки-слуги. Они сидели у стола и вместе с играющими пили вино.

Сюэ Пань проиграл было, но потом ему повезло: он не только отыгрался, но еще и выиграл изрядную сумму и сразу повеселел.

– Закусим, – предложил Цзя Чжэнь. – Как дела у других?

Оказалось, еще не все кончили игру, поэтому стол накрыли пока только для Цзя Чжэня и его партнеров.

Между тем Син Дэцюань, проигравшись, хлебнул вина запьянел и принялся бранить мальчиков-слуг:

– Ублюдки! Постоянно пользуетесь моими милостями, а стоило мне проиграть несколько лянов, так сразу нос воротите! Неужто думаете, больше не придется ко мне обращаться?

Проигравшие посмеивались, а выигравшие говорили:

– Вы совершенно правы, дядюшка! Эти сукины дети взяли себе за правило пренебрегать проигравшими! Что стоите? – заорали они на слуг. – Почему не нальете дядюшке вина?

Слуги, дурачась, быстро наполнили кубок и, ползая на коленях перед дядюшкой Дураком, взмолились:

– Не сердитесь, уважаемый господин, пожалейте нас! Учитель учил нас не делить людей на дальних и близких, скупых и щедрых, а оказывать уважение тем, у кого деньги! Сделайте ставку покрупнее и, если выиграете, увидите, как мы будем обхаживать вас.

Под общий смех дядюшка Дурак с улыбкой принял кубок и произнес:

– Если бы я не жалел вас за ваше убожество, одним пинком вышиб из вас дух!

И в подтверждение своих слов он поднял ногу. Мальчики моментально вскочили с колен, стянули платком руки дядюшки Дурака и влили ему в рот вино.

Захлебываясь от смеха, дядюшка Дурак осушил кубок и ущипнул одного из мальчишек за щеку.

– Гляжу я на тебя, а кровь так и играет!..

Вдруг он стукнул рукой по столу и обратился к Цзя Чжэню:

– Знаешь, вчера я поскандалил с твоей теткой!

– Не слышал, – ответил Цзя Чжэнь.

– И все из-за денег! – вздохнул дядюшка Дурак. – Ты и не представляешь себе, мудрый мой племянник, что творится у нас в семье. Когда умерла бабушка, я был ребенком и мало в чем разбирался. Из трех сестер бабушки твоя тетка была самой старшей и, выйдя замуж, забрала все имущество. Сейчас вышла замуж твоя вторая тетка, но семья ее бедствует. Третья тетка до сих пор живет дома. Всеми расходами моей старшей сестры ведает ее доверенная служанка – жена Ван Шаньбао. Я пошел к ней просить денег, ничего не требуя из имущества семьи Цзя. Дали бы мне часть имущества, привезенного сюда моей старшей сестрой, и я был бы доволен. Но мне отказали. И я остался ни с чем.

Цзя Чжэнь опасался, как бы кто-нибудь не услышал эту пьяную болтовню, поэтому постарался переменить тему разговора. Но госпожа Ю все поняла и потихоньку сказала служанкам:

– Слыхали? Родной брат затаил на госпожу Син злобу! Что уж говорить о других!

Она снова прильнула к окну, но игроки в это время окончили «гонять барана» и потребовали вина.

– Кто обидел почтенного дядюшку? – спросил один из них. – Мы так и не поняли. Расскажите, мы рассудим!

Син Дэцюань снова стал жаловаться на мальчиков-слуг.

– Негодники! – воскликнул другой игрок. – Вы почему пренебрегаете дядюшкой? Не удивительно, что он рассердился. Ведь дядюшка проиграл всего несколько лянов серебра! Вот проиграй он свою мужскую силу, тогда

дело другое.

Раздался дружный взрыв смеха. Син Дэцюань, хохоча, воскликнул:

– Ах ты дрянь! И как только у тебя язык поворачивается говорить такое!

Госпожа Ю при этих словах плюнула.

– Вы только послушайте этих негодников! – сказала она. – Представляю себе, что здесь будет, если они еще выпьют!

Возмущенная, она удалилась в свои комнаты и легла отдыхать.

А веселая компания пировала до четвертой стражи, после чего Цзя Чжэнь пошел в комнату Пэйфэн.

На следующее утро, едва Цзя Чжэнь проснулся, слуга доложил:

– Надо разослать лунные лепешки [\[195\]](#) и арбузы.

Цзя Чжэнь обратился к Пэйфэн:

– Пойди скажи госпоже, чтобы разослала лепешки по своему усмотрению. Я занят!

Пэйфэн передала госпоже Ю приказание Цзя Чжэня, и та велела служанкам разнести лепешки.

Вскоре Пэйфэн вновь появилась у госпожи Ю.

– Господин спрашивает, – сказала она, – собираетесь ли вы нынче куда-нибудь, госпожа! Он говорит, что траур еще не кончился и уж если отмечать праздник, то только дома, тем более что погода прекрасная.

– Мне и самой не хотелось бы уезжать из дома, – ответила госпожа Ю. – Но во дворце Жунго болеют Ли Вань и жена второго господина Цзя Ляня. Так что придется поехать. А то у них никого не будет на праздник.

– Господин просит, – продолжала Пэйфэн, – если вы поедете, возвратиться пораньше! А в сопровождающие взять с собой меня.

– В таком случае я поеду сразу после завтрака, – проговорила госпожа Ю.

– Господин сказал, что не будет завтракать дома, и просил вас завтракать без него.

– С кем же он будет завтракать? – поинтересовалась госпожа Ю.

– Кажется, с какими-то двумя приезжими из Нанкина.

Госпожа Ю позавтракала, переделась и вместе с Пэйфэн отправилась во дворец Жунго. Возвратились они оттуда лишь к вечеру.

Цзя Чжэнь распорядился зажарить свинью и барана, приготовить закуску и фруктов и накрыть стол в зале Зеленых зарослей в саду Слияния ароматов. Здесь он поужинал с женой и наложницами, затем приказал подать вино и собрался любоваться луной.

Наступила первая стража, воздух на редкость был чист, ярко светила

луна, Серебряная река^[196] едва заметно белела в небе.

Цзя Чжэнь приказал Пэйфэн и еще трем женщинам сесть на циновке и стал играть с ними в угадывание пальцев.

После выпитого вина Цзя Чжэнь развеселился, приказал Пэйфэн принести флейту и играть, а Вэньхуа – петь. Чистый голос молодой женщины привел всех в восхищение. Затем сели играть в «столовый приказ».

В третью стражу, когда Цзя Чжэнь изрядно захмелел, а остальные, одевшись потеплее, пили чай и наполняли кубки вином, вдруг послышался вздох.

– Кто там? – громко крикнул Цзя Чжэнь.

Никто не ответил. Он снова окликнул, потом еще и еще, – молчание.

– Может быть, это там, за стеной, кто-то из слуг, – высказала предположение госпожа Ю.

– Глупости! – возразил Цзя Чжэнь. – Тут поблизости нет домов для прислуги. Вздох донесся со стороны нашего храма предков. А откуда там взяться людям?

Не успел он договорить, как за стеной прошелестел ветер, и всем показалось, будто в храме захлопали ставни; мрак сгустился, стало невыносимо тоскливо. Все взоры обратились к луне, но она теперь не казалась такой яркой, словно потускнела. У всех волосы зашевелились от ужаса.

С Цзя Чжэня весь хмель слетел, и хотя, не в пример остальным, он не очень трусил, от безотчетного страха избавиться не мог и потерял всякий интерес к развлечениям. Он посидел еще немного и пошел отдыхать.

Утром пятнадцатого числа Цзя Чжэнь с сыновьями и племянниками отправился в храм совершить обряд по случаю полнолуния. Они внимательно осмотрели храм, но ничего необычного не нашли, и Цзя Чжэнь решил, что вздохи и шорохи ему просто почудились спяна. Он тут же забыл о случившемся, совершил церемонию и, выйдя из храма, проследил, чтобы дверь заперли на замок.

После ужина Цзя Чжэнь с женой проследовали во дворец Жунго. У матушки Цзя собрались в это время Цзя Шэ, Цзя Чжэн, а также прислуживавшие им Цзя Лянь, Баоюй, Цзя Хуань и Цзя Лань.

Цзя Чжэнь поздоровался, произнес несколько вежливых фраз и сел на маленький табурет у дверей.

– Каковы успехи Баоюя в стрельбе из лука? – поинтересовалась матушка Цзя.

– Блестящи, – ответил Цзя Чжэнь, вставая. – Он не только освоил

приемы стрельбы, но и до отказа стал натягивать лук.

– Этого, пожалуй, достаточно, – заметила матушка Цзя, – а то как бы не повредило здоровью.

– Совершенно с вами согласен, – поддакнул Цзя Чжэнь.

– За лунные лепешки спасибо, они пришлись мне по вкусу, – продолжала матушка Цзя. – А вот арбузы так себе – только с виду красивые.

– Лунные лепешки испек новый повар, – улыбнулся Цзя Чжэнь. – Я их отведал, прежде чем прислать вам. Что же до арбузов, то в прошлом году они были у нас неплохие. Не понимаю, что с ними случилось сейчас?

– Ничего удивительного, – заметил Цзя Чжэн. – Выпало слишком много дождей.

– Взгляните, – сказала матушка Цзя, – луна взошла, пойдемте возжигать благовония!

Она встала и, опираясь на плечо Баюя, направилась в сад. Все последовали за нею.

На главных воротах, распахнутых настежь, висели фонари «бараний рог». На возвышении перед залом Счастливой тени курились благовония, горели свечи, были разложены арбузы, фрукты, лунные лепешки. Госпожа Син вместе с другими женщинами ждала матушку Цзя.

Поистине невозможно передать словами, как ярко в тот вечер светила луна, как сияли фонари, сверкали драгоценности и как наслаждались люди разлившимся вокруг благоуханием.

В зале были расстелены коврики и разложены подушки для совершения поклонов. Матушка Цзя вымыла руки, зажгла благовония и совершила положенные поклоны; ее примеру последовали остальные.

– Лучше всего любоваться луной с высоты, – проговорила матушка Цзя, выразив желание подняться на горку, в расписные палаты. А пока там расстилали коврики и раскладывали подушки, матушка Цзя в палатах Счастливой тени выпила чаю, отдохнула немного и поболтала. Вскоре служанка доложила:

– Все готово, госпожа!

Матушка Цзя, поддерживаемая под руки служанками, поднялась на горку.

Дорогой госпожа Ван ее предупредила:

– Камни поросли мхом, госпожа! Можно поскользнуться! Сели бы лучше в носилки!

– Здесь каждый день подметают, да и дорога ровная, – возразила матушка Цзя. – Почему бы не поразмяться?

Впереди шли Цзя Шэ и Цзя Чжэн, следом за ними – две женщины с фонарями, шествие замыкала госпожа Син.

Пройдя сотню шагов по извилистой тропинке, все поднялись на гору, где на самой вершине высились палаты Лазоревого бугра.

Перед ними на небольшой площадке стояли столы и стулья, сама же площадка была разделена большой ширмой. Столы и стулья имели круглую форму, символизируя полную луну. Во главе стола села матушка Цзя, слева от нее – Цзя Шэ, Цзя Чжэнь, Цзя Лянь Цзя Жун, справа – Цзя Чжэн, Баоюй, Цзя Хуань Цзя Лань. Половина мест пустовала.

– Раньше я как-то не замечала, что нас так мало, – произнесла матушка Цзя. – Помнится, в прошлые годы в этот день собиралось человек тридцать – сорок. Вот было веселье! А сейчас разве наберется столько? Давайте хоть девочек позовем!

И матушка Цзя приказала служанке пойти за ширму, где в центре стола сидела госпожа Син, и привести Инчунь, Таньчунь и Сичунь. Цзя Лянь и Баоюй усадили сестер и вернулись на свои места.

Затем матушка Цзя велела сломать коричную ветку с цветами, приказала одной из женщин за ширмой бить в барабан и затеяла игру в передачу цветка. У кого в руках оказывался цветок, когда барабан умолкал, должен был выпить кубок вина и сказать что-нибудь забавное.

Начала игру матушка Цзя. Под барабанный бой она передала цветок сидевшему рядом Цзя Шэ, тот передал дальше. Барабан умолк в тот момент, когда цветок оказался в руках у Цзя Чжэна, и ему пришлось выпить кубок вина. Сестры толкали друг друга в бок и с нетерпением ждали, что скажет Цзя Чжэн.

Цзя Чжэн видел, что матушка Цзя в хорошем настроении, и изо всех сил старался ей угодить. Но только он раскрыл рот, как матушка Цзя пригрозила:

– Смотри, говори смешное, не то оштрафуем!

– Постараюсь, – пообещал Цзя Чжэн. – А не будет смешно, штрафуйте!

– Говори же, – кивнула матушка Цзя.

– Жили-были муж и жена, – начал Цзя Чжэн. – Никого так не боялся муж, как своей жены.

Не успел он произнести эти слова, как все рассмеялись. Не потому, что было смешно, а потому, что ни разу не слышали от Цзя Чжэна шуток.

– История обещает быть интересной, – заметила матушка Цзя.

– Тогда, матушка, наперед выпейте кубок, – нашелся Цзя Чжэн.

– Не возражаю, – ответила матушка Цзя.

Цзя Шэ поднес Цзя Чжэну кубок, тот наполнил его и, взяв у Цзя Шэ, почтительно поставил перед матушкой Цзя. Матушка Цзя отпила глоток.

– Итак, этот муж, – продолжал Цзя Чжэн, – не смел сделать лишнего шага. Но вот в пятнадцатый день восьмого месяца он пошел за покупками и неожиданно повстречал друзей. Те затащили его к себе, напоили, и он уснул. А утром раскаялся в своем легкомыслии. Но ничего не поделаешь, пришлось идти домой и просить прощения у жены. Когда он явился, жена мыла ноги. «Я прощу тебя только в том случае, – сказала жена, – если ты вылижешь мою ногу». Стал муж ногу лизать, но его стошнило. Жена рассердилась и говорит: «Ну и дурак же ты!» Замахнулась она на мужа, а он на колени встал, оправдывается: «Не оттого стошнило меня, что я ногу твою лизал, а оттого, что вина перепил да лунных лепешек переел».

Все рассмеялись. Цзя Чжэн снова наполнил кубок и поднес матушке Цзя.

– А для вас пусть принесут воды, – приказала матушка Цзя, – не то как бы вам, людям женатым, не попало от жен!

Снова раздался взрыв смеха. Только Баоюй и Цзя Лянь постеснялись громко смеяться.

Опять ударили в барабан, и игру начал Цзя Чжэн. На этот раз барабан умолк в тот момент, когда цветок оказался в руках у Баоюя. Юноша, и без того чувствовавший себя неловко при отце, подумал: «Не удастся шутка, скажут, что я никудышный рассказчик, удастся – обвинят в легкомыслии. Лучше вообще ничего не говорить».

И он попросил:

– Дайте мне другое задание! Я не умею рассказывать.

– В таком случае сочини стихотворение на рифму «осень», на тему – окружающий пейзаж, – приказал Цзя Чжэн. – Хорошо сочинишь – вознагражу, плохо – пеняй на себя!

– Лучше расскажи что-нибудь! – забеспокоилась матушка Цзя. – К чему сочинять стихи?

– Пусть сочиняет, – возразил Цзя Чжэн, – у него получится!

– Ладно, – согласилась матушка Цзя. – Подайте ему бумагу и кисть!

– Только смотри, чтобы было поменьше слов «вода», «прозрачный», «лед», «яшма», «серебро», «узор», «свет», «ясный», «чистый», – заявил Цзя Чжэн. – Выражай собственные мысли и чувства! Мне хочется знать, о чем ты думал в последние годы.

Такое условие пришлось по душе Баоюю, он быстро сочинил четверостишие, записал и отдал отцу.

Цзя Чжэн прочел, но ничего не сказал, лишь несколько раз кивнул

головой. По выражению его лица матушка Цзя поняла, что придраться не к чему, и спросила:

– Ну, что скажешь?

– Неплохо! – ответил Цзя Чжэн, желая угодить матушке Цзя. – Жаль только, что он не желает учиться.

– Вот и награди его, чтобы побольше старался, – сказала обрадованная матушка Цзя.

– Вы правы! – согласился Цзя Чжэн и обратился к старой мамке: – Прикажи слугам принести два веера, которые я привез с острова Хайнань, я их подарю Баоюю.

Получив подарок, Баоюй низко поклонился отцу.

Цзя Лань, увидев, что Цзя Чжэн наградил Баоюя, тоже сочинил стихотворение и преподнес Цзя Чжэну. Цзя Чжэн прочел его вслух, для матушки Цзя, а та приказала наградить и Цзя Ланя.

После этого игра возобновилась. Умолк барабан, и ветка оказалась в руках Цзя Шэ. Пришлось ему пить вино и придумывать забавную историю.

– В одной семье был почтительный сын, – начал он. – Однажды заболела его мать, но поскольку врача юноша не мог найти, пригласил старуху знахарку. А старуха только и умела, что делать уколы и прижигания. Проверять пульс она не могла, поэтому заявила, что у больной в сердце огонь и надо сделать укол прямо в сердце. Юноша разволновался и говорит: «Ведь от такого укола мать сразу умрет! Игла проколет ей сердце!» А старуха отвечает: «Не обязательно колоть в сердце, можно в ребро». – «Но где ребро, а где сердце», – удивился юноша. «Это не важно, – сказала старуха. – Мало ли в Поднебесной родителей, у которых сердце сдвинулось с места!»

Эта история всех насмешила. А матушка Цзя выпила полкубка вина, помолчала и промолвила:

– Где найти такую старуху? Пусть бы сделала мне укол!

Цзя Шэ понял, что шутка его неуместна, видно, матушка Цзя ее восприняла как упрек в пристрастном отношении к детям. Он быстро наполнил кубок и поднес ей. Матушка Цзя сочла неудобным продолжать этот разговор, и все снова стали играть.

На сей раз цветок оказался в руках Цзя Хуаня.

Надо сказать, что в последнее время Цзя Хуань сделал кое-какие успехи в учебе, хотя по-прежнему питал любовь к развлечениям. Сейчас ему очень хотелось отличиться и тоже получить награду, как Баоюй, поэтому он потребовал бумагу, сочинил четверостишие и преподнес Цзя Чжэну.

Стихотворение показалось Цзя Чжэну легкомысленным, несерьезным, и он сказал:

– И у тебя, и у брата Баоюя в стихах – порочные мысли! Помните выражение древних: «Трудно сказать, кто из двоих»^[197]. Это как раз о вас. Иными словами, трудно сказать, кто из двоих ленивей в ученье. Баоюй, пожалуй, похож на Вэнь Фэйцина^[198], а ты – на Цао Тана!

Это сравнение всех насмешило.

– Дайте я прочту, – попросил Цзя Шэ.

Стихи ему очень понравились, и он стал их хвалить:

– По-моему, это просто великолепно как по содержанию, так и по форме. Вряд ли стоит утруждать себя чрезмерным прилежанием. Поучился немного – и хватит, придет время поступать на службу, должность никуда не убежит. Зачем же превращаться в книжного червя? Эти стихи прежде всего хороши тем, что не умаляют достоинства нашей семьи!

Он велел слугам принести разные безделушки и отдать Цзя Хуаню. Затем, погладив мальчика по голове, Цзя Шэ сказал:

– Продолжай в том же духе, и ты в будущем займешь высокое положение, как некогда наши предки!

Цзя Чжэн махнул рукой:

– Это все пустые слова! Какое отношение имеют стихи к будущему?

Он наполнил кубок вином, и игра продолжалась.

Вскоре матушка Цзя сказала мужчинам:

– Ладно, можете идти! Вас наверняка заждались, а пренебрегать друзьями нельзя. Да и время позднее, так что идите, пусть теперь барышни повеселятся.

Первым из-за стола встал Цзя Чжэн. Ему на прощание поднесли кубок вина, после чего в сопровождении сыновей и племянников он удалился.

Если хотите узнать, чем окончился праздник, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят шестая

Мелодия флейты на Лазоревом бугре навевает грусть;

стихи, сочиненные в павильоне Кристальной впадины, вызывают чувство одиночества

Итак, после ухода мужчин матушка Цзя распорядилась убрать ширму, отделявшую мужской стол от женского, а служанки расставили фрукты и принесли чистые кубки и палочки для еды.

Все оделись потеплее, выпили чаю и сели кружком. Баочай и ее младшая сестра незаметно ушли, и матушка Цзя поняла, что они решили продолжать праздник у себя дома. Не было также Ли Вань и Фэнцзе. Их очень недоставало, и все погрустнели. Куда девалось прежнее веселье!

Матушка Цзя обратилась к госпоже Ван:

– В прошлом году наши мужчины находились в отъезде и мы приглашали твою сестру Сюэ вместе с нами любоваться луной. Было шумно и весело, и все мы немножко грустили, что с нами нет наших мужчин, что жены разлучены с мужьями, матери – с сыновьями. В нынешнем году муж твой дома, и, казалось бы, нужно радоваться; но мы не можем теперь пригласить твою сестру с дочерью. В доме у нее прибавилось два человека, и ей нельзя их оставить. Фэнцзе, как нарочно, болеет. А у нее шуток и смеха на десятерых хватило бы... Поистине все в Поднебесной не так, как хочется!

Матушка Цзя вздохнула и приказала наполнить большой кубок подогретым вином.

– Хорошо, что сейчас матери с детьми вместе, – промолвила госпожа Ван. – В прошлые годы за столом бывало много гостей, зато в нынешнем – собрались наши самые близкие родственники.

– Это настоящая радость, – улыбнулась матушка Цзя, – вот я и хочу выпить из большого кубка. И вы замените свои кубки на большие!

Пришлось последовать примеру матушки Цзя, хотя от вина все уже чувствовали некоторую вялость. Да и время было позднее.

Затем матушка Цзя распорядилась постелить на крыльце матрац, принести лунных лепешек, арбузов, фруктов и разрешила служанкам тоже

любоваться луной. А луна к этому времени была близка к зениту и казалась особенно яркой.

– Какая красота! – воскликнула матушка Цзя. – Послушать бы сейчас флейту! – И она приказала позвать музыкантов, заметив при этом: – Громкая музыка лишена всякой прелести, ее лучше слушать издали.

Вдруг матушка Цзя увидела, что к госпоже Син обратилась ее служанка, и спросила:

– Что-нибудь случилось?

– Старший господин Цзя Шэ споткнулся о камень и вывихнул ногу, – ответила госпожа Син.

Матушка Цзя послала служанок узнать, как себя чувствует Цзя Шэ, а госпоже Син велела идти домой, сказав:

– Пусть жена Цзя Чжэня ее проводит. Я тоже скоро пойду спать.

– Я не поеду домой, – с улыбкой произнесла госпожа Ю, привстав с места, – если позволите, всю ночь проведу с вами!

– Так не годится, – возразила матушка Цзя. – Вы с Цзя Чжэнем еще молоды и в нынешнюю ночь должны быть вместе. Зачем же я буду разлучать вас?

– Ну что вы, бабушка, – краснея, ответила госпожа Ю. – Разве мы молодые? Скоро двадцать лет как женаты, каждому без малого сорок. К тому же у нас еще не окончился траур. Поэтому самое лучшее мне побыть эту ночь у вас.

– Ты, пожалуй, права, – согласилась матушка Цзя. – Совсем забыла, что у вас траур. Ведь почти два года прошло, как скончался твой свекор! И как это я запамтовала! Меня надо оштрафовать на большой кубок! Ладно, оставайся со мной!

Госпожа Ю дала наставление жене Цзя Жуна, и та пошла провожать госпожу Син. Но о том, как они сели в коляски и уехали, мы рассказывать не будем.

Между тем матушка Цзя и все остальные полюбовались коричневыми цветами, выпили еще вина и завели разговор. Неожиданно у стены, под коричневым деревом, будто всхлипывая, заиграла флейта. В эту ясную лунную ночь нарушившие тишину нежные звуки флейты словно унесли с собой горести и печали. Все слушали, затаив дыхание, и не сразу пришли в себя, когда музыка смолкла. А потом стали выражать свое восхищение и снова наполнили кубки.

– Вам и в самом деле музыка доставила удовольствие? – с улыбкой спрашивала матушка Цзя.

– Еще бы! – дружно ответили ей. – Мы очень вам благодарны!..

– А сыграй они мелодию попротяжней, было бы совсем замечательно, – сказала матушка Цзя.

Она приказала налить кубок вина и отнести музыкантше.

Вернулись служанки, которых послали справиться о здоровье Цзя Шэ, и доложили:

– Нога у старшего господина хоть и распухла, но ничего опасного нет. Приложили лекарство, и боль поутихла.

Матушка Цзя со вздохом сказала:

– А еще говорят, будто одних я больше люблю, других – меньше. Но я обо всех забочусь и волнуюсь из-за каждого пустяка.

Пришла Юаньян. Принесла капор и плащ и обратилась к матушке Цзя:

– Уже поздно, госпожа! Выпала роса, и вы можете простудиться. Пора собираться домой, отдыхать.

– Веселье в самом разгаре, а ты увести меня хочешь! – отмахнулась матушка Цзя. – Что я, пьяна? Вот назло не уйду до рассвета!

Она приказала налить ей вина, надела капор, накинула плащ и поднесла кубок к губам. Выпили и остальные. Шуткам не было конца. То и дело раздавался смех.

Но вот опять зазвучала флейта – скорбно, протяжно. Все притихли. Неизбывная грусть охватила матушку Цзя. Ее никак нельзя было развеселить. Наконец приказали подать еще вина и прекратить музыку.

– Можно я расскажу одну забавную историю? – спросила госпожа Ю.

– Рассказывай, – разрешила матушка Цзя, заставив себя улыбнуться.

– В одной семье было четыре сына, – начала госпожа Ю. – Старший – одноглазый, второй – одноухий, третий – с одной ноздрей. А у четвертого было все – и глаза, и уши, и нос как нос, вот только немым уродился.

Пока госпожа Ю говорила, матушка Цзя закрыла глаза, словно задремала. Госпожа Ю умолкла, и они с госпожой Ван тихонько ее окликнули.

Та открыла глаза, улыбнулась:

– Продолжай, продолжай! Я не сплю, просто так, отдыхаю.

– Ветер усилился, – заметила госпожа Ван. – Не пора ли домой? А завтра снова сюда придем. Шестнадцатого числа луна тоже красивая.

– Сколько времени? – поинтересовалась матушка Цзя.

– Четвертая стража, – ответила госпожа Ван. – Девочки не выдержали и ушли спать.

Матушка Цзя огляделась. На своем месте сидела одна Таньчунь.

– Ладно, – улыбнулась матушка Цзя. – Не привыкли вы допоздна

засиживаться. Сил не хватает. Здоровье слабое. Так что лучше уж разойтись! Бедняжка Таньчунь! Терпеливо сидит, дожидается... Пусть идет домой, и мы пойдем!

Матушка Цзя выпила чаю, села в паланкин, и служанки понесли ее к воротам. О том, как она возвращалась домой, мы рассказывать не будем.

Служанки между тем принялись убирать посуду и недосчитались одной чашки. Стали искать – не нашли.

– Может быть, ее разбили? – спрашивали друг у друга девушки. – Но куда, в таком случае, девались черепки? Не найдем, скажут, что мы стащили.

Все твердили одно:

– Мы чашки не разбивали. Может быть, кто-нибудь из служанок? Надо вспомнить, кто брал чашку, и спросить!

– Совершенно верно! – обрадовались женщины. – Цуйлюй брала чашку, у нее и спросим!

Одна из женщин пошла искать Цуйлюй и едва вошла в аллею, как увидела ее и Цзыцзюань.

– Старая госпожа ушла? – спросила Цуйлюй. – А где наша барышня?

– Ты спрашиваешь, где барышня, а я хотела бы знать, где чашка, – проворчала женщина.

– Я только хотела налить барышне чай, – ответила Цуйлюй, – а она исчезла.

– Госпожа велела барышням идти спать, – произнесла женщина. – Ты вот пробегала, а теперь барышню свою не найдешь!

– Не может быть, чтобы барышни украдкой ушли, – возразили Цуйлюй и Цзыцзюань. – Они где-нибудь гуляют! Может, пошли провожать старую госпожу! Мы поищем! Где барышня – там и чашка. Не суетись!

– Если чашка у барышни, то и в самом деле незачем суетиться, – ответила женщина. – Как бы то ни было, за чашкой я завтра приду!

С этими словами женщина ушла. А Цзыцзюань и Цуйлюй отправились к матушке Цзя. Но об этом мы рассказывать не будем.

Дайюй и Сяньюнь и не думали идти спать. Просто Дайюй заметила, что матушка Цзя вздыхает, что за столом почти пусто, а тут еще Баочай с сестрой ушли. Дайюй почувствовала себя совсем одинокой и всеми забытой, отошла в сторонку и, облокотившись о перила, заплакала.

Баоюй в тот день был рассеян и никого не замечал: все его мысли были обращены к Цинвэнь – ей стало хуже, болезнь обострилась. И как только

госпожа Ван сказала, что можно идти спать, он поспешил к себе. У Таньчунь, расстроенной домашними неприятностями, тоже не было ни малейшего желания развлекаться. Только Инчунь и Сичунь все еще были здесь, но они никогда не дружили с Дайюй, и утешать ее принялась Сяньюнь.

– Ты умная девушка, а не бережешь себя, – сказала Сяньюнь с укором. – Получилось как-то нехорошо. Баочай и Баоцинь все время твердили, что нынешний праздник Середины осени мы проведем вместе, устроим собрание поэтического общества и будем сочинять стихи. Но потом они забыли о нас и сами ушли любоваться луной; никакого собрания не было, и никаких стихов мы не сочиняли. Все родственники – эгоисты. Недаром сунский Тайцзу^[199] сказал: «Я не позволю кому-то спать у своей постели!» Ну и пусть они о нас забыли. Мы и вдвоем можем стихи сочинять, а завтра их пристыдим!

Дайюй, не желая огорчать подругу, сказала:

– Какие тут стихи, когда такой галдеж?!

Сяньюнь засмеялась.

– Любоваться луной с холма – хорошо, но еще лучше внизу, у воды. Знаешь, у подножия горки есть пруд, где у самой воды стоит павильон Кристальной впадины. Те, что вели работы в саду, отличались прекрасным вкусом. На этой горке самое высокое место называли Лазоревым бугром, а самое низкое, у воды – Кристальной впадиной. Слова «бугор» и «впадина» и знаки, которыми они пишутся, редко употребляются, потому в названиях террасы и павильона создают впечатление чего-то нового, оригинального. Тот, кто их придумал, не пожелал следовать трафарету. Оба эти места – одно наверху, другое внизу, одно светлое, другое тенистое, одно на горке, другое у воды – словно созданы для того, чтобы любоваться луной. Кому нравятся высокие горы и бледная луна, поднимаются наверх, кто предпочитает яркую луну и чистые волны, спускаются вниз. Хотя на байхуа слова «бугор» и «впадина» читаются и пишутся несколько по-иному, чем на вэньяне, все равно их считают грубыми. Слово «впадина» мне встретилось всего раз в стихотворении Лу Фанвэна, где есть строка: «Во впадине на тушечнице древней туши накопляется немало...» Ну разве не смешно, что поэта упрекали в банальности?

– Это слово встречается не только у Лу Фанвэна, но и у других поэтов и писателей древности, – возразила Дайюй. – Взять хотя бы «Оду о зеленом мхе» Цзян Яня^[200], «Книгу о чудесах» Дунфан Шо^[201], рассказ «Чжан Сэньяо^[202] расписывает кумирню». Люди нынешнего времени этого не

знают и потому считают это слово простонародным. Скажу по правде: это я придумала такие названия павильону и террасе. Отец велел это сделать Баоюю, но он придумал неудачные. Тогда придумала я, записала и показала старшей сестре, а она велела их показать дяде, и дяде они понравились. Ну ладно, пошли в павильон.

Они спустились по склону, свернули за горку и очутились в Кристальной впадине. По берегу пруда и до самой дорожки, ведущей к павильону Благоухающего лотоса, тянулась бамбуковая ограда. Здесь по ночам дежурили две служанки. Но сейчас, к великой радости Дайюй и Сяньюнь, они спали, потому что в палатах Лазоревого бугра господра любовались луной.

– Как хорошо, что служанки спят! – сказала Дайюй. – Давай полюбуемся отражением луны в воде.

Девушки сели на бамбуковые пеньки под навесом.

Полная луна отражалась в пруду. В ее свете сверкала вода, и девушкам казалось, будто они попали в хрустальный дворец царя рыб. Налетел ветерок, и по зеркальной поверхности пруда побежали морщинки. От окружающей красоты на душе становилось светло и радостно.

– Будь я сейчас дома, непременно выпила бы вина и покаталась на лодке! – воскликнула Сяньюнь.

– Правы были древние, говоря: «Когда сбываются все желания, исчезает радость надежды», – засмеялась Дайюй. – Нам и так хорошо – к чему еще лодка?

– Такова человеческая природа! – ответила Сяньюнь. – «Захватив княжество Лу, заришься на Шу»!

Вдруг до девушек донеслись жалобные звуки флейты.

– Это старая госпожа и госпожа развлекаются, – заметила с улыбкой Дайюй. – Флейта нам даст вдохновение. Давай сочинять пятисловные уставные стихи.

– На какую рифму? – спросила Сяньюнь.

– Сосчитаем палочки в этих перилах – отсюда и до сих пор; какая будет по счету последней, ту рифму и возьмем^[203].

– Прекрасная мысль! – промолвила Сяньюнь.

И они принялись считать палочки. Оказалось тринадцать.

– Как назло, тринадцатая рифма! – произнесла Сяньюнь. – Она употребляется так редко, что вряд ли у нас получатся стихи. Ну, начинай!

– Ладно, посостязаемся, кто сильнее в стихосложении, – улыбнулась Дайюй. – Жаль только, нет бумаги и кисти, нельзя записать!

– Завтра запишем, – ответила Сяньюнь, – надеюсь, нас память не

подведет.

– Ну, тогда слушай, – сказала Дайюй и прочла:

...Пятнадцатый день – это осень в своей середине^[204].
Но день позади. Вот и вечер уже настает.

Сяньюнь на мгновение задумалась, но тут же подхватила:

Прозрачность и свежесть! Похоже, что наша прогулка
Совпала с весной, и мы перешли в новый год!^[205]
...Стрельца и Ковша засверкали извечные звезды,
Светилами ярко расцвечен ночной небосклон...

Дайюй, смеясь, продолжала:

...А здесь, на земле, перелив благозвучный свирели,
И флейты не молкнут, и слышится струн перезвон.
Пусть кубки с вином поднимают в разгаре веселья,
Чтоб ночь пролетела отрадно в пирушке хмельной...

– «Пусть кубки с вином поднимают...» – это хорошо, – улыбнулась Сяньюнь, – но парная строка должна быть еще лучше.

Она снова задумалась и прочла:

Сейчас у кого широко не распахнуты окна,
Чтоб, к ним подойдя, любоваться плывущей луной?
...Мороз... Но не сильный. Скорее – приятный морозец.
Но ветер подул – и как будто огнем обожгло...

– Неплохо! – отозвалась Дайюй. – Лучше, чем у меня. А подумай ты еще немного, получилось бы совсем замечательно.

– Стихов на эту тему мало, она трудная, поэтому можно использовать уже готовые строки, – сказала Сяньюнь. – Будь у меня что-то очень хорошее, я приберегла бы на конец.

– Посмотрим, что ты прочтешь в конце! – с напускной строгостью промолвила Дайюй. – Стыдно ведь будет, если ничего интересного не

придумаешь! – И она прочла такие строки:

А ночь между тем все равно хороша при морозе:
Согрета душа, и на сердце светло и тепло.
...Коль тянешься жадно за тою же лунной лепешкой, —
Тебе не пристало Почтенного старца корить... [\[206\]](#)

– Про «лунную лепешку» никуда не годится! – засмеялась Сяньюнь. – Это ты нарочно придумала, чтобы поставить меня в тупик.

– Побольше надо читать, – возразила Дайюй. – Ведь выражение «Коль тянешься жадно за тою же лунной лепешкой» взято из старинной книги, «Истории династии Тан»...

– Ладно, у меня уже готова следующая строка, – объявила Сяньюнь.

Коль надо арбуз расчленить, чтобы стал он как лотос,
Тебе не пристало над юною девой трунить [\[207\]](#).
...Сколь свеж аромат при сияющем лунном восходе
Коричника лунного – яркого, словно нефрит...

– Вот это ты наверняка сама придумала! – воскликнула Дайюй.

– Завтра проверим, а сейчас незачем терять время, – заметила Сяньюнь.

– Ладно, – согласилась Дайюй, – и все же вторая строка у тебя неудачная. «Норичника лунного... нефрит» такой же избитый образ, как «золотая орхидея». Тебе не хотелось думать, вот ты и произнесла первое, что пришло в голову.

Сказав это, Дайюй прочла такое стихотворение:

Вот отблеск луны златоцвета умножил сиянье, —
И стал златоцвет и прекрасен и пышен на вид!
Свечей восковых ослепило сиянье, окрасив
Все пиршество в алые с яшмовым блеском тона...

– Да, «...златоцвета умножил сиянье» тебя выручило! – воскликнула Сяньюнь. – Тут долго думать не надо! Взяла готовую рифму, и только! За это тебя не похвалишь! Да и вторая строка придумана наспех.

– Я прочла в ответ на «яркого, словно нефрит» «алые, с яшмовым блеском тона...», – ответила Дайюй. – Без поэтических образов древних нам не передать всю эту красоту!

Сяньюнь ничего не оставалось, как произнести следующие строки:

...Разбросаны кости небрежно средь винных сосудов,
Цветник ароматен, и нет здесь игры без вина.
Всем розданы роли: загадывать либо ответить,
Затейника ж главного непререкаем приказ...

– Вторая строка мне понравилась! – заметила Дайюй. – Только трудно подыскать к ней парную.

Она подумала и прочла:

...Извольте ответить, что где-то в подтексте сокрыто
Стихом или прозой трех вам задаваемых фраз?
Пестры и игривы – вас ждут разноцветные кости,
А если «четверка» – то в красный окрашена цвет.

Сяньюнь засмеялась:

– Выражение «трех вам задаваемых фраз» очень интересно! Просто и изящно. А вот «пестры... разноцветные кости» неудачно!

Сказав это, Сяньюнь прочла:

Цветка кругового коварно порою движенье!^[208]
Под бой барабана скорее ищите ответ!
...А в лунном сиянье струя ветерка заиграла, —
И двор наш во власти расцвеченной, яркой волны...

– Годится! – заметила Дайюй. – Но со второй строкой опять схитрила! Хочешь отделаться словами о ветре и луне?

– Я говорила о лунном сиянии, – возразила Сяньюнь. – Стихи должны быть красивыми, достойными темы.

– Ладно, – согласилась Дайюй, – оставим пока как есть. А завтра опять к ним вернемся!

И она произнесла такие строки:

...И все, что вокруг, – Небеса и Земля – окунулось
В бездонность вселенной, – наверно, по воле луны.
...Затейник иль штрафу подверженный – все полноправны,
Хозяин иль гость, – за игрою не все ли равно?..

– Зачем говоришь о других? – спросила Сяньюнь. – Лучше о нас с тобой!

Она прочла:

...Стихи декламируя, каждый из нас независим, —
Поблажек не нужно, ведь творчество свыше дано!
...Ушла я в себя. В созерцанье теперь пребывая,
Стою у перил и на них опереться хочу...

– А теперь можно поговорить и о нас с тобой! – сказала Дайюй и продолжила:

...А я, подбирая строку, образцу подражая,
К воротам прильнула и в них постучаться хочу.
Вино иссякает. И вот – не осталось ни капли.
Но чувства – как прежде: душа неизменна моя.

– Вот и настало время для моих строк! – воскликнула Сяньюнь и быстро прочла:

...А ночь на исходе, и так же, как ночь, исчезает
И скоро растает чарующий миг бытия!
...Все тише и тише, – и замерли вовсе, исчезли,
Сменившись безмолвием, громкие речи и смех...

– Да, с каждой строкой становится все труднее! – согласилась Дайюй и произнесла:

...Пустые надежды! Для нас ничего не осталось, —
Лишь лунные блики – они холодны, словно снег.
Роса на ступенях... А там, где безветренно, влажно,

Под утро грибами покрылась поверхность земли...

– Какой же строкой ответить на эту фразу? – спросила Сяньюнь. – Дай-ка подумать!

Она встала, заложила за спину руки. Долго думала и наконец воскликнула:

– Вспомнила! Какое счастье, а то проиграла бы!

И она прочла:

...В дыму палисадник. Акация дыма клубами
Окутана ночью и еле заметна вдали.
...Сквозь своды пещер устремились осенние воды
В раздолье равнин, на большие просторы полей...

Дайюй даже вскочила и восхищенно вскричала:

– Ах ты плутовка! И в самом деле, приберегла на конец замечательные строки! Благодаря Небо, что вспомнила слово «хунь» – акация!

– Я как раз вчера читала «Избранные произведения древних династий», и там оно мне встретилось, – объяснила Сяньюнь. – Иероглифа, которым оно обозначается, я не знала, поэтому решила заглянуть в словарь. Но сестра Баочай сказала: «Незачем лазить в словарь. Это – дерево, в народе говорят, что оно на ночь закрывает листья». Я не поверила и решила сама убедиться. И убедилась. Что и говорить, сестра Баочай очень образованна.

– Ну ладно, – прервала ее Дайюй, – это слово ты употребила к месту, и тут все ясно. Но как тебе пришли в голову «осенние воды»? Этой строке уступают все остальные. Как бы я ни старалась, ничего подобного все равно не придумаю!

Поразмышляв, Дайюй наконец произнесла:

...И ветры подули, листву непослушную сгрудив,
В расщелинах гор, меж рождающих тучи камней.
У Девы Прекрасной чисты, целомудренны чувства,
Но жаль, – одиноко приходится в небе мерцать ^[209].

– Немного расплывчато, – заметила Сяньюнь, – а в общем, неплохо.

Выражение «одиноко приходится в небе мерцать» удачно сочетается с чувствами, навеянными пейзажем.

Следующие строки, прочитанные Сяньюнь, были такими:

...Лягушке серебряной в лунной обители тоже
Вздохнуть суждено и со вздохом миры созерцать.
Лекарство, способное ввергнуть в бессмертное бденье,
Приходится Белому Зайцу толочь на луне... [\[210\]](#)

Дайюй долго молчала, лишь кивала головой, потом наконец продолжила:

...Сбежала, пилюли бессмертья приняв потихоньку,
Теперь во дворце Гуанхань обитает Чан Э.
...Встревожить придется Ковшу Пастуха и Ткачиху,
Когда они встретятся вновь, переплыв пустоту...

Устремив взгляд на луну, Сяньюнь произнесла:

...И чтобы Ткачиху-звезду навестить непременно,
Пусть Млечную преодолею реку на плоту!
Всегда неизменной нет формы у лунного диска,
Луна то ущербна, а то вдруг кругла и полна...

– Первая строка никак не вяжется с моей, – заметила Дайюй, – а вторая, пожалуй, не на тему. Вижу я, ты собираешься до бесконечности сочинять стихи!

И она прочла:

...В день первый и в день завершающий каждого цикла
Лишь дух свой в пространстве небес оставляет луна.
...Замолкли часы водяные. И больше не слышно
В них шума воды. Видно, времени скоро предел.

Только Сяньюнь собралась продолжить, как Дайюй, указывая на появившуюся в пруду темную тень, сказала:

– Посмотри! Тебе не кажется, что эта тень похожа на человеческую? Может быть, это злой дух?

– Вот так дух! – рассмеялась Сяньюнь. – А кстати, я духов не боюсь! Гляди, как я его сейчас побью!

Она подняла с земли камешек и бросила в пруд. Раздался всплеск, по воде пошли круги, заколебалось отражение луны. С того места, где темнела тень, взмыл журавль и улетел в сторону павильона Благоухающего лотоса.

– Вот это кто! – со смехом воскликнула Дайюй. – А я испугалась.

– Журавль явился весьма кстати! – сказала Сяньюнь. – Он мне помог!

И она прочла такое стихотворение:

...Зажженный когда-то фонарь не потух на окошке,
Но медленно меркнет, – и вот уж совсем потускнел...
Замерзшей воды да минует журавль одинокий,
Да будет обитель в грядущем для девы тиха!

Дайюй от восторга даже ножкой топнула.

– Ловко! Журавль и в самом деле тебе помог. Правда, строка о журавле уступает «осенним водам». К тому же, она как бы завершающая. Так что я вряд ли могу придумать парную ей. Ведь в этой строке целая картина – новая, оригинальная, поэтому мне трудно что-то придумать.

– Давай думать вместе, – предложила Сяньюнь, – а если ничего не получится, отложим на завтра.

Дайюй, словно не слыша ее, смотрела на небо, а потом сказала:

– Нечего хвастаться, я тоже придумала! Слушай! – И она прочла:

...В остылости лунной цветов похоронены души,
И чья-то судьба предрекается в строчках стиха...

Сяньюнь захлопала в ладоши:

– Замечательно! Лучше не скажешь. Особенно удачно: «И чья-то судьба предрекается в строчках стиха...» – Сяньюнь вздохнула и добавила: – Стихи прекрасные, только грустные! А тебе вредно расстраиваться!

– Но иначе я у тебя не выиграла бы! – возразила Дайюй. – Последняя фраза стоила мне большого труда!

Не успела она это сказать, как из-за горки вынырнула какая-то фигура и раздался возглас:

– Прекрасные стихи! Только очень грустные! Если продолжать, получится лишь нагромождение слов, ничего лучше вы не придумаете!

От неожиданности девушки вскочили, а приглядевшись, узнали Мяоюй.

– Ты как здесь очутилась? – удивились девушки.

– Узнала, что вы любуетесь луной и слушаете флейту, и решила выйти погулять. Сама не знаю, как забрела сюда. Вдруг слышу – вы читаете стихи. Мне стало интересно, и я остановилась. Последние строки поистине замечательны, но слишком уж печальны. И я не могла не сказать вам об этом. Старая госпожа уже дома, остальные тоже разошлись, все спят, кроме ваших служанок – они ищут вас. Вы не боитесь простыть? Идемте ко мне. Пока выпьем чаю, наступит рассвет.

– Кто мог подумать, что уже так поздно! – улыбнулась Дайюй.

Все вместе они направились в кумирню Бирюзовой решетки. В нише, перед статуей Будды, горел светильник, в курильнице тлели благовония, монахини спали, и только послушница сидя дремала на молитвенном коврике. Мяоюй ее окликнула и велела вскипятить чай.

В этот момент раздался стук в ворота. Это пришли за своими барышнями Цзыцзюань и Цуйлюй со старыми мамками.

Увидев, что барышни преспокойно пьют чай, они заулыбались:

– Ох, и заставили же вы нас побегать! Весь сад обошли, даже у тетушки Сюэ побывали. Разбудили ночных сторожей, которые сейчас отсыпаются, спросили, не знают ли они, где вы. Они нам сказали: «Мы слышали голоса двух девушек, потом к ним подошла третья, и они решили пойти в кумирню». Вот мы вас и нашли.

Мяоюй приказала послушницам отвести служанок и мамок отдохнуть, угостить чаем, а сама взяла кисть, бумагу и тушь и попросила продиктовать ей стихи, которые девушки сочинили. Заметив, что Мяоюй в хорошем настроении, Дайюй сказала:

– Я первый раз вижу тебя веселой и потому осмелюсь попросить исправить наши стихи, если это возможно, если же нет – мы их сожжем!

– Надо подумать. Сказать сразу, что плохо, не смею, – с улыбкой произнесла Мяоюй. – Вы использовали двадцать две рифмы, все что можно – придумали, так что вряд ли у меня получится что-нибудь путное. Это все равно что к шкурке соболя приделать собачий хвост. Только испортишь шкурку.

Дайюй прежде не слышала, чтобы Мяоюй сочиняла стихи, но, поняв, что та заинтересовалась, поспешно сказала:

– Ты, пожалуй, права! Но, может быть, у нас плохо, а ты придумаешь

лучше?

– Ладно, посмотрим. Только надо писать о том, что в самом деле бывает в жизни – о подлинных чувствах и правдоподобных событиях. Придумывать что-то необычайное – значит отклониться от темы и изобразить в ложном свете жизнь женских покоев.

– Совершенно верно, – согласились Дайюй и Сяньюнь.

Мяоюй взяла кисть и, что-то бормоча, принялась писать, а когда кончила, отдала написанное девушкам, сказав при этом:

– Только не смейтесь! По-моему, подобные стихи следует писать именно так. Хотя начало у меня тоже печальное!

Вот что написала Мяоюй:

На золотом треножнике сгорел
Повествований ароматных свод [\[211\]](#).
Как пудрой, как румянами покрыл
Нефритовую чашу тонкий лед.
Все явственнее флейты слышен звук,
Вдовы как будто скорбный плач и стон.
Пусть одеяло, если стынет кровь,
Служанка мне согреет перед сном.
Не унывай! За шторой пустота,
Зато причудлив феникс на шелку, —
Пусть ширмой сохраняется покой,
И селезень, блеснув, спугнет тоску.
Роса обильна, и под нею мох
Стал мокрым, и скользит на нем каблук,
Покрылись густо инеем стволы, —
Не распознать мне, где среди них бамбук.
Неровен путь, когда вдоль берегов
Бредешь и огибаешь водоем
Или когда взбираться в вышине
Приходится по крутизне на холм.
Громады скал. Застыло в небытие
Здесь дьяволов скопление и богов.
Деревья притаились среди камней,
Как стаи алчных тигров и волков.
Могущественных черепах Биси [\[212\]](#)
Под утро осветили небеса,
В решетчатых ловушках возле стен

Скопилась предрассветная роса.
Пусть птичий гомон с тысячи дерев
Весь лес обширный всполошил вокруг, —
Но слышен здесь и обезьяний плач —
Единственный в ущельях скорбный звук...
Коль знаешь на развилке поворот, —
Свой Путь найдешь среди других дорог.
А если ты познал движение вод,
Не спрашивай людей, где их исток.
За изумрудным частоколом храм:
Здесь колокола не смолкает звон.
А там – село, где проса аромат,
И там же – птичья песнь со всех сторон!
Коль радость есть – возможно ль скорби быть?
Не мимолетна ль скорбь, раз жизни рад?
А если нет печалей на душе,
То в мыслях разве может быть разлад?
Всю яркость чувств я обращаю к кому?
Я замыкаю их в себе самой!
А помыслы изысканной души?
Никто не примет к сердцу голос мой...
...Вот и рассвет... Стихи пора кончать.
Мы устаем, когда всю ночь творим.
Давай, как закипит в сосуде чай,
Вновь о поэзии поговорим...

Под стихами сделана была подпись: «Ночью в праздник Середины осени в саду Роскошных зрелищ написаны эти парные фразы на заданную рифму».

Дайюй и Сяньюнь, восхищаясь стихами Мяоюй, говорили:

– Мы ищем чего-то! А рядом с нами такая замечательная поэтесса! Каждый день надо нам состязаться с ней в поэтическом мастерстве!

– Завтра я еще подумаю над всеми стихами, кое-что исправлю, – с улыбкой сказала Мяоюй. – А сейчас пора отдыхать. Скоро рассвет!

Дайюй и Сяньюнь попрощались и в сопровождении служанок отправились домой. Мяоюй проводила девушек до ворот и долго смотрела им вслед. На этом мы ее и оставим.

Между тем Цуйлюй сказала Сяньюнь:

– Не пойти ли нам к старшей госпоже Ли Вань? Нас там ждут!

– Передай, чтобы не ждали, и ложись спать, – ответила Сяньюнь. – Старшая госпожа Ли Вань болеет, зачем же ее тревожить? Лучше пойдём к барышне Линь Дайюй!

Когда они пришли в павильон Реки Сясян, там почти все уже спали. Девушки сняли с себя украшения, умылись и тоже решили лечь.

Цзыцзюань опустила полог, унесла лампу, заперла дверь и ушла к себе.

Сяньюнь после праздника никак не могла уснуть. Не спала и Дайюй – она вообще страдала бессонницей, а сегодня легла позднее обычного и ворочалась с боку на бок.

– Не спится? – спросила Дайюй подругу.

– Это после праздника. Я очень возбуждена. Просто так полежу, отдохну. Находилась сегодня, – ответила Сяньюнь и в свою очередь спросила: – А ты почему не спишь?

– Я редко когда сразу засыпаю, – вздохнула Дайюй. – Раз десять в году, не чаще.

– Да, странная у тебя болезнь! – промолвила Сяньюнь.

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят седьмая

Хорошую девушку несправедливо обвиняют в распутстве;

прелестные девушки-актрисы уходят от мирской жизни в монастырь

Итак, миновал праздник Середины осени, и Фэнцзе стала понемногу выздоравливать, она уже могла подниматься с постели и даже выходить из дому. Врач прописал ей укрепляющее, куда входило два ляна женьшеня. Служанкам велено было обыскать весь дом, но найти удалось всего несколько корешков, завалявшихся в маленькой коробочке. Госпоже Ван эти корешки не понравились, и она приказала искать еще, и тогда нашелся пакет с измельченными, тоненькими, как волоски, усиками от корня.

– Что бы ни понадобилось – ничего не найдешь! – рассердилась госпожа Ван. – Твердишь вам, твердишь, чтобы проверили все лекарства, сложили в одно место, а вам хоть бы что! Разбросали куда попало.

– У нас больше нет женьшеня, – осмелилась возразить Цайюнь. – Все забрала госпожа из дворца Нинго.

– Глупости! – заявила госпожа Ван. – Найти не можете!

Цайюнь снова принялась искать, нашла еще несколько каких-то пакетиков и сказала госпоже Ван:

– Мы в лекарствах мало что сомыслим, взгляните сами, госпожа! Это все, больше ничего нет!

Госпожа Ван внимательно просмотрела пакетики. Она и сама забыла, что в них за лекарства, но женьшеня не обнаружила, поэтому послала спросить, нет ли женьшеня у самой Фэнцзе.

Фэнцзе ответила:

– У меня тоже остались только кусочки корешков, есть, правда, целые, но они не очень хорошие, а к тому же необходимы для приготовления повседневных лекарств.

Пришлось госпоже Ван обратиться с просьбой к госпоже Син. Та ответила, что сама недавно занимала женьшень у Фэнцзе и весь его израсходовала. Наконец, госпожа Ван решила обратиться к матушке Цзя. Матушка Цзя велела Юаньян принести пакет с женьшенем, отвесить два ляна и дать госпоже Ван. Корни в пакете были толщиной в палец. Госпожа

Ван передала женьшень жене Чжоу Жуя, приказала ей послать мальчика-слугу к врачу спросить, годится ли он, а заодно показать ему остальные лекарства и попросить написать на каждом название.

Жена Чжоу Жуя вскоре возвратилась и доложила:

– Названия лекарств врач написал, а про женьшень сказал, что он залежался и утратил свои целебные свойства. Не в пример другим лекарствам женьшень, если пролежит, к примеру, сто лет, превращается в труху. А толщина корня не имеет значения, главное, чтобы он был свежий.

Госпожа Ван подумала и наконец сказала:

– Ничего не поделаешь, придется купить два ляна! Уберите все это, – распорядилась она, даже не взглянув на пакетики с названиями, и обратилась к жене Чжоу Жуя: – Вели слугам купить два ляна женьшеня. Только ничего не говори старой госпоже, пусть думает, что взяли женьшень, который дала она.

Жена Чжоу Жуя уже собралась уходить, но тут Баочай с улыбкой сказала:

– Погодите, тетушка! Хорошего женьшеня сейчас не найти. Торговцы разрезают корень на две-три части, незаметно подставляют к нему усики и лишь потом продают. Поэтому не стоит гоняться за толстыми корнями. У моего брата дела с торговцами женьшенем, я попрошу маму, и она велит брату через приказчика достать два ляна женьшеня в целых корешках. Запросят подороже – не беда, зато можно не сомневаться, что женьшень хороший.

– Ты просто умница! – проговорила растроганная госпожа Ван. – Попытайся, может, и удастся это устроить!

Баочай ушла. Ее долго не было, потом она вернулась и сказала:

– Я уже отдала необходимые распоряжения, и к вечеру все будет известно. Если утром посланный мною человек принесет женьшень, можно будет показать его врачу.

Госпожа Ван очень обрадовалась и воскликнула:

– Сапожник всегда без сапог! Сколько я в свое время раздала женьшеня, а теперь самой приходится выпрашивать.

Она вздохнула.

– Женьшень очень дорого стоит! Но когда речь идет о здоровье, деньги не имеют значения, – заметила Баочай. – Лишь тот, кто ни в чем не разбирается, ничему не учился, может дрожать над каждой крошкой женьшеня.

– Ты права, – согласилась госпожа Ван.

Когда Баочай ушла, она подозвала жену Чжоу Жуя и тихонько

спросила:

– Нашли что-нибудь при обыске в саду?

Жена Чжоу Жуя, с разрешения Фэнцзе, рассказала госпоже Ван о том, что было найдено.

Госпожа встревожилась. Но, вспомнив, что Сыци – служанка Инчунь, не стала ничего предпринимать и велела доложить обо всем госпоже Син.

– Госпожа Син недовольна, что жена Ван Шаньбао сует нос не в свои дела, – продолжала рассказывать жена Чжоу Жуя. – Жена Ван Шаньбао схлопотала за это пощечину и теперь сидит дома, притворившись больной. Мало того, она опозорилась из-за своей внучки Сыци, и теперь ей только и остается, что делать вид, будто ничего не случилось. Чтобы госпожа Син не подумала, что мы тоже лезем в чужие дела, надо привести к ней Сыци, а заодно захватить вещественные доказательства. Тогда все очень просто решится: госпожа велит поколотить Сыци, а на ее место поставит другую служанку. Пойдем с пустыми руками, старшая госпожа, чего доброго, скажет: «Пусть ваша госпожа сама примет меры! Я ни при чем!» Дело затянется. А медлить нельзя, девчонка может покончить с собой, кроме того, слуги совсем распояшутся, если увидят, что любое безобразие сходит с рук.

– Пожалуй, это верно, – согласилась госпожа Ван. – Сделаем как ты говоришь, а затем примемся за наших чертовок!

Жена Чжоу Жуя не мешкая взяла с собой несколько женщин, отправилась к Инчунь и передала приказание госпожи Ван. Грустно было Инчунь расставаться с Сыци, их связывала многолетняя дружба, но, зная, что речь идет о нравственности, Инчунь, робкая от природы, вынуждена была пожертвовать своими чувствами и не вступилась за служанку.

Тогда Сыци опустилась перед Инчунь на колени и со слезами на глазах проговорила:

– Какая же вы жестокая, барышня! Даже словечка за меня не замолвите! А ведь обещали!

– Ты еще смеешь надеяться на помощь барышни? – оборвала Сыци жена Чжоу Жуя. – Да останься ты здесь, как будешь смотреть в глаза подругам? Послушайся моего совета, уходи поскорее, да потихоньку, чтобы никто не узнал. Так для всех будет лучше!

Инчунь, погруженная в чтение, при этих словах подняла голову и неподвижно сидела, уставившись в одну точку.

Жена Чжоу Жуя между тем наступала на Сыци:

– Не маленькая, понимаешь, что натворила! – упрекала она девушку. – Осрамила барышню и еще смеешь просить помощи!

Инчунь не выдержала и решила вмешаться.

– Вспомни, сколько лет прожила у нас Жухуа? – обратилась она к Сыци. – А ведь сразу ушла, как только сказали, что ей здесь не место! Все девушки, когда становятся взрослыми, рано или поздно уходят из сада. Все равно нам придется расстаться, поэтому лучше тебе уйти сейчас.

– Вы совершенно правы, барышня, – поддакнула жена Чжоу Жуя. – Пусть не беспокоится, завтра еще кое-кого выгонят!

Сыци ничего не оставалось, как отвесить поклон Инчунь и попрощаться со служанками, после чего она прошептала на ухо Инчунь:

– Если узнаете, что мне очень плохо, барышня, заступитесь за меня! Это – ваш долг, я столько лет вам служила!

– Постараюсь, – едва сдерживая слезы, обещала Инчунь.

Сыци вышла вместе с женой Чжоу Жуя. Остальные женщины, которые несли вещи Сыци, последовали за ними.

Не успели они сделать и нескольких шагов, как их догнала Сюцзюй. Она бросилась к Сыци, дала ей шелковый узелок и сказала:

– Это тебе от барышни! Чтобы ты всегда ее вспоминала!

Сыци не сдержала слез, заплакала и Сюцзюй.

Жена Чжоу Жуя заторопила девушек, и пришлось им распрощаться.

– Тетушка, хоть вы меня пожалейте! – молила Сыци жену Чжоу Жуя. – Отдохните немного и дайте мне попрощаться с подругами!

Но у жены Чжоу Жуя и сопровождающих ее служанок было множество дел, к тому же они терпеть не могли служанок из сада за их заносчивость, поэтому к мольбам девушки оставались глухи.

– Иди-иди, не тяни время! – с усмешкой сказала жена Чжоу Жуя. – Некогда нам возиться с тобой! Иди же быстрее!

Сыци умолкла, и вскоре они уже были у задней калитки сада.

Здесь навстречу им попался Баоюй. Увидев Сыци и женщин, несших за нею вещи, он сразу понял, что Сыци уходит навсегда и ему больше не доведется с ней встретиться. Кроме того, он заметил, что Цинвэнь стало хуже после того ночного происшествия, о котором он слышал. Сколько ни спрашивал Баоюй, Цинвэнь правды ему не сказала. И сейчас, увидев Сыци, он похолодел и бросился к девушке:

– Куда ты идешь?

Женщины, знавшие нрав Баоюя, забеспокоились, как бы он им не помешал, и жена Чжоу Жуя сказала:

– Это вас не касается, господин, занимайтесь своими книжками!

– Погодите! – возразил Баоюй. – Я попробую все уладить!

– Уладить? Но ваша матушка приказала не оставлять ее здесь ни

минуты, – произнесла жена Чжоу Жуя. – Я выполняю приказ, остальное не мое дело!

Сыци вцепилась в рукав Баоюя и умоляла:

– Барышня побоялась за меня заступиться, вступитесь хоть вы, господин!

Едва сдерживая слезы, Баоюй произнес:

– Я не знаю, в чем ты провинилась. Цинвэнь от расстройств заболела, теперь тебя уводят... Что же делать?

– Не будешь слушаться, поколочу! – пригрозила девушке жена Чжоу Жуя. – Ты – не барышня! И никто за тебя не вступится, не надейся! Увидела юношу и сразу прилипла!

Женщины потащили Сыци за собой. Баоюй, опасаясь сплетен, ничего больше не сказал, а когда женщины отошли на почтительное расстояние, гневно крикнул:

– Замужние женщины хуже мужчин! Убить их мало!

Дежурившие у садовых ворот рассмеялись:

– По-вашему, только девушки хороши, а стоит им выйти замуж, сразу портятся?

– А что, разве не так?! – вспыхнул Баоюй.

Тут подошли старухи и сказали:

– В сад пожаловала госпожа Ван проверять служанок. Жене старшего брата Цинвэнь велено забрать девчонку домой... Амиитаба!.. Всем станет легче, когда выпроводят эту ведьму!

Едва Баоюй услышал, что госпожа Ван пришла проверять служанок, как сразу понял, что с Цинвэнь придется расстаться, и помчался домой.

Во дворе Наслаждения пурпуром собралась целая толпа. Госпожа Ван была так разгневана, что даже не заметила появления сына.

Цинвэнь, у которой уже несколько дней не было ни крошки во рту, неумытую, непричесанную, стащили с кана. Она настолько ослабела, что приходилось вести ее под руки.

– Вышвырните отсюда эту дрянь, – распорядилась госпожа Ван. – Пусть идет в чем есть. А одежду ее раздайте хорошим служанкам!

Затем госпожа Ван приказала вызвать служанок, которые прислуживали Баоюю, и стала по очереди их разглядывать.

Госпожа Ван больше всего боялась, как бы служанки не научили Баоюя чему-нибудь дурному, поэтому решила проверить всех, начиная от Сижэнь и кончая девочками для черной работы.

– Кто из вас родился в тот же день, что и Баоюй? – спросила она.

Никто не отозвался. Тогда вперед выступила одна из старых мамок и

доложила:

– Служанка Хуэйсян, которую еще зовут Сыэр.

Госпожа Ван подозвала девочку и внимательно ее оглядела. По красоте Сыэр не шла ни в какое сравнение с Цинвэнь, но была свежа, миловидна, умна, с изысканными манерами, да и одета не так, как другие служанки.

– Еще одна бесстыжая тварь! – усмехнулась госпожа Ван. – Это ты говорила: «Тем, кто родился в один день, суждено стать мужем и женой»? Думаешь, мне ничего не известно! Знай же! Глаза и уши мои здесь постоянно! Неужто я вам позволю совращать моего единственного сына?!

Сыэр и в самом деле говорила об этом Баоюю и теперь, вспомнив, покраснела, опустила голову и заплакала.

– Позовите родственников этой девчонки, пусть заберут ее и выдадут замуж, – распорядилась госпожа Ван. – А Фангуань где?

Подошла Фангуань.

– Эти певички настоящие распутницы! – крикнула госпожа Ван. – Предлагали же всем вам разъехаться по домам – не захотели! Так хоть бы вели себя попристойней! А то ведь подбивают Баоюя на дурные поступки!

– Я ни на что его не подбивала! – набравшись смелости, возразила Фангуань.

– Еще перечишь! – усмехнулась госпожа Ван. – Да что говорить, ты своей приемной матери житья не даешь! Позовите ее приемную мать, пусть возьмет эту дрянь и подыщет ей жениха! И вещи ее пусть забирает!

Всех девочек-актрис, которых в свое время отдали в услужение барышням, велено было выдать замуж.

Приемные матери не замедлили явиться, поблагодарили госпожу Ван, низко ей поклонились и, очень довольные, увели девочек.

После этого госпожа Ван тщательно осмотрела вещи Баоюя. Все, что показалось ей хоть сколько-нибудь подозрительным, она приказала отложить, чтобы потом унести к себе.

– Теперь все в порядке, – промолвила наконец госпожа Ван, – по крайней мере не будет сплетен... Вы тоже будьте осторожны! – приказала она Сижэнь и Шэюэ. – Если еще что-нибудь случится, не прощу! Обыск был, и в этом году я вас больше тревожить не буду, но на будущий год выгоню всех, чтобы почище здесь стало!

Чай госпожа Ван пить не стала и в сопровождении нескольких женщин отправилась проверять остальных служанок.

Но не будем забежать вперед и обратимся к Баоюю. Сначала он думал, что госпожа Ван просто пришла проверить служанок. Но когда понял, что матери известны все его душевные беседы со служанками, и увидел, как

она разгневалась, ни слова не посмел сказать, не то что заступиться за девушек. Ему оставалось лишь печалиться и проклинать себя за то, что нельзя умереть сейчас же, на глазах у всех. Баоюй пошел проводить мать, и, когда они достигли беседки Струящихся ароматов, госпожа Ван строго наказала:

– Хорошенько учись! Погоди, я до тебя доберусь!

По дороге домой Баоюй размышлял:

«Кто же это проболтался? Откуда матери известны наши разговоры? Никто из посторонних у нас не бывает...»

Сижэнь он застал в слезах, да и сам не сдержался, бросился на кровать и разразился рыданиями. Ведь прогнали его лучшую служанку!

Сижэнь принялась его утешать:

– Что пользы плакать! Послушай лучше меня! Цинвэнь побудет несколько дней дома, отдохнет. А там, глядишь, гнев госпожи утихнет и ты попросишь старую госпожу вернуть девочку. Кто-то оговорил Цинвэнь, и госпожа обошлась с ней слишком уж круто.

– Понять не могу! – вскричал Баоюй. – Какое преступление совершила Цинвэнь?

– Девочка хороша собой, – сказала Сижэнь, – вот госпожа и считает ее легкомысленной! Как будто красивые девушки не бывают серьезными. Госпожа чувствовала бы себя спокойнее, если бы все твои служанки были как я, грубые и неуклюжие.

– Но разве тебе неизвестно, что среди красавиц древности было много серьезных и скромных?.. Не о том речь! Никак в толк не возьму, каким образом матушка узнала о наших разговорах?

– Ты очень неосторожен! – промолвила Сижэнь. – Как разойдешься, все что попало болтаешь! Я тебе знаки тайком подаю замолчать, все видят – а ты нет!

– Но почему тогда госпожа не выгнала ни тебя, ни Шэюэ, ни Цювэнь? – не унимался Баоюй.

Сижэнь долго молчала, не зная, что ответить, потом наконец сказала:

– И в самом деле! Как это о нас госпожа забыла? Ведь мы тоже частенько невесть что болтаем. Просто она занята сейчас другими делами, а как только освободится, наверняка постарается выгнать нас вон.

– За что же тебя выгонять? Ты девушка добродетельная, всех служанок уму-разуму учишь! – возразил Баоюй. – Вот Фангуань, та сверх меры дерзка, вечно всех задирает, так что сама во всем виновата. Сыэр из-за меня пострадала! Все началось с того, что в прошлом году, когда мы с тобой поссорились, я позвал Сыэр прислуживать в комнатах и по-доброму к ней

относился. Сыэр стали завидовать. Как это часто бывает, боялись, что она займет чье-нибудь место. Вот и оговорили ее. Тут дело ясное! Но Цинвэнь!.. Ведь она на равном с тобой положении, с детства прислуживала старой госпоже, но никогда никому не перебежала дорогу, никого не обидела, хоть и бойка на язык. Ты, видно, права – вся беда в том, что Цинвэнь слишком красива!

Баоюй снова залился слезами.

Но Сижэнь больше не утешала его. Девушке показалось, что в оговоре Баоюй подозревает ее, и она со вздохом сказала:

– Небу все ведомо! А плакать сейчас бесполезно. Все равно не узнаешь, кто насплетничал госпоже Ван!

– Цинвэнь с детства растили как орхидею, – печально улыбнулся Баоюй. – А когда расцвела, бросили свиньям! Обиженную, больную, сироту отдали брату пьянице! Да ей и месяца там не прожить!

При этой мысли Баоюю стало еще тяжелее.

– Ты из тех, кто, как говорится, «чиновнику костер позволяет развести, а простолюдину лампу запрещает зажечь»! – улыбнулась Сижэнь. – Постоянно твердишь, что ненароком вырвавшееся слово может накликать беду. А сам что сейчас говоришь?!

– Ничего особенного, – ответил Баоюй, – нынешней весной было предзнаменование...

– Какое предзнаменование?

– На райской яблоньке ни с того ни с сего засохла половина цветов, – пояснил Баоюй. – Я сразу понял, что это – к несчастью. Вот оно и случилось с Цинвэнь.

– Может, и не следовало мне этого говорить, – засмеялась Сижэнь, – но ты суеверен, как старая бабка. А еще ученый! Книги читаешь!

– Ничего ты не понимаешь, – вздохнул Баоюй. – Травы, деревья и вообще все живое в Поднебесной обладает, как и человек, чувствами и разумом и способно посыпать нам знамения. Взять к примеру можжевельные деревья перед храмом Кун-цзы и траву-тысячелистник на его могиле, кипарисы перед кумирней Чжугэ Ляна^[213], сосны на могиле Юэ Фэя^[214]... Все они наделены душой и от времени не старятся. Когда грядет смута, они засыхают, когда воцаряется спокойствие, вновь расцветают. Так повторяется из века в век. Разве это не предзнаменование? Разве гортензии у беседки Шэньсян, построенной в честь Ян-гуифэй, или вечнозеленые травы на могиле Ван Чжаоцзюнь не посылают нам знамений?.. Так же и наша яблонька.

Слова Баоюя показались Сижэнь горячечным бредом, она не знала, смеяться ей или плакать. И наконец сказала:

– Просто нет сил тебя слушать! Ну кто такая Цинвэнь, чтобы сравнивать ее с великими людьми? Пусть она хороша, но не лучше меня, и если засохла яблонька, это, пожалуй, относится ко мне, а не к ней. Может быть, я скоро умру?

Баоюй зажал ей рот рукой.

– Зачем ты так говоришь? Я просто к слову сказал о знамении, а ты вон что придумала! Не вспоминай больше об этом. И так трех служанок прогнали! Хочешь за ними последовать?

Волнение Баоюя обрадовало Сижэнь, и она промолвила:

– Ладно, забудем, а то разговор наш никогда не кончится...

– Кстати, сестра, не выполнишь ли ты одну мою просьбу? Недаром говорят: «Обманывай высших, низших не обижай!» Передай Цинвэнь ее вещи, пока они здесь. И несколько связок монет... Пусть будет ей на лечение! Ведь вы с нею были как сестры, твой долг – ей помочь...

– Ты, видно, считаешь меня бессердечной! – заметила Сижэнь. – Неужто я стала бы дожидаться, пока ты мне скажешь об этом?! Вещи Цинвэнь я все собрала и спрятала у себя в комнате. Но передать их сейчас нельзя – увидят; снова получится неприятность. А как только стемнеет, я велю няне Сун потихоньку все отнести Цинвэнь. И деньги ей отдам – все, что скопила за последнее время. Говорят, я прославилась своей добродетелью, – рассмеялась Сижэнь. – Вот и хочу быть до конца добродетельной.

Баоюй принялся ее хвалить, а вечером Сижэнь и в самом деле велела няне Сун отнести Цинвэнь все ее вещи.

Баоюй незаметно пробрался к воротам сада и стал упрашивать одну из дежуривших там старух отвести его к Цинвэнь. Старуха поначалу отказывалась:

– Узнает ваша матушка, выгонят меня! Чем тогда я буду жить?

Баоюй умолял, уговаривал, обещал вознаграждение, и женщина наконец согласилась.

А теперь расскажем о Цинвэнь. Когда девочке было десять лет, ее купил Лай Да, и мамка Лай часто брала Цинвэнь с собой во дворец Жунго. Цинвэнь понравилась матушке Цзя, и мамка Лай подарила ей девочку. Через несколько лет Лай Да подыскал жену старшему брату Цинвэнь, У Гую, или попросту Гуйэру. Красивая и ловкая молодая женщина вертела своим незадачливым мужем как хотела, заигрывала с другими мужчинами,

особенно с Лай Да, которого влекло к ней, как муху к нечистотам. И в конце концов соблазнила его.

В то время Цинвэнь уже прислуживала в комнатах Баоюя, и Гуйэр попросил ее поговорить с Фэнцзе, чтобы та повлияла на Лай Да. Гуйэр с женой жили в домике у задних ворот сада и выполняли различные поручения хозяев.

И вот теперь Цинвэнь вынуждена была поселиться вместе с ними. Жене брата, настоящей распутнице, было не до девушки. Сразу после завтрака она начинала ходить по гостям, оставляя больную Цинвэнь в прихожей.

Когда Баоюй, откинув дверную занавеску, вошел, Цинвэнь спала на камышовой циновке под старым одеялом. Не зная, как быть, Баоюй подошел к девушке, осторожно тронул ее за руку и дважды тихонько окликнул.

От оскорблений, которые обрушила на нее невестка, Цинвэнь совсем занемогла. Весь день она кашляла и лишь недавно задремала. Услышав, что кто-то ее зовет, она с трудом открыла глаза и увидела Баоюя. Мгновенная радость сменилась тревогой. Она схватила Баоюя за руку и, отдышавшись, промолвила:

– А я уж не чаяла тебя увидеть!.. – И снова закашлялась. Баоюя душили слезы.

– Амитаба! Как хорошо, что ты пришел! Налей, пожалуйста, немного чаю! Меня мучит жажда, а тут никого не дозовешься!

– Где чайник? – спросил Баоюй, поспешно вытирая слезы.

– Висит над очагом, – ответила Цинвэнь.

Действительно, над очагом висело что-то черное, как сажа. Баоюю и в голову не могло прийти, что это чайник. Взялся за чашку, ощутил неприятный запах. Сполоснул чашку, вытер своим платком, но запах остался. Красноватая жидкость, которую он налил из чайника, мало походила на чай.

Цинвэнь, приподнявшись на локте, сказала:

– Неси же скорее! Не сомневайся, это чай. Конечно, его нельзя сравнить с тем, который мы пили у вас!

Баоюй отпил немного из чашки, и во рту появился не то солоноватый, не то горьковатый привкус. Он подал чашку Цинвэнь, и та принялась с жадностью пить, словно это был нектар. Глядя на девушку, Баоюй беззвучно плакал.

– Может быть, ты хочешь меня о чем-нибудь попросить? – с трудом вымолвил Баоюй. – Говори, пока нет никого.

– О чем я могу просить! – всхлипнула Цинвэнь. – Проживу минуту – хорошо, проживу день – еще лучше. Я знаю, мне недолго осталось. Одно не дает мне покоя! Я красивее многих девушек, но совращать тебя у меня и в мыслях никогда не было! И у кого только язык повернулся назвать меня распутной! Такого позора я не могу пережить. Мне не в чем раскаиваться, но знай я, что такое случится...

У Цинвэнь перехватило дыхание, она умолкла, руки стали холодными...

Волнение, жалость, страх смешались в душе Баоюя. Склонившись, он одной рукой крепко сжал руку девушки, другой – осторожно похлопывал ее по спине. Словно десять тысяч стрел вонзились ему в сердце. Он не в силах был произнести ни слова.

Спустя немного Цинвэнь пришла в себя и заплакала. Не выпуская ее руки из своей, Баоюй чувствовал, как сильно исхудала девушка за время болезни, – рука стала тонкой, словно хворостинка, на ней висели серебряные браслеты.

– Ты сняла бы пока браслеты, – со слезами на глазах произнес Баоюй. – Выздоровеешь – снова наденешь.

Цинвэнь вытерла слезы, высвободила руку, поднесла к губам, собралась с силами и стала откусывать себе ногти. Положила их на ладонь Баоюя, развязала пояс, сняла свою красную кофточку и тоже ему отдала, после чего в изнеможении упала на подушку и стала задыхаться.

Баоюй сразу понял, в чем дело. Он быстро скинул халат, снял рубашку, отдал Цинвэнь, а сам надел ее кофту. Но не успел застегнуть и сверху накинуть халат, как Цинвэнь попросила:

– Помоги мне сесть!

У Баоюя не хватило сил ее поднять. Он лишь чуть-чуть ее приподнял, девушка сделала усилие и прижала к груди его рубашку. Баоюй помог ей надеть рубашку, осторожно опустил девушку на подушку и спрятал ее ногти в свою сумочку. Едва сдерживая слезы, Цинвэнь сказала:

– Тебе лучше уйти! Здесь так грязно! Главное, чтобы ты был здоров. Я счастлива, что ты пришел, – теперь я по крайней мере спокойно умру, зная, что не напрасно меня называли распутной!

Не успела она это сказать, как дверная занавеска раздвинулась и в комнату, хихикая, вошла невестка Цинвэнь.

– Замечательно! Я все слышала... Вы ведь из наших хозяев? – обратилась она к Баоюю. – Зачем пожаловали в дом служанки? Может, слышали о моей красоте и захотели со мной позабавиться?

– Милая сестра, говорите потише, – виновато улыбаясь, стал просить

Баоюй. – Она долго была у меня в услужении, и я тайком пришел ее навестить.

– Не зря говорят, что ты добрый и ласковый! – вскричала тут женщина. – Тебе ведомо чувство долга!

Она схватила Баоюя за руку и потащила во внутренние покои, говоря:

– Сделаешь, что я потребую, буду молчать!

Женщина села на край кана, привлекла Баоюя к себе, крепко обхватила ногами.

Баоюй покраснел, задрожал, сердце его учащенно забилося. Он никогда еще не попадал в подобные переделки и не знал, как ему быть. Он весь кипел от гнева, но боялся слово сказать, опасаясь скандала. Он лишь просил:

– Добрая сестра, не надо!..

Женщина плюнула с досады и засмеялась.

– Я слышала, ты только и знаешь, что забавляться с девчонками! Так что нечего меня морочить!

– Отпустите меня, сестра, – продолжал молить Баоюй. – За дверьми стоит моя нянька – она может услышать.

– Старуху твою я отослала к воротам сада, она там будет ждать тебя. Я так мечтала о встрече с тобой, и вот мечта моя наконец сбылась! Попробуй не выполнить мое желание, шум подниму! Посмотрим, что ты будешь делать, если твоя матушка узнает, что ты был здесь! Я подслушала ваш разговор. Думала, вы любезничаете. А вы, оказывается, и прикоснуться друг к другу не посмели! Но я не так глупа, как эта девчонка!

Она снова привлекла к себе Баоюя, тщетно пытавшегося вырваться из ее объятий.

– Сестра Цинвэнь дома? – спросил вдруг кто-то под окном.

Женщина испугалась и отпустила Баоюя, который от волнения ничего не соображал.

Цинвэнь, все слышавшая, от негодования и стыда лишилась сознания.

Невестка Цинвэнь тем временем вышла и увидела, что пришла Лю Уэр с матерью.

– Где Цинвэнь? – спросила тетушка Лю, – мы принесли ее вещи и еще это, – она вынула несколько связок медных монет. – Сестра Сижэнь велела передать.

– Цинвэнь здесь, а где же ей еще быть? – улыбнулась женщина. – Неужто ты думаешь, что у нас несколько комнат?

Войдя в дом, кухарка Лю и Уэр вдруг заметили, что при их появлении кто-то метнулся к двери. Тетушка, зная нрав невестки Цинвэнь, решила,

что это любовник, но Уэр сразу узнала Баоюя, глаза у нее были острые.

Взглянув на неподвижно лежавшую Цинвэнь, тетушка подумала, что та спит, и направилась к выходу, но Уэр сказала:

– Мама, ты разве забыла, что сестра Сижэнь ищет второго господина Баоюя!

– Запомняла! – сокрушенно воскликнула женщина. – Ведь няня Сун мне сказала: «Только что второй господин Баоюй вышел из сада через боковые ворота. Там его дожидается женщина, не может запереть ворота, пока он не вернется!»

Кухарка Лю спросила невестку Цинвэнь, не видела ли она юношу. Но та, и без того напуганная, не решилась сказать правду, только заметила:

– Да разве второй господин осмелится сюда прийти?!

Лю уже собралась уходить, когда Баоюй решительно отодвинул дверную занавеску. Он опасался, как бы не заперли ворота, и к тому же не имел ни малейшего желания оставаться наедине с невесткой Цинвэнь.

– Тетушка Лю! – позвал Баоюй. – Подождите, вместе пойдем!

– Второй господин! – вскричала кухарка, подскочив от испуга. – Как вы здесь очутились?

Баоюй ничего не ответил и выбежал за дверь.

– Мама, скажи господину Баоюю, чтобы поостерегся! – крикнула Уэр. – Его могут увидеть! Сестра Сижэнь не велела запираť ворота до нашего возвращения.

Мать с дочерью поспешили за Баоюем. А невестка Цинвэнь еще долго стояла у ворот, с грустью глядя вслед красавцу юноше.

Баоюй успокоился, лишь когда вошел в ворота сада, и с нетерпением ждал тетушку Лю с дочерью – он боялся, что запрут ворота. И действительно, едва женщины вошли, как послышались голоса: проверяли, все ли слуги на местах. Опоздай старуха Лю хоть на минуту, ворота оказались бы запертыми. Баоюй незаметно прошел к себе и сказал Сижэнь, что ходил к тетушке Сюэ. Та поверила.

Баоюю постелили, и Сижэнь спросила:

– Как будешь спать?

– Мне все равно, – ответил Баоюй.

Надо сказать, что последние два года Сижэнь, стремясь снискать еще большее расположение госпожи Ван, держалась с достоинством и старалась не оставаться с Баоюем наедине. Особых дел у нее не было, но она тщательно следила за рукоделием, за расходами на Баоюя, на одежду и обувь служанкам, в общем, целыми днями была занята. Недавно у Сижэнь

началось кровохарканье, и вместо нее в комнате Баоюя спала Цинвэнь. Баоюй часто пугался по ночам, иногда требовал чай, а у Цинвэнь был очень чуткий сон, и она сразу просыпалась, стоило Баоюю ее позвать. Но сейчас Цинвэнь прогнали, и Сижэнь пришлось снова перенести свою постель в комнату Баоюя.

В тот вечер Баоюй был сам не свой, и Сижэнь торопилась его поскорее уложить спать, а затем легла сама. Она слышала, как Баоюй ворочался и вздыхал. Так продолжалось до третьей стражи. Наконец он затих, и Сижэнь тоже уснула. Но не прошло времени, достаточного, чтобы выпить полчашки чаю, как Баоюй стал звать Цинвэнь.

– Чего тебе? – отозвалась Сижэнь.

Баоюй попросил чаю. Сижэнь налила.

– Я так привык к ней, – вздохнул Баоюй. – Совершенно забыл, что сегодня здесь ты.

– Когда Цинвэнь пришла сюда, – улыбнулась Сижэнь, – ты еще долго сквозь сон звал меня...

Они поговорили немного и снова легли. Баоюй уснул лишь в пятую стражу и во сне увидел Цинвэнь. Она сказала:

«– Больше мы с тобой никогда не увидимся! Будь счастлив!..» – и исчезла. Баоюй стал громко звать ее и разбудил Сижэнь.

Сижэнь подумала, что он зовет Цинвэнь по привычке, но, когда открыла глаза, увидела, что Баоюй горько плачет, причитая:

– Цинвэнь умерла!..

– Что ты болтаешь? – попыталась улыбнуться Сижэнь. – А если люди услышат?

Баоюй насилу дождался рассвета, чтобы послать служанок к Цинвэнь.

Но вдруг в сад прибежала девочка-служанка от госпожи Ван и сказала:

– Вот что моя госпожа велела передать: «Пусть второй господин Баоюй сейчас же встает и одевается. Кто-то из друзей пригласил к себе его батюшку полюбоваться хризантемами, и он хочет взять с собой Баоюя и Цзя Хуаня в награду за то, что они сочинили хорошие стихи». Батюшка дожидается господина! Брат Цзя Хуань уже там. Пусть господин Баоюй не медлит. Я иду за господином Цзя Ланем!

Служанки бросились во двор Наслаждения пурпуром и стали стучаться в ворота. Сижэнь догадалась, что произошло что-то важное, приказала младшим служанкам узнать, в чем дело, а сама стала одеваться. Услышав, что отец зовет Баоюя, она велела принести воду для умывания, стала собирать одежду и торопить Баоюя. Одежду она выбрала попроще, поскольку предстояло ехать с отцом.

Когда Баоюй предстал перед Цзя Чжэном, тот как раз пил чай и находился в прекрасном расположении духа. Баоюй справился о его здоровье, затем поздоровался с Цзя Хуанем и Цзя Ланем. Цзя Чжэн велел ему выпить чаю, а сам, обращаясь к Цзя Хуаню и Цзя Ланю, сказал:

– Баоюй учится хуже вас, но что касается стихов, надписей и парных фраз, то вам до него далеко. Возможно, в гостях вас попросят сочинять стихи – не пугайтесь, Баоюй вам поможет.

Цзя Чжэн никогда еще не отзывался так лестно о способностях Баоюя, и госпожа Ван не могла скрыть свою радость.

Сразу после ухода Цзя Чжэна и Баоюя она хотела пойти к матушке Цзя с хорошей вестью, но тут явились приемные матери Фангуань и еще двух девочек-актрис и сказали:

– Фангуань, удостоившись вашего милостивого разрешения уехать, словно обезумела: не ест, не пьет, все время подбивает Оугуань и Жуйгуань уйти в монахини. Сначала мы думали, это детский каприз, а потом видим – дело серьезное, – они не боятся ни угроз, ни побоев, стоят на своем. Вот мы и пришли просить вас, госпожа, отдать их в монахини или же передать на чье-нибудь попечение. Не выпало, видно, нам счастья называться их матерями!

– Глупости! – воскликнула госпожа Ван. – Зачем вы им потакаете? Думаете, так легко попасть в монастырь? Отколотите их хорошенько, посмотрим, посмеют ли они снова скандалить!..

Надо сказать, что на праздник, пятнадцатого числа восьмого месяца знатные семьи в монастырях устраивали жертвоприношения, а из монастырей в богатые дома приходили монашки с освященными дарами. По этому случаю монахиню Чжитун из монастыря Шуйюэ и монахиню Юаньсинь из монастыря Дицзан-вана на некоторое время оставили пожить во дворце Жунго.

Услышав такую новость, монахини решили взять девочек к себе и сказали госпоже Ван:

– Ваша семья всегда славилась благими делами, и лишь благодаря вашей доброте, госпожа, сумели прозреть эти маленькие барышни. Хотя говорят, что учение Будды просто, но постичь его трудно, нужно помнить, что законы Будды равны для всех. Мы дали обет спасать все живое. У этих девочек нет родителей, они живут вдали от родных мест, у вас в доме они узнали, что такое богатство и почет; в детстве же судьба их обидела, они стали актрисами, видели много непристойного и задумались над тем, что ждет их в будущем. Перед лицом страданий они раскаялись и решили уйти из мира, чтобы заняться самоусовершенствованием. Это поистине

благородное желание! Не надо, госпожа, чинить им препятствия!

Госпожа Ван вначале не поверила, что желание девочек искренне, что, став монахинями, они смогут сохранить нравственную чистоту и не вступят на путь прегрешений. У госпожи Ван было множество дел и забот – сначала пришла госпожа Син сказать, что возьмет Инчунь на несколько дней домой, чтобы подготовить ее ко встрече с женихом, потом заявила сваха сватать Таньчунь. Поэтому госпожа Ван не стала больше раздумывать, оставить девочек или отпустить, тем более что слова монахинь показались ей вполне справедливыми.

– Что же, – сказала госпожа Ван монахиням, – берите девочек к себе в послушницы!

– Вот и хорошо! – воскликнули монашки, несколько раз помянув Будду. – Вы, госпожа, совершаете великое и доброе дело!

Они низко поклонились госпоже Ван, благодаря ее за милость.

– Только прежде спросите у самих девочек, согласны ли они, – предупредила госпожа Ван. – Искренне ли их желание? И непременно передайте от меня поклон настоятельницам.

Монахини вышли и через некоторое время возвратились с тремя девочками. Госпожа Ван спросила, тверды ли они в своем желании уйти в монастырь, и девочки, не раздумывая, ответили, что только этого и желают. Они поклонились монашкам и стали прощаться с госпожой Ван. Госпоже стало жаль девочек, и она приказала принести для них и для монашек подарки.

Итак, Фангуань последовала за Чжитун в монастырь Шуйюэ, а Жуйгуань и Оугуань отправились с Юань-синь в монастырь Дицзан-вана.

Если хотите узнать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят восьмая

*Старый ученый-конфуцианец задает тему для стихов о полководце
Гуйхуа;*

*безрассудный юноша сочиняет поминальную песнь деде –
Покровительнице лотосов*

Итак, монашки увели с собой Фангуань, Жуйгуань и Оугуань, а госпожа Ван отправилась к матушке Цзя. Воспользовавшись тем, что матушка Цзя в прекрасном настроении, госпожа Ван обратилась к ней с такими словами:

– У Баюя была служанка Цинвэнь, она стала уже совсем взрослой. Девушка сверх меры избалованна, ленива и к тому же часто болеет. Врач определил у нее чахотку, и я решила отправить ее домой. Если даже она выздоровеет, вряд ли следует брать ее обратно, пусть лучше родные выдадут ее замуж! Девочек-актрис я тоже решила отпустить. Они плохо влияют на барышень, мелют всякую чепуху, кривляются, как на сцене! Денег давать им не нужно, они сами себе заработают. Девочек-служанок у нас больше чем достаточно. Если же кому-нибудь понадобится служанка, возьмем новую.

– Совершенно с тобой согласна, – сказала матушка Цзя, одобрительно кивая. – А Цинвэнь жаль. Хорошей она была служанкой. Кто мог сравниться с ней в остроумии или же в умение вышивать! Я думала, лучшей служанки для Баюя и желать не приходится. Кто мог подумать, что она так изменится!

– Вы никогда не ошибались в выборе служанок, почтенная госпожа! – с улыбкой произнесла госпожа Ван. – Просто у Цинвэнь несчастная судьба – она заболела такой страшной болезнью! Недаром пословица гласит: «Восемнадцать раз девушка переменится, пока ей восемнадцать лет сродняется». Кроме того, люди незаурядные склонны ко всякого рода крайностям. Разве вы сами этого не замечали? Еще три года назад я обратила внимание на Цинвэнь, стала к ней присматриваться. Не спорю, она лучше других служанок, вот только легкомысленна. Если же говорить о соблюдении приличий, то тут Сижэнь не знает себе равных. Говорят, что

жена должна быть мудрой, а наложница – красивой. А по-моему, не только красивой, но еще и доброй, покладистой, а в поведении безупречной. Словом, такой, как Сижэнь. Она скромна, держится с достоинством, не заигрывает с Баоюем. Напротив, удерживает его от опрометчивых поступков. Два года я присматриваюсь к Сижэнь и не ошиблась в ней. Я потихоньку приказала выдавать ей ежемесячно по два лян серебра из моих личных денег, пусть еще больше старается. О своих планах я пока разговора с ней не заводила. Баоюй еще слишком юн, и отец не согласится дать ему наложницу, опасаясь, как бы в этом случае он не забросил ученье. Кроме того, Баоюй не будет слушаться Сижэнь, если она станет его наложницей. Я подумала, что пора доложить вам об этом, потому и пришла.

– Вон оно что! – воскликнула матушка Цзя. – Ты, пожалуй, права! Сижэнь с детства была молчаливой. Я даже прозвала ее Немой тыквой. Но раз ты ее так хорошо узнала, надеюсь, все будет в порядке.

Госпожа Ван рассказала матушке о том, что Цзя Чжэн похвалил Баоюя и взял с собой в гости. Матушка Цзя была вне себя от радости.

Вскоре разряженная и разодетая Инчунь пришла прощаться с матушкой Цзя. Затем явилась Фэнцзе, которая справилась о здоровье матушки Цзя и приготовилась прислуживать ей за завтраком. Матушка Цзя немного поболтала, а затем удалилась отдыхать. Госпожа Ван спросила Фэнцзе, принимает ли она пилюли.

– Пока не принимаю, они еще не готовы, – ответила Фэнцзе, – пью только настой! Не беспокойтесь обо мне, госпожа, я уже здорова!

Фэнцзе и в самом деле выглядела бодрее. Госпожа Ван ей рассказала, за что прогнала Цинвэнь.

– Почему Баочай ушла домой не спросившись? – как бы невзначай поинтересовалась Фэнцзе.

– Ты знаешь, что у нас творится? – в свою очередь спросила госпожа Ван. – Я вчера решила все проверить. Оказывается, Цзя Ланю взяли новую няньку, но по легкомыслию она совсем о нем не заботится. Я велела Ли Вань выгнать няньку. А потом спросила, знает ли она, что Баочай теперь живет дома. Ли Вань сказала, что знает, что Баочай ушла из-за болезни матери и, как только та выздоровеет, сразу вернется. Ничего серьезного у тетушки Сюэ нет: небольшой кашель и боль в пояснице. Это у нее повторяется из года в год. Мне кажется, Баочай ушла по другой причине. Может быть, ее обидели? Тогда будет неудобно перед ее родными. Она девушка скромная, серьезная.

– Кто же ни с того ни с сего станет ее обижать? – с улыбкой спросила

Фэнцзе.

– Может быть, Баоюй! – высказала предположение госпожа Ван. – Язык у него без костей, он ничего не признает, и если разойдется, начинает молоть всякий вздор.

– Вы, госпожа, слишком мнительны, – заметила Фэнцзе. – Баоюй входит в раж, лишь когда речь заходит о чем-то серьезном, с сестрами же и служанками он уступчив и обходителен, а если даже у него и вырвется резкое слово, никто не сердится. По-моему, сестра Баочай ушла из-за всей этой истории с обыском, подумав, что подозрение пало на всех, кто живет в саду, в том числе и на нее. Тем более что ее служанок мы не стали обыскивать. В общем, ее уход вполне объясним.

Госпожа Ван согласилась с Фэнцзе и, немного подумав, велела пригласить Баочай, чтобы с ней объясниться и попросить ее тотчас переселиться в сад.

Баочай выслушала госпожу Ван и сказала:

– Я давно хотела уйти домой, разрешения же не спросила, потому что вы, тетушка, все время заняты. А тут еще заболели мама и обе наши самые лучшие служанки, как же я могла их оставить? Теперь вы все знаете, и я хочу вам сказать: я сегодня же насовсем переселяюсь из сада и прошу у вас дозволения перенести свои вещи.

– А ты все же упряма! – упрекнули ее Фэнцзе и госпожа Ван. – Переселилась бы лучше обратно, стоит ли из-за пустяков отдаляться от родственников?

– Вы напрасно так говорите, – возразила Баочай, – переселяюсь я потому лишь, что в последнее время у мамы стало с памятью плохо и по вечерам она остается одна. Кроме того, брат не сегодня завтра женится и надо готовиться к свадьбе. Все это так, я не лгу. К тому же вы знаете, что творится в доме. А с тех пор, как я поселилась в саду, маленькая калитка в юго-восточном углу сада постоянно открыта, ради того лишь, чтобы я могла ходить домой. Но кто поручится, что другие не ходят через нее, чтобы сократить себе путь? За калиткой никто не следит, и может случиться беда. А это и вам, и нам неприятно! И разве так уж важно, буду я ночевать у себя дома или в саду? В сад я переселилась, когда все мы были еще малы, и никаких забот я по дому не знала. Играла с сестрами, вместе с ними занималась рукоделием. Все лучше, чем скучать одной! Но сейчас все выросли, в доме у вас то одна неприятность, то другая, за садом присматривать трудно, и, если так будет продолжаться, нас это тоже коснется. Если я со своими служанками уйду из сада, вам меньше будет хлопот. И вот еще что я хотела сказать вам, тетя: экономьте на чем

возможно, это не умалит достоинства вашей семьи. Расходы на тех, кто живет в саду, можно было бы сократить, не оглядываясь на прошлые времена. Возьмите к примеру нашу семью. В какой упадок она пришла!

– Что же, раз Баочай так решила, не стоит препятствовать ей, – обратилась Фэнцзе к госпоже Ван.

Госпожа Ван согласно кивнула.

– Я не возражаю, – сказала она, – пусть Баочай поступает как хочет!

Вернулся из гостей Баоюй и прошел прямо к госпоже Ван.

– Отец еще не приехал, – сказал юноша. – А нам, как только стало смеркаться, велел отправляться домой.

– Ну как, ты не осрамился? – спросила сына госпожа Ван.

– Не только не осрамился, но получил в награду немало подарков! – отвечал Баоюй, сияя улыбкой.

Едва он это произнес, как в комнату вошли служанки и слуги, дежурившие у ворот, и внесли подарки: три веера, три набора подвесков к ним, шесть коробок кистей и туши, три связки четок из благовонного дерева и три яшмовых кольца.

– Это подарил член императорской академии Ханьлинь господин Мэй, – стал объяснять Баоюй, показывая подарки. – Это ши-лан^[215] господин Ян, а это – внештатный лан Ли... Тут подарки для нас троих.

Затем Баоюй вытащил из-за пазухи амулет – маленькую фигурку Будды, вырезанную из сандалового дерева, и сказал:

– А вот это мне лично подарил Цинго-гун.

Госпожа Ван поинтересовалась, кто был в гостях, какие стихи сочинили Баоюй, Цзя Хуань и Цзя Лань. Затем между ними разделили подарки, и Баоюй отправился к матушке Цзя.

Матушка Цзя порадовалась успехам внука и спросила, о чем он беседовал с матерью.

Баоюй отвечал рассеянно, все его мысли заняты были Цинвэнь. Наконец он сказал:

– Пришлось ехать верхом; так растрясло, что все тело болит.

– Тогда иди к себе, – забеспокоилась матушка Цзя. – Переоденься, погуляй немного, и все пройдет, только не ложись сразу спать.

У дверей Баоюя дожидались Шэюэ, Цювэнь и две девочки-служанки. Как только он вышел, девочки подбежали к нему, взяли у него кисти и тушь, и все вместе они поспешили во двор Наслаждения пурпуром.

– Ну и жара! – то и дело дорогой повторял Баоюй.

Он сбросил верхний халат, снял шапку, отдал их Шэюэ, а сам остался в тонком шелковом, цвета сосны, халате, из-под которого виднелись ярко-

красные штаны. Цювэнь сразу вспомнила, что эти штаны Баоюю сшила Цинвэнь, и вздохнула:

– Поистине человек умирает, а созданное им остается!

Шэюэ дернула ее за рукав и сказала:

– Как красиво! Красные штаны, зеленый халат, черные сапоги, черные с синеватым отливом волосы и белоснежное лицо!

Баоюй сделал вид, что не слышал этот разговор, и, пройдя еще несколько шагов, вдруг спросил:

– Как же быть? Я хочу прогуляться!

– Ну и гуляй. Чего бояться? – отозвалась Шэюэ. – Ведь еще не поздно! Неужто ты потеряешься?

Она приказала девочкам-служанкам сопровождать Баоюя, а сама сказала:

– Мы отнесем эти вещи домой и вернемся.

– Милая сестра, не уходи, – попросил Баоюй, – подожди меня здесь, пойдем домой вместе!

– Мы сейчас же вернемся, – пообещала Шэюэ. – Только отнесем подарки и вещи. А то одна несет «четыре сокровища кабинета ученого», другая – шапку, халат, пояс... На что это похоже?

На самом же деле Баоюй только и мечтал, как бы поскорее от них отвязаться. И как только девушки ушли, свернул за небольшую горку и тихонько обратился к девочкам-служанкам:

– Сижэнь кого-нибудь еще посылала навестить сестру Цинвэнь?

– Да, посылала, – ответила одна из девочек. – Сказали, что Цинвэнь всю ночь бредила, а к утру потеряла сознание.

– Что же она говорила в бреду? – спросил Баоюй.

– Свою мать вспоминала.

– А еще кого? – снова спросил Баоюй, вытирая навернувшиеся на глаза слезы.

– Не разобрали.

– Дурачье! – выругался Баоюй. – Надо было слушать внимательнее!

Вторая девочка сразу смекнула, в чем дело, и воскликнула:

– Ну, конечно, дурачье!.. А я вот все слышала и все видела собственными глазами!

– Что ты видела? – удивился Баоюй.

– Я всегда знала, что сестра Цинвэнь отличается от остальных служанок, да и относилась она ко мне по-доброму, – стала рассказывать девочка. – И сейчас, когда ее незаслуженно выгнали, а мы не могли ничем ей помочь, я решила ее навестить, чтобы не быть неблагодарной. Узнай

кто-нибудь о моем намерении, меня наверняка поколотили бы! И все же я рискнула, потихоньку выскользнула из сада и отправилась к Цинвэнь. И, представьте, она до самой смерти оставалась умницей! Я уже собралась уходить, когда вдруг она широко открыла глаза, схватила меня за руку и спросила: «Где Баоюй?» Я ей сказала, что вы уехали с отцом в гости, и тогда она со вздохом промолвила: «Значит, больше мы с ним не увидимся!» Я ей говорю: «Сестра, ты подождала бы его возвращения». А она улыбнулась и говорит: «Ничего ты не понимаешь. Я не собиралась умирать, но как раз сейчас на Небе не хватает духа цветов, и Яшмовый владыка велел мне занять его место. Нынче после полудня мне предстоит вступить в должность. Баоюй вернется через четверть часа после того, как я уйду, поэтому мы с ним больше не увидимся. Правда, случается, что Яньван посылает бесов за душой человека, а люди сжигают бумажные деньги, приносят жертвы, и бесы уходят, оставив человека еще немного пожить. Но меня зовут не бесы Янь-вана, а небесные духи, и мешкать я не могу!» Я, признаться, ей не поверила. Но за четверть часа до того, как служанки доложили о вашем возвращении, Цинвэнь умерла.

– Ты не училась, поэтому многого не понимаешь, – возразил Баоюй. – Есть дух – покровитель всех цветов и есть свой дух у каждого цветка в отдельности. Каким духом будет Цинвэнь, ты не знаешь?

Девочка замешкалась было, но вдруг заметила в пруду лотосы и смело ответила:

– Я спросила ее, какими цветами она будет ведать, и обещала тщательно за ними ухаживать. Она сказала, что будет духом – покровителем лотоса, но просила никому об этом не говорить, кроме вас.

Баоюй несколько не удивился, и скорбь его мгновенно сменилась радостью. Он посмотрел на лотосы и промолвил:

– Да, за лотосами может присматривать только такая девушка, как Цинвэнь. Я знал, что даже в мире ином она не останется без дела! И все же тяжело думать, что больше мы с ней никогда не увидимся!

«Я не был рядом с Цинвэнь в последние минуты ее жизни, – размышлял Баоюй, – зато поклонюсь ее душе и тем выражу свои чувства, которые питал к ней несколько лет».

Баоюй вернулся домой, быстро переоделся и, сказав, что идет к Дайюй, поспешил к дому брата Цинвэнь, надеясь, что гроб еще не унесли.

Между тем невестка Цинвэнь решила получить от хозяев несколько лянов серебра на похороны и отправилась к госпоже Ван.

Госпожа Ван распорядилась выдать деньги и приказала:

– Немедленно вели отнести гроб подальше и сжечь! Ведь девушка

умерла от чахотки!

Получив деньги, невестка Цинвэнь поспешила выполнить приказ. Шпильки и кольца Цинвэнь стоимостью лянов в триста – четыреста невестка припрятала и вместе с мужем отправилась сопровождать гроб. Его отвезли за город и сожгли.

Подойдя к дому, где жила Цинвэнь, Баоюй увидел, что никого нет, постоял в нерешительности и вернулся в сад. Когда он приблизился к двору Наслаждения пурпуром, его охватила тоска, и он решил зайти к Дайюй. Но той не оказалось дома, и на его вопрос, где она, служанки ответили:

– Ушла к барышне Баочай!

Баоюй отправился во двор Душистых трав, но и там было безлюдно, вещи из комнат вынесены. Баоюй встревожился было, но вспомнил, что Баочай собиралась переселиться домой. Занятый в последние дни учебой, он совершенно об этом забыл.

Баоюю стало досадно, но тут он подумал:

«Лучше всего дружить с Сижэнь и Дайюй. Они останутся со мной до самой моей смерти!»

С этой мыслью он зашагал в направлении павильона Реки Сяосян. Дайюй еще не возвратилась. Баоюй не знал, ждать ему или уйти, но в это время пришла девочка-служанка и сказала:

– Приехал ваш батюшка, зовет вас! Хочет вам что-то сказать. Идите быстрее!

Когда Баоюй пришел в комнаты госпожи Ван, отца там уже не было, и мать приказала слугам проводить Баоюя в кабинет Цзя Чжэна.

Цзя Чжэн в это время вел оживленную беседу с друзьями о красоте осени.

– Перед тем как разойтись, мне хотелось бы рассказать вам одну замечательную историю, – говорил Цзя Чжэн. – К ней вполне применимо изречение: «Прекрасные и изящные достойны почитания, справедливые и преданные заслуживают восхищения». На эту замечательную тему пусть каждый из вас сочинит по стихотворению.

Гости попросили Цзя Чжэна рассказать им историю, и тот начал:

– Некогда жил князь, носивший титул хэнвана, и государь назначил его управителем округа Цинчжоу. А хэнван этот увлекался женщинами. Он приблизил к себе множество красавиц и в свободное от службы время обучал их ратному делу. Была среди красавиц девушка по фамилии Линь. В семье она родилась четвертой, и звали ее Линь Сынян – Четвертая барышня Линь. Восхищенный ее красотой и ловкостью, хэнван сделал Линь старшей над остальными девушками и дал прозвище Полководец

Гуйхуа, что значит Нежная.

Раздались одобрителные возгласы:

– Неподражаемо! Нежный полководец! Как непривычно, оригинально! Сразу чувствуется свежесть мысли и изысканность! Видно, сам хэнван был натурой незаурядной.

– Разумеется, – подтвердил Цзя Чжэн, – но вы послушайте, что было дальше!

– Что же? – с нетерпением спросили друзья.

– А то, что на следующий год разбойники, наподобие «Желтых повязок» и «Краснобровых»^[216], налетев, словно коршуны, захватили район Шаньцзо. Хэнвану казалось, что расправиться с этой шайкой – все равно что одолеть стаю собак или стадо баранов, что большого войска не нужно. И выступил в карательный поход с легкой конницей. А разбойники оказались хитрыми. Дважды сражался с ними хэнван и в конце концов сам был убит... В городе Цинчжоу началась паника, военные и гражданские чиновники говорили друг другу: «Если наш князь не добился победы, что можем сделать мы?» И решено было сдать город. Тогда Линь Сынян собрала женщин-военачальников и сказала: «Мы не успели отблагодарить нашего князя за милости, и сейчас, когда страна в опасности, я решила сражаться не на жизнь, а на смерть. Смелые последуют за мной, а малодушные пусть убираются на все четыре стороны». «Мы все пойдем за тобой!» – дружно вскричали женщины. И вот Линь Сынян во главе отряда выступила ночью из города и внезапно ворвалась во вражеский лагерь. Захваченные врасплох, разбойники потеряли нескольких главарей. Но когда увидели, что перед ними женщины, ринулись в бой. Оставаясь верными убитому князю, женщины погибли, выполнив свой долг до конца, о чем и был представлен доклад на высочайшее имя. Сам Сын Неба и все его сановники скорбели о гибели мужественных женщин. Нашлись при дворе храбрые и умные военачальники, которые возглавили войско и развеяли как дым разбойничьи орды. Теперь вы знаете все о Линь Сынян, так скажите: можно ею не восхищаться?!

– Да, она достойна всяческих похвал! – вздыхая, согласились гости. – И наш долг – сочинить стихи в память об этой славной героине.

Тем временем слуги принесли кисти и тушечницу, а пока Цзя Чжэн рассказывал о Линь Сынян, один из гостей успел с его слов набросать вступление к стихам и дал прочесть Цзя Чжэну.

– Так все и было, – заметил Цзя Чжэн. – Описание этой истории издавна существует. Признаюсь вам, вчера я удостоился высочайшего повеления проверить, нет ли людей, достойных награды за подвиги, о

которых забыли доложить государю. Неважно, какого они сословия и какое занимают положение: будь то монахи, монахини, нищие, девушки или замужние женщины, – если они совершили подвиг, надо незамедлительно составить по имеющимся документам их жизнеописание и представить в ведомство церемоний, а ведомство церемоний доложит государю, дабы тот определил награды за совершенные подвиги. Мне попалось на глаза описание подвига Линь Сынян, и я отправил его в ведомство церемоний. А чиновники этого ведомства решили сочинить «Песню в честь Гуйхуа», дабы прославить преданность и высокое чувство долга этой женщины.

– Все это справедливо! – в один голос воскликнули гости. – Поистине достойно восхищения, что при ныне правящей династии в отличие от прежних издаются такие замечательные указы. Поистине государь наш не забывает даже о малых делах!

– Именно так! – согласился Цзя Чжэн, кивая головой.

Между тем Баоюй, Цзя Хуань и Цзя Лань потихоньку подошли к столу, чтобы прочесть вступление. Цзя Чжэн приказал каждому из них сочинить стихи. Тому, кто сочинит первым, обещал награду, а кто сочинит лучше всех – две награды.

Цзя Хуаню и Цзя Ланю последние дни не раз приходилось сочинять стихи при посторонних, и они перестали робеть. Прочитали тему и погрузились в раздумье.

Цзя Лань сочинил первым. Цзя Хуань, боясь опоздать, тоже поспешил закончить. Оба они уже успели переписать стихотворения начисто, а Баоюй все еще сидел, задумавшись. Стали читать стихотворение Цзя Ланя, написанное по семи слов в строке:

Гуйхуа – Воительницу Нежную
В жизни звали просто Линь Сынян,
Был ей облик дан из чистой яшмы,
Но и дух железный был ей дан!

Пал хэнван. И, мстя за господина,
Пала в жаркой битве и она...
Ароматом вся земля в Цинчжоу
С тех далеких пор напоена...

Гостям стихотворение понравилось.

– Мальчику всего тринадцать лет, – говорили они, – а как хорошо

пишет! Не зря говорят, что семья ваша высокообразованная!

– Он еще желторотый юнец, но спасибо ему и за это! – с улыбкой отозвался Цзя Чжэн.

Затем все стали читать стихотворение Цзя Хуаня, где строка состояла из пяти иероглифов:

Прелестная! При господине
Жила, не унывая, с ним...
Когда же мстительницей стала, —
Был ратный пыл неукротим!

Представить можно: пряча слезы,
Покинув шелковый шатер,
Пылая гневом, ты в Цинчжоу
Спешишь, чтоб дать врагу отпор!

За ласку и за добродетель, —
Сказала ты себе самой, —
Не уклонюсь теперь от мщенья,
Вступлю с разбойниками в бой!

Веками чтим ее могилу
И воспеваем Долг и Честь,
Тысячелетья не забудем,
Что значит праведная месть!

– О, это стихотворение еще лучше! – заметили гости. – Третий господин Цзя Хуань всего на несколько лет старше Цзя Ланя, но мысли у него значительно глубже!

– В общем, неплохо, – согласился Цзя Чжэн, – но до совершенства далеко.

– Вы слишком строги, – возразили гости. – Ведь третий господин еще не достиг совершеннолетия. Он будет стараться, и через несколько лет из него выйдет если не старший, то младший Юань!^[217]

– Так его и захвалить недолго! Учится он не очень прилежно, иначе не делал бы ошибок в стихах, – возразил Цзя Чжэн и спросил у Баюя, не написал ли он еще свое стихотворение.

– Второй господин Баюй очень старается, – заметили гости, – и,

конечно же, напишет стихотворение более глубокое по содержанию, чем первые два.

– Такое стихотворение нельзя писать новым стилем, – сказал Баоюй. – Надо подобрать одну из древних стихотворных форм большего размера, ибо в маленьком стихотворении невозможно ярко и убедительно раскрыть подобную тему.

– Вот видите! – вскричали гости, захлопав в ладоши. – У него свои собственные взгляды и мысли! Получив тему, второй господин Баоюй прежде всего пытается найти форму и стиль. Так с древних времен поступали истинные поэты. Тема стихотворения – «Песня в честь Гуйхуа», к ней есть прозаическое вступление, а это значит, что стихотворение должно быть крупным по форме, которая соответствовала бы содержанию. Образцом может служить песня Вэнь Баца «Играю на чашках», «Песня о Хуэйцзи» поэта Ли Чанцзи^[218], «Песнь о бесконечной тоске» Бо Цзюйи^[219] или же стансы, воспевающие старину; а писать нужно наполовину ритмической прозой, наполовину стихами, в плавном ритме. Лишь тогда получится красиво.

Выслушав друзей, Цзя Чжэн согласился с ними, взял кисть и сказал Баоюю:

– Итак, начинаем. Ты читай то, что сочинил, а я буду записывать. Если плохо, не миновать тебе порки! Будешь знать, как хвалиться!

Баоюй прочел первую строку:

Чтил воинственность хэн-господин,
Но любил он и женскую статью...

Цзя Чжэн записал и промолвил:

– Грубовато!

– Не сказал бы, – возразил один из гостей. – Просто он подражает старинным образцам. Послушаем дальше!

– Ладно, – согласился Цзя Чжэн, – пусть дальше читает.

Баоюй прочел:

Он красавиц своих обучал
И скакать, и из лука стрелять.

Прелесть танца и звучный напев
Не прельщали его на пирах,

Но с восторгом приветствовал он
Женщин-воинов в ратных рядах.

Цзя Чжэн записал.

– Третья строка самая удачная! – заметили гости. – Она проникнута мужеством и очень напоминает старинные стихи. Зато четвертая строка, ровная и спокойная, больше гармонирует с общим настроением стиха.

– Хвалить еще рано! – вмешался Цзя Чжэн. – Послушаем дальше.
Баоюй прочел:

...Нет зловещего смерча пока, —
Что ж красавиц готовить к войне?

Так не лучше ли девичью тень
Не тревожить при красном огне?

– Превосходно! – воскликнули гости, прервав Баоюя. – Особенно последняя строка! Она исполнена вдохновения!

Баоюй продолжал:

Ведь командой нельзя заглушить
Нас пьянящую женскую речь,

Да и слишком они тяжелы
Для красавиц – секира и меч...

Гости захлопали в ладоши:

– Это еще лучше! Наверное, Баоюй слышал «нас пьянящую женскую речь»! Иначе разве мог бы он так выразительно передать эту сцену?

– Какой бы храброй ни была женщина, ей не сравниться в ратном деле с мужчиной! – возразил Баоюй. – Женщина по своей природе существо слабое.

– Опять хвалишься своими познаниями?! – строго произнес Цзя Чжэн. – Читай, мы ждем!

Баоюй спохватился, подумал немного и произнес:

Лент узлы как бутоны гвоздик,
Пояс-лотос – нарядный, тугой.

– Весьма изящно! – заметили гости. – Но вслед за этими должны идти строки, где образно будет сказано о женских нарядах, иначе нарушится плавность стиха!

– Эта строка никуда не годится! – рассердился Цзя Чжэн. – Ведь уже было и «уст аромат», и изящество женщин. К чему же еще наряды? Просто не хватает у него ни способностей, ни умения, вот и пишет все об одном, лишь бы отделаться.

– Длинная песня, если ее не расцветить, не украсить, получится убогой и скучной, – ответил Баоюй.

– Опять ты за свое! – прикрикнул Цзя Чжэн. – Хотелось бы знать, как от этой строки ты перейдешь к описанию ратных подвигов! Прибавлять строки к уже написанному все равно что приделывать змее ноги.

– В таком случае позвольте мне перейти к следующему разделу, – сказал Баоюй.

– Эх ты, талант! – усмехнулся Цзя Чжэн. – Сочинял, сочинял, а до главного так и не дошел! Еще собираешься перейти с одной строки к следующему описанию. Желать можно все что угодно, а силенки где взять?

Баоюй опустил голову, задумался и прочел:

Нет жемчужин на платье, – зато
Есть за поясом меч дорогой!..

– Годится? – спросил он.

– Вполне! – закричали гости, хлопая по столу в знак одобрения.

– Ладно! – согласился Цзя Чжэн. – Продолжай!

– Если годится, я продолжу, – сказал Баоюй. – А не годится – зачеркните ее и дозвольте мне изложить мысль другими словами.

– Опять болтаешь! – крикнул Цзя Чжэн. – Если плохо, переделывают десять, сто раз! Тебе лень потрудиться?

Баоюй подумал и произнес:

Шла всю ночь боевая игра^[220].
Силы нет, но трепещут сердца.

Полотенцем утерлась она,
Пыль смахнув, а не пудру, с лица.

– Еще один раздел, – проговорил Цзя Чжэн. – Что скажешь дальше?
В ответ Баоюй произнес:

...Через год нашу землю, Шаньдун,
Наводнили разбойники вдруг,

Леопарды и тигры, они
Всполошили всю землю вокруг...

– Очень хорошо! – воскликнули все. – Замечательные образы, и вторая строка весьма оригинально поясняет первую.
Баоюй продолжал:

Помышляла врага разгромить
Полководцев и воинов рать,

Бой за боем сражалась – увы,
Верх над ним не смогла одержать!

Вскоре ветер зловещий подул,
Он пшеничные стебли скрутил, —

Пуст Тигровый шатер и уныл,
Солнца блеск на знаменах застыл...

Тихо черные горы грустят,
Только реки журчат, как и встарь,

В жаркой схватке, в неравном бою
Был повержен Сюань-государь...

Ливень белые кости омыл,
Травы – в брызгах багряной крови,

В лунном холоде, в желтой пыли
Долго демоны труп берегли...

– Великолепно! – закричали гости, – И композиция, и изложение, и слог – все замечательно! Интересно, каково будет описание Линь Сынян. Наверняка у второго господина уже готов оригинальный переход к этому разделу!

Баоюй прочел:

Полководцы бегут кто куда,
Чтоб спасенье найти от грозы,

А ведь всюду – куда ни взгляни —
Пыль в Цинчжоу да груды золы.

Долгу верность, трусливых презрев,
Сохранял только женский дворец,

И желанье воздать за добро
Зажигалось в глубинах сердец.

– Как искусно и плавно сделан переход! – заметили гости.

– Слишком многословно, – недовольно проговорил Цзя Чжэн. –
Дальше, я думаю, пойдет просто болтовня!

Баоюй снова заговорил:

Кто же первой припомнил из жен,
Как был добр государь Сюань-ван?

Первой жизни своей не щадить
Поклялась Гуйхуа – Линь Сынян!

Приказала: пусть Чжао и Цинь
Поведут вместе с нею отряд,

Чтоб у бранного поля расцвел
Груш весенних и персиков сад!

Что же будет? Победа иль крах?
Кто предскажет грядущее им?

Но они поклялись: «Пусть умрем,
Но за вана в бою отомстим!»

Слез не сдержишь – текут на седло,
Грусть весенняя так тяжела!

Лат железо пока не звенит,
Холодна полуночная мгла...

Разве девам злодеев унять?
Им не выиграть трудной войны!

Сколь прискорбно! Убиты цветы!
Ивы стройные сокрушены!

Души павших – у стен городских,
А не возле родного села,

Растоптали копыта коней
Этих женщин прекрасных тела...

Устремился в столицу гонец,
Обо всем, что стряслось, доложить.

Многим девам за павших подруг
Приходилось скорбеть и тужить...

Содрогнулся Сын Неба, узнав,
Что ослабла правленья узда,

Уронили чело от стыда
Окружавшие двор господы....

Разве могут вельможи, чины,
Властолюбцы, имея свой сан,

Удостоиться славы ее,
Сюань-вана жены, Линь Сынян?

Я скорблю о тебе, Линь Сынян,
И вздохну, и замолкнуть готов,

Только в сердце осталось еще
Много-много несказанных слов!

На этом Баоюй закончил, и все принялись выражать свое восхищение.
– Не очень удачно! – промолвил Цзя Чжэн и обратился к юношам: –
Можете идти!

Баоюй, Цзя Лань и Цзя Хуань, словно помилованные узники,
выскочили за дверь и отправились по домам.

Чем занимались обитатели дворца, мы рассказывать не будем, заметим
лишь, что с наступлением вечера они сразу легли спать. Охваченный
печалью, возвратился Баоюй домой, но, увидев в пруду лотосы, вспомнил
рассказ девочки-служанки о Цинвэнь, которая превратилась в деву –
Покровительницу лотосов, и от сердца отлегло. Глядя на цветы, он со
вздохом подумал:

«Когда умерла Цинвэнь, я не устроил жертвоприношения у ее гроба.
Но могу принести жертвы лотосам и так исполнить свой долг».

Юноше захотелось не мешкая исполнить обряд, но он сказал себе:

– Не годится совершать обряд кое-как. Даже перед цветами. Надо
приготовить ритуальную утварь, надеть парадную одежду и тем проявить
свое искреннее уважение к памяти умершей.

Затем он подумал: «Впрочем, древние говорили: „Водяная чечевица и
белая артемизия из болот ценятся дешево, но идут на изысканные блюда
для богатых, и еще их приносят в жертву духам и демонам“. Недаром
говорят: „Не дорог подарок – дорога любовь“. Скорбь, переполнившую мое
сердце, лучше всего излить в жертвенном поминании».

Баоюй взял белый прозрачный платок, который так нравился Цинвэнь,
написал на нем тушью поминание «На смерть Покровительницы лотосов»
– вступление и заключительную песню, после чего приготовил для
жертвоприношений четыре любимых кушанья Цинвэнь.

В сумерки, когда все легли отдыхать, он приказал отнести жертвенные
блюда на берег пруда, совершил положенные церемонии, повесил платок на

стебель лотоса и стал читать:

В год Покоя Великого, после минувших невзгод,
В теплый месяц, когда источают коричник и лотос густой аромат,
В день, когда безысходное горе вернулось в сознание людей^[221],
Юй ничтожный, в красный Двор Наслаждений войдя^[222],
Сто бутонов сорвал, мир овевших благоуханьем,
Шелк принес под названьем «Акуля как лед чешуя»^[223]
И воды зачерпнул у Беседки душистых ручьев...
В чашу чаю налил, смешав его с чистой, с листьев клена
опавшей, росой...

...И хотя в этих действиях значенья особого нет,
Он вложил в них глубокое чувство, сокровенную думу свою:
Пусть его приношенья дойдут до чертогов дворца в небесах,
Чтобы Белый Владыка деве, любящей лотосы, их передал...^[224]
Вот оно, поминанье его: «...В тишине и безмолвии я подсчитал:
С той поры как прекрасная дева оказалась во власти мирской
суеты,
Десять лет миновало и шесть,
И уж канули в вечность догадки, откуда явилась она,
Род ее и фамилия тоже забыты, и вспомнить их трудно сейчас.
Только мне, Баоюю, пять лет обитать довелось
Да еще восемь месяцев и целый час,
Там, где мы умывались, приводили в порядок себя,
Пили, ели... Смеясь, предавались веселью и играм...
Кто подумать бы мог, что взлетит высоко птица злобная чжэнь,
Что в коварных сетях в час недобрый окажется гордый орел?
Что зловоньем своим будет хвастаться чертополох,
А душистый цветок, орхидею, вырвут вон из земли?
А цветы – это нежность и хрупкость сама.
И легко ль устоять им при буйных ветрах?
И не тягостно ль ивовой ветке,
Если ливень безжалостно бьет?
Ядовитые твари подвергли наветам ее,
Оттого и обрушился неизлечимый недуг:
Словно выцвели губы вишневые,
Лик, как персик румяный когда-то,

Стал унылым, болезненным, — словно в недуге увял...
Между тем из-за ширм, из-за пологов все лилась и лилась
клевета,
Через окна и двери к ней тянулись терновник, репей, ядовитые
травы...
Да! Когда отовсюду лишь ненависть, лишь неприязнь, —
Разве можно от них избавление найти?
Все на свете имеет предел: ты закончила жизнь на земле,
Чтобы стыд, униженья стряхнуть с непорочной души!
Затаенные в сердце, беспредельными были печаль,
Безутешная горечь и бремя жестоких обид...
Всем известно, что в женских покоях
Целомудренных, незаурядных
Ненавидят, и участь их с участью сходна Цзя И^[225],
Что был сослан в Чанша, потому что в сужденьях был прям!
Воля, честность порой наказуется несправедливо,
Потому и отчаянье девы было глубже, чем боль и досада
почтенного Гуня^[226],
Самовольна священную землю решившего взять...
...Так пришлось ей одной много мук претерпеть!
А теперь кто проникнется жалостью к той, что ушла навсегда?
В небе, как облака над обителью вечных святых, растворилась
она,
И куда же теперь я направляюсь, чтоб найти хоть единственный,
ею оставленный след?
Я не в силах узнать, как добраться до Острова нагромождений
пещер^[227],
Чтоб волшебное там отыскать благовонье, жизнь дающее вновь.
Нет возможности Море Восточное мне пересечь и Пэнлая
достичь,
Чтоб добыть эликсир, возвращающий жизнь...
Твои угольно-черные брови потерялись в тумане высот,
Все ж вчера взял я кисть и представил воочию их, создавая
портрет.
Твои кольца на пальцах словно белый нефрит и как лед холодны,
И не знаю, найдется ли тот, кто б застывшие пальцы согрел?
На жаровне в сосуде все еще остается благовонный отвар,
А одежд моих полы все еще не просохли от пролитых слез...

Нет луаня, и зеркало с шумом разбито,
Не решаюсь шкатулку открыть Шэюэ —
Там расческа без зубьев, и в небо «дракон» улетел...
И поняв, что потеряны зубья расчески Таньюнь^[228],
Я опять безутешно скорблю...
Твой «жемчужный цветок», обрамленный нефритом и золотом,
Выброшен был после смерти в густую траву,
Долго-долго лежали в грязи «изумрудные перья»^[229],
Но кто-то нашел их потом, подобрал и унес...
...Все ушли из чертогов Чжицяо^[230].
В ночь, когда повстречались Пастух и Ткачиха, —
В ночь седьмую седьмой же луны^[231],
Не придется тебе снова в ушко иглы нить вставлять!..
Нить оборвана, селезень с уткой расстались навек^[232],
Разве может кто-либо их новою нитью связать?
...А потом так случилось, что в пору осеннюю —
В пору Золота и полновластья Байди —
Я на ложе своем одиноком дремал, видя сны,
В опустевшем жилище никто не тревожил меня...
Там, за лестницей, где возвышался утун,
Проплывала луна, но была так бледна и тускла!
И почувствовал я, как уходит из мира души аромат,
Как бледнеет и тает тень былой красоты!
Словно слышал: под шелковым грустным шатром,
Там, где лотос прекрасный приют свой нашел,
Все слабее, слабее ты дышишь...
Вздых... Еще... И прервалось дыхание твое. Тишина.
Мир я взором окинул: повсюду увядшие травы,
Но ведь их увяданье не может заставить тростник и камыш
Буйный рост прекратить!
И мне кажется, — звуками скорби объята земля,
Заунывными, как нескончаемый стрекот сверчков,
Ночью выпала капля за каплей роса,
Окропив на ступенях зеленеющий мох.
Стук не слышен вальков — дождь пошел:
Дождь осенний по стенам, смоковницей густо поросшим,
Бьет и флейты напевы из ближних дворов заглушает,
А в ушах все звучит и звучит незабвенное имя твое!

И его повторяет, тебя призывая, взлетев на карниз, попугай.
В дни, когда твоя жизнь догорала, стала сохнуть айва, что растет
у перил,
Вспоминаю, как в прошлом мы в прятки играли – ты за ширмой
скрывалась,
А сейчас я не слышу осторожных и мягких шагов...
Вспоминаю: мы также и в «бой на травинках» возле дома играли,
А сейчас те травинки ждут напрасно: тебе их уже не сорвать!
Шелк забыт и заброшен, – и некому больше одежду кроить,
Ленты порваны, – некому больше зажечь благовонья...
...Я вчера от отца получил порученье одно
И умчался в своей колеснице далеко-далеко,
Не успев попрощаться с тобой...
А сегодня, вернувшись, невзирая на то, что разгневаться матушка
может,
Я к могиле пришел, чтобы скорбное слово сказать...
Вскоре слух до меня докатился, что гроб с твоим телом сожгут!
О печаль! Не исполнится клятва погребенным быть вместе с
тобой,
Да и сон твой глубокий прервут, чтобы снова обрушить беду на
тебя...
О, как стыдно мне эти слова вспоминать, что тебе говорил:
«Пусть смешается прах – твой и мой!»
Поглядите: без устали западный ветер шумит возле
древнего храма, Разгорается синее пламя, и нет ему меры,
Солнце скоро зайдет, все могилы давно одичали,
Кости белые из погребений разрыты, разбросаны, – кто их сумеет
собрать?
Вслушайтесь: только ореха и вязов услышите шум,
Лишь камыша и осоки тревожный и жалостный шелест...
И за туманами демонов всхлипы и плач обезьян...
Видя все это и слушая, можно понять, сколь глубокие чувства
Юного отрока сердце волнуют за плотно задернутой шторой,
Сколь непомерно прискорбна судьба юной девы, засыпанной
желтой землей!
Я, уподобясь Жунъаньскому князю, в жизни своей
Бирюзовый нефрит потерял [\[233\]](#),
Льются, льются горячие, жгучие слезы,

И, наверно, лишь западный ветер может ими себя увлажнить^[234].
Кажется мне, что со мною случилось все то же,
Что и с Ши Чуном, который Люй Чжу уберечь не сумел^[235],
Вот почему я горюю и скорбные чувства,
Только к холодной луне обратившись, решаюсь излить.
О! Это были поистине демонов злые интриги,
Столько несчастий сваливших на головы наши!
Разве возможно такое, чтоб завистью боги к нам, смертным,
прониклись?
Разве возможно, чтоб речь благородную раб обращал к нам,
болтливый язык распустив?
Если бы даже у женщин сердца по-шакальи жестокие вскрыли,
Я все равно затруднился б умерить в себе накопившийся гнев!
Пусть все это и так, пусть судьба у тебя незавидной была, —
Уважение и чувства мои, обращенные только к тебе, глубоки!
И чтоб выход им дать, не могу удержаться от многих вопросов.
Ныне только узнал, что Верховный владыка Шан-ди
Повелел тебе в свите цветов во дворце состоять.
Ты при жизни была с орхидеей вдвоем,
После смерти Владыка тебя попросил быть хозяйкой у лотосов...
Понимаю, что могут служанки всего наболтать, —
В этом случае я ей поверил...
Ты спросишь меня: «Почему?»
Е Фашань попросил стихотворца Ли Юна создать поминанье для
могильной плиты...^[236]
Тот его сочинил, а потом отложил, позабыв записать.
И тогда Е Фашань в час, когда беззаботно Ли Юн почивал, вызвал
душу его,
И, проснувшись, поэт с удивленьем узрел,
Что душа и без тела записала творенье его!
После смерти Ли Юн приглашен был Владыкой Небес
В Белый яшмовый терем, чтоб там он спокойно стихи сочинял...
Говорю я о разных явлениях, но в сути едины они.
Каждой вещи присуще стремление достойное и соразмерное
выбрать себе,
Предположим: к какому-то делу душа не лежит.
Что же будет? Не просто ль пустые волнения и вздорный сумбур?
Ныне я понимаю: Небесный Владыка судит грешных людей по

делам,
А отсюда и вывод: все должно быть в гармонии тесной,
И ничто не должно человека природу и склонности отягощать!
Рассужденья такие вселяют надежду, что нетленную душу твою
Я смогу угадать пред собою – вот здесь!
Это значит, что не было помысла грубость сказать, обращаясь к тебе!
А теперь – слушай песнь «Призыванье души»,
Этой песни слова пусть дойдут до тебя:

О, великое Небо! В нем и синь,
В нем и свежесть!
Не тебе ли подняться под купол небесный
Дракон из нефрита помог?

О, большая Земля —
Бесконечность, безбрежность!
На тележке из кости слоновой и яшмы
Не ты ли проникла туда, где подземный поток?

Сколь наряден и пестр
Этот зонт драгоценный!
Не сияньем ли светлых созвездий Стрельца и Хвоста
Озаряется тьма?
Разукрашенный перьями, ярким ковром
Устлан путь пред тобой во вселенной,
По бокам охраняют дорогу
Не созвездья ль Стропил и Холма?

Пусть в пути сам Фэн Лун^[237]
Полетит провожатым с тобою.
Разве ты не мечтала, чтоб правил Ван Шу,
Что привык управлять колесницей луны?
И колеса – «и-и» и «я-я...» —
Огласили весь мир над землею,
За луанем и фениксом
То ль не ты мчишься вдаль, где дороги длинны?

С дуновением ветра

Заструился поток ароматов.
Не тобой ли духэна
Ветка к поясу прикреплена?
Все наряды и юбка
Разноцветным сияньем объята,
А в трепещущих серьгах
Не нашла ли свой отблеск луна?

...Поросль трав и цветов —
Вот алтарь поклоненья Земле, Небесам и Богам!
Уж не ты ль благовонное масло
В лампадах зажгла?
Столь причудлив на тыквах узор!
Сколько тонкой посуды и утвари в храм принесли!^[238]
Уж не ты ли из этих сосудов
Зеленые вина, коричную влагу пила?

Ты в неведомых далях
Не сулила ль Лу Ао свиданье?^[239]
Почему же меня
Ты забросила в мире сует?
О, когда бы Фэн Лянь^[240]
Колесницу мне дал в знак вниманья, —
Мы с тобою вдвоем
В земной возвратились бы свет?

В сердце горечь, печаль.
Мне сейчас, одинокому, трудно.
Но, увы, не напрасны ль
Страданья мои и мольбы?
Ты в безмолвии спишь,
Сны твои в небесах беспробудны,
Уж не в этом ли должно узреть
Начертанья небесной судьбы?
Ты безмолвна в могиле, —
Никто не нарушит покоя!
Может быть, это так! Но, вернувшись к началу,
Святых о возврате толку нет умолять!

Я же скован цепями
И должен терпеть неизбежное бремя мирское,
Но вернешься ль назад,
Если эти мольбы сможет с неба душа услышать?

О, вернись! О, приди!
Возвратись, чтоб остаться со мною,
Чтобы вновь от меня
Не пришлось в небытие улетать!
Там, где хаос царит первозданный, ты живешь, —
В тишь, безмолвие погружена...
Но ведь если бы даже спустилась с высот, надо мною застыв,
Все равно даже тени твоей я б увидеть не смог.
Я от мира, как шторой и ширмой, отгорожен девичьей мечтой,
Стражей роль пусть аира ряды исполняют сейчас.
Я хотел бы еще пожелать, чтобы тонкие, словно рачки, листья
ивы пока не стремились ко сну,
Пусть пока не терзает тебя и меня обоюдная наша тоска,
Быть средь гор, позаросших корицей, тебя пригласила Суньюй^[241],
Там, на острове, где орхидеи в цвету, ты была так приветливо
встречена юной Фуфэй^[242],
Пела флейта Луньюй для тебя!^[243]
Ударяла по звучному юю, что формой как тигр, Хань Хуан^[244],
Призывая Лин-фэй^[245], ты встревожила даже Лишань!^[246]

...Когда Хуан-ди совершал свой инспекторский смотр, реку
Хуанхэ перейдя, а затем и Лошуй,
Как ныне, в то время из водной стихии Лошуй черепаха явилась,
на панцире книгу неся...
И твари, тот мир населявшие, ныне пред нею, услышав мелодию
Яо и Шуня «Сяньчи»^[247],
Запели, и, прежде скрывавшийся в водах Чишуя, дракон выплыл
вдруг и ударился в пляс^[248].
А фениксы, мирно дремавшие в роще жемчужной на ветвях,
взлетели и ввысь устремились!
Когда призывают от сердца, — и душу святую возможно
растрогать,
И вовсе не нужно для этого утварью жертвенной дверь

украшать...

Сейчас из Сячэна небесного ты колесницу направила вдаль^[249]

И хочешь назад, в Сюаньпу, возвратиться^[250],

К священной земле, где находятся горы Куньлунь.

Мы, кажется, видим друг друга отчетливо, ясно,

Но черное облако вдруг наползает, – приблизиться трудно к тебе...

Разлуки и встречи – как тучи на небе:

Плывут, чередуясь, и места себе не найдут,

Святую же душу никак не рассмотришь в дождях и туманах...

...Рассеялась пыль, расступились тяжелые тучи,

Высокие звезды на небе опять засверкали,

И ожили реки, и горы прекрасными стали,

И в небе, на самой его середине, сияет луна!

Увы! Почему от печалей-тревог успокоиться сердце не может?

Причина, наверное, в том, что мечты проплывают, как явь.

И я беспокойно вздыхаю, с надеждой взираю на все, что меня окружает,

А слезы все льются и льются,

И сил не найду, чтоб смятение свое побороть!

О люди! Давно уже вы в царство грез погрузились,

Один я. И лишь из бамбуковой рощи доносится музыка чистой, невинной природы.

Я вижу: повсюду взлетают испуганно птицы,

Я слышу, как плещутся рыбы на гладкой поверхности вод.

...И вот изливаю всю грусть, что на сердце моем накопилась,

В своей откровенной молитве...

И тихо обряд совершаю священный с надеждой, что буду удачлив...

О, скорбь! О, печаль!

Я покорно прошу эту чашу принять благовонного чая!

Окончив читать, Баоюй сжег платок, совершил обряд чаепития, но не уходил, пока служанка его несколько раз не окликнула. Вдруг из-за горки послышался голос:

– Пойдите!

Баоюй и служанка затрепетали от страха. Девочка обернулась и, заметив между лотосами мелькнувшую тень, закричала:

– Дух Цинвэнь явился!..

Баоюй обернулся, но...

Если хотите узнать, кого увидел Баоюй, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят девятая

Сюз Пань берет в жены сварливую девицу;

Инчунь выдают замуж за жестокого юношу

Итак, едва Баоюй окончил церемонию жертвоприношения, как из зарослей лотосов послышался голос. Баоюй испуганно обернулся и, к своему удивлению, увидел Дайюй.

– Поистине необычно и своеобразно твое жертвенное поминание. Оно не хуже «Памятной плиты Цао Э».

Баоюй смутился.

– Мне кажется, жертвенные поминания нынче все на один манер, и я решил сочинить что-нибудь новое. Сделал это забавы ради, никак не ожидал, что ты подслушаешь. Впрочем, почему бы тебе не подправить неудачные места?

– Где черновик? – спросила Дайюй. – Надо прочесть его повнимательней. Ведь поминание длинное, и я не все запомнила. В памяти остались две параллельные фразы: «...сколь глубокие чувства юного отрока сердце волнуют за плотно задернутой шторой» и «сколь непомерно прискорбна судьба юной девы, засыпанной желтой землей». Эти фразы полны глубокого смысла, хотя «за плотно задернутой шторой» – выражение, в общем, избитое. Почему бы не написать о том, что ты видишь в данный момент?

– А что я вижу, по-твоему? – спросил Баоюй.

– Хотя бы наши окна, затянутые цветным флером, – ответила Дайюй. – Почему бы, например, не сказать: «...сколь глубокие чувства юного отрока сердце волнуют за окном, что затянуто розовым флером»?

– Замечательно! – вскричал Баоюй. – Только ты могла так хорошо придумать. В Поднебесной столько замечательного, оно у нас перед глазами, но мы, глупцы, не замечаем. И все же я хочу тебе возразить: в твоей комнате окна затянуты флером, в моей – нет. Поэтому предложенную тобой фразу я не могу принять.

– А что здесь особенного? – улыбнулась Дайюй. – Зачем так резко проводить грань? Мое окно можно считать и твоим, стоит ли друг от друга

отдаляться? В древности даже чужие «дарили друг другу упитанных коней и теплые шубы» – что же говорить о нас с тобой? Мы ведь не чужие!

– Не только «упитанных коней и теплые шубы», но и «желтое золото и белую яшму», и при этом не скупилась, – возразил Баоюй. – Но в данном случае речь идет о женских покаях, поэтому для меня подобное выражение неприемлемо. Пожалуй, в исправленных тобой фразах я заменю «отрока» на «барышню», и будем считать, что поминание написала ты. Ты всегда была так добра к Цинвэнь, и твоя фраза о «розовом флере» стоит всего, что я написал. Давай переделаем так: «...сколь глубокие чувства юной барышни сердце волнуют за окном, что затянуто розовым флером, сколь непомерно прискорбна служанки судьба, засыпанной желтой землей». Пусть эти фразы не имеют ко мне никакого отношения, я все равно останусь доволен.

– Цинвэнь ведь не была моей служанкой, – с улыбкой возразила Дайюй, – зачем же все исправлять? Да и слова «барышня» и «служанка» не очень к месту. Вот если бы речь шла о Цзыцзюань, тогда другое дело.

– Ты хочешь накликать на нее смерть? – засмеялся Баоюй.

– Это ты накликаешь, я сама ничего подобного не сказала бы, – заметила Дайюй.

– Я знаю, как надо переделать, – вдруг радостно воскликнул Баоюй. – И все будет в порядке! Лучше всего так сказать: «За окном, что затянуто розовым флером, я – утративший счастье; под желтой могильной землей ты – гонимая злою судьбой!»

Дайюй изменилась в лице. В словах Баоюя ей почудился намек на ее собственную судьбу, но, поборов волнение, она улыбнулась и промолвила:

– Неплохо! Впрочем, не стоит тратить время на исправления. Займись лучше делами поважнее! Только что матушка присылала за тобой служанку, и та сказала, что завтра утром вас всех приглашают к твоему дяде Цзя Шэ по случаю помолвки Инчунь.

– Зачем такая спешка? – воскликнул Баоюй. – Мне нездоровится, и я не знаю, смогу ли пойти!

– Опять капризничаешь, – упрекнула его Дайюй. – Постыдился бы, ведь уже не маленький...

Дайюй закашлялась.

– Ветер холодный, а мы стоим как ни в чем не бывало! – заволновался Баоюй. – Так и простудиться недолго! Пойдем отсюда!

– Мне пора домой, – проговорила Дайюй. – До завтра!

И она свернула на дорожку. Баоюй, опечаленный, зашагал было в противоположную сторону, но тотчас же спохватился и приказал девочке-

служанке проводить Дайюй до дому.

Во дворе Наслаждения пурпуром Баоюй застал нескольких старых мамок. Мамки сказали, что госпожа Ван велела ему с утра прийти к Цзя Шэ.

Инчунь просватали в семью Сунь, которая была родом из области Датун. Предки Суней, крупные военачальники, некогда были ярыми приверженцами гунов Нинго и Жунго и могли считаться близкими друзьями рода Цзя. Нынче только один из членов семьи Сунь жил в столице и занимал высокую должность, доставшуюся ему по наследству. Звали его Сунь Шаоцзу. Рослый и сильный, он прекрасно владел искусством верховой езды и стрельбы из лука, слыл гостеприимным, ловким и хитрым. Богатый и знатный, в расцвете лет – ему было около тридцати, он в недалеком будущем ждал повышения в должности.

Вот за этого Сунь Шаоцзу, племянника старых друзей рода Цзя, равного по положению с Цзя Шэ, последний и решил выдать дочь замуж, о чем уже доложил матушке Цзя. Та осталась не очень довольна выбором, но, рассудив, что браки совершаются на небесах, не стала препятствовать, тем более что Цзя Шэ уже принял решение.

– Пусть будет по-твоему, – промолвила она.

Цзя Чжэн недолюбливал Суня, хотя Суня считались давнишними друзьями рода Цзя. Дед их, попав однажды в затруднительное положение, вынужден был просить покровительства у могущественных и влиятельных гунов Нинго и Жунго, после чего объявил себя их приверженцем.

Цзя Чжэн уговаривал Цзя Шэ отказаться от своего намерения, но тот и слышать об этом не хотел, и Цзя Чжэну пришлось смириться.

Баоюй никогда прежде не встречался с Сунь Шаоцзу и не имел ни малейшего желания с ним знакомиться. Однако не пойти к Цзя Шэ значило нарушить приличия.

Близился день свадьбы, и уже в этом году Инчунь предстояло уехать в дом мужа. Когда госпожа Син попросила матушку Цзя отпустить Инчунь из сада Роскошных зрелищ, Баоюй впал в уныние, стал рассеянным и задумчивым, а когда узнал, что вместе с Инчунь дом покинут четыре служанки, пришел в отчаяние.

– Сразу на пять непорочных дев у нас станет меньше!..

Баоюй теперь каждый день ходил на остров Водяных каштанов, смотрел на дом, где жила Инчунь. Там было пусто, никто не мелькал за окнами, выходящими на террасу. Камыш и осока на противоположном берегу пруда, казалось, потеряли прежнюю красоту и печально поникли, словно грустили о той, что еще недавно жила здесь. Однажды, под

наплывом нахлынувших чувств, Баоюй сочинил песню:

Бесчинство возле водоема
Осенний ветер учинил:
Он лотос разбросал небрежно,
Нефрит каштана омрачил...
Как не взгрустнуть листве ореха
Или осоке водяной?
Роса на листьях затвердела,
А инея все толще слой...
...О, не забыть дневные бденья,
Движенья шахматных фигур!
А ныне? Пыль на крышке шахмат,
Жилище пусто. Сам я хмур.
И в древности страдали люди,
Расставшись с другом давних лет, —
Вот и теперь один печалюсь,
Все потому, что друга нет!

Он прочел стихотворение вслух, как вдруг услышал за спиной чей-то смех:

— Опять сочиняете всякие глупости?

Баоюй быстро обернулся и увидел Сянлин.

— Как ты здесь очутилась, сестра? — с улыбкой спросил он. — Давно я не видел, чтобы ты гуляла.

Сянлин всплеснула руками и захихикала:

— Не моя в том вина. Недавно вернулся ваш брат Сюэ Пань, и я уже не так свободна, как прежде! Наша госпожа только что посылала служанок за второй госпожой Фэнцзе, но сказали, что вторая госпожа в саду. Я попросила разрешения ее поискать, а девочка-служанка, повстречавшаяся мне дорогой, сказала, что Фэнцзе в деревушке Благоухающего риса. Я как раз шла туда, когда вдруг увидела вас. Я вот о чем хочу вас спросить: как чувствует себя сестра Сижэнь? И почему так неожиданно умерла сестра Цинвэнь? Чем она болела? А теперь вторая барышня Инчунь уезжает! Как опустел сад!

Баоюй молча слушал девушку, лишь кивал головой, а потом пригласил ее во двор Наслаждения пурпуром выпить чаю.

— Я должна найти вторую госпожу, — ответила Сянлин, — и передать ей

то, что мне велено, а потом непременно приду.

– Неужели у тебя такое срочное поручение? – удивился Баоюй.

– Очень срочное! Речь идет о женитьбе Сюэ Паня.

– Да, это важно, – согласился Баоюй. – На ком же он женится? Уже целых полгода идут разговоры об этом. То хвалят девушку из семьи Чжан, то из семьи Ли, то доказывают, что девушки в семье Ван еще лучше. В чем провинились эти бедняжки, что все, кому не лень, перемывают им косточки!

– Сейчас уже все решено, и девушек наконец оставят в покое, – заметила Сянлин.

– Кто же избранница? – поинтересовался Баоюй.

– Недавно ваш брат отправился в поездку и по пути навестил родственников, – начала рассказывать Сянлин. – Эти родственники числятся по ведомству финансов в ряду крупнейших торговых домов. Известны они и в наших дворцах, а в столице все, от ванов до простых торговцев, называют их Ся – коричные цветы.

– Почему же их так называют? – удивился Баоюй.

– Род Ся чрезвычайно богат, – продолжала Сянлин. – Одних только коричных рощ у них несколько десятков цингов. Им принадлежат все торгующие корицей лавки в столице и за ее пределами. Даже вазы с коричными деревцами, украшающие императорский дворец, присланы в дар государю этой семьей. Отсюда и прозвище. Глава семьи умер, вдова его живет с единственной дочерью, сыновей нет. Увы, в такой почтенной семье нет потомков по мужской линии!

– Нет, и ладно, – прервал девушку Баоюй. – Ты лучше скажи, хороша ли собою барышня? Чем она так прельстила твоего господина?

– Судьба их свела, – ответила Сянлин, – это главное. Ну и, конечно же, каждому влюбленному его избранница кажется такой же красавицей, как Си Ши. Ведь связи между обеими семьями установились давно, наш господин Сюэ Пань еще в детстве играл с барышней Ся. Кроме того, он ей доводится двоюродным братом, поэтому нет никаких препятствий для брака. В последние годы они не встречались, и когда господин Сюэ Пань приехал, тетка, увидев возмужавшего юношу, обрадовалась ему как родному сыну. От счастья она и плакала, и смеялась, затем велела дочери выйти приветствовать гостя. За время разлуки девушка стала прекрасной, словно цветок. К тому же она была образованна и сразу приглянулась господину Сюэ Паню. Он даже остался погостить, и хозяева его долго не отпускали. А как только господин Сюэ Пань вернулся домой, – стал просить матушку сосватать ему барышню Ся. Госпожа, прежде видевшая

барышню Ся и считавшая ее достойной парой для сына, охотно согласилась. Она переговорила со второй госпожой Фэнцзе, та послала в семью Ся сваху, дело сладилось. Господин Сюэ Пань торопит со свадьбой, поэтому у нас много хлопот. Я тоже хочу, чтобы господин Сюэ Пань поскорее женился, тогда в нашей семье прибавится человек, умеющий сочинять стихи.

– Хорошо, если все будет так, как ты говоришь, – усмехнулся Баоюй, – но меня беспокоит твоя дальнейшая судьба!

– Моя? – удивилась Сянлин. – Не понимаю!

– Что тут непонятного? Ведь после женитьбы Сюэ Пань охладее к тебе.

Сянлин покраснела.

– Я с уважением к вам отношусь, а вы заводите какие-то странные разговоры! Недаром все в один голос твердят, что с вами нельзя дружить!

Она повернулась и пошла прочь.

Баоюй огорчился, долго стоял в растерянности, а затем, грустный, медленно побрел в направлении двора Наслаждения пурпуром.

Всю ночь он не спал, метался в постели, а на следующий день лишился аппетита, и у него появился жар.

К истории с обысками в саду Роскошных зрелищ, изгнанию Сыци, уходу Инчунь и воспоминаниям о Цинвэнь прибавилась простуда, схваченная Баоюем в саду, и он слег.

Матушка Цзя очень беспокоилась и каждый день навещала внука. Госпожа Ван места себе не находила от волнения, полагая, что сын заболел из-за Цинвэнь, и уже раскаивалась, что слишком круто обошлась с девушкой. Однако чувств своих не выказывала, лишь велела служанкам хорошенько заботиться о Баоюе и дважды в день присылала врачей. Только через месяц дело пошло на поправку, целых сто дней предстояло лечиться, правда, ему разрешили есть мясное и мучное и ненадолго выходить на прогулки.

Он мог развлекаться только у себя в комнатах, подходить к воротам сада ему было запрещено. Но прошло дней пятьдесят, а может быть, даже меньше, и к Баоюю вернулась прежняя живость – казалось, никто не может его удержать на месте. К каким только уловкам Баоюй ни прибегал, чтобы вырваться на волю, но матушка Цзя и госпожа Ван слышать ни о чем не хотели, и Баоюй в конце концов смирился.

Вскоре Баоюй узнал, что Сюэ Пань уже ввел к себе в дом жену, что на свадьбе у него было очень весело, что девушка из семьи Ся хороша собой и образованна, и очень досадовал, что не может увидеть ее.

А еще через некоторое время Баоюю сказали, что Инчунь переехала в дом мужа. Невольно вспоминалось то время, когда они жили рядом друг с другом. «Если даже нам доведется встретиться, – думал Баоюй, – не будет в наших отношениях прежней искренности». Мысль о том, что теперь он не сможет увидеть сестру когда пожелает, привела Баоюя в уныние. Но что поделаешь? И он старался забыться в играх со служанками. Узнай об этом Цзя Чжэн, он непременно заставил бы сына усиленно заниматься.

Находясь безвыходно дома, Баоюй едва не разнес двор Наслаждения пурпуром, он переиграл во все игры, какие только существуют на свете... Но об этом мы рассказывать не будем.

А сейчас вернемся к Сянлин. Она решила, что Баоюй посмеялся над нею, обиделась и избегала его. Она больше не приходила в сад Роскошных зрелищ и целыми днями хлопотала по дому. Сянлин была уверена, что с женитьбой Сюэ Паня положение ее в доме изменится к лучшему, ее освободят от некоторых обязанностей и у нее появится свободное время. Наверняка жена Сюэ Паня учтива и обходительна, ведь она не только красива, но и учена. И Сянлин ждала свадьбы Сюэ Паня, пожалуй, с большим нетерпением, чем он сам. А когда молодая жена переехала к мужу, Сянлин принялась прислуживать ей с усердием, на которое только была способна.

Следует сказать, что жена Сюэ Паня, несмотря на свои семнадцать лет, была не только образованна, но еще умна и смекалиста – под стать самой Фэнцзе. Только вот беда: отец ее умер, когда она была совсем еще ребенком, мать берегла девочку, словно драгоценность, холила ее и лелеяла, исполняла каждый каприз, прощала все шалости, и девушка выросла такой же жестокой, как Дао Чжэ^[251]. Она привыкла к поклонению и совершенно ни с кем не считалась. Из-за всякого пустяка вспыхивала с такой же внезапностью, как налетает ветер или грохочет гром. Еще дома в минуты раздражения она бранила и избивала служанок. А сейчас, выйдя замуж, захотела стать полновластной госпожой. Теперь ей больше не надо было казаться ни скромной, ни учтивой. Главное – забрать власть в свои руки и держать в повиновении мужа. Но Сюэ Пань был упрям, и молодая женщина решила действовать, пока не поздно. Ее злило, что у Сюэ Паня красивая наложница, и она задумала расправиться с ней, как в свое время сунский Тай-цзу с Южной Тан^[252]. В детстве дочь Ся называли Цзиньгуй – Золотая корица, но слова «золото» и «корица» она произносить запрещала и сурово наказывала служанок, если они случайно нарушали приказ.

Однако Цзиньгуй понимала, что такие слова, как «цветы корицы», не могут быть под запретом, и решила назвать цветы по-иному. С коричневыми цветами была связана легенда о дворце Гуанхань и Чан Э, и Цзиньгуй стала называть цветы корицы «цветами Чан Э».

Сюэ Паню все быстро надоедало, но смелым он бывал, лишь когда напивался. Мало-помалу он стал во всем уступать своей очаровательной жене.

Вот что случилось уже на втором месяце их совместной жизни. После очередного возлияния Сюэ Пань стал о чем-то советоваться с Цзиньгуй. Они поспорили. Сюэ Пань вышел из себя, сказал жене несколько резких слов и поступил по-своему. Цзиньгуй расплакалась, отказалась от еды и притворилась больной.

Пригласили врача.

– У больной нарушены дыхание и кровообращение, – сказал врач и прописал лекарство.

– Никак не можешь остепениться, – ругала тетушка Сюэ сына. – Не думаешь о будущем ребенке. Твоя теща, словно феникс, растила единственную дочь, холила и лелеяла, как нежный цветок. А ты напиваешься, устраиваешь скандалы, мучаешь бедную девочку! Вот она и заболела! Теперь приходится приглашать врача, тратиться на лекарства! Сам себе нажил хлопот!

Сюэ Пань раскаялся и решил попросить у Цзиньгуй прощения. Поддержка свекрови ободрила Цзиньгуй. Она возгордилась и совсем перестала обращать внимание на мужа.

Сюэ Пань, не зная, как быть, только вздыхал. Как только он не убажбал Цзиньгуй, пока наконец снова не обрел ее расположение. Теперь он больше ей ни в чем не перечил и стал еще осторожнее.

А Цзиньгуй, прибрав к рукам Сюэ Паня, взялась за тетушку Сюэ и, наконец, за Баочай.

Баочай давно разгадала ее намерения и при всяком удобном случае намеками побуждала ее от них отказаться. Цзиньгуй же, поняв, что с Баочай не так легко справиться, стала выжидать, не допустит ли та какого-нибудь промаха; но этого не произошло, и Цзиньгуй на время смирилась.

Однажды от нечего делать Цзиньгуй позвала Сянлин и, болтая о всяких пустяках, между прочим спросила ее о родных местах, о родителях. Сянлин отвечала, что ничего не помнит. Цзиньгуй это не понравилось, она решила, что Сянлин от нее что-то скрывает.

– А кто придумал тебе имя Сянлин – Водяной орех? – вдруг спросила Цзиньгуй.

– Барышня, – ответила Сянлин.

Цзиньгуй усмехнулась:

– Ваша барышня образованна, а даже имени не может придумать!

– Вы так говорите, потому что не беседовали с ней, – вступилась Сянлин за свою госпожу. – Даже господин Цзя Чжэн ее хвалит!

Если хотите узнать, что ответила Цзиньгуй, прочтите следующую главу.

Глава восьмидесятая

Безвинная Сянлин терпит побои похотливого супруга;

даос Ван в шутку рассказывает о средстве от женской ревности

Итак, услышав слова Сянлин, Цзиньгуй скривила губы, шмыгнула носом и с холодной усмешкой воскликнула:

– Что за невежество! Да если бы у цветов водяного ореха был аромат, их нельзя было бы отличить от благородных цветов.

– Не только цветы водяного ореха, но и листья лилий, и коробочки лотосов имеют своеобразный едва уловимый запах, – возразила Сянлин. – Разумеется, не такой, как у благородных цветов, но довольно приятный. Даже водяной каштан, «куриная головка», камыш и корень тростника хорошо пахнут, когда выпадает роса.

– Послушать тебя, так можно подумать, что у орхидеи и корицы неприятные запахи, – заметила Цзиньгуй.

Увлеченная разговором, Сянлин забыла, что в доме запрещено произносить слово «корица», и спокойно ответила:

– Аромат орхидеи и корицы ни с чем не сравним...

Не успела Сянлин это произнести, как Баочань, служанка Цзиньгуй, тыча ей пальцем в лицо, закричала:

– Чтоб ты подохла! Разве можно произносить вслух имя барышни?

Сянлин спохватилась и, смущенно улыбнувшись, ответила:

– Простите, госпожа, я случайно.

– Пустяки, не обращай внимания, – успокоила ее Цзиньгуй. – Но все же «сян» – ароматный – в твоем имени следовало бы заменить. Не возражаешь?

– Конечно, госпожа! – воскликнула Сянлин. – Поступайте как угодно, отныне я принадлежу вам.

– Ты права, – промолвила Цзиньгуй. – Но что скажет ваша барышня?

– Вы просто не знаете, откуда у меня это имя, – сказала Сянлин. – Так меня нарекла барышня Баочай, когда я прислуживала ее матушке. Потом меня отдали в услужение господину Сюэ Паню. А теперь вам. К барышне Баочай я отношения не имею, так не все ли ей равно, как вы будете меня

называть.

– В таком случае, я заменю «сян» на «цю» – осенний, – заявила Цзиньгуй. – Водяной орех цветет осенью, поэтому «цю» более уместно, чем «сян».

– Как вам угодно, госпожа, – улыбнулась Сянлин.

И с этих пор ее стали звать Цюлин.

Сюэ Пань был похотлив сверх всякой меры. Как говорится, «захватив Лу, зарился на Шу». Едва женившись на Цзиньгуй, стал заглядываться на ее служанку Баочань, покоровшую его не только своей красотой и грацией, но и скромностью. Он то и дело звал девушку: то подать ему чаю, то воды. В общем, искал предлог, чтобы лишний раз перекинуться с нею словечком.

Баочань не была настолько наивной, чтобы не разгадать намерения Сюэ Паня, но не стала поступать опрометчиво, боясь навлечь на себя гнев госпожи. Цзиньгуй тоже все понимала и думала:

«Главное сейчас – поставить на место Сянлин, и то, что мужу приглянулась Баочань, как нельзя кстати. Пусть возьмет ее к себе. Это отвлечет его от Сянлин. Баочань не опасна, она моя служанка, а Сянлин я приберу к рукам, как только муж к ней охладет».

Решив так, Цзиньгуй стала ждать удобного случая для осуществления своего плана.

Однажды вечером, изрядно выпив, Сюэ Пань приказал Баочань подать ему чаю и, беря чашку, ущипнул девушку за руку. Баочань с обиженным видом отдернула руку, чашка упала и разбилась. В свое оправдание Сюэ Пань заявил, что это служанка уронила чашку.

– Нет, вы, – возразила Баочань.

– Думаете, я дура?! – вмешалась тут Цзиньгуй. – Не понимаю, что происходит? – она усмехнулась.

Сюэ Пань смущенно опустил голову. Баочань покраснела и вышла. Наступило время ложиться спать. Цзиньгуй прогнала Сюэ Паня, сказав при этом:

– Иди, а то, чего доброго, заболеешь от похоти!

Сюэ Пань засмеялся.

– Если тебе чего-нибудь надо, говори прямо, не делай украдкой! – предупредила она.

Сюэ Пань был слегка пьян и, потеряв всякий стыд, опустился на колени на край кровати, привлек к себе Цзиньгуй и сказал:

– Дорогая моя! Подари мне Баочань, и я сделаю все, что захочешь! Прикажешь – раздобуду мозг живого человека!

– Не болтай зря, – засмеялась Цзиньгуй. – Приглянулась девушка –

бери в наложницы, никто тебя не осудит.

Обрадованный Сюэ Пань принялся благодарить жену. В эту ночь он изо всех сил старался ее ублажить. А на следующий день не выходил из дому, дурачился с Цзиньгуй и Баочань, никто его не одернул, и он совсем обнаглел.

В полдень Цзиньгуй заявила, что ей нужно на время отлучиться, и оставила Сюэ Паня наедине с Баочань. Сюэ Пань начал заигрывать с девушкой. Приличия ради та поломалась и уступила. Этого только и дожидалась Цзиньгуй! Сюэ Пань как раз собирался «войти в порт», когда она позвала девочку-служанку Сяошэ.

Эта девочка с самого детства служила в семье Ся. Совсем маленькая она лишилась родителей, и с тех пор ее стали звать Сяошэ – Покинутая малютка. Ее держали в доме для всякой черной работы.

Так вот, Цзиньгуй позвала девочку и приказала:

– Скажи Цюлин, чтобы зашла в мою комнату за платком. Только не говори, что это я приказала.

Сяошэ быстро разыскала Цюлин и сказала:

– Барышня, госпожа забыла у себя в комнате платок. Не принесете ли его?

Последнее время Цюлин стала замечать, что Цзиньгуй придирается к ней, и старалась вернуть ее расположение. Поэтому она поспешила за платком. Ей и в голову не могло прийти, что Сюэ Пань нежится с Баочань. Он даже не счел нужным запереть дверь, поскольку Цзиньгуй была в курсе дела. Цюлин, густо покраснев, хотела улизнуть, но Баочань ее заметила и не знала, куда деваться от стыда. Она оттолкнула Сюэ Паня, вскочила и бросилась вон из комнаты, крича, что Сюэ Пань хочет ее изнасиловать.

Сюэ Пань с таким трудом уломал Баочань, а Цюлин помешала, и он обрушился на ни в чем не повинную девушку с бранью.

– Дохлятина! – орал он. – Чего тебя принесло?

Цюлин убежала. А Сюэ Пань пошел искать Баочань, но той уже и след простыл.

После ужина Сюэ Пань еще выпил и вздумал купаться. Но вода оказалась слишком горячей, и Сюэ Пань дважды пнул Цюлин, заявив, что она хочет его ошпарить.

Цюлин, не привычная к подобному обращению, растерялась и, затаив обиду, молчала.

Тем временем Цзиньгуй сказала Баочань, что нынешней ночью Сюэ Пань будет спать в ее комнате, а Цюлин позвала ночевать к себе. Цюлин стала отказываться. Цзиньгуй рассердилась, упрекнула девушку в том, что

она брезгует ею, ленится прислуживать, хочет жить в праздности и довольстве.

– Твой «господин» бросается на каждую девчонку, – кричала она. – Отнял у меня служанку и тебя ко мне не пускает! Смерти, что ли, моей хочет?!

Сюэ Пань боялся, как бы Цзиньгуй не изменила своих намерений в отношении Баочань, и обрушился на Цюлин:

– Забыла, кто ты такая?! Не пойдешь куда велят, избыю!

Пришлось Цюлин собрать свою постель и идти к Цзиньгуй. Та приказала ей постелить на полу, и Цюлин не посмела возразить.

Не успела Цюлин уснуть, как Цзиньгуй ее разбудила и потребовала чаю, а затем приказала растереть ей ноги. Так повторялось несколько раз за ночь.

Что же до Сюэ Паня, то, завладев Баочань, он больше ничем не интересовался, словно обрел жемчужину.

Цзиньгуй ворчала:

– Понаслаждайся несколько дней, а потом я с тобой рассчитаюсь!

Одновременно она строила планы, как извести Цюлин...

Прошла первая половина месяца. Цзиньгуй вдруг заявила, что у нее болит сердце и отказали руки и ноги. Лекарства не помогали, и в доме стали поговаривать, будто она заболела из-за строптивости Цюлин.

Как-то раз, когда перестилали постель, из подушки вывалился бумажный человечек, на котором были написаны возраст и дата рождения Цзиньгуй, а в то место, где находится сердце, было воткнуто пять иголок. Служанки удивились и поспешили к тетушке Сюэ. Но та как раз была занята. Сюэ Пань переполошился и велел учинить всем служанкам допрос.

– Зачем обижать служанок? – сказала Цзиньгуй. – Все и так ясно. Не иначе как это колдовство Баочань.

– Но ведь она не бывает у тебя в комнате, – возразил Сюэ Пань.

– Кто же мог это сделать, кроме нее? – холодно усмехнулась Цзиньгуй. – Уж не я ли? Да и кто из служанок посмеет войти в мою комнату!

– А Цюлин? – заметил Сюэ Пань. – Ведь она теперь все время с тобой. Вот ее и надо допросить.

– Допросить?! – усмехнулась Цзиньгуй. – Кто сознается? Притворись лучше, что ничего не знаешь, и не поднимай шума. Что за беда, если я умру – женишься на другой! Говоря по правде, ты, Баочань и Цюлин одинаково меня ненавидите!

Она разрыдалась. Сюэ Пань в ярости схватил попавшийся под руку

дверной засов и бросился искать Цюлин. Не дав девушке рта раскрыть, он набросился на нее и стал колотить, не разбирая, куда наносит удары.

Цюлин от обиды громко плакала. На шум прибежала тетушка Сюэ.

– Остановись! – закричала она сыну. – Раньше выясни, а потом бей! Эта девочка прислуживала тебе несколько лет и ни разу не сделала ничего дурного! Почему же ты решил, что она виновата?

Цзиньгуй испугалась, как бы слабохарактерный Сюэ Пань не внял словам матери, стала плакать и кричать:

– Он отнял у меня Баочань, не позволяет ей входить в мою комнату! У меня ночует Цюлин. Я велела допросить Баочань, но он ее защищает и бьет Цюлин! Что ж, пусть убьет и меня! Пусть женится на другой, богатой и красивой!

Сюэ Пань еще больше разошелся.

Тетушка Сюэ догадалась, что Цзиньгуй делает все, чтобы прибрать к рукам Сюэ Паня, и рассердилась, считая такое поведение невестки недостойным. Но, увы, сын ее и прежде не отличался твердостью характера, а сейчас, попав под влияние жены, стал совсем слабовольным. Сама же Цзиньгуй изображала из себя послушную жену, готовую выполнить любое желание мужа. Поистине коварство, достойное удивления! Недаром пословица гласит: «Даже умному чиновнику не разобраться в семейных дрязгах»! Что уж говорить о тетушке Сюэ? Не зная, как поступить, она напустилась на Сюэ Паня:

– Выродок! Ты хуже собаки! Отнял у жены служанку, завел с ней шашни! И не стыдно тебе! Не знаешь, виновата девушка или нет, и колотишь ее! Негодяй! Тебе лишь бы что-то новенькое! Пренебрегаешь теми, кто тебе предан! Пусть даже Цюлин провинилась, разве можно девочку бить! Сейчас позову торговца, пусть купит ее – по крайней мере ты умеришь свой пыл!.. Собирай вещи, Цюлин! – И она приказала служанкам: – Сейчас же позовите торговца и отдайте ему Цюлин! За какую угодно цену, а то она как бельмо на глазу!

Сюэ Пань виновато опустил голову. Цзиньгуй зарыдала.

– Вы только и знаете, что продавать служанок! – кричала она из своей комнаты. – Придираетесь к каждому слову! Думаете, я ревнива и завистлива, не могу ужиться со служанками? Для кого Цюлин бельмо на глазу?

Тетушка Сюэ задохнулась от гнева.

– Где это видано, чтобы невестка перечила свекрови, да еще через окно! – выкрикнула она. – Благодарите Небо, что ты дочь наших старых друзей, а то бы я тебе показала!..

– Хватит вам! – затопал ногами Сюэ Пань. – Люди услышат!

Но Цзиньгуй решила довести дело до конца и не унималась.

– Пусть слышат! – орала она. – Чего мне бояться, если твоя наложница не дает мне житья, только и думает, как бы меня извести? Зачем же ее продавать? Продай лучше меня! Все знают, что ваша семья притесняет людей! Нечего было сватать меня, раз нехороша! Или, может быть, ты был слеп?

Она принялась хлестать себя по щекам. Сюэ Пань совсем растерялся.

– Как я несчастлив! – без конца восклицал он.

Тут подросла Баочай и увела мать.

– В нашей семье только покупают служанок, – сказала она матери, – но никто не слышал, чтобы их продавали! Неужели у вас от гнева помутился рассудок? Услышат люди, на смех поднимут! Отдайте лучше Цюлин мне, если мой брат и его жена ее ненавидят!

– Из-за нее все время будут неприятности, – возразила тетушка Сюэ, – уж лучше ее продать!

– Я заберу ее к себе и не позволю больше приходить сюда, – настаивала Баочай. – Ведь это все равно как если бы вы ее продали!

Цюлин бросилась на колени перед тетушкой Сюэ и со слезами умоляла отдать ее в услужение Баочай. Тетушка Сюэ наконец согласилась.

С этих пор Цюлин перестала бывать в доме Сюэ Паня. Однако на душе было грустно: она прожила с Сюэ Панем несколько лет, но не имела детей и очень горевала. Обиды и издевательства не прошли даром. Цюлин заболела, у нее развилось малокровие, с каждым днем она слабела и чахла. Спасти ее было невозможно.

Цзиньгуй без конца скандалила. Бывало, основательно выпив, Сюэ Пань хватался за палку. Тогда Цзиньгуй подымала крик, подставляла спину и требовала, чтобы Сюэ Пань ее бил. Когда Сюэ Пань хватался за нож, она подставляла шею. Но Сюэ Пань не решался тронуть ее, только шумел и бесился. Постепенно скандалы вошли в обычай. Цзиньгуй все больше нагнала и наконец решила приняться за Баочань.

Но Баочань не Цюлин. По каждому пустяку она вспыхивала как хворост и совершенно не считалась с Цзиньгуй, надеясь на Сюэ Паня. Дело началось с перепалок, иногда Цзиньгуй пускала в ход руки. Баочань, конечно, не осмеливалась дать сдачи, но в свою очередь устраивала скандалы, грозила покончить с собой, хваталась то за нож, то за веревку.

Сюэ Пань метался меж двух огней и в самый разгар скандала незаметно исчезал.

Цзиньгуй, когда бывала в хорошем настроении, звала служанок,

играла с ними в разные игры. Кроме того, она любила грызть кости, а потому требовала, чтобы ежедневно резали уток и кур, мясом угощала служанок, а сама обгладывала поджаренные в масле кости и запивала вином. Наевшись и захмелев, она начинала шуметь:

– Если всяким бесстыжим девкам можно веселиться, почему мне нельзя?!

Тетушка Сюэ и Баочай старались не обращать на нее внимания. Сюэ Пань был бессилен что-либо сделать, только раскаивался, что взял в жены «ведьму, которая будоражит весь дом». Обитатели обоих дворцов были наслышаны о выходках Цзиньгуй, и им ничего не оставалось, как вздыхать.

Минуло сто дней, и лечение Баоюя подошло к концу. Он постепенно поправлялся и стал выходить за ворота. Как-то он пошел повидать Цзиньгуй и очень огорчился, что у свежей, как цветок, нежной, как ива, женщины такой несносный характер.

У госпожи Ван он застал кормилицу Инчунь, приехавшую справиться от имени своей госпожи о здоровье родных. Старуха рассказала, что Сунь Шаоцзу ведет себя недостойно.

– Барышня моя украдкой льет слезы и просит взять ее денька на два домой.

– Я и сама об этом думала, но из-за всяких неприятностей в доме забыла, – призналась госпожа Ван. – Баоюй мне недавно напомнил. Завтра как раз счастливый день, пусть приезжает.

Тем временем служанки матушки Цзя сказали Баоюю, чтобы на следующий день собирался в храм Тяньци^[253].

Баоюй давно нигде не был и так обрадовался предстоящей поездке, что от волнения всю ночь не сомкнул глаз. Едва наступило утро, он быстро оделся, привел себя в порядок, сел в коляску и в сопровождении трех старых мамок отправился в храм Тяньци воскурить благовония и возблагодарить духа за ниспосланное исцеление.

В храме еще накануне приготовили все необходимое. Баоюй не отличался смелостью, поэтому не посмел приблизиться к статуям богов, свирепых на вид. Он сжег бумажных лошадок и жертвенные бумажные деньги, поднес жертвенные кушанья и отправился в монастырь отдохнуть.

Там он подкрепился и в сопровождении слуги Бэймина отправился гулять по окрестностям. Вскоре он устал и вернулся в монастырь еще немного отдохнуть. Мамки, боясь, как бы он не уснул, попросили даоса Вана развлечь юношу беседой.

Этот старый даос был когда-то бродячим торговцем лекарствами, но со временем прославился как искусный врачеватель, разбогател и открыл

рядом с монастырем лекарственную лавку. Ему не раз доводилось быть во дворцах Нинго и Жунго, его там хорошо знали и дали прозвище Ван Ите – Один раз приклей. И действительно. Стоило всего раз наклеить пластырь на больное место, как человек выздоравливал.

Баоюй полулежал на кане, когда пришел Ван Ите, и очень ему обрадовался.

– Вот хорошо, что вы пришли, – сказал он с улыбкой даосу. – Говорят, вы мастер рассказывать всякие забавные истории. Расскажите, а мы послушаем!

– Пожалуй! – засмеялся даос – Но только не спи, а то лапша, которую ты только что съел, начнет вытворять у тебя в животе разные чудеса.

Все так и покатались со смеху. Баоюй улыбнулся, встал, оправил на себе одежду. Ван Ите приказал послушникам заварить для юноши самого лучшего чая.

– Наш господин не станет пить ваш чай, – заявил Бэймин. – Ему здесь сидеть и то неважно! Все пропахло лекарствами!

– Не болтай ерунды! – наставительно заметил даос – В этом помещении никогда не держали лекарств. К тому же я был предупрежден о приезде твоего господина и уже несколько дней окурываю комнату благовониями.

– Кстати, – оживился Баоюй, – я много слышал о ваших чудодейственных пластырях. Какие болезни вы ими лечите?

– Долго рассказывать, – заметил Ван Ите. – Я могу приготовить сто двадцать разновидностей пластырей, они лечат любые болезни, повышают жизненные силы, улучшают здоровье, аппетит, успокаивают нервы, способствуют понижению или, наоборот, повышению температуры тела, перевариванию пищи и отделению слизи; приводят в согласие пульс и кровообращение, укрепляют и обновляют организм, снимают боль и помогают при заражениях ядами. Мои пластыри настоящее чудо, попробуй, и сам убедишься!

– Трудно поверить, что пластыри помогают от всех болезней! – проговорил Баоюй. – Я знаю болезнь, которую никто не может вылечить!

– Мои пластыри излечивают от ста болезней и тысячи недугов! – воскликнул Ван Ите. – Если я лгу, можешь выдрать мне бороду, отхлестать по щекам, даже разрушить наш монастырь! Согласен? Только сначала скажи, что за болезнь ты имеешь в виду?

– А вы угадайте! – сказал Баоюй. – Тогда я поверю, что можете ее излечить.

– Догадаться, конечно, трудно, но мне кажется, пластыри тут не

помогут, – произнес после некоторого раздумья старик.

Баоюй пригласил Ван Ите сесть рядом. Тот был польщен и прошептал Баоюю на ухо:

– Я догадался! Тебе нужно возбуждающее средство!

– Ах, чтоб тебя! – вскричал Бэймин, услышав слова даоса. – Сейчас я тебе надаю по губам.

Баоюй не понял, что сказал даос, и переспросил.

– Не слушайте его! – проговорил Бэймин.

Опасаясь, как бы дело не приняло дурной оборот, Ван Ите сказал Баоюю:

– Говори прямо, что нужно!

– Средство от ревности! – выпалил Баоюй.

– Вон оно что! – всплеснул руками даос. – Такого у меня нет. Да и есть ли оно вообще?

– В таком случае ваши пластыри никуда не годятся, – заявил Баоюй.

– Я не то хотел сказать, – спохватился даос, стараясь выпутаться из затруднительного положения. – Пластырей от ревности я не встречал, но слышал, что есть отвар, который иногда помогает, хотя действует очень медленно. Об этом я должен предупредить.

– Что же это за отвар? – поинтересовался Баоюй.

– Он так и называется – отвар от ревности, – ответил Ван Ите. – Для его приготовления нужна одна груша, два цянтя сахара, один цянь сухих апельсиновых корок и три чашки воды. Все это нужно варить до тех пор, пока груша не станет мягкой, и каждое утро такую грушу съедать. Ревность как рукой снимет, увидишь!

– Приготовить такое лекарство не трудно. Но будет ли от него толк? – с сомнением произнес Баоюй.

– Когда-нибудь будет, – ответил даос. – Не с первого раза, так с десятого. Не сегодня, так завтра; не в этом году, так в будущем. Вреда никакого – наоборот, отвар очищает внутренности и повышает аппетит. Он сладкий, приятный на вкус и к тому же помогает от кашля. Его можно пить хоть сто лет. До самой смерти. А какая может быть ревность у мертвого?! Вот тебе и результат.

– Ну и болтун! – расхохотались Баоюй и Бэймин.

– А что я плохого сказал? – спросил Ван. – Шуткой разогнал сон. Ведь меня за этим позвали! А теперь открою вам правду: все эти пластыри ни на что не годны. А было бы у меня волшебное средство, я давно стал бы бессмертным!

Пока они разговаривали, наступил счастливый час. Баоюй совершил

возлияние вина, сжег бумажные деньги и раздал жертвенное мясо.

Итак, обряд был совершен, и Баоюй отправился в обратный путь.

Дома Баоюй узнал, что приехала Инчунь. Служанок из семьи Сунь, сопровождавших ее, накормили и отправили обратно. Инчунь сидела у госпожи Ван и плакала:

– Сунь Шаоцзу только и знает, что пить вино, играть в азартные игры и заводить шашни, – жаловалась она. – И служанки у него в доме распутные. Я и уговаривала его, и стыдила – не помогло. Обругал меня, заявил, что я родилась от ревнивой бабы. Уверяет, что мой отец когда-то взял у него пять тысяч лянов серебра и до сих пор не отдал. «Какая ты мне жена! – кричит, тыча мне в лицо пальцем. – Вместо долга твой отец мне подсунул тебя! Выгоню – будешь спать в прихожей вместе со служанками! Когда-то твой дед добивался дружбы с нами, потому что мы были богаты. А чем я хуже твоего отца? Это вы считаете меня ниже. Напрасно я с ним породнился!»

Инчунь то и дело прерывала свой рассказ слезами, чем расстроила госпожу Ван и сестер. Госпоже Ван ничего не оставалось, как утешать ее:

– Что же делать, если тебе достался такой непутевый муж? Твой дядя, Цзя Чжэн, уговаривал твоего отца не выдавать тебя замуж за этого человека, но, к несчастью, отец слышать ничего не хотел. Такая, видно, у тебя судьба, дитя мое!

– Неужели это судьба?! – причитала Инчунь. – С самого детства у меня не было матери, но мне посчастливилось переехать к вам, госпожа, и несколько лет я жила счастливо и спокойно. За что же мне такое наказание?

Чтобы отвлечь Инчунь от грустных мыслей, госпожа Ван спросила, где бы она хотела ночевать.

– Я так соскучилась по сестрам, – отвечала Инчунь. – И по своей комнате. Так что, если разрешите, на эти несколько дней я поселюсь в саду. Это будет для меня счастьем. Вряд ли мне еще когда-нибудь удастся побывать дома!

– Не говори глупостей! – поспешила утешить ее госпожа Ван. – Зачем думать о плохом? Молодые всегда ссорятся!

Она приказала служанкам прибрать дом на острове Водяных каштанов и велела сестрам составить Инчунь компанию, чтобы немного развлечь ее.

– Смотри ничего не рассказывай бабушке! – предупредила госпожа Ван Баоюя. – Если она что-нибудь узнает, я сразу пойму, что это от тебя.

Баоюй обещал молчать.

Инчунь ночевала в том павильоне, где жила до замужества. Сестры заботились о ней и всячески старались порадовать.

Через три дня Инчунь попрощалась с матушкой Цзя, госпожой Ван и

сестрами и отправилась к госпоже Син. Все были опечалены разлукой.

Госпожа Ван и тетушка Сюэ долго утешали Инчунь. Еще два дня она побыла у госпожи Син, после чего за ней приехали и увезли.

Инчунь очень не хотелось возвращаться, но выхода не было.

Что же до госпожи Син, то она даже не поинтересовалась, как живет Инчунь у мужа.

Если хотите узнать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

Иллюстрации

Ван Сифэн (Фэнцзе)

Лю Сянлянь

Сюэ Баочай

Цзя Жун

Цзя Цян

Цзя Юнь

Ю Саньцзе

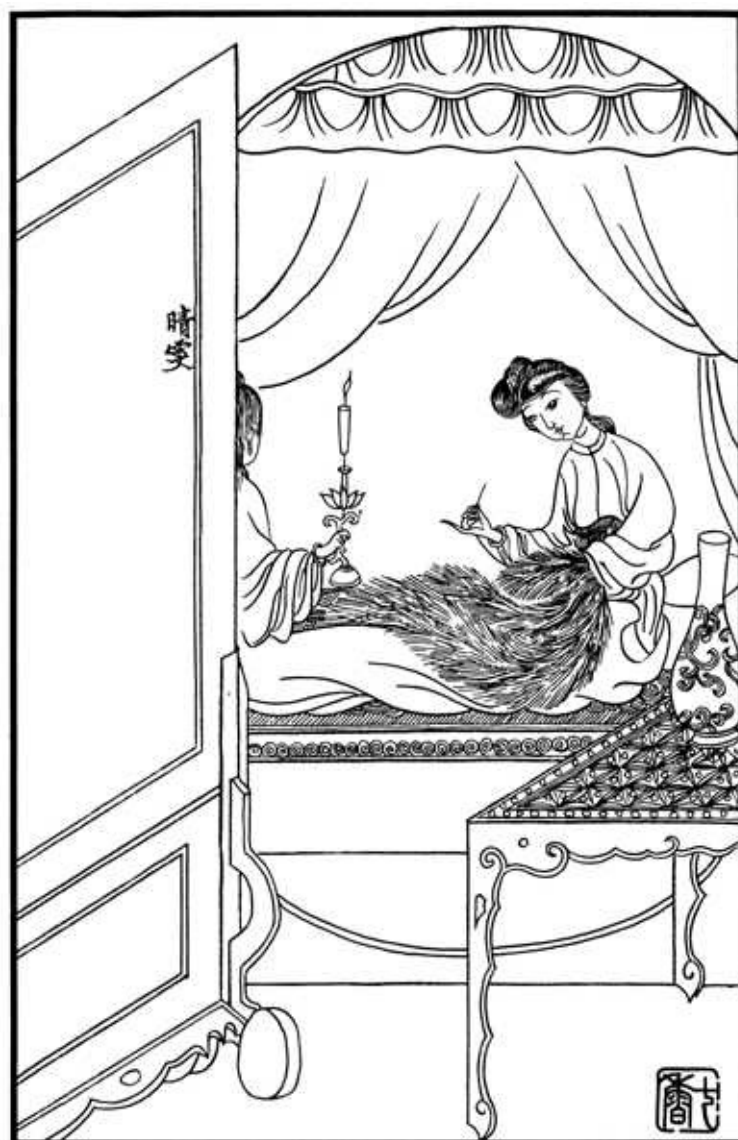
Бэйцзинский ван

Сон Чжэнь Баюя

Цинвэнь

Пэйфэн

notes

Примечания

...при звуках священной музыки. – По преданию, во времена императора Шуня жил знаменитый музыкант; когда он играл, даже звери пускались в пляс; его музыку называли священной.

...чашечка из фарфора Чэнхуа – то есть чашечка, сделанная в период минского императора Сян-цзуна (1465 – 1488), который правил под девизом Чэнхуа («Завершение преобразований»). Такие чашечки при следующей династии Цин считались редкостью и очень высоко ценились.

Люань – название уезда в провинции Аньхуэй.

Ван Кай – сын Ван Даньчжи (см. т. I, коммент. 34), знаменитый богач, живший при династии Цзинь (IV в.).

Юаньфэн – девиз правления сунского императора Шэнь-цзуна (1078-1085).

...написано стилем «чжуань». – «Чжуань» – название древнего стиля написания иероглифов.

«*Записки из яшмовой шкатулки*» – книга, содержащая собрание молитв и заклинаний против наваждений.

Седьмой день седьмого месяца – день встречи Ткачихи и Пастуха – возлюбленных небожителей из известной легенды.

Му – мера площади (6,14 а).

...допустила оплошность – то есть выдала свое знакомство с фривольными произведениями.

«Чуньцю». – Здесь имеется в виду «Люйши чуньцю» – «Летопись Люй Бувэя». Люй Бувэй (III в. до н.э.) был первым министром в княжестве Цинь. Как рассказывает древний историк Сыма Цянь (145—86 гг. до н.э.) в книге «Исторические записки», Люй Бувэй составил летопись, а затем приказал вывесить на городских воротах объявление, обещая награду тому, кто сможет внести в его труд какое-либо исправление или добавление. Но летопись была составлена настолько полно и точно, что ни исправлять ее, ни делать к ней добавления охотников не нашлось.

...откинула с зеркала покрывало. – Старинное поверье утверждало: если смотреться в зеркало, будут сниться дурные сны, поэтому зеркала обычно закрывали покрывалом.

Глициния-сян – душистая лиана, растущая на юге Китая. По верованиям буддистов, обладала ароматом, способным отгонять злых духов.

Цао Цзыцзянь (Цао Чжи, 193—232) – поэт, автор знаменитой оды «Фея реки Ло» (см. т. I, коммент. 8).

Янь-ван (Якша) – злой дух, оборотень.

Сюань-дэ – девиз правления минского императора Сюань-цзуна (1426—1435). Фарфоровые вазы, изготавливавшиеся в это время, высоко ценились в Китае.

Завела речь о «залежалом зерне и гнилом кунжуте». – То есть отвлеклась от основной темы разговора.

Сыма Ню – один из учеников Конфуция. По преданию, был единственным сыном в семье и постоянно вздыхал, горя о том, что у него нет братьев.

...мою оборвали блаженную зелень мечты у окна... – то есть мечту о буйной весенней и летней зелени, а в подтексте – о ранней юности и последующих годах молодости.

И вот зажигаю за ширмой осенней // Свечу, чтобы слезы роняла она. –
В стихотворении танского поэта Ду Му «Осенние сумерки» есть фраза:

Серебряные свечи, осенний полусвет*,
Всю ширму расписную сковал как будто холод.

В другом стихотворении этого же поэта – «Дарю на прощание» –
«слезам» свечи посвящены следующие строки:

Как видно, сердце есть и у свечи,
Что разделяет с нами боль разлуки,

Она по-человечьи слезы льет
Всю ночь, пока не посветлеет небо...

По мнению китайского комментатора, автор романа в данном случае
подражает именно этим строкам Ду Му.

(* Здесь и далее в комментариях стихи в переводе И. Голубева.)

Баоцзиня, Баоиня. – Игра слов: Баоцзинь – драгоценное золото, Баоинь – драгоценное серебро.

...пока вы не уйдете на запад. – То есть покуда не умрете.

«Трижды послушная и четырежды добродетельная». – Имеется в виду один из принципов конфуцианской морали, требовавший, чтобы женщина повиновалась: в детстве – отцу, по выходе замуж – мужу, в случае смерти мужа – сыну; была добродетельной, умела поддерживать разговор, следила за своей внешностью и была искусна во всяческом рукоделии.

...носящих на руках. – Игра слов, основанная на том, что фамилия Бао звучит так же, как слово «бао» – носить на руках.

Лун-ван – Царь драконов (см. т. I, коммент. 47).

Лу Фанвэн (Лу Ю, 1125—1210) – китайский поэт Сунской эпохи.

Ван Моцзе (Ван Вэй, 699—759) – поэт, художник и каллиграф, живший в эпоху Тан.

Ду Фу (712—770) – великий поэт эпохи Тан. *Ли Цинлянь* – одно из имен великого поэта Ли Бо (701 – 762). *Ин Янь* – поэт и государственный деятель царства Вэй (220– 264, эпоха Троецарствия). *Лю Чжэн* (III в.) – поэт и государственный деятель династии Хань и начала периода Троецарствия. *Се Линъюнь* – поэт эпохи Цзинь (III – IV вв.). *Юй Синь* (513—581) – поэт и государственный деятель эпохи Шести династий. *Бао Чжао* – писатель и поэт III – IV вв.

«Три неясности». – У буддистов – «самадхи», явления, составляющие основную сущность бытия. Постигать «три неясности» – познавать сущность, основы какого-либо явления.

Академия Ханълинъ («Лес кистей») – В ее обязанности входило, в частности, комментирование китайских классиков, исследования по истории. Существовала до 1911 г.

«Лягушка на дне колодца, откуда виден лишь клочок неба». – Выражение возникло в связи с порядком работы для чиновников, служащих при императорском дворце. Указы и постановления они формулировали или исправляли, будучи изолированными от внешнего мира, в подземелье. Сунский поэт Су Ши в стихотворении «На рассвете прибыл к устью реки Байхэ, где встретил брата Цзыю» пишет по этому поводу.

В Палате истории в прошлом году
Служебные дни я влачил.

Все радости жизни и свет бытия
Четыре стены отделяли.

Глубок был колодец – его глубина
Не меньше, а больше ста чи.

Был крошечный неба кусок надо мной, —
Я в нем уместился б едва ли.

Вэй Инъу (735—830) – поэт эпохи Тан. *Вэнь Бача* (Вэнь Тинъюнь, 818—872) – поэт эпохи Тан.

Когда решилась Мэн Гуан // Принять сосуд из рук Лян Хуна? – фраза из пьесы «Западный флигель». Эти слова принадлежат героине пьесы Хуннян, сравнивающей своего возлюбленного Чжан Шэна с сановником Лян Хуном, жившим в эпоху Хань. Мэн Гуан, жена Лян Хуна, во время пиров обращалась к Лян Хуну, соблюдая церемонии, – как к гостю (см. т. I, коммент. 90).

Чжаоцзюнь. – См. т. I, коммент. 55.

Сунь – Сунь Укун (Царь обезьян) – персонаж из романа У Чэньэня «Путешествие на Запад».

Гуаньинь – богиня милосердия (см. т. I, коммент. 284).

Сухая трава // Ожила, весну возродив... – При выпадении снега увлажненная трава дает новые ростки и вызывает воспоминания о весне.

Нежданно камыш // Белоснежен стал и красив. – Эта фраза написана в духе сунского поэта Су Ши, в одном из стихотворений которого есть фраза:

Цветы камыша у речных берегов
Стали словно плывущий снег.

Хотя дорожает // Вино к началу зимы... – Танский поэт Чжан Гу в стихотворении «Будучи при дворе, в стихах изливаю свое беспокойство» так описывает новогодние дни в столице Чанъани:

Навис дымок над городом запретным,
Цветов цветенья дни недалеки,

Снег завалил Чанъани переулки, —
Жаль, что на вина цены высоки!

Год благодатен! // Наполним амбары мы! – См. т.I, коммент. 48.

Пепла в трубках уже не видать... – То есть Новый год уже наступил. В начале каждого года двенадцать тростниковых трубок наполняли пеплом. С течением времени пепел рассеивался. Последней перед наступлением Нового года очищалась от пепла двенадцатая трубка.

Ян вместо Инь... – Приход весны считался возвращением в природу светлого начала Ян (Солнца), сменяющего господствовавшее до этого противоположное, темное начало Инь.

«*Ковша рукоять*» – то есть созвездие Большой Медведицы, в сторону которого, согласно древним поверьям, в весенние дни устремляется солнце.

Тлеет мускат... – Его жгли в курильницах для получения благовонного дыма.

В холод влажна // Благовонного перца стена. – Одна из стен ночных покоев императриц благоухала ароматным перцем, вклеенным в глину. В морозные ночи стена сохраняла тепло и перечный аромат.

О мэйхуа, // Где свирель запоем, загрустит? – Один из древних романсов, исполнявшихся в сопровождении свирели, назывался «Цветы мэйхуа опадают».

...свирели лазурный нефрит, – Имеется в виду один из видов древней свирели («биюйсяо»). Эта свирель изготавливалась из бирюзово-лазурного бамбука, чем и объясняется сравнение ее с «лазурным нефритом».

Грусть Черепахи: // В снегах утонула земля... – Здесь, как в предыдущих и последующих строках, иносказания призваны отразить картину обильного снегопада. Черепаха (Ao) – мифический образ. Согласно канону «Лецзы», она держит на своем панцире «земную ось», то есть, по древним поверьям, высокую гору Куньлунь.

В небе драконья // Взвихрена чешуя... – Здесь снегопад сравнивается с битвой драконов. В стихотворении сунского поэта Чжан Юаня «Воспеваю снег» есть строки:

Три миллиона яшмовых драконов
Сошлись в бою. Когда же бой затих,
Все небо чешуя заполонила
И разлетелись клочья рваных лат!

Плеть у Бацяо // И песня верхом на осле... – Бацяо – название моста к востоку от танской столицы Чанъани, около которого путники прощались с провожающими их друзьями и близкими. Эта фраза навеяна эпизодом из произведения южносунского литератора Ю Моу (XII в.) «Беседы о поэзии династии Тан»: первый министр двора танского императора Чжао-цзуна (889—907) Чжэн Цян был талантливым стихотворцем. Ему задали вопрос: «Как скоро первый министр создаст новое стихотворение?» Он ответил: «Только тогда, когда я верхом на осле в снег и ветер окажусь возле моста Бацяо, – мысли мои обратятся к поэзии! А иначе возможно ль этого достичь?» В XVII в. писателем Юй Хуаем было создано ставшее популярным сочинение «Записки у моста Бацяо», отличавшееся эротическими мотивами.

Ватную шубу, // Радея за воина, шьет... – Танский император Сюань-цзун (847—860) неоднократно выражал беспокойство о воинах, несших тяжелую службу в суровом, холодном приграничном крае; по его распоряжению придворные наложницы и служанки должны были шить для воинов теплые одежды. Один из воинов-пограничников обнаружил в кармане одежды, присланной ему, стихотворение:

Средь равнины песчаной
 Жизнь в походе тревоги полна,
 Терпит тяготы воин, —
 В морозную ночь не до сна.
 Я своими руками
 Скроила одежду на вате,
 Будет впору кому-то
 И согреет кого-то она.
 Мысль одна: чтобы тонкой
 И прочной была моя нить,
 Ваты больше в подкладку —
 Надо больше ее утеплить.
 Я скажу о себе:
 Радость жизни уже за спиною,
 Но осталась надежда,
 Что стану по-новому жить!

Воин передал стихотворение своему начальнику, а тот переслал самому государю Сюань-цзуну. После расследования обнаружилось, что стихотворение сочинила одна из дворцовых наложниц. Сюань-цзун приказал ей покинуть дворец и выйти замуж за воина, к которому случайно попало это стихотворение. (Эпизод описан в книге «Танская поэзия и отражение в ней действительных фактов» – «Танши цзиши».)

Ямы, холмы – // Осторожнее будь, человек! – Здесь – продолжение темы о сильном снегопаде и, в связи с этим, о бездорожье.

Зря о сосне // Как о друге зимы говорят. – Согласно некоторым китайским комментариям, прославление сосны как спутницы зимних холодов несет на себе налет даосской философии. По другой версии, строки обращены к поэту Тао Юаньмину, избравшему образ жизни отшельника и в зимние дни находившего покой под одинокой сосной.

Ладья. Рыбу удить пора... // В гуще лесной // Прекращается стук топора. – Строки о рыбаке и о лесорубе в некоторых изданиях романа (например, в издании Чэн И) включают иные образы («лебедь», «отпечатки лап»). По мнению литературоведа Цай Ицзяня, эти строки перекликаются со строками танского поэта Ли Шанъяня:

Одинокaя лодкa.
Старик в тростниковом плаще.

Он рыбачит.
Вода холодна в снегопад.

Пусть снегопад // Государя развеет печаль. – См. т. I, коммент. 48.

Окоченевшего // Разве у дома найдут? – Согласно сборнику притчей «Луи чжуань» – «Сказания о разном», однажды – это было при династии Хань – выпал снег. Его слой на земле превышал целый чжан (3,2 м). Людям было трудно выйти из домов. Юань Ань не мог добраться до дверей – все тропы засыпало снегом. Кто-то предположил: раз его нет – он, наверно, умер. Один человек, увидев Юань Аня лежащим на снегу, спросил: «Почему вы не входите в дом?» «Слишком много снега, – отвечал Юань Ань, – трудно рассчитывать на помощь людей...»

Путник в мороз // Рад, когда предлагают приют... – Ван Юаньбао, живший при Танской династии, во время сильных снегопадов приглашал путников, оказавшихся в бедственном положении, помочь ему расчистить снег возле дома и проложить тропу к дверям. Потом Ван Юаньбао угощал помощников в доме вкусной едой и вином. Его гостеприимство получило в народе известность как «встреча, согревающая в мороз».

В ткацком станке... – Имеется в виду ткацкий станок небесной Ткачихи (см. т. I, коммент. 293). Нить в станке представляется в виде падающего на землю снега.

Слезы-жемчужины // В море легко потерять... – См. коммент. 223.

И для вина // Нелегко разжигать огонек... – В зимние дни было принято пить подогретое вино.

И прослезился // При песне «О белых снегах». – Согласно легенде, горный монах Юн Мэньчжоу однажды с лютней-цином в руке отправился навестить знатного человека Мэн Чанцзюня. Мэн Чанцзюнь спросил: «А может ли господин своей игрой на цине вызвать в моей душе печаль?» – «Вы сейчас пребываете в довольстве, – ответил Юн Мэньчжоу, – и цину будет трудно растрогать вас. Однако я полагаю, что и вас кое-что может опечалить». И он привел множество примеров в подтверждение мысли о том, что «небесный путь не всегда сулит процветание». И добавил: «Пройдут тысячи осеней, десять тысяч лет, могилы зарастут колючим бурьяном, лисы и зайцы упрячутся в норы, – лишь сын дровосека, отрок-подпасок, будет блуждать по свету». И спросил с грустью: «Что думаете вы об этом, знатный и богатый господин Мэн Чанцзюнь?» Услышав вопрос, Мэн Чанцзюнь зарыдал. Юн Мэньчжоу снова заиграл на цине, а Мэн Чанцзюнь продолжал рыдать. (Притча из книги ханьского автора Хуань Тая «Новые беседы. О чудодейственном цине».)

Дымка лазури // Блеснула на красной стене... – Красная стена – название горы в провинции Чжэцзян (север уезда Тяньтай).

Снег с мэйхуа // Я глотаю... – Согласно преданию («История цветов», «Хуа ши»), в Сунскую эпоху был известен «даос с железными ступнями», который любил ходить босиком по снегу, набивая рот цветами мэйхуа пополам со снегом и глотая их.

Снег и бамбук, // Опьяненный, видеть я рад! – Фраза заимствована из произведения сунского писателя и поэта Ван Юйчэна «Записи в Бамбуковом тереме на Желтом холме». Смысл фразы: опьяневший как будто слышит, как падает снег на ветки бамбука.

Утку и селезня // Узы роднят... – См. т. I, коммент. 241.

Яо и Шуня // В стихах мы хотели воспеть! – См. т. I, коммент. 32.

Она ж, восточным ветрам улыбаясь... – Цветы мэйхуа распускаются первыми, поэтому считаются вестниками весны. Восточный ветер – дыхание весны, символ расцвета природы и человека.

Хотя душа зовет ее к Юйлину... – Юйлин – название гор, где, по преданию, мэйхуа цветет круглый год: то на южном склоне, то на северном.

...бледна, прозрачна, – // Украсила в Лофу Шисюна сны... – В книге «Хроника города Лунчэн» – «Лунчэнлу» – есть рассказ о том, как Чжао Шисюн, живший при династии Суй (589 – 619}, после прогулки в горах Лофу заснул и ему приснилась красавица в изящном одеянии бледно-розового цвета, вместе с которой он веселился, пел и танцевал. Речь здесь идет о ранних цветах мэйхуа, которые окрашиваются бледным румянцем. Поэт хочет утвердить мысль о том, что этим цветам не всегда присущ ярко-красный цвет.

Она – свеча. Богиня в алом платье... Святая в белом одеянье, // Что невзначай зарделась от вина... – Поэт говорит о мэйхуа в разные периоды ее цветения, сравнивая ее с феями-небожительницами (фея Э, Богиня в алом платье, Святая в белом платье). Но при полном расцвете она вспыхивает ярким пламенем, как свеча.

Таинственное зелье проглотив, // Свой облик изменила... – Цветы мэйхуа, согласно поверью, первоначально были белыми, но, проглотив случайно чудодейственный эликсир, покраснели.

...персиком лазурным ей не быть, // Как прежде, возле Яшмового пруда. – Согласно одной из легенд, мэйхуа когда-то росла в небесном саду персиков долголетия и имела облик лазурного персика; затем, похитив «красную пыль» из сада, изменила облик и стала красным цветком.

*Она – та темно-красная река, // Что в мир святой велела плыть
плоту...* – Смысл иносказания: аромат мэйхуа может так одурманить человека, что он представит себя в мире святых небожителей. Согласно легенде, один человек, погрузив на плот зерно и еду, доплыл по Млечному Пути до обители святых – Пастуха и Ткачихи.

Яотай – см. т. I, коммент. 177.

Пэнлай – см. т. I, коммент. 175.

Месяц ла – первый месяц года по лунному календарю.

Обитель Чан Э – то есть лунный дворец феи Чан Э – Гуаньхань.

Но коль дарят во храме святом мэйхуа... – Буддийский храм здесь трактуется как земное обиталище святых; если мэйхуа дарят в храме и кто-то разломил подаренную ветку – это означало, что он «вошел» в «грешный мир», в «мирскую суету», где царят зло и страдания.

Я ушел, но буддийской обители мох... – В этих и предыдущих строках Баюй говорит о своей решимости начать монашескую жизнь, ибо среди мирской суеты люди его не поняли. «Буддийской обители мох» – как бы постоянное напоминание об обязанности следовать заветам Будды.

Шань Тао – крупный государственный деятель III – IV вв.

Луэр – кличка стремительного жеребца государя династии Чжоу – Му-вана (X в. до н.э.).

Как Черепахам трех священных гор... – Согласно канону «Лецзы». к востоку от Бохайского моря есть три большие горы – Пэнлай, Фанчжан и Янчжоу; Небесный Император, опасаясь, что волны могут сдвинуть их на запал,, приказал пятнадцати гигантским морским черепахам удерживать их на своих панцирях. В древности в честь Черепах – хранителей гор – в пятнадцатую ночь первого месяца чжан в столице зажигали тысячи фонарей, воздвигали из огней пирамиду, символизировавшую черепах, несущих на панцирях священные горы.

Красные стены (Чиби) – Название гор на северо-востоке уезда Цзяюйсянь провинции Хубэй. Здесь в 208 г. на реке Янцзы полководец царства У – Чжоу Юй сжег флот Цао Цао, гегемона царства Вэй.

Сверкали зря на флагах имена... – На флагах боевых кораблей Цао Цао были начертаны фамильные знаки (иероглифы) отличившихся в боях и походах полководцев.

И ветер дул – безжалостный и злой... – Чтобы ветер не унес корабли в разные стороны, Цао Цао приказал связать их одним канатом. Чжоу Юй, воспользовавшись опрометчивостью противника, приказал поджечь один из кораблей. Связанные один с другим, корабли флота Цао Цао сгорели все до одного.

Бессчетное число отважных душ // Скитается уныло под водой. –
Согласно древним поверьям, души утопленников обречены на вечные скитания.

Цзяочжи – местность на севере нынешнего Вьетнама.

Встряхнувший мир в глухие времена... – Эти хвалебные слова адресованы полководцу Ма Юаню, который в сорок три года покорил Цзяочжи и в честь своей победы, подражая императору Цинь Шихуану, велел отлить большие медные колокола. Цинь Шихуан повелел отлить колокола и изваяния человеческих фигур после победы над соперничавшими шестью царствами и провозглашения первой империи Цинь (246—207 гг. до н.э.).

...И жун, и цян... – В 48 г. Ма Юань возглавил поход за западные границы и покорил обитавшие там племена жун и цян.

Пусть Песнь железной флейты скажет вам // О том, что он второй герой Чжан Лян. — С именем полководца Чжан Ляна, прославившего себя при основателе Ханьской династии, императоре Гао-цзу (206—194 гг. до н.э.), связаны отмеченные историей подвиги. В словах же о Ма Юане как бы оспаривается это утверждение доводом, что последний имел не меньше боевых подвигов и заслуг.

Чжуншань (Чжунфу, Цзыцзиньшань) – горы к северо-востоку от города Нанкина.

...а ведь ты лицедей! – Речь идет о Чжоу Юне, родом из Ци, поселившемся на западном склоне горы Чжуншань и выдававшем себя за убежденного отшельника. Однако эта «убежденность» оказалась недолгой, и он ушел в Нанкин, прельстившись возможностью занять высокий чиновничий пост.

Хуайинь – название уездного города Циньской империи; ныне его местоположением считается юго-восточная окраина города Цинцзян в провинции Цзянсу.

...Славный Муж да от злых собак // Не потерпит грубых обид. – В молодости Хань Син, известный полководец в армии первого ханьского императора Гао-цзу, был беден и подвергался унижениям и оскорблениям со стороны злых людей.

Он в Трех Ци себя утвердил... – После падения династии Цинь сановник Сян Юй разделил район Ци на три части – Цзяодун, Ци и Цзибэй. Через некоторое время Хань Сину был пожалован титул князя (вана) земли Ци.

Он убогой прачки еду // Не забыл до последнего дня. – В молодые годы, когда Хань Син бедствовал, его, голодного, однажды накормила крестьянка-прачка. Впоследствии, будучи уже знаменитым военачальником, он разыскал эту добрую женщину и щедро ее наградил. Этот поступок остался в памяти людей как благородное деяние.

Гуанлин – название древнего уезда, в районе нынешнего города Янчжоу провинции Цзянсу. Здесь сунский император Ян-ди (605 – 611) в первом году своего правления соорудил канал и величественную дамбу, окруженную садами, павильонами, дворцами. На это строительство были мобилизованы многие тысячи крестьян, что вызвало ропот в народе. Оценка деяний Ян-ди разными комментаторами была неоднозначной: отрицательное отношение к праздной жизни императора не исключало признания его заслуг в сооружении канала.

Таоеду – название места слияния рек Циньхуайхэ и Циней (город Нанкин). Тао Е – имя наложницы сановника Ван Сяньчжи (династия Цзинь). Она ушла от него, перебравшись на противоположный берег реки. После этого Ван Сяньчжи написал «Песнь о Тао Е». В ответ она написала «Песнь о круглом веере». Место переправы Тао Е через реку потомки, помня эту печальную историю, называли Таоеду, то есть «Переправа Тао Е».

Грустна судьба лючаоских господ... – Лючао – «Шесть династий» – название исторического периода (229—589). В летописях этого времени имеется немало историй о неудачной любви аристократов.

Ведь толку нет от лика на стене... – В летописи «Цзиньшу» (раздел «Ван Сяньчжи чжуань») упоминается, что Ван Сяньчжи начертал на стене своего дома имя Тао Е и ее портрет.

Темная обитель («Цинцзя») – название места захоронения Ван Чжаоцзюнь (Ван Цян) (см. т. I, коммент. 55). Захоронение находилось в районе нынешней окраины Хух-Хото – главного города Внутренней Монголии. Сун Лао, писатель Цинской династии (1644—1911), так описывает ее: «Возле могилы ни травы, ни деревьев; с далекого расстояния можно видеть ее; мрак и туман, все кажется черным, поэтому и название дали могиле „Темная обитель“.

Черная река (Хэйхэ) – протекает к югу от Хух-Хото. Согласно летописи «Циньи тунчжи», «когда Чжаоцзюнь умерла, берег реки почернел, над могилой нависли черные тучи, поплыли печальные туманы... Река, застонав и задохнувшись, прекратила течение».

Струны превратились в лед... – На родине лютня Чжаоцзюнь звучала нежно и радостно; на чужбине струны ее словно оледенели.

Десять тысяч лет не смыть подлости позор. – См. т. I, коммент. 55.

Гора Мавэй (Мавэйцзе, Мавэйпо) – горная местность в ста ли западнее танской столицы Чанъань на территории нынешнего уезда Сыпинсянь провинции Шэньси.

Безжизненно лицо. На нем лишь пудры след... – Здесь и далее речь идет о Ян-гуйфэй – наложнице танского императора Сюаньцзуна (см. т. I, коммент. 52). Душа Ян-гуйфэй вознеслась в небеса, обретя облик небесной феи Тайчжэнь.

Храм Пудунсы – место, где, согласно пьесе «Западный флигель», девушка Инъин, благодаря помощи служанки Хуннян, встречалась с возлюбленным Чжан Гуаном.

...И правил в ней порок один... – Автор говорит о «пороке» с иронией, следующей фразой подтверждая ханжество феодальной морали.

Обитель цветов мэйхуа («Мэйхуа гуань») описана в пьесе Тан Сяньчжу (1550—1617) «Пионовая беседка». Именно около этой обители (храма) Лю Мэнмэй встретился с душою Ду Линян.

...Той девушки – воистину красивой... – Ду Линян перед смертью нарисовала свой портрет и сделала рядом стихотворную надпись:

Пройдут года. Придет сюда
Скиталец Лунного дворца.
И то, что ищет, он найдет
Под ивой, возле мэйхуа.

В последней строке два иероглифа – «лю» (ива) и «мэй» (цветок мэйхуа) совпадают с двумя иероглифами имени героя пьесы – Лю Мэнмэй.

Чуньсян – имя служанки, которая помогла Лю Мэнмэю найти могилу Ду Линяня.

Западных ветров... о разлуке стон... – Лю Мэнмэй горевал при мысли о смерти Ду Линянь. Западные ветры символизируют уход из жизни. Но сила любви победила смерть, и Ду Линянь возвратилась к жизни.

Хуаньхай – мифический остров в открытом море.

Ивы ствол и весну в Ханьнани. – Ханьнань – местность к югу от реки Ханьшуй. «Ивы ствол и весна...» – в подтексте скоротечность цветенья ивы весной. Общий смысл фразы: все в жизни быстротечно.

Хуа... Цао. – Хуа по-китайски цвeтoк, цаo – тpaвa.

Застольный приказ – ведал устройством пиров и угощений при дворе.

Дань – мера веса, равная 59,6 кг.

X_y – мера объема, равная 51,7 л.

Духи – хранители ворот – так называли полководцев Танской эпохи Цинь Шубао и Ху Цзиндэ, изображения которых вывешивались на воротах, чтобы отогнать нечистую силу.

...заклинательные доски из персикового дерева – две доски с именами Шэнь Ту и Юй Лэя, считавшимися повелителями демонов. Такие доски на Новый год вывешивались по обе стороны от ворот дома, чтобы отгонять нечистую силу.

Бог домашнего очага, по старым китайским поверьям, перед Новым годом отправлялся на небо докладывать Яшмовому владыке о добрых и злых делах каждой семьи. Накануне Нового года устраивались встречи и проводы бога очага, которого люди хотели задобрить угощениями, чтобы он не рассказывал владыке о дурных делах и поступках.

Кулачок красавицы – приспособление в виде полусогнутой человеческой ладони на длинной ручке, служившее для чесания пяток и спины.

Цзиньхуа – богиня, помогающая женщинам при родах.

«Феникс стремится к луаню» – игра слов. Слог «фэн» из имени Ван Сифэн означает феникса, а слог «луань» из имени Чулуань означает сказочную птицу луань.

...угодила бы носом в золу – образное выражение со значением оконфузиться, опростоволоситься.

Линь Сянжу – сановник правителя княжества Чжао – Хуэй-вана. Однажды Хуэй-ван приобрел драгоценную яшму, и правитель княжества Цинь предложил ему в обмен на нее пятнадцать городов. Линь Сянжу вызвался отвезти яшму циньскому правителю. Но, получив яшму, циньский правитель отказался выполнить свое обещание. Тогда Линь Сянжу выманил у него яшму и в целости возвратил своему правителю.

Сыма Сянжу (179—118 гг. до н.э.) – поэт эпохи Хань. Как свидетельствует историк Сыма Цянь, Сыма Сянжу преклонялся перед смелостью Линь Сянжу и переименовал свое имя с Цюаньцзы на Сянжу.

Ян Хо – ученик Конфуция, который внешне был настолько похож на своего учителя, что их часто путали.

Лунный старец – божество, соединяющее людей брачными узами.

Цзин Кэ – преданный сановник наследника яньского престола Даня. Был послан Данем в княжество Цинь, чтобы убить циньского правителя. Покушение было неудачным, и Цзин Кэ погиб (227 г. до н.э.).

Не Чжэн – имя храбреца, жившего в эпоху Воюющих Царств (907—959). Пробравшись в княжество Хань, убил ханьского министра Ся Лэя, чтобы отомстить за обиду, нанесенную его другу Чжунцзы. Опасаясь, что его опознают и будут мстить Чжун-цзы, Не Чжэн сначала изуродовал себя, чтобы его невозможно было опознать, а затем покончил с собой.

Гун Ечан – один из учеников Конфуция. По преданию, обладал даром понимать язык птиц.

Инъин, Хуннян – персонажи новеллы Юань Чжэня (779—831)
«Повесть об Инъин».

Фангуань или *Юаньгуань* – игра слов. Слог «фан» из имени *Фангуань* значит квадратный, слог «юань» из имени *Юаньгуань* – круглый. Женщина иронизирует, говоря, что ей все равно, какая *Гуань* – квадратная или круглая.

Есть среди фишек «Согнутая лапа». – «Согнутая лапа» – название игральной кости с показаниями из шести и трех точек: шесть точек символизировали туловище летящего гуся, три точки – одну его согнутую при полете лапу.

«*Элегия о девяти печалях*» – название мелодии древней песни.

«Ореха плод» и вдруг – «валек из камня». – Слова «орех» и «валек» произносятся одинаково – «чжэнь». Смысл речения заключен в том, что при застольях, за вином, гости в разговоре обращались к историческим темам, но говорили иносказательно: события и лица скрывались за названиями фруктов и овощей. Считалось, что стремление к душевному покою, как у одинокого гуся в полете, хотя и присуще человеку, – он, человек, даже в разговорах за вином должен уметь воскрешать великие дела прошлого: пусть «стук валька» (то есть тяготы жизни, житейские заботы) не заглушает размышления на высокие темы.

Но почему в дворах и переулках // Упрямый раздаётся стук валька? –
То есть почему в мире так много говорят о суетных делах?

«Прошу вас влезть в котел». – При танской императрице У-хоу сановники Чжоу Син и Шэнь-цзи составили против нее заговор. Императрица приказала своему сановнику Лай Цзюньчэню произвести расследование. Лай Цзюньчэнь пригласил Чжоу Сина на обед и спросил его: «Что делать с преступником, который не желает сознаться в своей вине?» – «Обложите большой котел раскаленными углями, посадите в него преступника, и он сознается во всем», – ответил Чжоу Син. Лай Цзюньчэнь так и сделал и сказал Чжоу Сину: «Вас обвиняют в тяжелом преступлении, прошу вас влезть в этот котел». Тогда Чжоу Син испугался и признался, что замышлял заговор.

Вскипают волны и бурлят, // Беснуется стихия вод... – строка из поэтического повествования (фу) сунского поэта Оуян Сю «Звуки осени».

Вздымаясь посреди реки, // Хотят обрызгать небосвод – строка из стихотворения танского поэта Ду Фу «Осенняя бодрость».

Канатом лодки обвязав, // Припомнишь Цао Цао флот... – См. т. I, коммент. 33.

Бальзам цветка корицы – название древней косметической мази для женского лица.

Чэнь Цань (715—770) – известный поэт Танской эпохи; занимал высокие государственные должности.

Вино прозрачно, если брали воду // Из самого душистого ручья. –
Фраза заимствована из поэтического повествования сунского поэта Оуян Сю «Сказание о Беседке Старца Хмельного». *Заметишь блеск янтарного луча. –* В стихотворении Ли Бо «Среди гостей» есть фраза:

Наполнена
Нефритовая чаша,
А в ней вино
Струит янтарный блеск.

...устремись к луне, поднявшись // К верхушке мэйхуа – на пятый счет. – Фишка с пятью точками называлась «луна с верхушки мэйхуа»: четыре точки внизу символизировали мэйхуа, одна вверху – луну.

И друг к тебе на помощь подойдет... – церемонная фраза из книги-канона «Ли шу».

Архат – здесь человек, достигший наивысшего уровня духовного развития, то есть нирваны.

Боюсь, что в саду бегонии // Заснули глубокой ночью... – фраза из стихотворения сунского поэта Су Ши «Бегонии».

И для бутонов чайных роз // Раскрыться наступает час – строка из стихотворения поэта Ван Ци «Весенним вечером гуляю в саду». Полный текст стихотворения:

Уже поблекла мэйхуа —
Ушла последняя краса!

Зато румяна и свежа
Бегония в цвету как раз!

Ползут колючие ростки
По мшистым стенам к небесам,

И для бутонов– чайных роз
Раскрыться наступает час!

Сплелись на деревьях ветки, – // Это – пора цветенья! – строка из стихотворения сунского поэта Чжу Шучжэня «Опадают цветы». Полный текст стихотворения:

Сплелись на деревьях ветки, —
Это пора цветенья!

Дождь накликают ветры,
Цветы сорвать торопясь.

Взываю к богу Востока: —
Продлите эти мгновенья:

Цветы на мох изумрудный
Успеют еще опасть...

Зачем же вздыхать напрасно? – строка из стихотворения сунского поэта Оуян Сю «Снова пою о красавице Мин-фэй»:

Печальная доля, печальная доля...
Была всех наложниц прекрасней!
Не ветер весенний виновен в разлуке.
Зачем же вздыхать напрасно?

...Вдруг персик покраснел, увидев, // Что будет целый год весна –
строка из стихотворения сунского поэта Се Фандэ.

«*Земляная пампушка*». – Имеется в виду небольшой могильный холм.

...обратившись *лицом к стене* – намек на индийского монаха Дамо (рубеж V—VI вв.), который поселился в кумирне на священной горе Суншань, где, предаваясь созерцанию, просидел десять лет, обратившись лицом к стене.

Cu Шу. – См. т. I, коммент. 42.

«Города сокрушая» – образное выражение, олицетворяющее могучую силу женской красоты («Циньго циньчэн» – «сокрушительница царств и городов»).

...И в деревне далекой Дун Ши // Хмурит бровь, потешая людей. – См. т. I, коммент. 255.

Юй Цзи – наложница полководца Сян Юя во время войны между царствами Чу и Хань (III – II вв. до н.э.). Потерпев поражение в сражении с армией Лю Бана – будущего императора новой династии Хань, Сян Юй в отчаянии написал стихи, обращенные к возлюбленной, в которых восклицал: «Юй Цзи! Что делать?..»

Не ветер взвыл, – заржал тревожно конь. – Любимого боевого коня Сян Юй называл «Чжуй» (Горлица); тревожное ржание этого коня среди ночи повергло Сян Юя и его воинов в унынье: оно предвещало поражение.

Ин и Пэн ... разрублены ударом палача... – Ин Бу и Пэн Юэ – полководцы армии Сян Юя, переметнувшиеся в лагерь врага и впоследствии, при династии Хань, казненные их новыми хозяевами по обвинению в заговоре.

Мин-фэй. – См. т. I, коммент. 55.

И ныне не исчез далеких дней порок... – намек на дурные нравы императорского двора, на жестокое обращение с наложницами и служанками, часто оказывающимися жертвами придворной знати.

...Ценить гаремных жен тому, кто кисть держал... – См. т. I, коммент. 55.

Люй Чжу. – В «Истории династии Цзинь» («Цзинь шу») о ней сказано: «У Чуна была гетера по имени Чжу; она была прекрасна и отменно играла на флейте. Однажды Сунь Сю предъявил Чуну требование отдать гетеру ему, но тот ответил: „Это невозможно. Я люблю ее“. Тогда разгневанный Сунь Сю сфабриковал донос, и по приказу императора Чун был объявлен преступником. В дом Чуна стражники явились в разгар пира. Чун сказал Люй Чжу: „Ради тебя я готов смириться даже с участью преступника!“ Люй Чжу ответила: „Но прежде я сама предаю себя смерти!“ И она покончила с собой, выбросившись с высокой башни». Ши Чун (в древнем тексте – Чун) был ниже рангом Сунь Сю, поэтому сопернику было легко погубить его.

Хун Фу – имя служанки в доме высокопоставленного чиновника Ян Су (конец династии Суй, 589—619). Ее подлинная фамилия – Чжан, Хун Фу («красная метелка») – прозвище, поскольку в ее обязанности входило с метелкой ходить по дому и сметать со стен и вещей пыль.

И красавица в нем распознала... – Речь идет о Ли Цзине, который однажды пришел в гости к Ян Су. Последний сначала держался высокомерно; Ли Цзин сложил руки, но не поклонился ему (то есть не до конца выполнил ритуал вежливости). А потом упрекнул Яна в том, что тот, как хозяин, невежливо встречает гостя. Ян извинился. Позже он с уважением относился к Ли Цзину, несмотря на то что служанка предпочла уйти из его дома к новому избраннику – Ли.

Ван Цзингун (Ван Аньши, 1021 – 1086) – государственный деятель, ученый и писатель династии Сун.

Ма Яньшоу – имя придворного художника, представившего императору портрет Ван Чжаоцзюнь (см. т. I, коммент. 55).

...и горю теперь не поможешь... – слова из стихотворения Оуян Сю «Снова ною о красавице Мин-фэй».

...барышня *Линь* повалится, а барышня *Сюэ* растает... – Игра слов – «линь» значит лес, «сюэ» – снег.

«Ю» – по-китайски замечательный, превосходный.

...сравниваешь меня с Хань Синем и Чжан Ляном. – Хань Синь (? – 196 гг. до н.э.) – знаменитый полководец начала династии Хань. Сначала предлагал свои услуги Сян Юю, но тот его отверг. Перешел на сторону Лю Вана и получил от него звание главного полководца; в 196 г. до н.э. казнен императрицей Люй Хоу по обвинению в заговоре. Чжан Лян (? – 189 гг. до н.э.) – сподвижник основателя ханьской династии Лю Вана (Гао-цзу).

На своей подушке из коралла... – Образ заимствован из стихов сунского поэта Чжан Сяня. Ему, в частности, принадлежит фраза: «Коралл-подушка греет человека, румянит щеки – словно во хмелю».

Чтобы лик мой был милей и краше... – По преданию, просвещенная супруга сановника Лу Шичэна (династия Северная Ци, 479– 501), умывая ребенка, изрекала: «В весенний день лепестки персиковых цветов пополам со снегом при омовении придают лицу красоту и свежесть».

Чжун Яо и *Ван Сичжи* – знаменитые ученые и каллиграфы времен династии Цзинь (III – IV вв.).

Пряжи шелковый пух... – Имеется в виду ивовый пух, а в подтексте – сомнение: «Неужели уже кончается весна?»

Туман ароматный – то есть летящий пух.

Только вызвать боюсь // у кукушки и ласточки жалость... – То есть, если даже «щепотку» пуха унести, весенние птицы проникнутся жалостью, ибо «пух» – это и есть весна.

Стихи в жанре цы – стихи на одну из многочисленных древних мелодий; получили распространение в эпоху Сун (X – XIII вв.).

«Правитель Нанькэ» – новелла танского писателя Ли Гунцзо, основанная на предании о том, как некий Фэнь Чуньюй увидел во сне, будто бы он попал в сказочное царство Хуайнаньго, женился на дочери царя и был назначен правителем области Нанькэ. Через некоторое время он потерпел поражение в войне с соседним государством и был изгнан царем. Тут он проснулся и увидел, что лежит под деревом хуай, с его южной стороны, возле муравейника. Впоследствии выражение «правитель Нанькэ» стало употребляться в смысле – фантастический сон.

Край Ста цветов (Байхуачжоу) – название местности в горах Гусушань, где родилась Линь Дайюй.

Башня Ласточки – образ из романса-цы сунского поэта Су Ши на мотив Юньюйюэ, начинающегося строками:

Как пусто в Башне Ласточки теперь!
Куда же все красавицы ушли?

В «Трех стихотворениях о Башне Ласточки» танского поэта Во Цзюни описывается тоска женщины при воспоминании об ушедшей любви.

Садам и рощам дома Хань // Потерян, словно звездам, счет, –
Согласно сохранившимся с тех пор (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) данным, при императорском дворце династии Хань было 36 садов, по берегам водоемов – множество ив и тополей.

«Трех весен» жизненный удел... – См. т. I, коммент. 66.

...сдал чистый лист. – То есть признался в своей неспособности написать сочинение (на экзаменах).

Гуаньмэй (казенная сваха) – официальная должность при государственных учреждениях в старом Китае.

Ши Чун (династия Цзинь) и *Дэн Тун* (династия Хань) – известные богачи.

Сунь Дашэн (Сунь Укун) – персонаж из фантастического романа У Чэньэня «Путешествие на Запад». На голове Сунь Укуна был металлический обруч; если Сунь Укун делал кому-нибудь зло, монах Сюань Цзан произносил заклинание, обруч сжимался, причиняя Сунь Укуну нестерпимую боль, тем заставлял его отказываться от своего намерения.

«*Великие оды*» и «*Малые оды*» – названия разделов «Книги песен» («Шицзин»).

«Мемуары Цзо Цюмина» («Цзо чжуань»), «Мемуары Гулян Чи» («Гулян чжуань»), «Мемуары Гунъян Гао» («Гунъян чжуань») – неоканонические конфуцианские книги, представляющие собой развернутое изложение летописи «Чуньцю», приписываемой Конфуцию.

«*Книга Борющихся царств*» – исторический труд, посвященный описанию периода Чжаньго (475 – 222 гг. до н.э.).

«Состязание в Линьтуне» – название драмы времен династии Юань. В ней рассказывается, как циньский князь Му-гун, стремившийся захватить семнадцать княжеств, созвал в Линьтуне правителей княжеств, намереваясь расправиться с ними. Чтобы не вызвать у князей подозрения относительно своих намерений, он объявил, будто собирается устроить выставку сокровищ, и велел каждому из князей привезти по две самых дорогих для них вещи. Правитель княжества Чу, тоже приехавший в Линьтун, вместо сокровищ привез с собой своего военачальника У Юаня. Когда дошла очередь до чуского князя показывать свои сокровища, он сказал, что его страна бедна и что его единственная достопримечательность – У Юань. Тогда Му-гун решил испытать У Юаня и приказал ему поднять треножник в тысячу цзиней весом, а затем сразиться с двумя его лучшими военачальниками. У Юань поднял треножник и победил военачальников, расстроив тем самым коварный замысел Му-гуна. В данном случае выражение означает хвастаться своими богатствами.

«... гоняли барана». – Игра в кости, заключающаяся в том, что бросали шесть костей, затем кости с одинаковым количеством очков убирали и подсчитывали очки на остальных костях. Выигрывал тот, у кого оказывалось большее количество очков.

Лунные лепешки – лепешки со сладкой начинкой, специально готовившиеся к празднику Середины осени.

Серебряная река – образное название Млечного Пути.

«...Трудно сказать, кто из двоих» – намек на рассказ о двух юношах – Чжанвэне и Сяосяне, которые однажды заспорили, чей отец добродетельнее. Когда они обратились к мудрецу Тайцю, чтобы тот разрешил их спор, мудрец заявил, что трудно судить, который из отцов добродетельнее.

Вэнь Фэйцин (818—872) – поэт эпохи Тан.

Сунский Тайцзу (960—975) – император династии Сун.

Цзян Янь – известный поэт V в.

Дунфан Шо (161—87 гг. до н.э.) – писатель и государственный деятель эпохи Хань.

Чжан Сэньяо – знаменитый художник V в.

...ту *рифму* возьмем. – У китайцев существуют специальные рифмические словари, где все рифмующиеся слова расположены группами, каждая из которых имеет определенный порядковый номер.

Пятнадцатый день – это осень в своей середине... – Праздник Середины осени приходится на 15-й день 8-го месяца.

...И мы перешли в новый год... – Новогодний праздник (Юаньсяо) приходится на пятнадцатый день первого месяца чжэн по лунному календарю.

Тебе не пристало Почтенного старца корить... – Если пожилой человек добивался успеха на столичных экзаменах, несмотря на преклонные годы, он был окружен почетом. *«Тянуться жадно за тою же лунной лепешкой»* – это речение имеет в виду естественное стремление людей занять в обществе достойное место. В определенном контексте оно могло выражать иронию, обращенную к карьеристам.

Тебе не пристало над юною девой трунить... – Согласно китайским комментариям, иероглиф «гуа» (арбуз, тыква) в качестве составляющих его элементов включает в себя два иероглифа «ба» (восьмерка); две восьмерки могут восприниматься как намек на молодой (шестнадцатилетний) возраст. Эту шутку Сяньюнь приводит в стихотворной строке умышленно – чтобы выразить осторожный упрек партнерше в игре за некоторое ее высокомерие.

Цветка кругового коварно порою движенье!.. – Тот, кому был задан вопрос, должен был дать на него ответ не позже, чем остановится пущенный по кругу так называемый «цветок круговой» и затихнет барабанный бой. Не сумевший вовремя и находчиво ответить на вопрос должен был выпить штрафной кубок вина.

*У Девы Прекрасной чисты, целомудренны чувства, // Но жаль –
одиноко приходится в небе мерцать... –* Имеется в виду одна из звезд
созвездия Уньюй (Прекрасная Дева).

Серебряная лягушка, Белый Заяц, фея Чан Э, Пастух и Ткачиха – мифические персонажи, живописующие образ луны. Тему луны дополняют образы лунного дворца Гуаньхань, Ковша, Млечной реки и плота.

На золотом треножнике сгорел // Повествований ароматных свод. –
Здесь выражается сожаление о том, что предания старины не дошли до наших дней. В старой китайской поэзии определение «ароматный» часто употреблялось в значении изящный, неувядающий.

Биси. – См. т. I, коммент. 234. Биси – мифическое животное, порожденное драконом; напоминает гигантскую черепаху. Изображение Биси зачастую служило постаментом.

Чжугэ Лян (181—234) – знаменитый полководец и крупный государственный деятель эпохи Троецарствия.

Юэ Фэй (1103—1142) – китайский национальный герой, полководец, боровшийся против иноземных захватчиков чжурчжэней.

Ши-лан – название придворной должности в старом Китае.

Желтые повязки – участники крестьянского восстания, направленного против династии Хань (184—204). *Краснобровые* – участники крестьянского восстания в начале первого века нашей эры.

Старший Юань (Юань Сянь) и младший Юань (Юань Цзи) – дядя и племянник, известные поэты, жившие при династии Цзинь (265-420).

Ли Чанцзи (Ли Хэ) – танский поэт, живший на рубеже VIII —IX вв.

Бо Цзюйи (772—846) – поэт эпохи Тан, автор многих лирических стихов, поэм «Лютня», «Песнь о бесконечной тоске».

Шла всю ночь боевая игра. – Речь идет о своеобразных турнирах, устраиваемых хэнваном в его женском ополчении. После ночных перепалок наложницы чувствовали себя крайне усталыми.

В год Покоя Великого... В день, когда безысходное горе вернулось в сознание людей... – Баоюй намекает на дату кончины Цинвэнь, вкладывая в слова «Покой Великий», «теплый месяц», «густой аромат» определенный иронический смысл, поскольку годы правления здравствующего императора вовсе не отличались покоем и благополучием.

Юй ничтожный... – В Китае с древних времен установилась традиция говорить о себе в уничижительном духе. Так поступает и Баоюй в день поминовения Цинвэнь. *Двор наслаждений* – название одного из павильонов сада Роскошных зрелищ.

Шелк принес под названьем «Акуля как лед чешуя». – Речь идет об акуле-русалке с Южного моря, слезы которой превращались в жемчужины и которая дала название шелку.

Деве, любящей лотосы... – то же, что Покровительница лотосов – загробное имя Цинвэнь. *Белый Владыка* (Бай-ди, Белый Император). – См. т. I, коммент. 264).

...участь их с участью сходна Цзя И... – Цзя И (II в. до н.э.) – сановник при дворе ханьского императора Вэнь-ди. Император не ценил его как мудрого советника в делах управления государством, зато принуждал по ночам рассказывать притчи о духах и демонах. Умер в опале в городе Чанша в возрасте тридцати трех лет.

...боль и досада почтенного Гуня... – Согласно древней легенде, отец совершенномудрого императора Юя по имени Гунь без разрешения Небесного Императора завладел священной землей, способной расширять свою площадь и, таким образом, преградить путь потоку. За это Небесный император приговорил его к смерти. Великий китайский поэт Цюй Юань в поэме «Скорбь изгнанника» («Лисао») назвал Гуня «прямым и непреклонным».

Остров нагромождений пещер (Цзюйкучжоу). – Согласно древнему преданию, в Западном море есть остров, где много пещер; на этом острове растет большое дерево, аромат листьев которого разносится на много сотен ли и на своем пути возвращает к жизни все, что умерло.

Шкатулка Шэюэ... потеряны зубья расчески Таньюнь... – В шкатулке хранились расчески, шпильки, заколки, украшения для волос. Шэюэ, Таньюнь – имена служанок, умевших искусно убирать и украшать волосы барышень.

«Жемчужный цветок», «изумрудные перья» – названия женских украшений.

Чжицяо – название воздвигнутого ханьским императором У-ди (140—86 гг. до н.э.) красивого дворца; здесь дворец упомянут как гипербола.

В ночь седьмую седьмой же луны... – См. коммент. 8.

Селезень с уткой расстались навек... – То есть возлюбленных постигла разлука.

Я, уподобясь Жунъаньскому князю, в жизни своей Бирюзовый нефрит потерял... – Жунъаньский князь (династия Сун – ранняя, 420—479) вынужден был расстаться с любимой наложницей Бией (Бирюзовый Нефрит). Их судьба напоминает судьбу Ши Чуна и Люй Чжу (см. ниже). Жунъань – название удельного княжества, находившегося на территории нынешней провинции Хэнань.

Лишь западный ветер может ими себя увлажнить... – То есть лишь смерть принесет утешение.

Ши Чун, Люй Чжу. – См. коммент. 165.

Е Фашань – даосский монах, живший при династии Тан. *Ли Юн* (Ли Чанцзи) – друг Е Фашаня, поэт.

Фэн Лун – святой дух, повелитель туч и грома.

...посуда и утварь... – Имеются в виду культовые предметы для жертвоприношений.

Лу Ао. – По преданию, некто Лу Ао повстречал святого Жо Ши и попросил взять его в ученики, но тот отказался, сказав, что он, святой, чужд мирских дел. Баоюй в шутку упрекает Покровительницу лотосов в том, что она, небесное создание, якобы Лу Ао, а не ему назначила свидание в небесах.

Фэн Лянь – святой дух, покровитель ветров.

Сунюй – святая небожительница, покровительница музыки. Небесный император счел ее игру на лютне – сэ слишком унылой и уменьшил на этом музыкальном инструменте число струн.

Фуфэй – дочь мифического императора Фуси. Покончила с собой, бросившись в реку Ло. После смерти стала духом реки Ло – Лошэнь. По преданию, не имела себе равных в искусстве игры на лютне – цин.

Лунъюй – по преданию, дочь правителя царства Цинь Му-гуна. Сяо Ши, ее муж, был искусным флейтистом и научил ее исполнять на флейте мелодию о птице фениксе. Феникс, услышав эту мелодию, прилетел и унес Лунъюй и Сяо Ши в небеса.

...Ударяла по звучному юю, что формой как тигр, Хань Хуан... – Хань Хуан – имя небожительницы; юй – древний ударный музыкальный инструмент, имевший форму затаившегося тигра.

Лин-фэй – святая небожительница, искусно владевшая игрой на шэне – свирели.

Лишань. – По преданию, жила в глубокой древности. Заслышав музыку в ее исполнении, люди танцевали и пели.

Сяньчи – название местности на крайнем западе, куда, согласно поверьям, уходит солнце на ночлег.

Чишуй – река в провинциях Сычуань и Гуйчжоу; по древним поверьям, обителище драконов.

Сячэн (Чичэн) – горы, где, по поверьям, обитали святые (ныне – провинция Чжэцзян).

Сюаньпу (Сяньпу) – вымышленное обиталище святых, якобы находившееся на вершине Куньлуня.

Дао Чжэ – знаменитый разбойник древности. По преданию, убивал людей и съедал печень убитых.

...сунский Тай-цзу с Южной Тан. – Как гласит предание, сунский император Тай-цзу (960—976), собираясь в поход против Ли Юя, правителя владения Южная Тан, воскликнул: «В чем провинилась передо мной Цзяннань? Ни в чем! Но Поднебесная должна быть единой, и нельзя позволять кому-то спать у изголовья твоей постели!» В данном случае намек: Цзиньгуй ревновала Сюэ Паня к Сянлин.

Тяньци – дух священной горы Тайшань, находящейся в провинции Шаньдун.

*

Лай Ван – полное имя Ванъэра.